

Неизвестный
НИЛУС

Том I

Неизвестный
НИЛУС

Том I

Москва
Православный
ПАЛОМНИК
1995

Составители

Роман Багдасаров и Сергей Фомин

Составители благодарят

*Г. Николаева, М. Орлову-Смирнову, П. Паламарчука, А. Стрижева,
М. Хагемайстера (Германия)*

за ряд ценных рекомендаций,

а также

за предоставление для публикации в настоящем издании некоторых текстов

Настоящий двухтомник включает в себя малозвестные, а то и вовсе неизвестные даже искушенному читателю произведения известного русского духовного писателя С.А. Нялуса (1862 †1929), как правило, не переиздававшиеся после первой прижизненной публикации. В особые разделы выделены письма Сергея Александровича и материалы к его жизнеописанию, многие из которых впервые извлекаются из фондов отечественных архивов и редчайших изданий русской эмиграции.

- © Публикация, составление, редакция, комментарий, фотографии, макет — Р.В. Багдасаров и С.В. Фомин
- © Оформление — А.В. Лобашинский

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Данная книга является первым опытом научно-критического издания текстов выдающегося русского духовного писателя, агиографа и публициста Сергея Александровича Нилуса. Она состоит из 5 разделов.

I раздел занимает краткое жизнеописание С. А. Нилуса, составленное (как мы предполагаем) племянницей Е. А. Нилус, Наталией Юрьевной Концевич (урожденной Карцовой), при участии ее супруга И. М. Концевича.

Во II разделе помещены непереработанные после революции (или изданные неудовлетворительно) произведения писателя. При подготовке текста мы столкнулись с непреодолимой трудностью — почти полным отсутствием творческих автографов Нилуса в отечественных архивах и недоступностью его рукописей, находящихся за границей. Поэтому, в подавляющем большинстве случаев, в качестве эталона для публикации были использованы последние прижизненные, учитывающие волю автора (это особенно важно подчеркнуть по отношению к разным частям книги «Великое в малом»), редакции.

Письма С. А. Нилуса (из III-го раздела) появлялись частично на страницах периодики последние годы, но впервые собраны вместе и откомментированы.

IV раздел составляют материалы необходимые для более глубокого изучения жизни и творчества писателя, которое, конечно, находится еще только на самой начальной стадии. Во многом эти документы перекликаются с остальными частями сборника, дополняют и объективизируют их. При их публикации мы сознательно ограничивались лишь самыми минимальными замечаниями, исходя из того, что подлинно научному исследованию должно предшествовать основательное изучение (и, естественно, доступность) источников, многие из которых впервые становятся предметом внимания не только широкой читающей публики, но даже специалистов.

Последний раздел традиционно предоставлен для библиографии и комментариев.

Интерес к творческому наследию С. А. Нилуса, необычайно возросший за последние годы, побудил нас ускорить выпуск книги, не дожидаясь выявления некоторых рукописей и множества документов, которые несомненно сделали бы его намного более совершенным.

Однако, уповая на помощь и заступление Всевидящего и Многомилостивого Бога нашего, Пресвятой Троицы, Господа Иисуса Христа и Его Пречистой Матери, Владычицы нашей Богородицы, Всех Святых, в Земле Российской просиявших, Новомучеников и Исповедников Российских, ведомых и неведомых угодников Божиих и Всех Святых, мы надеемся, что предпринимаемое издание послужит действенным подспорьем в осмыслении наследия Сергея Александровича Нилуса, которое во многом стало уже достоянием не только историографии и литературы, но — Преданием Святой Православной Церкви.

Составители

I

**КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
С. А. НИЛУСА**

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИЛУС

Краткое жизнеописание автора

I

ДО ПОСЕЛЕНИЯ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

1862—1907

Сергей Александрович Нилус родился 28-го августа 1862-го года в Москве на Патриарших Прудах. Происходил он из среды крупных землевладельцев. Семья его, как и вся среда, была охвачена духом того времени, т.е. материализмом и крайним либерализмом. Все церковное презиралось. В таком направлении велось воспитание отрока Сергея. Однако в детском возрасте мальчик не мог жить холодным рассудком. Бог дал ему сердце пламенное и горячее, и всю любовь сердца своего он разделл между старушкой няней, жившей круглый год в их имении, и самим родовым гнездом, называвшимся Золотарево¹. Он их любил до слез — и няню, и деревню, по его выражению, «жалел» их.

Но по мере того как он рос, безбожное воспитание приносило свои плоды. На уроках Закона Божия он ловчил, из единиц не выходил. Однажды явился на исповедь безобразно пьяным. В IV классе гимназии на экзаменах, чувствуя свою неподготовленность, он дал обет пойти к «Троице-Сергию» и там перекреститься «обеими руками и ногами». Но обещание было забыто, пока не случилось чудо, которое напомнило ему, что он клятвопреступник. Это произошло после окончания университета, на Кавказе, где он в качестве судебного следователя ехал верхом по горной дороге, усеянной острыми камнями. Он вздумал погнать свою лошадь, которая оступилась и перевернулась в воздухе, сбросив седока на камни. Такое падение не могло не быть роковым. Но чудом Божиим и лошадь, и всадник обошлись лишь легкими ушибами. Это чудо заставило его вспомнить об обете, данном им в детстве².

Вскоре ему пришлось вернуться домой и заняться управлением имения. Там он был избран крестьянами в церковные старосты и по этому случаю говел Великим постом. Здесь впервые он ощутил после причащения обновленне души³. Обет свой он, наконец, решил исполнить... Когда он приехал в Троицкую Лавру, монах сначала водил его по всем досто-

примечательным местам обители и, наконец, привел его к раке Преп. Сергия, где служился общий молебен. Сергей Александрович стал усердно молиться Богу, и, подняв глаза, он взглянул на схиму Преподобного, находившуюся под стеклом. В великом душевном потрясении он узрел в схиме живой лик Преподобного Сергия с устремленным на него грозным взором. По мере его горячих покаянных молитв, взор этот перестал быть грозным и вскоре исчез⁴.

Однако и на сей раз переворот, совершившийся в душе Сергея Александровича, еще не был окончательным. Он не мог вырваться из плена страстей. Полное его обращение совершилось только немного позднее у ног о. Иоанна Кронштадтского⁵, куда его направил случайный дорожный спутник о. Амвросий, казначей Лютикова монастыря, бывший келейник и сотанник последних пяти лет праведной жизни великого угодника Божия старца Амвросия Оптинского.

Дело было в феврале месяце и стоял мороз. В Кронштадт Нилус поехал чьлно простуженный, лишившись голоса и весь в жару. Ехал он на извозчике по морю в осеннем пальто, ветер его пронзывал насквозь. Он рисковал жизнью, но потребность видеть о. Иоанна была непреодолима... Мы приведем подлинные слова Нилуса о том, что он испытал во время исповеди у о. Иоанна, обратившегося к нему с вопросом: *Я не мог в ответ, — говорит Нилус, — издать ни звука — горло совсем перехватило. Безпомощный, растерянный, я только взглянул на батюшку с отчаянием... О. Иоанн дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя пальцами правой руки провел три раза за воротом рубашки, по горлу... Меня вмиг оставила лихорадка, и мой голос вернулся ко мне сразу свежее и чище обыкновенного... Трудно словами передать, что совершилось тут в моей душе!..*

Более получаса, стоя на коленях, я, припав к ногам желанного утешителя, говорил ему о своих скорбях, открывал ему свою грешную душу и приносил покаяние во всем, что тяжелым камнем лежало на моем сердце... Трудно обнаружить себя перед Богом при свидетеле и преодолеть эту трудность, отказать от своей гордости — это и есть вся суть, вся таинственная, врачующая с помощью Божественной благодати сила исповеди. Впервые я воспринял всей душой сладость этого покаяния, впервые всем сердцем почувствовал, что Бог, именно Сам Бог, устами пастыря, Им облагодатствованного, ниспослал мне Свое прощение, когда мне сказал отец Иоанн: «У Бога милости много — Бог простит».

Какая несказанная радость, каким священным трепетом исполнилась душа моя при этих любвеобильных, всепрощающих словах! Не умом я понял совершившееся, а принял его всем существом своим, всем своим таинственным духовным обновлением. Та вера, которая так упорно не давалась моей душе, несмотря на видимое мое обращение у мощей Преподобного Сергия, только после этой моей сердечной исповеди у о. Иоанна, занялась во мне ярким пламенем.

Я сознал себя верующим и православным*.

Так совершилось окончательное обращение современного Савла.

Читатель прочтет на страницах настоящей книги** о посещении Нилусом Дивеевской обители и как он был принят блаженной Пашей Саровской, которая ему предсказала, что он переменит «зипун», как крестьяне называли верхнюю одежду, иначе говоря, сменит богатую одежду на бедную. Так оно и случилось: погиб у него урожай, и он не смог расплатиться с долгами и должен был продать имение.

Потеря любимого Золотарева причинила сердцу Сергея Александровича мучительную скорбь. Это событие явилось кризисом в его жизни: отрывом от почвы. С этого момента он постепенно отдаляется от «мира сего» и становится взыскателем «града небесного». Господь его к этому ведет постепенными этапами через чередующиеся скорби и духовные утешения.

Радостным событием скоро после этого была его встреча с будущей женой. Елена Александровна Озерова⁶, в противоположность Нилусу, была с детства воспитана святой своей матерью в строгом послушании Церкви⁷. Ее духовник — протопресвитер о. И. Яньшев⁸ — с ее 30-летнего возраста запретил ей принимать участие в светской жизни. Ее жизнь была посвящена заботе о престарелом отце, и кроме того, она посвятила себя благотворительности. Она была попечительницей одной из Патриотических школ, основанных в прошлом веке Императрицей Елизаветой Алексеевной⁹ для сирот, оставшихся после Отечественной войны, где, кроме наук, девиц учили ремеслам. А также она была попечительницей фельдшерских женских Рождественских курсов, где и произошла ее встреча с Нилусом, который бывал у начальницы этих курсов —

* Нилус С.А. Великое в малом... Изд. 3-е. Сергиев Посад, 1911. С. 28—30.

** Жизнеописание служило вступлением к книге «На берегу Божьей реки», часть 2-я (Сан-Франциско, 1969). — Сост.

Олимпиады Федоровны Рагозиной, имя которой встречается в первой части его книги «На берегу Божьей реки». Он ее называет Липочкой.

Во время японской войны Елена Александровна работала в Зимнем дворце в складе Императрицы Александры Феодоровны. Здесь произошло сближение ее с Императрицей, которая предложила Елене Александровне стать председательницей Красного Креста в Царском Селе и заведовать всеми Ее благотворительными учреждениями. Это происходило в 1905—1906 гг.

Свадьба Нилусов могла состояться только благодаря воле Императрицы: выходя замуж, Елена Александровна по закону теряла отцовскую пенсию, на которую жили ее осиротевшие племянники Озеровы, а также престарелые слуги ее отца. По желанию Императрицы ей была сохранена половина пенсии, и таким образом никто не пострадал. Венчались они 3-го февраля 1906 г. в Петербурге. Венцы держали ген. Д. А. Озеров — брат невесты, и Рафаил — старик-лакей, 40 лет служивший в семье. Оба плакали, уверенные, что Елена Александровна совершает безумие.

Планы были таковы: Нилус должен был принять священство и сделаться сельским пастырем на Вольни*. Было уже известно название его прихода и даты его рукоположения в диаконы и иереи в Казанском соборе архиепископом Антонием (Храповицким)¹⁰, которого Нилус посвятил в обстоятельства своего прошлого. Все казалось радостно и хорошо. Новобрачные удивительно дополняли друг друга. Например, благодаря Елене Александровне выявился художественный талант ее мужа. Она в молодости училась рисовать и владела техникой, но таланта у нее не было никакого¹¹. Он же всего-навсего учился рисовать в гимназии и то только карандашом. Когда же она научила его, как обращаться с красками, — тут сразу появились на свет прекрасные этюды, которые жили и дышали. В них чувствовалась перспектива, они передавали простор полей, воздух, солнечный свет. Таким образом, будучи врожденным музыкантом, он оказался еще и художником.

Что касается до Елены Александровны, она расцвела душой, стала еще добрей. Не будучи красивой, она была привлекательна и приятна.

* Императрица Александра Феодоровна прислала Нилусам в благословение икону и самовар в виде желудя с Ее инициалами. Она хотела подарить серебряный самовар, но Елена Александровна возразила, что сельскому батюшке неудобно ставить на стол серебряный самовар. Поэтому им был прислан медный, но в высшей степени художественной работы.

Она была старше мужа на 7 лет. Благодаря редкому уму, духовной тонкости, высококультурному своему развитию, Елена Александровна производила исключительное впечатление и была сокровищем и твердыней во всем, что касалось христианского долга. Она никогда не спорила с мужем, но в ней он имел твердую опору.

Сам же Сергей Александрович в ту пору еще не утратил признаков бывшей красоты, несмотря на полуседую широкую бороду. Интересный собеседник, прекрасный музыкант, сохранивший остатки когда-то хорошего голоса, благодаря своей сердечности и ласковому со всеми обращению он был очень обаятельным. Это был безхитростный, увлекающийся человек. В нем была действительная детская простота.

Но петербургское общество посмотрело на него и этот брак совсем иначе: создалось общее убеждение, что он авантюрист, который женился на любимице Императрицы — пожилой фрейлине и принимает священство в надежде пробраться в царские духовники с целью влияния в сторону реакционной политики.

В петербургском свете поднялась невероятная шумиха. Но особый взрыв произвела статья в «Новом Времени», в которой в отвратительной форме излагалась прошлая жизнь Сергея Александровича. Он был представлен в ней как самый распутный человек.

На самом деле прошлое его было таково: в самом его юном возрасте в него влюбилась соседняя помещица, дальняя родственница¹². Муж этой дамы лежал в параличе. У нее было несколько человек детей. Она была на 18 лет старше Нилуса. От этой связи родился сын, усыновленный и воспитанный его отцом и получивший хорошее образование¹³. Наталия Афанасьевна была богатой помещицей, ни в чем не нуждавшейся. До сих пор она расстраивала все попытки Нилуса жениться¹⁴. Она не была еще вдовой, когда Нилус порвал эту связь и, наконец, женился. Вот в этот момент и всплыла на поверхность вся эта история под видом невероятной грязи, как это было представлено в статье, появившейся в «Новом Времени».

Архиепископ Антоний Вольнский был сильно разгневан. О рукоположении не могло более быть и речи. Нилусам хотелось скрыться подальше от Петербурга, где близкие родственники и все знакомые отшатывались от них, как от людей отверженных.

Заключив все дела в Петербурге, Нилусы выбрали себе отдаленным от мира убежищем Бабаевский монастырь на берегу Волги, где кончил свои

дни приснопамятный епископ Игнатий (Брянчанинов). По дороге их посетила неожиданная радость, оказалось, что с ними одновременно плывет на пароходе о. Иоанн Кронштадтский. О значении о. Иоанна в жизни Нилуса мы только что говорили. Что касается до Елены Александровны, Батюшка знал ее как сестру Давида Александровича Озерова, в то время управлявшего Аничковым дворцом. Отношения между Озеровым и о. Иоанном были долголетними*. Брат и сестра Озеровы были почитателями Батюшки. В раннем детстве они росли парой, будучи погодками. Давид отличался редким юмором и живостью характера, а сестренка его своим всегдашним благоразумием. В детские годы в семье их прозвали «обезьянка и гувернантка». С годами их дружба и духовная близость возрастала, пока в жизни Елены Александровны не появилась Нилус, ради которого ей пришлось решительно разорвать все прежние связи и отказаться от всего своего прошлого.

Итак, супруги Нилусы были оба знакомы о. Иоанну, когда он встретил их, плывя на пароходе.

Он старался возместить им своей лаской и любовью за те клеветы и оскорбления, которыми их подвергло петербургское общество. Он одобрял и благословлял их брак и предсказал Елене Александровне, что она никогда не раскается и не пожалеет о совершенном ею шаге. И, действительно, Нилус ценил и любил свою жену как дар, ниспосланный ему от Бога. Более тесного союза и более дружной пары нельзя было себе представить.

Прожив некоторое время на «Бабайках», Нилусы встретили одного архимандрита, уроженца г. Валдая, который так расхвалил им свою родину, что убедил их туда переехать.

II

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ВАЛДАЙ

1907—1917

Живя в Валдае, Нилус постоянно вспоминал Оптину Пустынь, где он провел несколько месяцев, когда готовился к священству. Оттуда он вернулся даже внешне изменившимся: он потерял облик светского, мирского человека.

* См.: Озеров Д.А. О. Иоанн Кронштадтский: Личные воспоминания // Православная Жизнь. 1964. №№ 11—12.

На нем заметен стал отпечаток духовности и свободы от всего условного, житейского... Там он как бы вторично родился. Там была его настоящая духовная родина¹⁵. Переезд Нилусов в Оптину Пустынь совершился так*:

В конце июля 1907 г., — рассказывает Нилус, — говорит мне жена:

«Что же мы никак не можем собраться в Оптину? Сколько ты мне наговорил о ее духовной красоте, о ее старцах, о живописности ее местоположения, а как ехать туда, так ты все оттягиваешь. Напиши о. архимандриту [Ксенофонту. — Сост.]¹⁶ и о. Варсонофию, что собираемся к ним погостить. Ответят, и тогда с Богом».

Я так и сделал. Вскоре от обоих старцев я получил ответ, с любовью нас прывывающий под покров Оптинской благодати на богомолье и на отдых душевный, сколько полюбится и сколько поживется. Мы наскоро собрались и поехали. На жену Оптина произвела огромное впечатление. Про меня и говорить нечего: я не мог вдосталь надышаться ее воздухом, благоуханием ее святыни, налюбоваться на красоту ее осеннего бора, послушаться ласкающего шепота тихоструйных, омутистых вод застенчивой красавицы Живдры, отражающей зеркалом своей глубины бездонную глубину Оптинского неба.

О, красота моя Оптинская! О, мир, о, тишина, безмятежие и непреходящая слава Духа Божия, почивающая над святыней твоего монашеского духа, установленного и утвержденного молитвенными вздыханиями твоих великих основателей!.. О, благословенная моя Оптина!

К Успеневу дню мы готовились, а на самый великий день Богоматери удостоились быть причастниками Св. Таин. На следующий день, 16-го августа был праздник Нерукотворенному Спасу — день, из-за родового нашего образа, особо чтимый в моей семье. Мы были у поздней обедни. После отпуста мы с женой направились к выходу из южных врат храма. У самого выхода, у Каванской иконы Божией Матери, нас встречает один из старцев, иеромонах о. Сергей, и, преподав нам свое благословение, неожиданно для нас говорит:

— Как жаль, Сергей Александрович, что вы от нас так далеко живете!

— А что?

— Да вот, видите ли, есть у нас помысл издавать Оптинные листки вроде Троицких, жили бы вы где-нибудь поблизости, были бы нашим сотрудником.

* На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916. Т. I. С. 178.

— За чем же, — говорю, — дело стало? Мы, слава Богу, люди свободные, никакими мирскими обязанностями не связанные: найдется для нас в Оптиной поместье — вот, мы и ваши.

— Ну что ж, — говорит старец, — Бог благословит. Переговорите с о. архимандритом и с о. Варсонофием: благословят они — и поселитесь с нами, что может быть лучше нашей Оптинской жизни?

Мы были вне себя от неожиданной радости. Разговор этот происходил во Введенском храме, как раз под Каванской иконой Божией Матери, у правого клироса Никольского придела. И запали нам слова батюшки о. Сергия в самую глубину сердечную: и впрямь, что может быть лучше жизни оптинской?!

Когда-то в Оптиной проживал на временном «положении» один из знаменитых постриженцев, впоследствии архиепископ Виленский, архимандрит Ювеналий (Половцев)¹⁷. Во внешней ограде монастырского сада он выстроил себе в конце 70-х годов прошлого столетия отдельный корпус со всеми к нему службами, прожил в нем лет десять и оттуда был вызван на кафедру Виленской епархии. С тех пор корпус этот, перешедший в собственность Оптиной, стоял почти всегда пустой, изредка лишь занимаемый на короткое летнее время случайными дачниками. Вот об этом корпусе, вернее усадьбе, я и вспомнил после знаменательного для нас разговора с о. Сергием под Каванской иконой Матери Божией. Решили пойти его посмотреть. Послали в архимандритскую за ключами и, пообедав у себя в гостинице, пошли около часу дня присматривать себе новое жилище.

В этот час вся Оптина отдыхает. На площадке между монастырскими жилыми корпусами и храмами не было ни души, никого даже из богомольцев не было видно на всем пространстве обширного внутреннего двора обители, когда я с женой и с одной валдайской старушкой, нашей спутницей, проходили по нему, направляясь в сад к Ювенальевской усадьбе.

Подшли к Каванской церкви. Я остановился перед ней, снял шляпу, перекрестился и, пользуясь тем, что кругом посторонних никого не было, вслух молитвенно скавал: «Матушка, Царица Небесная, если Тебе угодно, чтобы мы здесь поселились под Твоим кровом, то Ты уж Сама благослови!» И не успел я до конца промолвить последнего слова «благослови», как неожиданно из-за угла Каванской церкви показался с полным ведром воды в руках один из старейших оптинских иеромонахов, ривничий о. Исаия, некогда бывший

старшим келейником великого старца Амвросия. Услыхал он мое слово, поставил свое ведро на землю и, не без живости спросил меня: «На что благословить-то?»

Так нас эта встреча взволновала, что я едва был в состоянии и толком объяснить о. Исаии, на что я просил благословения у Царицы Небесной. Снял батюшка с головы своей камилавку и, благословляя нас, растроганным голосом произнес: «Бог — да благословит вас! Да благословит намерение ваше доброе Сама Царица Небесная!» И пока благословлял нас о. Исаия, вокруг нас, откуда ни возьмись собрались еще три иеромонаха: благочинный о. Илиодор, о. Серапион и скитский иеромонах о. Даниил Болотов¹⁸, особо близкий наш друг и доброжелатель, — и тут все четверо благословили наше водворение под кров обители Оптинской, созданной и освященной в честь и славу Введения во храм Пресвятой и Пренепорочной Приснодевы Богородицы.

Для меня такое совпадение было знамением. Знамением же оно показалось и всем в тот час с нами бывшим.

Чего только? Тут ли на земле это откроется, или на небе, — Одному Богу известно. О. Даниил, Царство ему небесное, пошел с нами в наше будущее гнездышко и на коленях, милый и любвеобильный старец, помолился там с нами перед иконой Смоленской Божией Матери — домовая икона корпуса Одигитрия-Путеводительница, чтобы и укрыла Она нас в гнездышке этом от вла века сего, от клеветы человеческой!

До чего же нам полюбились тогда Ювенальевское ватишьё!.. О, как было бы желанно в нем и жизнь свою кончить!.. С о. архимандритом уговор о жительстве нашем покончен был с двух слов: обычно наш авва никому из мирских не позволяет подолгу заживаться в Оптиной. И это было нам тоже в знамение. Съездили мы тут же к о. Егору Чекряковскому¹⁹, моему присному советнику в важные минуты жизни. Село Спас-Чекряк, где священствует батюшка, от Оптиной на лошадях 55 верст. Он тоже благословил нас поселиться в Оптиной.

— Благословите, — говорю ему, — батюшка, поселиться нам в Оптиной до смерти.

— Да, да, — отвечает он, — годочка два, ну три, поживете! Только условие с монахами напишите, а то, ведь, их там не один человек: мало ли что может случиться.

— Батюшка! — опять говорю. — Уж вы до смерти нам там жить благословите!

А он свое:

— Годочка два-три поживете. Ведь вы сами знаете, что теперь почетных мест нет: какие могут быть почетные места-то?

Очень нам тогда эти слова были не по мысли. Все это происходило в августе 1907-го года, а в первую ночь в новом своем Оптинском приюте мы провели с 30-го сентября на 1-ое октября того же года. Первое утро нашей Оптинской жизни, таким образом, было утром Покрова Божией Матери: милости Ее искали — милость Ее в Покров и получили, под кровом Ее Обители в среде Ее верующих послушников Оптинских.

И это тоже было вере нашей в знамение.

Нилусы прожили в Оптиной Пустыни, таким образом, с 1-го октября 1907 г. по 14 мая 1912 г. Описание «Ювенальевской» или «Леонтьевской» усадьбы, где поселились Нилусы, мы находим в сборнике, посвященном памяти Константина Николаевича Леонтьева²⁰, великого русского мыслителя, который там жил в конце прошлого века.

...Осенью, — пишет Е. Поселяннин, — я пришел к Леонтьеву в его дом-особняк, который он занимал у Оптиной Пустыни и который находился в нескольких десятках саженей от монастырской ограды.

Смотря парадной стороной своей на ограду, боковыми стенами своими дом выходил на реку Живдру, протекавшую от него тоже саженях в пятидесяти, а другой — на старый тенистый сад, заросший преимущественно, кажется, кленами.

Дом был веселый, покрытый белой штукатуркой, стоял высоко на фундаменте и был увенчан наверху мезонинчиком.

Сразу из прихожей вы попадали в длинную, большую трапезную комнату, шедшую в ширину всего дома. Большое итальянское окно выходило к Живдре, а напротив балконная дверь вела в сад.

Кроме этой комнаты, в нижнем этаже были еще две комнаты и помещение для прислуги, буфет. Деревянная лестница вела вверх в мезонин, где были просторные кабинет и спальня.

Широко лился с лугового простора, со стороны Живдры, свет в окно кабинета... Из окон открывался чисто русский пейзаж, который ничего не скажет, может быть, иностранцу, но хватает за сердце русского человека. Огород, спускающийся к Живдре, забор, проезжая дорога, уютная в берегах своих, светлоструйная река, луговой простор, а за ним — деревня Стенино.

В этой Оптинской усадьбе Нилусы прожили почти 5 лет²¹. Этот краткий период своей жизни они сравнивали с земным раем. Старцем и

* Литературный Сборник памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 385—401.

духовником Нилусов был о. Варсонофий. В это время еще был жив и старец о. Иосиф²², к которому они ходили на благословение. Между монахами были еще живы многие подвижники, как например, игумен Марк, постриженник великого настоятеля о. схиархимандрита Моисея, также о. Иоиль, о. Иоанн (Салов), слепец о. Иаков, дивные образы которых Нилус запечатлел на страницах своего оптинского дневника* кистью большого художника. Общение с ними было величайшим счастьем для Нилусов. Мы не упомянули имя будущего старца о. Нектария²³, беседы с которым украшают страницы упомянутого дневника.

Самым драгоценным в оптинской жизни Нилусов являлось их частое посещение богослужений и представлявшаяся возможность пребывать в послушании у старца.

Вот как описывает Нилус в первой части книги «На Берегу Божьей реки» свои чувства при входе в храм Божий ко всенощной под праздник в честь иконы Казанской Божией Матери:

Пришли мы с женой в храм задолго еще до начала бдения. Так и всегда приходим мы под великие Оптинские праздники, чтобы занять заблаговременно привычное наше место в храме, пока оно свободно от других богомольцев.

И как же мы любим этот последний полчас перед началом торжественного звона к праздничной всенощной!

Вот вступаем мы на каменные ступени церковного крыльца. Отворяется перед нами стеклянная дверь его тамбура, и впереди нас входит очередной пономарь-монах. Он друг наш, как и все оптинцы, по нашей к ним любви и дружбе; и мы чувствуем, как чувствует это и он, вратарь храма, благоговейный служитель его святых.

Если очередным пономарем случится быть отцу Маркеллу — монаху живого и общительного характера, то, открывая двери и стуча железным засовом и тяжелым замком о железную ее обшивку, он не преминет обернуться в нашу сторону и с ласково-приветливым кивком головы всегда промолвит: «А, старички-то уж тут? Вот преподобные-то!» — И он знает, а мы и подавно, что и тени нет в нас преподобия, что это привычная шутка благожелательного отца Маркелла; и к шутке его и мы сами относимся с равной благожелательностью, а, главное, любим его и чувствуем, что и он нас также любит и считает своими оптинскими.

* На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916. Т. I.

И, вот первое впечатление при входе в Божий храм — благоухание братской любви. И с этим чувством любви мы переступаем порог дома Божия, осеняемся таинственным полумраком его сводов, едва выступающих росписью святых своих изображений из сгустившегося под ними мрака, напоенного благовонием фимиама кадильного. «Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, в страхе Твоем», — шепчут уста, и чело преклоняется под знамением креста Господня.

Хорошо, сладко!.. Таинственно и... жутко!

На аналое, в венке из искусственных ландышей и незабудок уже возложена наша коренная Оптинская святыня, чудотворная икона праздника. В храме тепло; пахнет росным ладаном, ароматом чистого пчелиного воска от своих пчел со своего свечного завода... Мы снимаем с себя теплые верхние одежды, кладем их на наши места и идем прикладываться.

«Заступнице Усердная, Мати Господа Вышняго! За всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего...» И тут молитвенная память твоя подскажет тебе все дорогие и любимые тобою имена дорогих твоих и любимых, за которых молит сердце твое Пречистую, а Ангел-Хранитель невидимым рукавом незримой ризы своей возьмет и смахнет наворачнувшуюся на твою ресницу слезу умиления и... грусть о тех далеких, живых и отошедших, за кого уста твои беззвучно шепчут слова сердечной молитвы:

«Спаси и сохрани их от зла и соблюди их для блаженной вечности. Преблагословенная!»

Приложишься к чудотворной иконе и следом пойдешь прикладываться к другим иконам Казанского храма, а там к дорогим и близким сердцу надгробиям, скрывающим под собою святые останки великих восстановителей оптинской славы, родных по плоти и по духу братьев — схиархимандрита Моисея²⁴ и схиигумена Антония²⁵. Трудились вместе во славу Божию и лежат под одной могильной плитой в одном и том же храме, угольники Божии. От Моисея и Антония подойдешь к архимандриту Досифею²⁶, недолго управлявшему обителью после схиархимандрита Исаакия²⁷, — его надгробие почти рядом, его помянешь и его молитв попросишь. Оттуда сердце поведет в противоположную сторону храма, к схиархимандриту Исаакию... Как дороги, как близки сердцу все эти подвижники Оптинские, управившие и себя, и вверенные их духовному руководству христианские души в Царство небесное.

Царство вам всем небесное, место покойное!

И вот один по одному, а то и группами, начинают появляться богомольцы и постепенно наполнять обширный храм Царицы Небесной, посвященный памяти чудотворного явления Ея иконы в Казани. Зажигаются привычной и ловкой рукой еkkлесиархов безчисленные лампы и свечи: в храме все светлеет и светлеет... Вот входят и становятся по своим местам темные и благоговейные тени монахов и послушников... И вдруг, могучий медный удар шестипудового колокола... За ним, немного погодя другой; за другим, с равным промежутком — третий, и широкой звуковой волной, заливая на далекое пространство все окрестные леса и луга, польется с высоты Оптинской колокольни дивно-божественный зов полновзвучного металла к величавому праздничному Оптиному бдению, к великому празднику чудной и славной во обителях российских Оптиной Пустыни.

Слава Богу, дождалась Богородицына праздничка!..

Кроме общения с оптинскими монахами, Нилусы знакомились со многими богомольцами, посещавшими Оптину Пустынь. Назовем имя игуменни матери Софии Киевского Покровского монастыря²⁸. В то время она была начальницей небольшой монашеской общины «Отрада и Утешение». А также упомянем имя Елены Андреевны Вороновой²⁹. Кроме того, в Оптину приезжала и помощница ее Наталия Ивановна Евреинова, которая заняла ее место во главе тюремного комитета после ее смерти. Это была, подобно Елене Андреевне, святая женщина. Она была в тайном постриге, будучи матерью многочисленного семейства. Имя ее никогда не упоминалось в печати. У нее был дар исцелять глазные болезни. На это она имела разрешение от старца Варсонофия. Она присутствовала при его кончине. Он через нее передал земной поклон Нилусам, говоря, что они вместе с ним пострадали за одно и то же. Но мы забегаем вперед... Однажды в письме к Нилусам, Наталия Ивановна описывала слышанное ангельское пение... Вся красота земной музыки с тех пор перестала для нее существовать. В эмиграции Наталия Ивановна жила в Брюсселе*.

* Находясь в эмиграции, Н.И. Евреинова чрезвычайно беспокоилась о судьбе Нилуса, сидевшего тогда в тюрьме в Москве на Лубянке. Вот ее письмо от 11 апр. 1925 г.: *Дорогая Х, вот уже третье письмо, которое я вам пишу. Жду с нетерпением хоть маленькую весточку, одну открыточку, что наши страстотерпцы, святые мои С.А. и Е.А.? Если бы вы знали, какая иногда тоска обхватывает мое сердце. Каждый день со страхом и надеждой заглядываю в почтовый ящик наших дверей, и все нет ничего. Последнее ваше письмо от 15 февраля, и после этого*

Но, перенесемся в Оптину, в большую трапезную, тянувшуюся во всю длину «Ювенальевской» усадьбы. Там у Нилусов за гостеприимным столом сидят самые разнообразные оптинские паломники: здесь Мария Николаевна Максимович, жена Варшавского генерал-губернатора пьет чай рядом с простыми крестьянами, тут нет никаких рангов, все чувствуют себя в общей духовной семье, тут царит искреннее, христианское расположение друг к другу. Нилусы умели объединять людей, окружать их сердечной любовью.

Но кому-то это не понравилось... Когда Нилус стал сотрудником «Троицкого Слова», издаваемого архиепископом Никоном Вологодским³⁰, помещая статьи под заглавием «На берегу Божьей реки», он пришел к старцу о. Варсонофию просить благословения на этот труд, старец одобрил это начинание, благословил, но речь свою он прервал, сказав: «А знаете — против вас начинается восстание, да какое восстание!» — «Откуда, батюшка?» — «Извне и изнутри, со стороны одной партии». Продолжать речь старцу помешали³¹. Это был как бы первый звонок.

К биографии С. А. Нилуса нельзя не отнести его рукописного повествования об исцелении его супруги от тяжкого недуга и связанного с этим другого чуда, а именно — его избавления от многолетнего порока курения:

...7 июля 1909 г. Сегодня ночью со мной был тяжелый приступ удушливого кашля. Поделом! — это все от куренья, которого я не могу бросить, а курю я с третьего класса гимназии и теперь так насквозь пропитан никотином, что он уже стал, вероятно, составной частью моей крови. Нужно чудо, чтобы вырвать меня из когтей этого порока, а своей воли у меня на это не хватит. Пробовал бросить курить, не курил дня по два, но результат был тот, что на меня находила такая тоска и озлобление, что этот новый грех становился горше старого. О. Варсонофий запретил мне даже и делать подобные попытки, ограничив мою ежедневную порцию куренья пятнадцатью папиросами. Прежде я курил без счета... Это было сказано в 1-й ч. «На берегу Божьей реки», стр. 230. Теперь следует

ни строчки. Может быть, я чем-нибудь вас огорчила? Во всяком случае - невольно, этому вы можете поверить. От сердца любящего пишу, что кроме глубокой любви и высокого уважения я ничего другого не чувствую к вам, а мою любовь к дорогим моим С.А. и Е.А. ничто и никто из меня не исторгнет, она будет длиться во веки веков. Я в моей жизни никого не встречала выше их в смысле христиан, людей примерных во всех отношениях. Перед ними я преклоняюсь и радуюсь, что Бог дал мне их узнать.

посланная рукопись³²: «Придет ваш час, — сказал о. Варсонофий, — и куренью настанет конец». «Надейся, не отчаивайся: в свое время, Бог даст, бросишь», — по поводу того же куренья, от которого я никак отстать не мог, сказал мне о. Иосиф. И чудо это, по слову обоих старцев, надо мной совершилось. А было это так:

Живем мы с подружием моим, женой моей Богоданной, что называется душа в душу, в полном смысле Евангельского слова, так, что мы не двое, а одна плоть. Великая эта милость Божия, нам дарованная свыше, по глубокой и убежденной нашей вере в таинство брака, к которому мы оба в свое время приступали со страхом и трепетом. И вот, в июне 1910 г. жена моя заболела какой-то странной болезнью, которой ни фельдшер оптинский, ни приглашенный врач определить не могли: утром почти здорова, а как вечер так и до 40° температуры. И так и неделя, и другая, и третья! Вижу, тает на моих глазах моя радость, тает, как восковая свечечка и вот-вот вспыхнет в последний раз и погаснет. И великой, безмерно великой тоскою и скорбью исполнилось тогда мое сиротеющее сердце, и пал я ниц пред иконой Божией Матери Одигитрии Смоленской, что стояла в углу моего кабинета, и плакал я перед Ней, и ужасался и тосковал и говорил Ей, как живой: «Матушка Царица моя Преподобная Богородица! Ты, верую, дала жену ангела моего, Ты же и сохрани мне ее, а я Тебе за то обет даю не курить больше никогда. Обет даю, но знаю, что своими силами исполнить его не могу, а не исполнить — грех великий, так Ты Сама мне помоги!» Так было это часов около десяти вечера. Помолвившись и несколько успокоившись, подошел к постели жены. Спит, дыхание тихое, ровное. Дотронулся до лба: лоб влажный, но не горячий — крепко спит моя голубушка нежная. Слава Богу, слава Пречистой! На утро температура 36,5°, вечером 36,4° и через день встала, как и не болела. А я забыл, что курил, как не курил никогда, а курил я ровно тридцать лет и три года, и весь организм мой был так пропитан проклятым табачищем, что я без него жить не мог не только дня, но и минуты. Это ли не чудо Одигитрии?

Между тем счастливая жизнь в Оптиной Пустыни подходила к концу. Грех молодости Сергея Александровича всплыл снова на поверхность и был причиной его изгнания из Оптиной Пустыни. Произошло это так: г-жа Володимирова вскоре после свадьбы Нилусов овдовела и раздала все свое богатство своим детям, с тем, что они будут выдавать ей пенсию. Но ее зятя с быстротой молнии пропустили до нитки все ими полученное,

и старуха стала нищей. Она попробовала поселиться у своей сестры, но та ее так пилила за легкомысленные и ошибки, что терпеть было невозможно. Она обратилась к Нилусу, умоляя взять ее к себе. Елена Александровна пошла к Старцу о. Варсонофию спросить, что делать. Старец предупредил, что если она примет Наталию Афанасьевну, то с этим будут связаны скорби, но не запретил принять ее к себе. Жалость и мысль, что она причинила ей горе, взяли верх, и Елена Александровна приняла к себе г-жу Володимирову. Последняя в это время достигла уже глубокой старости и ходила, переваливаясь, нетвердыми шагами. Сначала она питала вражду к Елене Александровне, но это сменилось совершенно обратным отношением: Елена Александровна победила ее предубеждения своей ангельской добротой и вниманием к ней.

Однако появление г-жи Володимировой в Оптиной Пустыни вызвало вскоре настоящую трагедию³³. Началось с того, что в Оптину Пустынь прибыла некая Мария Михайловна Булгак, рожденная Бартенева. Трудно себе представить существо более отталкивающее и физически, и морально. Это была Квазимодо в образе женщины. Она была начальницей женской гимназии в г. Гродно. Перед приездом в Оптину она наскандалила в Вировском монастыре Седелецкой губ., где ее собачки врывались в церковь. Пришлось обратиться к полиции, чтобы ее удалить. Там жила тогда на покое мать игуменья София — сестра Елены Александровны Нилус. Явившись в Оптину Пустынь, г-жа Булгак возгорелась пламенным обожанием к старцу Варсонофию и обещала сделать завещание в его пользу, т.е. в пользу скита, на сумму в сто тысяч рублей. На этом основании, она считала себя вправе командовать Старцем. Когда же это ей не удалось, ее обожание сменилось страстной, яростной ненавистью. Вооружившись всевозможными клеветами и сплетнями, Булгак покатила в столицу и явилась в салон графини Игнатьевой³⁴. Этот салон посещался также архиереями, которые, увыв, не задумываясь, поверили этой болтовне. Дабы лично проверить столь любопытные сенсационные слухи, в Оптину Пустынь отправилась сама графиня Игнатьева. Сначала она сделала визит настоятелю архимандриту Ксенофонту, потом дала знать о. Варсонофию, что явится к нему не как к старцу, но как к настоятелю скита. Ввиду такого неприятного посещения о. Варсонофий попросил М. Н. Максимовича выручить его при приеме графини и вести с ней светскую беседу. М. Н. Максимович была супругой Варшавского генерал-губернатора. Она жила почти безвыездно в Оптиной в собственном домике и была смиренной

старицей, поистине святой жизни. Она пришла к чаю и вела с графиней любезный светский разговор, а Старец пребывал в молчании. Результат был такой: графиня вернулась в Петербург с доносом: в скиту растут цветы, а у Старца в келье хозяйничают женщины.

К этому прибавилось, что в монастыре оказалось 3 монаха-бунтовщика. Старец и настоятель их усмирили. Но они подали на Настоятеля донос в Синод о якобы существовавших беспорядках в лесном хозяйстве.

Под самый Новый год — 1912-й, в Оптину прибыл архиепископ Серафим Чичагов³⁵ и прямо с дороги, ничего не исследовав, за всенощной новогодней произнес против скитоначальника — о. Варсонофия и настоятеля — о. Ксенофонта поносную и оскорбительную проповедь перед лицом всей Оптинской братии. Он заявил, что Оптина Пустынь стала местом полнейшего падения нравов и грозил гневом Божиим. Оба начальствовавших старца, убежденные сединами, стояли по бокам говорившего и поддерживали архиерея под руки. Оптинская братия была поражена, как громом... Это был жестокий удар... Преосвященный поднял даже вопрос о закрытии Оптинского скита...

Что касается о. Ксенофонта, он вскоре доказал, что в ведении им хозяйства не было никаких неправильностей или ущербов. Однако потрясение, им пережитое, вскоре свело его в могилу. С о. Варсонофием пришлось труднее: от него потребовали, чтобы он произнес осуждение Нилуса в блудной жизни. Старец наотрез отказался это сделать и должен был покинуть Оптину Пустынь. Его произвели в архимандриты, несмотря на то, что он был схимник, и дали в управление Голутвинский монастырь, заброшенный и в полном упадке. Обитель эта стала быстро возрождаться, но о. Варсонофий не мог пережить разлуки с Оптиной Пустынью, он тяжело заболел и в 1913-м г. преставился.

Благодаря распоряжению Синода, воспретившему мирским лицам жить в Оптиной, Нилусам пришлось вернуться в Валдай.

Оптиной Пустыни обязаны выходом в свет следующие книги Нилуса: «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом». Преосвященный Никон Вологодский печатал в «Троицком Слове» дневник Нилуса под заглавием «На берегу Божьей реки», который вышел отдельной книгой в 1916-м году.

Настоящее издание является продолжением, второй частью «На берегу Божьей реки». Нилус не ожидал, что с отъездом из Оптиной Пустыни он сможет продолжать вести свой отдел в «Троицком Слове», где печатались

его дневники. Но жизнь в Валдае была богата духовными впечатлениями и общением с людьми преданными Церкви. К нему приезжали со всех концов России, ему писали... «Божья река» не иссякла и продолжала струиться, и он мог продолжать закидывать в нее свои рыбацьи сети...

* * *

Жизнь в Валдае продолжалась с 1912 года и вплоть до начала революции³⁶. Приблизительно 8 лет. Описывать подробно мы эту жизнь не можем. Приведем здесь только два отрывка из воспоминаний: 1) бывшего студента, прогостившего у Нилусов 6 недель; 2) племянницы Е. А. Нилус³⁷:

Дом, в котором жили Нилусы, — рассказывает студент, — принадлежал профессору политической экономии П. Н. Георгиевскому. В этом доме когда-то жил романист Всеволод Сергеевич Соловьев (сын историка Сергея Михайловича Соловьева и брат философа Владимира Сергеевича Соловьева), автор исторических романов «Сергей Горбатов», «Старый дом» и др., которыми в свое время зачитывалась молодежь. В этом же доме и написаны были эти романы. Стоял нилусовский дом в красивом заглохшем парке, спускавшемся по косогору к самому озеру, на которое открывалась калитка сада. Здесь была устроена маленькая пристань для причаливания лодок. Перевозными лодками правили женщины-лодочницы, они возили, главным образом, в Иверский монастырь, расположенный в лесу на острове посреди озера. Мы отплывали по праздникам рано утром, и в это время начинался гул знаменитых Валдайских колоколов. Гудели все городские церкви. Утреннее солнце освещало чудесное ярко-синее озеро и весь расположенный по левую сторону от нашего дома белый Екатерининский городок, который со своими многочисленными церквями, казался опрокинутым в водах озера. Это была дивная картина! Мы плыли направо, монастырь еще не был виден. Его скрывали поросшие лесом зеленые островки. Зато из центра города он был виден, как на ладони. По озеру проходила цепь Валдайских гор. Сергей Александрович по этому поводу вспоминал слова псалма: «На горах станут воды... посреде гор пройдут воды». Наконец, мы проплывали пролив, разделявший остров и лодка причаливала к монастырскому берегу всегда ровно в 9 часов утра. И в это мгновение с точностью раздавался удар могучего монастырского колокола, возвещающего начало обедни.*

* [Пс. 103, 6, 10]

Из всех обитателей нилусовской усадьбы первым привлекал внимание сам хозяин. Это была сильная личность, человек блестящий, талантливый музыкант, художник и писатель. Говорил он необыкновенно интересно, взгляды его были глубоки и оригинальны. Его чисто русская душа — нараспашку, с сердцем восторженным, искренно открытым, была готова любить всякого. Идеализировал он кого только мог, при этом попадался, разочаровывался, но был неисправим. При почти постоянном безденежье он умудрялся проявлять самую широкую щедрость. Вера его была непоколебима. Сергей Александрович был высокого роста, очень представительный, с большой окладистой бородой с сильной проседью и выразительными карими глазами. Дома он носил русскую рубашку и высокие сапоги и, несмотря на скромную эту крестьянскую одежду, походил типом на русского боярина.

Приехал я в Валдай 29-го июня 1916-го года в день свв. Апостолов Петра и Павла, и мне сразу же без всякой подготовки пришлось окунуться в удивительную атмосферу, которую и словами передать трудно. Скажу только: мне приходилось встречать в жизни людей доброй христианской настроенности, но такой жизни по вере, такого глубокого, живого евангельского духа, какой я увидел здесь, мне не приходилось встречать доселе нигде, да и не пришлось и после. Все отношение Нилусов к людям, несмотря на испытываемые ими огорчения — было так христиански просто, доверчиво, сердечно и ласково, таким овеяно светом и теплом, что я не мог не погрузиться сразу же всей душой в эту радостную, уютную, любвеобильную атмосферу. Здесь выдуманного, натянутого не было ничего: Нилусы были такие, это была их жизнь, это был их дух. Ежедневно читали они жития святых и были проникнуты их настроенностью. Шесть недель провел я в этой чудесной усадьбе, и эти 6 недель положили на мою душу такой сильный отпечаток, который уже впечатлениями всей последующей жизни не мог изгладиться.

Особенно поразил меня разговор, имевший место за обедом в памятный день моего приезда: до сих пор мне не приходилось нигде слышать таких речей... Прежде всего надо сказать, что одновременно со мной у Нилусов гостила Екатерина Николаевна Яблонская, которую молодежь звала тетей Катюшей. Ее отец Н. Тимофеев после Балканской войны был советником посольства в Константинополе. В их доме любил бывать известный мыслитель К. Н. Леонтьев. Эта семья рано осиротела, и их опекуном стал А. П. Озеров — отец Е. А. Нилус.

Таким образом у тети Катюши издавна сложились близкие отношения с семьей Озеровых. Однако она вопреки им всем, а также общественному мнению, горячо одобряла брак Елены Александровны и очень любила Сергея Александровича. Это была безхитростная и простая сердцем женщина, обладательница чудесного, бархатного контральто, и только благодаря зависти и интригам не поступила в молодости в Мариинскую оперу — можно думать, на свое счастье.

Речь за завтраком была вот о чем: уезжая из Петербурга в Валдай, тетя Катюша сдала чемодан в багаж. Время было военное — 1916 год. На железных дорогах царил полнейший хаос. Тетя Катюша помолилась преп. Серафиму и его образом благословила свое достояние. На пересадке ей удалось заметить, что чемодан отправляют не туда, куда надо, и добиться правильной погрузки. О своей молитве преп. Серафиму она совершенно забыла. И вот 28-го июня просыпается она на рассвете и смотрит на часы, твердо запоминая час, и вдруг видит: перед ней стоит сам преп. Серафим и указывает ей рукой на ее чемодан. Указал и скрылся, как бы упрекая в неблагодарности и поучая, что ничего случайного в жизни не бывает.

С трепетом и радостным волнением стала она рассказывать о явлении ей угодника Божия Сергею Александровичу... Он тот же час же уселся за письменный стол и стал вносить в свой дневник запись об этом чуде. В этот день стояла обыкновенная июньская погода, солнце светило, не было никаких признаков непогоды. И вдруг к ужасу всех присутствующих сверкнула молния, которая расщепила грабли, прислоненные к окну, у которого писал Сергей Александрович. Одновременно раздался оглушительный удар грома. Но ни дальнейшей грозы, ни дождя не последовало.

Каким образом произошло такое странное и таинственное явление? И чья рука оградила от смерти, записывавшего о чуде Сергея Александровича? Вот о чем говорили за обедом обитатели Валдайской усадьбы, обсуждая между собой вчерашнее происшествие³⁸.

Вторым воспоминанием является статья [Е. Ю. Концевич], напечатанная во Владимирском календаре в 1954-м году. Она передает ту атмосферу, которая окружала Нилусов в валдайский период их жизни:

Валдайские впечатления

В первый раз собралась я в Валдай в октябре 1913 г. Ехала я со станции Борисов через Оршу и Витебск. Отправившись в путь около

полудня, я только в пятом часу утра добралась до Валдая. Вышла я из поезда в темноте, при свете фонарей и сразу очутилась в широких родственных объятиях, приехавших встретить меня, несмотря на ранний час, моих старичков — тети и дяди.

В эту ночь, вернее в то утро, мы не пошли отдыхать, а все говорили и говорили без конца: сначала еще при свете лампы, а потом дождались и дневного света. Утром повели меня по всем комнатам.

Главной, центральной был кабинет — уютный и старомодный, с тяжеловесными мягкими креслами, шезлонгом, расположенными у круглого стола с лампой и отгороженными от двери китайскими ширмами. В углу виднелся огромных размеров образ Божией Матери Одигитрии. У одного из окон стоял дядин письменный стол, за которым протекала вся его жизнь, его творчество. Стены были увешаны портретами и этюдами работы самих хозяев. Дядины этюды всегда были хороши: они были живыми, дышали воздухом, изобилием света и широтой и раздольем. Тетя, которая научила его писать масляными красками, была им превзойдена, у него был врожденный талант.

Другая примечательная комната была их спальня, половина которой была обращена в моленную. Икон было множество, были и старинные, фамильные. Но больше всего обращал на себя внимание дивной красоты лик Христа, как живой, в терновом венце, работы неизвестного итальянского мастера. Был случай исцеления от этого образа калеки-ребенка. Кроме того привлекал к себе чудный образ-портрет Преподобного Серафима, написанный Дивеевскими монахинями. Перед иконами горели лампы. От этих двух комнат веяло особенным миром и уютом. Такой умиротворяющей атмосферы нигде и никогда я не встречала больше в жизни. Остальные комнаты: столовая и две комнаты для гостей, не носили такого яркого отпечатка личности хозяев.

С внешней стороны усадьба имела очень поэтический вид, она была старая, расположенная в тенистом саду, среди деревьев и кустов сирени, на самом берегу озера. Внизу была устроена пристань для лодок. Здесь жил, верно, лет тридцать перед этим, известный романист Всеволод Сергеевич Соловьев — сын историка и брат философа, написавший здесь ряд романов: «Сергей Горбатов» и др.

Валдай — обыкновенный провинциальный городок, хорош, главным образом, своим местоположением на берегу озера. Бывала я там не раз в соборе и, кроме того, в церкви св. Екатерины, построенной Императрицей Екатериной II-й, которая, как и другие царственные

лица, останавливались в Валдае при путешествиях из одной столицы в другую. Эта церковь была создана в стиле ампир, так мало гармонирующим со старорусским городком и бытом.

Прожила я в этот приезд не более месяца в Валдае. Погода мало располагала к прогулкам. Я сидела в кабинете на одном из кресел против тети с работой или книгой в руках. Дядя, сидевший за своим письменным столом, как-то обратился к тете: «Эта девочка мне не мешает, она умеет молчать, как и ты». Я не тяготилась этим молчанием, напротив, я наслаждалась этой старороссийской обстановкой, лаской, любовью моих старичков. Ведь существуют разного характера молчания: одно — холодное, сухое, щемящее сердце, происходящее от отчужденности и равномыслия и бывает, наоборот, другое — когда царит полное понимание, внутренняя гармония, тогда слова кажутся лишними.

Целым событием показался мне наш выезд «в свет»: нас пригласили церковные друзья на именины. Эти друзья были торговцами красным и бакалейным товарами. Они были людьми с очень небольшим школьным образованием. Но я никогда не ожидала встретить в этой среде такую благовоспитанность, такие естественные и полные достоинства манеры. Ясно — они унаследовали это от прежних поколений. Это были представители старого русского склада и быта. Какая разница, подумала я еще тогда, с теми другими, потерявшими связь с почвой и верой отцов! И вот, когда вслед за этим повеял ветер революции, эти беспочвенные люди закружились и понеслись, как пожелтевшие листья, радуясь этому движению, этой завирухе и не сознавая, что они летят в бездну. Безумие охватило всех. Вихрем все снесено, разбито, развеяно и даже праха не собрать уж теперь! Да, могла ли я думать, что стою у самого порога и рубежа и наблюдаю уходящую Русь, что от ее красоты не останется и следа.

А пока, выйдя на балкон Валдайской усадьбы, я могла еще любоваться на дивную панораму: передо мной расстилалось озеро окружностью более ста верст. Против самого города на зеленом полуострове среди мачтовых сосен высились древние белые стены и башни Иверского монастыря. Это была захватывающая дух красота. Я смотрела и не могла наглядеться. Но еще в больший восторг привела меня эта картина, когда я приехала весной. Стояли тогда теплые майские дни. Особенно запомнился один вечер. В монастыре шло вечернее богослужение. Через голубую ширь озерных вод доносился могучий, невыразимо пре-

красный благовест древних колоколов. В лучах заходящего солнца монастырские строения и храмы были словно облиты прозрачным золотом. Казалось, они были оварены небесным огнем. Так изображают горный Иерусалим, град торжествующих святых. Но вот это златоогненное освещение перешло в пурпурно-красное, затем краски розовеют, принимают лиловый оттенок. Время идет, а небо и отражающее его озеро все продолжают менять свои фантастические цвета, пока вечерняя заря не погасла и не настала светло-прозрачная северная ночь. Но то было в мае, а в тот первый мой приезд на дворе была хмурая осень, без красочных закатов, и по озеру мы избегали ездить. Поэтому 12 октября 1913 г. мы поехали в монастырь кружным путем на лошадях и ехали 7 верст вместо трех, если бы поплыли напрямик, на лодке. В этот день, канун Своего праздника, Иверская икона Божией Матери возвращается на всю зиму в монастырь, обойдя за лето несколько уездов, посетив по дороге все города, села и деревни.

По приезде, к концу дня, мы пошли вместе с крестным ходом на берег озера к монастырской пристани встречать икону. Это был по-осеннему темный вечер. Ждали не так долго: вот показались на фоне чернеющего водного пространства цветные огоньки, — фонарики, которыми была украшена лодка с иконой. Лодка подошла к берегу и причалила. Крестный ход принял икону, и ее понесли в зимний храм со свечами и пением. По дороге икону проносили над отдельными богомольцами, склоненными до земли. Этот теплый храм, где Иверская икона проводила зиму, переносил вас всецело в допетровскую Русь, прямо из XX века вы попадали в эпоху Царя Алексея Михайловича, в палатную церковь того времени, где помимо архитектуры уцелели и некоторые предметы боярского обихода. Мы отстояли всенощную.

Как описать то ощущение тишины, покоя и мира душевного, когда врата монастырские заперлись и мы очутились как бы под защитой этих древних стен от всего остального мира с его страстями. Как легко и радостно было чувствовать себя укрытой в этом святом месте! Я всегда уезжала из монастыря с глубокой болью сердца, отрываясь как бы от самого родного.

Иверский монастырь был создан Патриархом Никоном в XVII столетии. Никон еще в бытность свою новгородским митрополитом проезжал не раз мимо Валдая по дороге в Москву. Он был пленен красотой местности и задумал построить здесь монастырь. Явившийся ему в видении Святитель Филипп благословил его намере-

ние. Став Патриархом, Никон мог осуществить свое желание. За образец он принял Иверскую обитель на Афоне, план которой вместе с двумя копиями иконы Иверской Божией Матери ему был доставлен оттуда. Для одной из этих икон была построена в Москве так называемая Иверская часовня, а другая пребывала в Валдайском монастыре.

В 1663 году началась постройка монастырских зданий под наблюдением Патриарха и материальной поддержкой со стороны Царя Алексея Михайловича и вельмож. Сам Патриарх освятил обитель и богато украсил икону Б. М. Иверской и приказал перенести из Боровичей мощи Св. Иакова Праведного.

В Петровскую эпоху наступил общий упадок монастырей, Иверский был приписан к Александро-Невской Лавре. В Екатерининский век тучи еще более сгустились, но исключительными усилиями энергичного настоятеля монастырю удалось выйти из состояния запустения, и обитель снова стала самостоятельной.

В Иверском монастыре было 5 храмов. Из них главным был Успенский Собор. В нем замечателен пятиярусный иконостас с иконами XVII века в драгоценных окладах. За левым клиросом в серебряной раке почивали мощи свв. угодников (48). Был кубок самого Патриарха Никона. Была богатая ризница с патриаршими пудовыми облачениями. Помню огромный, тяжеловесный кубок самого Никона. При монастыре была библиотека. Помимо исторических святынь, была чудотворная икона и нового происхождения: образ Божией Матери «Умудрительницы», малая копия которой путешествует со мной по белу свету до сих пор.

Монашествующие Иверского монастыря существовали по преимуществу рыбной ловлей. Их было около 30-ти человек. Я еще застала в живых иеромонаха отца Лаврентия, бывшего безменным с юных лет келейником архимандрита Лаврентия³⁹, настоятеля Киево-Печерской Лавры, известного в летописях подвижников благочестия XIX века и скончавшегося на покое, управляя Иверским монастырем. Архимандрит Лаврентий также описан в автобиографии знаменитой Леушинской игуменнии Таусии⁴⁰. Он ее благословил на монашество и при этом вручил ей, тогда еще совсем молодой, мирской девушке, свой настоятельский посох.

Иеромонах Лаврентий, подобно своему учителю, был также праведным и прозорливым. Когда он еще был в средних годах, с ним произошло следующее: в монастыре умерли нетрезвые монахи. О. Лаврентий без-

мерно скорбел об их погибели и умолял Господа дать ему понести за их грех какое-либо страдание, дабы облегчить их загробную участь. И действительно, вслед за этим его постигла мучительная болезнь: воспаление лицевого нерва и когда периодически болезнь эта обострялась, то страдания его доходили до крайнего мученичества.

«Самая страшная зубная боль, — говорил он, — ничто в сравнении с этой болью». Однажды, находясь в состоянии почти невменяемом, он стоял на обрыве над озером, помышляя о самоубийстве. Рядом появился человек и стал решительно поддерживать его в этом намерении. О. Лаврентий уже решившийся было броситься в воду, осенил себя предварительно широким крестом — и в это мгновение успел заметить, что стоявший рядом человек внезапно стал невидим. Потрясенный отец Лаврентий сразу опомнился и с той поры понес безропотно свои нестерпимые муки. Умершие монахи не раз являлись ему в сновидениях и извещали его свою благодарность.

Внешний облик о. Лаврентия был необычайно светлый: внутренний свет его души как бы просвечивался сквозь оболочку его старческого тела. На контрастном сумрачном фоне каменной кельи этот сияющий, любвеобильный образ выделялся еще более разительно. Жил о. Лаврентий в монастырской стене постройки XVII века, где помещались монашеские кельи. Он редко выходил, а, может быть, и совсем уже не выходил.

О. архимандрит Иосиф почитал его, как старца и ничего не предпринимал без его благословения. Монахи и мирские обращались к нему за руководством.

Однажды к нему пришел монастырский фельдшер отец Х., который был чем-то обижен и собирался переменить обитель. О. Лаврентий сказал ему коротенькую басню: «Жила, жила сорока на острове, пока не опоганила все кругом. — Давай, говорит, полечу искать чистое место». Басня не прошла даром, фельдшер не покинул Иверского.

Мне же, совсем не зная обстоятельств моей жизни, отец Лаврентий велел прочитать житие преп. Серапиона Египетского, говоря, что я там найду для себя некое указание. И в самом деле, прочтя это житие, я поняла духовный смысл переживаемых мною трудностей, и это сознание укрепляло меня в течение долгих лет.

Отец Лаврентий горячо любил Россию: когда началась война 1914 г., он пламенно молился о победе русского оружия, все время интересуясь ходом событий. Но за полгода до своей кончины отец

Лаврентий видел сон: будто читает он священную, написанную огненными буквами книгу о конечной судьбе земного мира, читает, ужасается и просыпается в величайшем страхе, запомнив лишь заключительные слова: «Но Господь не даст усилиться пагубе и ускорит кончину».

После этого сна о. Лаврентий оставил все помышления о земном, всецело отдавшись безмолвию. Скончался, насколько я запомнила, в конце 1915 года. Перед кончиной он удостоился вреть наяву Божию Матерь, явившуюся ему в видении со Святителем Николаем.

Еще много и долго могла бы я рассказывать и о некоторых старо-светских валдайских жителях, и о братьях святой обители, ее настоятеле о. архимандрите Иосифе, отличавшемся простотой и скромностью, и, главное, теплой любовью ко всем невадачливым и несчастным. О. наместник вспоминается мне с метлой в руке, метущий двор в часы общего послеобеденного отдыха. О. Геннадий, ривничий, опытный духовник, строгий монах и многие другие. Вижу и сейчас детское сияющее лицо юродивого Абрамыча, косматого и лохматого. Более добродушной физиономии вообразить себе невозможно! Меня предупредили, что он неопустительно должен поцеловать каждого, в ком видит доброе христианское расположение. Как я ни крутилась и ни увивалась, но не миновала его приветствия. Все же, кончая, хочется мне еще упомянуть об отце Вениамине, молодом монахе, несшем послушание «гробового», т.е. он был приставлен к мощам прав. Иакова и к чудотворной иконе. Он и его приятель о. Никита, просфоряк [sic] и рыболов; оба были корелами. Корелы сохранили свой особый язык и примитивную наивность. Отец Вениамин передавал нам речь крестьянок-корелок, молящихся перед Иверской иконой, их поистине ребяческий лепет. Таким же оставался в душе и сам о. Вениамин; он производил впечатление необычайной чистоты. Ему явился во сне св. Иаков, жалуясь, что ему неудобно лежать. О. Вениамин тайно осмотрел свв. мощи, нашел торчащий гвоздь под головой праведного отрока и увидел необходимость переменить пыльную вату, которая служила изголовьем. Вату купили мои родственники, гвоздь был удален, больше никто об этом не узнал.

Мощи переоблачались через известные периоды лет. Однажды мой дядя при этом присутствовал. Он рассказывал, что св. Иаков был отроком лет 12-ти с курчавенькой головкой. Мощи приплыли к городу

Боровичам в XV столетии на огромном бревне. Оно частью сохранилось, я его видела в соборе и удивлялась его толщине.

Кроме Иверского монастыря, была я, но уже во второй мой весенний приезд, и в женском — Короуком, находившемся вблизи того села, откуда родом был святитель Тихон Задонский. Он как валдайский уроженец должен был носить в сердце своем всю святыню и красоту этой дивной местности... Мы служили панихиду на могиле его родителей. Тут же близко стояла крошечная, бревенчатая церковка, где отец его служил причетником. Войти туда ввиду ее ветхости не дозволялось. Но двери были отперты, и можно было видеть посреди церкви аналой, а на нем поминание семьи Святителя.

В третий раз мне уже не пришлось быть в Валдае. Скоро подоспела революция, и до меня доходили только отрывочные известия о происходившем там: архимандрит Иосиф был сильно ранен камнями во время крестного хода и положен в больницу. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Благочестивые купцы были расстреляны, возник ужасающий голод, люди умирали...

Еще раз скажем: жизнь Нилусов в Валдае была полна общением с единомысленными верующими людьми, приезжавшими часто, писавшими интересные письма. Монастырь с его святынями и духовно настроенными иноками, хотя и не мог заменить дорогую им Оптину Пустынь, все же являлся великой духовной отрадой. Дивная природа и все вместе взятое делало их жизнь красочной и богатой. Но вот кончилась «жизнь», произошла революция, и началось «житие»...

III

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

1917–1929

По Промыслу Божию, в первые же дни революции Нилусов посетил князь Владимир Давидович Жевахов, будущий епископ Иоасаф⁴¹, который пригласил их переехать к нему в его полтавскую усадьбу Линовицу, Пирятинского уезда. Там в конце парка стоял неизвестно зачем им выстроенный небольшой двухэтажный дом... К счастью, Нилусы сразу приняли это предложение. Они немедленно перебрались на Украинну⁴². Если бы они этого не сделали, они бы не уцелели. В Новгородской губернии

вскоре начался голод и страшнейший террор. Все местные друзья Нилусов погибли. В Полтавской же губ. еще долгое время не было нарушено мирное положение: народ продолжал жить в довольстве, «дядьки» гостеприимно приглашали Нилусов отведать вареников из белой муки со сметаной и приговаривали: «Гуляйте, гуляйте». Конечно, вскоре после прихода советской власти всего этого не стало.

С каждым годом положение значительно ухудшалось... Однако Нилусы ни разу не делали попыток уехать из России. Уходили немцы, ушла Добровольческая армия... Если бы они и захотели уехать, у них никогда не было на руках достаточно денег, чтобы это сделать. Но самое главное, они не считали возможным бросить на произвол судьбы свою церковь. Здесь будет уместно сказать о создании этой церкви в верхнем этаже занимаемого ими дома. В первое же лето своего пребывания в Линовице Нилусы отправились в г. Полтаву к правящему архиерею — преосвященному Феофану⁴³. Владыка дал им свое благословение на устройство храма в верхнем этаже их жилища. Игуменья София Покровского монастыря в Киеве (друг их по Оптиной Пустыни) приняла живейшее участие в создании этой церкви. Она прислала в Линовицу группу монахинь во главе с о. Димитрием Ивановым*. Монахини произвели все работы, а о. Димитрий освятил храм. Алтарь был отделен перегородкой — ширмой, обтянутой темно-синим атласом, обрамленным серебряным галуном. Образа Спасителя и Божией Матери были в серебряных ризах и обрамлены тем же серебряным позументом. Над ними спускались лампы. Царских врат не было: просто отдергивалась занавесь. В алтаре запрестольным образом служил дивный лик Спасителя в терновом венце итальянского письма. Он был чудотворный. Это было произведение неизвестного, но гениального художника. Нельзя было оторвать от него глаз. Это был родовой образ Сергея Александровича. Церковь была посвящена Покрову Божией Матери и вместе с тем преп. Серафиму. Сюда приходили люди, имевшие потребность от души помолиться. Нилусы были чтецами и певцами, к ним присоединялись любители пения, образуя хор.

Конечно, народ приходил в эту церковь нерегулярно за исключением нескольких постоянных прихожан, но все же люди к ней тянулись, черпая духовное утешение. В тяжелое время приходившие молиться приносили продукты.

* См.: *Прот. Михаил Польский. Новые Мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Т.2. С. 169–170.*

Одно время настоятелем был архимандрит Иоасаф, который поселился со своим келейником-неромонахом в кельях при церкви. О. Иоасаф был исполнен невыразимой небесной кротостью и святостью. До этого он жил в Густыньском монастыре, где в свое время подвизался Святитель Иоасаф Белгородский⁴⁴. Странно даже это выговорить, но дух революции коснулся густыньских монахов, и они выгнали вон жившего у них на покое своего бывшего настоятеля, святого старца. Нилусы приняли его к себе с величайшей радостью, и он прожил у них до самой своей чудной, праведной кончины. За несколько дней до своей смерти о. Иоасаф, подобно Елене Васильевне Мантуровой⁴⁵ и Елене Андреевне Вороновой, удостоился видения Пресвятой Троицы. А до этого видения и после него он видел Ангелов. Святой старец, если и служил, то очень редко, но службы совершал его келейник.

В письме от 13 августа 1922 г. Нилус пишет в ответ друзьям-эмигрантам, мечтавшим помочь ему выехать за границу, что воспользоваться их советами *вряд ли придется, пока стоит наша церковь, к которой Господь и Царица Небесная поставили нас хранителями, блюстителями, чтецами, певцами и пономарями. Изменить нашему назначению никоим образом не можем и должны стоять на Божественной страже до тех пор, пока Сам Господь ясно не укажет, что наша миссия закончена, или до нашей смерти...*

Елена Александровна в следующем письме от 28-го декабря того же 1922-го года пишет о том же: *...проведя здесь правдники Р[ождества] Х[ристов]а, поняли, что так и надо было. Так было много-много народу, так много причастников, такие хорошие, добрые люди, столько им было утешения от нашей церкви, что, наверное, было бы плохо, если бы мы теперь бросили... О выселении их из Линовицкой усадьбы и спасении от расстрела рассказано в тексте второй части «На берегу Божьей реки».*

В брошюре, посвященной памяти Нилуса, под заглавием «Пламенная любовь», изданной в Нью-Йорке в 1937 г., помещен отзыв о Нилусе лица, побывавшего у него в то время, когда он жил в Линовце: *В доме у них, — пишет он, — царил прямо благодать Божия, это чувствовалось при входе в дом. Там всегда царствовала радость, никто не ссорился. А у С. А. Нилуса был дар пламенной любви ко всем и к каждому. При мне был случай, когда явился какой-то большевицкий комиссар с нахальным видом осматривать дом. Конечно, шапки не снял и имел вид очень грубый. С. А. повел его по всему дому и завел в церковь, которая помещалась наверху. Долго они оттуда не выходили. Супруга С. А. решила заглянуть туда и увидела, что большевик пла-*

чет в объятиях ее мужа... И у самого С. А. слезы текут... Видно он сумел найти и сказать большевику несколько таких слов, от которых растопилось его сердце...

Жизнь на Украине в те годы была сопряжена со всевозможными лишениями и исполнена страха и ужаса... «О, эта вера наша! Если бы не она — давно бы нас и на свете не было!» — восклицает в одном из своих писем Сергей Александрович. За письмо, посланное за границу, Нилусы заплатили миллион рублей и боятся, что прервется переписка*. Кто с легким сердцем рассчитывает и отделяет сроки не на года, а на месяцы, тот не понимает истинного положения дел, при котором, по выражению Петра I-го, «всякое промедление смерти подобно»... Мешок, и при том наглухо завязанный — вот положение, в котором мы живем. Но Сергея Александровича поддерживает память о пророчестве преп. Серафима о его воскресении из мертвых перед концом мира. Следовательно, настанут еще мирные времена... адский кошмар не вечен... Его миссия довершить дело Мотовилова⁴⁶, «служки преподобного Серафима». Недаром же, — пишет он, — при первой со мной встрече воскликнула Елена Ивановна Мотовилова⁴⁷: «Да, это мой Мотовилов воскрес!» Неспроста то же мне сказал и наш почивший старец о. Варсонофий, то же почти в тех же выражениях, что и вдова «служки Божьей Матери и Серафимова». Как известно, Сергей Александрович опубликовал беседу преп. Серафима с Мотовиловым о цели Христианской жизни, которая была предназначена Преподобным не для одного Мотовилова, но для распространения по всему миру. Не меньшее значение имеет пророчество Преподобного о его воскресении перед концом мира для всемирной проповеди. В письме от 22-го июля того же 1922 г. [С. А.] пишет по тому же поводу: Писал ли я вам про массовое обновление старых икон, чему мы были сами многократно благоговейно-изумленными свидетелями. Весь прошлый год прошел у нас на Украине в этом сплошном чуде. Обновлялись целые церкви, кресты и купола позолоченные на храмах и колокольнях. В Ростове-на-Дону таким образом обновился собор и много церквей. У нас по деревням и хуторам не было почти дома, где бы не совершилось подобное чудо, где, по крайней мере, о нем бы не говорили. Встали в тупик перед ним даже самые ярые гонители Христовой Церкви. На мой разум и понимание, это — знамение, предваряющее близость Воскрешения нового Лазаря в лице Преподобного;

* В следующем году письмо стоило 20 миллионов.

нового Торжественного Входа в Иерусалим — яркого торжества Православной веры и Преображения Тела Христа — Вселенской Его Церкви, близость соединения Которой в единую Православную, хотя бы и в малом Филадельфийском стаде, я давно предчувствую; и только уже за тем — конечного предания Ея; Ея смерти и всеобщего Ея Воскресения для Страшного Суда и вечной блаженной жизни под новым небом и на новой земле, идеже будет обитать одна правда...

Издавая записки С. А. Нилуса, мы не считаем себя вправе скрыть от читателя эту так называемую «Дивеевскую тайну», хотя она может показаться многим, как что-то фантастическое, следовательно, соблазнительное. Воскресение Преподобного должно произойти к концу времен, когда обетовано явление для проповеди пророков Илии и Еноха в Святой Земле. Должно ли нам сомневаться в возможности величайших чудес, которые должны предварить конец жизни на Земле? Дивеевская тайна записана рукой Мотовилова со слов Преподобного Серафима.

В письме от 28 декабря того же 1922 г. Сергей Александрович пишет: 30-го июля в Оптиной скончался близкий нам старец о. Анатолий (Потапов). Совершенно чудесным образом мы о смерти его получили извещение письмом часа два спустя после того, как он душу свою предал Богу, и потому имели возможность вслед помянуть его за Литургией в самый день его кончины. Вышло это по ошибке корреспондента, получившего преждевременное извещение, когда Старец был еще жив⁴⁸.

Перед нами письма за 1923-й год: это был год, когда Нилусов выселили из Линовицы и только чудом не расстреляли. Они переехали на Фоминой неделе в апреле месяце в городок Пирятин. Что сказать о нашем житье? — пишет С. А., — Богом видимо и ощутимо не оставлены: живется пока тепло и есть кое-какое продовольствие, не плохо, скорее хорошо и до сих пор покойнее в смысле приятных визитов, чем было на старом пепелище, но душа стремится вон туда, где можно еще работать на привычном труде во славу Божию.

16 февраля 1924 г. Нилус пишет Е. Н. Яблонской: Ты получила письмо с изображением нашего домика, в котором мы, трое стариков, живем великим чудом милости Божией. Нам давно надо было бы умереть под забором от голода и от холода, а мы живем и даже благоденствуем, если только можно назвать благоденствием жизнь в условиях тебе хорошо известных, быть может... С переездом сюда мы лишились нашей церкви, но и здесь, благодаря отношениям дружбы с местными священником и псаломщиком, мы читаем и поем на клиросе,

как и в своем маленьком храме. Завелись и здесь добрые друзья, которые нам помогают жить сочувствием своим и любовью. Елена Александровна приписывает: ...18 лет прошло с нашей свадьбы, а мы живем все так же, и он у меня все такой же хороший, каким ты его знала. Недаром дорогой батюшка Иоанн Кронштадтский, хлопая меня по плечу, повторял: «Спасибо тебе, что ты за него вышла, хорошо ты сделала, он будет тебя утешать до конца жизни».

Мирная жизнь в Пирятине окончилась в августе 1924 г. В письме от 25 августа Елена Александровна пишет своей сестре М. А. Гончаровой: Мужа арестовали неделю тому назад. Никакого повода, ни в чем не замешан. Вдруг приехали из Прилук и увезли. Я поехала тоже и с вокзала шла с ним. С тех пор он сидит, и даже допроса не было, и не говорят за что... Я его вижу почти каждый день. Говорят, что его отправят в Киев. Тогда я поеду. Продала все, чтобы набрать денег. Все надеемся, что Господь и Царица Небесная и свв. угодники спасут и его выпустят. Он, как всегда, спокоен, благодушен. Говорит, что с ним удивительно хорошо все обходятся. И я сама это видела при свиданиях. Помощник начальника взял его в свою палату и отдал свою кровать и подушку. Муж нашел там и двух Линовицких знакомых и уверяет, что все ангелы сидят. Одно — разлука со мной его очень огорчает. Мы ведь ни разу никогда не расставались. Я ездилa домой, все уложила, устроила нашу бедную старушку к милому Косте в Лутайку. Как ей бедной трудно и тяжело! Не могла ее к дочери в С.- П[етербург] отправить: слишком дорого, и дочь там бедствует... Ему много присылают всего, даже незнакомые люди, а уже друзья заваливают меня всем, так что он делится с другими. Против тюрьмы подворье мужского монастыря. Живут 4 иеромонаха, трое нам близки, и при них старая монашка — тоже знакомая. Она взялась все доставлять, когда я не могу, к ней все и носят. Я там ночевала сегодня, была у всенощной и обедни с акафистом Божией Матери [Всех скорбящих Радости]. Я и часы читала. Они очень добрые и очень сердечно относятся, молятся на ектеньях за Сергия заключенного. Я ночую то здесь, то там; то на подворье женского монастыря, но там очень тесно: везде отобрано помещенье.

17 сентября 1924 г. Елена Александровна пишет из Киева: [Сергия] перевели сюда, где все строже, и я еще не могла его видеть. Каждый день ношу ему что-нибудь поесть, могу дать коротенькую записку и получаю ответ, что он получил все, здоров, целует. Это очень утешает — видеть почерк. Я подала заявление прокурору, прося освобождения по его

возрасту, болезни сердца, хороших отзывом местной сельской власти, открытой жизни 7 с половиной лет под своим именем. В среду получу ответ... Ехала я с ним вместе и в Гребенке сидела с ним от 4-х ч. в субботу до 8-ми утра в воскресенье. Это была великая милость Божия.

Сиденье в Киевской тюрьме продолжалось 5 месяцев: с половины сентября 1924 г. до половины февраля 1925 г. Елена Александровна пишет: Болезнь, оказывается, была гораздо опаснее и тяжелее, чем я думала, и только терпение и незлобие в конце концов ее победили, а терпеть пришлось очень много. Теперь зато живем, как в раю, — именно такая жизнь, как мы любим. У нас комнатка хорошая, теплая — даром! Церковь — только небольшой дворик перейти, службы каждый день, чудные, с двумя хорами, два священника, один лучше другого. Питаемся то у них, то у друзей, которые нас всячески балуют, и все так полюбили мужа, что ты бы ликовала. (Нилусы, как выяснилось, жили в женском монастыре). Здесь все по-старому, — продолжает Елена Александровна, — и ты понимаешь, как мы блаженствуем. Любовь нам всячески оказывают и тащат нам так много, что некуда девать... И как пример: у всенощной проходит одна мимо меня, сует пакет и удаляется так скоро, что и лица ее я не разглядела. Разве не трогательно? Сергей Александрович присылает: Голова ходит кругом от пережитых и переживаемых впечатлений. Сейчас я с этой головой и всем своим сердцем погрузился в общение с людьми одного с нами духа, чего был лишен почти все время со дня отъезда из Оптиной, за немногими, конечно, исключениями, которые все-таки были. Не хватает дня, чтобы полноценно и достойно использовать эту радость, тем более, что теперь Великий пост, и много времени уделяется церковным службам.

Здесь надо упомянуть о том, что было в это время с Н. А. Володимировой: некто Костя обещал Елене Александровне взять ее к себе в деревню, но не взял. Несчастная старуха оказалась покинутой и без средств к существованию, она была совершенно беспомощной, не умея даже печь растопить и готовить пищу. Елена Александровна была вынуждена взять ее в Киев и в конце концов, по общему совету, решила ее отправить с провожатой к дочери в Ленинград. Характерное письмо этой дочери к Сергею Сергеевичу Нилусу, ее полубрату, который находился в Польше: «Еленище, — так она оскорбительно называет добрейшую Елену Александровну, — исполнила, наконец, свою месть... послать маму теперь к нам я считаю подлостью!» У этой дочери, женщины работоспособной, работали муж и сын. Зять объявил, что тещу выгонит на улицу и на деньги,

присланные родственниками Елены Александровны из-за границы, пришлось старуху вернуть обратно в Киев.

21 сентября 1925 г. Нилусы еще находились в Киеве и сообщали о том, что им пришлось выписать обратно Наталию Афанасьевну, т.к. ее зять грозил «причинить самые грубые меры». Вскоре после этого письма произошел второй арест Сергея Александровича и отправка его в Москву. В письме из Москвы 21 октября Елена Александровна пишет: *Я нашла здесь сразу, в какое учебное заведение перевели моего мальчика, и теперь уже могла ему передать белье и гостинцы, но приема еще нет: это так всегда бывает сначала. Насчет экзамена еще неизвестно ничего. Хожу к учебному начальству, чтобы все узнать, пока еще безплодно.* 19 ноября Елена Александровна встретила Владимира Карловича Саблера⁴⁹ и была рада его видеть. Только в письме от 26 февраля 1926 г. Елена Александровна, наконец, сообщает об освобождении мужа.

Относительно пребывания Нилуса в тюрьме на Лубянке до нас дошли сведения, во-первых, от одной американки, которая ездила в СССР и вернулась сама на себя не похожая от страха и всего виденного там. Во-вторых, от приехавших после войны ДИ ПИ⁵⁰. Пребывание Сергея Александровича в тюрьме было очень тяжелым. Его сажали в чулан, где нечем было дышать, и он в виде протеста отказывался от пищи. Власти по своим особым соображениям не желали его расстрелять, желая, чтобы он умер естественной смертью. Под конец постановили его выпустить. Елена Александровна до глубокой ночи стояла на дворе с шубой, но не дождалась. Только посреди ночи ему разрешили уйти. Сергей Александрович потребовал письменное разрешение. Ему выдал такое и выпустили на улицу. Но, как известно, на крыше стояли пулеметы, и его бы убили, если бы он пошел вдоль тюремных стен. В это время ехал мимо извозчик. «Братец, — крикнул ему Нилус, — провези меня через пару кварталов. Меня выпустили из тюрьмы, денег у меня нет». Извозчик его посадил и бесплатно довез туда, где жила Елена Александровна. Ехавший без шубы С. А. не простудился.

Вначале Е.А. писала из Москвы, что им не разрешают уехать. Жить им приходилось в разных местах врозь, пользуясь для сообщения трамваями. Под конец им удалось поселиться вместе, но жили они у кого-то в столовой, где постоянно сидели хозяйские и их собственные гости. Лестница там была без перил и такая скользкая, что Сергей Александрович упал и повредил руку. Сама Елена Александровна поломала руку, когда

ездила в Дмитров к своей сестре игуменни Софии. Все это из-за гололедницы. Наконец, в письме от 6-го апреля 1926 г. Елена Александровна пишет: *Нам приходится сегодня уезжать. Доктора позволили девочке уехать куда угодно, но не оставаться здесь. Выбрали г. Кролевец, Черниговской губ., куда нас зовет очень хороший друг протоиерея о. И. В. Здесь, в Москве, оставляем много друзей, чудных людей, которые больной девочке очень сочувствовали, пока она болела и также, когда она, слава Богу, поправилась.*

Приехав в Кролевец, Нилусы узнали, что им нужно заявиться в НКВД в Чернигове. По дороге туда, они застряли на 16 часов в Нежине. Там пошли в церковь и местный протоиерей — настоятель храма, пригласил их к себе в дом и дал им письмо к своим детям в Чернигове. Эти дети оказались милейшими людьми и приняли их, как близких родных. Оказалось, что их брат, молодой священник, давно, еще в Киеве, приглашал Нилусов жить к себе, но они потеряли его адрес. Он жил тут же в 12-ти верстах.

Когда Нилусы были в Нежине, они познакомились с тремя пожилыми сестрами, которые звали их к себе жить. Эти сестры так им понравились, что Нилусы стали колебаться между Нежиным и Черниговым. Но остановились на последнем из-за того, что Чернигов стоит высоко, и там хороший воздух. А самое главное — там находился Троицкий монастырь с его чудными службами. Приехав в Чернигов, они пошли утром к обедне и там встретили одну барышню, которая тоже в прежнее время звала их к себе жить. Ее звали Оля, ей 34 года, с ней был отец 82-х лет⁵¹. Оля возобновила приглашение, и Нилусы с радостью у нее поселились. Пишет Елена Александровна: *Когда я впервые ее увидела, я подумала — вот милягочка! Так оно и оказалось.* Оля поселила Нилусов в хорошей, обставленной мебелью комнате... *Страстную, — продолжает Елена Александровна, — почти всю провели в церкви, наслаждаясь монастырской службой, хотя и очень длинной, но не утомительной. Церковь эта одна осталась православной, и потому в ней соединяются все верующие⁵². И большое единение и любовь между ними. Некоторые уже и нас приняли в эту любовь, и на Святой мы были то у одних, то у других и познакомились с очень хорошими семьями, которые и детей своих воспитывают в истине и правде... Хорошего архимандрита арестовали перед Страстной. Мы успели его еще повидать. Скорбь эта была для всех.*

Елена Александровна восхищается красотой их нового местопребывания: *Дом наш на горе, а у подножия разлив реки Десны, так что пред-*

ставляется, как озеро с островом посередине, с домиками, не покинутыми еще, т.к. светятся вечером огоньки. За озером хвойный лес. Фруктовые деревья теперь в цвету и вода начинает сбывать. При лунном свете и при закате солнца вид восхитительный.

Жизнь Нилюсов в Чернигове продолжалась около двух лет. Елена Александровна пишет от 16-го марта 1927 г. Е. Н. Яблонской: Ты, верно, знаешь про нас, что нам Господь дает спокойную и очень тихую и мирную жизнь с очень милыми, добрыми друзьями, с которыми живем душа в душу. Наша хозяйка Оля и ее подруга Ксения окружают нас такой любовью, что стали нам, как родные дочери. То же самое пишет ей же и Сергей Александрович в письме от 24-го февраля 1928 г.: О том, как и с кем мы живем, ты уже знаешь по прежним письмам. Приютившая нас Оля — Ангел Божий и нам, как родная дочка. Уход за нами, стариками, идеальный, преисполненный любви и нежности. Ну, а на какие средства живем и даже прилично живем, тоже «пока»[sic]. Что будет с нами не думаем: сами себе, друг друга и весь живот Христу Богу предадим.

Увы! В промежуток между этими двумя письмами эта их мирная жизнь оказалась нарушенной. В открытке от 9-го мая 1927 г. со штампом «Киев», адресованной той же Е. Н. Яблонской, Елена Александровна пишет: Серези (С. А. Н.) не было дома, когда пришло твое письмо, — мы опять пережили тяжелое время разлуки, на этот раз всего три с половиной недели, и с 6-го мая он дома. Однако на его здоровье это путешествие плохо отразилось, и сердце неважно; одышка, отеки ног. Поэтому доктор положил его на неделю в постель, на молочную диету, которую он начал сегодня. Дай Бог, чтобы помогло.

В письме от 14 мая 1928 г. Елена Александровна пишет снова Яблонской: Пишу тебе уже из нового нашего местопребывания. Из Чернигова нас попросили удалиться, к счастью, с возможностью выбрать самим — куда, за исключением Украины. Мы воспользовались давнишним предложением одного заочного московского друга поселиться у его вятя, священника⁵³, в трех с половиной часах от Москвы и в трех верстах от гор[ода]. Александрова, Влад[имирской] губ. в селе Крутец. Это историческая Александрова Слобода, куда удалялся Иоанн Грозный. Здесь люди очень хорошие, местность восхитительная, пригорки, поля, луга. Церковь рядом, священник правильный. Московские доброжелатели вняли на себя все о нас попечение, и мы живем без всякого беспокойства за завтрашний день. Но все же, по многим причинам нам тяжело было покидать Чернигов, где так хорошо нам жилось. Наталью Афанасьевну пришлось оставить там. Оля

ее очень полюбила, и Наташа ее также, так что мы за ее счет покойны, но все же жалко жить врозь. Оля была сначала с нами здесь, помогала нам во всем, а теперь она уже вернулась домой. Муж последнее время в Чернигове себя чувствовал очень плохо, и здесь еще тоже не можем очень похвалиться, хотя он все-таки лучше ходит, довольно большие совершает прогулки. Начали принимать йод, и я надеюсь, что с помощью Божией на таком чистом воздухе он поправится.

Увы! Поправиться Сергею Александровичу уже не пришлось. Лето 1928 г. было последним летом в его жизни. Ему оставалось жить всего несколько месяцев. В письме от 29-го июня 1928 г. он пишет Е. Н. Яблонской: *Вот уже третий месяц пошел, что мы опять на новом месте. Такова о нас, видно, воля Божия — не засиживаться подолгу на одном месте, чтобы успеть побольше «обойти городов Израилевых» (Мф. 10, 23) в ожидании близкого пришествия Сына Человеческого. Ты живешь своей тихой, трудолюбивой семейной жизнью, в обстановке, настолько похожей на прежнюю привычную, что вряд ли в головку твою и в сердце входят мысли и предчувствия, подобные тем, что волнуют наши души. Все пережитое еще переживается нами, особенно нами двоими, и потому «наши ушки» невольно на «макушке» — слышать, если не как трава растет, то все же больше того, что слышно ушам огромного большинства «однопневок», «эфемерид», живущих днем и о грядущем не помышляющих. А между тем грядущее не сулит ничего доброго: чего стоит разруха церковная и у нас, и в нашей Зарубежной Церкви? У вас раскол между Антонием и Евлогием⁵⁴... у нас Сергей⁵⁵, Михаил⁵⁶ и проч. Бедной православной душе негде и главы подклонить... Зная положение вл[адыки] Ф[еофана Полтавского], как мне о том писали, я огорчен до глубины души. Никто себе и в ус не дует! Что же м[итрополит] Ан[тоний] и м[итрополит] Е[влогий]? Привняюсь тебе: очень меня это смущает и заставляет подозревать, что не все на духовных высотах у вас там благополучно.*

Сергей Александрович и Елена Александровна глубоко почитали вл. Феофана как подвижника «не от мира сего», великого аскета, молитвенника и при том ученейшего архиерея во всей Православной Церкви, исключительного знатока святоотеческой литературы. Нилус наблюдал необычайную отзывчивость верующих, живших в советском аду, к своим духовным пастырям и друг ко другу и почувствовал, что у нас в эмиграции нет и тени той святой жертвенности, какая царила

«там». Но Сергей Александрович не знал даже того, что в Париже открыта была Духовная Академия и что ректором ее не был назначен бывший ректор С.-Петербургской Духовной Академии, знаменитый богослов, архиепископ Феофан, а вместо него был назначен бывший марксист и профессор экономики протоиерей С. Н. Булгаков⁵⁷, правда, исключительно талантливый человек, но игнорировавший аскетику и свв. отцов, коими он вовсе не интересовался, отбрасывая их учение в сторону и предлагая свои домыслы взамен. Нам рассказывал ныне покойный И. М. Концевич⁵⁸, возвращавшийся в Париж с какого-то съезда вместе с о. Булгаковым, что последний обратился к нему, в то время студенту Сорбонны, с просьбой рассказать ему о преп. Серафиме Саровском, о котором о. Сергей имел самое туманное представление⁵⁹. «Запомнился мне острый взгляд о. Сергия, — говорил нам И. М. Концевич, — его умные глаза одаренного человека, казалось, пронзали вас насквозь. Но благостного в этом взоре не было ничего, ни даже простой приветливости. Он очень любил своих друзей и многочисленных поклонников, но к остальным был равнодушен. Во время богослужений фигура его поражала: часто фелонь свисала набок, а богатая шевелюра была всклокочена».

Кончина С. А. Нилуса

1928-й год был последним годом в жизни Сергея Александровича. Он скончался 1-го января вечером на пороге начинающегося 1929 г.

Елена Александровна пишет племяннице в Париж: *Дорогой мой вчера вечером скончался. Подумай! — когда во многих местах служили все-нощную батюшке Серафиму! Все так скоро случилось: были у обедни, потом завтракали. Перед обедом стало нехорошо. Два припадка прошли благополучно. Он сидел и разговаривал с нашими хозяевами, поиграл с маленьким внуком, т.е. говорил и смеялся. Опять припадок, и после трех сильных вздохов — все было кончено. Лицо чудное. Всю ночь провела с ним. Одна читала псалтирь, всех просила лечь. Я спокойна, я знаю, как ему хорошо. Он был очень готов. Каждый день говорил про смерть. Благодарю Бога, что умер на моих руках. Часто бывали обмороки, и я боялась, что его принесут. Теперь он еще в нашей комнате, а к вечеру понесем его в церковь и в четверг похороним его на месте, которое сам выбрал.*

Письмо от 23-го февраля 1929 г.: *Ты знаешь, как вся радость жизни теперь ушла, как стало одиноко и пусто. А все-таки я благодарю*

Бога за все и за прошлое, разумеется, и за его чудную кончину... Он явился во сне одному умирающему иеродиакону и много говорил ему о благодати Божией и о том, как легко умирать: никакого страдания, душа легко разлучается с телом. Этот бедный очень боялся смерти, и всякая боязнь прошла после этого видения. Он, муж мой, был очень светлый и приятный. Он говорил о том, что все проникнуто благодатью Божией, что благодать не отвлеченное понятие, как мы думаем, а совсем другое. Много еще говорил, но больной был очень слаб и не мог всего передать, но главное сказал и скончался вечером перед 40-м днем мужа. Разве это не поразительно?

Еще милая Марина (дочь Филиппа Петровича Степанова⁶⁰) в самый день и час его кончины заснула после бессонной ночи при больном ребенке и во сне видела, что кто-то стучит в окно, что встала, смотрит: муж и я стоим под окном, и такое у него светлое лицо, как когда солнце освещает снег. И все-таки она ничего не подумала, только, что, может быть, мы скоро опять будем в Москве и к ней зайдем, зайдем, как часто заходили.

Еще Елена Александровна писала племяннице, чтобы она не беспокоилась о том, что Сергей Александрович умер как бы внезапно, будто бы без должной подготовки. Но, — пишет она, — он был делателем непрестанной молитвы, которая была его вторым дыханием. И действительно, еще за много лет до его смерти, наблюдая за ним, можно было видеть его левую руку, пребывающую в кармане пиджака, перебирающую четки, которые он там тайно носил. Также и Елена Александровна непрерывно творила Иисусову молитву и даже ночью во сне чувствовала порою ее движение в сердце.

Кончина Н. А. Володимировой

После смерти мужа Елена Александровна вернулась в Чернигов к Натальи Афанасьевне, которую она целые 4 года содержала, давая уроки иностранных языков.

В письме от 12-го декабря 1932 г. Елена Александровна пишет: 17-го октября по старому стилю, тихо, безболезненно и мирно скончалась моя милая Наталия Афанасьевна — так тихо, что, стоя над ней, не могла уловить ее последнего вдоха. Незадолго причащалась, не страдала, только видимо слабела. Последнюю ночь она часто крестилась, читала наизусть свои вечерние молитвы, засыпала и опять за них принималась. Ты меня поймешь! Я благодарю Господа, что Он дал мне, если я и нанесла

давно большое горе Наташе, прожить с нею эти последние 4 года, вабо-
титься о ней и похоронить ее, что сделать, как следует, мне помогли до-
брые друзья: кто в долг дал, кто пожертвовал, а главное, сняли с меня все
хлопоты и заботы и мне было прямо умилительно, когда я села на дроги
воле ее гроба и поехали на кладбище. Так надо было, так должна была
кончиться история нашей жизни.

Кончина Елены Александровны

Елена Александровна прожила еще более пяти лет после этого, и кончина
ее произошла при драматических обстоятельствах. Похоронив Наталью Афа-
насьевну и чувствуя, что ходить давать уроки ей уже не по силам, она в
1934-м году поселилась у одной многодетной молодой пары, где она помогала
смотреть за детьми. Это было около Вышнего Волочка. Дед этих детей жил
в Москве и был катакомбным священником. Одно время жена обиделась на
мужа и покинула семью, бросив детей на попечение Елены Александровны,
которая старалась всячески примирить мужа и жену. Елена Александровна,
наконец, достигла своей цели, помирила их. Но, увы! Наступило время ежев-
щины, и семья эта с чудными, религиозными четырьмя детьми оказалась
разгромленной. Что с ними случилось — неизвестно! Последнее письмо Елены
Александровны, полученное ее племянницей, было датировано октябрем
1937-го года⁶¹. Оказалось, что воспитанницы ее покойного брата, основавшие
гимназию в г. Ирпени возле Киева, звали ее к себе. Но, как они написали
позднее, Елена Александровна для них совершенно неожиданно оказалась на
Кольском полуострове в г. Коле, куда она добровольно поехала, чтобы со-
провождать туда графиню Ольгу Комаровскую.

— Тетиленина жертва, — пишет Надя З., — не была утешительна
для Комаровской и доставила ей много трудностей. Тетя Лена болела
2 недели, упала в сенях. Думали — сломаны ребра, но оказалось — ребра
целы. Но у тети был жар и бред. Бредила, что едет на пароходе в Иеру-
салим с Императрицей. И, к счастью, разговор с нею вела по-французски.
Умерла 10 апреля 1938 г. тихо, хорошо. Ей было около 83-х лет.

Итак, кончилась жизнь большого церковно-исторического человека,
ушедшего с лица земли видимой и временной, жизнь, протекавшая на фо-
не угасания славной, неповторимой Святой Руси, под воздействием наси-
лия еще более лютого, чем татарское иго — богоборческого, сатанинского
ига воинствующего коммунизма, грядущее явление которого так ясно про-
видел и открыто запечатлел в своих писаниях обладатель проникновенно-
го, трезвого и твердого духа — Сергей Александрович Нилус.

II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

КОРЕНЬ ЗЛА: ИСТИННАЯ БОЛЕЗНЬ РОССИИ*

I

ГДЕ КОРЕНЬ ЗЛА? В чем истинная болезнь России?

*Начало всех начал,
Источник света, жизни,
Первообраз, Истина
— Бог Единый и Всеобъемлющий.
Все от Него и через Него,
все — в Нем, и все — к Нему.*

*Власть Бога Единого
и Нераздельна.*

«Без Него ничтоже бысть, еже Бысть»¹.

Историческое (равно и доисторическое) человечество, следы жизни которого навеки запечатлены в Божественном Писании и в гражданской истории, представляет разнообразные формы своей общественной жизни. Но каково бы ни было разнообразие человеческого творчества в деле самоорганизации, это творчество исходило из одного источника и неуклонно к нему возвращалось как к основному принципу, без которого немислимо никакое существование как общества, так и отдельной личности — к принципу *власти*. В первобытных ли семьях доисторического человека, в уединенном ли его отдельном самостоятельном существовании, в сложных ли организациях современного народовластия, установление принципа власти являлось основанием всего уклада жизни: власти духа над плотью, отца, патриарха — над семьей и родом, наконец, Царя — над племенами. Незыблемость и вековечность этого бесконечно жизненного принципа, этого краеугольного камня всякой общественной жизни на всевозможных ступенях ее развития и во всех уголках нашей планеты, где только жили и живут, действовали и действуют человеческие существа, доказывают нам с неотразимой силой, что без него не может жить ни отдельная

* Составители выражают искреннюю благодарность Александру Николаевичу Стрижову за предоставленные для публикации данной брошюры.

личность, ни семья, ни общество, а следовательно, не может жить и государство.

Но власть как идеал, к которому, как ко всякому идеалу, должно стремиться самоустраивающееся человечество, должна быть *едина и нераздельна*, чтобы оставаться властью.

Не можем мы себе представить иного человеческого организма кроме от века сотворенного, в котором части тела, каждая исполняющая свое назначение, все в общем движении своем и работе на службе всему организму, притом работе несамостоятельной, подчиняются единому своему венцу — голове, в извилинах мозга которой сосредоточена власть разума, созидающая разумность существованию всего организма. Можем ли мы вообразить себе человеческое существо с двумя или более головами, каждая со своим отдельным мозгом, самостоятельно управляющим отдельными частями тела? Мыслимо ли существование такого организма и не претит ли оно всему существу человеческому?

Идеал Божественный и потому единственный, к которому должно в своем самоустройстве стремиться человечество, есть Царство Небесное с Царем Небесным во главе этого светозарного Царства неиссякаемого блаженства.

Несовершенству человеческого разума Царство это было открыто Божественным Откровением, данным во всей полноте миру его Спасителем.

С учением Христа, казалось, должно было бы настать на земле Царство Небесное, не только духовное малых труждающихся и обремененных, но и телесное всех вообще без различия бедных от богатых, слабых от сильных, устроенное в духе христианской любви и милосердия. Но оно не устроилось, да и не могло устроиться. С одной стороны, языческий, животный и грубый цезаризм², хотя с течением веков и обращенный в формальное, внешнее христианство, с другой, христианская община, лишенная своих духовных царей, апостолов, начавшая сама в себе разлагаться без авторитетной власти этих апостолов — все это не дало укрепиться на земле желанному Царству.

Пала чистота священного предания, искаженная языческим царством грубой силы, хотя и смягченной христианским учением, *ослабела власть*, и стали одно за другим падать царства. Пал Рим³, пала Византия⁴, пала Империя Карла Великого⁵, пала могущественная Испания⁶. На обломках этих царств восставали мелкие сравнительно с ними государственные единицы, восставали и вновь падали, и вновь восставали, чтобы вновь пасть. И через всю эту систему хронических падений красною нитью как средством к поднятию проходило *укрепление власти*, как регулятора общественной и политической жизни народов. Но власть эта,

не имевшая в своей основе божественности своего происхождения, лишенная истинной теплоты христианского учения, преподающего, что «нет власти, аще не от Бога»⁷, вырождалась в деспотизм, в разгул и своеволие ближайших этой власти, в угнетание слабых, в бездушную заносчивость и жестокость сильных. Наступавшая реакция снизу, в свою очередь лишенная устоев в христианстве, вырождалась в деспотизм еще худший — в борьбу всех против каждого и каждого против всех. Недолговечный режим создавал и недолговечные идеалы, неуверенность в завтрашнем дне рождала и соответственное отношение ко дню текущему со стороны рук, держащих власть народную. Такой неустойчивости правового и политического порядка, какого мы, участники или деятели текущей истории человечества, являемся страдающими зрителями, мир не видывал с тех пор, как в нем получила жизнь государственная идея. Древний Египет счет вел своему существованию тысячелетиями⁸, Персия⁹, Ассирия¹⁰, Вавилон¹¹, наконец, Римская Империя — все это образцы непонятной нам долговечности. Зиждилась эта долговечность на принципе, проведенном во всей чистоте — *власти единой и нераздельной*. Рим как республика с выборным его началом мог существовать только как маленькое орлиное разбойничье гнездо, тесно сплоченное ввиду угрожающей ему ежедневно опасности от соседей. В гнезде этом каждый с детства знал и намечал своего будущего атамана. Но и в Риме с расширением пределов гнезда появилось стремление к установлению определенной власти: сперва — консулы, диктаторы, триумвиры¹², а затем народная государственная созревшая идея создала как идеал власти и могущественных императоров. Но власть эта, созданная на почве язычества, должна была роковым образом привести себя к самообоготворению и тем самым к самоуничтожению, хотя все же и она как власть, как часть принципа вечного просуществовала, сравнительно с современными принципами, весьма долго.

Современный принцип — народовластие, самоуправление, противопоставленный принципу власти самодержавной и нераздельной, *прямо этой последней враждебный*, девизом своим выставил на своем знамени: *Liberte, Egalite, Fraternite**. Провозглашенный всего какое-нибудь столетие тому назад нацией, считающей себя передовою, он довел теперь тех же своих авторов, французов, до того, что они, указывая на эти широ-

* Свобода. Равенство. Братство. (фр.) — масонский девиз Великой французской революции. — *Сост.*

ковещательные слова, изображенные золотыми буквами на фронтонах общественных зданий *du peuple souverain** глумятся, злорадно говоря:

«Liberte — point. Egalite — point. Fraternite — point**», — и ждут не дождутся, чтобы крикнуть: *vive l'Empereur****, в *Empereur*'е ожидая, конечно, не христианского монарха, а демона Наполеона I. Такова уже роковая судьба проведенного во всей чистоте выборного начала: необузданная свобода вырождается в кровавый деспотизм — Маратов¹³, Робеспьеров¹⁴ и им подобных.

Посмотрите внимательнее на Запад, кумир наших беспочвенников: что за мракобесие там творится! Америка за какое-нибудь пятидесятилетие выродилась в царство мамона, золотого тельца, тяжестью своего доллара почти раздавившая своих экономических рабов. Австро-Венгрия на наших глазах распадается на струпья парламентской проказы. Англия — этот идеал самоуправления, в своем парламенте считает зубы своим членам. Германия, несмотря на Императора Вильгельма¹⁵, с которым ей поневоле приходится считаться, мечтает о восстановлении цветных клоков своего политического одеяла. А Панама французов¹⁶, Дрейфус¹⁷, анархизм¹⁸ с его бомбами и резней невинных жертв! Все это живые примеры неизбежного, рокового вырождения выборного начала, противного всему существу человеческой природы, живой и деятельной только при условии осуществления даже в каждом отдельном человеке твердой, единой воли, укрепленной религией, дающей смысл и значение всему существу. «Кесарево — кесареви, Божие — Богови!»¹⁹

Православная Русь, так много на своем веку страдавшая, истерзанная сперва собственными усобицами, доведшими ее до смиренного сознания: «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приидите княжити и володеть нами!»²⁰, затем усобицами княжескими, истоптанная и искалеченная крепкими, как сталь, копытами коней диких кочевников, укрепившаяся духом при князьях — собирателях Земли русской, достигшая расцвета своего могущества и отпраздновавшая свое тысячелетие при Императорах Всероссийских, являет собой в современной истории единственный пример государственного долголетия, даже вечности, благодаря исключительному своему Боговдохновенному стремлению к идеалу: *Единой*,

* Независимого народа (фр.). *Ред.*

** Свободы — нисколько. Равенства — нисколько.

Братства — нисколько. (фр.) — *Сост.*

*** Да здравствует Император (фр.). — *Сост.*

Самодержавной власти Помазанника Божия, стоящей превыше земной злобы и зависти сынов мира, укрепленной притом и освященной Христом рукой Святой Его Церкви. В этом идеале — источник и цель жизни всего русского народа.

Всякая попытка к умалению этой Власти — тяжкая болезнь России, утрата Россией этой Власти — ее смерть без воскресения.

Россия больна, несмотря на видимое ее могущество, заставившее перед ним преклониться в краткое царствование Незабвенного Царя-христианина²¹ все народы. Сердце Царево страдает, ибо Сердце Его — Сердце болящей России. Мы — чешуйки кожи над пораженным болезнью органом — повышением своей температуры указываем, где больное место. И все ждем врача, ждем его и ищем: одни — в самих себе, хотя ни один врач сам себя не лечит, другие — в Боге, держащем в Руце Своей Сердце Царево²².

Посмотрим же, постараемся мы, ближайшие к очагу болезни, все более и более распространяющейся, взглянуть, где же ее причина, в чем лежит ее заразное начало? Не будем надевать на себя ни маски ученого лицемерия, ни тоги гражданской скорби, взглянем на дело проще и не поклонимся идолу одолевшей нас фразы.

Россия развивалась и крепла, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам. Не успела она свалить со своих могучих плеч Смутного времени, не прошло с восстановления целостности России, с воцарения Дома Романовых²³ и полу столетия, как над ней заблестела восходящая звезда, вскоре залившая потоками света Россию от края ее и до края — звезда Петра Великого²⁴. В этом Царе-гиганте воплотилась вся мощь Самодержавия, двинувшая Россию по пути к славе и величию толчком истинно титаническим. Царь этот, начавший свое царственное поприще тяжелыми карами против развившейся за его малолетство крамолы, грозный и решительный, умевший в то же время быть добросердым и простодушным, кончил свою жизнь, как и подобает Русскому Царю, истинным христианином, положившим душу за други своя.

Величественно и определенно поставленный принцип провел благополучно Россию сквозь Сциллы и Харибды²⁵ регентства и иноземного влияния вплоть до нового воплощения той же бессмертной идеи в Екатерине II²⁶. Эта идея, хотя и была искажена Павлом I²⁷, но и в искажении своем она все-таки была им укреплена в одном направлении, без принципиальных колебаний. Со смертью Павла и с воцарением Александра I²⁸, а с ним идей Лагарпа²⁹ и Чарторыйского³⁰, появились первые признаки ныне развившей-

ся болезни, выразившейся в стремлении Власти к самоумалению и в насаждении иноземного бюрократизма.

Декабрьские дни, сопровождавшие вступление на престол Императора Николая I³¹, характер и величие этого истинно русского Царя вновь возвысили Монаршую власть и помогли Его Венценосному Преемнику, Царю-мученику³², осуществить заветную идею Престола — освобождение крестьян, совершить неслыханное в истории и доступное только Единодержавной Воле деяние, эту дивную и притом чисто христианскую, безкровную революцию сверху³³. Увлечение этим чудным актом Самодержавия, нашедшего себе достойных самого дела исполнителей в лице поместного дворянства, ближайших слуг Царя, Его истинных дружинников, во время несдержанное, завершилось прискорбнейшим событием — установлением выборного самоуправления в народе-младенце³⁴. Это раздробление власти, да еще в такое время, когда эта власть была особенно необходима во всей своей полноте неограниченности, омрачило благословенное царствование и роковым образом довело его сперва до «излюбленных»³⁵, затем до «диктатуры сердца»³⁶и, наконец, до 1-го марта³⁷.

Неслыханное злодейство, увенчавшее венцом мученика Царя-Освободителя, имело отрезвляющее значение для всего народа, заставило его на себя оглянуться с негодованием, с ужасом на свое недавнее прошлое и дало вновь Государю в Его самодержавных предначертаниях нужных и достойных помощников и исполнителей Его Священной Воли. Что принесло России во всех отношениях незабвенное царствование Императора Александра III, к великому национальному горю столь кратковременное — это достояние настоящих и будущих историков³⁸. Этот великий Самодержец был похищен от нас безжалостной смертью при самом начале своей царственной работы над внутренней Россией после того, как он, истинный Провидец, поднял и укрепил сперва национальное самосознание в глазах всей Европы, на которую мы со своим иноземным воспитанием приучены были с детства смотреть снизу вверх раболепными глазами. Умер Он, но дело Его осталось и над делом Его Надежда — Бог Земли русской и Царственный Его Сын, наш Государь, Которому достались в наследие и тяжелые, правда, заботы о болеющей России, но вместе с заботами и самоукрепленная Монаршая Власть, залог близкого выздоровления родины.

Итак, корень болезни России — самоумаление Державной Власти, выборное народоправство, вернее, самоуправство и как следствие уклонения от Божественного принципа — небрежение к святым началам Православной Церкви, посеянное народоправцами в руководимом ими стаде. Это не-

вероятно дикое положение, создавшее государство в государстве, длящееся сорок с лишком лет, обратилось теперь в такую болезнь, от которой криком закричала вся Россия. Провинция в лице даже некоторых своих земцев застонала и заскрежетала зубами от нестерпимой боли. Органы ежедневной прессы разных оттенков и направлений занялись этим жгучим вопросом. Вопросы дворянский и крестьянский, рассматриваемые порознь и вместе, стали предметом неусыпного внимания всей мыслящей и читающей России. Нарыв назрел. Он готов прорваться. Все дело в том, куда он прорвется, — внутрь, вглубь организма и заразит кровь, или наружу, и наступит благодатное исцеление.

Влияние бюрократии на провинциальную жизнь — ядро России, является к настоящему времени настолько выясненным, зло, этому ядру приносенное и приносимое, так очевидно, что я не стану на нем утруждать внимания читателя. Я прямо перейду к тому злу, которым русское общество частью намеренно, частью легкомысленно туманит свои очи.

Надвигающаяся на Россию ее внутренняя гроза создана и вызвана **Земским самоуправлением и вообще всяким выборным самоуправлением, не исключая и дворянского, как принципом не только чуждым, но и прямо враждебным самодержавной Власти, Единой Создательнице вкупе с народом, Ее совещательным органом, величия и могущества России³⁹.**

Что такое выборное начало? Что представляет собою Земство и вообще русское самоуправление? Что дало, наконец, это самоуправление России за четыре десятка лет своего существования?

Ответы на эти вопросы, притом ответы прямые и безстрашные, должны установить и основания, почему принцип выборного самоуправления должен быть по возможности безотлагательно предан всенародной публичной казни.

Эпоха освобождения крестьян, пора всеобщего увлечения неограниченною свободой, как и всякая необузданная радость некультурного человека, выразилась самозабвенным буйством и членовредительством. Политически малокультурные русские люди, по праву или даже без всякого права считавшие себя пособниками создания великого освободительного дела, посадили себе на спину новорожденного младенца, выкинутого на полную свободу, на широкую общественную улицу. Опьянившись радостью ребенка, как будто бы и взрослые люди сами не заметили в своем увлечении, как ребенок свалился с их спины на мостовую и ушиб себе в кровь голову. Видят взрослые люди, дело — дрянь: плачет ребенок. Надо ребенка

утешить, чтобы от родных увеселителям не попало, надо ребенка новой игрой позабавить, заставить перестать плакать. Посадили его на стул высокий, дали ему книжку с картинками. Затих ребенок, рвет себе из книжки листик за листиком, а взрослые люди стали листики подбирать, да сами разорванною книжкой и зачитались, а про ребенка опять забыли. Упала себе деточка с высокого стула и так разбилась, что уже не плачет, а еле дышит, а взрослые люди, крику не слыша, до сих пор оторванные листки читают, все никак начитаться не могут.

Шуточное это было время, время безумием горящих глаз, жарких споров о благе общем, фразистых изречений о прогрессе, филистерстве⁴⁰, культуркампе⁴¹. Оттого и годна для его характеристики моя сказочка. Счастье еще для России, что вся эта трагикомедия послеосвободительного периода была задумана и проведена в жизнь без преступного и заранее обдуманного намерения, по простоте сердечной, наподобие Маниловского моста через пруд — не то бы осталось от нашей родины, если бы проделанный эксперимент получил свое начало от людей посерьезнее, способных похитрее и обдуманнее обмануть Монаршее доверие.

Но шутка длится уже чересчур долго — пора с ней и покончить: такая игра не доведет до добра... да уже не довела.

Что такое выборное начало?

Это — мутная вода, в которой водится всякая — крупная и мелкая — рыба. Эту рыбу всякому лестно выловить неукоснительно в свою пользу. Мутится эта вода натурой, общими усилиями всех прикосновенных к этому занятию лиц, в этой воде толкущихся, и дает эта вода при замутнении выплывать на свою поверхность элементам наиболее легковесным. Все же или почти все наиболее солидное, тяжелое, по физическим законам остается на дне и собою в свою очередь представляет также рыбу, из которой варят себе ушицу выплывшие на поверхность. Кому, хотя бы до некоторой степени прикосновенному к избирательной борьбе, не известно это основное свойство всяких выборов? Личные заслуги и личные достоинства человека более или менее самостоятельных убеждений обязательно тянут его ко дну избирательного сосуда, потому что те отрицательные качества, которые требуются от избираемого, главным образом, способность ко всевозможным компромиссам, не могут ужиться, хотя бы и ради победы, с достоинством истинного гражданина. Вспомните баллотировку в гласные в Михайловском земстве гр. Д.А. Толстого⁴². Недаром же избирательной борьбе присвоено классическое прозвище «выборная интрига». Уже самое это такого отталкивающего характера название дает ясное представление о том, каковы бывают результаты действия выборного начала. Правда,

в великие эпохи, в пору особого подъема народного духа, в години общенародного жгучего горя выборное начало в *помощь власти* рождает героев, выдвигает из себя действительно лучших людей, но подъем духа, по самому уже свойству человеческой природы, бывает кратковременным и не может долго удержаться на первоначальной своей высоте. Вырождение наступает необыкновенно быстро, в быстроте своей соперничая разве с быстротой зарождения. Классические страны Suffrage universel'я* — Франция и Соединенные Штаты. Что являли они собой в их великие дни, во дни духовного своего подъема и что дают они теперь во время мирного течения народной жизни! Посмотрите на них, особенно на Францию, и вы увидите зловещие признаки уже наступившего разложения того выборного начала, за которое мы в своем преступном ослеплении стараемся еще так цепко держаться: деморализация поголовная, поголовная гибель семьи, подкупы и общий протест истинных сынов родины, протест боязливый, ибо протест меньшинства, но тем не менее и в робости своей полный негодования и скорби.

Естественный упадок высшего напряжения духовных сил среднего человека, представляющего своей подавляющею массой все почти избирательное стадо, низводит стремления и порывы этого человека на степень низменных интересов и мелких пошленьких страстишек обыденной, серенькой, будничной жизни. Этот средний человек по натуре своей глубоко равнодушен, особенно у нас в России, ко всем явлениям, носящим общественный характер, и, преданный только своим узкоэгоистичным наклонностям, с трудом, с величайшими потугами склонен изменить коренному своему принципу: «моя хата с краю — ничего не знаю». Это тупое равнодушие и эгоизм массы находят себе в выборном начале и соответственных представителей, пароль и лозунг которых: момент... да мой! Для захвата себе этого момента, этого куска общественного пирога эгоистичная предприимчивость не останавливается решительно ни перед чем, играя, конечно, на самых низменных инстинктах толпы для достижения в большинстве случаев одних только низменных целей.

«Присосаться к общественному пирогу», «урвать кусок общественного пирога» — выражения, не мною придуманные ad hoc**, ярко характеризуют пресловутое выборное начало. Понимания общегосударственных задач в этой мути не ищите. При выборной системе отсутствует сплошь и рядом даже сознательное отношение к местным, областным нуждам и интересам —

* Всеобщей подачи голосов (фр.), т.е. демократии. — *Сост.*

** К этому, для данного случая, кстати (лат.). — *Сост.*

все сводится к торжеству мелкого честолюбия, задуманной и проведенной партийной интриги и к удовлетворению партийных вожakov жалованьем и почестями за счет выдвинувшего их общества избирателей. Раз эти цели достигнуты, весь промежуточный период от избрания до избрания уходит на укрепление старой партии или на создание новой путем угождения все тем же низменным людским страстишкам.

Проследим избирательную психологию с самой мелкой административной единицы — села и волости. Мое безпристрастное показание как коренного жителя деревни, профильтровавшего через себя довольно продолжительное увлечение призрачною свободой выборного самоуправления, не может быть лишено интереса для желающего вникнуть в его подоплеку.

Состав избирательных собраний этой единицы представляется сельским и волостным сходом из одних крестьян. Естественно, благодаря безграмотности указанной избирательной толпы речи и фразы отсутствуют, политическая программа кандидатов на избрание не подвергается обсуждению. Зато во всю свою ширь и во всю свою мощь начинает работать матушка-водочка: «Иван Петров стравил сходу 5 ведер, да его не взяла! Петр Иванов дал на 7 — его и выбрали». Нравственные качества кандидата в расчет не принимаются, да о них никто из избирателей в простоте сердечной и не заботится. Выбирают на платную волостную должность или кого побогаче, пользующегося обеспеченным от хозяйственных забот досугом (преимущественно из удалившихся от дел кабатчиков-рантьеров⁴³, отставных урядников⁴⁴, волостных⁴⁵ писарей и т. п. из деревенской аристократии). Коренной, истовый или, как их у нас называют, «портовой» хозяин из крестьян на эту должность идет туго по неохоте к службе вообще, из боязни служебной ответственности за других, да, наконец, просто за недосугом. На мелкие же полицейские, сельские должности, скудно даже для крестьянского бюджета оплачиваемые, тянут «силом» (насильно) самую, что ни на есть, последнюю дрянь деревенскую. Тем не менее эта дрянь, иной раз даже против своей воли сделавшаяся «начальством», с получением в свои руки власти начинает немедленно давить своего брата-мужика, до известной степени ему импопировать и кончает тем, что спивается с кругом от лишних, перепадающих ему «с миру» стаканчиков. Сколько даже сравнительно исправных мужиков в должностях сельских старост, десятских, сборщиков податей на моих глазах погибло безвозвратно от «пресыщения» этою властью⁴⁶. Волостные старшины менее подвергались этой роковой участи как ближе вообще стоящие под контролем правительственной

власти, особенно Земских начальников⁴⁷, где таковые стоят на высоте своего призвания.

Как я уже выше имел случай заметить, коренной мужик-земледелец неохотно идет в выборное «начальство», но если вникнуть глубже в дух крестьянина, то нельзя не заметить, что он, как дух истинно русского человека, остался к выборной системе самоуправления или совершенно равнодушным, или же прямо враждебным. Да это и понятно, потому что, раз в нем сохранилось здоровое нравственное чувство, он не может не видеть, и видя, не презирать результатов своего самоуправления. Все эти великолепные слова, которыми мы упивались во дни молодости и которые народниками⁴⁸ были приписаны народу в доказательство ему будто бы присущей склонности к выборному началу, слова о том, что «мир — велик человек» или «мир не обманет», на деле при близком знакомстве с деревней разлетелись, как сонное видение при блеске солнечном. Правда, когда по деревням еще было живо семейное начало, сын еще не таскал отца сажать в волостную, «холодную», пока еще сохранялась в своей хрустальной чистоте Православная Вера, не тронутая нечистыми руками «новых веяний», мир был силен своими «стариками», хотя далеко не в смысле начала самоуправления, как мы его теперь понимаем, а как патриархальное совещание мужей разума, совета, старейшин по важнейшим вопросам деревенской жизни. Взрослая молодежь, хотя и достигшая политического совершеннолетия, допускалась на мирской сход, но суждение свое высказывала редко и главным образом поучалась. Все вопросы, составлявшие предмет совещания миром, разрешались в действительности только немногими «стариками». Производились и выборы должностных лиц и все тем же наиболее зрелым элементом сельской общины. «Как старики положили, так тому и быть». Это было время сильной и твердой опеки над народом. Пока еще была светла память об этой опеке, был жив и «мир» как светлое и чистое начало. Исчезла эта память, сошли с житейской сцены «старики» — носители старых преданий, исчез и «мир».

Во что теперь выродилось это выборное начало, это деревенское самоуправление?

В лишний предлог лишний раз выпить на мирские или иные средства, не исключая, в крайнем случае, и собственных — в складчину. Элементом, вершающим все «мирские» вопросы, является всегда небольшая кучка открытых или тайных деревенских кулаков-мироедов, процентщиков, без креста на шее, поддержанная горлодерами деревенского отребья, их экономическими рабами. Еще остающийся в деревне немногочисленный здоровый элемент, не обладающий достаточною дозой нахальства, затира-

ется на сходе, и их робкий голос не имеет никакого кредита перед здоровенно глоткой рваного пиджака деревенского деятеля новейшей фабричной формации.

Это дикое, пьяное самоуправство не могло в должной мере быть урегулировано деятельностью нового, благодетельного по мысли, но несовершенно по проведению в жизнь Института Земских Начальников. Отмечаю этот факт с целью показать, что само Правительство, вопреки стонам шаманов либерализма *libres penseurs*'ов*, старающихся скрыть от него безотрадное положение деревенской общественной жизни, открыло истинный корень народного разложения, сидящий в выборном крестьянском самоуправлении.

Хотя работа выборного самоуправления сословия дворянского (самоуправления других сословий я не беру в расчет, ибо политическое значение их минимально), земств и городов производится руками более культурными, но характеристические черты психики выборного начала остаются в существе те же, что и в деревне. Нет той примитивной грубости важнейшего деревенского избирательного стимула — матушки-водочки, нет кулаков-мироедов, однокорытников с низшим сельским начальством, нет рваного пиджака мирского горлодера. Со стороны посмотреть — люди на высоте призвания знают, чего хотят, и хотят как будто хорошего. Здесь вы услышите речи о правах человека, провозглашение программы безкорыстного, чистого служения. Но взгляните поглубже, и под эту прилизанною, как будто чистенькою внешностью вы увидите и ту же водочку, и тех же мироедов, и тот же пиджак, и то же равнодушие массы к общественному делу.

Водочка в былые времена, еще очень недавние, пожалуй, даже еще не канувшие в вечность, заменялась, если еще и теперь не заменяется, так называемую «кормежкой» или полного состава избирателей, или наиболее влиятельных партийных вожаков, чествуемых зваными обедами, устраиваемыми с избирательными целями кандидатами на избрание. Кулаки-мироеды, пиджак, *ате дампее*** первых, орудуют с тою же силой у избирательных ящиков, даже с силой большею, так как они сами себе господа, и нет над ними Земского Начальника. Богатые, знатные и влиятельные ведут за собой, куда хотят, своих клиентов, которым благодаря своему экономическому рабству только и нужно, что хорошо оплачиваемая общественная должность, могущая кстати удовлетворить и низменному

* «Свободных мыслителей» (фр.). — *Сост.*

** *Преданнее (душою и телом) (фр.). — Сост.*

честолюбию. Конечно, при таком положении избирательного дела все основано на умении лавировать среди всевозможных партийных течений, жертвуя для того, естественно, и совестью, и честью. Образовавшаяся с течением времени привычка к такого рода жертвам формирует из человека настоящего волка избирательного моря, окончательно не стесняющегося в выборе средств для достижения успеха своим чисто эгоистичным стремлениям. До общественных ли тут интересов, хотя они, обыкновенно, для видимости и выставляются на первый план?

Но в этом воплощении выборного начала заключаются совсем особые черты, до которых еще не доросла деревня, несмотря на усиливающуюся год от году ее испорченность. Черты эти с укреплением за давностью в земском и городском самоуправлении сознания безнаказанности начинают выясняться перед наблюдателем все резче и резче и заставляют задумываться о том, что же ждет Россию, если эта безнаказанность все будет продолжаться и не будет, наконец, пресечена возможность дальнейшего развития этой язвы. *Язва эта заключена в стремлении, уже ясно выразившемся, главарей земского и городского самоуправления и в них воплощенного начала выборного самоуправления к обособлению, к выделению городов и земств в самостоятельные республики и к отпадению их от коренного государства.*

Прежде чем перейти к фактам, к рассмотрению улик прямых и косвенных, изобличающих наше самоуправление в сепаратизме, я считаю необходимым сделать небольшое отступление.

Основание необычайного роста могущества России — дух народный, поддержанный и укрепленный тремя принципами: Вера, Царь и Отечество. Это триединое земное составляет весь смысл жизни русского народа, это его Святая Святых — цель его земных стремлений. Посягательство на целостность одного из принципов с неудержимою силой влечет за собой нарушение Божественной гармонии и стройности, поистине неземной, целого. Это — аксиома, поддерживаемая всеми известными человечеству законами.

Религия, чтобы остаться в сердце ее исповедующих на своей первоначальной Божественной высоте, должна в глазах их и умах быть запечатлена чистыми руками Отцов Церкви и Ее служителями, от Них преемственно получающими благодать истинного учения, не затмеваемого ни лжеучениями сынов мира, ни модными фразистыми веяниями. Всякое покушение на преподание начал Св. Веры иными устами, кроме уст посвященных, является посягательством на ее чистоту с его роковым последствием — утратой Веры и религиозного чувства в народе. Эта ничем невознаградимая утрата Веры — нравственная смерть для всякого человека, а для русского

в особенности, ибо его Вера во все времена буквально горами двигала и из темного народа создала великую нацию, перед которой невольно преклонили голову все князья мира.

Власть царская, основанная на началах Св. Церкви, и, следовательно, происхождения по существу своему Божественного, в целях сохранения своей неприкосновенной чистоты и целостности не подлежит никакому ограничению кроме закона религии и с нею тесно и неразрывно связанных законов высшей нравственности. Как власть, создающая закон человеческий, хотя она тем самым и является первою и примерною его исполнительницею, но тем не менее в творчестве своем, целью которого должно быть безкорыстное в человеческом смысле созидание народного блага, не может быть ограничено даже и этим законом. Если в семье ослабевает или раздробляется власть отца, гибнет семья. Что же может ожидать такую несравненно более сложную организацию, как государство, при раздроблении государственной власти на самоуправляющиеся части?! Как в единой семье двух семейных авторитетов, взаимно друг друга уничтожающих, быть не может, так точно при единой и нераздельной Самодержавной власти не может существовать другая, хотя бы и местная только власть, создаваемая выборным самоуправлением. Даже пчелиной семье дано твердое и ясное понимание этого государственного начала. Почему оно не дано человечеству?

Одно из двух: или Самодержавный Царь, упование всего русского, сохранившегося еще в русском народе, или Всероссийская республика с Сенатом из всесловников, Предводителей Дворянства, Председателей всевозможных Управ, городских лорд-мэров и с Палатой Депутатов из Волостных Старшин и Сельских Старост. До этого ужаса едва ли, благодарение Богу, доживут и наши праправнуки, но что к этому направлены затаенные цели нашего самоуправления, наших «передовых» деятелей с их проповедью всевозможных эволюций, не может, мне кажется, вызывать ни малейшего сомнения. Признаки подпольной работы отделения выборной власти от исконной государственной, тщательно скрываемые от непосвященных взоров, немногочисленны, правда, но и в своей немногочисленности необыкновенно ярки. В самом консервативном элементе русского самоуправления — в дворянстве, даже и в нем за последнее время слышна стала работа в указанном направлении. Montesquieu [Монтескье]⁴⁹ еще отметил роль дворянского сословия в жизни монархии, говоря: «point de monarque — point de noblesse, point

de noblesse — point de monarque»^{*50}. Направление некоторых современных Губернских Предводителей Дворянства, поддерживаемое самими дворянскими собраниями, облакающими их своим доверием, клонится к слиянию сословий, к поглощению дворянства всесословным Земством. Эти предводители, ничуть не стесняясь возложенным на них званием, утвержденным за ними Высочайшею Властью, открыто и докторально объясняют предводимому ими дворянству об естественной будто бы эволюции им переживаемой. И дворянское самоуправление им благоговейно и с благодарностью внимает. Зараза эпидемической самоуправленческой вольницы поразила и часть сердец, бившихся еще недавно в унисон за своего Государя и чутко прозревавших все, что могло клониться к Его Государеву ущербу.

Если зараза тайного и далеко еще не всеми сознаваемого противодействия власти коснулась русского дворянского сословия, призванного от века быть стражами Престола, то в городском и земском самоуправлении это скрытое противодействие проявляется еще резче. Слыхали ли вы, какой гвалт в этих самоуправлениях поднимается, когда вопиющие, в них возникающие неурядицы требуют вмешательства Правительственной власти? В таких случаях деятели самоуправления, обыкновенно разбитые на враждующие между собой партии, с необыкновенным и трогательным единодушием сплываются и выступают на борьбу с этим вмешательством, которое они на своем политическом жаргоне именуют правительственным произволом. Горе назначенному Правительством Городскому Голове или Председателю Земской Управы — его, подобно овце, попавшей в волчью стаю, немедленно же постараются «подвести», а затем и растерзают только из «принципа», хотя бы личные качества правительственного ставленника и были вполне безупречны.

(А недавно бывшее столкновение Тульского губернатора с Богородицкою земскою Управой, позволившею себе переступить границу даже приличия по отношению к представителю Высочайшей власти в губернии! А сопротивление Курского земства устройству в губернии покровительствуемых самим Государем церковных школ⁵¹?)

Достаточно хотя бы только кажущейся неопределенности взглядов высшего Правительства на внутренние политические задачи, вождения самоуправления немедленно же начинают сказываться. Вспомните толки о конституции при начале каждого нового царствования, вспомните всепод-

* Состояние монархии — состояние дворянства, состояние дворянства — состояние монархии (фр.). — Сост.

данейшие (какова наглость!) адреса некоторых Земств, о которых не пишут, но о которых тем не менее говорят. Разве это не проведение в жизнь «принципа», тайно гнездящегося и тайно непрерывно работающего против законной власти. Малейшее колебание на высотах Престола достаточно для того, чтобы этот скрытый антагонизм горделиво поднял голову. Читаешь газеты и удивляешься, неужели же не видят, кому ведать надлежит, к чему направлены эти самоуправные стремления! «В Московской Губернской Земской Управе, — читаем мы, — получено извещение от губернских земских Управ — Орловской, Воронежской, Владимирской, Харьковской, Пермской, Костромской и Олонецкой о желании присоединиться к изданию земского органа печати в Москве».

Теперь мы, стало быть, находимся уже в фазисе объединительной работы: нынче — свой орган, имеющий будто бы служить мирным целям единого всероссийского самоуправления, завтра центральный земский всероссийский Исполнительный Комитет для тех же будто бы целей, послезавтра...?! Где же конец? Подумать страшно! Это уже не преступное легкомыслие — это система!

До чего, до какой мелочи (но мелочи тем не менее знаменательной) доходит это стремление к сепаратизму, где только на него не накладываются своевременно руку, видно из устройства земствами своих портретных галерей. Портретов общегосударственных деятелей в этих галереях не увидите; там все свои, свой *air fixe*^{*}, свои Добчинские, никому кроме местных вожак-ков неизвестные, но тем не менее горделиво висящие в назидание лжи и обману нашего позорного времени. Попробуйте снять с самоуправленческого гвоздика эти никому не нужные портреты... Батюшки светы! Самому Сенату не будет покоя: нарушение прав человека! Насилие!

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!

Но людей, а стало быть, и людские учреждения, судят по их делам. Может быть, это пресловутое самоуправление успело что-нибудь совершить великого за сорок почти лет своего существования? Может быть, оно улучшило быт самоуправляемого народа? Воспитало народ в незыблемых духовных началах, подняло его самосознание? Дало из среды своей великих деятелей на общегосударственной ниве кроме висящих в позолоченных рамах в залах отечественных парламентов?

Самоуправлению отмежеваны были в сферу его деятельности: народное образование, народное здравие, народное продовольствие и самообложение на удовлетворение вышешоказанной деятельности, включая в

* Застоявшийся воздух (фр.). — *Сост.*

эту деятельность и удовлетворение населения исправностью местных путей сообщения.

Следствие, произведенное сенатором С.С. Жихаревым⁵² в 1874 году над 193, дало такую картину положения земского народного образования: сельские учителя и учительницы толковали своим ученикам, что «порядки у нас дурные, что скоро наступит другой лучший порядок, когда бедные отберут землю у богатых». Показывая детям нож, эти воспитатели деревенского юношества объясняли, что «он пригодится резать господ». Сельские учительницы читали тем же детям про Стеньку Разина⁵³ и говорили, что «надо сделать бунт, перебить господ, как Стенька Разин перебил бояр, и что все должны быть равны». Так «образовывало и воспитывало» деревенское юношество, будущее войско Царя и Отечества, земство в эпоху ничем не стесняемого земского самоуправления. Стало быть, сильна была рука у земства, что она могла уничтожить всю политическую жизнь такого выдающегося по гражданскому безстрашию деятеля, каким был Жихарев, осмелившийся ради своего Государя приподнять уголок правды, скрывавшей земские тайны.

Слово — Бог — было изгнано из школьного лексикона. Священнослужители и церковные обряды подвергались осмеянию, правила Веры были в этой школе предметом глумления, семья как элемент, сдерживающий дурные инстинкты, — поруганию. Так шло до половины царствования Императора Александра III, до учреждения более бдительного правительственного контроля над местным самоуправлением. Такое «образование» дало обществу вконец испорченных полуграмотных дикарей. Масса, к счастью России, оставалась без «просвещения». За сорок почти лет своего существования земская школа, съевшая у общества большие миллионы, выпустила из своих стен на свет Божий только одну развращенную тьму невежества. Но затаенная цель этим достигалась: один из вековых устоев русской народной жизни — Вера — подвергался разрушению нечистыми руками.

Дала ли эта школа своего Ломоносова⁵⁴, не только Ломоносова, хотя Тредьяковского⁵⁵, чтобы появлением *одного* праведника было бы можно оправдать город? Никого. Полуграмотных мошенников много, но все же не настолько, чтобы поднять сколько-нибудь значительно процент народной грамотности. Выбитого же из колеи, без всяких нравственных принципов вредного элемента, распространителя нравственной заразы — сколько угодно.

В деле народного здоровья, этом излюбленном коньке, на котором любят выезжать земские деятели, может быть, в этой деятельности показало себя на высоте призвания выборное самоуправление?

Не станем смотреть на больничные дворцы, построенные земствами в своих центрах, где «всего есть, коли нет обману». До этого центра простому человеку деревни высоко, как до Бога, а между тем его-то кровная копейка на создание этих дворцов и тратится с безумною роскошью для прославления одних только имен создателей храмин. Что мы увидим в охранении народного здоровья в глуши деревни? Полную беспомощность, от которой гибнет ежегодно сотнями тысяч деревенская масса, гибнет безгласно, безропотно, в одной надежде на Бога, да на все еще орудующих по темным деревням знахарей. Держится эта земская медицина еще кое-как по тем местам, где еще цепляется за соломинку в борьбе за существование исконный дворянин землевладелец. Там и унывающий врач находит себе нравственную и материальную поддержку, там и больничка начинает приобретать чистенький и веселенький вид, там являются и необходимые медицинские средства, даваемые из последней скудости, прямо из последнего, не показывая правой руке, что творит левая. Но это — усилия отдельных лиц, иногда вовсе ничего не имеющих общего с земством. Роль же земства ограничивается только плохим ремонтом больничных зданий, когда-то устроенных в порывах увлечения земскими идеалами, да неаккуратною и нищенскою выпиской лекарств и столь же неаккуратною выдачей жалованья земским врачам. Далеко за справками ходить незачем: о том, как поставлена земская медицина, спросите любого, но только не «идейного» земского врача, спросите любого мужика в деревне — безпристрастный ответ не будет противоречить моему показанию. Нельзя же, в самом деле, упрекать в одном только невежестве нашего крестьянина, до сих пор предпочитающего умирать дома, на лавке, от вздорного нарыва на пальце, чем идти к доктору, удаленному от него за 30—40 верст (это расстояния центра. А — окраин?). Сорок лет плодотворной, а не показной деятельности должны же были бы пробить всякой толщины кору невежества и недоверия.

Несостоятельность самоуправленской медицины особенно ярко проявляется в години эпидемий. Немедленно тогда земства и города, поджав хвосты, идут за помощью к Правительству. Горделивое самосознание прячется тогда в задний карман и униженно признается собственное бессилие.

До чего под руководством земств пала в бездонную пропасть народная нравственность и до чего даже, по-видимому, благие начинания земского

самоуправления не имеют под собой плодотворной почвы, видно на действии новорожденного института земского взаимного страхования. Поверят ли моему безпристрастию, если я скажу, что деревни со введением этого страхования стали поджигаться самими крестьянами с целью получения страховой премии. Факт доселе неслыханный, трудно юридически доказываемый, но тем не менее многим из нас, живущим в деревне, известный как достоверное.

Что сказать о деятельности нашего самоуправления в деле обеспечения народа продовольствием? В улучшении народного быта?

За меня вопиет вся большая и малая пресса. Царские истинно царственные дары, частная благотворительность, я уже не говорю о Правительственной помощи из средств Государственной казны, помощи, которой, кажется, и конца не предвидится, — все это результат сорокалетней земской деятельности, ее одной и никого больше. Когда разоряется богатое имение, мы упрек в его разорении ставим хозяину и никому больше. Хозяин — земство, еще на моей памяти получившее от старого режима немолоченные за несколько лет мужицкие скирды и кладушки, оно и должно быть ответственным за разврат руководимого им населения, приучаемого теперь, если уже не приученного, к даровому хлебу, оно должно быть ответственным за то, до чего, до какого страшного экономического падения оно довело население. Если бы земское самоуправление было бы только управляющим на отчете, его надобно было бы отдать под суд за обманом нарушенное доверие, но раз оно было хозяином, раз его допустили играть несвойственную его дарованию роль, оно должно правительственной властью быть безследно изъято из современной и будущей жизни Российского государства.

Довольно наших малодушных заигрываний, довольно нашего постыдного преклонения перед фразой, довольно этой пресловутой свободы, граничащей с разбоем. Банкротство самоуправленских касс, городских и земских, голод и болезни народа, победоносного шествия которых не могут остановить даже знаменитые земские мосты, — все это вопиет к Царю, единому нашему упованию. Мы задыхаемся во мраке нашего земского безправия и безначалия. Должны быть восстановлены во всей их неземной красоте три великих принципа земли русской: Вера, Царь и Отечество, перед которыми да сокрушатся все сопротивные силы.

КАК ЛЕЧИТЬ БОЛЕЗНЬ РОССИИ?

Как вырвать зло с корнем?

«La lutte qui va s'engager sera reellement grande, mais aussi elle sera decisive, l'ulcere va etre gueri du coup. Si au contraire vous faites un arrangement, l'ulcere va rester interne.»

*Bismarck («Pensees et Souvenirs»)**

В предшествующей главе, говоря о «корне зла», я указал, что Россия как государство вполне самобытно устроилась на основании трех незыблемых начал: Веры, Царя и Отечества. В той же главе я отметил нарушение чистоты первых двух принципов — умаление в народе Веры, вызванное преподанием Ее святых начал нечистыми руками непосвященных, и самоумаление Царской власти, выразившееся в установлении рядом с Самодержавием законного Монарха некоторых Его ограничений, главным образом, параллельной власти местного выборного самоуправления — дворянства, крестьянства, земщины и городов. Таким образом, стройность и величественность Государственного здания — Отечества — неизбежно должны были быть искажены в своей поистине Божественной гармонии и вызвать те болезненные явления государственного организма, от которых в настоящее время так страдает Россия с Царем своим во главе.

Радикальное исцеление, раз найден заразный очаг болезни и известны средства лечения, не замедлит последовать, если только к лечению будет приступлено немедленно и с решительностью, без полумер и компромиссов.

Средства лечения — власть Монарха, к счастью для России все еще Единодержавная и Самодержавная, и истинно русские слуги Царевы, которыми еще, Бог даст, не оскудела русская Земля.

Народ наш — все то, что принято называть народом, то есть 97% всего населения, живущего на коренной русской территории, составляющего его центр, создавшего русское Государство, консервативен и с великим трудом идет к тем горизонтам, которые ему лицемерно открывают либеральные чревоушатели. К сожалению, думы народные не всегда во всей чистоте доходят до высот Престола, а передаются Ему обыкновенно под известным углом зрения лиц к этому делу прикосновенных. При всем желании быть беспристрастным человек, оторванный надолго от земли, теряет связь

* «Борьба здесь по-настоящему усиливается, но когда она становится решительной, язва неожиданно исчезает. Если же, напротив, вы приходите к соглашению, язва останется внутри»⁵⁶. Бисмарк («Мысли и записки») (фр.) — Сост.

с землею, и ум его не может отрешиться от того, что принято у нас называть теориями с их веяниями и течениями. Самые благорасположенные к чистому служению добру и общественной пользе люди, даже высоко стоящие по своему государственному умственному развитию, раз оно не сдержано властью родной земли и религии, становятся *cupidi rerum novarum*^{*}, и потому к народному консерватизму, к мудрости народной относятся слегка сверху вниз: «Вы-де сами не знаете, чего хотите. Позвольте нам за вас это лучше знать, ибо мы — посвященные, мы прозрели тайны государственного управления, тогда как они вам не могут быть понятны».

Несомненно, высоты государственных задач недоступны пониманию темной массы, тем не менее не нужно забывать, что сами-то эти государственные задачи исходят, создаются этой массой. Не было бы массы, не могли бы возникнуть и сами задачи. Непонимание чувств и требований жизни этой массы влечет за собою деление людей управляющих и управляемых на Олимп⁵⁷ и Тартар⁵⁸, вызывая тем то положение, в котором «то сей, то оный на бок гнется», и, конечно, и «сей», и «оный» — оба в одинаковой мере страдают и, страдая, чувствуют свое бессилие помочь общей безтолочи.

Почему я, ничтожная песчинка со дна народного моря, почему я беру на себя такую неслыханную смелость, как указание Государству его прямого пути, его государственных задач?

Потому что я — голос из народа, из центра русской деревни, потому что мне дано именно в силу этого ничтожного положения песчинки видеть то, что не видно большим кораблям в большом плавании, потому что я всеми силами своей души хочу истины и истину вижу только в том, что мне властно приказывает моя верноподданническая присяга, моя Православная Вера, что говорят моему сердцу вековые, родные предания и что указывает мне народ, ибо я — плоть от его плоти, кость от его кости.

Если взглянуть на государство с его полуторамиллиардным бюджетом, с его многомиллионным войском, его могущественным флотом, если поднять взор на учреждения его государственные, наконец, на его государственные задачи в области внутренней и внешней политики — это так громадно, так величественно, так недоступно и непостижимо уму среднего человека из управляемой толпы, что кажется, и подступиться страшно. Но в мире Божием всякая величина в безпредельности творения представляет собою величину только лишь относительную. Посмотреть на великана с высокой колокольни — он не больше мухи. Посмотреть издали на высокую коло-

* Стремящимися к новым веяниям (лат). — *Сост.*

кольню — она не больше карточного домика. Что такое прогресс и регресс (у нас это последнее слово любят называть реакцией) в бесконечной связи веков жизни человечества? Старое, забытое, брошенное в темь тысячелетий за негодностью, становится будто бы новым, и новое человечество к этому будто бы новому стремится в своем сознании, неукрепленном религией, единственно вечным принципом всего сущего, как к чему-то вожделенному и неиспытанному.

Если я, средний человек, читаю в отчетах Министерства Финансов, что годовой оборот государственного хозяйства представляет собою цифру в полтора миллиарда, а годовой платеж по ипотечной задолженности всего русского дворянства цифру в 25 миллионов, я остаюсь нем перед этими непостижимыми для моего воображения величинами, и рука моя, привыкшая на косточках счетов отбивать цифры десятитысячные, перейдя даже на сотни тысяч, начинает путать мои исчисления — я теряюсь. Стоит же мне сказать себе: предположи, что эти $\frac{1}{2}$ миллиарда — это только $\frac{1}{2}$ тысячи. Во что тогда обратятся данные 25 миллионов? Я тогда с радостью вижу, что эта, такая для меня с первого взгляда страшная цифра обращается... всего в 25 рублей, которые я, средний человек, получающий 1500 рублей годового дохода, в Татьянин день, юбилей моей *almae matris**, могу довольно-таки безрассудно прожить без заметного ущерба для своего немногосложного бюджета.

Так все на свете относительно!

А между тем, мое понимание среднего человека тут же отказывается работать, когда я вижу, что ум государственных людей останавливается перед роковой загадкой, как снять с души исконных Царевых слуг, Его Государевых дружинников, ту нестерпимую муку, которую ей приносят два раза в год, а то и больше, в весенние и осенние месяцы эти такие относительные, но вместе с тем такие безжалостные цифры!! Ну уж, куда ни шло, думает средний человек: мука отдельного лица должна поглощаться общим государственным благом. Но когда эта мука влечет за собою духовное разложение доведенного до отчаяния, и это разложение, как нравственная зараза, передается от одного к другому, заражает собою целое и притом важнейшее сословие и гонит его от дорогой ему земли под канцелярские своды, где чахнут и сохнут лучшие русские силы, тогда эта мука становится язвой целого государства — это уже не Татьянин день моего примера. Это — разложение государственных устоев!

* Букв. «кормящей матери» (лат.) старинное студенческое название университета (дающего духовную пищу); употребляется в полушутливом смысле. — *Сост.*

Что такое Государство?

Это — мое маленькое деревенское хозяйство, хотя увеличенное в громадных размерах, но тем не менее сходное до тождественности. Разница только в одном: тогда как мое деревенское хозяйство отвечает за свою задолженность землею и трудом — душой хозяина, то есть всем, что для человека есть на свете заветного и дорогого как для существа живого и деятельного, от земли исходящего и в нее возвращающегося, в то же время Государство отвечало кредитными бумажками по курсу. Теперь, правда, оно отвечает золотом, что не помешает ему, так мне думается, завтра же отвечать теми же бумажками.

В хозяйстве моем, если только я действительно хозяин, я не допускаю и мысли рядом с моей хозяйской властью какого-либо выборного от моих рабочих самоуправления: я — единоличен в своих распоряжениях, но советом избранных мною же начальников над рабочими не пренебрегаю и иной раз даже, вопреки своим предначертаниям, поступаю согласно с указаниями этих советов. Я взимаю аренду — подати с моих фермеров, не спрашивая их, согласны ли они на это обложение, раз оно законно, сообразно с местными условиями и, по моему мнению, справедливо, и взимаю их в случае неплатежа принудительно через местного Земского начальника. Я использую природные богатства моего имения без ущерба, однако, для целостности имения; я держу служащих и выплачиваю им жалование; я забочусь, насколько это дано моему разумению, о нравственности моих рабочих; я избираю для них начальников; я способствую, поскольку это в моих средствах, их образованию, покупая для их чтения в длинные зимние вечера на свой счет книги; я забочусь об их гигиене, давая им светлые и теплые жилища, призываю, когда они болеют, врача и покупаю на свой счет медикаменты; я творю между ними свой суд и расправу в пределах компетенции моей хозяйской власти; я заключаю торговые договоры и не лишен права заключать союзы; я, наконец, веду политику внешнюю с моими соседями — словом, мое хозяйство и хозяйство всякого работающего на этой ниве хозяина представляет собою миниатюрное государство, но — не в государстве, ибо я на ход государственной жизни не влияю ничем, кроме, быть может, своего примера, во всем подчиняясь без тени прекословия общеимперским законам.

Раз так много общего, так много тождественного между организацией моего хозяйства и организацией хозяйства государственного, я уже невольно чувствую за собою право высказать свое суждение и высказать его без лицепрятия.

Всякое хозяйство дышит и живет системой, строго и определенно проведенной хозяином. Если отсутствует система, гибнет хозяйство, даже если отдельные мероприятия будут и рациональны, и удачны.

То же — и в государстве.

В России эта система заключена: в Вере, Власти Царя, во всей Ее неприкосновенности, проведенной в жизнь мельчайшей общественной единицы Царевыми слугами, связанными вековой цепью с Престолом и землей. **Природные слуги Царя — поместные служилые дворяне, поставленные на высоту своего призвания и на этой высоте укрепленные Царской Властью.**

Система нарушена. Жизнь стала невыносима. Мы, дворяне, бежим с насиженных мест или добровольно и заблаговременно, или нас выгоняют принудительно, уже, конечно, не спрашивая нас, своевременно ли это или несвоевременно. *Связь Царя с землей прерывается.* Что будет с землей, что ждет народ, теряющий к тому же день ото дня свою Веру, когда эта связь прервется?!

Изменяя русское самоуправство, как восстановить Царю нарушенное ныне равновесие стройной системы, некогда создавшей и вознесшей на недостижимые высоты России? Как провести во всей чистоте и строгой последовательности принцип Самодержавия, достигая при том не дробления власти, а приближения ее к народу?

Прежде всего следует озаботиться об укреплении Православной Веры в народном сердце, ибо если «несть власть, аще не от Бога», то и, наоборот: нет Бога, нет и власти. Вера же должна быть преподана чистыми устами посвященных, получающих власть учить от Святой Церкви. Для этого необходимо, насколько возможно, повысить умственный и нравственный ценз Духовенства, начав с необходимых для того реформ Духовных Училищ и Семинарий, привлекая на их профессорские кафедры выдающихся богословов и по возможности *закрывая доступ лучшим ученикам в иные светские учебные заведения.* Что может ожидать Церковь, когда Ее лучшие надежды будут поглощаться миром? Даст ли тогда Она вновь России ее славных Святителей? Не насилием, конечно, это достижимо, но всем духом заведения, воспитывающего будущих пастырей духовных. *Главнейшим стимулом удержания лучших сил духовного сословия на чреде служения Церкви и духовным нуждам паствы — это установление материальной независимости служителей Бога от пасомых.* На это должны быть найдены средства, хотя бы из средств на военные нужды, ибо не столько оружием человек побеждает врага, сколько своим духом. История являет тому многочисленные и необыкновенно яркие примеры.

Хотя Царство, Которому служит Духовенство, не от мира сего, но Царство это, представляя собою идеал Божественный, к которому мы должны стремиться в своем самоустройстве и которое на земле имеет свое отображение в Царстве Помазанника Божия, никем иным кроме Духовенства в духовную жизнь русского человека, в его сознание, укрепленное Религией, проведено быть не может как идеал возвышенный и вечный.

Не верьте суемудрому толкованию современных фарисеев и с ними соединившихся мытарей, уверяющих вас, что с жалованием, дарованным духовенству, исчезнет будто бы его тесная экономическая, а следовательно, и нравственная связь с паствой. Кто жил в деревне и думал над деревней, не может не знать, как относится народ «к поповским поборам»: и «свинья-то у попа сытая от мирских лепешек, и кобыла-то поповская, что твой боров, откормленная, и поповы-то лапы загребуши, и глаза-то поповы завидуши». Злобы нет в этих приведенных мною и заимствованных у народа выражениях: неспособна русская душа, Божия храмина, на злобу, но нет в них, я думаю, и благожелательности, указывающей на нравственную связь, и, что всего тяжелее, нет в них и должного к служителю Бога почтения.

Говоря в ниже предлагаемой мною системе на первом месте о Духовенстве, я неизбежно тут же должен коснуться вопроса *о народных школах*.

Как уже было высказано в первой главе моей брошюры, народная школа в тесном значении этого слова была почти безконтрольно отдана в ведение и устройство так называемого общества — овцам, которых пастырь предоставил собственному произволу. Мы уже видели, что дала эта школа. Проводя строго систему Монархического Государственного Управления, я неизбежно вынужден признать, что все школы вообще, как низшие для народа, так и высшие должны находиться всецело в руках центрального Правительства, от которого только одного и должно зависеть их возникновение и внутреннее устройство без всякого вмешательства, прямого или косвенного, в это дело влияния общества. Главным же воспитателем низшей народной школы должно являться Духовенство как носитель наиболее возвышенного, возможного в этой жизни и доступного этой последней идеала. Лучшим типом для этой школы будет школа церковно-приходская, конечно, лучше обставленная и более материально обеспеченная, чем ныне действующая, но все же такая, в которой центральной животворящей силой будет настоятель прихода, слуга Церкви. Воспитательная же работа этого руководителя должна быть, естественно, как и всякий труд, работой оплаченной по возможности со всей доступной правительственным средствам щедростью, тогда только труд этот может явиться в должной мере продуктивным и дать в грядущих поколениях тот яркий и душистый цве-

ток расцвета души народной, о котором мы теперь можем только лишь мечтать чисто платонически. И в средней школе вопрос влияния Духовенства должен быть поставлен резче и определеннее и возведен с формального изучения буквы на степень проникновения в дух Религии.

Идеал русского государственного устройства, созданный мечтой моей: Неограниченная власть моего Государя, во всей Ее неприкосновенной чистоте проведенная и приближенная к народу — духу Земли русской руками Царевой дружины — поместным дворянством, которое одно только как словие по вековым своим заслугам приближенное к Царю и имеет право с соизволения Монарха стоять на всех ступенях Его Правительства и творить Его Государеву Волю. Эта Царская дружина прежде всего и раньше всего должна быть **прикреплена** к земле, тем самым черпая в ней источник государственной мудрости, в свою очередь дающей Царской Дружине право возвышать в Государевой думе свой **совещательный** голос. Только связанный вековой и традиционной цепью с землей дружинник Царский и может не выродиться в отвратительный тип бюрократа, а дать того русского государственного человека, который, «ударившись о землю», мог «обернуться» и «сизым орлом», и «ясным соколом».

Но говоря о поместном дворянстве (другого дворянства в моих глазах не существует) как о сословии единственном, призванном от века на высшую службу правителей от Имени Государя, точно так же как и говоря о Духовенстве, единственном природном нравственном воспитателе народа, я отнюдь не имею в виду установления из них какой-либо тесно в самой себе замкнутой касты. Я, верный раб истории русской Земли, вижу, правда, всю глубину значения принципа сословности для государственного строя, но жизнь этого принципа усматриваю в постоянном обмене крови в каждом сословии. *Сословные двери должны быть широко открыты для каждого в них входящего и исходящего по его заслугам перед Царем и Отечеством.* Дворянин сегодняшнего дня, обманувший доверие своего Государя хотя бы только и нравственными своими качествами, завтра же Единой Волей Его может быть обращен в члены низшего сословия и даже лишен прав и этого сословия, и, наоборот, сегодняшний крестьянин той же Единой и Великой Волей завтра может быть обращен в дружинника Царского⁵⁹. Как в дворянстве, так и в Духовенстве во всю их историческую жизнь красной нитью проходил и *должен всегда проходить* этот краеугольный принцип сословного здания.

«Кому много дано, с того много и взыщется».

Чем и как заменить ныне действующую систему местного управления, создавшего из внутренней России какую-то всероссийскую богадельню ка-

леченых пенсионеров на постоянном иждивении Правительства, с обыкновенными пенсионерами представляющих ту существенную разницу, что тогда как со вторыми Правительству можно рассчитывать на естественную убыль богаделенного штата, когда-то все-таки послужившего России верою и правдой, то с первыми, при современном положении вещей, должно рассчитывать на естественную прибыль этого штата, притом такого, который от чрева матерей своих является роковым образом для Государства и обременительным, и бесполезным?

Две главные артерии русской народной жизни, питающие мозг и сердце России в лице ее Государя — дворянство и нераздельное с ним крестьянство постепенно и тем не менее зловеще неуклонно отказываются служить государственному организму. Связь же между указанными двумя сословиями поистине роковая: экономическое разорение дворянства, утрата им надлежащего влияния на жизнь крестьянина неизбежно повлекли за собой и разорение крестьянина, и разложение его духа.

Всякое вмешательство правительства в дело устроения внутренней жизни одного из указанных сословий одновременно и неизбежно требует такого же воздействия на жизнь другого.

Как бы ни были полны целесообразности мероприятия, предпринятые для упорядочения жизни крестьянина, но раз они будут проведены в жизнь его вне связи с жизнью дворянина, они не достигнут своего назначения и не принесут желанного зрелого плода. Это — «цепь великая», разрыв которой и повлек за собою настоящую великую болезнь России.

Покойный Государь Николай Павлович, прозревая гибельное влияние бюрократии на работу отечественного государственного механизма, ВЫСОЧАЙШЕ повелел быть закону о прохождении государственной службы, по которому никто не мог достигнуть высших должностей центрального Управления, не пройдя всех ступеней поместной службы. Тот же Монарх, провидя значение дворянства как элемента, наиболее пригодного и единственного для несения поместной служебной деятельности, видя в этом служилом сословии противовес разъедающему влиянию бюрократии и ее замену, отказался временно от своей Царственной мысли — уничтожения крепостного права, не найдя заместителя дворянству в твердом и вместе отеческом управлении народом. «Где я найду Себе столько и таких чиновников, каких мне теперь дает дворянство?» — говорил почивший Самодержец⁶⁰. Какое яркое подтверждение своим пророческим словам увидел бы Он теперь, если бы мог восстать из своего гроба! Недостаточно бдительный контроль Правительства над крепостным дворянством и отсюда возникшие злоупотребления властью со стороны некоторых наименее

культурных членов дворянской семьи вызвали распадение крепостного института и довели Россию до ее теперь печального положения. Унижение дворянства как сословия экономическое и нравственное, в смысле умаления его исконного и традиционного влияния на поместную коренную русскую жизнь и составляет то гнилостное пятно нами переживаемой отечественной истории, от которого заражается вся жизнь многомиллионного народа, призванного быть своему Царю верноподданным.

Теперь, следовательно, мы подошли к существеннейшей части моего изложения — к вопросу о том, как на началах Самодержавия и при помощи рук этого Самодержавия — поместного дворянства — провести в жизнь строгую и логически последовательную систему местного Управления, имеющего своей целью единство абсолютной власти Монарха и ее приближение к народу; иными словами: как возобновить правильность кровообращения государственного организма?

Прежде всего я буду говорить о системе организации власти земской, ибо мне как жителю деревни жизнь земли, дух ее наиболее представляются известными, близкими и дорогими моему сердцу.

О городе я скажу вскользь.

Экономический кризис современного поместного дворянства, вызванный, в общем, исключительным для него неблагоприятным стечением экономических и политических факторов послеосвободительного периода, задолженность его, из года в год растущая вне зависимости от воли дворянина-землевладельца (что бы ни говорили по этому поводу его противники), дает в руки Правительства могучее орудие для упорядочения деревенской жизни и незаменимое средство для прикрепления дворянского служилого сословия к земле и с нею связанных обязанностей к Престолу и Родине. Те двадцать пять миллионов (я беру цифру приблизительную), которые российское дворянство должно ежегодно выплачивать дворянскому Банку⁶¹, не могут ли идти в жалованье служилому сословию при условии его обязательной службы на родине и Родине?! Логика дела, конечно, требует, чтобы ипотечные долги дворянства другим частным земельным Банкам, в том числе и прославленному в летописи многострадальной жизни дворянства бывшему золотому Банку, а ныне Особому Отделу, были переведены для вышеоказанной цели в общую массу долга дворянскому Банку, притом без обременения и без того достаточно на своем веку пострадавшего заемщика.

В общем вся сумма годовых платежей по всей дворянской ипотечной задолженности не превысит 35—40 миллионов рублей.

Вот эта-то сумма и должна составить приблизительно годовое жалование помещному дворянству, *обязанному за то нести службу в своих деревнях и за эту службу* получающему от своего Государя возможность вздохнуть, наконец, свободно и с пользою в своем ныне полуразрушенном гнезде.

Естественно, при таком условии дворянский банк, съютивший под свое покровительство все, еще оставшиеся за дворянским сословием, имения, неизбежно принужден будет изменить свою теперешнюю физиономию. Его настоящая деятельность должна будет постепенно ликвидироваться, заменяясь другой, более ему свойственной, согласной истинной воле покойного Государя. Эта другая деятельность будет заключаться в приобретении путем покупки *нового земельного фонда для лиц дворянского сословия* и в открытии разумного, подчиненного строгому контролю, но вместе с тем широкого мелнорационного кредита, *обеспечиваемого, однако, не самой землей, а личностью должника и тем предприятием, на которое этот кредит предназначается.*

Кредит этот должен ассигновываться в распоряжение Губернаторов и за них и Предводителей дворянства ответственностью и непосредственным контролем распределяться на нужды помещного дворянства.

При таких только условиях наше дворянство удержится на своих, историей назначенных местах, получит возможность, **право и обязанность** исполнить свою историческую миссию перед Царем и Отечеством. Миссия же эта состоит в точном исполнении и проведении в жизнь народа разума Царской законодательной и непрестанно творческой Воли, иными словами — в приближении этой Воли к малым и угнетенным в теснейшем единении Православного Царя с Православным народом.

Это идеальное единение достижимо при восстановлении идеальной помещичьей власти, обусловленной единством власти, твердой законностью и свободой личности.

Это идеальная помещичья власть по мысли Почившего Государя Императора Александра III должна была выразиться в Институте Земских Начальников. Кто помешал осуществлению этой великой монархической и притом чисто русской идеи, пусть на совести того или тех и лежит вся тяжесть нравственной за то ответственности на том Суде, где все тайное станет явным и где каждому воздастся по делам его. Бог и ныне благополучно царствующий Государь⁶², да продлит Ему Господь веку, помогут проведению в жизнь этого дивного акта истинно государственной мудрости.

При вышесказанных условиях внутренняя жизнь России должна преобразиться в следующую, по моему мнению, стройную и логически выдержанную систему⁶³:

1) Крестьянское выборное самоуправление, равно земское, городское и дворянское прекращают свою деятельность.

2) Всякий поместный дворянин — помещик, достигший гражданского совершеннолетия, воспитанный в духе православно-монархическом, обязывается нести поместную службу в должности участкового Земского Начальника, буде пожелает воспользоваться нижеуказанными льготами по ипотеке и правами в полном объеме при дальнейшем прохождении своем гражданской службы. Необходим образовательный ценз не ниже даваемого средними учебными заведениями гражданскими или военными — безразлично. Ценз высших заведений желателен, но не обязателен.

3) Во власти Земского Начальника сосредоточиваются все функции прежней помещичьей власти, конечно, в пределах твердой и ясной законности. В эти функции включается и власть судебная, компетенции прежних мировых судей, отнюдь, однако, без вмешательства прямого или косвенного чинов Министерства Юстиции.

4) Район деятельности Земских Начальников в территориальном отношении должен быть, насколько возможно, ограничен пределами церковных приходов.

5) Современное административное деление на волости уничтожается, а равно и прекращают свою деятельность волостные правления, старшины и волостные суды. Те же обязанности, которые в настоящее время возложены на Волостное Правление и старшин и которые в пределы компетенции Земских Начальников при новом положении не войдут (напр., волостная статистика, составление рекрут[ских] списков, страхования и т. п.), должны быть возложены на общую уездную полицию или на особо назначаемых для сего лиц.

6) Должности сельских старост и низшие сельские полицейские должности, обязательно вознаграждаемые, замещаются единоличным выбором Земских начальников под их контролем и ответственностью.

7) Ближайший и непосредственный контроль за деятельностью Земских Начальников вверяется **назначенному** Монаршею Властью **по представлению местного Губернатора** Уездному Предводителю Дворянства из местных уездных дворян и состоящему при нем Уездному Совету из назначаемых по очереди Земских Начальников и особого Непременного Члена, заведывающего исполнительною частью.

8) Должность Губернского Предводителя Дворянства упраздняется, но может быть и сохранена как почетная и притом по личному выбору и усмотрению Государя Императора.

9) Ныне действующее земское обложение, равно и раскладка земских повинностей сохраняются компетенцией местной власти для нужд местного населения. Предварительные на сей предмет сметы для каждого участка в отдельности составляются Земскими Начальниками и проверяются Уездным Советом для представления на утверждение Губернатора. Сметы же на общеуездные потребности (напр., народное образование, охранение народного здоровья, дорожная повинность по торговым и важнейшим уездным путям сообщения и др.) составляются предварительно Съездом Земских Начальников под председательством Уездного Предводителя Дворянства.

10) Всякие жалобы на действия, уголовные приговоры и гражданские решения Земских Начальников приносятся в губернский Земский Совет по дворянским, крестьянским, земским и городским делам при местном Губернаторе, ежемесячно собираемый под его председательством и состоящий из очередных, не менее трех, Уездных Предводителей дворянства, Земских Начальников от каждого уезда по выбору и назначению Губернатора и из особых назначаемых для присутствования в этих Советах лиц, на обязанность коих возлагается и исполнительная часть деятельности Советов (замена деятельности Губернского по крестьянским делам Присутствия и Губернской Земской Управы). Занятия Совета в случаях особого накопления дел могут быть распределены в виду многочисленности состава членов этого Совета на Отделы в составе не менее двух членов под председательством Вице-Губернаторов или Уездных Предводителей в качестве председателей, всякий раз назначаемых по выбору и властью Губернатора.

11) Окончательная раскладка земских повинностей, способ пользования ими для нужд населения и благоустройства уезда, а также и губернии, распределение раскладочных сумм в распоряжение земских начальников находятся в ведении Губернских Советов с предоставлением сим последним совещательного голоса. Утверждение же всех смет и назначений, а равно и их окончательное распределение предоставляется единоличной власти Губернатора.

12) Все земские, ныне существующие школы поступают в непосредственное ведение Епархиального Начальства, ближайший за ними надзор и попечительство предоставляются Земским Начальникам, в районе деятель-

ности коих эти школы находятся, и Предводителям Дворянства, имеющим участие с правом голоса в Епархиальных Училищных Советах.

13) Народное продовольствие поступает в непосредственное заведывание Земских Начальников под контролем Предводителя Дворянства. Общие же меры по уездам и губернии подлежат распоряжению Губернаторов, Уездных Предводителей и при них состоящих Советов.

14) Дорожное дело предоставляется тому же непосредственному заведыванию и под тем же контролем.

15) Земские больницы и вообще охранение народного здравия представляется тому же непосредственному заведыванию и контролю.

16) На обязанность Губернаторов возлагается возможно частая ревизия на месте деятельности Земских Начальников и Предводителей Дворянства. Эти обязанности могут быть ими разделены с Вице-Губернаторами, назначаемыми в помощь Губернатору в числе, зависящем от территориальной величины губернии или численности, равно и разнообразия состава населения (напр., фабричного).

17) Жалобы на действия и решения местных органов управления, равно и на их членов, не исключая Губернаторов, приносятся в Центральный Комитет по делам дворянским, крестьянским, земским и городским, состоящий из неограниченного числа членов, назначаемых непосредственным выбором ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА из лиц, облеченных особым Монаршим доверием. Председательство в этом Комитете предоставляется кому-либо по усмотрению Государя, предпочтительнее же кому-либо из Членов Императорской Фамилии.

18) Губернаторы, Вице-Губернаторы и Предводители Дворянства назначаются Монаршим благоусмотрением.

19) Жалование Предводителям и Земским Начальникам назначаются из средств: 1) Дворянского Банка путем отмены срочных платежей в сумме — для Земских Начальников — 2500 рублей в год, Предводителям — 5000 рублей в год, считая в том числе и погашение капитальной ссуды. 2) Тем же из означенных должностных лиц, имения которых не заложены, жалование назначается в том же размере, частью из так называемых земских, частью же из средств общеимперских.

20) Из заложенных, а равно и незаложенных имений, принадлежащих ныне потомственным дворянам, усадьбы с известным количеством при них земли должны быть признаны неотчуждаемой собственностью рода.

21) Все остальные земли, остающиеся в собственности дворянских родов за исключением неотчуждаемого надела, могут быть предметом всякого

рода гражданских сделок со стороны собственников, но при условии отчуждения их или отдельному дворянину, или же в Имперский Дворянский Фонд⁶⁴.

22) Поместное дворянство как институт землевладельческий и служилый должно быть расселено по всей территории Российского Государства путем ли принудительного отчуждения инородческих частновладельческих земель или же продажи на льготных условиях, а равно и дарования земель, ныне входящих в состав Государственных Имуществ.

23) Жены больных, не способных к труду мужей, вдовы, девицы, сироты, принадлежащие к составу потомственного дворянства, освобождаются от уплаты срочных платежей по ипотеке впредь до изменения их гражданского положения, влекущего за собой изложенные в предшествующих пунктах обязанности.

24) Дворянские Опеки⁶⁵ продолжают свою деятельность на прежних основаниях, но все выборные дворянские должности замещаются назначением от Правительства в лице Губернатора, притом обязательно из местных дворян.

25) Все ходатайства о нуждах сословия через Предводителей повергаются непосредственно на Высочайшее благоусмотрение.

26) Принимая во внимание, что для поместной службы те руководители народной жизни из Предводителей и Земских Начальников представляются наиболее желательными, которые на местах своей службы остаются наиболее продолжительное время, не пользуясь правами своего в ней дальнейшего движения, несмотря на свои дарования, и тем самым приобретают наибольшую опытность, наиболее глубокое знакомство с руководимым ими населением, сживаются, так сказать, духовно с этим населением, таким представителям поместной деятельности надлежит предоставлять всевозможные поощрения в виде увеличения жалования, досрочного выкупа имений, различных льгот по службе, воспитанию детей и т. п.

27) Получение прав потомственного дворянства должно быть ограничено действительными и выдающимися из ряда заслугами лиц, эти права приобретающих, и всякий раз по всеподданейшему представлению на благоусмотрение Государя специального на всякий таковой случай доклада Центрального Комитета *и с наделением вновь пожалованного дворянством землею на льготных основаниях.*

28) На обязанности членов Центрального Комитета возлагается производство ежегодных ревизий по губерниям, деятельности местных органов управления и составления по сему всеподданейших подробных отчетов с отметкой деятельности отдельных должностных лиц сего управления. Что касается состава этого Комитета, то для присутствия на правах членов

в нем должны быть приглашаемы и выдающиеся Предводители Дворянства по личному выбору ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

29) Управление городов должно быть устроено по типу земскому с делением городов на возможно наименьшие участки, с назначением Губернатором на руководство ими Участковых Городских Начальников из местных жителей и с предоставлением им функций Земских Начальников в сфере судебной, административной и фискальной. Для ближайшего контроля за их деятельностью назначаются Городские Головы и их помощники тоже Губернской властью за исключением Городских Голов столиц, где назначение таких всецело повергается на усмотрение ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Первой инстанцией для жалоб на деятельность Городских Голов и Городских Начальников является Совет при Губернаторе из всех Городских Голов губернии и по одному от каждого города Городскому Начальнику под председательством Губернатора или Вице-Губернатора, второй же высшей инстанцией для вышепоказанной цели — указанный Центральный Комитет по дворянским, земским и городским делам.

Предлагаемая система, конечно, не может иметь значения вполне стройного законодательного проекта и подлежит дальнейшей, более детальной разработке. Я сделал, что мог и как того требовало мое сердце.

Но чтобы роса глаза не успела выесть, пока взойдет красное солнышко, чтобы могли удержаться на своих корнях те немногие из «стаи славной», которые еще несут с безпримерной самоотверженностью, единственно из традиций, иной раз даже неясно сознаваемых, свою великую Государеву службу, пора прекратить всероссийский, всеевропейский скандал публикаций дворянских имений⁶⁶! Пора отменить как эти публикации, так и молоток, дробящий головы, терзающий сердце неповинных жертв в прямой ущерб жизни и достоинству великого Российского Государства! Пора же облегчить участь страдальцев, буквально, страдальцев, остановить течение непосильных процентов хотя бы даже и по Государственному займу! Что для Правительства — эти 25—40 рублей моего Татьянина дня?

Мне сказать это, стремиться утереть чужие, неизвестные даже, но такие близкие моему сердцу, слезы тем легче, что за одиннадцать лет моей работы в деревне никто не видел моего имени в публикации.

Пока Правительство, сознавшее по Воле Монарха безвыходность положения поместного дворянства, не успело или не могло по тем или другим причинам прийти к дворянству с действительной помощью, оно является нравственно обязанным перед Той же Волей не ставить под позорный столб, не предавать смертной казни тот вечный принцип, которому это Правительство служит.

Царю нашему бояться кроме Бога некого, а сердце Цареву в руке Божией.

РЕЧЬ С.А. НИЛУСА В МЦЕНСКОМ КОМИТЕТЕ

О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

28 декабря, в г. Мценске Орловской губернии состоялось под председательством Мценского уездного предводителя дворянства Н.А. Матвеева заключительное заседание Комитета, учрежденного для обсуждения нужд сельскохозяйственной промышленности¹.

На заседании этом были доложены Комитету протоколы шести предшествующих заседаний. По прочтении протоколов г. председателем, слово было предложено местному землевладельцу С.А. Нилусу.

Печатаем его речь с некоторыми дополнениями самого автора.

I

М[илостивые] Г[осудари]!

С глубоким вниманием, следя по печатному отчету за трудами Комитета родного мне уезда, в связи с трудами комитетов всероссийских, вызванных к деятельности Державною волей Самого Хозяина всей Русской земли, я ждал до последнего времени, что из сердца и от сердца черноземной России будет высказано истинно-русское трезвое слово на призыв Сердца нашего возлюбленного Государя, и, говоря по совести, я слова этого не услышал ни от соседей наших, ни от нас самих: Российские Комитеты едва ли не собрались выродиться в Неккеровские генеральные штаты...²! Заранее прошу прощения — я, быть может, буду резок в посильных своих суждениях, но важность, скажу более, глубокопечальная торжественность исторического момента, переживаемого солью Русской земли в лице его двух сословий — крестьянского землевладельческого и поместного дворянского, налагает на меня обязанность говорить прямо, резко, без обиняков...

Воздавая должное трудам членов Комитета, принесших свою дань на общее благо, относясь во многом сочувственно к тем бесспорно полезным мероприятиям, которые в трудах их предуказаны, я не могу не отметить, что из-за деревьев мы не разглядели самого леса.

Кризис сельскохозяйственной промышленности признан. Острота кризиса, заметьте, острота — совершившийся факт! А о чем мы говорим, какие меры предлагаем?

Мы говорим, прежде всего, о поднятии народного образования, уже и теперь бесплодно пожирающего крупную долю государственного бюджета. Нам, жителям деревни, это дерево хорошо известно по его плодам: не проходит нескольких лет после времени «учебы», как наша, так называемая, образованная деревенская молодежь забывает выученные в школе молитвы и, если не утрачивает умения разбирать печатно, то пользуется этим умением для чтения прокламаций, которые к нам так обильно и щедро высылают в деревню заграничная крамола.

Мы говорим об учреждении мелкой земской единицы, как будто, честно говоря, не успели разочароваться в прискорбных, но естественных последствиях в Самодержавном Русском Царстве введения крупной и средней самоуправляющихся земских единиц губернского и уездного земств.

Мы предлагаем меры против оврагов, против пожаров, против потрав, порубок... От чистой воды либерализма в виде учреждения чего-то вроде всесословной волости мы перескакиваем к требованию чуть не Драконовских³ карательных мер за каждую овцу, перешедшую с одной межи на другую, за каждого чужого гуся, оставившего следы на нашем лугу, как об этом еще так недавно трактовали в Орловском Губернском Земском Собрании.

И над всем этим метанием из стороны в сторону, похожим на панику во время пожара, когда из горящего дома, охваченного пламенем, тащут битые черепки старой посуды, забывая о денежном сундуке, о важнейших документах, — красной нитью всех наших собеседований мы выставляем потребность в подъеме, во что бы то ни стало, народного развития. Мы все, точно сговорившись, кричим: «Дайте свету темной невежественной массе, погрязшей в суевериях и предрассудках!»

Человек умирает. Ему нужна хирургическая операция, а мы ему предлагаем фрак, вещь быть может очень полезную для официального визита, но кажется совершенно бесполезную умирающему.

Конечно, Россия — не умирающий человек! Пока в ней жива еще ее горячая Православная вера, пока над ней сияет Божественною красотой Помазания Венценосная Глава Самодержца, жива она и будет жить на страх всем ее внутренним и внешним врагам. Но червь смерти уже точит ее силу, ее коренное дело — ее сельское хозяйство, точит, не разбирая ни барина, ни мужика. Недаром наша цепь обоих — вековая!

И когда я слышу деланные lamentации⁴ с голоса наших зримых и незримых врагов, что вся Россия погрязла в смрадной тьме невежества, я невольно задаю себе вопрос, который, кажется, всеми нами упускается из виду: кто же создал эту самую Россию? Кто же создал эту безграничную

мощь, захватившую в свои объятия полмира? Неужели эта, так нами укоризненно порицаемая в глазах сидящих здесь старшин, народная тьма, которую мы теперь только собрались просвещать и именно в тот момент, когда стали показываться зловещие признаки давно у нас небывалого разложения и безсилия?

Бога мы не боимся, если будем утверждать эту явную бессмыслицу, эту явную клевету на нашу сермяжную Русь, изучавшую свою географию по путям мира, проложенным ее штыками, политым ее православною кровью!

Ее наука мудрее всех наших наук, выдуманных нами с космополитически-развратного голоса полуеврейских, полуевропейских развивателей. Ее наука, которую твердо знает память исторической совести Русского человека, одна, — заключена вся в трех словах: Вера, Царь и Отечество.

Эти три слова, данные нам с небес, и составляют корень широколиственного русского дерева.

И когда нас спрашивает вешнее Царское слово, чем помочь нашему хозяйственному горю, нам, слугам, прежде всего надо оглядеть, цел ли корень нашего дерева, а не отвечать недостойными общими фразами и общими местами, которые, кроме горького горя, принести ничего не могут. В корне все дело!

II

Поместная, а вместе с нею и политическая жизнь России, сложившаяся веками, вся основана на вере в Божественный Промысел, поставляющий преемственно в Помазании на царство наследственного неограниченного Самодержца, Который определил быть ближайшими своими слугами на земле поместных дворян, обязанных за дарованную им Царскою волею землю, кроме хозяйственных своих работ на земле, нести свою поместную службу государству.

Служба поместного дворянства заключена в руководительстве и попечении над другим основным поместным элементом — крестьянством, во всех деталях его жизни, требующей той или другой правительственной регламентации. Владение землей поместного дворянства — не столько право, сколько обязанность и притом обязанность многосложная и чисто государственная. Мы — необходимые царские офицеры мирной царской сермяжной армии. Толпа — сила, но сила слепая, требующая, как и всякий слепец, палки, на которую она могла бы опереться.

Гармония взаимодействия этих двух основных элементов нарушена и нарушена настолько очевидно, что двух мнений об этом быть не может.

Ряды дворянства безнадежно тают, крестьянство разоряется, но только не от безземелья, и бежит в города, на заводы, фабрики, в далекую Сибирь без плана, без цели, без надежд, без толку, по поговорке: «хоть гирише, тай инше»!

Разоряются оба, но от двух разных причин: мы, дворяне, нуждающиеся в вольнонаемном труде, — от чисто финансового оскудения в непосильной борьбе с обстоятельствами, не нами созданными, что бы не говорили по этому предмету наши фантастические враги; а крестьяне — от коренного неурядка всего уклада их деревенской жизни, представляющей собой весьма сложный и притом разнообразный механизм, частью полуразобранный, частью заржавленный, который во что бы то ни стало нужно пустить в ход, но который собрать некому — природный механик выбыл. Присланы на место вышедшего механика специалисты, каждый со своим знанием, но без знания самого главного — где запрятаны разобранные части машины, ибо хранилища тайников народной души им неизвестны, как людям пришлым, да специалисты-то они притом по отдельным частям, а не по всей в совокупности сложной машине.

И, когда мы принимая те или другие благие мероприятия, вносимые в нашу поместную жизнь, не воспринимаем их в организм наш и безнадежно разводим руками от бесплодности и практической бесполезности благ, нам даруемых, то удивляться тому нечего: «всеу законы писати», когда их некому исполнять, то есть проводить их сознательно, убежденно в жизнь народную с интересом личным в правильности и пользе их применения.

На кого брошена современная деревня?

Вот перед этими старшинами я прямо в глаза скажу: на пьяную безшабашную и продажную толпу в лице выборных сельских пародий на власть, на всех этих десятских, сотских, старост. Не известно ли нам из житейского горького опыта, что ни один порядочный и степенный хозяин не пойдет на все эти должности? Он скорее откупится тою же кровью сатаны в виде водки от галдящих мирских горланов, чем идти на эту выборную «склыку» и служить неведомо чему — всему, кроме общественной пользы. А кто теперь воротилы «мира»? Наглазно — рваный пиджак деревенского полуотщепенца с луженою спиртом глоткой, а за его спиной — кулак-мирод, вся сила которого, дисциплинирующая эту босяцкую голову, заключена в лишнем поднесенном стаканчике.

Удивляться ли тому, что деревенский разлад идет таким ускоренным темпом? Скорее нужно удивляться, что, хоть и в призраке, но деревня еще существует!

Всем нам известно, что ячейка общества заключена в семье. Здорова семья — здорово и общество. Ячейка государства — деревня. Благополучна деревня — процветает и государство.

А деревня наша — стадо безпастушное.

Идея института земских начальников — идея великая и в основе своей имела цель безусловно верную: дать народу власть попечительную в лице поместного дворянства. Но силы, враждебные порядку в Русской земле, сумели исказить проведение в жизнь этого великого русского дела. Не место и не время давать здесь по этому поводу объяснения. Наша обязанность указать, если нас спрашивают, как мы думали бы исправить это искажение. Результаты же искажения нам слишком хорошо известны.

Скажите же мне, ради Бога, — можно ли быть попечителем над тридцатью тысячами и более требующих попечительства?!

А ведь фактически положение современного земского начальника именно таково — он призван «обнимать необъятное» и «постигать непостижимое». Мудрено ли при таких условиях, что в поисках порядка, у нас безусловно отсутствующего, потому что и волостные деятели в лице старшин, писарей и волостных судей не призваны и не могут дать порядка, — мы от малого до большого мечемся из стороны в сторону, безнадежно наталкиваясь на непреодолимую стену разнообразных ведомств, конкурирующих в большинстве случаев между собою за преобладание властью, которые, уже в силу этой конкуренции, и сами ею не обладают.

Кто в этой сумятице деревенской жизни от этого более страдает — сказать трудно. Если судить по явному, вынужденному и добровольному бегству из деревни барина и мужика, — страдают оба и в степени равной.

Какие благие экономические мероприятия могут быть приняты в деревне при таком ее положении?! Наилучшее из них будет представляться в наших глазах, если они не затуманены миражем псевдонаучности — в лучшем случае — абсурдом, в худшем — насмешкой.

Я — не враг народного образования, народного развития. Но весь вопрос: *какого* и *кем* проводимого в жизнь народную? Я убежденный сторонник поднятия уровня сельскохозяйственных знаний. Но вопрос — где их, над кем, над чем и какими средствами их применять? Разве не ирония говорить о них в наших Голодаевках, коренные насельники которых — один распухает от мякинного хлеба, а другой — два раза в год подставляет свою голову под удары аукционного молотка Земельных Банков. Мы сознаем себя, и вы не будете этого отрицать, на высоте понимания добрых новшеств, вносимых к нам, откуда бы то ни было, раз они согласны с нашей государственной идеей, но при возникающем в доме пожаре, мы не должны

искать спасения в теориях пожарного дела, как бы они прекрасны не были, а бросимся прежде всего к кадушке с водой.

Из опасения утомить ваше внимание, я круто и резко поставлю вопрос: где же эта кадушка, где эта вода, которая нужна, чтобы тушить тлеющую в соломе искру? Наша Русь ведь не даром зовется соломенной.

III

Ответ напрашивается сам собой: просите дать поместную дворянскую власть селу, под селом разумея церковный приход и особенно помните, что власть эта должна быть поместная, дворянская и притом Царскою Волей назначенная, а не выборная. Человек земли слышит голос земли, а голос этот нужен мне, вам, крестьянину и самому Государю.

Я назвал толпу слепую. Может ли слепой указать и выбрать зрячего, да и понимает ли слепец, кто зрячий и чем он от него отличается?! Зрячая власть — светлое око Царево, просвещенное Божественным избранием. Другой нет и быть не может. Поэтому сельская власть должна исходить от Него по преемственному от Него назначению, а не по нашему избранию.

Минины и Пожарские избираются народом только в смутное время, а мы дожили и, Бог даст, не доживем.

Власть эта должна быть в руках только поместного и притом *православного* дворянства. Только еще, Божью милостию, пока до этого не дворянство к этой власти от всего русского века призвано; только дворянство всей русскою историей доказало в исполнении своих обязанностей свои преемственные права на обладание этой властью. Другие элементы русского общества — в облике мертворожденного интеллигентного всесловного пролетариата не должны касаться власти, ибо наша дворянская кровь, вместе с мужицкою, проливалась за созидание Русского Царства; а их?! За что она проливалась?!

Спросите лучше мужика, кого он до сих пор признает за своего барина? Нас ли, захудалых и обезсиленных, как захудал и обезсилел он, или всю эту напущенную орду разных вольнонаемных земских агентов — статистиков, почвоведов или корреспондентов провинциальной мелкой растленной прессы? Вы можете быть уверены в ответе: барин их — мы, жалкие остатки великой поместной силы, вынужденные кровью и зачастую тайными, бессильными слезами отстаивать пядь за пядью свою жалованную нам землю. К кому идет мужик до сих пор за советом в семейном горе, в тягужном деле, к кому тащит свою слезную нуждишку? Да все к тому же своему коренному барину, если только он у него остался.

Но осталось их немного, а кто и остался — по безправию своему не в силах ему помочь, как власть имеющий. Возьмите мой пример — я один остался на двадцать, тридцать, если не более, квадратных верст. А сколько нас было еще так недавно!..

Так просите о насаждении поместной дворянской власти в приходе. Назовем эту власть сельскими начальниками. Просите создать эту власть и на тех местах, где сократилось дворянское землевладение настолько, что не стало уже в приходе дворянской земли. Когда отчуждают под железные дороги землю, ее отчуждают принудительно, не спрашивая согласия ее владельца. Насколько же порядок в деревне нужнее проходящей мимо нее железной дороги!

Чтобы новые дворянские должности не выродились в чиновничество, просите, чтобы жалованием их было не двадцатое число, а доходность надела, жалованного за соединенные с владением им обязанности. В нашей местности для сельского начальника довольно было бы трехсот десятин. В других более или менее — в связи с доходностью земли.

Просите, чтобы обстройка этих участков в скромных, но необходимых в хозяйственном отношении размерах, была принята на счет казны. Просите, чтобы за заслуги лица, временного владельца этого участка, участок этот делался бы наследственным при обязательном условии продолжения в поколениях первовладельца поместной службы. Просите о восстановлении во всей силе закона в Бозе почившего Императора Николая I о поместной службе⁵. По этому закону прохождение ступеней иерархической лестницы государственной службы было поставлено в зависимость от службы поместной, как основы государственного служения. Закон этот — альфа и омега нашей административной жизни.

Власть сельского начальника должна обнять собой всю жизнь прихода.

Она должна воплотить в себе все отрасли государственного правления в приходе, ныне, в ущерб власти, разделенной между различными ведомствами. Сельский начальник может и должен для прихода быть всем, и вся жизнь села со всеми ее распорядками должна входить в сферу его компетенции.

Я не буду перечислять все многообразие его служебного назначения, но при территориальной незначительности вверенного ему участка, говорю с уверенностью о практической удобоприменимости его деятельности ко всем сторонам сельского существования, кроме разве специально-технических. Техники на жалованье и под надзором его могут быть с правами государственной службы и извне, если в них в данной местности будет настоять необходимость.

Для того, чтобы власть не могла вырождаться в сатрапию⁶, совершенно, впрочем, чуждую нашему духу, надлежит дать ей корректив в непрестанном фактическом контроле Высшей Власти и в совещательном — и только совещательном — голосе Приходского Совета, составленного из пастыря церкви и избранных приходских старейшин.

Будучи только совещательным органом общества, Совет должен иметь право обжалования важнейших решений сельского начальника высшей губернской власти в лице губернатора, от которого и будет зависеть назначение сельских начальников по представлению уездных предводителей дворянства.

IV

Осуществим ли фактически предлагаемый мною проект? Не сопряжен ли он с непосильными для казны затратами?

В губернии нашей тысяча церквей и, стало быть, столько же приходов.

Отделив из этой цифры на города, приблизительно, двести приходов, получим на всю деревенскую губернию восемьсот приходов. На учреждение должности сельских начальников придется круглым счетом произвести отчуждение в казну, считая по 300 десятин на каждую должность, — двести сорок тысяч десятин ценностью в среднем, считая и хозяйственное устройство хозяйства, по 200 р. за десятину — всего 48 миллионов рублей. Обычный процент, ныне приносимый капиталом, 4% годовых. Таким образом, вся низшая губернская администрация в лице сельских начальников будет стоить казне 1 920 000 руб. в год, которые казна должна будет ежегодно выплачивать по своим обязательствам.

Но цифра эта только кажущаяся.

У меня нет под руками цифры нашего губернского административного бюджета, распределенного теперь на жалование чинам всех ведомств губернии, включая сюда и земскую администрацию, но уверенно думаю, что показанная цифра будет значительно ниже ныне действительно расходуемой на современный губернский беспорядок на безсильную и безвольную уездную полицию, на судебные ведомства, на целую армию чинов финансового управления — словом, на все многообразие губернской власти и надзора, которое все сосредоточится в руках сельской поместной власти.

Слушайте дальше: цифра эта фактически должна еще более значительно уменьшиться.

Высказывая наше основное положение, мы принимаем повсеместное исчезновение дворянского землевладения, как факт совершившийся. Но в одном Мценском уезде за дворянами числится свыше 60 000 десятин.

Это уже готовый кадр в руках Правительства, тем более послушный и гибкий, что в финансовом отношении, благодаря своей ипотечной задолженности, он находится в непосредственной зависимости от казны. Нас только по коренному заблуждению называют собственниками, тогда как мы только — арендаторы казенных земель со строгим контрактом в виде залогового свидетельства. Правительство вправе от нас требовать поместной службы, которую мы разменяли на мелкую и теперь совершенно обезцененную и дискредитированную монету земской службы. Получая от нас коронную службу, Правительство взамен должно сделать и соответственные изменения в своих к нам ипотечных правоотношениях... «Do, nut des!» Дай ты, и я дам тебе равноценное твоему даванию.

Присоедините к этому громадную цифру сметы становящегося уже ненужным земства, сплошь и рядом так неразумно расходуемую (а это факт, признанный Правительством), и вы увидите, что предлагаемый проект не только не вызовет экстраординарных расходов общеимперских средств, но еще и даст громадную экономию в бюджет.

А влияние восстановленного закона Императора Николая I разве не вернет деревне вместе с нашими детьми, — погибающими теперь и физически и нравственно в разных канцеляриях, — и отливших с ними из деревни капиталов?!

Еще, и едва ли не важнейшее, требование, которое православный народ обязан в лице своего Правительства предъявить к носителям сельской власти.

Это требование должно быть заключено в *явном сказательстве сельской власти своего Православного вероисповедания*. Власть над народом православным не может быть иною, как строго православною. Сказательство Православия все заключено в таинстве Святого Причащения. Не причащающийся хотя бы однажды в год служить Царю и Церкви не должен.

Не новость я проповедую. Это требование наших законов, и оно доселе существует неотменным и не может, не должно быть отменено и даже ослаблено, каким бы нападкам ни подвергала его со своей стороны пресловутая «свобода совести».

V

Просите еще двух важнейших мероприятий, но уже касающихся не одного только села, а целостности всей России: 1) запрещение выкурки и продажи спирта, кроме целей лекарственных и технических, и 2) строгого ограничения и притом фактического, неослабного — черты еврейской оседлости⁷ для евреев всякого звания и состояния.

Ручаюсь вам, что с проведением в жизнь института сельской власти при наличии этих двух мероприятий, в России вы не узнаете многого через пять, десять лет. Повышение любого из прямых или косвенных налогов, даже учреждение чисто специального налога даст взамен крупную перевыручку против питейного дохода. Велик ли он в самом деле при 140 миллионном населении, если он выражается в цифре двухсот миллионов рублей? С исчезновением же с поместного горизонта еврея воспоследует большее спокойствие мирного хода нашей торговли и промышленности. Да в сфере внутренней политики жизнь наша, хотя бы и академическая, при этом условии, пойдет много спокойнее. Если бы вы только могли знать всю силу подпольного влияния интернационального кагала!..

Таким только образом мы можем выйти из заколдованного круга нашего сельскохозяйственного кризиса, который собой представляет только классифицированный вид кризиса общегосударственного.

Что такова суть кризиса, — прошу вас обратить на это особое внимание, — доказывает вам носящаяся в воздухе идея «прихода» и «мелкой земской единицы».

Но идея эта в самодержавном государстве построена на совершенно ложном фундаменте выборного самоуправления. Это две такие силы, которые исходят из принципов диаметрально противоположных и неизбежно взаимосталкивающихся. Весь вопрос во времени столкновения, а время это находится в тесной связи с ослаблением или усилением той или другой власти.

Наша современность не дала ли в том глубоко-печальных и поучительных примеров!

Идея приходов и мелких земских единиц находит себе полное и строгологическое осуществление для самодержавной России в предлагаемой нами власти сельских начальников с их совещательными органами в лице Советов.

Но как различен дух той и другой идеи!

Конечно я предлагаю вашему вниманию мои мысли не в качестве готового и детально разработанного проекта, ожидающего законодательной санкции.

От села до Государя, источника всякой нашей государственной мудрости, расстояние огромно, и оно должно быть заполнено инстанциями в духе предлагаемой деревенской реформы, но этой области я не позволяю себе касаться.

Нас спрашивают о деревне, мы покамест и должны только о деревне дать ответ. Спирт и еврей ядовитым своим жалом коснулись деревни, мы обязаны и на них обратить внимание, хотя их влияние гораздо обширнее и

касается настоящего и будущего всей России, как сельской, так и городской, как хлебопашеской, так и заводско-фабричной.

Конечно, при намеченном изменении строя поместной жизни весь ныне, так называемый земской, бюджет пойдет на нужды местного управления, но под полным контролем высшей губернской власти. Сметы же и раскладки бывших земских повинностей будут составляться сельскими начальниками на местах при участии совещательных советов, а затем распределяться на уездные нужды в уездном совещании сельских начальников под председательством предводителя дворянства.

Надо ли говорить, что и уездный предводитель дворянства должен значаться. Правительством, как и всякая другая поместная власть. В проведении принципов мы должны быть строго последовательны во всем.

VI

Моя задача не могла бы считаться вполне законченною, если бы я не затронул другой болезненной язвы нашего поместного быта.

Я имею в виду раны поместного дворянства, еще не покинувшего до сего времени своего поста, но уже почти изнемогающего в непосильной, свыше чем сорокалетней борьбе за сохранение своего исторического назначения — стоять во главе Русского народа и служить опорой и подножием трона Помазанника Божия.

Что легче, спрошу вас, — создать вновь или сохранить и поддержать? Конечно, — поддержать и сохранить. В деле обыкновенного домостроительства своевременная поддержка сохраняет старый, но прочный, из векового леса сооруженный дом и, притом, не требуя тяжелых затрат из капитала. Если это так в данном грубом примере, то насколько же это вернее — в необходимости сохранения в целости веками сложившегося и веками же испытанного сословия, искушенного наследственным опытом в деле руководства и попечительства над великим Русским народом, коренным русским населением! Прошу вас особенно заметить — коренным русским, то есть жителями центра, истинного создателя России. Центр — все! А он-то именно с особою силой подвергся испытанию.

Как же поддержать и сохранить коренное Российское земельное дворянство, это необходимое звено, связующее Самодержавного Царя с Его народом?

По существу русской государственной идеи, земля русская не есть собственность частная, а есть собственность государственная. Истинный ее Хозяин — Православный Русский Царь. Она может быть жалована для

службы, за службу, может быть жалована отдельному лицу или даже целому роду, но под неперменным условием службы поместной или поместно-государственной. Под этой последней я разумею служение в высших государственных должностях, вблизи или при Особе Его Величества. Но и эта служба должна быть связана с поместным владением. *Земля — соль нашей государственной жизни.*

Этот основной принцип нарушен в самом своем основании. Земля стала рыночною и даже, как вполне верно замечено министром Финансов, биржевою ценностью.

Это нарушение векового принципа с особою тяжестью отозвалось на нас, дворянах, и кроме того вследствие неправильно поставленной взаимополитики Дворянского и Крестьянского Банков — и на крестьянах, фиктивных собственниках прежних дворянских земель.

Говоря строго-логично, мы, поместные дворяне, совершили уголовно-историческое преступление, обременив ипотекой имущество, нам не принадлежащее — *мы заложили Царскую землю.* Но вина в этом преступлении не на нас одних. Кто виноват в этом, — безпристрастная история, если только таковая будет когда-нибудь существовать, разберется в этом. Наше дело указать, как мы думали бы выбраться из ложного положения, в которое мы и себя поставили, и с собой поставили и Правительство.

К великому благополучию, в нашей задолженности есть сторона весьма добрая, о которой я выше уже говорил намеком, утверждая, что она создаст в руках казны послушный и гибкий кадр для предлагаемой реформы поместного быта. Я сейчас это вам поясню примером.

Большинство наших дворянских поместий заложено ныне, если я не ошибаюсь, в 60% специальной оценки. Специальная оценка составляется с некоторым более или менее точным приближением к действительной продажной стоимости земли. Иными словами, Государство, выдав нам под залог имения сумму, равную 60% оценки, как бы произвело отчуждение 60% нашей земли, оставив в нашей собственности 40%. Пока мы — плательщики исправные, Казна, на праве ипотеки, оставляет за нами право пользования всею землей, но, при нашей платежной неисправности, она, по всей справедливости, в видах обще-государственной пользы, не только может, но и должна произвести фактическое отчуждение принадлежащего ей участка тем более, что, при предлагаемой реформе, она неизбежно должна встретиться с необходимостью отчуждения земельных участков для проектируемых должностей. Естественно, при этом отчуждении, усадьба с инвентарем должна остаться во владении старого владельца, тем более, что, по правилам Дворянского Банка, усадьба и инвентарь принимались в залог

только в 5% отношении к сумме всей ссуды, как бы ни была велика ценность усадьбы.

Не нарушая принципа свободы и справедливости, а наоборот восстанавливая его во всей целокупности, казна совершила бы акт величайшей государственной мудрости, сохраняя и нужный ей поместный Дворянский служебный элемент, и освобождая землю от задолженности.

Конечно, план отчуждения должен быть составлен разумно-хозяйственный, чтобы не были обезценены оба участка.

VII

Но поместная жизнь дворянина-помещика должна быть сопряжена с несением и поместной службы. Оставаясь в своем поместье и исполняя обязанности, связанные с должностью сельского начальника, имея уже заложенную землю, — какое же вознаграждение он должен получить за свою службу? Ведь не прирезкой же к его земле новых 300 десятин?

Очевидно, нет. Это вознаграждение должно выразиться в отмене банковских платежей в сумме, равной или несколько большей платежа за этот 300-десятинный казенный служебный надел, причем годы действительной службы должны быть зачислены без % в годы погашения долга. При поместной службе и владении даже многоземельные имения могут, таким образом, совершенно очиститься от долга и при том не только без обременения, но и с великою пользой для казны и для государства.

Новый же дворянский поместный служилый элемент, получая в жалованье земельный надел, может его сохранить и для своего потомства, но при условии продолжения службы и в нисходящих его поколениях.

Скажите, будет ли эта система не достойною привилегией дворянского служилого сословия, нарушит ли она чьи-либо интересы?

Нет, нет, и тысячу раз — нет! Это прямой и вполне естественный выход для нашего дворянского землевладения. Без этого выхода оно ненормально, неестественно, и даже прямо пагубно и в государственном, и в сельскохозяйственном отношениях.

Конечно, как во всяком новом деле, придется встретиться со многими житейскими чисто практическими шероховатостями, и придется, как служебным новоселам, так и старожилам, Казне придти с некоторым денежным восполнением в виде временного жалования тем и другим — слишком уже мы далеко зашли по пути поголовного разорения, — но эта жертва должна быть временная, пока новый строй поместной жизни вой-

дет в мирную колею общественной работы созидания. Это восposобление может быть, но может и не быть — о нем я говорю не как о чем-то необходимом и обязательном, но как о возможном и временном.

При учреждении новой поместной службы, необходимо принять во внимание одну черту крестьянской психики. Крестьянин наш до сих пор еще именуется то «Протасовским», то «Телепневским», хотя от этих дворянских родов уже и духа в нашей местности не осталось. Чтобы власть новоселов-дворян стала крестьянину сразу родною, надо стараться восстановить старые дворянские роды в местах их прежних вотчин, конечно, в пределах возможности.

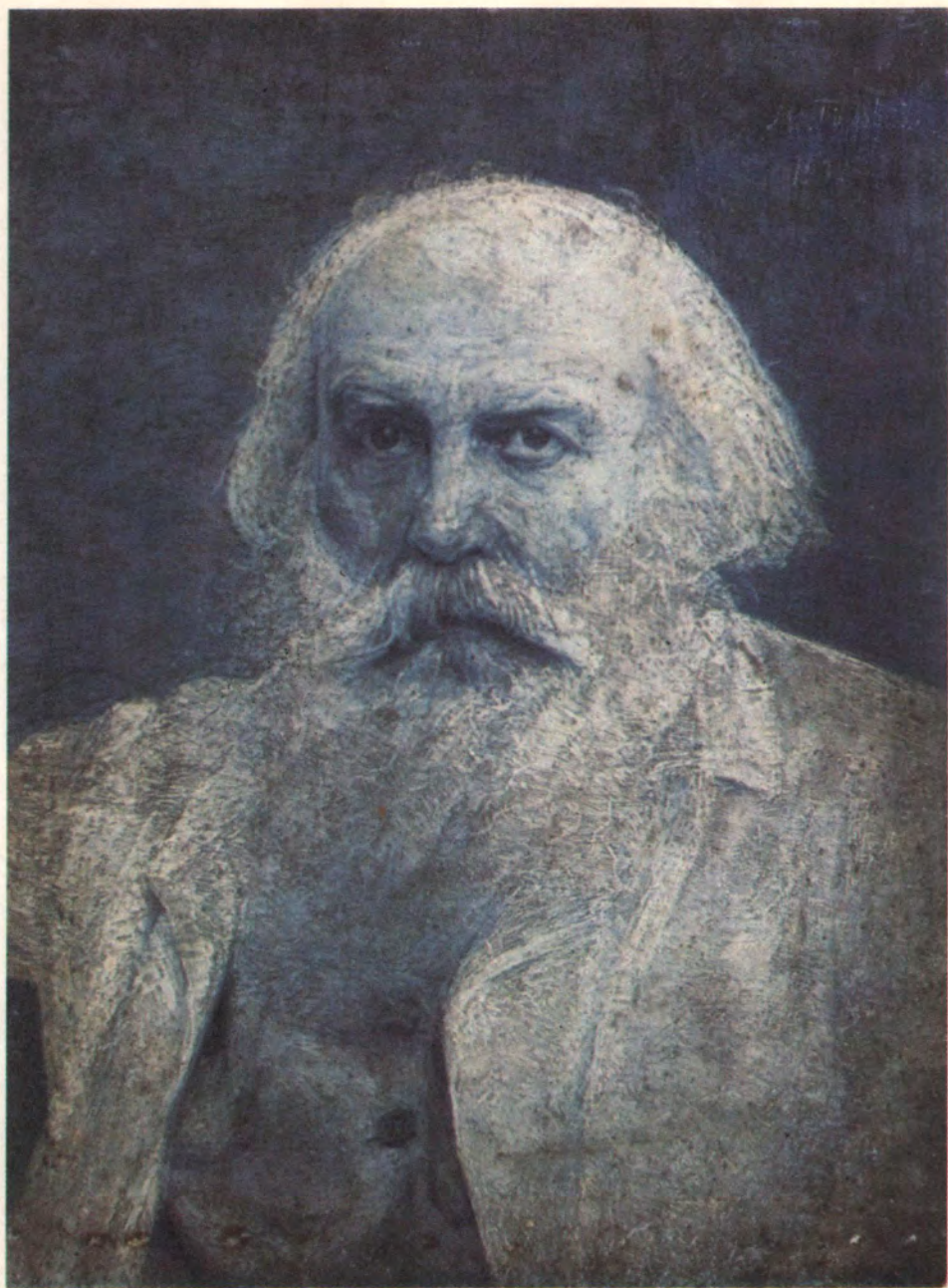
Теперь еще одно необходимое заключение. Судьба комиссий, столько раз созываемых по нашему поместному быту и, в частности, по дворянскому, — нам известна. «Пока солнышко взойдет, роса глаза выест!» Будем просить, если мы нужны нашему Государю и родине, отложить взыскание с нас срочных платежей впредь до выяснения нашего положения законодательным порядком. Мы доказали нашу стойкость, и этим уже заслужили право на милость.

VIII

Теперь перед вами, людьми практической жизни, я ставлю вопрос: есть ли предел для горизонтов всевозможных, и в том числе сельскохозяйственных улучшений в поместном деревенском быте, который мог бы быть поставлен при предлагаемой вашему вниманию системе, основанной на благородном соревновании сил поместного управления? Дворянский суд чести; строго разработанный контроль Самого Государя над поместною служебною деятельностью через высших государственных сановников, облеченных Его особым доверием — это залог того, что никогда поместная служба не может выродиться в сатрапию. Разве эта система не есть прямой ответ на задачу определения и выяснения мер к поднятию сельскохозяйственной и всякой другой промышленности? Разве она не разрешает собой все наболевшие и назревшие вопросы неустройства поместного быта, включая продовольственный, упорядочения хлебной торговли, даже переселения, организованного на принципах этой же системы?

Поглядел бы я, как при этой системе строго ответственной деревенской власти, подпольные враги нашей деревни, вносящие смуту в ее политическое миросозерцание, осмелились бы перелезть через ее охраняемую ограду!

Нам выставили и нас загнипнотизировали тремя будто бы великими словами: свобода, равенство, братство! Лозунг безумный и бессмысленный,

Сергей Александрович Нилус.
Портрет неизвестного живописца из г. Чернигова. Масло. <1928>
Публикуется впервые

Икона Божией Матери «Живоносный Источник» с четырьмя предстоящими святыми.

Семейная святыня Нилусов.

Надпись на обороте: «Благословляю сим образом Анну Королькову.

15 Июля 1854 года, Андреевка. Елизавета Скуратова».

Публикуется впервые

Портрет Н.Д. Нилус. Акварель. <1862>

Надпись рукою С.А. Нилуса на обороте: «Портрет матери моей
Наталии Дмитриевны Нилус, урожденной Карповой».

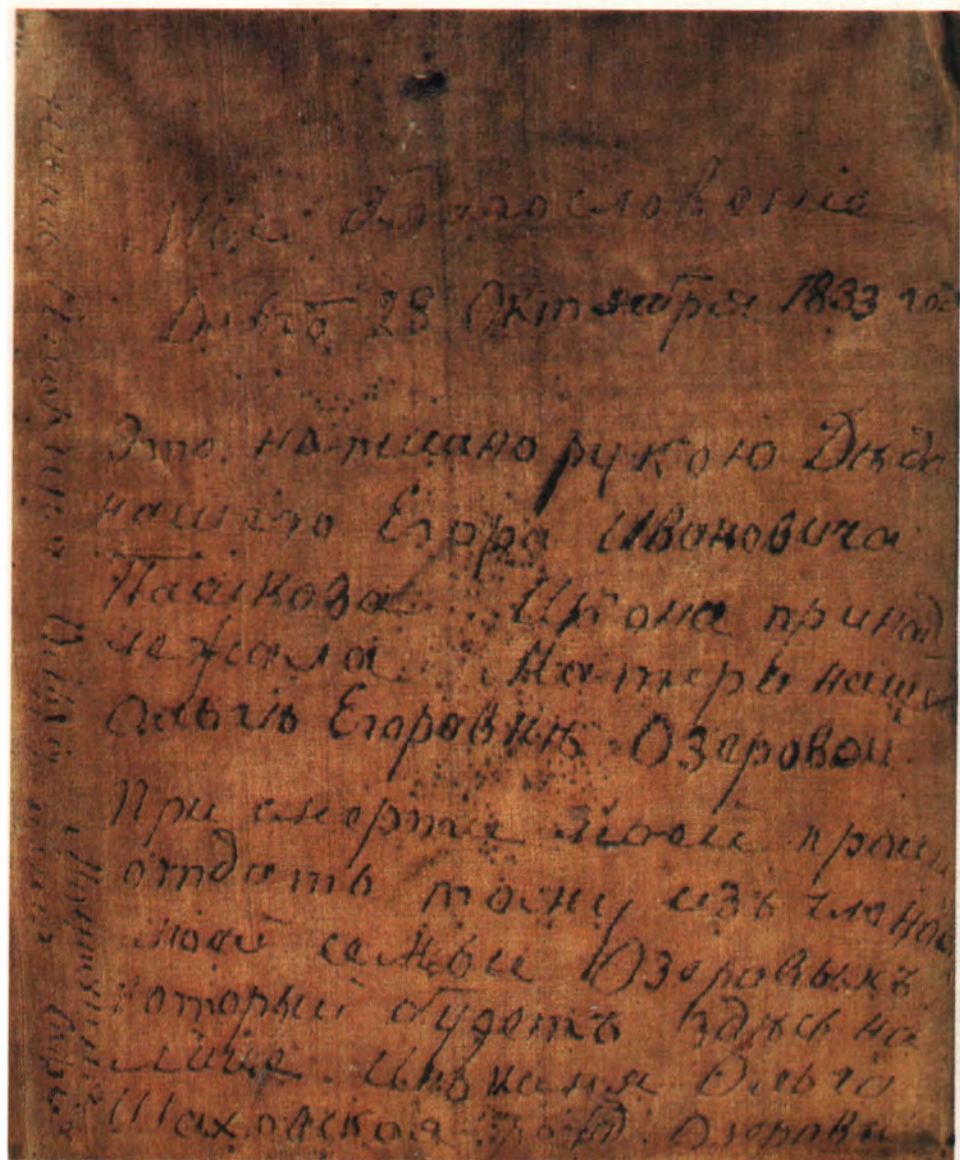
Публикуется впервые

Икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Принадлежала Е. А. Нилус (урожд. Озеровой).

Публикуется впервые

Надпись на обороте иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»:
«Мое благословение Ольге 28 Октября 1833 года. Это написано рукою Деда нашего Егора Ивановича Пашкова. Икона принадлежала Матери нашей Ольге Егоровне Озеровой. При смерти моей прошу отдать тому из членов моей семьи Озеровых, который будет здесь налице. Инокиня Ольга Шаховская урожд[енная] Озерова».

Надпись по левому краю сверху вниз: «Ныне послушница Ольга [после постри]жения —
Монахиня София».

Публикуется впервые

Распятие

Написано М.А. Гончаровой. <1922> Холст, масло.

Семейная икона Нилусов

Публикуется впервые

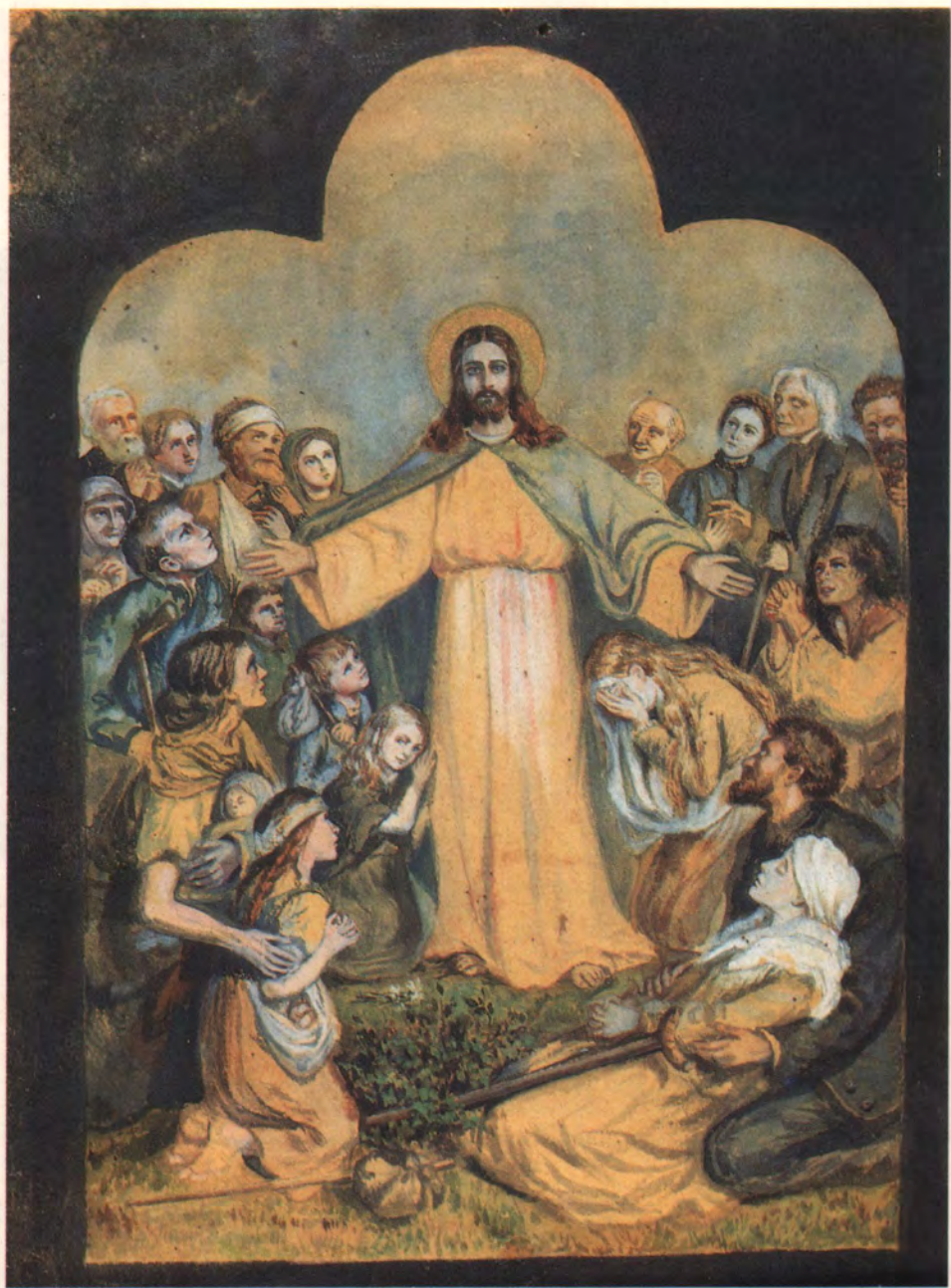

Богоявление. Резьба на камне, взятом из русла р. Иордан в Св. Земле.
Привезен из паломничества кем-то из Озеровых. <1917>

Публикуется впервые

Имение Марии Александровны Гончаровой (урожд. Озеровой), сестры Е. А. Нилус.
Акварель С. А. Нилуса. <1906–1917>
Публикуется впервые

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененнии» (Мф. 11. 28)

Акварель Е. А. Нилус. <1928>

Публикуется впервые

Икона Божией Матери Тихвинская.

Родительское благословение на замужество в 1894 г. Юлии Алексеевне Смирновой
(урожд. Соколовой).

Публикуется впервые

Дом прот. Василия Смирнова в с. Крутец, в котором жил и скончался С. А. Нилус.

Акварель Е. А. Нилус. <1928>

Публикуется впервые

Преподобный Ефрем Сирин.
Акварель Е. А. Нилус. <1928>
Публикуется впервые

Мученицы Иулия, Мария и Лидия.

Акварель Е. А. Нилус. <1928>

Публикуется впервые

Дом М. В. Орловой-Смирновой в пос. Городок.
Акварель Е. А. Нилус. <1935–1936>
Публикуется впервые

Преподобный Сергей Радонежский кормит медведя.
Акварель Е. А. Нилус. <1928 ?>, подаренная о. Василию Смирнову
при отъезде из с. Крутец в Чернигов.
Надпись на обороте: «Икона Пр[еподобнаго] Сергия Радонежскаго. На добрую память
дорогому О. Прот[оиерею] Василию Арс[еньевичу] Смирнову
о Сергии Александровиче Нилусе. Прожившаго у него последи[ня] 9 ½ месяцев своей
земной жизни и скончавшагося у него в Крутце 1 Января 1929 г. в навечерья
Празднования Пр[еподобнаго] Серафима Саровскаго, кот[ораго] особенно любил и почитал
и прославлял в своих сочинениях. Елена Нилус. 30 Января 1929 г.»
Публикуется впервые

Дом М. В. Орловой-Смирновой в пос. Городок.
Акварель Е. А. Нидус. <1936>
Публикуется впервые

нарушающий естественный закон неравенства в самой природе! Выставим же и мы, в противовес этим диким и дико-понимаемым словам — свою свободу, свое равенство, свое братство! Наша свобода, — с помощью Господа Иисуса Христа и Его Церкви, в свободе от страстей, пристрастий и страстишек, в добровольном самоограничении своей самодовлеющей свободы; наше равенство — в равенстве всех перед Богом и Царем Самодержцем, в равенстве права и обязанности умирать за Царя, за Веру Православную; наше братство — в попечительстве и любви старшего брата к младшему!

Не бойтесь упрека в крепостничестве, — этот упрек могут нам бросить за глаза, за спиной нашей, только враги нашей самобытности, закрепощающие или уже частью закрепостившие труд наш и нашего рабочего своим капиталом, весьма часто иностранного, если не еврейского происхождения! Вот в этой-то крепости, в этом-то порабощении заключено истинное рабство личности. Наша же зависимость вся основана на свободе личности, в судьбе которой сама власть, как элемент поместный, связанный с ней интересами общего совместного благополучия и совместной жизни является всецело заинтересованным.

Нам могут возразить: людей нет. Ответим: людей во время благопотребное воздвигает Бог! Изменяются обстоятельства — переменяются и люди!

* * *

Я сказал все, что накопилось в душе за долговременную мою жизнь с вами, вынося одни и те же тяготы и скорби, которые лежат тяжелым бременем на ваших измученных плечах. Я не коснулся только, правда, еще многих деталей нашей поместной жизни, но самое существенное, думаю, я высказал.

Вот, что мы должны ответить нашему Государю на вопрос, который Он благоизволил нам поставить.

А затем воля Божия пусть да совершится!

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МАРИИ

7 сентября [1904 г.] исполняются двадцать дней со дня отшествия ко Господу Дивеевской наместницы Игуменнии Марии, и благодарное сердце властно требует посвятить памяти блаженной Серафимовой старицы свое слово.

«У вас, матушка, Игуменией будет Сама Царица Небесная! Сама Она, Матушка, вас Своим последним Вселенским жребием избрала. От века не было женской Лавры, а у вас она будет. Сам Царь и Царская Фамилия будут у вас, матушка. Во, радость-то нам какая будет!»

Так говорил простым сердцем первонасельницам Дивеева в 30-х годах прошлого столетия сам Преподобный Серафим Саровский и всяя России Чудотворец.

Оттого и я называю почившую праведным сном до всеобщаго близкого пробуждения Игумению — наместницей: она наместницей была в Дивееве Самой Пресвятой Девы Богородицы.

Великая, безмерно-великая честь и радость, и похвала! Непостижимая и необъятная человеческим разумом слава! И слава эта, по слову Преподобного, принадлежала отшедшей в небесныя Серафимовы обители Игуменнии Марии.

Помяни нас в Царстве Света, дорогая всем тебя знавшим и чтившим, усопшая! Помяни твоим всегда любвеобильным и ласковым словом нас у Престола Св. Троицы, Которой земными твоими безчисленными страданиями и твоею безграничною твердостью верой ты соорудила величайший собор Дивеева, вещественный знак величия Серафимо-Дивеевского духа тобой веденных к Божьему Царству молитвенниц, сирот Серафимовых, а теперь и ... твоих! Не забудь же нас, матушка!

В прошлом году я был в Дивееве вскоре после торжества всех упований почившей. Матушка казалась утомленною и не совсем здоровою, но любовь и ласка ее не знали утомления и, улучив свободную минутку от безчисленных посетителей, со всех концов России несших ей свои приветствия и поздравления, она с тою же задушевною теплотой и вниманием приняла меня в своей келье, с какою три года назад принимала, когда я впервые посетил ее с радостною вестью о том, что сам Преподобный Серафим

во сне явился одному Орловскому доброму пастырю и предвозвестил о том, что его мощи возстали*.

— Теперь, мой батюшка, надо ожидать, что сам Преподобный придет в Дивеев! — сказала мне, в ответ на мои поздравления, Игуменья.

— Как это так, матушка? Я этого что-то в толк не возьму!

— Как то случится, мы и сами точно не знаем: сказывали наши старицы, которые еще при Преподобном жили в Дивееве, что сам батюшка им это говорил: — «Не то диво, матушки, что суды-то к вам наехали, да ни с чем вернулись, а то будет диво, так диво как грешная-то плоть убогого Серафима-то из Сарова в Дивеево к вам перенесется. И понесут ее с одной-то стороны Ангелы Божьи, а с другой — мои сироты. Вот это будет диво, так диво!..»

— А как это, мой батюшка, совершится, — видимо или невидимо, — то можем ли мы знать, грешные люди? Из Святых Отец нам известно, что св. мощи скрываются. Одно вам скажу с уверенностью, что Батюшка наш, Преподобный, непременно будет в Дивееве, только мне уж не дожить до этой радости!

При этих словах затуманилось радостное личико матушки.

Это было мое последнее свидание на земле с дивною старицей.

Дивеевские сестры знали, что их матушка уже не проживет долго. Не преклонный возраст Игуменьи давал им повод так думать, — нет, — сироты Серафимовы чужды обще-человеческим размышлениям и соображениям: и не диво крепость сил и бодрость духа в таком возрасте, который уже недоступен обыкновенным силам мирского среднего человека. Дивеев, порожденный дивом, возвращенный чудом, живет и дышит явлениями силы и духа, непонятными и, как все непонятное, отвергаемыми миром.

Божий человек один говорил назад тому несколько лет нашей матушке: «До мощей доживешь, а там готовься к смерти!»

Вот чему верил Дивеев, и чему верила сама Игуменья. Дивеевская вера никогда не посрамляла сирот Серафимовых: не подходят они, эти святые, многолюбящие, многоверующие и многострадальные души под шаблонную и ничтожную мерку наших условных и столь суетных понятий. На своем самобытном стоит Дивеев и будут стоять последнею угрозой надвигающемуся со всех сторон антихристову духу, а там, вскоре ... и самому антихристу.

* М[осковские] вед[омсти]. 1901. Ноябрь.

Дивеев был уверен в близкой кончине своей матери еще задолго до ее смерти. Открытие мощей Преподобного Серафима — вот был земной предел безчисленных трудов и скорбей во славу Божию святой старицы. Святой предел — святой жизни!

Последний год жизни Игуменнии Марии был подвигом приготовления к переходу в обетованную землю христианских упований. Тихо догорала Божия свеча, зажженная прозорливостью Серафима:

— Запомните, матушка! На двенадцатой Игуменнии у вас и монастырь устроится, а игуменией той будет Мария, Ушакова родом!

Тихо, безстрашно, безропотно со всею полнотою любви и могучей веры угасал светильник, столько лет светивший через Дивеевское окно всему православному миру... Блаженная Дивеевская, Христа-ради юродивая Паша последнее время все твердила:

— Стена отваливается, стена отваливается: мать уходит, уходит мать-то!

Отвалилась стена, ушла мать и нашла себе в святой земле Дивеева успокоение у придела Преподобного Серафима, который был тридцати с лишним лет назад устроен ею в Троицком соборе и, по вере ее в святость Серафима, стоял неосвященным до полного торжества ее великой веры в этого величайшего Божиего угодника и до полноты исполнения времени ее праведной и Богоугодной жизни.

Хорошо, сладко, радостно и торжественно так умереть!

Да удостоит Господь, за молитвы отшедшей праведницы, такой же кончины всех верующих в любовь и истину Христова Воскресения! Да сохранит под Своим Покровом новую Свою наместницу Девеева Пресвятая Игуменния, Сама Владычица Неба и земли, Заступница рода Христианского!

ДУХОВНЫЕ ОЧИ

ИЗ БЕСЕД СО СТАРЦАМИ

Безбожное, безверное время настало для Православной России: одной плотью и ради плоти стал жить русский человек, и забыл он о жизни духовной. По названию только слывет он православным христианином, а духом своим уже не тот он стал, что был еще так недавно, когда веровал в жизнь духа, а на плоть свою смотрел, как на временное жилище. И когда жили так русские люди, легко тогда переносили они все скорби житейские, веруя в воздаяние от Господа в жизни вечной, а на смерть, стараясь при жизни исполнять Божии веления, смотрели, как на желанное освобождение от горя и болезней и на переход в обители райские, где ждет вечная радость и слава всех, при жизни своей земной благоугодивших Господу. И жилось тогда по вере всем легко: всякое зло, всякая обида, всякое горе — все переносилось бодро, а некоторые даже и с радостным благодарением: Христа ради терпели, Господа ради, Который и Сам за наше спасение столько претерпел, что и не в подъем никому из человек.

Рая люди ждали за терпение, оттого и терпели. Ну, и то сказать, ждали рая на небе, да и на земле терпением своим много блага создали. Оно и понятно: терпел один, глядя на него другой, третий; друг другу уступали, друг друга прощали, старших почитали, начальства боялись, друг друга уважали, богатым не завидовали, бедным благотворили, убогих жалели, странников кормили и согревали, на Церковь Святую уповали, как на мать родную. И созидалось, и росло, и крепло на страх врагам великое, Богом хранимое царство Русское, Православное. А за последние годы куда что подевалось?.. Стали люди русские жить не по-Божьи, преступать святые Божьи заповеди, и отошла от них благодать Божья, а с ней ушла и вера, и настало в земле Русской великое разорение: озверели православные, хуже зверей диких стали, и конца краю не видится народной гибели...

Хотят на зле добро строить, душегубством брата жизнь создать веселую, привольную!.. Ой, не расти на репейнике винограду, на крапиве колючей не расти сладкой малине! Оглянитесь-ка кругом себя, люди русские, — те, чья голова еще умеет свою думу думать, своего разума еще не утратила: чем вся эта буря зла и неверия кончится? Опомнитесь!..

— «Бога нет!»! — на все лады завывали волки и шакалы лжеучительства. Кто и где Его когда видел?..

И на весь этот зловещий вой десятки, сотни, тысячи голосов безумцев всякого звания и состояния отозвались безумным воплем: «Нет Бога! Кто Его видел?» Сатане того только и нужно было: и попали богоотступники из-под природной власти Божией в добровольную кабалу к нечистому. По делам, что теперь творятся у нас на Руси Православной, видно, — чье теперь стало царство...

И вот, припомнилось мне, как в Оптиной Пустыне* один знакомый мне старец-иеромонах, из образованных, родовитых дворян, сказывал мне о своей беседе с Петербургским извозчиком. Было это дело давно, лет тридцать назад, но сказ этот и доселе еще новенький. Послушай-ка его, человек русский: может он к чему-нибудь тебе и пригодится!..

«Было это, о чем я вам хочу рассказать, — так повел со мною беседу старец-иеромонах, — годков 25–30 тому назад. Я был в то время молодым еще художником, кончавшим свой академический курс в Академии Художеств. Уже и тогда дух неверия и отступничества сильно действовал в русских людях, хотя больше в высшем сословии, чем в простолюдинах; но уже следочки этого духа и тогда стали прокладываться в душу народную, — и там начинала заводиться та гниль и червоточина, которая теперь обуяла с такой силой молодое деревенское поколение, особенно то, которое простоту и правду безхитростной деревенской жизни, простор полей, лугов и лесов променяло на чванливость и ложь городской тесноты и каменных бездушных фабричных и заводских острогов». [...]

* Калужской губернии, Козельского уезда.

**СКАЗАНИЕ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ
ЕЯ ИВЕРСКОГО ЯВЛЕНИЯ
И
О ЧУДОТВОРНОЙ ЕЯ ИКОНЕ
ИВЕРСКОЙ,**

**что в Богородичном Иверском Валдайском
монастыре Новгородской епархии**

*К 250-летию пребывания Святой Иконы в Валдайском монастыре,
исполнимемся 16 декабря 1906 года*

I

«По Вознесении на небо Господа нашего Иисуса Христа все ученики Его, как повелел им Господь, вместе с Пречистою Его Матерью остались в Иерусалиме, ожидая Утешителя, обещанного Спасителем, Духа Истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его, и не знает Его, но Которого знали, знают и будут знать все истинные и верные ученики Христовы всех времен, дондеже мир стоит. Ожидая с непоколебимой верой исполнения обетования Господа, Апостолы и ученики Его вместе с Преподобной Богородицею бросили между собою жребий, кому в какую страну идти для проповеди Божественного Евангелия, так как и Пречистая выразила желание понести труды Апостольские во славу Сына Своего и Бога.

— Хочу, — сказала Она, — и Я метнуть с вами Мой жребий, чтобы и Мне иметь Мою часть в благовествовании в страну, которую изволит указать Мне Бог для проповедания слова спасения.

И по слову Божией Матери, ученики Христовы с благоговением и страхом бросили жребий; и Царице Небесной выпал жребий — Иверская страна*.

Было это до сошествия Святого Духа на Пречистую и на Апостолов.

* Где теперь Грузия.

С великою радостью приняла Богородица Свой жребий и хотела уже, по сошествии в огненных языках Духа Святого, идти в Иверскую страну; но предстал Ей Ангел Божий и сказал:

— Теперь не отлучайся из Иерусалима, останься в нем до времени: указанная Тебе по жребию земля просветится впоследствии светом Христовым, и будет в ней Твое владычество, Твой жребий; но теперь Тебе предстоит немного потрудиться в иной земле, куда Тебя Сам Господь направит.

И по слову Ангела, пребыла Пречистая в Иерусалиме довольно продолжительное время, пока не исполнился срок, егоже положил Господь во власти Своей.

Лазарь, мертвец четверодневный, которого воскресил Господь, жил в это время на острове Кипре, где и был Апостолом Варнавою рукоположен во епископы. С великою любовью хотел он увидеть Пречистую Матерь нашего Господа, с Которой, из страха пред иудеями, он не видался давно, с того дня, как ему пришлось бежать из Иудеи от преследования синедриона, умыслившего его во что бы то ни стало убить как живого свидетеля величайшего из чудес Христовых. Провидя духом Своим любовь и желание Лазаря, Матерь Божия послала к нему письмо, в котором, утешая его, повелела прислать за Ней корабль, чтобы ему не ездить в Иерусалим к Ней, а чтобы Ей Самой прибыть к нему на остров Кипр.

Прочитав письмо, обрадовался Лазарь и удивился смотрению Преподобной Царицы Неба и земли, решившейся, любви ради, принять на Себя труды тяжелого морского путешествия, и, с великою поспешностью снарядив корабль, послал его за Пречистой. По прибытии корабля, взошла на него Пречистая Мария с возлюбленным Учеником Христовым — девственником Иоанном и с другими спутниками, благоговейно Их сопровождавшими, и отплыла от страны Иудейской, держа направление к острову Кипру. Во время пути внезапно восстал противный ветер, и пришлось кораблю с Пресвятой Богородицей пристать к горе Афонской, оказавшейся той страной и тем малым трудом, которые предрек Божией Матерью явившийся Ей Ангел.

В то время гора Афонская была повсюду исполнена идолов: стояло там великое капище и святилище язычников бога Аполлона, производились всякие гадания, волшебства и совершались бесовской силой всякие чарования на погибель души человеческой. И было то место, та гора Афонская в великом почитании у эллинов* за красоту своей природы и за дьявольское прельщение, которому веровали язычники, как священному действию своих богов золотых, серебряных, каменных и деревянных; шло на поклонение со всего языческого

* Древние греки-язычники.

мира на ту гору Афонскую многое множество всякого языческого народа, ищущего гаданий и ответа на все свои вопросы от бесов, скрывавших себя в идолах и прорицавших чрез языческих жрецов, своих ставленников.

И вот, когда корабль Пречистой пристал к Афону, тогда от всех идолов разнесся по всей Афонской горе великий плач и вопль:

— Сойдите, — кричали бесы, — сойдите с горы все люди, прельщенные Аполлоном; сойдите с Климентовой пристани и примите с честью Марию, Мать Великого Бога Иисуса!

Так, против воли своей вопили сидящие в идолах бесы, побуждаемые к тому силою Божию, как было то некогда при Спасителе в стране Гергесинской, когда им невольно пришлось возвестить истину в словах: «Что Тебе до нас, Иисусе, Сыне Божий? Пришел Ты сюда прежде всемени мучить нас!»

Слышал эти бесовские вопли народ языческий и удивлялся. И вот все побежали на берег моря к указанной пристани и увидели корабль, а на корабле — Мать Божию, Которую и приняли с великою честью. И спрашивали язычники Божию Мать:

— Как родила Ты Бога? Как имя этого Бога?

И отверзла Пречистая уста Свои божественные и благовестила народу все подробно о Христе Иисусе, Господе нашем. И пали ниц на землю все люди и поклонились родившемуся от Нея Богу. Почтили они и Богородицу почестями великими и многими и приняли святое крещение, ибо много чудес сотворила Божия Мать.

По совершении же святого крещения поставила новопросвещенным людям Владычица в начальники и учителя одного из Своих и Иоанновых спутников, бывших с Нею на корабле, и возрадовалась духом Своим и сказала Афону великое Свое слово:

— Да будет Мне место это жребием, данным Сыном Моим Богом!

И благословила Пречистая народ и вновь возвестила:

— Да пребудет благодать Божия на месте этом и на живущих в нем, с верою и благоговением соблюдающих заповеди Сына и Бога Моего! Что нужно будет для земной их жизни, того будет у них и с малым трудом изобилие, и уготовится им жизнь также и небесная. Милость же Сына Моего не отступит от этого места до конца мира, а Я месту этому буду заступницей и пред Богом за него теплой ходатаицей.

Сказала то слово Свое великое Мать Божия, благословила народ, взошла с Иоанном и с прочими Своими спутниками на корабль и отплыла на Кипр, где нашла Лазаря в великой скорби: не ведал Лазарь, где столько времени находилась Пречистая, и боялся, не случилось ли с Ней в пути несчастья от бури и морского волнения. Тем сильнее была его радость, когда

прибыла к нему Матерь Божия и дала ему Свои подарки, руками Своими Пречистыми сработанные — омофор и нарукавники и поведала ему о всем бывшем в Иерусалиме и на горе Афонской. И благодарили все Бога.

Пожив немного времени на острове Кипре и благословив и утешив Кипрскую Церковь, взошла Матерь Божия на корабль и возвратилась обратно в Иерусалим».

Таково древнее сказание Стефана, Святогорского инока, о странствовании Царицы Небесной. Записано оно им со слов предания, последовательно до него переходившего из уст в уста от одного христианского поколения к последующему; и мы твердо веруем ему, по слову св. Апостола Павла: *братия, стойте и держитесь предания, которому вы научены или словом, или посланием нашим* (2 Фес. 2, 15).

Не прошло мимо слово Ангельское, сказанное им Царице Небесной о доставшемся Ей жребии — земле Иверской. После тяжчайших гонений на Церковь Христову и исповедников Христовой веры в царствование нечестивых Римских Царей-язычников, возбуждаемых к тому вековыми ненавистниками ее — иудеями, которые и в те времена, обладая великими богатствами и дьявольской хитростью, умели втираться в близость к царским ближайшим советникам, настало для Божией Церкви успокоение при Константине Великом, Императоре Римском, повелевшем признать ее главенствующей, а язычество искоренить. При этом Императоре некая благочестивая жена-христианка именем Нина, по смотрению Божьему и с помощью дарованной ей от Бога благодати, привела к вере Христовой весь народ Иверский*.

Император Константин на горе Афонской, в то время как шло просвещение Иверии св. Ниной, воздвиг три обители: первую у Климентовой пристани, где пристал корабль Божией Матери, повелев обитель ту освятить в честь и память Успения Пресвятой Владычицы; вторую — на том месте, где благовествовала народу учение вечной жизни во Христе Спасителе Пречистая Приснодева, а третью — там, откуда отплыл с Царицей Небесной корабль, уносивший Ее на Кипр к Лазарю четверодневному. И населил Господь все те обители великим множеством иноков дивной подвижнической жизни: гору Афонскую тем же Императором Константином Великим повелено было звать — Святой — город же Аполлонов — «Иеревс», что с греческого значит — «освященный» — по великой святости того благодатного места.

* Память св. Нины, просветительницы Грузии, празднуется 14-го января.

Один благочестивый и исполненный всяких добродетелей христианин именем Петр спустя некоторое время по устройении на Афонской горе монашеских обителей, желая отречься от мира и его соблазнов и найти себе место пустынное и безмолвное для посвящения себя Богу, молил Господа, чтобы Он открыл ему, куда ему направить свой путь. И в видении явилась ему Пречистая Богородица.

«Отец! — сказала ему Пречистая. — Место твоего упокоения — гора Афонская, которую у Бога и Сына Моего испросила Я Себе в жребий, чтобы на ней был приют и жизнь безпечальная для всех, кто ради вечного блаженства отречется от мира и прелестей его и пожелает совершенствовать себя в добродетели. Даровала Я любовь Мою горе этой, и вскоре восполнится ее красота красотой духовной жизни монахов, которые придут туда от всех мест и стран. И не оскудеет милость Сына Моего и помощь Моя от них, но покрою их и сохраню молитвой Моей о их спасении».

Придя в себя от этого благодатного видения, святой муж Петр принес благодарение Господу и Приснодеве и ушел на подвиг свой духовный на гору Афонскую, где достиг великого духовного совершенства, побеждая демонов, беседуя с Ангелами; и, став молитвами Богоматери по действию Духа Святого великим чудотворцем, мирно и праведно отошел к Первоисточнику жизни всяческой, к Господу Иисусу, в обители Отца Небесного, от века праведнику уготованные.

По времени пришел на Афон Преподобный Афанасий, основатель Великой Лавры, и тогда же прибыл в жребий Царицы Небесной и Иоанн, истинный сосуд Духа Святого, родом из Иверии, родич Царский и человек богатый, оставивший и знатность, и богатство, и светлые роскошные одежды ради убогой и нищей рясы монаха и ради славы великого Афона и Преподобного Афанасия.

Подвизаясь добрым и спасительным подвигом вместе с Афанасием, как два друг друга любящие брата, узнал Иоанн, что в Византию* прибыл для утверждения мира между царством греческим и иверским сын его Евфимий и отправился сам туда же уговорить Евфимия вместе с собою уйти на Афон и предаться житию безмолвному, доброму житию монашескому под руководством Великого Афанасия, что и было достигнуто Иоанном — его истинною во Христе отеческой любовью: Евфимий преуспел в подвиге духовном и богословии на Афоне под водительством Афанасия в такой мере, что стал как бы новый Златоуст для родины своей Иверии, ради которой перевел все Божественное писание с языка греческого на иверский.

* Константинополь.

Вскоре за Евфимием прибыл к ним на Афон великий Торникий, военачальник Иверский, прославленный многими победами над врагами Иверской земли. И стал великий военачальник великим воином подвижнической рати на горе святой Афонской. Но не довелось Торникию долго пребывать на Афоне: угодно было Господу отозвать его постоять грудью за родную его Иверскую землю, за жребий Царицы Небесной. И было это так: в Иверии скончался царь Роман, а Персы, народ безбожный, прослышав о его смерти, под начальством некоего Склиара пошли войной на Иверию, завоевывая города и села, не встречая себе сопротивления, ибо царские сироты были малы, а Царица-мать находилась в неутешной скорби от своей утраты. Узнав, однако, что персидское войско победоносно приближается к столице Иверии, она послала гонцов на Афон к Афанасию и Иоанну, родственнику своему, умоляя их прислать к ней на помощь Торникия. Не смея ослушаться святых, Торникий прибыл в Иверию к великой радости Царицы, которая, показав ему своих сирот, сказала:

— На твоей душе, честной отец, лежит жизнь этих сирот!

И внял Торникий плачу Царицы и, взяв на себя начальство над войском, разбил наголову Персов, перебил множество их войска: каких взял в плен, каких загнал внутрь страны их Персидской и с великой славой вернул надолго мир и спокойствие своей родине.

И предложила ему Царица много денег за эту победу; но отвечал ей Торникий:

— Я, повелительница моя, оставил все свое Господа ради, мне ли теперь брать чужое? Но если повелит твоя царская милость, то создай монастырь на горе Афонской, чтобы стоял он там на утешение и на молитву всему народу Иверскому.

И сотворила Царица по слову Торникия.

Так создан монастырь Иверский на Святой горе Афонской.

Такова судьба и связь духовная между земными жребиями Царицы Небесной: первым — Ивериею, и вторым — Афоном Святым, молитвенником великим.

Установив, таким образом, духовную связь между двумя Своими жребиями на земле, Царица неба и земли пожелала даровать Иверу на горе Афонской в закрепление этого союза и печать Свою Царственную с изображением лика Своего Пресвятого — Чудотворную Икону Свою с Предвечным Младенцем на руках Своих пречистых.

Среди мира святой Христианской Церкви и тишины, наставшей после одоления духовных смут, возбужденных врагом-диаволом чрез подвластных ему и покорных его воле ересиархов — Ария, Нестория, Македония и дру-

гих, внезапно, попущением Божиим, создалась новая ересь иконоборческая, сопровождавшаяся тяжкими гонениями на православных за почитание ими святых икон. Начавшись при иконоборце — Императоре Греческом Льве Исавре, она продолжалась еще и при Императоре Феофиле. Этот христоненавистник осудил на изгнание многих православных, подвергая их всяким мукам, повелевая износить из храмов все иконы и подвергать их уничтожению и посылая для того своих воинов по всем городам и селам. И до неба по всей стране греческой поднимался в то время дым от икон, сожигаемых нечистыми руками иконоборцев, жалобный стон православных, предаваемых на мучения за их почитание.

В стране Никейской жила в это многобедственное время некая благочестивая православная христианка-вдова с единственным своим сыном. Была она добродетельна, очень богата и поставила церковь вблизи своего дома, а в ней — икону Богоматери, которую почитала выше всех своих сокровищ. Воины, посланные царем-иконборцем по всей Греческой стране истреблять святые иконы, пришли и в дом этой христианки и, обыскивая все места, чрез окно увидели в храме и образ Пречистой.

— Давай нам скорей денег, — вскричали жене той нечестивцы, — или, творя царское повеление, умучим мы тебя всякими мучениями!

Много дам я вам денег, — отвечала жена та, — но только утром: нет их у меня сейчас в доме моем.

Воины согласились ждать до утра, но один из них, уходя со всеми из храма, обернулся к образу и со злобой копьём ударил в лик Пречистой и тотчас истекла из него кровь, как из живого лица. Настала ночь. И вошла в храм с отроком своим та христианка и, преклонив колени, воздела руки к небу и, орошая землю слезами, молилась долго ко Господу. Затем, вставши, взяла со страхом и благоговением вместе с сыном святую икону, принесла ее на берег моря и опять стала молиться ей, как Самой Богоматери:

— Владычица и Госпожа мира! Благодатию Твоею имеешь Ты власть и силу как Мать Бога Вышняго и над всеми созданиями Его владычествуешь: избавь нас от гнева Царя беззаконного, а икону Свою — от воды!

И с этой молитвой спустили мать с сыном святую икону в море; и о, чудо! Не плашмя упала икона, но кверху Пречистым ликом, и поплыла она, чудотворная, стоя на заход солнца, держа путь, ведомый Единому Богу и Матери Его Препоблагословенной.

Помолились тут и поплакали мать с сыном, пока не скрылась из виду святая икона. И сказала со слезами горькими мать сыну своему едиnorodному:

— Чадо мое вожденнейшее! Да явится ныне желание наше и к Богу благочестие, а к святой иконе Богородичной благоговение! Я, чадо мое лю-

безнейшее, — слабая женщина, и не могу бежать в страну далекую: останусь я здесь и постараюсь укрыться в тайном месте; а если меня найдут воины злые царя нечестивого, то, Господь видит, готова я умереть за любовь к Богоматери. Ты же беги в страну Элладскую*, чтобы не сотворили зла и над тобою, сыном моим любимым и единственным.

Облобызали мать с сыном друг друга, поплакали горько и расстались, обливаясь горячими слезами.

Юноша бежал в Фессалоникию, а оттуда на Святую гору Афонскую в Иверскую обитель, где и был пострижен в монахи и, проведя в монастыре Иверском жизнь преподобническую, с миром отошел ко Господу, Которого так желало и к Которому так стремилось сердце его монашеское.

И сотворилось все это, как и все, что творится в поднебесной, по дивному Божиему о грешных людях смотрению, ибо юноша тот Иверским монахам поведал все, что ныне поведено нами об иконе Пресвятой Богородицы. А было то нужно знать инокам Иверским для будущего, им неизвестного, а Богом уже от века predetermined.

Пущенная в море икона Приснодевы многие годы была сокрыта от человеческого взгляда и поклонения. Где скрывала она себя: на суше ли то было или на море, про то ведает Один Тот, Кто все ведает, Тот, Кто творит непрестанно великое, и славное и дивное.

Прошло после того уже много лет. Сидели раз святые Афонские старцы у врат Иверской обители и вели свои святые беседы о спасении души христианской. Внезапно на море явился столп, огненный, как пламень великий, достигающий вершиной своей самого неба. И ужаснулись от того видения старцы, и вскочили с мест своих, в страхе зывая:

— Господи, помилуй!

Услышала возгласы эти и остальная Иверская братия и собралась вся вокруг своих старцев смотреть и удивляться невиданному и неслыханному явлению столпа огненного, исходящего из вод морских; но как ни думала, не могла братия открыть причины этого дивного чуда. Настала ночь, и огненный столп с моря стал сиять еще сильнее, ярче самого дневного солнца. И увидели этот свет чудесный все монахи со всей горы Афонской. И стеклись к Иверу и из Лавры, и из Ватопеда, и из иных монастырей монахи и пустынники. И когда собралось все Афонское монашествующее Христово воинство на берег морской, прилегающий к Иверу, то все увидели неподалеку от себя, в море, святую икону Богоматери. В радости великой стали они доставать святыню из волн морских, но не возмogli: только

* Древняя Греция.

приблизятся к явленному чуду, а икона святая отступит от берега на глубину моря, — так и не возмогла братия Афонская принять на свои руки икону Пречистой Богородицы. Тогда повелел настоятель Иверского монастыря собраться всем в храм. И стала в храме молиться слезно братия, да удостоит ее Господь принять к себе святую икону Его Матери в утешение и радость подвига своего монашеского. И услышано было Господом теплое моление подвижников Иверских.

Был в то время в Иверской обители монах родом из земли Иверской именем Гавриил, нравом простейший, проводящий отшельническое житие и непрестанно наедине молящийся Богу. Ради безмолвия удалялся Гавриил на лето на самые высокие вершины горы Афонской, а зимой, когда наступала там стужа и выпадал снег, он сходил с гор и затворялся в уединенной монастырской келье. Носил Гавриил власяницу, пищей ему были дикие травы, а питием — вода. Простота его была блаженная; и был он истинно земной Ангел и небесный человек. Гавриил этот, помолившись, уснул и видит Пресвятую Богородицу в сиянии великой славы. И говорит ему Пречистая:

— Иди в монастырь и возвести настоятелю, что Я хочу дать ему и братии Мою икону в покров Мой и помощь. Сойди на морской берег и иди с верою по водам, взяв Мою икону, да все уразумеют любовь и заботу Мою об обители вашей и да ведают, что Я Сама пришла на помощь вашу.

Сказала слово это Богородица и стала невидима, а Гавриил, муж Божественный, поспешно сошел с горы своей в обитель и возвестил настоятелю виденное. Настоятель же повелел собраться всем монахам в церковь; и, зажегши светильники, вышла из храма вся братия во главе с настоятелем, творя литию с пением псалмов Божественных, воссылая к небу дым кадильниц благовонный, и так достигли они морского берега, радуясь любви Богородицыной. И пошел Гавриил по водам морским (о, чудо великое!), и приблизилась к нему сама чудотворная икона; и принял ее в объятия свои Гавриил с радостью неописуемой, с пением и славословием Богу велегласными. И сам настоятель пошел навстречу Гавриилу, сойдя в море, а когда взошли они оба со святою иконой на берег, то радости и веселию монашествующих и конца, казалось, не будет: три дня и три ночи продолжалось молитвенное пение и бдение, и без перерыва шла Божественная служба пред святой иконой в устроенной на берегу моря часовне. Затем перенесена была Владычица в соборную церковь и поставлена в святом алтаре. И вновь пето было пред Нею всенощное бдение.

По совершении бдения разошлись монахи Афонские по своим монастырям, а наутро, в час утрени, вошел кандилловжигатель* в храм, чтобы приготовить все для совершения по чину церковному утренней службы, и не нашел иконы на своем месте — в алтаре храма. Стали искать, и после долгих поисков нашли ее сверх врат, на стене монастырской ограды. Дивились монахи, как и кем могла быть перенесена на это место святая икона, и перенесли ее опять на старое ее место в алтарь храма; но оттуда она опять невидимую силою оказалась перенесенной на стену, над святыми вратами обители.

Так повторялось много раз, и были монахи в недоумении великом, и не ведали, что и творить.

Тогда вновь явилась Владычица Гавриилу и сказала ему слово Свое:

— Ступай в монастырь и скажи монахам, чтобы не искушали Меня; не для того явилась Я им, чтобы они Меня охраняли, а чтобы Мне Самой быть их хранительницей, и не только в нынешнем, но и в будущем веке. И еще скажи им: пока на горе этой монахи будут жить в страхе Божием и во благоговении и будут по силе своей трудиться для снискания добродетели, то пусть имеют дерзновение и надежду на милость Сына Моего и Владыки, ибо их Я у Него в Свой удел испросила, и Он дал Мне их. В знамение же этих слов Моих да будет им Моя икона: пока они будут зреть ее в своем монастыре, до тех пор не оскудеет им и милость, и благодать Сына Моего и Бога.

Богоносный же Гавриил, выслушавши такое слово Богоматери, вновь поспешил сойти с горы своей в обитель и возвестил о своем видении настоятелю, а тот собрал братию и поведал ей в безмерной радости слова Пречистой, сказанные Гавриилу.

И на вратах обители Иверской создан был храм во имя Пресвятой Богородицы — Портаитиссы, что значит «Вратарницы».

Отсюда и зовется до наших дней Пречистая Богородица Иверская «Вратарницей», оттого и поет Ей святая Церковь Православная славу:

«Радуйся, Благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая!»

II

Безчисленное множество чудес сотворила Богоматерь в Обители Иверской на Афонской Святой горе чрез Свою явленную чудотворную икону — Вратарницу; истинно — чудес море бездонное излилось от Препоблагосло-

* Пономарь, он же и ктитор и сторож церковный.

венной на Ивер, на Афон и на весь мир Православный, с любовью и верой к Ней притекающий. И прошла слава об Иверской иконе по всему христианскому миру.

Дошла слава та до архимандрита Московского Новоспасского монастыря Никона¹ и до Благочестивейшего Царя и Великого Князя всея Великия и Малыя России Самодержца Алексия Михайловича², второго Царя из того Рода Романовых, который и поныне царствует над Православной Россией. Был же тот архимандрит Никон близок к Царю; и по вере его, и по вере царской было заказано Иверским инокам написать для Москвы точное подобие чудотворной Иверской иконы Божией Матери, а 13 октября 1648 года подобие это уже было принесено в Москву; окончательно же на теперешнем своем месте поставлено 19 мая 1669 года, просвещая с тех пор и поныне чудесами своими всю Православно верующую Россию³.

Вскоре после принесения св. иконы в Москву архимандрит Никон был уже возведен на митрополичий престол Великого Новгорода, оставаясь по-прежнему близким «собинным» другом и советником Царю Алексею Михайловичу. Проезжая по Митрополии своей на пути в Москву, куда часто ездил Никон и по делам Церкви, и по вызову своего Государя, он поражен был красотой местности, окружающей Валдайское озеро, островов его, покрытых лесом, — всей дивной красотой этого истинного Божьего дара суровой природе угрюмого и холодного Севера России. Когда в неисповедимых путях Божественного промысла настало время быть Никону Патриархом Православной Русской Церкви, он, находясь тогда уже на верху силы, власти и величия, вспомнил о Валдае; и загорелось его великое сердце пламенным желанием создать на одном из островов Валдайского озера приют безмолвия — иноческую обитель. Сам Великий Патриарх в книге своей «Рай мысленный» пишет об этом так:

«В лето от Рождества по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1653-е, в царствование Государя Царя и Великого Князя Алексия Михайловича всея Руси, я, смиренный Никон, Патриарх Божией милостью, долго раздумывал, как бы мне во славу святого Имени Божьего и где благоволит святая Его благодать, создать обитель себе на пользу, да и другим, хотящим спастись. И вот, однажды, когда я размышлял о выборе места (было то на день празднования перенесения мощей отца нашего священномученика и исповедника Филиппа), стоял я на всеошном бдении в великой Успенской* церкви, и внезапно пришло мне на память одно место, которое я много раз видел, бывши Новгородским Митрополитом, проезжая

* Московский Успенский собор.

в царствующий город Москву. И было то место — Валдай, при нем большое озеро, а на озере том острова многие. По сердцу мне было видеть то великое озеро и острова его, и я спрашивал окрестных жителей о величине его и об островах, и о рыбных на нем ловлях; и все, что мне говорили, было то мне по мысли. И думал я: вот место, годное для монашеского сожителства, но не ведаю, *угодно ли оно Богу*. И положил я в сердце своем узнать это на деле: пойду я и попрошу, не откладывая того дела, у Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси это место под монастырское строение и, если то угодно Богу и Пресвятой Богородице и новому Чудотворцу, Священномученику Филиппу Митрополиту, то пусть Господь Бог творит, как Ему благоугодно; говорит же Святое Писание, что сердце Царево в руке Божией. И пошел я тотчас к Великому Государю Царю и возвестил Ему, что было у меня на сердце. Великий же Государь, точно получив извещение от Бога, с радостью обещал мне дать то место со всеми окрестными селами и деревнями».

Получив от своего Государя такое радостное обещание, Патриарх заказал на Афоне Иверскому монастырю вторую копию с чудотворного образа Иверской Божией Матери, и во имя этого явления Пречистой решил основать свой Иверский монастырь на пожалованном Царем месте⁴; а тем временем послал доверенных людей выбирать на островах Валдайских подходящее для обители место. И было это место, по преданию, указано Самой Богородицей; а было это так: долго раздумывали посланцы Никоновы, долго выбирали на островах, покрытых дремучим лесом, местность для будущего монастыря, и все не могли ни на том, ни на другом остановиться. И вот на одной горке, среди леса на берегу озера, вблизи от места, где теперь стоит монастырь, одному из посланцев Никоновых явилась Пречистая с Святым Филиппом Митрополитом и Праведным Иаковом и десницей Своей указала ему, где быть, по Ее желанию, монастырю. Там он и поставлен, там и поднесь стоит. А горка та, где было явление Богородицы, и поныне зовется Богородицыной: стоит пригорочек такой среди леса, близ озера, блестит среди лета ярко-зеленой мягкой травкой; и не растет на нем ни кустика, ни деревца, даже папоротник на нем не прививается — точно коврик зеленый, пушистый, из-под Пречистых ножек Богородицыных. Знают место это благочестивые паломники и, как идут в монастырь, непременно шапки снимут, перекрестятся и тому месту святому поклонятся.

И закипела, по царской и патриаршей милости, могучая работа на островах Валдайского озера, и началось созидание к славе Пречистой первого монастырского деревянного храма во имя Иверской иконы Божией Матери.

А икону ту на Афонской горе уже писали Иверские старцы. И писали ее они так, как теперь уже, увы, не пишут...

«Как есьма приехал Пахомий⁵ в наш монастырь, — повествует о сем грамота афонских Иверских старцев, — собрав всю братию 365 братьев, и сотворили молебное пение с вечера и до света и святили есьма воду со св. мощами и св. водою обливали чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, старую Портантскую, и в великую лохань ту св. воду собрали, и собрав, паки обмывали новую цку*, что сделали всю от кипариса дерева, и опять собрали ту св. воду в лохань и потом служили святую Божественную литургию с великим дерзновением. И после литургии дали ту св. воду и св. мощи иконописцу отцу господину Иамвлиху Романову, чтобы ему, смешав св.воду и св.мощи с красками, написать святую икону... А иконописец токмо в субботу и в воскресенье употреблял пищу, а братия по дважды в неделю совершала всенощные и литургии. И та икона новописанная не разнится ни в чем от первой иконы ни длиною, ни шириною, ни ликом, только слово в слово новая, аки старая»⁶.

Так писалась Валдайская чудотворная Иверская икона, грядущая творить чудеса во славу Божию в Новгородскую землю, где с трепетом благоговейной веры уже ожидали ее принесения в создаваемый монастырь «пять пятериц со единым» братии, столько же «трудников» рабочих и все люди православные, на глазах которых росло и духовно мужало любимое Никоново детище — Богородичный Иверский Валдайский монастырь. А великие знамения и чудеса уже предвозвещали пришествие Пречистой.

«Братия и отцы! — так писал в «Рае мысленном» Патриарх Никон. — Хочу вам поведать ревностное древним знамениям и чудесам, какие бывали при Моисее в пустыне и на Синае. Истинно это исполнено и страха, и радости. Когда пришли мы во святую обитель, в Иверский монастырь, многие исповедывали мне, что за день до прихода нашего, в четвертом часу ночи с четверга на пятницу было над тем святым местом видение страшное: от земли до неба стоял столп огненный, осеняющий святое место, так что всем им казалось, не горит ли уже оно, и свет от того столпа был так велик, что вся местность окрест святого монастыря — и села, и деревни на далекое расстояние — все осветилось тем светом великим. И пока не видали люди столпа того над святым монастырем, то думали, что горит село или окрестные деревни. И когда посмотрели на то святое место, где стоит святая обитель, то увидели столп огненный великий, устрешились при виде такого необычного и чудного видения. И от тех мест или сел, от-

* Дску. [т.е. доску для иконы — Сост.]

куда днем можно видеть святое то место, то при свете святого того столпа видно оно было еще яснее, чем днем, так что и церкви, и все строения видеть было можно. А ночь в то время была очень темная...»

И далее о том же чудном видении пишет Патриарх Никон: «Но для большего уверения себя в чудном том видении призвать повелели мы тех, кто сподобился это святое и страшное видение видеть. И велел я званных вводить пред себя один по одному и так расспрашивал их, как они видели и в какое время. Они же под присягой исповедали мне, как бы едиными устами, все так, как было выше писано. Имена же тех, кто мне, смиренному, исповедал о видении того столпа: села Богородичного* иерей Косма, да посадский человек Антоний, да с Зимней Горы** люди: дворянин Моисей, земский дьяк Петр, Стефан да того же «яму» ямщики: Иван, Семен, Иосиф и многие другие. Села же те и деревни, откуда было видимо то видение, верстах в трех, четырех, пяти и более.

За благо помыслил я написать это ради пользы слышащим, чтобы не сказать нам с безумцами, как пишет Пророк: *рече безумен в сердце своем: несть Бог*».

Но за молитвы Пречистой, благоизволившей создать имени Своему обитель Валдайскую, чудеса и знамения Божии продолжались и далее. Вот что в той же своей книге пишет Великий Патриарх:

«Побывши в святой обители, мы возвращались от того святого места в царствующий град Москву. И пришли к нам три мужа, честны и сединами украшены; одному имя Симеон, второму — Иоанн, а третьему Феодор, и поведали, что в ту ночь, когда были принесены в ковчег мощи святых отец Петра, Ионы и Филиппа и мощи блаженного Иакова Боровичского, они, сговорившись между собою, пошли в полночь в святую обитель к заутрени и, когда вышли из дому, вдруг засиял среди ночи яркий свет. Испуганные, озираясь по сторонам и взглянув по направлению ко святой обители, они увидели над нею четыре столпа огненных, и из них один очень большой, а три поменьше. И те люди, постоявши долго и подивившись на то страшное и странное видение, продолжали путь свой ко святой обители; а пути им было верст пять или более. И пока шли они, столпы те стали невидимы...»

Тем временем список чудотворной иконы, заказанный на Афоне Патриархом для Валдайского монастыря, прибыл в Москву и ожидал только изготовления драгоценной ризы, сооружаемой на него Патриархом Никоном и усердием православных христовлюбцев, чтобы шествовать со славою в место, уготованное ему изволением Царицы Небесной⁷.

* Валдая.

** Зимогорье, село, смежное с г. Валдаем.

Уже на пути святой иконы с Афона Матерь Божия явила знамение того, какая великая святыня даруется Ею Патриарху Никону для Валдайского Иверского монастыря. В похвальном слове своем Пресвятой Богородице Святейший Патриарх повествует об этом знамении такими словами: «Вспомянем перенесение на Землю Российскую чудотворной иконы, которую принесли Святейшему Патриарху Никону греки от Святых гор в царствующий и богоспасаемый град Москву; известим о чуде преславном Девы Пречистыя Богородицы, явленном Ею на пути Ея иконы в Москву. Когда пришло время перенесения подобия лица Ее Пречистого в Россию, стали искать отцы, там живущие, достойного, кому можно было бы доверить этот драгоценнейший бисер, и обрели они Авву Корнилия, почтенного саном священства, проводящего отшельническое пустынное житие, украшенного всякими добродетелями постнического воздержания и добрыми делами и много лет неисходно в келлии своей пустынной живущего. И умолили отцы этого Корнилия отправиться в Русь с неким монахом Никифором, проходящим житие добродетельное. И были задержаны убогие те монахи со святою иконою на переправе чрез великую реку Дунай требованием с них большой царской пошлины. Монахам дать было нечего, и уже они помыслили возвратиться вспять; как ночью явилась им Пречистая и сказала:

— Не скорбите, чада, наутро Я найду Себе за вас пошлину, а вы намерению Моему не ослабевайте.

И в эту же ночь является Преплагая одному богатому греку, верному Своему слуге, именем Мануилу Константиеву и повелевает за неимущих монахов заплатить пошлину. И сотворил Мануил Константиев послушание Царице и Богородице. Когда же прибыли монахи со святою иконою в царствующий град Москву, Святейший Патриарх хотел возвратить Константиеву заплаченную им пошлину, но он ее не принял, а воспринял ее за успех своей торговли возмездием Преплагодатной Царицы, Небесного Царя Матери, Христа».

К 16-му декабря 1656 года святая икона из Москвы, где на нее уже была возложена драгоценная риза ценностью в 44 000 руб., перенесена была в Богородичный Иверский монастырь и поставлена в новосозданный в Ея имя каменный собор; а 16-го декабря того же года гудел на святом Валдайском озере великий монастырский тысячепудовый колокол, возвещающая Православному миру радость несравненную, что явилась Иверскому монастырю его Небесная Хозяйка и Покровительница, и что святится священником Патриаршим дом Ея — собор в честь славного Ея одигитрия, чудотворных иконы Иверския.

Но не прошло это славное торжество Православия великому Патриарху даром от исконного врага и человекоубийцы дьявола. Давно уже Никон, сидя на своем Патриаршем престоле мешал «богоборцу и льстецу» сеять свои плевелы на Божьей православной ниве. За исправление книг церковных, которые неискусными и малограмотными переписчиками были испорчены до того, что искажали самый смысл церковного Богослужения, «великий льстец», поущением Божиим, отбил от православного стада в раскол немалое число старообрядцев. Новая слава Православная — чудотворная икона Иверской Божией Матери и монастырь Ее имени, казалось, довершили озлобление врага человеческого рода против Никона: и он посеял раздор между Царем и Патриархом, подготовив этим низложение Никона с Патриаршего престола.

Таков путь креста Господня: путь скорби, гонения, унижения... Его не миновал и Патриарх Никон.

20 мая 1666 года в монастырском повседневном обиходе произошел в виду маловажный случай; но Патриарх Никон, в то время находившийся в опале у Царя Алексея Михайловича, видимо, встревожился сим и придал ему большое значение. 7-го июня того же года он послал грамоту свою Начальству Иверского монастыря, в которой писал:

«Никон, милостью Божиею Патриарх. Нашего строения Пречистыя Богородицы Иверского Монастыря Архимандриту Филофею, Наместнику Иеромонаху Паисию, Строителю Евфимию с братиею.

Ведомо нам, великому Господину, учинилось: в нынешнем году Маия в 20-й день, в нашем строении, в Иверском Монастыре, в соборную и Апостольскую церковь влетел-де соловей и сел на нашем, великого Господина, месте и пел дивно. И то-де многая братья слышала, и тебе, Архимандриту, и Наместнику о таком деле известили, и как-де он пел, и то-де слышали ты, Архимандрит, и Наместник и братья многая. И того-де соловья, взяв, с нашего места пономарь и отдал тебе, Архимандриту, и тот, де, соловей у тебя, Архимандрита, умер в руках. И вы то дело поставили себе в оплошку, и к нам, великому Господину, о таком деле не писали... И, как к вам сия наша, великого Господина, грамота придет, и вам бы о том деле к нам, великому Господину, отписать, не замолчав ни часу обо всем подробну: как тот соловей появился в церкви, и в кое время, и в коем часу, и как было, и на нашем, великого Господина, месте тот соловей пел, и сидел на коем месте, и кто преж его осмотрил, и кто преж отдал тебе, Архимандриту, и как ты его принял, и долго ли у тебя он был в руках, и пел на какой перевод. Приказной Евстафий Глумилов. Писано в нашем строении Нового Иерусалима Воскресенского Монастыря 174, июня в 7 день».

«Не заметав [sic], обо всем подробно» в том же июне архимандрит Филофей отписал встревоженному Патриарху так:

«Великому Господину, Святейшему Никону Патриарху, твоего, великого Господина, строения Пречистыя Богородицы Иверского Монастыря богомольцы твои (имя рек)... И Маня в 20 число, в шестую неделю по Пасце, в соборной церкви, на утрени, на втором чтении, пошел из церкви в притвор северными дверьми дьякоп Варсонофей, и в северных-де дверех летит ему навстречу птица. И тот дьякон чаял, что нетопырь летит, и учал на его махать, и в церковь не пускать, и та-де птица мимо его пролетела, и через братию, которые седили подле дверей, полетела вверх через деисусы в олтарь, и в олтари на горнем месте, на окне сидя, преж, почал посвистывать по обычаю, и зашкочотал, и запел, и пропел трижды. И то пение мы, богомольцы твои, Архимандрит и Наместник, и строитель, и братия слышали. И пришед пономарь возвестил мне, Архимандриту и Наместнику, что поет в олтари, и мы пошли в олтарь его смотреть. И тот соловей учал в окне летать и битца вон. И приставя лестницу, послали малого и велели бережно его поймать, и клетку приготовили, во что его посадить. И тот малой учал его хватать, и поймал руками живого, и посадил в шапку, и сшед с лестницы, пришел ко мне, Архимандриту, и я его из шапки вынял мертвого. А если бы жив был, и мы хотели его послать к тебе, Великому Господину, простотою своею и не писали, что он умер, и послать некого. И о сем у тебя, милостивого отца, прощения просим, что с том соловье простотою своею к тебе, милостивому отцу, не писали...»*

Предчувствовало ли сердце Патриарха в этом по виду простом случае знамение предстоящих ему скорбей и бед, данное ему свыше Пречистой Покровительницей его монастыря, то нам осталось неизвестным; но судя по его письму к Иверскому Настоятелю нельзя не заметить, что Никон случаю этому придавал немаловажное значение. Было это в мае 1666-го года, а 6 декабря того же года пришла Архимандриту Филофею Царская грамота, впервые именовавшая Никона «Патриархом бывшим».

Пропел неведомо откуда залетевший соловей на патриаршем месте трижды и умер. А там и на Патриаршем всея Руси престоле не стало Никона. Прошло еще 15 лет, и после ряда тяжких испытаний и гонений 17 августа 1681 года отошел ко Господу и сам Никон, более уже не выдавший своего Патриаршего престола.

* Монастырские акты № 238, 2 и № 239.

По вере нашей явное то́ было знамение в Дому Пресвятыя Богородицы Иверския, дарованное Никону, великому труднику Православной Церкви, верному рабу и послушнику Приснодевы Марии, Царицы Небесной.

С тех пор как вступила Пречистая Своей Чудотворной Иконой под сень соборной церкви Иверского Валдайского монастыря, токи чудес источает Она Своей благодатью: недаром так велика в Нее народная вера, недаром более 250 лет чтит Иверскую икону Богородицы своим благоговением православный Русский народ, те простые сердцем русские люди всякого звания и состояния, которые еще не искусились в премудрости «науки злы» современного богоотступничества. Не записывались чудеса эти простотой монашествующей братии, но некоторые из них, особенно поразительные, запечатлелись в благодарной народной памяти. И вот, одно такое чудо совершила Царица Небесная чрез Свою икону в 1848 году, когда Новгородский край был посещен губительной холерой, свирепствовавшей в тот год во всей России. Дошла холера и до Валдая и стала без счету косить православный народ. В страхе смертном жители Валдая обратились к небесной помощи, к чудотворной Иверской иконе Валдайского монастыря. И не была посрамлена их вера: когда в торжественном крестном ходу подняли они из монастыря святую икону и с теплой молитвой к Богу и Пречистой обнесли Ее вокруг города, тогда ослабела страшная болезнь, а вскоре и совсем прекратилась. С тех пор по просьбе жителей Валдая, Демянска* и Боровичей, Святейший Синод определил, а Государь Император утвердил, навсегда, из году в год приносить в Валдай чудотворную Иверскую икону Богоматери 27-го июля. Великий тогда бывает праздник тихому и богобоязненному Валдаю! И после непрерывного торжества и чествования Преблагословенной, 6-го августа Она уходит из Валдая и шествует Своим неизменно чудотворным путем в Боровичи и их уезды по селам и деревням, подавая по вере и утешение, и исцеления от душевных и телесных недугов всем, с любовью и верою к Ней притекающим. И несмотря на умножающееся, к великой скорби Церкви Божией и на великое зло Русскому народу, безверие и отступничество, с такою силою действует в святой Иверской иконе благодать Божия и Царицы Небесной, что с каждым годом все более и более расширяется круг Ее благодатного воздействия на скорбящее и болезнующее православное население нашего северного края, так что, уходя из дома Своего, Иверского монастыря, в конце июля, Домовладычица Иверская едва успевает обойти всех верующих Своих чад до конца октября, когда и возвращается с торжеством великим под святую сень Своего храма, собора великого Патриарха Никона.

* В г. Демянск чудотворная икона Иверской Богоматери отправляется из монастыря ежегодно — 21 мая.

И каждое путешествие Царицы Небесной знаменуется творимыми Ею на пути Своем чудесами. Но и без чудес и знамений, которых ищет *род лукавый и прелюбодейный*, обличенный Спасителем, думается нам, и веруют, и будут, пока стоит Церковь Христова, веровать искренние православные, а неверующие, хотя бы очами своими видели и ушами своими слышали, не поверят: столько чудес сотворил Иисус Христос, Спаситель наш и Бог, а уверовали ли в Него фарисеи и книжники народа Израильского?!

Призри же с высоты пренебесныя Своея, о Всепетая Мати, и услыши хвалу, Тебе от нас, смиренно-верующих, возсылаемую:

«Радуйся, Благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая!»

ДЛЯ ЧЕГО И КОМУ НУЖНЫ, ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ?

В дни разгрома тысячелетнего здания православно-русского духа, в грозные дни, нами переживаемые, дух неверия, вольнодумства, нового язычества, дух антихриста, грядущего в мир, употребляет тысячи всевозможных средств для торжества своей пропаганды: печать во всех ее видах — от периодических журналов с иллюстрациями и без иллюстраций; уличные газеты, направляемые, за малым исключением, зримой и незримой еврейско-масонской рукой; подметные листки подпольного отечественного и заграничного производства; кагал явно и тайно жидовствующих и лжефилософствующих профессоров высших учебных заведений, на скорую руку сфабрикованных и распропагандированных сельских учителей; различные общества и союзы и, наконец, забастовки всех видов и именований — все это непроницаемой тучей, вырвавшейся из преисподней, охватило самое дыхание русского православного человека, грозя задушить его насмерть.

Очевидно, что против такой силы недостаточно просто научных доказательств или обращения к смыслу пережитой нами тысячелетней истории, обнажающей всю гибельность того пути, на котором нас насильно и стремительно толкают в пропасть, из глубины которой нам нет и не может быть возврата. Если дух антихриста, которого теперь ожидает бессознательно и в редких случаях сознательно почти все верующее человечество, выступает против нас крепко сплоченной и единой армией своих представителей, то и вера Христова должна на борьбу с ним выставить такую твердыню, которая могла бы противостоять всей совокупности адских сил, восставших вкупе на Господа и на Христа Его: она должна действовать тем же испытанным орудием, которым она действовала в жестокие и страшные дни языческого и еврейского гонения на Церковь Христову на утренней заре христианства.

Оружие это — нравственное превосходство святости и смиренной любви исповедников Христа перед современными нам служителями диавола и антихриста. Это оружие в чистых руках, как и самое Имя Христово, как Крест Христов, одно может одолеть всю несметную рать сил адовых, ополчившихся на нашу Родину, тысячелетнюю носительницу духа истинной Христовой, апостольской веры.

Без этого оружия нет средств борьбы, без него поле великой битвы роковым образом останется за врагами.

Это хорошо известно преисподней, и стрелы ее, разжженные сатанинской ненавистью, всей силой своей направлены теперь на эту сторону христианского духа. Кому из скорбных наблюдений современности не очевиден поход, предпринятый против христианской нравственности? Стоит только взглянуть на объявления о мирских зрелищах, начиная с театров и кончая кинематографами, на рекламы издаваемых в головокружительном количестве развратных книг, газет и брошюр, безнравственных видов и карточек, чтобы ясно видеть цель, которую строго систематически преследует дух известного противника истины.

Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что времени ему остается уже немного... (Ср. пок. 12, 12).

И вот, развращая христианский мир, дух действующего в мире антихриста, одолев мирян, набросился яростно на последний оплот христианской нравственности и чистоты, хранителями которой призваны быть православные монастыри. История ближайших к нам по времени тайных и явных нападений на эти твердыни Православия хорошо известна христианам, еще не отпавшим от веры отцов. Клевета и издевательство, щедро рассыпаемые в газетах и журналах на монашество самозванными радетелями человеческого благоденствия, еще свежи в нашей памяти, и нанесенные ими раны общечеловеческой совести не только не заживают, но ежечасно растрavляются. Тяжесть обороны углубляется тем что по существу призвания и служения истинного монашества оно поставлено в невозможность защищаться тем же оружием, которое против него поднимается: оно должно молчать, зная и веруя, что чем больше над его смиренно склоненной головой изливается бешенства, ругани и поношений, тем большая собирается мзда на небесах для поносимых, тем более им веселия и радости. *«Аще, — говорит Спаситель, — от мира бысте были, мир убо свое любил бы; яко же от мира несте, но аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир...»* Не было от века слышано, чтобы люди, отказавшиеся от мира, были любимы всем миром, чтобы на них не клеветали и не злословили. Отказываясь от этой ненависти, восставая на самозащиту, добываясь любви от мира, служа и прислуживаясь ему мирским деланием — воспитанием и образованием детей мира, мирской благотворительностью и всем тем, чего от него лицемерно требует дух времени, и таким образом забывая единое на потребу — очищение своего сердца, отдаваясь всецело внешнему деланию, монах изменяет своему существеннейшему призванию, не хочет быть последователем Христа, отказывается от несения креста, взятого им добровольно, отрекается от

стяжания Царства Божия внутрь себя, меняя его на царство князя мира сего, века сего. Пусть бранят его, пусть поносят и в газетах, и в собраниях, в домах и на уличных перекрестках, пусть обливают его помоями, изливающимися из сердца поносителей, — ему не стоит обращать внимания на грязь и пустоту этой бешеной болтовни; пусть ее читают и ею увлекаются те, кому ругань эта по сердцу: ведь разумный и трезвый человек не останется на улице перед пьяным оборванцем, который станет ругать его только за то, что он не так замазан грязно, как тот пропойца.

«Не отвечаей безумному, — говорит Премудрый, — да не подобен ему будешь, но отвечаей безумному по безумию его, да не явится мудр у себе» (Притчи. 26, 4,5). Эта мысль Премудрого в отношении к поднятому вопросу удивительно верна, и единственно убедительным ответом безумию хулителей монашества может быть только, как мы и говорили выше, — *нравственное превосходство святости отрекшихся от мира перед теми, кто из мира возвышает голос клеветы и кощунственной хулы на это святейшее установление деятельного христианства.* Монашеское житие в принципе есть житие равноангельское, а ангелы живут в сфере, недоступной для клеветы и человеческого злоречия; и пока цвет монашества, который еще и в наше скудное любовью и верою время благоухает святыней деятельной ангелоподобной любви, пока цвет этот еще не осыпался с дерева Христовой Церкви и не лишился способности плодоносить для духовного окормления Святой Руси Серафимов Саровских, Леонидов, Макариев, Амвросиев, Иларионов Оптиных: до тех пор не страшны монастырям нашим все хулы, вся ненависть, все нападения антихристового мира на эти твердыни Православия.

Когда на Христа Господа клеветали пред Пилатом, Он молчал, и Пилат предал Его на пропятие; но Христос воскрес, и кто может сравниться с Ним в славе?

И монашеству нет иного пути кроме крестного, нет и оружия защиты иного кроме молчания на все изветы *и строгого исполнения каждым из монахов тех обетов, которые он возложил на себя свободным изволением.*

Не словом, а делом должно защитить себя монашествующее братство, да видят люди добрые дела его и прославят Отца Небесного.

Нам возразят: а где добрые дела эти? Мы их не видим!

Ответим: прииди и виждь!..

Разбирая старые документы и разные рукописи архивов Оптиной Пустыни, я нашел между ними два письма одной монахини Белевского монастыря к казначею Оптиной Пустыни, иеромонаху Флавиану*. Монахиня

* Казначей Оптиной Пустыни, иеромонах Флавиан, умерший в 1890 году, был человек высокой духовной жизни, близкий друг и ученик пресеника великого Оптинского

эта в миру была не из числа последних по родовитости происхождения, образованию, богатству и влиятельности. Имя ее в монашестве — Илариона, а в миру — Надежда Сергеевна Лихарева; до пострижения своего она была женой богатейшего помещика Тульской, Рязанской и Симбирской губерний, Каширского предводителя дворянства, гвардейского штаб-ротмистра Александра Николаевича Лихарева.

Прочтем их с тобою, мой дорогой читатель, мы своей нескромностью не потревожим тени ни монахини Иларионы, ни иеромонаха Флавиана — ничьей памяти не омрачим мы, если прочитаем эти письма, для нас же с тобою найдем в них кое-что, Бог даст, и на пользу...

Письмо 1-е

Всечестнейший и многоуважаемый, дорогой батюшка, отец Флавиан! — *так пишет монахиня Илариона.* — Более недели задумала Вам писать и едва сегодня собралась с силами исполнить это. Так мое здоровье из рук вон плохо, что не знаю, как мне и быть. С благословения матушки игуменнии решилась начать лечение минеральными водами, хотя эти затеи вовсе не по моему карману, но матушка сказала, что Господь пошлет на лечение, и я верую сему. Воды из Москвы привезли, пить их буду на монастырской даче. Бог даст, перееду туда на 6-й неделе, дня через три; ранее матушка сказала, что неудобно, ибо эти дни праздника возьят туда на три дня всех наших клиросных погулять; когда клиросные возвратятся, тогда я поеду туда со своею Варварою. Кушанье сами будем готовить, да при водах требуется диета в пище. Воды же я начала пить уже здесь с 19-го числа; доктор так посоветовал, чтобы ему можно было видеть действие вод первые дни. Чувствую себя плохо: ноги невыносимо болят. Вчера для праздника Троицы едва простояла обедню, а как пришла домой, целый день стонала от боли в ногах. К болезни ног присоединились еще постоянное лихорадочное состояние и такая слабость, что все лежу. Вот в каком состоянии здоровье мое, дорогой батюшка. Доктор обещает, что воды помогут, но мне плохо верится, чтобы здоровье мое поправилось.

Вчера немало днем поплакала и посетовала на родимого*, что забыл дочку свою и не вымолит у Господа хотя бы малого послабления скорбям

старца Макария — Илариона, принявшего начальствование над Скитом Пустыни после кратковременного пребывания в этой должности иеромонаха Пафнутия. Скитоначальник же, иеросхимонах Иларион, был в то же время духовным отцом и старцем как о. Флавиана, так и монахини Иларионы Лихаревой.

* О. Иларион к тому времени уже скончался.

моим и болезням. Пишу Вам все это, дорогой батюшка (может, я ошибаюсь), потому что мне кажется, что никто, как Вы, не примет во мне столько участия: Вы — близкий ученик родимого, дорогого нашего старца, и, верно, любящие его и Вам близки. Прошу Вас усердно: помяните меня грешную и хворую на могилках незабвенных старцев*, а батюшкиной могилке скажите, что дочка изнемогает телом и духом.

Будьте так милостивы, напишите мне повернее, когда будет освящение нового храма в больнице**. Мне нужно знать это: ковер еще до сих пор не дошит, а я уеду на дачу; когда буду знать, к какому времени он нужен, то хотя с дачи сделаю распоряжение подшить его и Вам послать. Пелену шью — хорошо выходит, да медленно подвигается, еще и половины нет: по случаю болезни не приходится работать больше двух часов в день и то не всегда. С помощью Божией как-нибудь доделаю; если бы прежние силы, давно бы уже она готова была. Хочется и самой быть в Оптиной на освящении храма; может быть, к тому времени здоровье и поправится.

Никому о сем не говорю, Вам же скажу о своем намерении: хочу на даче на свободе заняться делом, о котором давно мечтаю; хочу написать все, что помню о родном батюшке Иларионе с того счастливого дня, когда узнала его. Много интересного помнится, грех даже умолчать о тех чудесах, которые творил с нами дорогой старец. Соберу все письма по порядку: может быть, придет время, Господу угодно будет прославить смиренного нашего старца, найдутся желающие записать жизнь родимого*** тогда, может, и записки мои пригодятся. Кажется, ни с кем таких чудес не совершалось, как с нами. Не знаю, одобрите ли мое намерение. Утешьте меня ответом, дорогой батюшка. Письма мне будут пересылать на дачу. Помолитесь о мне грешной: очень мне трудно и тяжело.

С истинным сердечным уважением остаюсь навсегда преданная Вам

24 мая 1876 г.

Илариона Лихарева

Чувствуешь ли ты, читатель, трепет чистойшей любви и веры, которыми проникнуты эти строки, дышащие такой полнотой чувства, над которой и смерть не имеет власти? «А батюшкиной могилке скажите, что дочка изнемогает и телом и духом!» Слышны ли вам, хулители монаше-

* Льва (Леонида), Макария и Илариона. Отец Амвросий в то время был еще жив.

** Во имя Преп. Илариона Вел[икого] при Оптинской больнице; храм этот выстроен почитателями и духовными детьми неросхимонаха Илариона в его память.

*** Жизнеописание о. Илариона издано Оптинской Пустынью.

ства, безценные слова эти? Зримо ли вам алмазы слез, оросивших этот вопль души, тоскующей по одному из тех неведомых миру, которых цельный мир не стоит? Поймете ли вы даже и самое то чувство, которое диктовало это забытое письмо? А ведь таким чувством и жило, и дышало православное сердце русского человека, строителя былой нашей славы...

А вот и другое письмо:

Письмо 2-е

Многоуважаемый, дорогой батюшка, отец Флавиан! При сем прилагаю труд мой малый — записки о родимом, дорогом старце. Писала их с любовью. Хотя в этих записках обличается прежняя жизнь моя, но я радуюсь этому, ибо это еще более будет служить в похвалу дорогого отца. Одним словом, отдаю их на Вашу волю святую; прочтите и решите, годятся ли они. Думаю, что родимому нравится мой труд, ибо во время составления этих записок я два раза во сне видела дорогого отца, да такого доброго и ласкового... Скоро думаю возвратиться в келью, хотя здесь хорошо на даче; но монастырская жизнь как-то более мне по духу. Здоровье мое — слава Богу. 2-го числа кончу воды. Прошу вас, дорогой батюшка, не забывайте молиться о делах моих, которые скоро должны решиться окончательно. На могилке родимого поминайте о сем. Плохо будет, ежели окончатся не в мою пользу.

Несколько раз думала написать Вам, многоуважаемый батюшка, не находите ли Вы нужным пригласить на освящение больницы и храма Тиньковых*, Афанасия Николаевича и супругу его, Наталью Андреевну: они искренно любили покойного старца; я и теперь часто имею с ними переписку; они до сих пор глубоко чтут память родимого и много скорбят о том, что не стало уже в Оптиной отца Илариона.

Вероятно, они с любовью приехали бы на сие торжество. Простите, что как будто учу Вас, кого приглашать, но я очень люблю Тиньковых за их любовь к родному, потому и желалось их утешить.

Помолитесь о мне грешной; если что не так составлено в записках, то покройте это любовью и Вашим снисхождением.

Июнь 1876 год...

Илариона Лихарева.

* Богатые в то время помещики Орловской губернии. Афанасий Николаевич Тиньков долгое время был предводителем дворянства Мценского уезда и умер предводителем, оставив по себе такую память как в дворянах, так и в крестьянах, какой дай Бог всякому. Молва ходила, что оба супруга Тиньковы во время предсмертной своей болезни приняли тайное пострижение.

Я нашел записки монахини Иларионы и с любовью к светлой ее памяти и памяти вдохновившего ее старца делюсь ими с моим дорогим читателем.

В записках этих он найдет ключ к разуме́нию великой тайны влияния истинно-монашеского духа на многоскорбное, но верующее человеческое сердце; он поймет, для чего и кому нужны наши православные монастыри; поймет он и то, для чего и кому важно и нужно их уничтожение...

ЗАПИСКИ МОНАХИНИ ИЛАРИОНЫ ЛИХАРЕВОЙ

I

Три года душа моя стремится к исполнению того, к чему только теперь решаюсь приступить. Возобновить в памяти моей и записать незабвенные дни и годы, прожитые мною близ дорогого старца, отца Илариона.

Немного их было, увы! По воле Божией, скоро я лишилась отца и благодетеля души моей... Робею, приступая к такому трудному делу — изъяснить на бумаге то, что почти необъяснимо: как, бывши низринута в пропасти греховные, погибала душа, погибало тело; чувствовала и скорбела о своей гибели, но сил не было выпутаться самой из сети мирской жизни. Господь, Который видит сердце человека и его произволение, видел и мое стремление к освобождению и послал мне спасителя, отца и покровителя.

Чтобы понятнее было то, что я хочу выразить в своих записках, начну краткую, насколько возможно, биографию свою. Если, вероятно, придется краснеть мне при воспоминании о прежней моей безобразной жизни, за то я найду утешение в том, что, обличая свою греховность, тем более выясняю силу благодати, данную моему старцу.

Родилась я в городе Т. от родителей благородных и довольно знатного рода. Хотя отец мой не имел огромного состояния, но жил в полном достатке, содержал большое семейство — нас было семеро — и дал даже более чем приличное воспитание; не щадили ничего, чтобы дать нам и хорошее образование.

Я была в семействе вторая. Насколько помню сама, — а то после и моя мать говорила, — с ребячества я была красива собою и в детстве красотой обращала на себя внимание многих. Воспитание дано было нам строгое. Отец был характера сурового; боялись мы ужасно.

Семейство наше пользовалось уважением, и все находили, что мы получили хорошее нравственное воспитание.

Я рано стала сознавать свою красоту, и с годами во мне начало развиваться кокетство. Мне нравилось, что замечают мою наружность. Еще с двенадцати лет, помню, я уже замечала, кому нравлюсь, и это меня весьма утешало. Чувство это было, конечно, глубоко во мне скрыто: отец, как я уже говорила, был весьма строг; да и по годам мало было случаев развиться этой страсти нравиться.

Наконец, минул мне шестнадцатый год. Уроки еще продолжались, но старшую мою сестру и меня уже стали изредка вывозить на вечера. Сестра моя была не хороша собою, и это еще более выказывало мое превосходство. На погибель ли мою так делалось, но я подчас сама удивлялась, что стоило мне только куда показаться, как меня уже окружала толпа поклонников, и я, несмотря на свои юные годы, более чем искусно умела завлекать их и смеяться над ними.

При таких данных мне недолго было найти себе подходящую партию.

К нам в город приехал случайно по своим делам Александр Николаевич Лихарев. Человек он был известный, богатый, светский, красивый, ловкий. Он был крупным помещиком Тульской, Рязанской и Симбирской губерний; воспитывался в Пажеском Корпусе одновременно с Государем Александром Николаевичем и был ему лично известен, как по Корпусу, так и по службе в гвардии. Лихарев увидел меня на балу у губернатора, и я ему сильно понравилась, а он мне еще более. Мудрено ли было понравиться пятнадцатилетней девочке?.. Лихарева мало знали в Т., и о нем ходили разные слухи: кто говорил, что он богат; другие — что проигравшийся картежник. Все, конечно, замечали, как он неотступно всюду следовал за мною; нашлись даже люди, которые стали предостерегать отца моего о том, что Лихарев имеет обычай в каждом городе, где поживет, выбирать себе невесту, а затем под каким-нибудь предлогом взять да уехать, покинув свою нареченную. Отцу очень не нравилось ухаживание за мной Лихарева, и сколько раз доводил он меня до слез, отказывая ему от нашего дома. Три месяца продолжалась эта история; наконец, Лихарев сделал мне формальное предложение. Отец долго колебался; он прямо говорил мне, что счастья нельзя ждать от такой партии, что я, как дитя, не знаю ни света, ни людей, что у Лихарева только оболочка блестящая, а что для семейной жизни он негоден — пустой человек; многое и другое в том же роде говорил мне мой отец, но никакие слова, никакие убеждения на меня не подействовали: я стояла упорно на своем; да и Лихареву я, видно, серьезно нравилась, потому что он усиленно хлопотал устроить нашу свадьбу.

Наконец, родители согласились; и тут пошла обыкновенная жизнь счастливых влюбленных. Лихарев был один сын у матери; состояние было

хорошее, родство знатное. Воспитание самое светское, утонченное. Тогда мне все это представлялось в ослепительном блеске, и только теперь я поняла, что этим внешним блеском прикрывалась одна пустота и тщеславие... Жениху нравилось во мне тоже одно только внешнее — моя счастливая, как принято говорить, наружность. Он и сам мне неоднократно высказывал:

— Хочу, — говорит он, — чтобы жена моя была лучше всех.

Можно себе представить, какое действие эти слова производили на склонность мою к кокетству: сам мой будущий муж желал и — чего? Выказывать перед людьми мою красоту...

И к чему же это повело?!

II.

После свадьбы муж повез меня в Москву, представил родным, которых было множество, знакомым, которых было еще больше; и началась жизнь — ряд дней непрерывного праздника, проведенных в безумных удовольствиях: балы, театры, обеды, роскошные наряды. Деньги не жалелись, часу не давалось отдохнуть; и меня, шестнадцатилетнюю женщину-ребенка решительно закружили до одурения. Поклонников у меня была тьма; но скажу истину — они меня не очень занимали: я очень любила мужа, и он мне один нравился. Я часто даже высказывала ему свое желание, хоть один день, хоть один вечер посидеть наедине дома. Но, в ответ на это он только смеялся и говорил, что я — провинциалка, никогда не буду утонченной светской женщиной и накупал мне все больше и больше нарядов, ревниво следя за тем, чтобы я была лучше всех одета. В угоду ему, я наряжалась, выезжала, кокетничала, но в душе, как и теперь помню, у меня уже тогда запала какая-то грусть: не о такой жизни мне мечталось. Мой муж любил меня, как нарядную красивую куклу, но не как жену.

Все это теперь понимается, а тогда почти неопытному ребенку только чувствовалось, что не такова должна быть жизнь счастливая... Пишу я это все, может быть, слишком подробно, но это для того, чтобы выяснить наши характеры, свойства, привычки, наше безумие и сильнее показать ту перемену, которая после случилась с нами.

Вот такую-то жизнь мы проводили почти постоянно в течение целого ряда лет. На лето мы выезжали в деревню, но и там жили почти так же, всегда окруженные обществом. С каждым, однако, годом нашей супружеской жизни мне яснее и яснее стали открываться дела моего мужа, и, наконец, я узнала что, хотя у нас состояние и большое, но долгов еще больше. Муж часто занимал деньги, заставляя меня подписывать векселя,

и я, движимая к нему любовью, в надежде сильнее привязать к себе его сердце безпрекословно ему повиновалась. Характера он не был крутого, и я не видала от него оскорблений, лишь бы только не противиться его безумию. Не было обиды, но не было и ласки. Странная была жизнь моя... А средства, между тем, все умалялись; не стало возможности наряжать меня, как прежде; да и мне самой все это надоело: я даже рада была оставить всю эту праздную, роскошную жизнь, все эти выезды...

Во второй период моей замужней жизни на мою долю выпало одной сидеть дома, а муж уже один стал продолжать вести безумную жизнь. Он, кажется, часу не мог пробыть без народа. Бывало, одна заря его выгонит, а другая вгонит: картежная игра его почти свела с ума. Иной раз выберешь часок поговорить с ним наедине, начнешь убеждать его оставить такую жизнь; он как будто на словах и согласится со мною, а там — опять за карты да за долги. И счастье же было этому человеку! — в самую критическую минуту, когда мы были накануне разорения, он неожиданно получил огромное наследство и снова зажил еще безумнее.

III

Долго не могла я привыкнуть к холодности моего мужа ко мне, равнодушные его меня убивало. Время после все переделало. Нашлись советчики, которые смеялись над моей любовью к мужу и говорили, что жить надо иначе, что надо найти себе утешителей и что я этим скорее верну себе мужнюю любовь.

Стала я этому совету следовать, но ничто не помогало, а самой мне делалось все тяжелее и тяжелее; мужу же моему и дела до меня не было: были бы карты да деньги... Безумная была жизнь наша, греховная, мерзкая пред Господом! Муж играл, тратил деньги, опять делал долги, а я, измученная такою безотрадною жизнью, одного только и искала, как бы забыться и заглушить свое горе.

Не для такой жизни была я рождена: душа моя жаждала тихого семейного счастья, любила домашние занятия; и с годами я все более и более тяготилась тем безобразием, которое меня окружало: и грызла мою душу тоска непрерывная, не всегда сознаваемая, чаще безотчетная... Детей у нас не было: нечем было наполнить пустоту жизни. Я взяла на воспитание маленькую девочку пяти лет; вначале она мне была как будто в тягость, но с течением времени сердце мое, жаждавшее привязанности, полюбило ее — милое дитя была она! Муж мой тоже был ласков к ней, ничего не жалел для ее воспитания, но и в этом тщеславие играло первую роль. Отдали мы ее замуж, но не дал ей Бог счастья, и теперь ее уже нет на свете:

25-ти лет она окончила свое земное поприще. Она счастливее меня — не долго помучилась!..

Отдала я воспитанницу замуж и опять осталась одинока со своею постоянной тоской, которая, конечно, довела бы меня не до добра.

Всего тяжелее для меня было то, что всю тяготу моей жизни я несла одна, не имея возможности никому высказать всего того, что несла двадцать пять лет. Да и кому можно было поведать тайну моей жизни, разве только избранному Самим Богом?

Так это и случилось.

Наше состояние таяло с каждым годом; долги душили. Муж мой сам стал нередко говорить, что дела плохи, жить трудно; а, между тем, мы продолжали жить почти все так же; да, правду сказать, уже трудно было помочь нам, удержать состояние от разорения.

Наступил, наконец, и роковой наш день: по требованию кредиторов, описали имение, в котором мы жили. Кое-как отсрочили на один год продажу.

В то самое время Господь вразумил меня ехать в Оптину Пустынь. За год перед тем от одной знакомой мне монахини я услышала, как полезно и утешительно быть в этом монастыре, который славился своими старцами и духовниками. Слушала я эти рассказы, и загорелось мое сердце желанием ехать туда: видно, чувствовала моя душа, что там найдет она свое спасение. Но не так-то скоро, как хотелось, пришлось мне осуществить свое желание: расстояние в 500 верст разделяло нас от Оптиной, путь был неизвестный; муж меня одну не отпускал, надо было найти верную попутчицу, а такой не находилось.

Наконец, настал давно желанный день, когда я села в экипаж и отправилась в Оптину Пустынь. После шести дней благополучного путешествия мы приехали туда...

Я всегда любила монастыри, часто езжала на богомолье, уважала монашество; с таким же чувством благоговения я и теперь въехала в Оптину Пустынь. С товаркой моей мы остановились на гостинице, переоделись, пошли ходить по монастырю и на первых же шагах я встретила знакомых мне мужа и жену Тиньковых, помещиков Орловской губернии. Тинькову я знала с детства, но судьба нас разлучила, и мы не видались с нею более десяти лет. Надо же было случиться, чтобы в самую критическую для меня минуту я встретила ее в незнакомом для меня месте!.. Тиньковы уже 9 лет знали Оптину Пустынь и часто ездили туда к скитона начальнику, отцу Илариону, которого они были духовными детьми и к которому они относились

как к своему старцу*. Узнав, зачем я приехала, они пригласили о. Илариона к себе на гостиницу и там меня с ним познакомили. С первой минуты понравился мне старец: благолепное старческое лицо, тихая его беседа, смиренный взор — все это меня умилило и согрело мою душу. Тут мне мало пришлось говорить. Тиньковы сказали о. Илариону, что я желаю беседовать с ним, и он, прощаясь, тихо сказал мне:

— Ежели вам угодно, то пожалуйста ко мне в два часа в скит.

IV

В назначенное время показали мне дорогу, привели в келью, называемую «хибаркой», где старец принимал женщин**. Недолго мне пришлось ждать. Отворилась дверь из коридора, и к нам вышел отец Иларион. Принял он нас весьма радушно. Не прошло и пяти минут, старец сказал провожавшим:

— Оставьте нас одних!

Все вышли из хибарки, и мы остались вдвоем.

Вначале он довольно церемонно попросил меня сесть. Началась беседа.

Первый его вопрос был:

— С какою целью вы приехали сюда? Скажите мне откровенно.

Когда я объяснила, что моя душа жаждет покаяния и что я желаю снять с нее все, что тяготит ее многие годы, я заметила, что старец стал говорить со мною по-иному; и, истинно говорю: не прошло и двух часов, я сидела уже не на кресле, как светская молодая дама, а почти лежала у ног старца. Душа моя встрепенулась, и с той минуты я только одного жаждала — это открыть всю скверну, которою она омрачена была столько лет. У меня было такое желание высказать все, что мне казалось — я никогда не успею излить всего, что так долго душило меня. Четыре дня, утром и вечером, я приходила в скит и по несколько часов беседовала с дорогим отцом. Незабвенными для меня остались эти благодатные часы! Клянусь Богом, что в это время я чувствовала свое духовное возрождение! Во сне мне не снилось, чтобы подобные люди были на земле, как тот ангел-старец, которого я видела перед собою. С какою любовью, снисхождением, терпением выслушивал он всю горькую повесть жизни моей!..

Нелегко обличать себя перед посторонним человеком, хочется ли открывать свои немощи? Ведь, правда — стыдно и неловко? Но уверяю, тут

* По кончине Оптинского старца о. Макария, часть его духовных детей обратилась за духовным окормлением к о. Илариону, а остальные к о. Амвросию.

** Внутрь скита вход женщинам воспрещен.

иное дело было. С любовью говорилось все, чувствовалось, что при каждом открытом грехе душа получала отраду неземную, и слезы сладкие, благодатные слезы лились у меня рекою.

Любвеобильный старец утешал меня. Его всеобъемлющая любовь в такое короткое время так сумела меня привязать к нему, что все мое прошлое показалось мне сном; одно бы его слово, и я никогда бы не вернулась домой.

Восемь дней я прожила в Оптиной Пустыни. Надо было возвращаться. С каким тяжким чувством, близким к отчаянию, я стала собираться в путь! Не было меры моим слезам. Старец утешал обещанием, что я опять скоро буду у него. О, как хотелось мне этому верить, как трудно верилось!

«Переменись сама! — говорил мне батюшка. — Оставь прежнюю свою жизнь: муж увидит твою перемену, и сам пожелает приехать к нам».

Я уехала.

V

Чтобы яснее представить те чувства, которыми преисполнена была в то время моя душа, я приведу здесь мое письмо к Наталье Андреевне Тиньковой, которое я ей написала под впечатлением своего первого знакомства с о. Иларионом.

«Не могу выдержать, — писала я, — чтобы не написать Вам о том впечатлении, которое произвело на меня посещение Оптиной Пустыни. Никогда в жизни моей не проводила я таких дней. После Вашего отъезда отсюда, в тот же день, в два часа, отправились мы в скит. Батюшка позвал меня первой и беседовал со мною более двух часов. Я вышла от него совершенно перерожденная. Найти в человеке столько доброты, участия, ласки!.. Никогда не думала я, чтобы подобные люди могли быть на земле. Я открыла ему всю душу свою; он назвал меня своею дочерью, и я люблю его теперь больше всех на свете. Все другие мои земные привязанности обрелись в прах. Чтобы быть достойной называться его дочерью, я готова на все жертвы, на все испытания в жизни. *Душа моя узнала, что такое духовная радость.* Я пробыла в Пустыни на три дня долее, чем предполагала, — не была в силах уехать: и остальные дни была осчастливлена беседой с батюшкой два раза в день: он мне позволил бывать у него после ранней обедни и в два часа; и он не только позволял мне говорить с ним сколько хочу, но даже сам вызывал на откровенность. Да, это не человек, а ангел во плоти! Что за терпение, что за кротость, что за любовь к человечеству! — только можно удивляться да молиться за него. Я счастлива,

я покойна, и это состояние души продолжается и до сих пор. Берегу я это чувство, как скупой — золото.

Приехала я домой. Жизнь приняла обычный порядок, но присутствую я здесь только телом, душа же моя и все мысли — там... Батюшка позволил мне писать к нему, и сегодня я отправила письмо, а теперь живу одною мыслью — побывать там. Я уже получила разрешение ехать туда по первому пути. Если бы то было в моей воле, я бы собрала всех, кого знала, и повезла туда. Мне кажется: кто там хоть раз был и ощутил эту радость, не может продолжать быть дурным человеком. Я смеялась над Вами, что Вы проливали столько слез при отъезде из Оптиной, а сама я не плакала, а редела, прощаясь с батюшкой, и до сих пор не могу вспомнить об нем без слез.

Счастливы Вы, что так близко живете от такого светлого места!* Вы не можете представить, как я благодарю судьбу, что встретила Вас там: Вы мне дали случай познакомиться с батюшкой. Он Вас очень любит и много о Вас говорил со мною; по милости Вашей и меня приютил...

Прошу Вас: хоть изредка, да пишите мне; я всегда рада буду иметь о Вас известие, да к тому же Вы ближе меня к Обители и более имеете там знакомых. Меня ужасно тревожит здоровье батюшки: ну, как он занеможет, а я живу вдали и не узнаю об этом! Добрая Наталья Андреевна, дайте мне слово, что, ежели Вы узнаете что-нибудь неблагополучное — от чего сохрани Бог, — тотчас напишете мне, и я все брошу и приеду. Теперь вся жизнь моя в нем, а начинающей, как я, новую жизнь по вере нужна его поддержка. Вас целую крепко и буду ждать ответа».

VI

Когда я возвратилась домой, тогда я еще более поняла, какую драгоценность я приобрела в Оптиной для души моей. Истину говорю я, как перед Богом: восемь дней, проведенных мною около старца в святыне благодатного затишья, любви и мира монастыря, сделали меня другим человеком. Я все поняла чрез благодать святого отца, ясно увидела всю мерзость, греховность, пустоту прежней своей жизни. Неизъяснимое явилось во мне желание исправиться, и я уверенно говорю со всею силою моего убеждения, что молитвами старца я с тех дней оставила все прежнее, и, право, в сравнении с долгим греховным навыком я совершила это почти что без борьбы: такова была сила любви и благословения, которую в такое короткое время успел вложить в мою душу благодатный батюшка. Одно желание

* Это «близко» — более 100 верст на лошадах: в таком расстоянии находилось имение Тиньковых от Оптиной Пустыни (прим. составителя).

было — угодить старцу, одно помышление — жить так, как он учил меня. Моя непрестанная тоска от меня отпала, и еще долго по возвращении моем домой я ощущала тот духовный восторг, который в первый раз узнала в Оптиной Пустыни.

Вернувшись домой, я каждый день писала старцу; получала и от него частые ответы: он продолжал учить меня, поддерживать в добром начинании. И с первых же дней, проведенных дома, запала мне мысль бросить все и жить в Оптиной подле старца. Но легко было пожелать этого — как только исполнить? Мне казалось это совершенно невозможным...

Прошло четыре месяца; слова старца сбылись с поразительною точностью. Мой муж не мог не заметить перемены образа моей жизни. Несколько раз, шутя, он говорил:

— Вот, пустил жену в Оптину Пустынь, а мне ее монахи подменили!

Настал, наконец, день, когда сердце мое исполнилось неизреченной радости: муж объявил мне, что желает сам побывать в Оптиной Пустыни.

— Хочу сам видеть, — сказал он мне, — что за люди там живут. Простые смертные не могут совершить того, что с тобою совершилось.

Сборы были короткие, и в январе мы прехали в Оптину. Старец, извещенный перепиской, которую я с ним вела, ожидал нашего прибытия. С каким чувством непередаваемого словами восторга приближалась я во второй раз к вожделенной Обители! — Я везла с собою мужа, которого все еще любила, зная и чувствуя, что везу его на спасение...

На мужа моего знакомство со старцем и беседы с ним произвели сильное впечатление, но все-таки не такое сильное, как на меня. Он с любовью прожил в Оптиной Пустыни неделю, поговел, причастился, но того, чем горело мое сердце, он не получил. О себе же скажу, что я в эту вторую поездку еще более сблизилась со старцем, еще более полюбила его, и во мне еще тверже укрепилась мысль оставить мир и жить в Оптиной. Дорогой отец утешал меня и, точно пророчествуя, говорил мне:

— Будете, дочка, жить подле меня, будете!

О, как хотелось мне этому поверить, и как это мне казалось невозможным!..

VII

Предсказание старца сбылось в самом непродолжительном времени.

Дела наши приняли еще худший оборот. Прошло полгода, и муж предложил мне ехать пожить в Оптиной Пустыни, а сам решил отправиться в Петербург хлопотать по делам: надеясь на знатных родных и связи, которых было немало, он рассчитывал спасти от продажи имение, в котором мы жили.

Я была согласна на все, лишь бы меня отпустили в Оптину Пустынь: все остальное для меня было второстепенным.

Надо сказать, что по возвращении нашем из Оптиной и муж мой во многом изменил образ своей жизни: горе при мысли потерять свое состояние смирило его, да и влиянье старца дало свои плоды. Ко мне он стал относиться иначе — скорбь нас сблизила, а тут еще и друзья, и знакомые стали реже посещать нас, и во дни тяжелых испытаний он только во мне увидал истинного друга. В это страшное для нас время мы только и жили, что письменным общением со старцем, и даже муж, независимо от меня, писал ему о делах своих, спрашивая совета, а иногда даже поминая в письмах, что, быть может, он и совсем приедет жить близ батюшки.

Я все это относила к молитвам старца.

Собрала я с собою все необходимое в таком количестве, чтобы можно было уже не возвращаться домой в случае продажи имения, взяла в попутчицы одну преданную нам особу, которая одна знала и положение наших дел, и наши намерения, и которая захотела из чувства привязанности всюду следовать за мною и делить вместе горе и нужды бедственного будущего — собралась я, словом, быстро и уехала из своей деревни, оставляя и дом, и роскошную жизнь, с которою свыклась с детства; с тем и оставляла, что лишилась навек всего: и, видит Бог, не ощущала особенной скорби. Все мысли и чувства мои были сосредоточены на одном: я буду жить подле дорогого отца, открывшего во мне жизнь новую, давшего мне такое внутреннее сокровище, которого у меня не могут отнять никакие заимодавцы и никто во всем мире.

Из деревни мы выехали одновременно с мужем: он — в Петербург, а я со своим верным другом — в Оптину.

Приехали мы на житье в благословенную Обитель 5 сентября 1868 года. Отвели нам помещение в гостинице, мы устроились: и зажила я новою жизнью, о которой мне и во сне прежде не снилось... У меня до сих пор сохраняется моя переписка с мужем: я вела ее, как дневник, описывая ему аккуратно и подробно всю свою жизнь подле старца и два раза в неделю отправляя ему свои письма в Петербург. Эта переписка продолжалась три месяца... Нахожу нелишним привести здесь одно письмо мое, писано мужу в ответ на его вопрос — не скучаю ли я в Оптиной? В письме мужа, в котором он поставил этот вопрос, он сообщил, что дела идут плохо, что надо думать о приискании службы, ибо без службы нам жить будет нечем; в этом же письме муж просил меня, чтобы я, не стесняясь, написала ему свое решение и как я думаю: ему ли приехать в монастырь навсегда, или мне — к нему, чтобы начать и устроить новую жизнь? Приведенное здесь письмо есть ответ мой, который и решил нашу участь.

«Любезный друг, Александр Николаевич, — писала я мужу, — письмо твое получила. Одним оно меня обрадовало, а другим огорчило. Порадовало тем, что твоя душа стремится сюда и что все, касающееся здешней обители, интересует тебя; а огорчило тем, что ты опять отсрочил свой приезд в Оптину. Напрасно ты обо мне беспокоишься: я и телом, и душою здорова. Душа моя вся во власти батюшки, а он такой искусный врач душевный, что ей болеть не даст. Поживши здесь столько времени и пользуясь советами и беседой старца, я пришла к полному убеждению, что прежняя жизнь наша до того была мерзка, пуста и грешна пред Господом, что одно воспоминание о мирской жизни приводит меня в ужас. Опыт здешней жизни доказал, что все слова старца — истина, что все земное — прах. Сколько лет трепалась я по белу свету, чем только ни пользовалась: и красота была, и удовольствия, и роскошь; и страстям я давала полную волю — на все бросалась я, как безумная, забывая Бога и совесть, искала радостей и даже... нашла! Чуть ли не погибла совсем, но ни одной минуты не находила истинной, безмятежной радости, той радости, вслед за которой не являлось бы, хотя бы тончайшего, едва уловимого, но все же горького упрека совести. Здесь же, в глуши, в лесу, далеко от всех, кого люблю, после такого грустного расставания, совершенно одинокая, при отсутствии всех удобств жизни, к которым привыкла столько лет, с ожиданием каждый день узнать, что мы нищие, — со всею этою тяжестью на сердце я нашла здесь великую отраду. Не думай, чтобы я увлеклась или что это дело настроенности воображения: нет — это есть истинная правда. Знаешь ли: бывают дни, когда мне так весело, так радостно на душе, что и слов не найдешь, чтобы это выразить, да и понять этого невозможно, самому не испытавши сердцем. Сама себе не могу дать отчета, чему я радуюсь, но душа исполнена блаженства неизъяснимого. В эти минуты мне никого и ничего не жаль, не боюсь никаких скорбей... Конечно, не всегда находит на меня такое настроение, да мы, по грехам нашим, и не стоим такого состояния души; но в эти минуты радости я себе представляю, что святой наш старец за свою высокую духовную жизнь должен всегда находиться в таком настроении. Вот и награда за праведную жизнь! — Большого желать нечего... Конечно, показать мое письмо мирским — они назовут меня безумной; тебе же пишу об этом потому, что ты сам собираешься жить тою жизнью, которою я живу теперь. Верь мне — ты сам то же будешь испытывать. Как благодарить Создателя, что, хотя при конце жизни нашей, да приводит Он нас на истинный путь? Чем мы заслужили такую благодать, Единому Богу известно...

Насчет же службы твоей скажу тебе одно: в силах ли будешь ты начать новую жизнь в миру? Усталому, разбитому телом и душою разве легко приняться за службу, опять жить с людьми, подчиняться светским обычаям, вновь играть эту глупую, жалкую комедию? Не знаю, как ты, а я чувствую себя совершенно неспособной на это. Приедешь сюда, сам увидишь, какая здесь отрада для души. Я каждый день благодарю Господа, что Он указал мне путь в эту обитель: при теперешних наших обстоятельствах я бы не могла пережить всего того, что свалилось на нашу голову, если бы не узнала той радости, какую узнала здесь, и не была бы подле батюшки. Ты не пробовал здешней жизни, потому она и представляется тебе и такой страшной, и такой скучной. Вот уже два месяца, как я живу здесь, но клянусь тебе, что ни минуты не скучаю и не скучала и каждый час Бога благодарю.

Вспомни еще, что я здесь одна без тебя, что забота о будущем нашем должна меня тревожить; а если бы не это, то я считала бы себя счастливейшею из смертных. Пишу тебе всю истину, но делай, как знаешь. Преданная тебе жена.

Оптина Пустынь. Ноябрь 1868 года».

Вследствие этого письма муж мой, бросив все дела, приехал в Оптину, где мы и стали жить вместе на гостинице.

VIII

Не лишним сочла я привести здесь это письмо потому, что оно ярко рисует, как отрадны мне были эти три месяца, проведенные подле моего старца. Не без борьбы, конечно, прошли они, пусть всякий рассудит: легко ли мне было привыкать к новой жизни, лишенной по сравнению с прежней всяких удобств? Но борьба эта легка была с помощью святого отца моего. Счастливое это было время! Любовь старца, его попечение обо мне выразались на каждом шагу: казалось, он смотрел на меня как на самое дорогое свое дитя, которое надо было нежно лелеять, беречь и баловать, чтобы приучить к себе. Несмотря на постоянные его занятия с приезжим народом, с монастырскою братиею, он меня, грешную, ничтожную, почти нищую, не оставлял никогда своим вниманием. Сколько в эту глубокую осень проводила я в скиту незабвенных вечеров у ног моего боговдохновенного наставника! Бывало, с фонариком в руках пробираешься к нему в его «хибарку», кругом темный, почти дремучий лес, отделяющий скит от монастыря; черная осенняя тьма, ветер шумит в вершинах столетних сосен, лип и дубов; осенний дождик сеет, как сквозь сито, холодную изморозь...

Идешь себе одна; ни страха в сердце, ни в мыслях помыслов об опасности от дикого зверя, от недоброй встречи... А там в глубокой тьме леса уже, смотришь, что-то неясно как будто светлеет, как будто выплывает что-то из глубины туманного, густого мрака осенней ранней ночи. То скит, то белые стены «хибарки» старца, то радость и надежда смягченной, испуганной миром и грехом бедной души моей, там — старец мой со всею его любовью к моему жалкому, больному сердцу, с его вдохновенной беседой о Боге любви и мира, о Боге прощения кающемся грешнику, о Боге, Отце блудного сына, Боге вечного блаженства Ангелов и человеков... О, как радостно трепетало мое сердце, какую любовью исполнялось оно из переполненного любовью сосуда благодатной мудрости дивного моего старца!..

Но не подумайте, чтобы святой отец всегда баловал меня: он нередко и строго взъискивал. Более всего не любил и не терпел он своеволия и гордости: с этими чувствами, бывало, лучше и не являться к нему! Скажешь иной раз ему слово противоречия, ломая его духовное на свой мирской, свободолобивый лад...

— Ну, что ж, делай, как знаешь!

Скажет он это — уже знай, отец недоволен тобою. И это слово его вонзалось, бывало, как нож острый в сердце; после не знаешь, как и заглядеть вину свою, и увидеть старца опять по-старому добрым и ласковым...

Меня всегда удивляло терпение батюшки: в годах преклонных, обремененный многочисленными занятиями по должности начальника скита, он совершенно забывал о себе, по великой любви своей жертвуя собою для утешения и пользы ближнего. И Господь даровал ему за эту любовь такую Свою благодать, что на глазах моих силою ему данную больные исцелялись, скорбящие уходили утешенными, погибающие, как я, находили спасение. Смирение же его было изумительно: как он скрывал благодать, данную ему от Господа!

Если, бывало, говорит что назидательное, то не как свои слова, а как слова из книг отеческих, или упоминал, что так учили бывшие старцы Оптиной Пустыни. Слово же его было со властью: раз давши заповедь, не любил ее повторять. А как удивляло меня знание им сердца человеческого! Казалось бы, что ему, прожившему столько лет в монастырских стенах, должна была бы неизвестной быть наша мирская жизнь; нет — он все, бывало, поймет, все рассудит и решит непременно с поразительною правильностью, но непременно так, чтобы вышла польза душе...

И как же крепко любила я дорогого отца! Всецело отдала я в его святые руки свою буйную волюшку: не было у меня в сердце ни единого помысла, от него скрытого; и он все выслушивал, объяснял, журил,

наказывал; когда же видел покорность, то умел и награждать. От одного его взгляда или слова милостивого душа наполнялась неизъяснимою радостью, и всякая жертва считалась ни во что, лишь бы удостоено было сердце такого духовного восторга...

IX

Когда мой муж приехал ко мне из Петербурга, и мы с ним зажили на Оптинской гостинице, то духовно мне стало гораздо труднее. Мужа загнала в обитель не любовь к новой христианской жизни, не привязанность к старцу, а трудные обстоятельства. Ему надо было куда-нибудь деваться, укрыть свою гордость, не допускаящую его вернуться туда, где жили прежде и где уже ничему помочь было нельзя: он и приехал скрепя сердце в Оптину. Имение, в котором мы жили, вскоре продали за долги; на нашу долю ничего не осталось — все было расхвачено кредиторами. Что же оставалось делать?.. Год и три месяца прожили мы на монастырской гостинице, доживая последние остатки нашего состояния. Надо было, наконец, решиться иначе устроить нашу жизнь: не век же жить на гостинице!

Желание сердца моего с первых дней, как я узнала и полюбила старца, удалиться в девичий монастырь, и отец святой желал для меня того же. И вот за это много мне пришлось перетерпеть от мужа за время нашего совместного житья в Оптиной Пустыни. Все на мне вымещалось: потеря состояния, скука, все неудобства жизни — во всем я была виновата; и, несмотря на все старание облегчить всю трудность его положения, очень редко мне удавалось успокоить бедного моего мужа. Жаль мне было его: ему было несравненно труднее моего в тяжелые дни великого перелома всей нашей жизни. У меня был старец, отец и благодетель, которого я любила, в которого верила, под его руководством начинала я жить иною, духовною жизнью, которая захватила все мое сердце; прежняя моя жизнь так уже казалась мне мерзка, что по ней я уже не могла скучать. А бедному моему мужу не то было: старая жизнь его все еще манила, а красота новой от него была сокрыта.

Несмотря на мое желание удалиться в монастырь, я по всле старца молчала, ждала, пока сам муж не решит нашей участи. И вот пробил, наконец, час, давно желанный, и у мужа созрело решение: ему остаться в скиту Оптиной Пустыни, а мне удалиться в один из ближайших женских монастырей.

Старец был рад этому решению: он знал, как нелегка была мне жизнь с мужем, и желал моего освобождения, чтобы снять с меня иго, он взял его на себя. Батюшка был начальником скита и решился принять мужа моего в число братии.

5-го ноября 1869 года одели мужа моего в монастырское платье и в глуши, в лесу, в стенах скита скрылся навсегда бывший знатный, богатый, избалованный барин.

Так завершилась одна жизнь; так началась новая.

Что побудило мужа моего решиться на такой шаг, осталось тайной для всех. Три года он прожил в скиту. Старец знал всю трудность его жизни, много делал ему снисхождений против других братьев. Сколько слез было им пролито, сколько страшной борьбы было перенесено! Во всем поддерживала его любовь старца, все облегчала, во всем утешала, отражая неусыпно невидимых врагов, которые в лице мужа не хотели выпустить своей жертвы. Изумляться надо было умению отца Илариона ладить с новым послушником. Бывало, только улыбается батюшка и скажет мне:

— Чему удивляться? Посадили дикого зверя в клетку: как же ему сидеть смиренно?

Скоро постигла моего мужа болезнь — у него открылась водяная. Мы всячески старались успокоить его, доставлять всевозможные удобства; но болезнь брала свое. Пострадав почти три года, дожил он и до часа своего смертного и пожелал принять постриг. За три недели до кончины его постригли в мантию, и с той минуты он совершенно переродился: «дикий зверь» в нем умер, и в мир иной возродился христианин.

Прилагаю письмо его к о. Илариону, писанное им несколько дней спустя после пострижения. Вследствие болезни того и другого они не могли видаться, и потому все сношения между ними проходили через переписку.

«Дорогой Батюшка! — писал мой муж. — Не знаю, как и благодарить Бога за Его ко мне безконечное милосердие, а Вас — за все милости, попечение и любовь. А я-то, глупый, неблагодарный слепец, огорчался, думая, что Вы меня не любите. Простите меня, Бога ради! Истинно, Вы извели из темницы душу мою, и велико Вам будет за нас воздаяние на небеси.

Сказано, что Ангелы радуются более об одном спасенном грешнике, чем о десяти праведных; а какого крупного грешника выручили Вы! Вы мне открыли глаза, показали истинный путь и доказали мне возможности спасения: будьте благословенны за сделанное нам добро!

Великие дела в немощах совершаются. Мне страшно подумать: два дня тому назад — окаянный, нераскаянный грешник, а теперь, за молитвы Ваши, *спасен*, да еще, по милости Вашей, возведен в монашеский сан, сопричислен к ангельскому лику. Стою ли я этого счастья? Уж не во сне ли все это совершается? Что я чувствую, и высказать невозможно. Я счастлив, как никогда не был, быть не мог, да и не понимал подобного счастья. Я покоен, благодушен, мирен ко всем; желал бы, чтобы все меня простили

и любили, как я всех люблю. Во время пострига я желал умереть, чтобы не потерять своего благодатного настроения; но теперь мне не хочется умирать: я желал бы пожить до осени, чтобы погулять летом в нашем райском лесу и показать, если не людям — слепы бо суть, не увидят и не поверят, — то хотя птичкам Божиим мою светлую, ликующую душу. Если желание мое не преступно, то помолитесь об его исполнении, а в противном случае простите мою глупость и неопытность, и да будет воля Господня надо мною».

Пусть, кто прочтет письмо это, сам и решит, какова была дана сила благодати старцу отцу Илариону. Его молитвами, старанием и умением совершилось это дивное превращение «дикого зверя» в кроткую и послушную овечку.

Была и я после этого в скиту*, видела новопостриженного, радовалась его новому рождению, слышала из уст его такую беседу, о которой он прежде и понятия не имел, присутствовала и при его погребении.

Кончина его была мирная, в полном сознании и покаянии. Схоронили его, по его же назначению, в том же скиту под тенистой липой. Старец Иларион, видимо, духовно радовался такой блаженной кончине. И как было ему не радоваться? — Душа эта, спасенная из ада преисподнейшего, была делом его рук...

В это время о. Иларион сам уже страдал неисцельною болезнью. Хотя и употреблялись всевозможные средства для помощи, но все мы, духовные его дети, видели, что недолго отец святой поживет с нами. Каждый месяц я посещала больного. Нередко он так страдал, что не в силах был и слова вымолвить; но лишь только получит малейшее облегчение от страданий, то спешит утешить всякого, кто бы ни пришел к нему, всею тою любовью, которою горела его святая душа...

Полгода прошло со смерти моего мужа, схоронили и дорогого старца и благодетеля. Вот уже три года, как я живу без него, и его молитвами хранит меня Господь; живу я теперь в Белевской обители, тихо, спокойно, мирно, а найдут на меня скорби, чувствую, что тут мой старец, близ меня стоит он великим своим духом...

Кому случится прочитать эти страницы, тот да не усумнится ни минуты в истине написанного: я пишу это в утешение себе, а отец Иларион не требует себе похвалы и мирской славы. *«Праведницы во веки живут, и в Господе — мзда их».*

* В то время доступ женщинам в скит открывался один раз в год. По особому разрешению скитоначальника, монахиня Илариона могла быть допущена в скит и в какой-нибудь иной день кроме установленного.

На этом оканчиваются записки монахини Иларионы (Лихаревой). В других старых монастырских келейных записях, которые в Оптиной Пустыни велись некогда, а, быть может, и теперь еще ведутся, я нашел такую отметку:

«Александр Николаевич Лихарев, помещик Тульской, Рязанской и Симбирской губернии, воспитывался в Пажеском корпусе одновременно с Императором Александром Николаевичем, почему и был лично известен Государю; служил в гвардии; после был Каширским предводителем дворянства. По прибытии в Оптину Пустынь, жил до поступления в Скит около года на монастырской гостинице вместе с женою, Надеждою Сергеевною. 6 ноября 1869 года он поступил в Скит на жительство в число братства, а супруга его — в Орловский девичий монастырь, оттуда же в апреле 1870 года перешла в Белевский.

Во время пребывания своего в обители Александр Николаевич при тучности тела страдал легкою водяною болезнью, а между тем всегда нудился к исполнению скитских правил. Ездивши в последних числах января 1873 года в Белев, простудился и заболел. В болезни, согласно его желанию, был пострижен в мантию 9-го февраля того же 1873 года, а 12-го февраля особорован св. елеем. До самой кончины своей он с верою готовился к ней и часто приобщался Св. Таин; 5-го же марта, в час пополудни, тихо и мирно скончался, а 7-го марта, после преждеосвященной Литургии, похоронен на скитском кладбище, на месте, им самим избранном, — под большою липой, где над прахом его положена чугунная плита.

Во время келейного его пострига в мантию духовником, отцом Памвою, Александр Николаевич сказывал, что видел поодаль от себя, на ручке кресла, двух бесов в образе красивых мальчика и девочки с печальными лицами. Видение это продолжалось до чтения Евангелия, после которого они исчезли. Александр Николаевич просил покропить святою водою, чтобы прогнать сидевших; но так как кроме его одного их никто не видел, то просьбе его удивлялись, пока он сам не объяснил видения. О видении же этом старец о.Иларион сказал, что оно обозначает те грехи, в которых Александр Николаевич, по забвению, еще не принес покаяния; старец советовал ему припомнить, не осталось ли еще чего-нибудь у него на совести, и отец Александр (имя ему при постриге переменено не было), перебирая в памяти свое прошлое, нашел, действительно, забытые грехи и в них покаялся».

Не от хитросплетенных словес премудрости века сего рассказано тебе, дорогой мой читатель, то, что я передал тебе на этих страницах: из книги самой жизни вырваны они с их забытыми словами и событиями. Что

сказали они тебе, что напомнили, чему вразумили? Спроси у голоса своей божественной совести: не подскажет ли тебе она, в чем заключена тайна монашеского православного труда, тайна его влияния на жизнь верующего и даже уклоняющегося от веры человека; не объяснит ли она тебе поставленного мною вопроса: для чего и кому нужны монастыри? И если голос совести твоей скажет тебе вещь свое слово, то поймешь ты и то, для чего и кому нужно их уничтожение.

Лихаревы всех сословий и состояний — это вся православная Русская земля. Иларионы — это все истинное православное русское монашество.

Тебе указывают, и ты сам видишь отбросы монашества: по этому отребью, которое есть и, увы! — всегда было, ты берешь на себя право суда над всем монашеством, которого не видишь и не знаешь. Но взгляни когда-нибудь на быстротекущую реку — что видишь ты на ней? По ней плывут и уплывают в далекое море всякие отбросы; но прозрачна и чиста глубина ее жительной струи. Не раскрывай перед нею насильнической рукой подземной бездны, чтобы из-за отбросов, которые должна поглотить она, не иссяк навеки источник животворный: чем утолишь тогда ты свою жажду, чем освежишь запекшиеся уста?..

«Ваше боголюбие, — говорил некогда одному боголюбцу Преподобный Серафим, — без праведников не стоять ни граду, ни веси. И если вы блазнитесь, что ныне плохо живут и монахи, и мирские, то знайте, что и между ними есть сокрытые от взоров ваших благоугождающие Господу. Скажу вам: если стоит кладбище, то стоянию его терпит Господь из-за святых мощей сокрытых в нем угодников Божиих. Так и о градах, и о весях, и о монастырях, и о всей земле разумеите!»*

Запомни же, крепче запечатай это в своей памяти, православный мой читатель!

Оптина Пустынь
Предрождественские дни 1908 года

* Эти слова Преподобного мне известны из рукописей Н.А. Мотовилова, и известны мне они как составителю очерка жизни этого великого духом послушника и сотаинника Преподобного Серафима. См. книгу мою «Великое в малом».

НЕБЕСНЫЕ ПЕСТУНЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

В жизни каждого человека и, тем более, православного христианина, происходят, едва ли не на каждом шагу, такие события, в которых мало-мальски нерассеянное внимание может ясно усмотреть незримое водительство Божие на пути души человеческой к уготованному ей Царству вечного блаженства. Событиями, правда, мы привыкли называть нечто выходящее, как яркое пятно, из общего серого фона будничной, повседневной жизни человека, а то, что сливается с этим тусклым фоном, мы или обходим нашим вниманием — попросту забываем, как недостойное внимания, или же, обозвав совсем неуместным и ничего не значущим словом — «случай», стараемся о нем забыть, потому что с утратой веры в Промысл Божий не видим в нем его сокрытого, таинственного смысла. Мне казалось всегда непонятным и странным, как с непомерным развитием в современном человеке чувства гордости, которое каждого из нас пытается вознести «выше леса стоячего и облака ходячего», сотворить из него самодовлеющего авторитета, для которого «никакой закон не писан», ибо он сам себе закон, — как с чувством этим уживается другое ему совершенно противоположное — чувство зависимости его, гордеца, от якобы бессмысленного сплечения столь же бессмысленных обстоятельств, которое именуется «случаем»? Однако уживается, и человек этого как будто не замечает, живя в таком трагическом противоречии изо дня в день, пока... пока «гром не грянет, и мужик не перекрестится». Но бывает и так — и все чаще и чаще бывает — что не крестится и тогда...

Взгляните-ка на ежедневные самоубийства, известиями о которых пестреют столичные и провинциальные газеты! О чем говорят они твоему уму и сердцу, дорогой читатель?..

* * *

С распадом у нас на Святой Руси церковной жизни, которою жили наши православные предки, мы, в большинстве, совсем утратили сознание истинно русского определения взаимоотношений Церкви Христовой и ее членов и отношений их к Богу. Несложно это определение и выражается оно в коротких словах: «кому Церковь не мать, тому Бог не отец». Утратив разумение этих слов, составившихся вековой народной мудростью на основании опыта жизни всего строя бытия русского православного народа, современное нам общество настолько успело отторгнуться от Церкви,

что даже обязательные ее постановления ему стали или чужды, или вовсе неизвестны: Церковь осталась как бы в стороне, сама по себе, а мы, ее дети — сами по себе. Так повелось у нас на Руси не со вчерашнего дня, а уже давно, со времен сближения нашего с иностранцами, на которых «умники» тех времен приучали смотреть наших предков как на существ особого, высшего порядка. Особенное же отступление от Церкви в русских людях проявилось с тех дней, когда им дарована была Царскою милостью первая свобода — от крепостной зависимости. С этого времени, полегоньку да понемножку, то, что было болезнью людей ученых, — я говорю о неведении, стало заражать и неученых простолюдинов: и начали русские люди все больше да дальше отбиваться от Церкви, а теперь уже дошли до того, что почти и вовсе от нее отбились.

Дожили мы до таких денечков, что в храм Божий и не заглядываем, а если и заглядываем, то не по нужде душевной, а по старой привычке; постов не соблюдаем, а праздники Божии обратили на пьянство, на разгул, на богопротивные увеселения, на разбой да на драки.

Стоном застонала мать-сыра земля; обагрилась она, задымилась святой кровью человеческой, распалилась заревом пожаров, облилась горячими слезами вдов, сирот, отцов, матерей да самих богоотступников — церкветотступников. Судите сами: чего ж еще видеть нам с вами, от мужика до барина, все люди русские, когда-то православные?..

Вот одним-то из таких церкветотступников был когда-то и я, мой дорогой читатель! Богоотступником я, по милости Божией, никогда не был, но, отрекаясь от Бога, от Церкви Его святой отступил — вот ровно так, как теперь делают многие из наших, которые не хотят себя звать православными, а зовутся баптистами, штундистами, пашковцами, евангелистами, старообрядцами... и мало ли еще какими именами и названиями — где всех их перечесать? Недаром говорится: «сколько голов, столько и умов!» Но опять-таки, отойдя от Православной Церкви, я, по милости Божией, ни в какую секту не вступил, а просто стал жить по своей вольной волюшке: куда, стало быть, глянет глаз — туда и двигают ноги. И не день, и не два жил я так-то, а долгие годы.

Но «сколько кувшину по воду ни ходить, а там ему и голову сломить» — так случилось со мною: «грянул гром», и стал наш мужик креститься. Подошли такие «случаи», а Бог-то у меня разума не отнял — я и поглядел, что за тем да за другим «случаем» как будто стоит разум, да разум-то такой, который на много повыше моего собственного. Ровно так, как люди отступают от Бога и от Церкви, так они и к Богу с Его Церковью возвращаются: полегоньку да понемножку, словно ниточка с клубочка

да на клубочек: поди там, в мотке-то разбирай концы да петли!.. Ну, словом, добрался я-таки опять до Бога, от Которого я хоть и не отступал, но как бы вовсе о Нем позабыл во дни моей молодости. А как добрался, так меня разом тут и осенило забытыми святоотеческими словами: «кому Церковь не мать, тому и Бог не отец», осенило и привело с повинной и покаянной головой к матушке родимой, Церкви Христовой Православной. И с той самой поры стал я, по милости Божией, хоть грешным, да верным и любящим ее сыном.

ОДИН ИЗ ТЕХ НЕМНОГИХ, КОГО ВЕСЬ МИР НЕДОСТОИН

Блаженный Христа ради юродивый
священник,
отец Феофилакт Авдеев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*

Христианство возродило и обновило древний мир, разлагавшийся от дряхлости и внутреннего растрепывания. *Небесный огонь* любви, *низведенный на землю* Спасителем (Лук. XII, 49), воспламенил новую жизнь в сердцах людей, подавленных чувственностью, оживотворил дух, почти *омертвевший в узах греховности* (Ефес. II, 5), и при содействии благодати ревность к благочестию во многих воспламенилась с такою силою, что сделалась главною стихиею духовной жизни, и вся деятельность духа сосредоточилась в непрерывном усилии *распяты плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24), стать выше своей чувственности, покорить высшему духовному закону все порывы поврежденной грехом природы, чтобы по мере сил, постепенно возрастать духом, всецело жить в Боге и для Бога. Христианство, *обновивши ветхого человека* (Кол. III, 10), *соделав его причастником Божественного естества* (2 Петр. 1, 4), произвело многие виды подвижничества, которыми христианин нравственно возвышается до возможного для человека совершенства. И в великом сонме угодников Божиих, прославленных Св. Церковью, юродивые христиане являются *днотыми во святых* по роду своего подвига и по той высокой степени самоотвержения, которому они следовали. Ради Христа и своих ближних они отрешились не только *от мира и яже в мире* (I Иоан. II, 15), но и от всего лучшего, что есть в природе человека, поскольку последнее необходимо для христианина, по слову Апостола: *аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). Поистине, в них внешний человек тлел по мере того, как внутренний духовно жил и нравственно возвышался.

* «Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви» — священника Иоанна Ковалевского (Москва, 1895 г.). [См.: М.: Донской мон-рь, Изд. отд. Московского Патриархата, 1992. (Репринт с 3-го изд. 1902 г.). — Сост.]

Юродство о Христе — один из труднейших и великих подвигов христианского благочестия, какие из любви к Богу и ближним принимали на себя особенные ревнители благочестия. «Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь труднейший и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом»*. Эти славные подвижники, одушевляемые горячею ревностю и пламенною любовью к Богу, добровольно отказывались не только от всех удобств и благ жизни земной, от всех выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного, но даже отрекались *при полном внутреннем самосознании* от самого главного отличия человека в ряду земных существ — от обычного употребления разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, дозволяющего иногда себе соблазнительные действия... Лишенные по видимому простого, здравого смысла человеческого, отрешившись от общепринятых обычаев мира и правил общественного благоприличия, они под личиною юродства нередко совершали такие гражданские подвиги, на которые не решались люди, «мнящиеся» быть «мудрыми», из страха ли то пред сильными мира сего, или из житейских расчетов и соображений; и при этом подвиги их были таковы, что их не могли совершать с таким успехом люди обыкновенные. Непрестанно возводя очи ума и сердца своего к Богу, постоянно горя духом пред Ним, подвижники эти, подобно древним пророкам, ревнителям славы Божией, не стеснялись говорить резкую правду в глаза сильных мира сего; они своими словами и необычайными поступками то грозно обличали и подобно молнии поражали людей могучих и сильных, но несправедливых и забывающих правду Божию, то подобно весеннему благотворному солнцу радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных. Юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества, среди людей, погибших в общественном мнении, с целью исправить их и спасти; и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра. *Имея дар предсказывать будущее***, они молитвами своими нередко избавляли сограждан от грозивших им бедствий, не раз отвращали гнев Божий от своих современников, у которых были большею частью в поношении и презрении.

Современно свободные от всяких привязанностей к земному, отказываясь от всякой собственности, не имея, обыкновенно, определенного при-

* Сказание о блаженной Серафимо-Дивеевского монастыря, Пелагии Ивановне Се-ребренниковой. Тверь, 1891. С. 1.

** Курсив наш.

станица и потому подвергаясь всем случайностям бездомной и неприютной жизни — эти избранники Божии самым делом, с буквальной точностью осуществляли в своей жизни заповедь Спасителя: *не пецѣтесе душою вашею, что ясте или что пиете, ни телом вашим, во что облечетесе; не душа ли болши есть пици и тело одежди?* (Матф. VI, 25). *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (33). Эти «причастники небесного звания (Евр. III, 1), не имея на земле пребывающего града, но грядущего взыскуя, так как по слову Апостола *пребодит образ мира сего*, (I Кор. VII, 31) — *не сообразовались веку сему* (Рим. XIII, 2): вся их жизнь представляла собою как бы воплощенный протест против чрезмерного тяготения людей к земным, временным интересам, как бы живое, наглядное напоминание о высшей цели жизни — *о едином на потребу* (Лук. X, 41).

Взирая на образ жизни Христа ради юродивых, можно подумать, что это несчастные, осужденные влачить горькую участь безумия. Пренебрегая общепринятыми обычаями мира, не соображаясь с законами общества гражданского, юродивые, по-видимому, в некоторых случаях даже самими постановлениями Церкви не приводились к обыкновенному порядку жизни*. Это были как бы пришельцы из другого мира, не считавшие для себя нужным знать и делать то, что по общему мнению составляет необходимую принадлежность жизни земной. Живя в теле, они считали себя как бы безплотными или в чужом теле... Пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для них существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. По несколько дней, иногда по целым неделям не вкушали пищи, только ту вкушали пищу, которую подавали им люди благочестивые; от прочих они не принимали или принятую передавали другим. Одеждою для них служило ветхое, раздранное рубище, но нередко они отлагали и этот бедный покров наготы своей. Редко входили и часто не были допускаемы в жилища человеческие, проводили большую часть под открытым небом — на городских площадях и улицах близ церковной паперти или ограды, на кладбищах, иногда даже на куче сора, страдая от холода,

* О Симеоне юродивом в «Четиях Минеях» читаем: «На большее мниаго своего юродства показание, отлагаше стыдение человеческое, и множицею обнажен по торжищу хождаше...» «во утрне дню неделну бывшу, вниде в церковь. Начиннающейся Литургии, имеяше в недрах орехи, первее убо нача погашати свечи, и егда изгнати его хотяху, он востек на амвон, меташе орехи на жен и едва со многим трудом возмогоша его изгнати из церкви»; или он же «некогда во святыи Великий четверток из утра на торжищи сядя ядыше, еше видяше мимоходящии глаголашу: видждь безумнаго сего, яко ни святаго четвѣртка не почитает, но рано яст». 21 Июля, стр. 146, 147 и на обор.

голода, стужи и зноя и, вообще, подвергались всякого рода стихийным невзгодам и испытывали всевозможные лишения, неразлучные со скитальческой жизнью... С каждым подвигом Христианского самоотвержения связаны те или другие лишения; нелегко человеку, склонному к чувственным удовольствиям, отказываться от них, истощив свою плоть постом и воздержанием; нелегко также пристрастившемуся к богатству раздать свои сокровища и жить в евангельской нищете, человеку, жившему в славе и почестях, вступить в безвестную жизнь. Но отказаться от ума — этого лучшего украшения человеческой природы, как это мы видим в юродивых, конечно, для каждого должно показаться труднейшим подвигом, лишением, с которым не может сравниться никакое самолишение. В разуме Бог положил существенную черту в нас великого Своего образа (Ефес. IV, 22, 23), почему с отрешением от «этого благодатного дара неба», с которым ничто не может сравниться в мире видимом, человек теряет все, что составляет истинное его величие, истинное его достоинство. При здоровом уме — так как юродивые о Христе были людьми истинно мудрыми, — принять на себя вид безумного — жертва великая. Не большею ли частью, чтобы не сказать всегда, бывает для человека чувствительнее укор в скудоумии, чем в каком-либо другом недостатке, даже нравственном?! Жизнь человека не свидетельствует ли с очевидностью, сколько во все времена, из удовлетворения уму, было добровольных мучеников науки... Отчего такая исключительная честь уму? Оттого, что в нашей душе эта сила осталась более доступною человеческим трудам в своем развитии и образовании, потому что она по преимуществу свидетельствует о достоинстве духовной природы человека. Отсюда понятно, как должно быть трудно и чувствительно для человека при полном здоровом уме выдавать себя за лишенного простого смысла, действовать в течение всей своей жизни подобно умалишенным... Велик и свят подвиг предать тело свое в руки мучителей за исповедание имени Христова. Но менее ли требуется мужества, вращаясь в мирском обществе, постоянно, каждый день, каждый час умерщвлять свое тело, отсекая всякую нечистую мысль?!

При всей трудности этого подвига, для святого юродства какая требуется высокая мудрость, чтобы безславию своему обращать во славу Божию и в назидание ближним, в смешном не допускать греховного, в кажущемся неблагопристойным ничего соблазнительного или обидного для других!.. Путь юродства чрезвычайно опасный и трудный путь. Как подражать иногда безрассудству людей самых низких, сохранять дух всегда возвышенный, стремящийся к Богу, постоянно ругаясь миру, обнимать, однако, всех совершенную любовь?! Наконец, как удержать себя от духовной гордости

тому, кто, перенес столько оскорблений и лишений, сознает что все это терпит он невинно и что он совсем не таков, каким его считают многие? Это произвольное, постоянное мученичество, эта постоянная брань против себя, против мира и дьявола, и притом борьба самая трудная и жестокая. Это крестоносцы, по преимуществу, так как по доброй воле, по собственному избранию, единственно из любви к Богу и ближним несли самый тяжелый и трудный крест...

I

В двадцатых годах прошлого столетия таким великим подвигом подвизался в пределах Рязанской губернии и в смежных с нею уездах Тульской — Христа ради юродивый священник, о. Феофилакт Авдеев¹.

Разбирая рукописи в архиве одного из великих по духу монастырей русских, я нашел в числе их тетрадку, в которой рукой неизвестной мне монахини записано об этом великом подвижнике и прозорливце следующее:

Начинаю с того, во славу Божию, с какого года я стала знать отца Феофилакta. Опишу все, что известно мне или лично, или от достоверных свидетелей об этом истинном и великом рабе Божиим.

В 1824 году я поступила в Михайловский Покровский монастырь². Родитель мой был Родион Феодорович Ураев; он служил, не помню в каком году, в городе Скопине уездным судьей. В то время там городничего не случилось, тоже не знаю почему, и отец мой правил его должность. В это время обокрали Скопинское казначейство; родитель же мой просрочил рапорт об этом и потому находился под судом. Из числа привлеченных к этому делу лиц, кроме отца моего, только казначей да стряпчий имели кое-какую собственность, и то самую незначительную, а потому казна обратила взыскание на городничего, т.е. на моего отца, правившего тогда эту должность. Хотя и наше имение было не велико, но оно все было описано и назначено для продажи с аукциону. Это горе случилось в 1824 году, в год, именно, моего вступления в монастырь, в котором старшая моя сестра уже была монахиней. Отец Феофилакт в то время уже юродствовал и был почитаем как истинный блаженный в нашем монастыре, куда и хаживал часто, и даже гостил.

Приехал к нам в монастырь со своею скорбью наш родитель, а тут как раз случился и отец Феофилакт. Мой батюшка ему и говорит:

— Вот, я скоро должен остаться без куска хлеба ꙗ̑ шестью детьми: имение продадут — казна все возьмет!

— Нет, — отвечает о. Феофилакт, — барин прав! Вот, поедут через Москву в мантиях да в черных шляпах — и будет барин прав!

— Неужели же я буду опять владеть своим имением? — спросил ба-
тюшка.

— Непременно, — ответил отец Феофилакт, — только его после все
разложат по кабакам.

Ничего в то время из его слов понять было нельзя; но год спустя, в 1825
году, скончался в Таганроге Государь Император Александр Павлович³, и
повезли его тело через Москву, и, конечно, все были в трауре — «в манти-
ях и черных шляпах» — по выражению о. Феофилакта. Отец мой в то вре-
мя уехал в Петербург, где и подал просьбу князю Волконскому⁴ о снятии с
него казенного иска. Прощение было принято, и по случаю восшествия на
престол Государя Николая Павловича ему простили казенный долг «не в
пример прочим», как было ему объявлено.

Так и сбылись слова о. Феофилакта: «барин прав».

В 1834 году скончался мой родитель. После него наследником остался
мой брат, человек нетрезвой жизни: и вскоре все имение родительское он
пропустил в пьянство — «разложил по кабакам», как предсказал блажен-
ный.

Это был первый в моей жизни случай прозорливости о. Феофилакта.

II

Не помню, в каком году, над нашим монастырем был благочинный⁵ ар-
химандрит Солотченского монастыря⁶, о.Иларий. Приехал он к нам по де-
лам благочиния при игумении Евсевии. В то время в нашем монастыре
гостил о. Феофилакт и проживал по разным кельям. Как человеку всеми
признанной высокой духовной жизни, юродивому и к тому же старцу, отцу
Феофилакту это нарушение монастырского устава дозволялось, вернее, на
это смотрели сквозь пальцы, по слову — «праведнику закон не лежит».

Неуверенная, как отнесется к этому благочинный, игумения, боясь, что-
бы о. Феофилакт не попался архимандриту где-нибудь в келье, предупреди-
ла его, сказав, что у нас гостит юродивый священник. Архимандрит
пожелал его видеть. Меня дали ему в провожатые, так как я была при-
ставлена к нему для услуг в начальнической келье. Когда меня о. архи-
мандрит позвал его провожать, о. Феофилакт находился в келье у одной
послушницы, крестьянки села Жаловля, Михайловского уезда. Никому и в
голову не могло прийти, чтобы к этой послушнице пожелал зайти архи-
мандрит, а между тем, пока мы собирались в келье игумении идти к ней,

отец Феофилакт, лежавший в келье послушницы на полотах, вдруг стал слезать с них и говорить:

— Приберите все — гости будут!

Спустя немного времени, мы с отцом архимандритом вошли в келью. Встреча была мирная. Отец Феофилакт поцеловался с архимандритом по чину иерейскому; и тут между ними произошел такой разговор:

— Ты — праведник, но священник! — сказал ему архимандрит. — А я — грешный, но архимандрит. Скажи мне, причащаешься ли ты Святых Таин?

Отец Феофилакт отложил свое юродство и смиренно ответил:

— Причащаюсь!

— Где же?

— В селе Осанове, каждый Успенский пост. Там священник — мой духовник!

И действительно, как потом узнали, отец Феофилакт всегда этим постом уходил в село Осаново Михайловского уезда.

Много в тот раз они говорили между собою, но я частью не слыхала о чем, а частью и не упомню. Только, когда мы вышли из той кельи, архимандрит сказал:

— Великий человек сей юродивый!

Когда этот архимандрит приезжал к нам в монастырь, он любил, бывало, чтобы ему у матушки игумении в келье пели наши клиросные певчие, и он всегда давал им за это довольно много денег. В этот его приезд в числе клиросных была и я, приставленная, кроме того, к нему для поручений. Заметив это, оделяя других, он тайно ото всех, чтобы не было другим завидно, сунул мне в руку красную бумажку, которые тогда ходили за десять рублей ассигнациями⁷. Об этом щедром даре я никому не сказала, кроме монахини, с которой жила в одной келье, и та мне подала совет никому об этом ничего не говорить, чтобы не ввести в зависть; и никто об этом ничего не знал.

Проводили мы архимандрита — его вскоре после того перевели в Задонск — и спустя несколько времени мы — послушницы да и некоторые монахини собрались большой компанией к о. Феофилакту в ту келью, где он на ту пору находился. Пришла и я туда же со своей монахиней, и все стали хвалить доброго архимандрита Илария. О. Феофилакт молчит — ни слова. Тут и я свое словечко вставила:

— Батюшка, — говорю, — а ведь хорош архимандрит? У нас такого не бывало!

А тот на мои слова:

— Что мне, сударыня, — говорит, — его хвалить? Если бы он мне дал красную ассигнацию, я бы его похвалил.

Конечно, другие никто ничего не поняли из слов блаженного старца, но мы-то, переглянувшись с моей монахиней, это хорошо поняли...

Когда нашего благочинного, архимандрита Илария, перевели в Задонск, случилось и мне там быть на богомолье. Когда я собралась ехать обратно в свой монастырь, архимандрит Илариий дал мне отвезти от его имени о. Феофилакту книжку творений Святителя Тихона⁸ и сказал:

— Попроси его, чтобы он мне что-нибудь написал!

Когда я вернулась в обитель, отца Феофилакта у нас в монастыре не было, и поэтому я не могла ему скоро передать книги. В это время к одной из наших монахинь, Феофании, приехали из Скопина родные. Приехали они не столько к ней, сколько к о. Феофилакту, которого легче всего было найти в нашем монастыре; но так как он находился на этот раз не у нас, а в одной деревне, то и Феофания, и ее родные собрались ехать к нему туда. Я была рада оказии переслать ему книгу и отправляя ее с м.Феофанией, дала с ней и лист белой бумаги, чтобы он написал что-нибудь архимандриту.

Вернулась м. Феофания и привезла письмо от о. Феофилакта. И что же за письмо написал этот старец Божий! Только вера в святость его как Божьего угодника заставляла отнестись к этому письму как к чему-то серьезному, несмотря на всю видимую нелепость его содержания. Написано оно было на целом листе, а начиналось так: «Ваше Высокопреосвященство и Ваше Высокопреподобие! Когда наши российские поклонники пойдут к Соловецким чудотворцам, то Вы их примите, учредите» и т.д. — все в том же роде и все о Соловецком монастыре⁹. В конце же этого письма было написано так: «а Надежду Родионовну (так меня прежде звали) сделайте игуменией», — по монастыри назначил не те, в которых мне уже после смерти архимандрита Илария Бог привел быть игуменией. Для меня, малодушной и маловерной, в то время это предсказание казалось даже и смешным, потому что я и в рясофоре тогда еще не была. Отца же Илария тем же годом перевели в Соловецкий монастырь, и он по чину Соловецкой обители служил там с осенением, т.е. почти, как архиерей. Через шесть лет он возвратился обратно в Задонск и письмо о. Феофилакта берег как сокровище.

III

Бывая часто в нашем монастыре, о. Феофилакт у всех сестер обители был желанным гостем. Только в одном при приеме его в качестве гостя

выходило маленькое, говоря по-монастырски, «искушение»: когда зазовут его к себе сестры чай пить, то он почему-то иногда чай пил просто, как все пьют, а то с одной, с двумя чашками чаю возьмет да всю сахарницу сахару и скушает; а сахар-то в то время был еще почти что диковиной, да притом и очень дорогой; вот некоторые, глядя на это, и опасались иной раз приглашать его к чаю.

Был он однажды у монахини Аркадии. Она и подумай про себя: чаю бы ты, сколько хочешь, пил, да вот сахару-то больно много кушаешь!.. Был у нее этот помысл до обедни. Пришла она от обедни в свою келью; подали самовар, а отец Феофилакт вдруг встал из-за стола и куда-то скрылся. Потом через несколько минут, глядь, возвращается и приносит целую тарелку комочков, наделанных из снегу; поставил тарелку на стол и стал с этими комочками пить чай. Мать Аркадия, прямо, не знала, куда деться от такого обличения.

Было и со мною нечто подобное: тоже захотелось мне как-то раз позвать его к себе, но боролась так же, как и мать Аркадия, с помыслом насчет сахару, но только вовремя опомнилась и мысленно сказала себе: да что жалеть-то? Если он и на синюю ассигнацию съест сахару, мне не жалко!.. Пошла я за о. Феофилактом звать его к себе. Он, по первому зову пошел в ту же минуту, и как же я была этому рада! Забыла даже и свои помыслы и с великим радушием угощала старца Божия.

Пришел он ко мне на другой день обедать. Сели за стол. Смотрю: мой о. Феофилакт сидит какой-то скучный и кушает мало. Я говорю:

— Батюшка! Что вы такие скучные?

— Да, — говорит, — правда! И сын Человеческий не имел места, где главы подклонити.

Я на это ему возразила:

— Батюшка! Мы все вам рады.

— Как же, — говорит, — сударыня, не рады? Только, вот, иному, глядишь, в один раз и стану в синюю ассигнацию.

Тут я вспомнила, о чем накануне думала.

— Простите, батюшка! — сказала я ему. — Куда ж уйдешь от помыслов?

В этот раз он долго у меня прогостил.

Как-то в это свое посещение, живя у меня, он одну ночь еще с вечера стал скорбеть и петь панихиду, выпевая из нее разные заупокойные стихи. Я встревожилась и говорю ему:

— Батюшка! Иль у меня кто умрет из родных?

— Нет, сударыня! — ответил о. Феофилакт.

Но так как он всю эту ночь и на другой день утром все продолжал петь и читать за упокой, то я несколько раз приставала к нему с тем же вопросом: не умрет ли кто из моих родных? Наконец, он мне ответил:

— А помните, ко мне Матрена Ивановна приставала: «Батюшка, помолись, чтобы моя душа безбедно прошла воздушные мытарства». Вот я об ней-то и молжусь.

Матрена Ивановна была нашей клиросной, претерпела много скорбей и болезней и была очень хорошей жизни. В тот день, когда у нас шел разговор с о. Феофилактом, Матрена Ивановна уже скончалась, и ей шел как раз сороковой день.

Утром на сороковой, стало быть, день по кончине Матрены Ивановны я была у обедни. Прихожу от обедни домой и застаю о. Феофилакта в полной радости. Я спросила:

— А где-то теперь, батюшка, наша Матрена Ивановна?

— Слава Богу, слава Богу, сударыня! — весело ответил блаженный старец. — Сидит на престоле и веселится.

И по сияющему лицу о. Феофилакта было видно, что загробная участь Матрены Ивановны была ему открыта, оттого-то и радостен так был этот земной ангел.

IV

В монастыре нашем была игуменией матушка Евсевия, а казначеей — Елпидифора. В это время в городе Касимове сменили игумению, а на ее место взяли нашу казначею. У нас многие сестры очень жалели об ее уходе.

Сидит как-то раз о. Феофилакт в келье послушницы Павлины, она и говорит ему:

— Жаль нам, батюшка, казначею, что взяли от нас в игумении: она до нас хороша была.

— Что ее жалеть! — возразил о. Феофилакт. — Пусть как уточка, поплавает там, поест рыбки хорошей годочка три!

Так оно и вышло: через три года наша матушка Евсевия подала на покой, а Елпидифору перевели к нам в игумении. А в Касимове — Ока, на Оке же и подворье Касимовского монастыря¹⁰, и рыбы хорошей много.

Рассказывают наши монастырские старушки: еще не было в Михайлове монастыря (наш монастырь был тогда в 12 верстах от Рязани, а переведен в Михайлов в 1819 г.), на месте же, где теперь стоит монастырь, была маленькая кладбищенская церковь, которая еще и поныне цела; а на полугоре стояла богадельня, в которой жило несколько бедных девиц и старушек. Отец

Феофилакт часто гостил в этой богадельне. Бывало, попросит он клубок шерсти или ниток и начнет мерить место, где быть монастырю и ограде; а на том месте, где теперь собор и самый алтарь, тут он из камешков сделал подобие престола и говорит:

— На этом месте Лавра будет. О, как хорошо!.. И мощи будут.

При этом он поминал имя Прокопия. Рассказывали это те, которые жили еще в богадельне, а в настоящее время живут у нас в монастыре; слышали это они сами из уст о. Феофилакта.

Не запомню, в каком году, когда уже перевели наш монастырь в г. Михайлов и я была уже в монастыре, тут же жила одна женщина-солдатка с дочерью, молоденькой девочкой. Эта солдатка была бесноватая. Я ее знала лично и очень хорошо помню, и многие из монастырских ее тоже знают и помнят. Она так была мучима бесом, что на нее было страшно смотреть, особенно, когда она желала причаститься Святых Христовых Таин: ее подводило к Св. Чаше несколько человек, потому что ее иначе невозможно было причастить — она вся синела и делалась как бы в исступлении, и в таком страшном виде ее и после Причастия выводили из церкви.

Эту солдатку как-то раз взял о. Феофилакт и вывел за ограду. Там на одной могилке он читал над ней молитвы, и в это время с ней сделался сильнейший припадок беснования. Отец Феофилакт продолжал читать молитвы, и ей стало лучше, а под конец чтения она совсем успокоилась.

— Ты теперь здорова, — сказал ей батюшка, — но не я тебя исцелил, а исцелил тебя Угодник Божий Прокопий¹¹, которого тут мощи.

Исцеление это совершилось на глазах многих монастырских. После этого женщина та стала совсем здорова и, когда говела, то спокойно, как и все, подходила к Св. Таинам. До самой своей смерти, хотя после своего исцеления она и долго жила, солдатка эта не подвергалась более припадкам беснования.

Нередко говаривал о. Феофилакт:

— Повезут мощи Николая Чудотворца мимо вашей обители, а вы не примете — скажете: не надобно нам, не надобно нам!

Незадолго до своей кончины — за год или даже и того менее — он, проживая в то время за 30 верст от нас и уже болея, несколько раз присылал проситься пожить у нас в монастыре, потому-де, что он скоро умрет. Псылал он с этой просьбой к монахине Павле, и та несколько раз ходила к игумении просить о том, чтобы она исполнила желание о. Феофилакта; но наше духовенство было против этого, и потому игумения никак не соглашалась принять блаженного старца.

— Не надобно нам его, не надобно! — говорила игумения.

Поэтому мы теперь и думаем, что под словами «Николай Чудотворец» о. Феофилакт подразумевать давал благодать Божию, на нем почивавшую, тем более, что, когда он скончался, матушка игуменья посылала казначею и монахиню Веру просить его тело, но его не дали.

О.Феофилакт был болен несколько месяцев и жил в селе Земино, Михайловского уезда, у одной благочестивой дворянки. Эта дворянка очень боялась, чтобы он не умер без напутствования. Сколько раз упрашивала она причаститься и особороваться, но он отвечал на ее просьбу:

— Не вашей я, сударыня, веры!

Но, зная его много лет, она все продолжала ему об этом напоминать. Когда же наступил день его кончины — 30 августа 1841 года — он сказал хозяйке дома, где жил:

— Ну, теперь, Арина Павловна, посылайте за священником!

Поисповедался старец Божий, причастился, особоровался и в тот же день скончался без всяких предсмертных страданий, заставив до последнего своего вздоха пришедшую к нему дьячиху кропить его святой водой.

В селе, где скончался о. Феофилакт, было два помещика: один — Николай Николаевич Желтухин, другой — Хлуденев. Желтухин прежде не любил почему-то о. Феофилакта, а Хлуденев, напротив, очень его любил и верил в его святость. После его смерти они оба пошли поклониться его телу, и тот, и другой выразили желание похоронить его на свой счет. Вышло так, что Хлуденев, несмотря на свою любовь и веру к старцу, уступил Желтухину, и Желтухин справил на свой счет все похороны: сделал обед священникам и накормил многих бедных. До могилы гроб несли на своих руках оба помещика. Торжественны были похороны!..

Когда же, спустя некоторое время, стали разбирать кое-какие бумаги, оставшиеся после покойника, то в них нашли что-то вроде духовного завещания, в котором он просил именно Желтухина его похоронить и помянуть.

Похоронен о. Феофилакт в селе Земине Михайловского уезда Рязанской губернии, близ церкви, против алтаря, и над могилой его поставлен памятник-камень с надписью. Многие до сего дня приходят на его могилу, служат панихиды, берут с могилы землю и по вере своей получают исцеление.

Я хорошо помню жизнь этого Божьего угодника: она почти вся проходила на глазах нашего монастыря. Подолгу гащивая у нас, он, конечно, не мог совершенно утаить от нас, монастырских, подвига своей богоугодной жизни. Молитва его была непрестанная: днем и ночью, лежа и сидя, он пел псалмы духовные, часто певал на голос из Евангелия притчу о блудном сыне: а голос у него был очень хороший. Глубокой ночью он всегда, бывало,

становился на молитву и так всю ночь и простоит на молитве; а днем опять юродствует. Пища его была самая умеренная, нестяжательность безмерная. Приходили к нему многие мирские, нанесут ему и денег, и пищи всякой, и платочков, и полотенце — чего только ни нанесут; но он ничего из принесенного себе не возьмет, а все оставит в той келье, в которой его застанут подарки. У меня доселе хранятся его полотенце и трость — едва ли не единственное его достояние.

Бывая иногда на городском базаре, случалось, он и побьет кого-нибудь из встреченных им на пути. За это его несколько раз сажали в острог, и он сидит, бывало, там с видимым удовольствием и поет священные стихи, которых он знал великое множество. Подержат, подержат его в остроге и выпустят. В последние же годы жизни его уже в острог не сажали, и он пользовался большим уважением.

Наружности о. Феофилакт был весьма благообразной: росту высокого, лицо белое, правильные черты лица, лоб большой, открытый...

Иногда к своей небольшой косе он привязывал свернутый пучком лошадиный хвост, и мы спрашивали его:

— Для чего это вы, батюшка, привязываете такое безобразие?

А он на это, бывало, скажет:

— Да будто пригожее, сударыня, так!

Разговор его о духовном был горячий; слово пламенное, назидательное; и любимой его беседой было о том, что Царство Божие достается только трудом. О духовном он любил говорить наедине, с глазу на глаз с собеседником, и тогда не юродствовал, а говорил с великой убедительностью и силой. Каждому, кто хотел его слушать, он толковал Св. Писание и — всегда правильно. Любимым же его занятием было чтение книг духовных.

Таков был этот Божий угодник, таким я его застала и помню.

V

Были у нас в монастыре тульские две сестры, по фамилии — Духонины. Одна сестра была у нас казначеей и теперь скончалась, а другая — монахиня Рафаила, и теперь жива*. Вот, что рассказывала мне об о. Феофилакте монахиня Рафаила:

* Какие годы разумеать надо под словом «теперь», рукопись, разобранный нами, ответа не дает. Надо думать, судя по ветхости тетрадки и по тому, что автор воспоминаний описывает жизнь о. Феофилакта уже после его смерти, последовавшей в 1841 году, слово «теперь» должно обозначать или конец сороковых, или пятидесятые годы прошлого столетия. (Прим. составителя).

«Однажды он пришел к нам в келью и говорит:

— А я был в Туле!

Мать казначея, сестра Рафаила, и спрашивает его:

— Что же вы к нашему батюшке не зашли?

— Куда тут, сударыня, к ним? — ответил о. Феофилакт. — Его и само-го-то в дом не пускают — там стоят солдаты с рочагами¹², с баграми!

— Что вы такое, батюшка, говорите? — возразила казначея. — Какие солдаты?

— Да, сударыня, — продолжал говорить свое о. Феофилакт, — а дом-то их каменный, взглянешь — так шапка свалится!»

«Мы с сестрой, — сказывала мать Рафаила, — ровно ничего не поняли из этих странных слов батюшки, тем более, что у родителя нашего в Туле дом был деревянный, а не каменный. Что же вышло? Ровно через год после этого наш Тульский дом сгорел до основания, а после этого пожара родители наши действительно выстроили себе дом большой, каменный».

О. Феофилакта очень любили мужички и выстроили ему келью в селе Новопанском Михайловского уезда. Да и в других местах по крестьянам у него были поделаны такие же кельи усердием его простых сердцем почитателей. Из этих келий он после своей смерти две завещал в наш монастырь, которому они и отданы. Когда он жила в своих кельях, то налагал на себя большие труды: постился по целым дням, ничего не вкушая; часто с самого утра уходил в болото и до поздней ночи собирал в воде тростник; а в келью свою возвращался холодный, голодный, весь мокрый... Великий был труженик!..

В нашем монастыре, в церкви, на левой стороне, находится его чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших». Она была написана одним живописцем по его желанию и указанию. Написана она так: вверху иконы — образ Богоматери, поддерживаемый двумя Ангелами, а внизу ее — лики многих Святых. Когда икона была написана, о. Феофилакт зашил ее в холстину, а сверху обшил двумя набойками и еще холстиной. Во всей этой тройной обшивке он прорезал отверстия для ликов и так и поставил ее в своей келье. Его все и спрашивают:

— На что же это вы, батюшка, зашили икону-то холстиной?

— Да, это, сударыни, на ней три ризы! — ответил старец Божий.

Так и стояла она у него в Новопанской келье зашитой.

Еще при жизни о. Феофилакта наш Михайловский купец Иван Иванович Ложников был как-то в Лебедяни на ярмарке и там разговорился о батюшке с Тульским купцом Киселевым. В разговоре этом он и скажи Киселеву, что о. Феофилакт многих исцеляет своими молитвами, а у

Киселева жена больна была семь лет кровотечением. Запало это слово Киселеву в сердце и, возвратясь домой, он послал свою жену, Агрипину Егоровну, к о. Феофилакту. На ту пору он имел пребывание в своей келье в селе Новопанском. Как только Киселева пошла к нему в келью, о. Феофилакт поднялся к ней навстречу и только сказал:

— Помолитесь, сударыня, Царице Небесной и исцелеее!

Сказал эти слова, вышел вон из кельи и куда-то скрылся.

Очень оскорбилась таким приемом Киселева, особенно же тем, что он в келью свою не вернулся, но потом одумалась, стала молиться пред иконой и тут же почувствовала себя исцеленной. В благодарность Божией Матери за исцеление, Киселева сделала на икону киот и очень хорошую ризу накладного серебра. Только самому о. Феофилакту не пришлось этой ризы видеть: ее привезли уже после его кончины.

В наш монастырь икону эту взяли по сонному видению одной благочестивой девицы, в котором сам о. Феофилакт, явившись ей, приказал это сделать, сказав, что от этой иконы будут совершаться исцеления. И точно: чудотворений от нее исчислить невозможно, у меня много писем из дальних и ближних мест от разных лиц, свидетельствующих о чудесах, дарованных через эту икону Богоматерью.

После дара Киселевой на чудотворную икону была сделана вторая риза, серебряная, вызолоченная; а недавно на изображение Самой Заступницы рода христианского пожертвовали ризу жемчужную. Тогда вспомнили три холстины о. Феофилакты и слова его о трех ризах, которые будут украшать святую икону. Еще их и не было, а святой прозорливец уже видел их сияющими богатством и красотой сквозь убогое рубище домотканой холстины. Дивный старец!..

VI

В нашем Покровском монастыре живет одна девица, дочь священника. Эта девица мне об о. Феофилакте передавала следующее,

Тульской губернии, Епифанского уезда, села Хитровщины, священник Феофилакт Авдеев внезапно оставил свое священническое место, жену и маленькую дочь и сделался странником. Приняв на себя такой подвиг не иначе как по особому Божьему изволению, он не имел, где главы подклонити, преследуемый всюду злоречием и насмешками мира, пониманию которого никогда не был доступен этот род христианского православного подвижничества. К одному только священнику Тульской епархии, села Соколовки, Алексею Ивановичу Преображенскому отец Феофилакт имел не-

возбранный вход и даже, за его отлучкой из прихода, исправлял за него требы: исповедывал, причащал больных, крестил младенцев, отпевал покойников, служил молебны; и все эти требы он совершал всегда без всякого упущения, не позволяя себе пропускать ни одного слова.

Когда о. Преображенский еще был учеником 3-го класса духовного училища в Коломне, Феофилакт Авдеев был там учителем. С тех пор они не видались друг с другом до того времени, когда, уже будучи священником в с. Соколовке, о. Преображенский увидал, что мимо его дома ведут на господский двор какого-то связанного человека. Заинтересовавшись этим человеком, о. Преображенский подошел к нему поближе и сразу узнал в нем своего бывшего учителя. Сейчас же он приказал развязать его и повел к себе в дом. Все это видела из окна жена о. Преображенского и подумала про себя: вот, ведут к нам какого-то безумного — он только детей перепугает... Когда о. Феофилакт вошел в дом, то первое его слово было к жене о. Преображенского:

— Матушка! — сказал он ей смеясь. — Запритесь с детками в спальню, а я их не перепугаю!

С этих слов о. Феофилакта матушка почувствовала, что в его лице она встретила гостя не из обыкновенных, и стала относиться к нему с величайшим уважением.

Как-то раз, когда о. Феофилакт находился в гостях у Преображенских, зашла сильная гроза. Он в это время лежал на полотах. Его просили встать и помолиться, но он не встал, а сказал:

— Какая благодать! Эта благодать свет Божий освящает!

В другой же раз было не так. Был о. Феофилакт на огороде и что-то там копался в грядках. Вдруг, бежит он с огорода скоро-скоро и кричит:

— Ух, страх какой! Идет туча!

И стал молиться. Все вышли посмотреть, но тучи никакой не было. Прошло несколько времени, зашла туча страшная, и хотя скоро прошла, но успела разразиться тремя страшными ударами; в трех ближайших деревьях от этих ударов был пожар. Отец Феофилакт все время молился, пока не прошла туча.

Был у о. Преображенского сын лет двенадцати, он учился в школе, а жил у своей тетки Евдокии Филипповны. На масленице во вторник послали за ним лошадь, пришла и середа, а сына все нет. Вот и спрашивают о. Феофилакта:

— Батюшка! что же это наш сын долго замешкался?

— До четверга, — отвечает он, — лошадку и кучера ваша сестрица, Евдокия Филипповна, покормит, а племянник ваш с семейством пробира-

ется к своему брату; да куда ехать в такую погоду-то? Здесь масленицу по-празднует... А сынка вашего, Ивана Алексеевича, укусила черная собака очень больно...»

При этом слове отец Феофилакт вздохнул.

— Батюшка, — говорят ему, — что вы такое говорите? Какая собака?

— Да, Иван Алексеевич женится, — отвечает он, — а Дарья Ивановна смотрит, как печка топится... Ух! Как жарко!

Что же вышло? В этот же день вечером к о. Преображенскому приехал племянник с семейством: по дороге к своему брату заехал навестить дядю; ночь заночевал, а наутро поднялась метель: «Куда было ехать в такую погоду!» — и они остались на всю масленицу. Сын, за которым была послана лошадь, приехал в четверг благополучно: его задержала тетка, Евдокия Филипповна. Слова же о. Феофилакты — о черной собаке, о Дарье Ивановне и о печке сбылись в свое время дивным образом: сын о. Преображенского, Иван Алексеевич, которого тогда ждали на масленице, достигши 17-тилетнего возраста, внезапно сделался болен чем-то вроде умопомешательства; потом это болезненное состояние у него прошло, и его определили на службу в Тульское губернское казначейство. Когда же Ивана Алексеевича родные собрались женить, то на свадьбу приехала и родственница Преображенских, Дарья Ивановна. Все это происходило в Туле. Собрались уже все ехать в церковь к венцу, а пришлось вместо венца спешно бежать из Тулы, которая внезапно загорелась. Пожар разгорелся с невероятной быстротой; пламя бушевало, как море; разрушались церкви Божии, каменные здания; на реке мосты горели: так сбылось предсказание о. Феофилакты. В ужасном положении вместе с прочими очутилась тут и Дарья Ивановна, едва перенесшая зрелище этого страшного пожара.

Дочери Преображенских о. Феофилакт предсказывал, что она останется в девицах и что ее нужно отдать в монастырь «на Черную Гору», т.е. в Михайлов. Родители не соглашались ее отдать в этот монастырь и говорили:

— Если уж хочет идти в монастырь, то пусть идет в ближайший Тульский¹³.

А о. Феофилакт на это, бывало, скажет:

— Тульский монастырь на паутинке висит: там с голоду все поколели; а в Михайловском монастыре наша барышня будет своими пальчиками довольна.

По времени дочь Преображенских поступила в Тульский монастырь, жила там 8 лет и сказывала с ней жившим, что не сбылось на ней предсказание о. Феофилакты. Но, после его смерти, ей все-таки пришлось переселиться в Михайловский монастырь и жить своими трудами.

К отцу Преображенскому хаживал еще один юродивый, известный под именем «босого Миرونушки». Сидели как-то за обедом — семья Преображенских, о. Феофилакт и Миرونушка. К ним за трапезу вошел неожиданно неизвестный немой и стал всех благословлять иерейским благословением. Отец Феофилакт очень обрадовался этому немому, встал из-за стола, поцеловался с ним за руку и сказал:

— Христос посреде нас!

И еще сказал ему тихо, но так, что можно было расслышать:

— Не всем же быть в одном доме!

После этих слов, как ни оставляли Преображенские немого обедать, он не остался и ушел. По уходе его спросили о. Феофилакта:

— Кто такой немой этот?

И о. Феофилакт, и Миرونушка в один голос ответили:

— Священник, отец Афанасий.

Немым он стал, по словам о. Феофилакта, оттого, что ему язык отрезали разбойники.

К этому же о. Преображенскому о. Феофилакт пришел на престольный праздник. У хозяина были гости, и между ними был и о. благочинный, священник села Люторец. Вскоре пришел и дьячок из села Собакина Рязанской губернии, подошел он к о. благочинному и к хозяину под благословение, а затем и к о. Феофилакту. Этот благословлять его не стал и сказал ему:

— Ты тридцать дымящих духов с собой привел!

Дьячок на это ответил грубо:

— Иной учился, учился, да и заучился!

О. Феофилакт схватил его за волосы и потащил вон, приговаривая:

— Не ходи с этим, солдат, в благословенный дом!

И точно: вскоре этот дьячок за порочное поведение был отдан в солдаты.

Поехал раз о. Преображенский в Тулу за св. миром. В его отсутствие приехали за священником звать к больному за 7 верст. Матушка о. Преображенского и просит о. Феофилакта съездить причастить больного.

— Они там не помрут, — ответил батюшка, — сам отец Алексей (Преображенский) от Шилова поспешает на своих золотых крылышках. Взял мир, а храмозданную привезет мастер.

И часу не прошло, приехал о. Преображенский и привез св. мир. Оказалось, что он ночевал в деревне Шилове, откуда и торопился приехать домой, боясь за требы. Передали ему слова о. Феофилакта; он удивился и сказал:

— Я действительно подал владыке прошение разрешить перекрыть церковь и расписать ее внутри заново.

А за о. Преображенским в тот же день приехал живописец, взял подряд на работы в храме и вызвался сам привезти и указать на ремонт храма.

В приходе о. Преображенского у помещичьего приказчика сын служил чем-то у полкового генерала и нажил деньги. Как-то раз сидит у Преображенского о. Феофилакт и вдруг как засмеется, да и говорит:

— Вот ведь, как распестрились! Все судьбы Божии за один пирожок хотят узнать!

Сказал и лег на полати. Через час приехала женщина в ярко-пестром ситцевом капоте, привезла пирожок от приказчицы и подает его с почтением о. Феофилакту. Он не взял и сказал со вздохом:

— Не такие столбы и те падают: то катаются на тройках, то ползком ползают!

Впоследствии сын приказчика приехал к родным на побывку и отморозил себе ноги; одно время ползал на четвереньках, а потом стал кое-как ходить на костылях и так и остался навек калекой.

Одно время стали вызывать священников ехать по желанию служить на Кавказ. Вот и говорит раз матушка Преображенская своим детям:

— Поговорить надо отцу: требуются священники на Кавказ; там, говорят, очень хорошо, и прогоны дадут казенные.

Приходит отец Феофилакт, рассерженный, не в духе; ничего не пропел, как всегда, по своему обычаю, певал при входе; ни многолетия не возгласил, что тоже делывал обыкновенно. На нем ряса в то время была ватная, подрясник овчинный, ситцевая рубашка на подкладке, и к подолу рубашки была еще пришита толстая холстина; сапоги старые. Хозяева не знали, чем ему и угодить, спрашивают:

— Не угодно ли вам, батюшка, покушать?

— Куда тут кушать! — отвечает он с сердцем. — Жара какая! Бежал, бежал: сказали близко, а верст двенадцать будет от Новопанска (село Новопанское Михайловского уезда от Преображенских в 45 верстах).

— Батюшка! Что ж вы так спешили?

— Как же? На Кавказ идут!

Хозяева спрашивают:

— Кто ж это идет, батюшка?

— Да, Аграфена Филипповна (жена о. Преображенского). Вас там наставят, дураков, да в пушки и ударят!

— Кто ж вам, батюшка, сказывал?

— Кто? Петербургский купец приезжал в Михайлов пачпорт брать — он и сказывал!

Конечно, ни с каким Петербургским купцом и речи об этом не было, как не было и самого купца.

— Да мы, батюшка, и не пойдем!

Он засмеялся и сказал:

— Пожалуйте, матушка, покушать; ведь вы обещались!

Разулся. Ноги все в кровь стерты, переменял рубашку и отдал хозяйке.

— Вот тебе, родимая сестрица, Феодосья Авдеевна!

Он ее так часто называл.

— Береги, чтобы рубашка лежала в покое!

Рубашка эта и до сего дня лежит в сундуке и оставлена в наследство меньшей дочери священника о. Алексея Преображенского.

Так, бывало, поживет о. Феофилакт у этого священника сколько угодно — иногда недели три, а там и уйдет, не сказавшись.

В последний раз он приехал к Преображенским на лошади с Новопанским мужичком. Было это Великим Постом. Ночевал одну ночь; утром, напившись чаю, позавтракал и приказал заложить лошадь. Напомнил про рубашку и опять наказал, чтобы была в покое. Упрашивал его, чтобы он еще остался ночевать, но он не остался. Благословил дом, благословил семейство Преображенских и, прощаясь, сказал:

— Мир дому сему!

С тех пор его уже в этом доме не видали: тем же годом он и скончался...

Сказывал еще протоиерей г. Епифани, о. Иоанн Гумилевский, родственник о. Преображенского:

— Пришел однажды ко мне о. Феофилакт и запел: со святыми упокой! — Я, признаться, на себя подумал, что это он мне смерть пророчит. А он, пропевши, в ответ на мои мысли сказал:

— И чего тебе только в голову не придет? Ведь ты не маленький!

После этого у протоиерея скончался сын, ребенок лет восьми.

Тот же протоиерей рассказывал:

— Приходил о. Феофилакт просить на свою жену, чтобы не позволять ей отдать его дочь за солдата, а сам заплакал. Я вызвал жену его, но запретить не мог: она выдала дочь в село Петровское замуж за господского человека. У нее уже было пятеро детей; господин прогневался за что-то на ее мужа и отдал в солдаты, а она умерла с горя.

«...Сам заплакал!» Проникаешь ли ты, дорогой мой читатель, чутким твоим сердцем в тайный смысл, в глубину значения этих слез великого праведника? Разумеешь ли ты все величие отречения от семейных уз, от любви родительской этого великого сердца, добровольно отказавшегося

от всей их сладости, чтобы одиноким, гонимым, осуждаемым идти во след своему Господу?.. Прошли года, за лютые скорби, за смирение чистого сердца, за веру, неведавшую сомнения, благодатию Христовой отверзлись духовные очи праведника, сообщились одинокому сердцу дары благодатных утешений, перед которыми, как свидетельствуют люди духовного опыта, вся красная мира не что иное, как смрад и тление, — а ветхий человек все еще был жив, и жгучая слеза родительской любви и страха за участь любимого ребенка, как растопленное олово, жгло огнем пальцим сердечной муки... Какова сила самоотречения! Каков подвиг! Какова любовь к Богу!..

«Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их».

Таково сказание, которое мною было найдено в старых рукописях Скита Оптиной Пустыни. Писано оно, видимо, женской рукою.

В той же рукописи записан был еще один глубоко знаменательный случай прозорливости блаженного старца. Хотя он касался по-видимому только одного частного лица, но, по моему мнению, значение его гораздо обширнее, и таинственный смысл его имеет характер не только прозорливости, но даже пророчества... Чтобы он глубже запечатлелся в памяти моего боголюбивого читателя, помещаю его особо в конце моей статьи о великом прозорливце.

Как-то раз, в один из приходов в дом Преображенских матушка-попадья спросила у него:

— Батюшка! В городе говорят, что в 1836 году будет свету конец — правда ли это?

— И, сударыня, — ответил он, — не верьте — они врут! А вот в 55-м году начнется эпоха, а в 56-м будет и свету кончина!

По слову старца так и совершилось: матушка Преображенская заболела в 1855 году опухолью ног, а в 1856 году от жизни временной перешла в жизнь вечную. Но в этом предсказании, как я думаю, заключен и другой смысл: им предвозвещалось иное, неизмеримо важнейшее событие...¹⁴

17 октября 1908 года

ЗВЕЗДЫ ПУСТЫНИ

Житие святого преподобного отца нашего
Онуфрия Великого
и с ним некоторых иных святых пустынножителей
(память 12-го июня)

*Повесть, записанная Преподобным
Пафнутием, египетским пустынножником*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Пустыня!

.....
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу*,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно:
Жду ль чего? Жалею ли о чем?..

Ты помнишь ли, читатель дорогой, этот чудный аккорд таинственных голосов пустыни, залетевших издалека легким, замирающим ветерком в многошумный и многоболезненный мир и благоуханным дыханием своим задевший многострунную лиру поэта?.. Зазвенели чуткие струны, задрожали гармонические звуки, заговорила струна со струною, но болью печали и трудом безысходной тоски отозвалось сердце поэта на голоса пустыни; оно не угадало, не поняло призыва Божественной любви: пустыня человеческого сердца не вняла Тому, Кто есть любовь совершеннейшая; звезда разума не вместила слова неба.

«Забывься!» «Заснуть!»

Чтоб весь день, всю ночь мой слух лелея,
Про любовь мне голос сладкий пел...

* [М.Ю.] Лермонтов.

Любовь земли! Но может ли она петь сладко, когда звук ее голоса едва родится, уже ноет тоской утраты?.. Тоска, тоска!.. Ни от жизни ожиданий, ни к прошлому сожалений!.. И больно, и трудно!.. «Заснуть!..»

А между тем:

В час полночный близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампы,
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.
Но впивайся в них очами —
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли.
Вновь взглядишь — и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Все звездами, все огнями
Бездны синие горят.
В час полночного молчанья,
Отгнав обманы снов,
Ты взглядишь душой в писанья
Галилейских рыбаков', —
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Безконечный свод небесный
С лучезарною красой.
Узришь — звезды мыслей водят
Тайный хор вокруг земли;
Вновь взглядишь — другие всходят;
Вновь взглядишь: и там вдали
Звезды мыслей тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа...
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла*.

Дремлет мгла нашего сердца, усыпленная обманчивым призраком мечтательных сновидений. Давай же, зажжем ее огнями небесных звезд:

* А.С. Хомяков. Стих. «Звезды».

пойдем с тобою в пустыню, где «звезда с звездой говорит», прислушаемся к их таинственной немолчной беседе в безмолвии пустынной ночи! Века прошли, а пустыня все внемлет Богу: внемлем же Ему с тобою и мы!

«Житие и слава святых святым светом своим подобны звездам небесным. Как звезды, хотя и утверждены они на небе, но просвещают всю вселенную, озаряют землю, светят и морю, и кораблями плавающих управляют, видимые и жителями Индии и от Скифов¹ не скрытые. И хотя не знаем мы всех имен их из-за безчисленного их множества, но удивимся красоте их светлой. Подобен им и свет святых: хотя и скрыты в гробах их мощи, но силы их в гробах их поднебесной не ограничиваются земными пределами. Удивляемся их житию, изумляемся и славе, которою прославляет Бог, угодивших Ему»*.

«Перенесемся же мыслию в пустыню: там увидите вы дивное и славное видение. Очистим сердца свои, сделаем голубиные крылья и полетим, посмотрим на жилища тех людей, которые оставили шумные города и им предпочли горы и пустыни. Пойдем, посмотрим, как живут они подобно мертвецам в гробах своих. Пойдем, посмотрим на их тела, одетые власами. Пойдем, посмотрим на их питание, растворенное умиленными слезами. Пойдем, посмотрим на пищу их, состоящую всегда из диких растений. Пойдите, посмотрите на те камни, которые они кладут под головы свои. Живут они в пещерах и пропастях земных, как в крепостях. Окрестные горы и холмы для них высокие стены... Им нет покоя в этом мире, потому что они ожидают себе покоя в том. Они блуждают со зверями, как птицы, летают по горам. Но, блуждая по горам, они сияют, как светильники, и просвещают светом своим всех, с усердием приходящих к ним... Царям скучно бывает в чертогах, а им весело в их подземельях. Носят власяницу² блаженные отцы, но радуются больше, чем носящие порфиру³... Когда изнемогут, скитаясь по горам, ложатся на земле, как на мягком ложе. Немного заснут и спешат встать, дабы петь хвалы возлюбленному их Христу... Когда молятся они, стоя на коленях, из глаз их текут источники... Где застигнет их вечер, там и остаются; о могилах они не заботятся, ибо они уже мертвы, распявши себя миру из любви ко Христу. Где кончил пост свой, там для него и могила. Многие из них молились повергшись на землю, и тихо почили пред Господом. Другие, стоя на камнях, отдали души своему Владыке... Теперь ожидают они гласа, который разбудит их, и тогда процветут они, как цветы благовонные... Блаженны вы, всецело

* Св. Симеон Метафраст. Житие Преп. Ксении (24 января).

сохранившие в сердцах своих любовь ко Христу: пойдите теперь в тихое пристанище, насладитесь Христом, Которого возлюбили!»*...

Инок одного из Египетских пустынножительных монастырей, Преподобный Пафнутий, оставил по себе сказание, которое сам же и изложил письменно: в нем он описал, как обрели они в пустыне Преподобного Онуфрия Великого и иных пустынников. Повествование начинается так:

I

«Когда я пребывал на безмолвии в монастыре моем, вошло мне однажды в сердце желание выйти из монастыря моего во внутреннюю пустыню, чтобы видеть, — есть ли там какой-нибудь инок, который бы более моего работал Господу? И вот, взял я на дорогу немного хлеба и воды и пошел в самую глубь пустыни. Четыре дня шел я, не вкушая ни хлеба, ни воды, и дошел до какой-то пещеры. Было в той пещере одно только малое оконце, а вход был закрыт. Простоял я час под оконцем, постукивая в него время от времени, в надежде, что, по обычаю иноческого, вот-вот выйдет кто-нибудь на слух из пещеры и даст мне о Христе целование. И когда убедился я, что нет мне ответа и нет отверзающего, то сам открыл дверь, и вошел в пещеру со словом:

— Благослови!

И увидел я старца сидящего и как бы спящего. И опять промолвил я:

— Благослови!

И прикоснулся к плечу спящего, чтобы возбудить его; но к праху было прикосновение мое: осязав тело старца, нашел я, что уже много лет протекло над смертью его. Увидел я тут и одежду его, висящую на стене, и когда коснулся ее, то стала она в руке моей как пыль при дороге. Снял я с себя мантию мою, покрыл ею тело усопшего, руками ископал яму в земле песчанной и предал погребению мощи его с обычным песнопением, с молитвою и со слезами. И вкусил я немного взятого хлеба, отпил воды подкрепил силы и заночевал у могилы того старца. Утром же, сотворив молитву, двинулся я опять в дальний путь в самую глубь отдаленнейшей пустыни. И шел я так несколько дней, и обрел другую пещеру, и пред пещерой той я увидел следы ног человеческих, указавшие мне, что кто-то живет в той пещере. Я постучался, но не получил ответа; вошел внутрь, но никого не нашел и внутри пещеры. И вышел я вон, размышляя в себе: видно, живет здесь какой-то раб Божий! И с мыслью этой отошел я

* Преп. Ефрема Сирина «Похвальное слово подвижникам».

на некоторое расстояние в пустыню, решив ожидать на месте том раба Божия, которого возжелал я видеть и приветствовать о Господе. Весь день тот пробыл я в ожидании и в непрестанном пении псалмов Давидовых. И как же прекрасно было то место! Стояла посреди него финиковая пальма, отягченная плодами, и тихо журчал источник живой воды ключевой. И дивился я красоте того места, желая жить в нем, если бы только было возможно... Когда же день стал клониться к вечеру, увидел я стадо идущих буйволов и посреди стада — раба Божия. (Был же тот Божий раб — Тимофей-пустынник). И когда приблизились они ко мне, тогда я увидел, что на муже том нет никакой одежды, и волосы покрывают наготу тела его. Когда же он подошел близко к тому месту, на котором я стоял, и когда меня заметил, то стал тут же на молитву, недоумевая не дух ли я, или привидение, ибо много раз, как сам он мне потом сказывал, — искушали его на том месте привидениями духи нечистые. Я же сказал ему:

— Чего страшишься ты, раб Иисуса Христа Бога нашего? Смотри: вот, следы от ног моих! Знай же, что я такой же человек, как и ты, осяжи: я — плоть и кровь, а не призрак или мечтание!

Но он все еще смотрел на меня и только, когда уверился, что я — человек, успокоился, возблагодарил Господа и сказал:

— Аминь!

И подошел ко мне, и дал мне целование. И ввел он меня в пещеру свою, и предложил мне в пищу финики, а в питье из источника чистую воду; и сам вкусил со мною, меня ради. И спросил он меня:

— Зачем пришел ты сюда, брат мой?

И я ему ответил, объясняя мысль мою и намерение:

— Рабов хотел я видеть Христовых, живущих здесь, и вышел из монастыря моего, и пришел сюда: и Бог помог желанию моему, и сподобил видеть твою святыню.

И я спросил его:

— Скажи теперь и ты мне, отец: как ты пришел сюда, и сколько лет живешь ты в этой пустыни, и чем питаешься, и почему ты наг, не одеваешься никакой одеждой?

И он в ответ повел так речь свою:

— В одной пустыни Фиваидской вначале пребывал я, проводя житие иноческое и усердно работая Богу; рукоделием же моим было ткачество. И вошел мне в сердце помысл: выйди из кинонии, живи один, занимайся своим рукоделием — и тем большую получишь ты награду от Бога: от трудов рук своих не только сам питаться можешь, но и пищих питать и странных упокаивать. — Любовно преклонил я слух свой к тому помыслу:

вышел из братства и близ города устроил себе отдельную келью и стал в ней упражняться в рукоделии своем. И всего, что собирал я от трудов рук моих, было мне довольно для жизни моей. Многие приходили ко мне за моим рукоделием и за него платили мне всем, в чем я имел нужду: и покоил я странников, а избытки раздавал нищим и нуждающимся. Враз же диавол, который непрестанно против всех воюет, позавидовал жизни моей и постарался в ничто обратить все труды мои. И внушил он одной женщине придти ко мне и дать заказ, по рукоделью моему, — выткать ей полотно. Когда же я выткал его и отдал ей, тогда она заказала мне другое; и стали мы с той поры вести друг с другом беседы уже без всякого стеснения: и так, зачавши грех, родили мы беззаконие, пребыв в грехе около шести месяцев. И помыслил я в себе: не сегодня, так завтра, а не миновать мне смерти, — и придется мне тогда пойти в муку вечную. И сказал я себе: горе тебе, душа моя! беги лучше отсюда, чтобы избежать греха, а с ним и — вечной муки!.. Оставил я тогда все и бежал тайно, и пришел в эту пустыню, где нашел эту пещеру, источник и пальму эту, а на пальме — двенадцать ветвей, рождающих мне всякий месяц каждая столько фиников, сколько нужно их на тридцать дней моего пропитания. Как кончится месяц, и сойдут плоды с одной ветви, созревает другая: и так благодатью Божиею и питаюсь я, не имея запасов в пещере моей. И обветшав от времени, спали с меня одежды мои, а после лет многих (я тридцать лет уже пребываю в этой пустыне) выросли на мне те волосы, которые ты видишь: вместо одежды мне служат они и покрывают наготу мою.

И слышав речь праведного (так пишет Пафнутий), спросил я его:

— Поведай мне, отец, о чем спрошу тебя: была ли тебе скорьбь какая в начале твоего прихода сюда, или нет?

И ответил мне праведник:

— Безчисленные претерпел я нападения бесовские. Много раз брались они бороться со мною, но не одолели при помощи Божией, ибо противился я им знамением крестным и молитвою. Но скорьбь мне была не от одних нападений вражиих, была мне она и от телесной болезни: я так мучился от страданий желудка, что от этой болезни падал на землю и не мог, стоя на ногах, творить обычной молитвы; валяясь на земле в пещере моей, совершал я в пение мое в таком тяжком страдании, что даже и наружу не мог выйти. Молился же я тогда Богу милосердному, да подаст Он мне прощение грехов ради моей лютой болезни. И сидел я однажды на земле, тяжело утробю своей страдая, и увидел внезапно пред собою почтенного мужа. И он спросил меня:

«Чем болеешь?»

Я же едва мог ответить ему:

«Утробую болею, господин мой».

И сказал он мне:

«Покажи, где болит!»

И я ему показал. Он же простер руку свою, возложил ее на больное место, и я тотчас же исцелился. И сказал мне тот муж:

«Ты здоров теперь. Смотри же, не согрешай, чтобы горшего тебе чего не было, но работай Господу отныне и до века!»

И с того времени я всем здоров, благодаря Бога и прославляя милосердие Его.

В такой-то беседе, — пишет Пафнутий, — провели мы почти всю ночь, а к утру возстали на обычную молитву. Когда же настал день, начал я просить того преподобного отца, чтобы благословил он мне жить при нем, а если нельзя при нем, то где-нибудь в ближайшем от него месте. Но он на просьбу мою ответил:

— Не можешь, брат, ты здесь терпеть бесовских искушений.

И не позволил мне пребывать при нем. И молил я его:

— Скажи мне хоть имя свое!

— Имя мое, — сказал он мне, — Тимофей. Поминай меня, брат мой возлюбленный, и моли обо мне Христа Бога, чтобы Он до конца моего не лишил Своего милосердия, которого я от Него устаиваюсь.

Я же, Пафнутий, припал к ногам его, прося и его молитв за меня. И сказал он мне на это:

— Да благословит тебя Владыка наш Иисус Христос и да покроет Он тебя от всякой сети дьявольской, и да подаст Он ходить в путях правых и перейти непоткновенно ко святым Его!

И, благословив так, отпустил меня преподобный Тимофей с миром. Из рук его принял я на путь плодов финиковых, почерпнул в сосуд свой воды из источника, поклонился старцу святому и отошел от него, славя и благодаря Бога, что сподобил Он меня видеть такого Своего угодника, попользоваться от слов его и принять его благословение.

II

Пустившись в обратный путь от места подвига преподобного Тимофея, я через несколько дней пришел в один пустынный монастырь и остановился в нем, чтобы отдохнуть до времени. И стал я скорбеть и сокрушаться, размышляя и говоря себе: что же это за жизнь моя? что за подвиги? Нет в них и тени жития и подвигов того угодника Божия, которого я видел.

И немало дней провел я в таком размышлении, желая подражать в богоугождении тому мужу. И возбудило меня милосердие Божие к тому, чтобы попекся я о душе моей и не поленился вновь идти во внутреннюю пустыню путем неизвестным в ту страну, где обитает народ варварский, имя которому «Мазик», или «Мазики». Одного только и желал я усердно, чтобы уведать мне, есть ли еще в пустыне и другой какой пустынный, работающий Богу, найти его и от него получить пользу для души моей.

И, вот, отправился я, — пишет Пафнутий, — в намеченный мною путь пустынный, взяв с собою хлеба и воды столько, чтобы хватило мне на малое время. Когда вышел у меня весь хлеб и не стало у меня воды, стал я скорбеть о лишении пищи, но я крепился и так шел четыре дня и четыре ночи без пищи и без питья, пока не изнемог телом до того, что упал на землю, ожидая смерти. И увидел я святолепного мужа прекрасного и пресветлого. Подошел он ко мне, возложил мне руку свою на уста и стал невидим: и тотчас я ощутил в себе силы, и уже не испытывал ни голода, ни жажды. Когда же поднялся я с земли, то пошел опять в глубь той пустыни и опять четыре дня и четыре ночи шел без пищи и без питья, — и вновь стал я изнемогать от голода и жажды. Тогда воздел я руки к небу, помолился Господу и вновь увидел того же мужа. Коснулся он уст моих и стал невидим. И от прикосновения того я вновь почувствовал в себе новую, еще большую силу и вновь отправился в путь. И когда настал семнадцатый день путешествия моего, я дошел до некоей высокой горы и сел у подножия ее отдохнуть, ибо очень утрудился. И увидел я вдали от меня идущего мужа, образом страшного как зверь, всего обросшего волосами и белого как снег; был же он сед от старости. Волосы же его головы и бороды были так длинны, что достигали земли и, как одеждой, покрывали его тело; чресла же его были перепоясаны листьями пустынных растений. И когда увидел я, что приближается он ко мне, то напал на меня страх, и я убежал на скалу, что была наверху горы. Муж же тот, дойдя до подножия горы, сел отдохнуть в ее тени: а был он утомлен от палящего зноя и от немощи своей старческой. Взглянув же на гору и увидев меня, воскликнул он громким голосом:

— Человек Божий, сойди ко мне! Я такой же, как и ты, человек, Бога ради живущий в этой пустыне.

И когда я услышал зов его, — пишет Пафнутий, — то поспешно притек к нему и пал пред его ногами. Но он мне сказал:

— Встань, сын мой! Ты тоже раб Божий и друг святым Его. Пафнутий — имя тебе.

И я встал, а он повел меня есть. И сел я пред ним с радостью. И прилежно просил я его, чтобы поведал он мне имя свое и житие, и пребывание свое в пустыне, и сколько времени проводит он в подвиге. Видя же прилежное моление мое, начал он мне сказывать повесть свою такими словами:

— Имя мое — Онуфрий. Шестьдесят уже лет как я в этой пустыне, скитаясь в горах и не видя ни единого человека. Тебя первого я вижу ныне. Было же мое пребывание прежде в честном монастыре, именуемом Эрити что близ города Ермополя, в стране Фиваидской. Жило в том монастыре сто братьев единокровных, живущих в согласии и великой о Господе нашем Иисусе Христе любви между собою. Все общее у них было — и пища, и одежда, — и проводили они постническую жизнь свою в безмолвии и мире, славя милость Господню. Я же, наставляясь там в новоначалии детства моего, поучался у святых отцов вере и любви к Богу и уставам жития иноческого. И слышал я тогда беседы их о святом пророке Илие, как он, укрепляемый Богом, в пост имел пребывание в пустыне. И о святом Иоанне Предтече слышал я в те далекие свои годы, о том пророке великом, подобного которому не было никогда между людьми. Внимая же беседам о том, каково было житие его в пустыне до самого дня явления его Израилю, спросил я отцов:

«Больше ли вас пред Богом те, что живут в пустыне?»

Они же мне отвечали:

«Истинно, чадо, те больше нас пред Богом: мы всякий день видим друг друга и пение соборное совершаем с радостью; есть ли захотим, — готовый хлеб обретаем; возжаждем ли — и вода нам готова; заболит ли кто из нас, — от братьев утешение получает, ибо все мы живем общей жизнью, друг другу помогаем и ради любви Божией служим. У живущих же в пустыне нет ничего того. Прилучится ли кому из пустынножителей какая печаль, — кто его утешит? кто в недуге ему поможет и послужит? Наведется ли сатаною брань, — где отыщет он человека, который мог бы изменить течение его мыслей словами убеждения? Во всем и везде он одинок. Пищи ли у него не станет, — откуда он ее возьмет? Возжаждет — и воды нет ему поблизости... О, дитя! в пустыне там предстоит спасающемуся труд несравненно больший, чем нам, живущим в общеселении, и тот, кто вступает в подвиг жития пустынного, того труд выше перед Господом: больше пост, великодушнее терпение в голоде и жажде, в зное полуденном и в холоде ночи. Крепко противится тот браням, невидимым врагом наносимым, все силы свои напрягая на его одоление. Вот, какова высота стремления их, пройти весь телесный и скорби исполненный путь, ведущий в Царство Небесное! И, вот, тех великих трудов ради, посылаемы к ним Богом

бывают святые Ангелы: они им и пищу приносят, и воду из камня изводят, и укрепляют их так, что сбываются на них слова Исаии пророка: «Изменится крепость терпящих Господа ради, — окрылятся они, как орлы, в путь пойдут, и не утрудятся».

Кто же из них не сподобляется очевидного ангельского видения, тот все же не лишается невидимого их присутствия, соблюдающего пустынноика во всех путях его, защищающего его от наветов вражеских, помогают ему Ангели Господни в делании его и молитвы его Богу приносят. А случится кому из пустынноиков вражья напасть, — возденет он руки свои к Богу; и в тот же час посылается ему свыше помощь, ради чистоты его сердечной, расточаются все его напасти...

Ты слышал ли, чадо, что сказано в Писании: «Не оставляет Бог ищущих Его, и не будет забвен нищий, и терпение убогих не погибнет до конца»? И еще: «Воззвали ко Господу в скорби своей, и от бед их избавил Господь»?

Воздаст Господь каждому по труду его, подъятому Господа ради, и блажен творящий на земле волю Господню и усердно работающий Ему: и Ангелы, хотя бы невидимо, ему служат и радостью духовною его исполняют, и укрепляют его на всякий час, пока живет он во плоти.

Слушал я все это от святых отцов в монастыре моем и услаждался я, смиренный Онуфрий, в сердце моем и душе слаще, чем от меда, и мнил я себя как бы в ином мире.

И возбудилось во мне желание неизреченное удалиться в пустыню.

И, вот, встал я ночью и, взяв не больше как дня на четыре хлеба, вышел я из монастыря и пошел, возложив упование на Бога, дорогою, ведущею в горы, а оттуда в пустыню. И только стал я вступать в пределы пустыни, увидел я пред собою луч сияющего света. И остановился я в сильном испуге, помышляя уже возвратиться обратно в мой монастырь. Луч же тот светлый приблизился ко мне и из него услышал я голос, говорящий мне:

«Не бойся! Я — Ангел, сопутствующий тебе от дня твоего рождения: я приставлен к тебе Богом, чтобы охранять тебя в путях твоих. И ныне повелел мне Бог вести тебя в эту пустыню. Будь совершен и смирен сердцем пред Господом, работай Ему с радостью, и я не отступлю от тебя, пока не повелит Создатель взять душу твою».

Сказал то из световидного луча незримый Ангел и пошел предо мною; я же последовал за ним с великою радостью.

Так шли мы шесть, или семь миллиарий*; и увидел я довольно большую

* Мера длины, равная 1481,75 метра, или около 1,5 версты.

пещеру; и стал мне невидим луч ангельского света. Когда же приблизился я к пещере, то пожелал узнать, нет ли в ней человека и, по обычаю иноческому, подойдя ко входу, сказал громко:

«Благослови!»

И увидел я честного старца, образом священнолепного, являющего лицом и взором пребывание в нем великой благодати Божией и радости духовной. Увидев его, я кинулся к ногам его и поклонился ему в землю. Он же рукою поднял меня и, дав целование, сказал:

«Так это ты, брат Онуфрий, сотрудник мой о Господе? Войди, чадо, в обителище мое! Бог в помощь тебе в призвании твоём творить добрые дела в страхе Божиим!»

И вошел я в пещеру его, и пробыл с ним некоторое время, чтобы научиться от него доброму его деланию. И научил он меня образу жития пустынного. Когда же увидел старец, что просветился дух мой к упражнению в делах, угодных Господу нашему Иисусу Христу, и к небоязненному противостоянию тайным браням противника-диавола и страшилищам, таящимся в пустыни, то сказал он мне:

«Идем теперь, чадо мое: я поведу тебя в иную пещеру — она во внутренней пустыни: живи в ней один и трудись с помощью Божией в делании духовном, ибо на то смотрением Своим и послал тебя Господь, чтобы быть насельником внутренней пустыни».

Преподав мне такое наставление, взял и повел он меня в самую глубь пустыни. И шли мы четыре дня и четыре ночи, а на пятый день обрели мы на пути нашем малую пещеру. И сказал мне святой тот муж:

«Вот место то, которое для жительства твоего уготовал тебе Бог!»

И пробыл тут со мною старец тридцать дней, наставляя меня в добром делании. И когда исполнилось тридцать дней, отошел он на место своего пребывания, поручая меня Богу. И от того дня приходил он ко мне раз в год, ежегодно посещая меня до самого преставления своего к Богу. Когда же преставился мой старец, я много плакал и предал его погребению близ моего жилища.

И спросил я его, смиренный Пафнутий:

— Отец святой! много ли принял ты на себя трудов в начале пришествия твоего на эту пустыню?

Отвечал мне блаженный старец:

— Поверь мне, брат возлюбленный, так тягостно мне было, что много раз я отчаивался даже в жизни моей и мнил быть при смерти: изнемогал я от голода, и от жажды, не имея сначала ровно ничего, что есть мне, или что пить, кроме некоего разве зелья пустынного, что было мне пищей;

а жажде моей только от небесной росы бывала прохлада. И днем жгло меня солнце полуденным зноем, а ночью промерзал я от холода ночного; и сырело тело мое от росы небесной: чего только не принял в непроходимой этой пустыне? Нет возможности и высказать даже всего, что претерпел я и какие понес я труды, да не подобает открывать того, что человеку должно наедине творить ради любви Божией. Благий же Бог, видя, что я предал всего себя на постнические подвиги и душу свою положил на алкание и жажду, повелел Ангелу Своему иметь обо мне попечение и приносить мне на каждый день немного хлеба и немного воды для укрепления моего тела: так и питаем я был Ангелом тридцать лет. Когда же протекли те годы, тогда даровал мне Бог в утешение пищу более обильную: близ пещеры чудесно выросла финиковая пальма, и на ней — двенадцать ветвей, и каждая ветвь каждый месяц стала приносить плоды свои. Пройдет месяц, — сойдут и плоды с одной ветви; тогда начинает плодоносить следующая: и так на все двенадцать месяцев распределено было между ветвями той пальмы мое пропитание. Господним же повелением истек для меня из камня и малый источник ключевой воды. И, вот, с тех пор прошло еще тридцать лет и во все эти годы всего было у меня в изобилии: или хлебом Ангельским питаюсь, или финиками с зельем пустынным, которое для меня как мед, услаждается повелением Господним; пью же я чистую воду ключевую, воздавая за все благодарение Богу. Паче же всего питаюсь и упоеваюсь от слов Божиих, как писано о том: «Не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». . . О, брат мой, Пафнутий! Стоит только тебе приложить усердие к исполнению воли Господа Бога, как все тебе потребное будет Им послано, ибо сказано в святом Евангелии: «Не заботьтесь, говоря, что вам есть и что пить, и во что одеться, ибо всего этого и язычники ищут: Отец ваш небесный знает, что все это вам необходимо. Ищите же прежде всего Царствия Божьего и правды его, и это все приложится вам».

Так говорил мне Онуфрий преподобный, и я, Пафнутий, дивился чудному житию его. И спросил я его вновь:

— Отец! Как же причащаешься ты в субботу и день воскресный Пречистых Христовых Таин?

И он мне ответил:

— Приносит мне Пречистые Христовы Таины и причащает меня Ангел Господень. И не ко мне одному приходит он с Божественным причащением, но и к прочим, живущим Бога ради в пустыне и не видящим лица человеческого. И от того причащения исполняем мы неизреченного веселия. Когда же кому из пустынников пожелается видеть лицо человеческое,

то берет его Ангел и возносит на небо, чтобы видеть ему там святых, возвеселиться и просветиться там душе его, как свету полуденному, возрадоваться духом, при виде благ небесных, уготованных Богом для любящих Его. И забывает тогда сердце пустытника все труды, поднятые им в пустыне, и еще усерднее тогда, вернувшись на землю, работает Богу пустытник, уповая навеки получить на небесах то, что восхищением был удостоен видеть.

У подножия горы той, где была наша первая встреча, говорил мне все это преподобный Онуфрий. И от такой беседы преподобного исполнился я радости великой, и забыл я всю тяготу, и голод и жажду путешествия моего. Когда же пришел я в себя от восторга духовного, то сказал преподобному:

— О, как же блажен я, что удостоился видеть тебя, отец святой, и слышать сладкие и прекрасные твои речи!

Он же сказал мне:

— Встанем же теперь, брат, и пойдем к жилищу моему! — и мы встали, и пошли.

Я же не переставал удивляться благодати, почивающей на преподобном старце. Так прошли мы два или три миллиария и пришли к честному жилищу святого. Росла там, близ него, большая финиковая пальма и протекал малый источник проточной ключевой воды. И, остановившись у пещеры, помолился преподобный. Когда же окончил молитву и сказал «аминь», то сел сам и мне велел сесть рядом с собою: и так продолжали мы беседу, возвещая друг другу милости Господни. Когда же стало солнце склоняться к западу и гаснуть день, тогда увидел я лежащий между нами хлеб чистый и приготовленную для питья воду; и сказал мне блаженный тот старец:

— Вкуси, брат, положенного пред тобою хлеба и подкрепи силы: вижу я, что изнемог ты от голода и жажды, и от труда дорожного.

Я же ответил ему:

— Жив, Господь мой! Он — Свидетель мне, что не стану я есть и пить один, если ты сам не будешь есть со мною!

Но он не соглашался. И долго я просил его о том, и едва мог умолить его. Тогда взяли мы хлеб в руки, переломили, ели и насытились, и еще остались остатки хлеба. И испили мы воды, и благодарили Бога, и всю ночь ту пробыли на молитве.

Когда же возсиял день, то заметил я на утреннем пении, что изменился в лице преподобный, и устрасался я перемене этой. Он же, провидя страх мой, сказал мне:

— Не бойся, брат мой Пафнутий! Милосердный ко всем Бог послал тебя ко мне, чтобы ты предал погребению тело мое, ибо в нынешний день окончится временное житие мое, и перейду в жизнь безконечную ко Христу моему в покой вечный.

Был же день тот двенадцатый месяца июня. И дал мне, Пафнутию, завет свой преподобный Онуфрий:

— Когда возвратишься ты, брат мой возлюбленный, в Египет, поминай меня тогда пред лицом братии и всех христиан!

Я же сказал ему:

— Отец святой! Я желаю по исходе твоём из тела, пребыть здесь на твоём месте.

Отвечал мне преподобный:

— Не для того, дитя мое, послан ты Богом в эту пустыню, чтобы иметь в ней пребывание, но для того, чтобы видеть рабов Его, возвратиться затем домой и поведать добродетельное житие их братьям, на пользу слышащим и во славу Христа Бога нашего. Иди же, дитя мое, в Египет в монастырь свой и в иные и поведай, что видел уже и слышал ты в пустыне, а также и то, что еще увидишь и услышишь. Сам же пребудь в делах добрых, работая Христу Богу.

И пал я после слов этих пред честными его ногами, и сказал я:

— Благослови меня, отец честнейший, и помолися обо мне: да удостоит меня Бог Своей милости, и да сподобит меня Спаситель мой видеть святую твою в жизни будущего века, как удостоил того и в этой жизни при временной.

И поднял меня преподобный Онуфрий с земли и сказал мне:

— Пафнутий, дитя мое! оправдает веру твою Бог и исполнит прошение твое. Благословит Он тебя, утвердит в любви твоей и просветит очи твои к Боговидению, избавит тебя от всякого падения и сетей противника — дьявола и усовершит в тебе начинания твои добрые; сохранят тебя Ангелы Его во всех путях твоих и соблюдут тебя от врагов невидимых, да не обретут они в чем обвинить тебя пред Богом в честь испытания грозного!

И затем дал мне преподобный отец последнее о Господе целование и начал молиться Богу со слезами обильными и многим воздыханием. Преклонив колени и помоляся довольно, возлег он на землю и изрек последнее свое слово:

— В руки Твои, Боже мой, предаю дух мой!

И при словах этих, осиял его с небес свет дивный, и в осиянии того света, с веселием радости на лице своем, испустил он дух свой. И во мгновение то услышал я в воздухе глас пения Ангелов Божиих, поющих и бла-

гословляющих Бога: то возносила к Господу душа преподобного, принятая с радостью на руки Ангельские. И рыдал я, и плакал я над честным его телом, ибо не успел я приобрести отца, как тут же его и лишился. И сорвал я с себя одежду мою, отодрал подшивку ее и ею прикрыл тело святого, а верхом одежды моей вновь одел тело мое, чтобы не нагим возвратиться мне к братии моей монастырской. И нашел я камень великий, в котором не руками человеческими, но Божиим смотрением, устроено было углубление наподобие гроба: и положил я в том камне с подобающими песнопениями святое тело угодника Божьего. И, собрав множество камня мелкого, покрыл я тем камнем честное тело преподобного.

Когда же я стал молиться Богу, чтобы даровал Он мне жить на том месте и только хотел, было, пойти в ту пещеру, как в то же мгновение, на глазах моих, разрушившись, пала пещера и пала с корнем пальма, питавшая святого, и иссяк источник воды ключевой. Когда же увидел я совершившееся, то познал я, что нет благоволения Божьего на то, чтобы жить мне на том месте. И собрался я уходить оттуда; съел я куски хлеба, оставшиеся от вчерашнего дня, выпил и остатки воды в сосуде и, воздев руки к небу и возведя очи, помолился. И увидел я того же мужа, которого видел и прежде, направляясь в пустыню; и тот, укрепив силы мои, пошел вперед предо мною. Исходя же оттуда, скорбел я о кончине святого Онуфрия и о том, что не удостоился дольше видеть его в живых, но скорбь свою растворял я радостью души моей, что сподобился насладиться святою его беседою и благословение от уст его принял. И так двинулся я в путь, благодаря и прославляя Бога.

III

Четыре дня шел я и дошел до некоей кельи, находящейся вместе с пещерою на высоком плоскогории. Вошел я в нее и, не найдя в ней ничего, посидел немного, размышляя в себе: есть ли в келии этой, куда привел меня Бог, кто-либо из числа живых? И пока помышлял я об этом, вошел некий святой муж, сединами украшенный; вид же его был чуден и благолепен, и был он одет в одежду, сплетенную из пальмовых ветвей. И как только увидел он меня, тотчас же сказал мне:

— Не ты ли брат Пафнутий, предавший погребению тело преподобного Онуфрия?

И уразумел я, что то было ему откровение от Бога; и припал я к ногам его. Он же приветливо сказал мне:

— Встань, брат! Бог сподобил тебя быть другом святых, ибо от Промысла Его уведал я, что ты придешь ко мне. Открою тебе, брат мой возлюбленный, что шестьдесят уже лет протекло над пребыванием моим в этой пустыне, и не видел я иного ко мне приходящего, кроме братий со мной обитающих.

Пока же говорили мы между собой, вошли трое других, святым подобных, старцев и, как вошли, сказали:

— Благослови брат! Ты брат Пафнутий, наш сотрудник о Господе, и ты погребал тело святого Онуфрия. Радуйся же, брат наш: великую ты сподобился видеть благодать Божию! О тебе же возвестил нам Господь, что сегодня ты должен прийти к нам и что повелел Он тебе один день пробыть с нами. Вот, уже шестьдесят лет прошло, как мы пребываем в этой пустыне, живя отдельно друг от друга и собираясь вместе в субботу ко дню воскресному. И не видели мы за все время человека: тебя только первого ныне видим.

Когда же беседовали мы между собою о преподобном отце Онуфрии и об иных святых, и когда два часа протекли в этой беседе, сказали они мне:

— Вкуси, брат, немного хлеба и укрепи сердце твое, ибо издалека пришел ты, и следует нам поэтому попраздновать с тобою.

И вставши, сотворили мы единодушно молитву к Богу, и увидели пред собою пять хлебов чистых, прекрасных, мягких и теплых, как бы только сейчас испеченных. Принесли же отцы те и еще кое-что из плодов земных и съели, и ели вместе. И сказали они мне:

— Как уже и говорили мы тебе, — шестьдесят лет пребываем мы в этой пустыне, — и всегда только четыре хлеба приносились неведомо нам повелением Божиим; а пришел ты, — и пятый хлеб был нам послан. Откуда же приносятся они нам, то нам неведомо; но всякий день каждый из нас, входя в свою хижину, находит в ней по одному хлебу. Когда же, ко дню воскресному, соберемся мы сюда вместе, то четыре здесь находим хлеба, по одному из каждого из нас.

И вкусили мы от трапезы той, и благодарили Бога. День уже склонялся к вечеру, и наставала ночь. Стали мы с вечера субботнего на молитву и провели всю ночь без сна, молились до света дня воскресного. Когда же настало утро, стал я молить тех святых отцов, чтобы повелели они мне остаться с ними до самой моей смерти. Они же на мольбы мои ответили мне:

— Нет изволения Божьего на пребывание твое с нами в этой пустыне, ибо надлежит тебе идти в Египет и христолюбивой братии открыть все, что ты видел: да будет же то в память нашу, а слышашим на пользу.

Когда же дали они мне такой ответ, тогда стал я молить их, чтобы сказали они мне имена свои; но они не пожелали мне их поведать. И долго, усердно молил я их о том, но не было мне успеха; только одно сказали мне они:

— Всеведущ Бог, Тот и имена наши знает. Поминай же нас, брат, и молись о нас, да сподобимся видеть друг друга в небесных обителях Божиих. Бегай, возлюбленный, мирских искушений, чтобы не быть тебе от них посправленным, ибо обольстили они уже многих.

И, слышав слова этих преподобных, припал я к ногам их, и, получив от них благословение, отошел с миром Божиим в путь мой.

И предсказали мне нечто отцы те, что и сбылось с течением времени.

IV

Уйдя оттуда, шел я глубочайшею пустынею день один и, дойдя до некоей пещеры, при которой был источник ключевой воды, присел я там отдохнуть. И залюбовался я красотою места того: так было прекрасно то место. Там, по берегам источника, росло множество садовых деревьев, и все они были отягчены разнообразнейшими чудными плодами. Отдохнул я немного, встал и пошел пройтись под тенью тех деревьев, дивясь чрезвычайному обилию плодов их. И размышлял я в себе: кто это был, кто насадил здесь все это?.. Каких, каких только плодов там не было! И плоды финиковых пальм, и — лимонных деревьев, и чудные, крупные яблоки, и смоквы, и винные ягоды; и рделись там виноградные лозы, обремененные крупными гроздьями; и были там иные плодовые деревья, плоды которых на вкус слаще меда были. И от всех плодов тех исходило благоухание великое: и все наслаждения те дивные поились струями воды ключевой протекавшего между ними источника. И мнил я, что рай это Божий. И когда любовался я на красоту ту прекрасную, издалека показались мне идущие ко мне из пустыни четыре красоты неописанной юности, опоясанные по чреслам своим овечьими шкурами. И, приблизившись ко мне, они мне сказали:

— Здравствуй, брат наш Пафнутий!

И пал я ниц на землю, и поклонился им. И, подняв меня, сели они со мною, и повели мы между собою беседу. И такую благодатью Божиею сияли их лица, что казалось, мне не человекам вижу в них, а Господних Ангелов, с неба сошедших. И радовались они приходу моему и, срывая плоды с деревьев, предлагали мне их в пищу: и от любви их преисполнилось сердце мое веселия. Семь дней пробыл я у них, питаюсь плодами с тех деревьев.

И спросил я их:

— Как пришли вы сюда, и откуда вы родом?

Отвечали же они мне:

— Так как послан ты к нам Богом, то мы откроем тебе житие наше. Мы из города, называемого Оксирих; родители наши были старейшинами того города. Желая отдать нас в обучение книжное, отдали они нас в одно училище, и мы скоро научились там грамоте. Когда же начали мы обучаться высшим наукам, то положили себе начать учиться и Божией духовной премудрости. И помог нам в этом Господь: каждый день сходились мы между собою и возбуждали друг друга к служению Богу. С таким-то добрым намерением в сердце, задумали мы поискать где-нибудь уединенное место и пребыть на нем несколько дней в молитве, чтобы уведомить нас Божью о нас волю. И взяли мы на каждого понемногу хлеба и воды, и чтобы только хватило не более как дней на семь, и с этим вышли из города. Когда же чрез несколько дней пути достигли мы пустыни и вступили в нее, тогда внезапно открылись нам духовные наши очи, и узрели мы пред собою некоего светлого мужа, сияющего небесной славой: взял он нас за руки, повел и привел на то место, которое ты видишь, поручив нас некоему престарелому мужу, работавшему здесь Богу. И вот, пошел уже шестой год, как здесь мы пребываем. Со старцем же тем пробыли вместе год один, и когда год тот исполнился, ко Господу преставился отец наш, и с того времени мы одни... Вот и открыли мы тебе, брат наш возлюбленный, откуда мы родом, и как сюда прибыли. Во все шесть лет нашего здесь пребывания не вкусили мы ни хлеба, ни иного чего, только от этих садовых плодов и питались. Пребывает же каждый из нас отдельно на своем безмолвии. Когда же приходит суббота, то сходимся мы все на это место, чтобы видеть друг друга и вместе утешаться о Господе. И так пробудем мы вместе два дня, субботу и воскресенье, и опять расходимся каждый на свое пребывание.

— Где же причащаетесь вы в субботу и воскресенье Божественных Таин Пречистого Тела и Крови Христа Спасителя нашего? — спросил их я, смиренный Пафнутий.

И ответили мне они:

— Из-за того-то и собираемся мы здесь всякую субботу и воскресенье, ибо Ангел святой и пресветлый, посылаемый Богом, приходит к нам и преподает нам святое Причащение.

И весьма возрадовался я, слыша это, и решил дожидаться у них субботы, чтобы и мне сподобиться видеть святого Ангела и из рук его принять Божественное причащение. И пробыл я у них до субботы. И они, ради меня, пробыли со мною на том месте, не расходясь на свое безмолвие. И провели

мы дни те в славословии Бога и в молитвах, вкушая от плодов садовых и утоляя жажду водою источника.

Когда же наступила суббота, сказали мне те рабы Христовы:

— Готовься, брат любимый, ибо сегодня явится Ангел Божий и принесет нам Божественное Причащение. Кто от рук его удостоится приобщиться, тому оставляются все его согрешения, страшен тот становится бесам, и не может к нему приблизиться искушение сатанинское.

И пока говорили они мне это, ощутил я благоухание великое, как бы от дивного фимиама и драгоценных благовоний. И дивился я, ибо никогда и нигде, не ощущал я такого запаха сладкого. И спросил я:

— Откуда исходит благоухание такое неизреченное?

Они же ответили мне:

— То приближается Ангел Господень с Пречистыми Тайнами Христа и Бога нашего.

И тотчас же стали мы на молитву, и начали петь и славословить Христа Царя Бога нашего. И осиял нас внезапно с небес свет предивный, и увиден был сходящий с неба Ангел Господень. И был блеск его, как блеск молнии. И пал я ниц на землю от страха. Они же подняли меня и не велели бояться. И узрел я представшего нам Ангела Божия в образе юноши прекрасного; красоты же его мне описать никак невозможно. И держал он в руке потир святой с Причащением Божественным. И к тем Тайнам Святым по одному приступали те рабы Божии, а по ним приступил и я, грешный и недостойный, с великим трепетом и ужасом, но и с неизреченной радостью: и так сподобился я причаститься Пречистых Таин Христовых от рук Ангельских. Когда же причащались мы, то слышали глас Ангела, говорящего:

— Тело и Кровь Господа Иисуса Христа Бога нашего да будет в вас пищей нетленной, непрестающим веселием и жизнью вечною!

И мы отвечали:

— Аминь!

По святом же том Причащении, приняли мы благословение от преславного того Ангела, и он на глазах наших восшел на небеса; мы же пали на землю и поклонились Богу, благодаря за такую великую благодать Его. И как же велика была радость в сердцах наших! Не на земле мнилось мне быть, а на небе. И от той радости великой духовной был я в исступлении, как бы вне себя от восторга.

И принесли затем те святые рабы Божии плоды садовые, и сели мы, и вкусили. Когда же прошел день субботний, и настала ночь, то провели мы ту ночь без сна в псалмопении и славословии Божиим. В день же воскрес-

ный удостоились мы той же благодати Божией, что и в субботу: тот же Ангел Божий, в том же виде и образом тем же сошел к нам и причастил нас и превеликой исполнил радости сердца наши. Осмелел я тогда, принял на себя дерзновение и стал молить Ангела, чтобы повелел он мне пребывать до конца моей жизни на месте том со святыми рабами Божиими. Но сказал мне на это Ангел:

— Не угодно Богу, чтобы ты жил здесь; повелевает Он тебе, не медля, идти в Египет и рассказать братьям, что ты видел и слышал в пустыне, чтобы и они приложили усердие проводить жизнь добрую и угодить Владыке Христу. Поведай же особливо житие и кончину блаженную преподобного Онуфрия, тело которого ты в камне предал погребению, и возвести братии все, что услышал ты из уст его. Блажен и ты, что удостоился видеть и слышать чудесное то и дивное величие Божие, которое совершалось на святых Его в этой пустыне. Пребуди же в уповании на Господа, что и тебя в жизни будущей причтет Он к тем же святым, которых ты видел и с кем имел ты беседы. Иди же сегодня в путь твой, и да будет мир Божий с тобою!

Сказал это Ангел и восшел на небеса. И от тех слов Ангельских исполнился я такого страха и радости, что не стало силы во мне, и как бы вне себя, пал я на землю. Святые же рабы Божии помогли мне подняться и, утешая меня, предложили свою трапезу. И вкусили мы, и благодарили Бога. Дав затем целование святым, пошел я в путь свой; они же дали мне на дорогу плодов садовых и проводили меня около пяти миллиарий. И просил я их сказать мне имена свои. И они мне сказали: первый — Иоанн, второй — Андрей, третий — Иракламвон, четвертый — Феофил. И повелели они мне сказать братии имена их для поминовения, а я молил их поминать и меня в молитвах их святых. И, вновь дав друг другу целование о Господе, разошлись мы: они — в свое место, а я своим путем — в Египет.

V

И когда шел я пустыней, был печален и радостен вместе: печалился о том я, что лишился лицезрения и сладкой беседы таких Божиих угодников, которых и мир весь недостоин; а радовался я тому, что удостоился их благословения, видения Ангельского и из рук Ангельских Причащения Божественного. По трех же днях пути дошел я до одного скита и нашел в нем двух братьев-отшельников; и отдыхал я у них десять дней, и рассказывал им все виденное и слышанное мною в пустыне. И слушали они меня с великим умилением и радостью; и сказал мне они:

— Воистину, отец Пафнутий, великой ты сподобился благодати Божией, даровавшей тебе видеть таких рабов Божиих.

Были же и эти два брата добродетельны и любили они Бога от всего сердца. И записали они все, что из уст моих слышали. Простившись с ними, я отошел в монастырь свой, а они запись сказания моего понесли ко всем скитским отцам и братьям, и получали от нее пользу великую все ее читавшие и слышавшие, и благословляли Бога, дивно являющего милость Свою на рабах Своих. И положили они книгу записи той в церкви, чтобы желающие могли читать ее, ибо исполнена она назидания духовного и богомыслия. Я же, нижайший из рабов, Пафнутий, не по достоинству сподобившийся такой милости Божией, возвещаю всем и устами моими, и писанием то, что повелено было мне возвестить во славу Божию и в память святых Его, и на пользу ищущим душе своей спасения. Благодать же и мир Господа нашего Иисуса Христа, молитвами угодивших Ему святых и преподобных отцов наших да пребудет с вами ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

*

Так вот о чем, читатель дорогой, поведали нам «звезды пустыни».

В час полночного молчанья,
Отгнав обманы снов,
Ты взглядишь душой в писанья
Галилейских рыбаков...

Истинно, вера наша Христова заключена вся не в словах премудрости земной, а в явлениях силы и духа.

Молитвам преподобных пустыни Египетской да простит и сохранит нас Господь и в этом веке, и в будущем!

Оптина пустынь
27 февраля 1909 г.

ТАЙНА ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА*

(Письмо С. А. Нилуса)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Нижеследующие соображения С. А. Нилуса составляют не статью в собственном смысле, а отрывок из переписки: Сергей Александрович Нилус, известный талантливymi описаниями почитаемых мест богомолья и достопримечательных явлений духовной жизни (особенно Святого Серафима Саровского), принадлежит к числу немалочисленных ныне лиц, убежденных в близости пришествия антихриста и конца мира. Однажды уже в бытность мою издателем Московских Ведомостей¹ он прислал для напечатания в газете форменное предостережение верующим под заглавием «Ганнибал у ворот», разумея под Ганнибалом именно антихриста. Я не считал возможным дать место этой статье ввиду того, что не нашел ее фактически обоснованной. Но сам интересуясь вопросами эсхатологии, я время от времени обменивался с С. А. Нилусом письмами, затдевавшими этот предмет. Недавно он высказал мне свое безусловно отрицательное отношение к созыву Поместного Собора именно потому, что «Держай» уже «отпнят от среды» (это место апостола Павла известно всем, занимавшимся вопросами эсхатологии), и так как я в этом решительно усумнился, то С. А. Нилус ответил мне длинным посланием с подробным объяснением «тайны печати антихриста». С разрешения автора, я решил опубликовать его.

Но что касается возможности созвать Собор действительно «благодатный», я в этом отношении остаюсь при своем мнении, как и вообще при мнении об обязанностях и значении борьбы нашей против мирового зла, о чем пишу особо.

Л. А. Тихомиров²

* Принесом благодарность Ф. Николаеву, предоставившему нам данные об этой статье.

ПИСЬМО С. А. НИЛУСА

Оптина Пустынь
9 сентября 1910 г.

Дорогой Лев Александрович!

Долгом своей христианской совести и моего содружества с Вами считаю совершенно необходимым поделиться с Вами тем, что для меня представляется *знанием* (не гаданием). Под сим я имею в виду тайну антихристовой печати и звериного числа 666, ныне уже явленную миру и действующую в нем открыто и без всякого противодействия со стороны как Государства, так и Церкви (разумею — официальной).

Предмет значителен и важен и кроме того интересен. Не взыщите, если не буду краток.

С того момента, как мне пришлось впервые ознакомиться с известными Вам «Протоколами Сионских мудрецов» (тому уже прошло с лишним десять лет), я стал добиваться проникновения в суть тайны масонства, предчувствуя в нем скрытого врага не столько даже христианской государственности, сколько Господа нашего Иисуса Христа. Что я на пути своих исканий перевидал по литературе предмета, перечитал и передумал, про то писать Вам здесь не место. Но из всего, доставшегося моему разумению по сему вопросу, я вынес ясное и категорическое заключение, что нашему времени досталось в удел быть свидетелем и участником того момента вселенской трагедии, который в Апокалипсисе изображен 7-м стихом главы XX-й и который представляет собою ничто иное, как последний акт богоборчества дьявола с Триипостасным.

Что это так и что этого уже не скрывает само масонство, — видно было из того, что еще в 1884 году орган итальянского масонства «La Rivista della Massoneria Italiana» — в ответ на предупреждение папы Льва XIII, что «Vexilla regis prodeunt inferni»* — ответил такими словами: «Да, да! Знамена властителя ада двигаются вперед. И нет сознательного человека, любящего свою родину, который не встал бы под эти хоругви франкмасонства».

Вам известно понаслышке, что дьявол является или подвижникам благочестия, или людям, поработившим себя греху, то есть — или тем, кто его одолел, или тому, кого он одолел. Современный мир «он», видимо, признал уже безповоротно своим уделом и посему не скрывается от него.

* «Знамена князя ада двигаются вперед» (лат.). — *Сост.*

Еще в изданиях русских масонов времен Александра I и ранее мне доводилось видеть некую геометрическую фигуру, изображенную так:

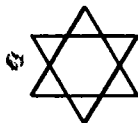
и под ней надписанное — «*Тайна шестидневного творения*».

Велико было мое изумление, когда из источников новейших изысканий в области еврейско-масонского засилья во Франции, приводимых Дрюмоном³ с присными, я узнал, что эта геометрическая фигура, «тайна шестидневного творения», есть фигура каббалы, так называемая «каббалистическая тетраграмма», без которой нельзя будто бы произвести ни одного оккультного действия. Узнал я и то, что фигура эта в то же время служит и большой государственной, так сказать, печатью масонства, причем в этом своем назначении она изображается так:

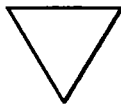

Круг. Два взаимопересекающиеся равносторонние равные треугольника, из которых один обращен вершиною вверх, а другой — вершиною вниз, и цифра 6, помещенная в каждом углу обоих треугольников.

Узнал я, что существуют еще две разновидности этой печати, как бы средняя и малая печати того же масонства, причем средняя изображается так:

а малая так:

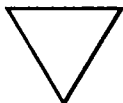
Когда я окончательно пришел к заключению, что масонство есть богоборство диавола, производимое им чрез создание Божие — человека против Богочеловека Ипостаси Пресвятыя Троицы, то я во всех этих разновидностях масонской печати с очевидной ясностью усмотрел ничто иное, как графическое изображение этого богоборства, этой извечной борьбы диавола с Триипостасным Богом.

Прислушайтесь:

Круг есть вечность.

вершиною вниз — диавол.

Взаимопересечение — борьба.

Святая Церковь, как известно, изображает Пресвятую Троицу фигурой равностороннего треугольника, обращенною вершиною вверх, помещая иногда внутри или Всевидящее Око, или начертание Имени Божия.

По Откровению, диавол возомнил себя *быти равным Богу*. Равный первому треугольник, но обращенный вершиною вниз, и есть изображение гордыни диавола и его самого, яко гордыни, а также и существа его дела, прямо противоположного делу Божию, не без свидетельства также и о том, что сатана свергнут с неба (вершина обращена вниз).

Начавшееся в вечности, но, по Писанию, в некоторое определенное время (по Преданию, во время Совета Божия о создании человека с его высоким предназначением), богоборство диавола устремляется в вечность. Тетраграммой или масонской печатью *богоборство* изображается графическим *взаимопересечением* равных треугольников, а *извечность* — кругом...

Кажется — ясно? Ясно, конечно, только нашим дням, которым *дано* знать, что такое культ сатаны.

Далее: что должны изображать собою цифры 6, поставленные в каждом углу треугольника?

По толкованию Св. Отцов, цифра 7 есть изображение настоящего века от Сотворения мира и до Страшного Суда Господня. Век будущий тем же толкованием изображается цифрою 8.

Таким образом, тот век, о котором Св. Писание и Предание свидетельствует как о веке предшествовавшем веку творения, и вместе как о веке отпадения Денницы-Люцифера от Бога, начертанием цифровым *логически* может обозначать только цифрою 6.

В треугольнике три угла:

Три угла — три шестерки: 666.

Число зверя. Но оно же и «число человеческое», во-первых, потому, что угол равностороннего треугольника = 60° , а во-вторых, потому, что оно будет и именем антихриста. Но об этом последнем значении числа зверя

толковать преждевременно, ибо антихриста еще нет в явлении, а я свидетельствую только о том, *что есть*.

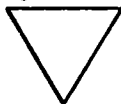
Цель еврейского масонства — образовать *всемирное братство (?)* с общим для всех царем-богом от «семени Давида». Ясно, что «и сеющий, и жнущий едину мзду примут», и печать масонства будет печатью и «царя-бога» (человека-бога), то есть по-нашему *антихриста*.

Большой печати антихриста мы в обращении повседневном не видим, кроме разве специфических изданий явно или прикровенно антихристианских; ну, а средняя и малая печать в таком теперь обращении, что без средней ни одна иллюминация не обходится.

Этот же знак красуется и на синагогах, и на папиросках «Сион» Илика в Харькове, и на многих мануфактурных изделиях; вместо креста его же воздвигают на шестах на новых стройках в Западном крае и всюду в черте оседлости; он же красуется на кружках по сбору пожертвований на сионистов и на выселение в Палестину семитов; его же (так мне свидетельствовали боголюбцы) накладывали на правую руку во время забастовки в 1905 году тем, кто вступал, снимая с себя крест, в ряды «боевиков» Московской революции...

Что касается малой печати, изображающей собою дьявола:

то под эту печатью вы и мы ездим во вновь окрашенных вагонах российских железных дорог, ибо номер вагона изображается теперь в равностороннем треугольнике, обращенном вершиною вниз. Если захотите проследить, то эту печать Вы найдете на многих предметах домашнего хозяйства. Мы ее нашли в чайных ложках финляндского изделия и т.д.

Но тайну беззакония масонско-антихристовой печати мы не исчерпали еще во всей ее кощунственной сущности. Она еще глубже («глубины сатанинские»), еще омерзительно-ужаснее: она изображает собою чаяние сатаны и его слуг конечной победы его над Богом и воцарения дьявола самодержавно над всей вселенной. Тайна эта усматривается из того, что в круге вечности (на большой печати) от взаимопересечения треугольников образуется новая фигура — шестиконечной звезды, «звезды бога вашего Ремфана»⁴ (Амос V, 26), что то же — Денницы.

«Велия же беззакония тайна» в том и состоит, что диавол масонов-люцифериан есть по вере их будто бы бог добра, а Пресвятая Троица (прости меня, Господи!) — Бог зла, а также и в том, что царство диавола заменит собою царство Божие...

Может ли быть тайна беззакония, которая по кощунству и беззаконию была бы подобна изложенной?

Уверенно говорю: *нет*.

«Ваш отец — диавол» (Иоан. VIII, 38—44).

«...Говорят, что они иудеи; а они не таковы, но сборище сатанинское» (Ап. II, 9; III, 9).

Думается мне, что — согласитесь ли Вы или не согласитесь с моим толкованием — Вы все-таки не пожалеете времени, потраченного на ознакомление с ним.

В дополнение к изложенному позвольте мне привести здесь нечто вроде послесловия. *Беззаконное* время, нами переживаемое, настолько чревато всякого рода знаменами и предуказаниями на конечное осуществление во всем явно ныне отступническом мире уже раскрытой многим «тайны беззакония», о которой свидетельствовал некогда Св. Апостол Павел, — что после мною сказанного, казалось бы, не лезть бы ми и глаголати. Для всякого внимательного христианина ныне стало ясным, что даже сам отступнический мир и тот весь насыщен предчувствием близкого явления некоего сверхчеловека, который «придет и устроит все». Одни ожидают его в виде хилиастического Христа (Бейнинген, адвентисты), другие — в виде царя Сионской крови, мессии (евреи и масоны), а мы, православные христиане — в образе «человека греха и сына погибели» — *антихриста*. Не этим ли мировым предчувствием охвачены души писателей Запада, создающих произведения подобные книге Торна⁵ «Когда наступит мрак», столь на шумевшей в обоих полушариях нашей грешной и многогрешной земли? Не им ли был охвачен выдающийся мыслитель Востока В. С. Соловьев⁶, возвысившийся до создания своих «Трех разговоров»? Не оно ли загоняет наш простой православный народ в дебри иоаннитских и адвентистских сект? Не оно ли побуждает обезверившуюся интеллигенцию всего мира, и русскую в частности, ожидать явления некоего сверхчеловека? Не оно ли, наконец, дало при всеобщей протрации измельчавшего духа глаголемых христиан такую непомерную силу и власть еврейско-масонскому мировому засилью, пригнувшему во прах под пяту свою народы, правительства и троны, бросив в «безначалие» все общества и союзы человеческие?..

...Слиозберги⁷, Эрентали⁸, Бетман-Гольвеги⁹, Луццати¹⁰, Натаны* с их «королями» Ротшильдами¹², которым наследник австрийского престола делает визиты, — все это еврейское сверхправление «христианскими» государствами не свидетельствует ли о том, что «звезда бога Ремфана», «скинии Молоховой»¹³ и современной синагоги должна вскоре засиять на тнаре царя царей, первосвященника и человеко-бога, чаемого мессии тех, коих «отец», но по слову Мессии-истинного — «диавол»?

Кто по совести ответит отрицательно на все эти вопросы?

Посему надлежало бы мне, поставив эти вопросы, и умолкнуть, предоставив дальнейшее о сем слово имеющим благодать и власть Апостольскую, если бы не настояло нужды отметить еще одно обстоятельство, которое, по-видимому, не оставило должного впечатления ни в сердцах, ни в умах «Стражей дома Израилева». В № 12173 от 31-го января сего 1910 года газеты *Новое Время* появилась статья, озаглавленная —

«Сэр Макс Ветчер»

Вот что, между прочим, изображено было в ней:

«В Петербурге в настоящее время гостит сэр Макс Ветчер, популярный английский общественный деятель, задавшийся в последние годы грандиозною целью: *объединить*** все европейские государства в одну великую европейскую федерацию на экономических*** началах.

— Мы не поднимаем, — говорит сэр Макс Ветчер, — вопроса о всеобщем разоружении, так как мы того мнения, что этот вопрос будет разрешен отдельными государствами по мере осуществления идей европейской федерации. Желательно лишь, чтобы все государства объединились для совместной защиты Европы, и в этом случае *вопрос о войне и мире должен быть в руках особого европейского комитета, который решает вопрос: быть войне или нет*. Мы имели возможность убедиться, — так продолжает сэр Макс Ветчер, — что наш проект в главных своих чертах встречен повсюду с величайшим вниманием и большим сочувствием, вследствие чего мы и надеемся на *близкое* практическое осуществление наших идей... Моя работа близится к концу... Я надеюсь *создать международную силу, с которой придется считаться и которая сумеет остановить любую войну*».

Как кому, а мне речи эти не звучат утопическим пустозвонством. Почему? Вам на это ответит букет европейских сверхправителей с махровым

* Мэр города Рима — некрещеный жид ¹⁰.

** Ср. Апокалипсис XX гл., 7 и 8 ст.

*** Все забастовки начинались якобы экономическими требованиями.

Ротшильдом посредине и будущий «европейский комитет» с его председателем — грядущим человеко-богом.

Вот почему, дорогой друг, я и решился, в ответ на призыв Нейдгардта¹⁴ «работати Господеви», предложить Вам обратить внимание на ту сторону вопроса, которая была тылом к Вашему наблюдению.

Вы боитесь «большого греха», если будете действовать без церковных полномочий, а я боюсь другого: не назвал бы нас Бог «псами, не умеющими лаять», если мы, зная признаки антихристовы, будем их только сами знать, а не сообщать их и другим щедро — как повелевает Св. Кирилл Иерусалимский...

Ну, будет!

Сердцем Ваш С. Нилус.

ЛЕВ ТИХОМИРОВ

МИРОВАЯ БОРЬБА ДОБРА И ЗЛА (По поводу письма С. А. Нилуса)

Статья С.А. Нилуса «Тайна печати антихриста», возбуждая интерес чисто эсхатологический, в то же время, особенно в глазах самого автора, имеет и чисто-практическую важность. Несомненно, во многих сердцах она найдет отзвук. Не первый в истории и даже среди современников С.А. Нилус приходит к заключению о приближении конца мира. Покойный В.С. Соловьев ушел на тот свет с убеждением, что жизнь человечества изжита, что все, подлежащее совершению, совершено, и что перед нами стоит только конец, вероятно, очень близкий. С.А. Нилус считает этот конец еще более близким, и о его соображениях не может не подумать всякий, верующий реально, а не только философически. Тем не менее, я должен привести к его мнению очень серьезные оговорки.

Вероятно, найдутся читатели, знающие мою брошюру «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира» (2-е изд. [Сергиев Посад], 1907). Она показывает, что я очень не чужд серьезного внимания к эсхатологии, обязательного для христианина. Но обязанности, налагаемые на нас верой, не дают права на то, чтобы в какой бы то ни было момент существования мира складывать руки в борьбе добра и зла на основании личного мнения о будто бы наступающем конце мира.

Мировая жизнь, по христианской философии, представляет борьбу добра и зла, Бога и вечного его врага дьявола. Род человеческий составляет не простой предмет этой борьбы, но и участника в ней. Роль людей в ней не пассивна, а в высшей степени активна. Как мною высказано в брошюре об «Апокалипсическом учении», все перипетии мировой борьбы существенно зависят от действия свободной человеческой воли.

В общей сложности мировая борьба Вечного Добра и вечного зла, Бога и дьявола, начавшаяся еще до сотворения человека, представляет, по христианскому мировоззрению, такие фазисы. В начале своего существования человечество было, так сказать, завоевано дьяволом. Затем пошел долгий период такой выработки человечества, при которой оно могло бы дать место явлению спасающей силы Божией. Такой момент наступил, и в мир явился Спаситель, воплотившийся Бог. Это был момент поражения злой силы и обезпечения спасения человечеству. Начинается христианский период мировой жизни. Однако же, злая сила не складывает оружия и, измышляя некоторую «тайну беззакония», — продолжает борьбу с надеждой снова завоевать человечество. Эти усилия, по учению христианскому, будут некогда увенчаны успехом (царство антихриста), но недолговременным, так как вторичное пришествие Христа сокрушит уже навеки власть дьявола. Тогда настанет момент суда, момент конца нынешнего мира, и начало новой эпохи существования (Царствие Божие).

Насколько можно разгадать пророческое указание на ход истории за протяженность времени от первого до второго пришествия Спасителя, он распадается на семь эпох различного характера. Но продолжительность как всего этого времени, так и каждой эпохи в отдельности, не predetermined как-нибудь насильственно для человека, а зависит также и от направления его свободного предпочтения быть с Божественной силой добра или с силой зла (дьяволом).

Наступление конца мира, пришествие антихриста, а затем второе пришествие Христа — могли бы произойти уже очень давно, еще во времена апостольские. Уже при них считали возможным пришествие антихриста, и сам Тайнозритель, Иоанн Богослов, допускал возможность того, что тогда было уже «последнее время». И, однако, в действительности оно не наступило с тех пор в течение почти двух тысяч лет. Если бы действительно свобода воли людей во времена апостола Иоанна выразилась бы в предпочтении злой силы, то конец мира наступил бы тогда же. Антихрист действительно быстро вырос бы из каких-нибудь мелких антихристов той эпохи. Спаситель и апостолы предупреждали христиан быть всегда наготове. Но самое это предупреждение вызывало новые порывы свободной воли к тому, чтобы быть

со Христом, к созиданию из себя Тела Христова, и, предвидя еще великое множество способов ко спасению, Господь не отнимал от человечества (от «среды») того «удерживающего», при котором нельзя явиться царству антихриста.

Так было при Апостолах, так было и потом. Антихрист, мне кажется, всегда готов явиться, как только его пустят сами же люди (настроение их свободной воли). В определении сроков мировой жизни участвует, как высказано в упоминаемой брошюре, три элемента: два постоянных и один переменный. Сатана в каждую минуту готов завладеть миром. Спасительная благодать Божия всегда готова защищать людей. Но сам человек, напряжение его свободной воли искать Бога или сатану, представляет величину переменную, действие которой весьма важно для решения продолжительности каждого срока.

Нечего и говорить о том, что в настоящее время власть антихриста возрастает неимоверно. В нравственном состоянии человека, в его умственных представлениях все больше и больше идет полный разрыв с Христианством и с Богом. Вкусы и мечты современного человечества все более запечатлеваются совершенно сатанинским элементом отрицания власти Бога, убеждением и желанием жить по своему произволу. Это в основе и есть то самое настроение, с которого начал сатана в предмировую эпоху. Теперь это вторичное завоевание рода человеческого сатанинским элементом, подготовляемое множеством способов, достигло необычайной степени. Но наступает ли конец или нет — этого никто не может знать, и нет сомнения, что если бы теперь свободная воля людей, хотя бы ужаснувшись мерзостью создаваемых ими деяний, устремилась снова сердцем к Богу, то антихрист, уже совсем готовый войти в наши двери («Ганнибал у ворот», как говорит С. А. Нилус), был бы снова отброшен до более благоприятного для него момента.

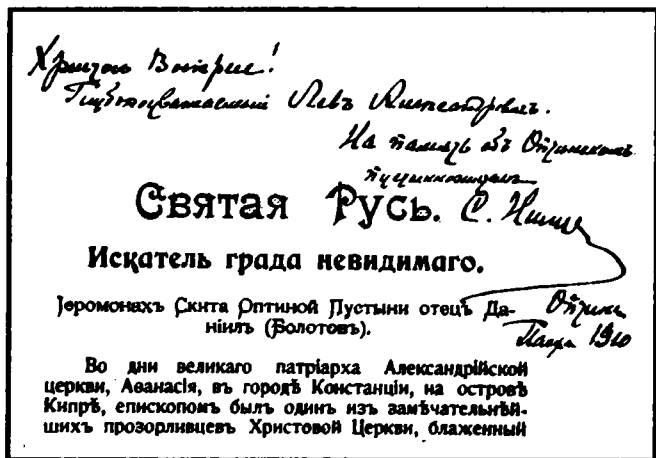
Когда наступит этот момент — гадать об этом трудно. Не раз его ожидали. Упоминаемый С. А. Нилусом св. Кирилл Иерусалимский находил, что уже все предсказания исполнились... И, однако, ожидаемый им конец не наступил. Теперь времена, пожалуй, похуже, чем при Юлиане и арианах, когда жил св. Кирилл Иерусалимский. Но — конец ли приходит — это все-таки для меня вопрос.

В той же брошюре «Апокалипсическое учение» я приходил к заключению, что христианская эпоха распадается на семь частей, из которых четыре, по-видимому, уже пережиты, пятая же переживается (так называемая Сардикийская), и она, действительно, по гнусности своей весьма похожа на описание, даваемое ей в Апокалипсисе. В нем —

эта эпоха представляет время крайнего развращения христианского мира, но она все-таки лишь пятая эпоха, и за нею, по Апокалипсису (если я его верно понимаю), должно предвидеть великую эпоху духовного возрождения (Филадельфийскую), одну из самых светлых, и лишь по ее окончании должна наступить последняя эпоха мира (Лаодикийская), которая своим развращением затмит, по-видимому, все предшествовавшие примеры.

Конечно, все это — гадания, которые можно считать кому угодно произвольными, и притом гадания, не имеющие церковной авторизации. Но, как бы кто ни отнесся к ним, христиане имеют все же прямое предписание бороться всегда за дело Божие, не смущаясь никакими предвидениями конца. Эта борьба не только за свою душу, но и за господство Божие в человечестве, составляет нашу обязанность и теперь. Чтение же Апокалипсических описаний и предсказаний, во всяком случае, может ободрять современных христиан надеждой на победу не только личную, но еще раз на мировую победу Филадельфийской эпохи. Как бы ни велико было ныне очевидное торжество антихристианства, — это еще, по-видимому, не конец, и перед человечеством еще блещит маяк новой победы над злом и новой славной эпохи торжества христианства...

И потому мы должны, ничем не смущаясь, продолжать борьбу за власть Божию в мире. В числе прочих проявлений этой деятельности мы должны созвать и свой Поместный Собор, который даст нам возможность всецерковно сообразиться с обстоятельствами. А если старания окажутся бесплодными, и современная борьба обманет надежды — что же? При нас останется, во всяком случае, сознание исполненного долга.

Дарственная надпись С. А. Нилуса Л. А. Тихомирову на отдельном оттиске очерка «Искатель града невидимаго». Пасха 1910 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДНЕ ВТОРОГО СТРАШНОГО ПРИШЕСТВИЯ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА И КОНЧИНЫ МИРА

Фрагменты послесловия к книге «Великое в малом»

Ниже публикуются несколько фрагментов, входивших в «Послесловие» изданий 1905, 1911, 1911[—1912] гг. 2-й части книги «Великое в малом» — «Близ грядущий антихрист», но не включенных в 4-е издание, сделавшееся уже отдельной книгой «Близ есть, при дверех» (январь 1917). 1-й фрагмент [VIII Вселенский Собор] опубликован в издании 1905 г. 2-й фрагмент [1933-й год] имеется в рукописи издания 1911 г. (отдельного издания 2-й части «Близ грядущий антихрист»). 3-й фрагмент [Вспомните Ниневию!] опубликован в издании 1911[—1912] г. (1-й и 2-й части). В оригиналах эти фрагменты не имеют названий. Они даны редакцией в согласии с темой каждого, с использованием лексики самого С. А. Нилуса. Общий заголовок «Несколько слов о Дне Второго Страшного Пришествия Господа Иисуса Христа и кончины мира» был дан писателем «Послесловию» в отдельном издании 2-й части «Великого в малом» 1911 года.

Первый фрагмент входил в раздел «А» «Послесловия» в Царско-сельском издании (1905, с. 405—417). В последующих редакциях Нилус значительно изменил это место, касающееся предполагаемого созыва VIII Вселенского Собора.

Идея VIII Собора, весьма далекая по своей сути от современного всемирного экуменизма, в разное время высказывалась преподобным Нилом Мироточивым (XVI в.), старцем Антонием (в миру Андреем Гавриловичем Медведевым, 1792 † 12.5.1877), митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), иеромонахом Исидором Гефсиманским (в миру Иоанном Андреевичем Козиным, 1833/34 † 3.2.1908). Архиепископ Феофан Полтавский (Быстров) сомневался в такой возможности. Старец Нектарий Оптинский (Тихонов) отрицал ее, а иеромонах

Кукша (Величко, 1875 † 11/24.12.1964) считал грядущий Вселенский Собор «сборищем безбожных»¹. В подобной перемене отношения нет ничего удивительного, ибо она строго последовательна по хронологии. Перелом во взгляде на возможность канонически правильного (и следовательно — Православного) VIII Вселенского Собора наметился в начале века, когда религиозное движение (в том или ином виде) к «новой всемирной религии» достигло гигантских размеров и получило мощную финансовую поддержку со стороны открыто враждебных Православию сил.

Надежды С. А. Нилуса (совершенно верно по примеру предыдущих 7-ми Святых Вселенских Соборов полагавшего, что Собор для осуждения грядущего антихриста должен состояться во всемирной столице Православия — Москве, под защитой Православного Русского Царя) были глубоко чужды католицизму и другим неправославным конфессиям, уже успевшим усвоить многое от «духа антихристового», который обличал писатель в своих книгах. Поэтому в последующих редакциях данной части «Послесловия» Нилус заменил место о Соборе на краткую историю соперничества цезарепапизма и иудейского «Синедриона».

Сергей Александрович показывал, что, «работая... на два фронта — Синедрион с иезуитами — Сатана обратил гордость папы в орудие своего богоборства и поставления на троне царств мира последнего открытого противника Христового. Но Господу неугодно было, чтобы из недр христианства родился "человек греха" и "сын погибели": трагическая и страшная честь эта соблюдена на конец времен жестоковейному народу-богоборцу. Синедрион сломил соперничество Ватикана»².

Для демонстрации многовековой деятельности антихристианских сил Нилус использовал образ «Символического Змея», стремящегося ухватить себя за хвост³. Единственным средством, которое может предотвратить порабощение России мировому злу, Сергей Александрович считал возвращение к «вере отцов» — Святому Православию. Этой теме посвящен 3-й фрагмент [Вспомните Ниневию!]. Он заключал раздел «В» «Послесловия» в издании 1911[—1912] г.

Совмещенное издание 1-й и 2-й частей «Великого в малом» оказалось библиографической редкостью. В нашем распоряжении находился лишь любезно предоставленный П. Г. Паламарчуком неполный экземпляр, в котором утрачены страницы 217—220. Отсутствующий текст предположительно восстановлен по Царскосельскому (1905) изданию (тем более, что больше он не переиздавался, хотя Нилус и продолжал цитировать его в других книгах)⁴ и набран другим шрифтом.

3-й фрагмент был снят С. А. Нилусом в 4-м издании 1917 г., когда в России пало Самодержавие. Вслед за этим по мнению многих подвижников, которого придерживался и Нилус, должно было произойти объединение отступнического мира и воцарение антихриста.

Сопоставление основных этапов его жизненного пути с Наполеоном I, «этим масонским кандидатом в антихриста», содержит 2-й фрагмент [1933-й год]. Публикуемый текст (скорее всего из-за конкретных дат, находящихся в нем) так и остался в рукописи, не войдя в отдельное издание «Близ грядущий антихрист» 1911 г. Однако сам метод хронографического анализа жизнедеятельности претендентов на мировое господство имеет право на существование в исторической науке. В этом убеждает сопоставление жизненных дат 2-х крупнейших завоевателей (и одновременно инициаторов войн с Россией) нового и новейшего времени — Наполеона Бонапарта и Адольфа Гитлера:

Наполеон родился в 1760 году,

Гитлер родился в 1889 году. Равница — 129 лет.

Наполеон пришел к власти в 1804 году,

Гитлер пришел к власти в 1933 году [sic!]. Равница — 129 лет.

Наполеон вошел в Вену в 1809 году,

Гитлер вошел в Вену в 1938 году. Равница — 129 лет.

Наполеон напал на Россию в 1812 году,

Гитлер напал на Россию в 1941 году. Равница — 129 лет.

Наполеон проиграл войну в 1816 году,

Гитлер проиграл войну в 1945 году. Равница — 129 лет.

Оба пришли к власти, когда им было по 44 года.

Оба напали на Россию, когда им было по 52 года.

Оба проиграли войну, когда им было по 56 лет⁵.

Знаменательно то, что оба кандидата на мировое господство провозглашали себя основателями «новой религии», их весьма трудно признать членами даже католической (или протестантской) церкви⁶.

Автором предполагаемого алгоритма жизни антихриста был не сам Нилус, а его корреспондент — «иерей Божий», не названный Сергеем Александровичем. Основная часть письма анонимного иерея приведена в отдельном издании «Близ грядущий антихрист» (1911), а его рассуждение о 1933-м годе (предполагаемой дате явления лжемесии миру) сжато изложено в подстрочном примечании к с. 283 «Близ есть, при дверех» (1917).

[VIII Вселенский Собор]

[...] Проникнуть в глубины сатанинские и осветить их вселенскую тьму может только свет Христов Вселенской Его Церкви. Сердцем чувствую, что созрели времена созыва 8-го Вселенского Собора, на который, забыв перед угрозой близкого огненного прещения свои многовековые распри, должны съехаться иерархи и миряне в лице избранных своих представителей от всех христианских исповеданий, сохранивших свою Церковь и догматы семи предшествующих Вселенских Соборов.

Божественная идея 8-го Вселенского Собора предчувствуется духом всей Церкви Христовой: день ее осуществления настает; опасность, восставшая зловещей угрозой всему миру, очевидна. Весь вопрос — где ему собраться и кто облечен достаточно властью и авторитетом для его созыва?

Третий Рим — Москва ему место.

Царю русскому — авторитет и власть для созыва Собора.

Буди! буди!..

8-му Вселенскому Собору с помощью благодати Духа Святаго предстоит вся великая задача, осветив положение современного Христианства под натиском Торжествующего Израиля и грядущего воплощения антихристовой идеи в «презренном» Пророка Даниила, определить или средства борьбы со всемогущим Синедрионом, или дать «крылья орла», чтобы бежать Церкви в пустыню⁷. [...]

[1933-й год]

Не вошедший в печатный текст отрывок

С. 194 печатного издания, после предложения: Интерес этот во мне усугубился по прочтении «антихриста» в труде проф. М[осковской] Д[уховной] Академии Беяева.

Долго задумывался я над Данииловыми Седьминами, желая проникнуть в их тайну путём всевозможных выкладок и комбинаций, но все мне не удавались выкладки эти. Лет семь тому назад, около, стало быть, 1904-го года, стоял я как-то раз на утреннем своем правиле и вдруг почувствовал как бы голос, внушающий мне такое разрешение вопроса о Данииловых седьминах: «Семьдесят седьмин прими за 7000 лет, приложи к ним шесть-

десять две седьмины и одну седьмину, т.е. 434 года; получишь в итоге 7441-й год. Этот год от Сотворения Мира и будет годом Страшного Суда Господня и кончины мира».

Господь родился на 5508-м году от Сотворения Мира, стало быть, год Его славного Пришествия и Суда будет 1933-й Христианской эры. Заметьте еще: обрезание, т.е. установление Завета Бога с ветхим Израилем совершилось приблизительно за 1900 лет до Рождества Спасителя, когда нарушен был завет с еврейским народом, и настали времена язычников, которым было передано отъятое от евреев Царство благодати. Господь жил на земле 33 1/2 года: на 1933-м приблизительно году от установления обрезания настали времена «языков». Не таким же ли годом они и окончатся?..

Еще: Ной до Потопа проповедовал покаяние 120 лет. Нас «далее *зачеркнуто*: Господь Россию, как единственный оплот правой Христовой веры» Господь призвал к покаянию, погрозив в 1812-м году прообразом антихриста, Наполеоном I-м, явившимся разрушать Божие Царство Православной Церкви в пустыне лесов и степей Великой России. Отсчитайте 120 лет от 1812-го года: опять 1933-й год. Вы полагаете возможным, основываясь на старческих преданиях считать 1912-й годом явления антихриста миру. И я сего не отвергаю (к тому же и цифра-то какая! — $1+9+1+2 = 13$): в 1912-м году явится, в 1930-м (опять — 13!) станет гонителем христиан (ведь, поначалу ласков будет!), и конец его всего — в 1933-м году. *Писание* возраста его не указывает, а мнения Свв. Отцов могли быть их личными мнениями. Помните: жида ставили на вид Господу, что Он 50-ти лет не имеет?.. А антихристу в 1932-м году, когда верующие евреи должны будут сознать свою ужасную ошибку, как есть стукнет 50 лет!.. А в 1933-м году ему будет 51 год ($5 + 1 = 6$, роковой его цифре).

Обратите внимание на сравнение Наполеона I-го с антихристом в качестве его прообраза и на странные совпадения и игру цифр, которые из сего вытекают. Сравнение это не мое, а всего современного Наполеону христианского мира, который в те времена еще не успел доспеть до той степени зрелости великого отступления, до какого тогда дошел Париж и верхи французского общества, до какого, кажется, только в наши дни дошла лишившая себя Христа цивилизация. Я сопоставлял ожидаемые сроки и числа с роковыми годами Наполеона I, и что же оказалось?

Наполеон:

— родился 15-го августа (день Успения Божией Матери) 1769-го года;

- провозглашен консулом Франции 1799-го г. 9-го ноября ровно 30-ти лет с 3 месяцами;
- побежден святыней Православия в 1812-м году;
- умер на острове Св. Елены 5-го мая 1821-го года, следовательно на 52-м году от рожд[ения].

Ожидаемый антихрист:

- родиться мог в 1882-м году;
- явиться миру в 30-летнем возрасте;
- и воцариться над мерзостью отступления в 1912-м году. 52-й год ему пойдет в 1933-м году. Когда и должен будет, предположительно, совершиться конец всему.

Таковы странные совпадения. И все они сходятся на 1933-м году. Еще заметьте, что и Пасхалия у нас доведена только до 1940-го года...

Далее следует текст: Что касается цифр, то я им особого значения не придаю и придавать не могу, не будучи уполномочен на это от Бога.

3

[Вспомните Ницвеию!]*

...Но на победоносном пути Символического Змия Господь поставил Россию, сильную своим Православием и Самодержавием, страну неизмеримо богатую естественными богатствами, самодовлеющую, и, по пространству своему, шестую часть света. Одолев Европу и с ее влиянием весь остальной мир, все силы Синедриона и его союзников, сознательных и безсознательных, устремились теперь на разрушение этой последней преграды к конечному, хотя и кратковременному, торжеству сатанинского заговора масоно-еврейства.

Насколько успешна эта подпольная работа, мы теперь видим по плодам ее: Православной Церкви наносится удар за ударом и извне, и изнутри; Самодержавие Царя нашего обезсиливает всеми доступными лукавству изменников способами; природное богатство родины захватываются руками международного, стало быть, еврейского капитала; финансы России, обремененные едва ли не десяти миллиардным долгом банкирам Синедриона, поставлены в крепостную зависимость от их милости; ежедневная пресса, за единственными

* Приносим благодарность П. П. Паламаруку, предоставившему нам уникальные экземпляры издания данного текста.

исключениями, вся в руках или еврейских «дарований», пишущих под русскими вымышленными именами, или же в кабале у капиталов того же жидовского кагала... Деревня, город, фабрика, завод, даже флот и армия наводнены прокламациями и газетами, которые хуже еще самих прокламаций. — Все это отравленная стряпня одной и той же масоно-еврейской кухни, предлагаемая потребителю под тем же без перемены соусом, под которым она подносилась не-еврейским государствам во все периоды их государственных потрясений...

Россия в смертной тоске и муке, последней агонии, если только сыны ее не обратятся к сердечному покаянию и вере отцов своих, и если, за веру их и верность, не совершит Господь чуда великого и славного и не расточит врагов Своих и Святой когда-то Земли Русской. Без помощи Божией, своими силами нам не справиться: правительства Европы — игрушки в руках закупившего и запугавшего их Синедриона; в наше правительство уже проникли жида или самолично, или в лице своих идейных и купленных прихлебателей. Международная биржа царит над всем миром. В защиту своих интересов, для осуществления своих целей жрецы этого современного днавольского капища в любое время могут на нас двинуть войска любой европейской державы и даже общей их коалиции, как было то при Наполеоне I-м, этом масонском кандидате в антихриста. Россия со дня на день должна ожидать вмешательства вооруженных сил Европы в ее внутренние дела, как только она задумает свой государственный корабль повернуть по древне-русскому исконному своему течению. Пусть же знает она, кто руководит этими силами...

Страдания предательской Японской войны, воздвигнутой на нас теми же силами, еще свежи в памяти нашей; нанесенные ею раны народному сердцу еще кровоточат мучительно и обильно... Теперь, после разоблачений этой книги, мы пойдем, кто был главным возбудителем и скрытым деятелем в этой страшной для России катастрофе. Хорошо осведомленные через своих клеветников о внутреннем брожении недовольства в России, вызванном кризисом сельскохозяйственного и денежного рынка, подстроенном еврейской биржей и нашими изменниками, заправили ее в лице тайных руководителей Синедриона решили, что наступил давно жданный момент для нанесения Царству Русскому смертельного удара. Подготовив дипломатическим путем столкновение русского, японского и китайского самолюбий, тайно вооружив на свои капиталы воинственную Японию, Синедрион бросил ее полчища на ничтожные отряды русской армии, расположенные в то время на нашей границе с Кореей и Маньчжурией⁸. В то же время, взяв в свои руки общественное мнение при помощи масонизированной и продажной печати, Синедрион во внутренней жизни России творил едва ли не все, что было им предназначено в адском плане разрушения России: растерянность одних, предательство других из тех, кто

был поставлен Государем у кормила власти: террор бомб и всяких других покушений на все то, что не перекинулось оборотом на вражью сторону: отказ в кредите на военные нужды, бунт фабричных и заводских рабочих, брожение в Польше, на Кавказе, бунты в Москве, Киеве, Екатеринославе, Одессе... — синедрион уже готовился торжествовать окончательную победу над пораженной из-за угла Россией.

Поражения за поражениями на театре военных действий: революционные союзы, митинги, съезды, забастовки учащихся и учащихся, забастовки труда, морские и клеветы на все святое, дьявольски-хитро задуманная и пушенная в народный оборот клевета на Царя и на Царское Семейство... еще немного и — расчисление России на составные части... кровавый гнев народный против обезумевших его руководителей — «господ»*, отступивших от веры отцов, предавших своего Государя и народ свой и на войне, и во внутреннем управлении — все это безумие анархии совершилось по заранее намеченному и осуществленному плану, и Синедрион уже был готов залить кровью и утопить в ней растерявшуюся, коренную Россию, наводнив сперва ее, а за ней и Европу, желтыми ордами Японии и китайских хунхузских⁹ шаек.

Тонко и зрело обдуманый план, несмотря на всю его гениальную подготовку, не удался во всем его объеме: разбитая и деморализованная пропагандой и Куропаткинским¹⁰ «терпением»¹¹, русская армия сомкнула неожиданно-негаданно расстроенные свои ряды под командой старого боевого генерала¹² и встала воскресшая, сверкая гневной щетиной своих штыков, грозя разверзтой пастью пушек в лицо недоумевающим желтолицым. Сонный Китай лениво, несмотря шевелил хвостом своего Дракона**, но не пробуждался. Внутренняя смута, охватившая только сюртучников да пиджачников, распропагандированных жидо-масонской литературой, задрожала и обратилась в бегство перед казацкой нагайкой и холостыми зарядами верного русской святыне войска... Серая многомиллионная масса зипунов, свиток и полушубков с поникшей покаянно головой, в великой скорби молилась по церквам и монастырям пред престолом Божиим. Серая армейская шинель, залитая солдатской кровью, отрепаная,

* Этих «господ» не следует смешивать с теми, кто некогда были природными господами в среде Русского народа: от старого помещичьего быта, от которого эти прежние господа отрождались, не осталось и помину.

** Нам, христианам, разумеющим значение символик, знаменательным должно показаться, что эмблема Китая — Дракон, а Японии — Восходящее Солнце: Драконом именуется Змий древний, сатана; Восходящее Солнце — заря утренняя, а «сын зари» по пророку Исаии есть некто иной, как Денница, падший херувим — все тот же диавол. Недаром в Русском народе искони сложилась уверенность, что когда Китай поднимется, тут и мира наступит конец.

оборванная рвалась в бой с коварным азиатом, защищая свою израненную грудь Веру свою, своего Царя, свое Отечество — Русь Святую, Дом Пресвятыя Богородицы...

Россия гнулась, стонала, трещала, но... не ломалась.

Спасала православная Вера Христова, укрепляло Самодержавие.

Надо было, ввиду этой неудачи, остановить войну накануне верного поражения уже обезсиленной Японии, надо было окончательно деморализовать героическую армию, ошельмовав ее позорным миром, и через ее протест и недовольство бросить семя революции в самые глухие и удаленные уголки деревенской сермяжной России...

И был заключен Портсмутский мир¹³ при непосредственном участии в его заключении американских богачей¹⁴ — миллиардеров* и Сергея Юльевича Витте¹⁷ в сотрудничестве с евреями — Ротштейном¹⁸, Рафаловичем¹⁹ и Виленкиным** в качестве уполномоченных масоно-еврейского Синедриона.

России — непоправимый позор и залог кровавой внутренней смуты; Японии — время вновь собраться с силами и средствами, а также вооружить и поднять против нас Китай***.

Наступает время, пред которым побледнеет Пугачевщина и Разиновщина, померкнут ужасы Батыева нашествия.

И пока мы и разъеденная анархией и социализмом [*текст утрачен. Окончание приводится в редакции 1905-го года:*]

И пока мы внутри себя будем сводить огнем и мечем беспорядочные домашние счета, русский и европейский Израиль, прикрываясь движением так называемого сионизма, выберется в Палестину, как черные тараканы из дому, которому угрожает пожар, и оттуда мановением жезла своего всемогущего Синедриона бросит на русских и европейских богоотступников в полной безопасности для себя несметные желтокожие орды, вооруженные на капиталы Сиона по последнему слову братоубийственной науки.

«До узд конских»²² будет кровь тогда, а затем — царь Сионской крови, лжемессия, Антихрист и... конец всему.

* За исключением Моргана* и Рокфеллера*, они почти все поголовно евреи.

** Еврей Виленкин* даже снят на фотографической группе, изображающей деятелей Портсмутского мирного соглашения.

*** События в Китае*, известные под именем китайской революции, ныне совершающиеся в стране Дракона, — это начало японской гегемонии на Дальнем Востоке под тайным управлением агентов масоно-еврейства. Нашествие желтых орд теперь не за горами.

И сказал Господь Пророку Своему Даниилу: «А ты, Даниил, сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени: многие прочитают ее и умножится ведение»²³.

Книга теперь, по-видимому, распечатана.

Пошли, Господи, умножение ведения!

И если мое малое знание может открыть глаза на совершающиеся мировые события хотя бы одному из братьев моих по Вере Христовой, а тем более, если через него свет Божественной Истины коснется духовной и временной слепоты какой-либо ветви или малейшего листка «природной маслины» — народа Божьяго, я почту свое земное назначение законченным во славу Божию и в искупление моей грешной жизни.

Молю и прошу моего читателя не изливать своего гнева на временное ослепление великого в своей вере и несчастье Богоизбранного племени. Его ослепление — наше вечное спасение, его обращение — воскресение из мертвых. Необходимо знать и твердо помнить, что Израилем Господь карает нас за измену Ему и преданиям отцов наших. Обратим свой гнев на самих себя — двери покаяния и объятия Отчи всегда отверсты. Избивая же Израиль, проливая кровь семени Праотцев, мы навлекаем на себя еще большую ярость Господню. Не народ Божий виновен в сатанинском грехе богоборчества, виновен его тайный Синедрион, укрытый от гнева нашего и всякого человеческого гнева штыками и ядрами войск вселенной и нашим духовным разложением.

Братья мои по Вере Святой! Россия, мать многолюбимая! Кровавыми слезами пишу я эти строки. Опомнитесь, вспомните Ниневию! Не ушло еще время покаяния: станьте грудью за Дом Пресвятыя Богородицы, за Самодержавие Государя Православного — и воздвигнет тогда из среды вашей Господь и Мининных, и Пожарских. Пусть вся Европа тогда восстанет на нас и Америка с Японией пошлет на нас громы и молнии со своих бронепосцев. — Господь ослепит наших врагов и с Божьей помощью, за молитвы Пречистой мы одолеем и прогоним своих притеснителей, как выгнали и погубили антихристову предтечу — Наполеона, поднявшего на нас двенадцать язык и всю гордыню масонства Синедриона.

Обратитесь же с покаянием ко всеисцеляющей силе Христовой Православной Церкви!

Дракон Китая²⁴ еще только пробуждается, и Господь властен его вновь усыпить до времени.

Покайтесь, крепче стойте за Православие и Самодержавие!

Не страшна мне, с помощью Божией, угроза Синедриона, обещавшего смерть всему, противящемуся его силе и власти: ни он, ни отец его — диавол «не имут власти ниже над свиньями», если не попустит Господь. Но если мне дано собой послужить восполнению числа убиенных за слово Божие, верую в воздаяние вечности, а братьев моих молю и прошу помолиться об убогой и грешной душе моей.

Слава Богу за все!..²⁵

НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ

Записки православного

После печатания в «Троицком Слове» (1913–1915) и выхода отдельной книгой в 1916 году, часть 1-я «На берегу Божьей реки» была переиздана Свято-Ильинским братством в США (Калифорния, Форествилль, 1975). Это же издание было репринтно воспроизведено у нас в 1991 (Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры).

Вариант «На берегу...» 1975 г. значительно отличается от первоначального. Он учитывал добавки и небольшие уточнения, внесенные С. А. Нилусом в печатный экземпляр 1916 г., попавший затем в Германию. В 1-м издании отсутствовал раздел «Вместо предисловия», последний абзац записи от 9 января 1909 г. (начиная со слов «Икона Пресвятой Богородицы Тихвинской...» и до конца записи — см. с. 23 издания 1975 г.), запись «25 Октября. Грозное предчувствие» (с. 287–288), некоторые сноски (самая объемная — с. 1–16).

Однако в целом вариант издания 1975 г. следует признать неудовлетворительным. Публикаторы по своему усмотрению произвели целый ряд изъятий из текста книги. Эти купюры касались в основном откликов писателя на современные ему политические и церковные события. Желание сгладить нелюбезные оценки С. А. Нилуса, могущие показаться слишком резкими для нынешнего читателя, привело к нарушению общей композиции «Записок православного», построенной на противопоставлении разрушительной силы зла, преобладающей в мире, и силы Христовой любви, проявляющейся через подвижников Святой Руси начала века. Другой причиной изъятий было то, что некоторые отрывки уже перепечатывались ранее в книге И. М. Концевича «Оптина Пустынь и ее время» (напр., часть записи от 27 марта — с. 106–107 приведена у Концевича на с. 350–351). Общий объем пропусков составил около 67 страниц.

Изъятые места расположены нами по порядку страниц 1-го издания, в скобках приведена пагинация 1975 (1991) г. Если выпущено отдельное слово или словосочетание, оно выделяется полужирным шрифтом. Ссылки на книгу «На берегу Божьей реки» даются по 1-му изданию 1916 г.

Вслед за публикацией «Записок православного 1909-го года» в «Троицком Слове» (1913–1915) и выхода их отдельной книгой (1916)

С. А. Нилус приступил к печатанию «Записок...» за 1910 год (с № 301 «Троицкого Слова» за 1916 г.). 2-я часть «На берегу Божьей реки» помещалась владыкой Никоном (Рождественским) в своем журнале вплоть до его закрытия на № 387–389 1917 года. Имеется автограф последней главки дневника Нилуса (19. 25 марта 1910 года), появившейся в печати (ОР РГБ. Ф. 765.13.27. Л. 181–183 (350–352 авторск. пагинации). Отдельного издания «На берегу Божьей реки» 1910-го года так и не состоялось.

Сборник, выпущенный под редакцией Е. Ю. Концевич (На берегу Божьей реки. Часть 2. San Francisco, 1969), носящий то же название, имеет иную композицию, большинство записей 1910-го года туда не вошло, а вошедшие материалы — более поздней редакции. Хронологическая последовательность дневника писателя также в этом издании не соблюдена.

Учитывая то, что вошедшие в том 1969 г. фрагменты первоначального дневника С. А. Нилуса напечатаны, вероятно, в последней прижизненной редакции и уже достаточно известны русскому читателю, мы опускаем некоторые из них. Это касается записей, соответствующих страницам 124–139, 143, 152–156, 213–220 сборника 1969 г. (пагинация дана по репринту Св.-Троицкой Сергиевой Лавры 1992 г.).

1909-й ГОД

Пропуски, допущенные в переизданиях книги 1975, 1991 годов

С. 97 (107)

В содержании записи от 26-го марта:

[...] Предостережение г.г. евреям.

С. 99 (109)

[...] Ну, и пришел, значит, к Царю храбрый атаман Платов¹ со своими казачатами и отправил в тартарары и Наплююна², и хранцуза, и всю

ихнюю нечисть, а Царя с енералами освободил; Царя накормил, а с енералов всю вошь посчистил*.

[...] А следовало бы, особенно в наши дни, такие схожие с тем временем, когда подготавливалась в норах и подпольях королевской Франции и международного еврейского «гетто» так называемая «великая» французская революция³, породившая Наполеона.

С. 102 (112)

Заключительный абзац записи от 26-го марта:

Г[оспода] евреи, готовящие путь своему набольшему (см. мою книгу «Великое в малом», II ч. «Близ грядущий антихрист»), потрудитесь-ка взвесить это обстоятельство!

С. 102 (113)

В содержании записи от 27-го марта:

[...] язык цифр, имен и названий. О. Варсонофий и его об этом речи. Лев Толстой⁴ и Ж. Ж. Руссо⁵ — предтечи антихриста. Язык цифр. 1885—1915-й год.

[...] Ожидание близ грядущего «человека греха, сына погибели», лжемессии **евреев**, которым исполнено мое сердце, все продолжает возвращать меня мысленно к его первообразу, Наполеону I-му. [...]

С. 105—107 (115)

Еще черта, сближающая Наполеона с антихристом: Наполеон был сыном революции, ее воплощением, ее Словом (Verbe), как он и сам себя называл и как его называли многие его современники и историки. Теперь доказано, что революция эта была от начала до конца подготовлена и совершена масоно-еврейским заговором. Цель этого заговора разрушить христианский мир с его государственностью и на развалинах его воздвигнуть свое всемирное царство, где князьями будут евреи, а царем и богом их мессия-антихрист. Сами иудеи теперь уже более этого не скрывают.

Наполеон по матери, Летиции Рамолино, едва ли не вел своего происхождения от одного из колен (не Данова ли?) находящегося в рассеянии Израиля. Пусть это и не доказано, а только лишь предполагается. Но вот что доказано исторически, это, во-первых, то, что ближайшие к нему маршалы: Массена⁶, «любимое дитя побед», и Сульт⁷, были евреи, а во-вторых, следующее: декретом 17-го марта 1808-го года, данным Наполеоном в Тюльери, было повелено:

* В вар. 1975: ... а вошь с него всю посчистил.

1) Деньги, данные евреями займы несовершеннолетним, женщинам и военным, взысканию по суду не подлежат.

.....
.....
4) Новые переселенцы еврей в Альзас, сверх уже там живущих, не допускаются.

5) Прочие департаменты Империи доступны евреям только при условии, что они будут заниматься исключительно земледелием.

6) Каждый еврей должен отбывать воинскую повинность лично; заместители не допускаются.

В 1808-м году этот декрет был издан, а в следующем, 1809-м году «тайной властью масонства»⁸ был сообщен всем масонским ложам свой декрет, постановивший «объявить Наполеона покинутым».

Конец карьеры Наполеона известен.

«Грядущему» это послужит наукой, и он «покинут» не будет.

А все-таки и ему, и его отцу-дьяволу один конец:

Геена огненная.

«Язык цифр»!..

Как-то раз о. Варсонофий спросил меня:

— Знаете ли вы, что значит Калуга?

Я подумал на город Калугу и, не поняв хорошо вопроса, ответил незнанием.

— Калуга⁹, — сказал батюшка, — значит огражденное место. Таков и наш город Калуга. А чем он огражден, как вы думаете?

— Скажите, батюшка!

— Святыней нашего края — монастырями, где почивают святые мощи Калужских чудотворцев: преподобного Тихона Калужского¹⁰, праведного Лаврентия¹¹ и преподобного Пафнутия¹², игумена Боровского, нашей святой обителью с ее почившими великими старцами Львом, Макарием, Амвросием, архимандритом Моисеем, игуменом Антонием и прочими сокровенными Оптинскими угодниками Божиими.

Все это — Калуга, и счастливы вы, что Господь привел вас пожить в таком огражденном месте. И знайте, что очень часто название местности, в которой вы живете, фамилия лица, с которым вы встречаетесь, — словом, название или имя в самих себе посят некий таинственный смысл, уяснение которого часто бывает небезполезно. Смотрите, в Ветхом Завете почти всякое имя что-нибудь да означает: Ева — жизнь, ибо она стала матерью всех живущих; Сам Бог повелевает Авраму называться Авраамом, «ибо, — говорит, — Я сделаю тебя отцом множества народов, а Сару — Саррой, не «госпожею моею», а «госпожею множества»...

Итак, во всей Библии — название и имя всегда имеют сокровенный и важный смысл. Сам Господь преднарек Себе имя человеческое — Еммануил, что значит «с нами Бог», и Иисус, «ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Видите, как это значительно и важно.

— Вижу, батюшка.

— Но кроме этого, так сказать, языка имен и названий существует еще и язык цифр, тоже сокровенный, значительный и важный, только не всякому дано расшифровывать его тайну. На что велика была тайна воплощения Бога Слова, а и она была заключена в таинственном счислении родов потомства Авраама: «от Авраама до Давида, — говорит св. Евангелист Матфей, — четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов». Замечаете цифру 14? Она повторяется трижды.

— Замечаю.

— Она составлена из удвоения цифры 7, а 7 есть число в Библии священное и означает собою век настоящий, а веку будущему усвоена цифра 8, которую век этот и обозначается. Видите, что и цифры имеют свой язык?

— Вижу, батюшка.

— Ну, и хорошо делаете, что видите: быть может, это вам когда-нибудь и пригодится.

Вспоминаю я эти слова о Варсонофия, и приходит мне на мысль: нашего ереснарха, Льва Толстого, многие зовут предтечей антихриста; так, кажется, его называл и покойный о. Иоанн Кропштадтский¹³. Если Толстой, действительно, духовный предтеча антихриста, то кому иному это звание как духовному предтече Наполеона должно быть усвоено, как не Жан-Жаку Руссо? Как Толстым открылась новая эра в литературе, основанием которой легло сперва «непротivление злу»¹⁴, а затем и открытый союз со злом, так и Жан-Жаком Руссо своими «Эмилем» и «Общественным Договором» положен был первый камень в основание школы энциклопедистов¹⁵, духовно подготовивших французскую революцию 1793-го года, а, следовательно, и ее порождение — Наполеона I-го.

Попробуем обратиться к языку цифр.

Жан-Жак Руссо родился:
в 1712-м году

Наполеон I-й родился:
в 1769-м году.

Через 57 лет.

Лев Толстой родился:
в 1828-м году.

Новый Наполеон родился (?):
в 1828 + 57 = 1885-м году.

Не может ли быть годом воцарения этого нового Наполеона в качестве всемирного, скажем, «супер-арбитра» (идея арбитража теперь усиленно навязывается народам) год 1915-й, когда ему исполнится 30 лет от рождения? И число имени его 666?

Как знать? Язык цифр — тайна, но он существует.

Числа имени Наполеона я не знаю, но имя это, написанное по-гречески и разложенное по слогам в указанном ниже порядке, подтверждает слова о. Варсонофия, что и имена имеют свой сокровенный смысл и значение.

Ναπολεων — **Наполеон**
πολεων — **государств**
λεων — **лев**
ων — **сущий**

Наполеон — лев государств.

Язык имен, названий, цифр.

Тайна!

Но нет тайного, что бы не сделалось явным. Откроется, долго ли, коротко ли, и эта тайна.

С. 108 (115)

В содержании записи от 4-го апреля:

[...] «Ховье-Цион». «Ганнибал¹⁶ у ворот».

С. 109—110 (117)

Окончание записи от 4-го апреля:

В «Колоколе»¹⁷ от 15-го февраля сообщено, что на этих днях в Одессе открылся съезд евреев-палестинофилов («Ховье-Цион»). Ведется агитация о немедленном переселении в Палестину.

В книге моей «Великое в малом», издания 1905-го года, в статье «Антихрист как близкая политическая возможность» говорится так:

«Наступает время, перед которым побледнеет Пугачевщина и Разиновщина. И пока мы внутри себя будем сводить огнем и мечом беспорядочные домашние счета, русский и европейский Израиль, прикрываясь движением так называемого сионизма¹⁸, выберется в Палестину, как черные тараканы из дому, которому угрожает пожар, и оттуда мановением жезла своего всемогущего синедриона¹⁹ бросит на русских и европейских богоотступни-

ков в полной безопасности для себя несметные желтокожие орды, вооруженные на капиталы Сиона по последнему слову братоубийственной науки*.

Нарыв всемирной бойни, по всем признакам, назревает; России предназначается стать его стержнем, окруженным воспалительным процессом со всех сторон: с юго-запада — оживленная ротшильдовская Австрия; с запада — Германия Блейхредера²⁰, Мендельсона²¹ и К^о; с севера — Финляндия Мехелина²², Воймы²³ и жидовских агитаторов из «Речи»²⁴; с юга — Кавказ и скрытая армянская революция, поддерживаемая Турцией²⁵, находящейся в когтях жидов из младо-турецкого комитета «Единение и Прогресс»²⁶ и, наконец, с востока — желтый поток «обновляемого» Китая во главе с «обновленной» нашей кровью на деньги американских жидов Японией²⁷ — это ли не гениальный план всеобщего разрушения, достойный его вдохновителя — дьявола?!

«Великая» французская революция и плод с ее дерева — Наполеон — не жалкая ли это игрушка в сравнении с той мировой катастрофой, которая теперь готовится на виду у всех, кто только хочет видеть?

«Hannibal ante portas!» Ганнибал у ворот!²⁸

Новый Наполеон уже где-то дозревает... Где только?

До открытого им гонения на Церковь Божию близко. На западе Европы оно идет уже давно.

Помилуй нас, Господи, помилуй нас!

С. 116—145 (123)

22-ГО АПРЕЛЯ

«Будем записывать!» 1905-й год в России и на Афоне. Записки моего приятеля: Иерусалимские впечатления; Великая суббота в Иерусалиме.

Дождемся ли мы антихриста или не дождемся, про то Бог весть, а дело свое делать нужно. Вложил мне Господь в руки перо, посадил на берегу Божьей реки, у ограды Оптиной: пиши, раб Божий Сергей, записывай все, что, как Божий дар, в часы твоей молитвы внесет река в раскинутые мрежи.

Будем записывать!

Эти дни что-то потише стало в нашем доме. И в самой Оптиной народу поменьше, особенно из так называемой «интеллигентной публики»: можно подольше беседовать со своими записками.

* «Великое в малом», изд. 2-е, 1905 г., 416 стр.

Вот, передо мною лежат записки с Афона одного сердечного моего друга по вере и общим христианским упованиям. Писаны они были им в виде дневника в памятный 1905-й год. Долго год этот будут помнить и Афонские иноки, и русские люди! Недаром мы — родные братья по духу с Афоном.

«Возьмите, — говорил мне мой друг, — эти записки и делайте с ними, что хотите. У меня они пропадут, а вам, быть может, для чего-нибудь и пригодятся».

Вот дошел теперь черед и до этих записок.

Приятель мой был торговец, и в 1905-м году ушел на старый Афон искать «Небесного Иерусалима». Теперь он опять торговец, но любви к добродушному монашеству не утратил, и, когда есть время, наезжает в Оптину помолиться Богу, поговорить, побеседовать со старцами, поплакать со мною о том, что было и что стало на земле родной...

Хороший человек, святая душа!

Записки его охватывают период времени от 20-го марта 1905-го года по 30-е мая 1906-го.

Тогда на Афоне тряслась земля*, а у нас — великое русское царство.

Знаменательное совпадение!

4

* * *

«Господи, благослови!»

Так начинаются записки моего друга.

«Сего 1905-го года, марта 20-го дня, в воскресенье, выехал я в Киев, где на Благовещение приобшачился Святых Христовых Таин. В тот же день выехал в Одессу, откуда 29-го марта на пароходе «Лазарев» отправился через Константинополь в св. град Иерусалим.

В пути я обрел себе двух компаньонов, одного из Кимр, а другого из Одессы — оба простосердечные, хорошие люди, с которыми мы безпечно совершили путешествие до самого Иерусалима. Море было поразительно хорошо.

Константинополь дивно прекрасен по местоположению, но зато население его — это нечто невыносимое по внешней грязи, производящей удручающее впечатление. Если бы не подворье афонских монахов, то добром бы и не помянуть мне Константинополь.

Попутные города не лучше.

10-го апреля 1905 года, на Вербное воскресенье, в 6 часов пополудни мы прибыли в святой град Иерусалим. На другой день с неразлучными своими

* Известное землетрясение на Афоне.

спутниками отправился в желанный великий и святой храм Воскресения Христова, где Голгофа, где гроб Господень, откуда «возста Господь, яко от чертога».

Сердце билось и трепетало, как голубь крыльями...

Но, увы, уже на пути к храму чувства мои были парализованы частью утомлением от большого морского переезда, но больше обстановкою того пути, по которому пришлось идти к храму: гул и гам от крика и говора всевозможных представителей народностей, со всего света собравших своих представителей в этот духовный центр всего мира, рев ослов и других животных; вид калек и грязных, нахальных нищих, назойливо требовавших подачки; улицы грязные, узкие, усеянные бродячими собаками — все это расхолаживающе и угнетающе действовало на мою впечатлительность, и, входя в храм, я уже не испытывал чувств никаких.

В храме опять грязь греческого неблагоговеинного хозяйничанья, жадность проводников — умиления как не бывало: Наш проводник, желая поскорее от нас отделаться, чтобы захватить новую партию паломников в добычу, толкал нас чуть не по шее, заставляя на рысях прикладываться к показываемой святыне. Это переполнило чашу нашего терпения, и мы ушли с горечью, чуть не плача от разочарования.

На другой день — другое искушение. Прошли в храм и пожелали в нем остаться на ночь. Турецкая стража на ночь запирает его от 8 часов вечера до 3 или 4 утра. На меня и на моих спутников напал сон, и нам предложили уснуть на хорах, где были разостланы грязные ковры с грязными тюфяками и подушками. Не более двух-трех часов пролежали мы на них, и набрались такого множества всевозможных насекомых-паразитов, что потом долго от них не могли отделаться.

Но всем искушениям настал конец перед неописуемым величием и силой впечатления дня 16-го апреля, Великой субботы, во время так называемой «Благодати» схождения святого огня, благодатно сходящего свыше на Гроб Господень. Собственно говоря, по торжественной праздничности этот день в Иерусалиме и есть Пасха: к этому-то, именно, дню и стекаются паломники со света: кто ревнитель благочестия, кто ради праздного любопытства или приключений и сильных ощущений — словом, люди всякого сорта и всевозможных национальностей.

Уже со страстной пятницы город кипел народом, улицы и без того тесные стали непроходимы, в воздухе шум и гомон стояли невообразимые...

Храм еще с вечера на субботу был оцеплен турецкими войсками и постепенно наполнялся народом, заблаговременно покупавшим себе места ценою от 50 коп. на наши деньги до 10 рублей.

Мы решили идти в храм в субботу в 9 часов утра. В нашей миссии нам было объявлено, что служба в Воскресенском храме перед «Благодатью» начнется около часу дня. Народ огромными толпами направлялся к храму. Лавки все были закрыты. Близ храма народу было — пушкой не прошибешь. Солдаты турки отгоняли народ плетьюми, но и это мало помогало — народная волна все приливала и приливала.

...Что будет дальше? Как нам пройти?.. Господи, благослови! — и мы нырнули в толпу, как в океан, который нас на гребне своей волны вынес в самый храм.

На наше счастье, по милости Божией, еще оставались продажные места для присутствия в храме на богослужении. Мы заняли места в первом ряду, близ Кувуклии²⁹, но турецкая стража схватила нас за шиворот и вытолкала в главный храм. В главном храме нас ожидала та же неприятность: там паломники спихнули нас с передовых позиций. Показное смирение уступило место грубому эгоизму, каждому было дело только до самого себя. Повсюду слышалась брань, все толкались. Но, к радости нашей, то не были наши русские паломники, а греки и другие иностранцы. Эти без всякого стеснения готовы дать по шее, лишь бы самим занять место поудобнее.

Тяжело было бороться за место, да жара к тому же стояла невыносимая, но нечего было делать — надо было держаться до часу начала богослужения, до получения благодатного огня, этого великого чуда милости Божией.

С двенадцати часов дня греческое духовенство начало готовиться к богослужению. Нами и всеми присутствовавшими стало овладевать лихорадочное нетерпение. И, Боже милостивый! — что только тут начало твориться с арабами, коптами и абиссинцами — с темнокожими нашими единоверцами! Такой поднялся топот и гомон, что этого и передать невозможно... От такого неблагочиния состояние моего духа понизилось еще на несколько градусов. Впору было уйти вон из храма...

Наконец, около часу дня патриарх в одном хитоне вошел в Кувуклию и был заперт там. Ожидание стало еще более лихорадочным. И вдруг шум затих, все замерло, и наступила такая тишина, что слышно было только биение одного тысячегрудного сердца всей массы находившихся в храме. Минуты переживались неопишутые неизобразимого, священного, какого-то никогда не испытанного духовного томления...

Около двадцати минут второго в отверстии Кувуклии показался патриарх Дамиан³⁰ с пуком огня, и от этого огня мгновенно запылал весь храм.

Что было со мною — писать отказываюсь: такой восторг, такой подъем духа, такой трепет!.. Я был вне мира, где-то над землей, в надмирной

вечности, в печи огненной с тремя отроками, неопалемый пламенем ее седмеричного разжжения³¹. И, действительно, я был в море огня, который не опалил и не жег, несмотря на то, что кругом меня люди совали себе его в рот, огнем крестили лицо, волосы, руки. Я и на себе самом испытал это необъяснимое, дивное свойство этого неопалиющего благодатного огня.

Такое свойство благодатный огонь сохраняет в себе только несколько минут, после чего становится обыкновенным, стихийным.

На первый день Пасхи Иерусалим наполовину опустел. Мы этот нареченный и святой день встретили в нашей миссии по-русски, но не так восторженно-радостно, как дома: благодатный огонь несколько умалил красоту этого великого дня, подавив силою впечатления все наши чувства.

«Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»*.

Ты и низвел его, Господи! Он со дней Твоих земных невещественно горит в сердцах Тебе верных, а вещественно — ежегодно на честном Гробе Твоем в Иерусалиме.

Слава силе Твоей, Господи!

23-е—30-е АПРЕЛЯ

Продолжение записок моего приятеля: Афон. О. Никодим. Путешествие по Афону.

Отъезд паломников. «Будничный» Афон и землетрясение 1905 года.

Конец Афонским запискам и послушанию моего приятеля.

Из Иерусалима мы отправились на Афон, куда прибыли, с Божиею помощью, благополучно в мае 1905-го года.

Афон нас поразил своим величием и красотой. Пантелеймоновские³² монахи встретили нас чрезвычайно радушно, чем еще более, конечно, расположили нас к Афону. Особенную любовь к богомольцам проявлял начальник фондарика**, известный всем Афонским паломникам о. Никодим***. Об этом любвеобильном человеке я слышал еще на пути из Иерусалима, почему и направил свои стопы прежде всего в монастырь Св. Великомученика Пантелеймона, чтобы от о. Никодима испросить благословение остаться навсегда на Святой Горе Афонской. Но в Пантелеймоновском монастыре, как большом и шумном, у меня не было намерения оставаться.

* Лук. XII, 49.

** Гостиница.

*** Ныне умерший.

О. Никодима я удостоился увидеть в самый день моего приезда, и действительно, старец поразил меня своею любовью. Рассказал я ему вкратце свое положение, объяснил ему, что предпочитаю стать бродягою на Св. Горе, чем вернуться обратно в мир, и в ответ услышал от него такое слово:

«Довольно! Клади три поклона перед Св. Великомучеником Пантелеймоном: отныне ты будешь ему служителем. Господь привел тебя сюда».

И я безропотно решил навсегда остаться в этой обители, привлеченный к ней любовью о. Никодима.

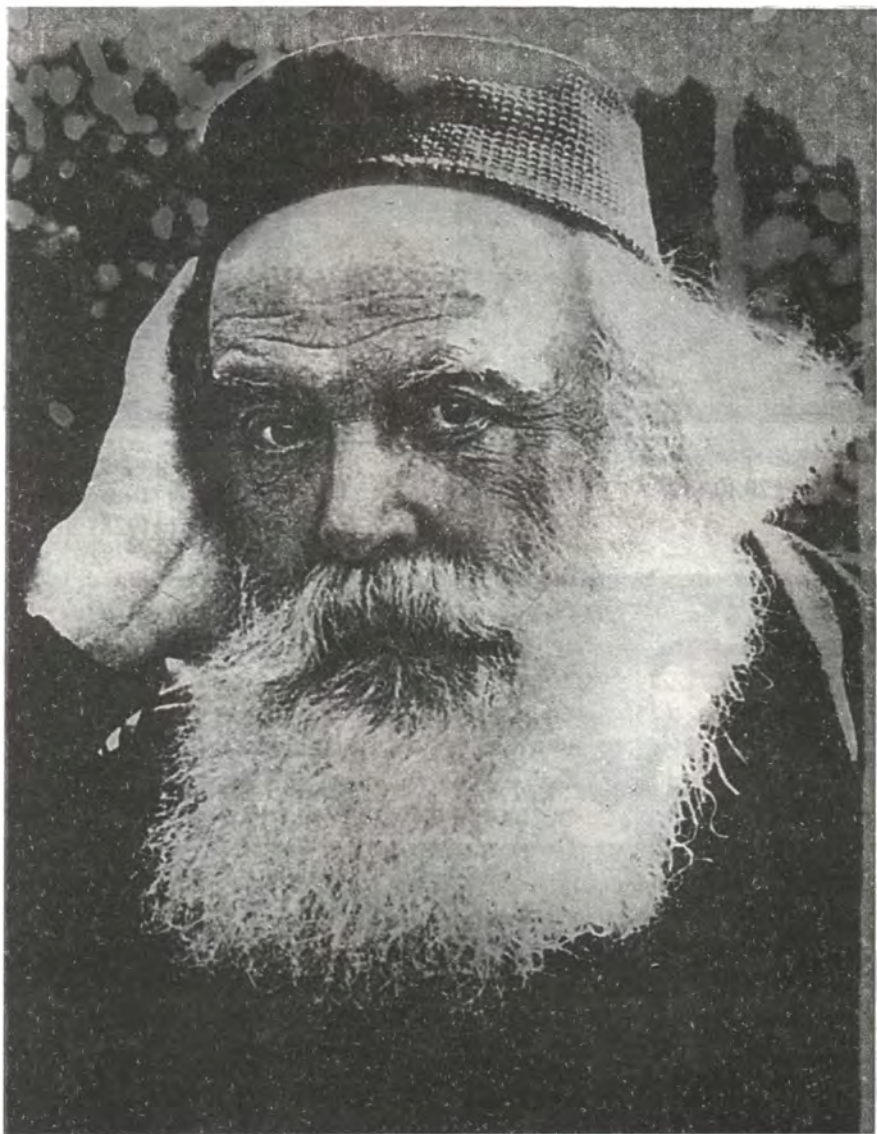
Прибыли мы на Афон в пятницу и в Пантелеймоновском монастыре пробыли до понедельника, а в понедельник, после обеда о. Никодим отправил нас с монахом С. путешествовать по Св. Горе.

К вечеру мы пришли в Андреевский скит. Ничего я не нашел в нем достопримечательного кроме грандиозного собора: во всем же остальном этот скит — копия монастыря Св. Пантелеймона, только значительно ниже своего оригинала.

На следующий день мы посетили Георгиевскую келью, расположенную у подошвы горы — шпиля. От нее надо было совершить восхождение на вершину Афона. Мне очень не хотелось этого, тем более, что трудность восхождения не окупалась красотой видов, так как шпиль Афонской горы почти всегда покрыт облаками и туманами. И, действительно, очень крутой подъем на шпиль оказался крайне затруднительным и продолжался около трех часов, измучивши меня до того, что пот лил с меня градом, когда я и мои спутники добрались, наконец, до вершины, где мы увидели греческую церковь, по обыкновению, бедную и неопрятную, как и все доселе виденные мною греческие церкви. В этой церкви мы прочитали акафист Покрову Пресвятыя Богородицы.

Если подъем на гору был тяжел, то спуск был прямо ужасен, угрожая нам ежеминутно падением в пропасть и конечною гибелью. Но, слава Богу, спустились мы благополучно, употребив на спуск около двух часов. Видов из-за тумана никаких не видали, да и ничего, кроме камней, холодных и бесплодных, тоже не видели, ибо растительности сверху, кроме редких цветов по расщелинам, нет никакой.

После спуска зашли в Георгиевский монастырь; оттуда, подкрепившись пищею, отправились в греческий Афанасьевский монастырь и в нем ночевали. На утро пошли на источник Св. Афанасия, явившийся по повелению Царицы Небесной, и в его святых, чистых струях удостоились омыться. Какое обилие воды! И что за вода! — светла, как хрусталь, и сладка, как манна. Все поклонники были необычайно утешены и со свежими силами двинулись оттуда в греческий Иверский монастырь, где слушали обедню и

Сергей Александрович Нилус (1862 †1929)

Император Александр III
(†20.10.1894)

Императрица
Мария Феодоровна
(†1928)

Семья Е.А. Озеровой (с косой, сидит перед столом). 1860-е годы.
Публикуется впервые

Иероманах (позже архиепископ)
Феофан (Быстров) — духовник
Е.А. Озеровой

Елена Александровна Озерова
(в центре, во втором ряду) на
придворном рауте

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец

Видъ соборовъ Саровской пустыни.

Саровская пустынь. Храм Свв. Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев;
собор во имя Иконы Божией Матери Живоносный Источник;
Успенский собор, в котором почивали мощи преп. Серафима;
храм во имя Преп. Серафима Саровского
(слева направо)

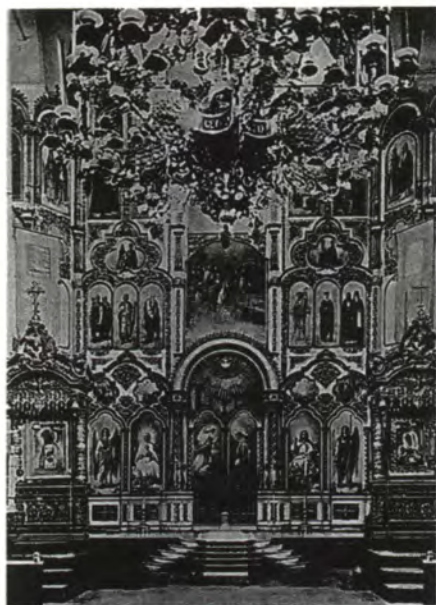
Серафимо-Дивеевский монастырь.
Трапезная с храмом Св. блгв. Вел. Кн. Александра Невского,
Казанская церковь, колокольня, Троицкий собор (слева направо)

Прославление преп. Серафима. Император Николай II с Великими Князьями и иерархами Церкви совершают крестный ход с мощами Преподобного вокруг Успенского собора. Саров. 19 июля 1903 г.

**Вид Саровской пустыни с южной стороны.
В центре — храм во имя Преподобного Серафима Саровского,
выстроенный над келлеей Угодника Божия**

**Иконостас
Троицкого Собора Серафимо-
Дивеевского монастыря**

**Игуменья Мария
(Ушакова, 1819 †1904)**

**Блаженная Прасковья Ивановна Дивеевская (1795? †22.9.1915)
у крыльца своего домика.
*Публикуется впервые***

Великий Князь Сергей Александрович (1857 †1905).
1894г.

Священномученик Владимир
(Богоявленский, †25.1.1918),
митрополит Киевский

Митрополит Антоний
(Вадковский, 1846 †1912),
Санкт-Петербургский и
Ладожский

Епископ (позже митрополит)
Серафим
(Чичагов, 1856 †1937)

**Митрополит Антоний
(Храповицкий, 1863 †1936)**

Оптина Пустынь.
Св. ворота и колокольня

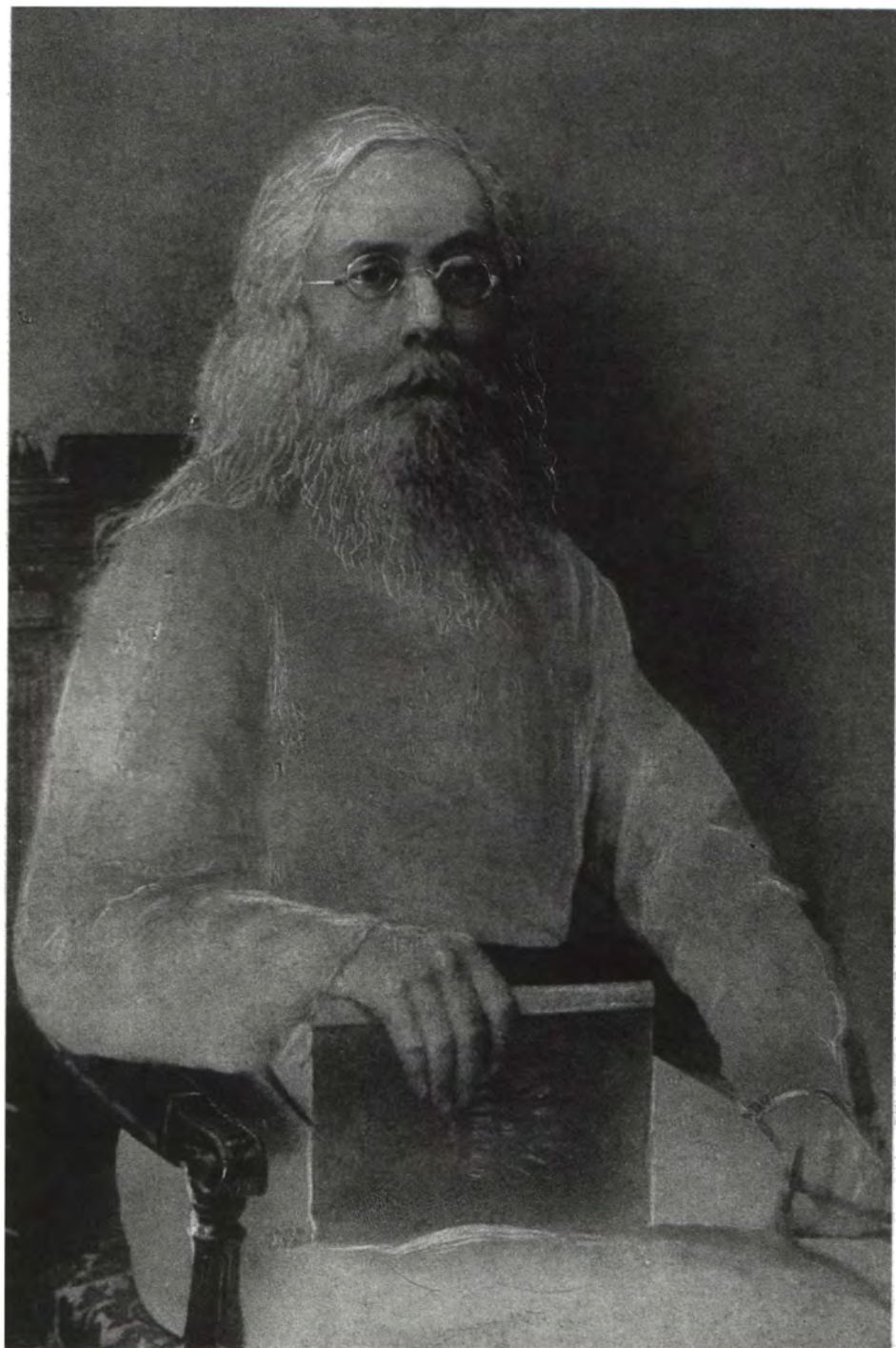
Вход
въ Иоанно-Предтеченский скит

Храм Казанской иконы Божией Матери в Оптиной пустыни

Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков, 1845 †1913)
— духовник С. А. и Е. А. Нилусов

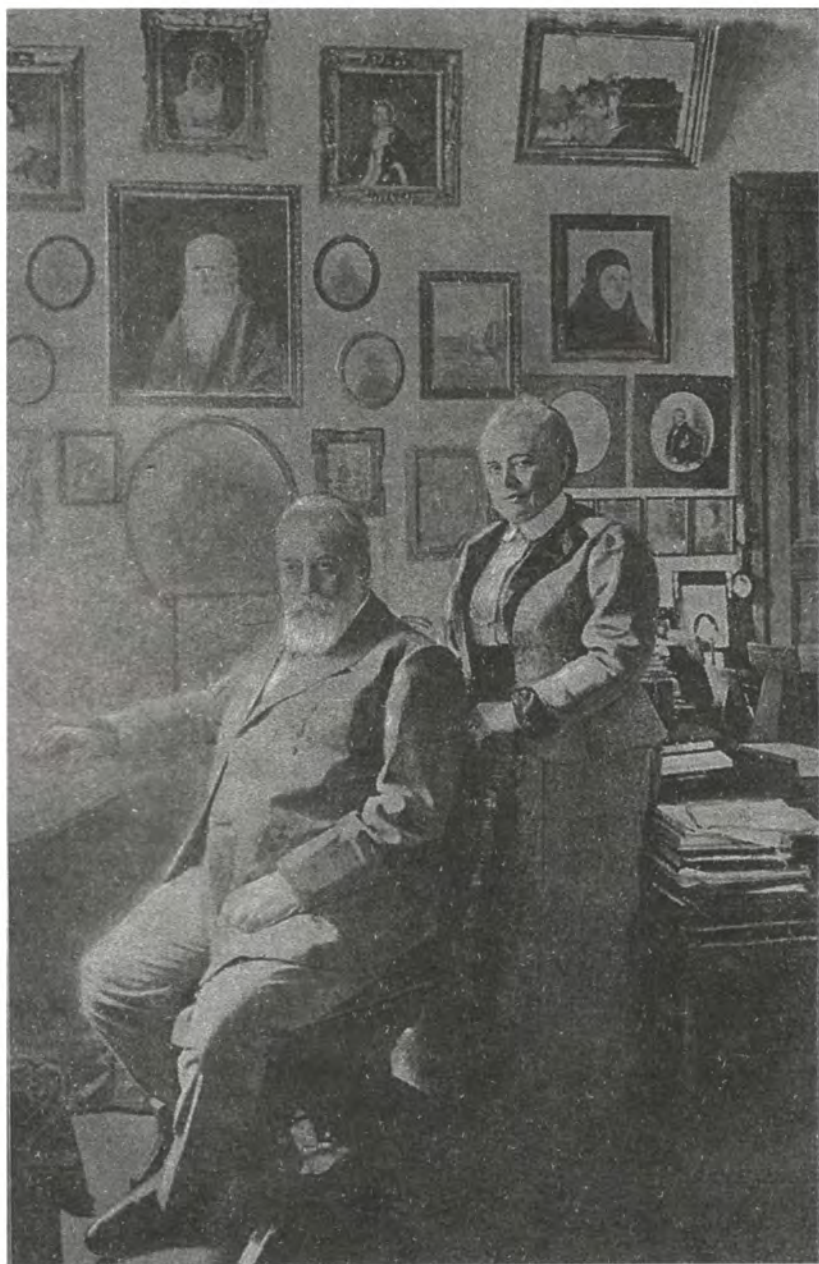
Старец Варсофоний Оптинский

**Старец Варсофоний
Оптинский**

Келья скитоначальника о. Варсофония

С. А. и Е. А. Нилусы
в кабинете в Оптиной пустыни

прикладывались к чудотворной Иверской иконе Божией Матери, Вратарницы Афонской и Московской Заступницы, красы Первопрестольной. Икона эта невольно вызвала во мне воспоминание о недавно покинутой мною Москве, об оставленных в ней близких...

Облобызав несколько раз с умиленными слезами эту святыню, отслужили перед нею молебен, приложились к почивающим в обители мощам и к обеду отправились в Артемьевскую пустынь. Чудная пустынь — чистенькая, приветливая, хлебосольная!..

Ильинский скит, куда мы прибыли к поздней обедне, был последним этапом, где наше общее путешествие кончилось. Отсюда я с одним из своих спутников отправился в Сретенскую пустынь, до которой от Андреевского скита не более получаса ходьбы. Там я должен был встретиться с о. В., подвижником этой пустыни, с которым я познакомился в пути от Одессы и который звал меня в свою обитель с тем, чтобы в ней и обосноваться для монашеского подвига. К великому нашему горю о. В. не было дома: он уехал по делам в Солунь. Вероятно, насельники его келлии были уже им предупреждены о возможности нашего прихода, ибо нас приняли так радушно, что мы забыли даже и об о. В., и о неудавшемся с ним свидании. Впечатление и от пустыни, и от братии было самое лучшее; к тому же и местоположение с чудным видом на Андреевский скит и Карею нам чрезвычайно понравилось.

В пустыни находится небольшое жилое здание, ветхое, но уютное, окруженное хорошим, хотя тоже небольшим, садом и огородом. На всем какой-то семейный, а не казенный, отпечаток. Есть церковь, есть звонница, трапезная и другие монастырские постройки, как и в больших монастырях. Служба отправляется тоже по чину больших афонских обителей.

Пока нам готовили чай, мы, по предложению заместителя старца о. В., диакона, молодого и очень добросердечного человека, осматривали пустынь, которая на нас произвела самое отрадное впечатление. Церковка маленькая, человек на пятнадцать, но чистенькая и убранная с необыкновенной любовью. Все было дешевенькое, но все блистало чистотой и благоговейством. И пришло мне на ум: не такова ли была первая Церковь апостольская? Не здесь ли любовь неотпадающая? Не здесь ли братское между собою единение? Не здесь ли все общее, един дух и едино сердце?.. Но как узнать это?..

Трапезная устроена также человек на пятнадцать. И в ней тоже чистота отменная. Вся она украшена священными изображениями. Келлии маленькие — с трудом поместиться одному. Настоятельская келья побольше, но все-таки не более как на полтора человека. В ней меня и поместили на ночь.

На кровать старца я, однако, не посмел лечь, под свой ночлег занял то место в келье, которое могло быть занято только полчеловеком; на нем я и устроился, хотя и не без труда, но спал отлично.

На утро о. диакон водил нас осматривать сад и огород. Всего понемногу, но все там есть: и виноградник, и плантация масличных деревьев, и смоковницы, и другие фруктовые деревья. Мы видели также небольшой источник ключевой воды с резервуаром.

Но вот нас попросили на террасу к чаю, который был подан с отличным свежим вареньем и вкусным белым хлебом. Поблагодарив за чаем, мы с о. диаконом пошли в церковь, где он начал править вечерню со своими и с соседними келлиотами. Это было под воскресенье.

После вечерни нас опять пригласили на трапезу. Все было приготовлено замечательно вкусно. Трапеза состояла из трех блюд, подаваемых прямо с огня. Видно было, что готовил мастер своего дела. С тех пор как мы уехали из дома, мы ничего подобного не только не ели, но и не видали. Потеряв тут меру строгого монашеского правила, мы, не стесняясь, уписывали предлагаемое. Отцы поощряли нас, подкладывали и подливали: и оказалась трапеза наша более чем обильной по вине все того же искусника-повара, живавшего, оказывается, в миру в лучших кухнях. Много мы были ему благодарны за угощение. В пустыне он живет первый год.

После трапезы мы пошли с о. диаконом в церковь править повечерие, после которого нам было предложено подкрепиться сном, а сам о. диакон отправился просить священника, чтобы наутро ради воскресного дня служить утреню и литургию.

Утренняя была в 2 часа ночи, а за нею вслед обедня, отслуженная очень парадно, с красным звоном и с певцами из других келлий. Товарищ мой был от всего в полном восторге.

По окончании службы нас попросили к чаю. С нами были приглашены и служивший священник, и гости, монахи-келлиоты. Все были одеты чисто, по-праздничному. У всех монахов были приятные, простые, добродушные лица.

Хорошо нам было в этом обществе!..

После чаю все отправились на трапезу, где все вели себя чинно, но вместе с тем и вполне непринужденно, весело, по-праздничному. Обед состоял из трех блюд, великолепно приготовленных, и с хорошим вином в изобилии. В заключение нам двоим подали чай с душистым вареньем и сдобными баранками. Потом мы с соседским священником, служившим в келлии литургию, опять сходили в церковь, где кое-что пропели и сделали отпуст. Мы не находили слов благодарности за такой радушный прием. Монахи

дали нам провожатого, и мы с большим сожалением расстались с этим благословенным уютным уголком.

Когда из паломничества по Афонским святыням мы вернулись в Пантелеймоновский монастырь, то там нам было объяснено, чтобы мы с понедельника начали говеть к четвергу для приобщения в этот день Св. Христовых Таин. В этот же четверг желающие могли отправиться на пароходе в Одессу.

В четверг я приобщался за ранней обедней на фондарике, в церкви Преображения Господня.

После обедни о. Никодим отслужил отъезжающим поклонникам напутственный молебен, после которого сказал им теплое прощальное слово. Потом была трапеза, после которой о. Никодим принимал всех отъезжающих у себя в келье. Всем им он надавал и книг, и икон на благословение и вновь сказал несколько задушевных слов. После благословения у себя в келье о. Никодим повел поклонников к о. Архимандриту, где они все до единого вновь получили благословение и книгами, и иконами, и просфорами. Надо было видеть восторг поклонников от всей этой благодати!

В 4 часа отъезжавшим была предложена вторая трапеза, после которой они отправились на пристань Дафну, находящуюся в 5 верстах от Пантелеймоновского монастыря, чтобы там сесть на пароход, отправляющийся в Одессу.

В местной монастырской бухте к 6 часам вечера, 19-го мая 1905-го года, уже была готова к отплытию в Дафну флотилия монастыря. На баркас и две лодки уселись около трехсот паломников. Багаж их уже был уложен раньше. Общий любимец всех поклонников, о. Никодим, сам вышел их провожать. И тут происходили умильные сцены прощания. Энтузиазму, казалось, не было предела.

«Прощай, дорогой Афон! Прощай, дорогой отец Никодим!» — раздавались крики: «Благослови нас, чтобы благодать Афонской горы пребывала всегда с нами и с нашими близкими!»

Пока готовились отчаливать, некоторые по несколько раз выходили из лодки, чтобы передать что-либо о. Никодиму или еще раз принять от него благословение, поцеловать еще раз его руку и одежду. И он с неиссякаемой любовью отверзал свои объятия всякому из случайных духовных чад своих, которых отпускал теперь с благословенного Афона в далекую Россию... А что делалось в лодках, того и не изобразить пером! Все друг перед другом старались погромче, чтобы быть услышанным, прокричать свой прощальный привет Афону и святому старцу:

«Прощайте! Благословите!»

Умилительная картина! У многих отъезжающих текли слезы.

«Благослови, о. Никодим, отчалить!» — крикнул вахтенный. О. Никодим поднял руку и благословил: «Отдай!»

И с этим словом отданы были чалки, буксирный пароходик запыхтел, закачались лодки — и флотилия двинулась. Паломники запели пасхальные стихиры и стали медленно удаляться от берега.

В день причастия, ради величия Таинства, я стараюсь безмолвствовать. Но как было тут безмолвствовать, когда с отъездом двух моих товарищей по путешествию порывались для меня последние две ниточки, связывавшие меня с дорогой моей родиной, с Россией?! Они стояли в лодке, на виду у меня, и делали мне рукой прощальные знаки. На сердце у меня защемило, холодом одинокой тоски повеяло в душе, но, с Божией помощью, я скоро оправился и предал себя всецело в волю Божию.

Скоро утешил меня Господь: с пятницы на субботу, во время обедни, отвели меня к о. Архимандриту Нифонту. Он вежливо, но кратко, спросил меня, что мне нужно. Я ему ответил довольно несвязно, что хочу монашества. Он спросил: почему? И задал еще несколько кратких вопросов. Затем благословил и сказал, что примет.

— Седмицу, — сказал он, — ходите по монастырю.

— Нельзя ли поскорее?

— Хорошо! — ответил он.

Я поклонился и, утешенный, вышел. Все представление о. Архимандриту, решавшее, казалось, всю мою судьбу, продолжалось не более 2–3 минут.

Вместо седмицы прошло почти полторы.

Через полторы недели, в среду, меня опять повели к о. Нифонту. Раньше меня принял благословение на поступление в монастырь один нижегородский старик, из богомолов. О. Архимандрит послал его на послушание в красильню. Давая мне благословение после него, о. Архимандрит сказал:

— И вы тоже пойдете в красильню.

Вот сегодня, в четверг, 2-го июня 1905 года, отведут меня, раба Божия Димитрия, на место моего монастырского послушания, начала моего монашеского подвига. Что ждет меня? Прощай, брат мой Ваня, прощай сестра, прощай вся семья Ванина, такая мне дорогая и близкая!.. Конечно, ничто меня не смущает, я на раны готов: сам препоясываться не хочу — пусть Он, Господь мой, Сам меня препояшет и ведет. Всему я очень рад. Наконец-то наступило время служения моего Богу безраздельно! Какое бы ни назначили мне послушание — почетное или унижительное — Его святая воля да будет! Желал бы я только одного, чтобы время не тратилось без пользы для монастыря и спасения моей души и чтобы Бог помог

приладиться к послушанию, да чтобы уж не слишком ломался внутренний строй моей жизни.

Царица моя Всеблагая во всем заступит и вразумит меня. Ей, Премилостивой, себя я поручаю в святом жребии Ея Афонском...

* * *

Сегодня благочинный, о. Д., при о. Архимандрите, отвел меня и старика-нижегородца на место послушания к отцу В., заведующему красильной. Благочинный заставил нас сделать по два поклона перед иконами, а третий отцу В. При этом о. благочинный посмотрел на меня и изрек:

— Как я тебя провижу, не прожить тебе здесь более двух недель!

Горько мне стало. Да не будет сего!

* * *

О. В. отпустил нас до вторника. В субботу, под Троицу, Бог сподобил меня причаститься в Покровском соборе. Бдение под Троицын день совершалось по новому афонскому уставу от 12 часов ночи до 10 часов утра. На этот раз Господь привел стоять без особого труда. Парадная вечерня совершалась в 4 часа пополудни с коленопреклонением, а повечерие — с чтением акафиста Пресвятой Троице.

* * *

Сегодня вторник, 7-го июня, день начала моего послушания. Я встретил его совершенно спокойно. Был в церкви и после ранней обедни, в 12 ч. дня, представился отцу В. как его послушник. Со мной пришел и старик-нижегородец. О. В. ласково к нам отнесся и поручил своему монаху отвести на трапезу и накормить (трапеза мастеров бывает раньше общей).

Первое послушание нами выполнено было блистательно.

Затем нас одели в рабочую монашескую одежду, надели на голову войлочный черепеник, дали маленькую краскотерку и заставили тереть краски. Это было мне по силам. Затем, когда я стер краски, заставили таскать щелочную золу. Это уж мне не было по духу, но я и это послушание понес без ропота, убеждая себя, что послушание есть венец монашеских подвигов. Тут за стариком-товарищем пришел благочинный и перевел на другое послушание.

На другой день, в среду, таскал в сарай сено с монастырской пристани.

Трудно мне привыкать к моему послушанию: оно грязно и непосильно — тяжело для меня; здоровье мое мне не позволяет быть на черных работах. Но во всем полагаюсь на Царицу Небесную. Решил терпеть даже до крови.

Благочинные не скупятся на дерзкие выговоры: каждый день я получаю их в изрядной порции. Для новоначальных, быть может, это и требуется, но для меня трудно переваримо: такое обращение противоречит словам послания Св. Апостола Павла — *вы, духовные, исправляйте таковых духом кротости», «все любовью у вас да бывает»* или — *«несите немощных немощи»*...

Решился отправиться к о. Архимандриту просить облечь в послушническую одежду и дать келью. Едва до него добрался. Меня, кажется, от него оттирают. Не успел и рта я разинуть, как о. Нифонт сейчас же приказал выдать мне одежду, но насчет кельи вопроса не решил.

19-го июня оделся в послушническую одежду и на этот же день получил записку о переводе меня в канцелярию, под начальство к отцу С. Тут уже совсем другая атмосфера: писаря — народ деликатного обращения, и если куснут, то с вежливостью и исподтишка.

Атмосфера в канцелярии другая, а люди-то все те же. Главный наш всех порок — болезненно-развитое самомнение и самолюбие; все — учителя, и никому не хочется учиться. В солдатах, в новобранцах, мне приходилось испытывать нечто подобное тому, что довелось понести в канцелярии. Казалось бы, что общего? А между тем все то же: внешний устав соблюдается, снаружи благочинно, а любви нет. Благодарение Господу, старец-начальник, о. С., человек, кажется, кроткий, доступный и снисходительный, да кроме того и тактичный, ибо умеет улаживать отношения и приводить к миру.

Понемногу начинаю свыкаться со своим писарским званием. На товарищей стараюсь меньше обращать внимания, а все-таки тяжело за себя и за них.

Где цель наша — искание чистого монашества? Вечно в пересудах, зависти, нелюбовности; все думаем о себе, что мы нечто, тогда как мы ничто без руководящего нас Господа.

* * *

Надоедают послушания во время утрени на кухне, надоедают и не нравятся. Кроме того отрывают и на иные послушания: то в прачечную, то на кладбище, то в усыпальницу, куда кладут черепа и кости, отрываемые из могил после трех лет со дня преставления.

* * *

Сегодня я был назначен с другими четырьмя братьями сторожить тела двух утонувших по неосторожности в споре рабочих. Это случилось в ночь с 26-го на 27-е июня. На горестное и вместе полезное размышление навело меня это послушание. Стоя против трупов, уже смердящих, лежащих на полу в рогожах (здесь так убираются тела усопших), тянул я четки и поминал утопленников — Дмитрия и Иоанна. Ужасное совпадение! Это имена — мое и моего брата, о котором болит и плачет мое сердце и которого с волнами житейского моря я теперь оставил бороться без моей помощи. И нужно же было из тысячи Пантелеймоновских монахов попасть на это послушание мне!

* * *

Но не все для меня темно в обители, много и свету в ней для моего измученного сердца: постоянно, когда не на послушании, в церкви; благочестие и религиозность не вышучиваются, как в миру, и не высмеиваются. Приобщаться новоначальных обязывают раз в каждые две недели. Монахи причащаются еженедельно. Это ли не милость?

* * *

С радостью примечаю, что раздражительность моя начинает ослабевать, и на ее место водворяется мир, почти ненарушимый; совесть уязвляется реже, мирской мятеж слабо отражается в сердце, несмотря на то что из России доходят слухи о наших тяжких поражениях на Дальнем Востоке, о буйствах внутри родной страны, в Одессе в особенности. Волнует это все душу, но только пока слушаешь сообщение... А у меня не пылка ли любовь к родине! Но предаешь и себя, и все Богу, и становишься опять мирен.

24 июня приобщался Св. Христовых Таин. Вот уже с Троицы не пью чаю во избежание простуды. Здесь многие болеют от простуды, несмотря на стоящие жары... Присматриваясь построже к своей духовной жизни, убеждаюсь, что она у меня замерла, и в обитель Царицы Небесной и Св. Великомученика Пантелеймона я прибыл как раз вовремя, а то нельзя было бы уж и возбудить к жизни мою омертвевшую душу. Да и теперь — дышит ли еще она? Жива ли? Чуть слышно мне биение ее пульса. А мусору-то, мусору-то сколько! Много нужно поработать, чтобы очистить всю грязь и копать греховную и воскликнуть вместе с пророком: *Жив Господь, и жива душа моя!*

Помилуй меня, Господи!

Кроме главного моего писарского занятия, идут своим чередом и неожиданно на меня налагаемые, частные послушания: сегодня — уборка в трапезной, а 30-го читал псалтирь по усопшим. Благодарение Господу, житейские мои скорби и превратности приучили меня к терпению, а то бы не вынести этой монашеской пробы моего характера. О.о. благочинные ни одного дня не пропускают без выговора в самой грубой форме, то за поклоны, то за шапку, которую забываю вовремя снять в церкви во время Богослужения. Все это — мелочи, но они раздражают и повергают в некоторое расслабление и даже уныние. Может быть, такое обращение и правильно — судить не берусь, — но я покоряюсь ему с большим принуждением и очень смущаюсь. По-моему, оно не отвечает учению свв. отцов и руководителей монашеской жизни; нетактично и неспасительно применять ко всем без различия такую грубую, озлобляющую систему духовного воспитания. Я пришел в монастырь закаленным злобою мира, от скорби великия, а то бы исполнилось на мне предречение благочинного о. Д.: не прожил бы я и двух недель в обители...

Время идет невидно: работа и передышка следуют друг за другом; некогда даже и на Афонскую природу полюбоваться. Все имеет свою хорошую и дурную сторону: хорошо на Афоне, но много и тяжелого...

27-го июня, в 5 часов утра по местному времени (по нашему, в половине первого ночи) было довольно сильное землетрясение. Я спал и проснулся,

не понимая, в чем дело. Повернулся на другой бок и заснул, избежав тем тягостного страха и волнения. Говорят, такие землетрясения на Афоне бывают довольно часто. Найдется кроме того и другое кое-что — частые разбои и нападения греков на русских келлиотов...

* * *

Все неприятности с Божией помощью переношу благодушно. Нашлись и благодетели, которые ободряют меня. «Все пройдет», — говорят они и называют новоначалие в монастыре временем самого тяжелого искуса. Обещают скорое пострижение.

* * *

Это время (по 8-е июля) шло мирно. Кроме писарского, других послушаний не нес из-за пореза пальца на левой руке. Только в прачечной, где я в первый раз мыл свое белье, произошло у меня легкое столкновение. Простое это дело — стирка, но к нему все-таки нужно приспособиться. Расположение духа было неважное. Попросил у одного молодого монаха указания, как приступить к этому новому для меня делу, и получил насмешливый ответ:

— Сам узнаешь!

Этого было довольно, чтобы лишить меня мирности, и я ответил ему дерзкой фразой. Мы побрались, к счастью, не слишком горячо. Горечь этого события сменилась вскоре удовольствием: первый опыт стирки прошел довольно удачно, и белье мое мне показалось довольно чистым.

Мытье белья здесь обязательно для всех, даже для старцев-иеромонахов. За деньги здесь ничего не делают, и я уже второй месяц не знаю употребления денег и их совсем у себя не имею.

Это ли не рай на земле?!

Сегодня, 8-го июля, в день Казанской Божией Матери я сподобился причаститься Св. Христовых Таин и теперь благодушествую в ожидании перехода из фондарики (гостиницы) в свою келью в монастыре. Время идет, но перемен в моей жизни не видится. У служб бываю только у литургии и повечерия: остальные службы заменяют послушаниями, чаще всего приходится быть на кухне. Послушание это тяжелое и грязное, да кроме того дышишь плохим воздухом.

* * *

С большим интересом ожидал я главного монастырского праздника Св. Великомуч. Пантелеимона. Перед праздником в монастыре все мылось,

прибиралось и чистилось для встречи гостей. Гости эти — большую частью, почетные монахи Св. Горы, их приближенные и сиромахи, т. е. пустынники, живущие в самых диких местах Афона.

Гости прибыли в монастырь накануне праздника, утром.

Их встречал о. настоятель с братиею торжественно, колокольным звоном и ружейной пальбой. Гостей собралось около тысячи. Это была, как туча черная. Вид сиромахов был ужасен: худые, бледные, изможденные; одежда рваная... Между ними попадались и иконописные лики маститых старцев, как видно, не вотще текущих.

С назначением меня к пожарным рукавам для поливки монастыря во время вечерни наблюдения мои кончились. Я не видел знаменитого бдения, начинающегося в полночь и оканчивающегося почти в полдень: эту ночь и утро я провел на послушании в кухне. От ранней обедни, на самый день праздника, я тоже был отправлен до вечера на кухню, и это меня очень огорчило.

В день-этот мне пришлось участвовать в кормлении сиромахов. Они с жадностью набрасывались на всякую пищу, какая только им не попадала под руку. Монахи с ними обращаются с большим пренебрежением, не как с гостями, а как с презренными нищими, едва не толкая их по шее. Терпению и выносливости их я удивлялся. Покормивши их, им дали денег, и к вечеру во всем монастыре уже не оставалось ни одного сиромаха.

На второй день праздника монастырская жизнь потекла своим обычным порядком.

* * *

За время моего пребывания в обители со мною случилось два серьезных искушения: заели было паразиты, и вернулась старая моя болезнь; но милосердие Божиим оба эти искушения скоро меня оставили. Много меня в это время утешал о. Никодим.

* * *

На этих днях меня освободили от частных послушаний. Это громадная для меня льгота.

* * *

Сегодня, 11-го августа, через о. В. из Сретенской кельи получил письмо от сестры из России: брат мой, Ваня, умер. Это известие меня, как громом, поразило. Первою моею мыслью было сейчас же лететь утешать сирот и заменить им собою отца. Но подумал и решил предать и их, и себя в волю Божию.

Господи! Не до конца прогневайся на нас, не погуби нас с беззакониями нашими. Обрати, Господи, гнев Твой на милость, не помяни грех юности нашей и неведения нашего, Человеколюбче!

* * *

Вот уже несколько дней прошло, как я получил келью и ключ от нее. Остается испросить благословение настоятеля побелить и переходить. Что будет мне келья эта: гроб ли, или добрая жизнь?

Пресвятая Богородице, помоги!

На Преображение приобщался Св. Христовых Таин и, кажется, утолил несколько скорбь об умершем брате. Но что будет с сестрою нашей, что будет с сиротами?..

Сегодня понедельник, 22-е августа. Перебрался в келью. По первому впечатлению, хорошо. Размеры кельи $5\frac{1}{2}$ аршин на $3\frac{1}{2}$. Внутри обелена известкой; мебель деревянная: кухонный стол, крашенный, внизу шкафчик, табурет, шкаф с занавеской для платья, кровать — доски на козлах — вот и все, да больше ничего и не нужно.

Но вскоре обнаружили и неудобства: единственное окно моей кельи выходит к конюшням и помещениям наемных рабочих. Несмолкаемый их говор и крики мулов — это неприятно, да кроме того и помещение-то мое находится вне монастырской ограды. Самого-то главного и дорогого — монастырской тишины — я, оказывается, и лишен, да к тому же и удален от центра всей своей деятельности, которая вся проходит внутри обители. Говорят еще, что в холодное время вредный ветер дует именно с той стороны, куда выходит единственное окно моего помещения. Пока это еще не страшно: хотя и 1-е сентября, но жара стоит невообразимая, и солнце палит ужасно. И такая-то погода стоит с мая, от которого до сих пор было не более двух-трех дождей. Ежедневная температура — от 35 до 40°. Для меня это невыносимо. Хорошо еще, что по временам дует прохладный горный ветер.

* * *

Масса больных дизентерией и другими болезнями. Больницы переполнены до того, что уже нет места для новых больных. Трудненок мне Афон, но Царица Небесная не дает совсем падать духом. Все мои старые болезни, которые я когда-либо имел, здесь все ополчились на меня сразу, как грозные кредиторы, с неутолимимым требованием расплаты. Невольно напрашивается мысль: на что я годен? Работать не могу, писать трудно, петь и

читать вредно. То не могу, то не умею, то вредно — весь немощен, весь ни к чему не потребен. Хочу носить немощи других, а сам для них являюсь бременем.

Но не в немощах ли наших сила Божия совершается?!

* * *

Вот уже и 18-е сентября. Вчера приобщился Св. Христовых Таин. Какое истинное утешение и благо! Его не заменить никакими земными благополучиями и утехами...

Вчера вспоминал молитвенно моих именинниц и крестниц — дочерей моего усопшего брата, а с ними и других близких. Болезненно заняло мое сердце при этом воспоминании: что теперь с ними?

Здоровье мое несколько улучшилось.

* * *

На днях ходил на виноградники, принадлежащие Пантелеймоновскому монастырю, для резания винограда. На это послушание, по обычаю, ходят все монахи — и старые, и молодые — как на прогулку. Этим послушанием я остался очень доволен. Завтра отправлюсь в дальние келлии монастыря на 3 дня резать виноград.

* * *

2-го октября. Вот уже второй день и Покрова. Это местный праздник, подобный дню Св. Великомученика Пантелеимона, но почему-то без особенной сутолоки. И этот праздник прошел торжественно и спокойно.

Накануне праздника, в 2 часа пополудни, прибыл настоятель Андреевского скита и с ним братии до 10 монахов. Встретили их со звоном, со славою, ввели в Пантелеймоновский собор, отслужили краткий молебен, а затем проводили на покой в царский фондарики, где гостям было предложено угощение. Здесь с давних пор заведено, что во время праздников настоятели обоих монастырей замещают друг друга для совершения Богослужения: Пантелеймоновские праздники служит в Пантелеймоновском монастыре Андреевский настоятель, а Андреевские в Андреевском — наш о. архимандрит Нифонт.

Сиромахи уже с утра толпились в нетерпеливом ожидании удовлетворения главного и неизменного их кредитора — чрева.

Увы, увы! Насколько велико здесь стремление к удовлетворению телесных потребностей, физического голода, настолько мал запрос на духовное

питание. У всех на уме трапеза и «утешение» — сухарики, бараночки, конфеты, сливочное масло, яблоки, всякие сласти и... вино.

Чрево и самолюбие — это две главные пружины Афонской жизни; все остальное, чем жива душа человека, замерло. Есть, конечно, и добре подвизающиеся — иначе бы не стоять Афону, — но их не видно, они скрывают себя, и я их не знаю.

Поживу подольше, может быть, и увижу...

* * *

Накануне праздника меня назначили в чайную, чтобы поить сиромахов, а после них арагатов*. Сиромахов пришло на праздник человек 300. Были и молодые, и старые — и те, и другие оборванные и худые, как скелеты. Аппетит у них волчий. Они пили чай с неимоверной жадностью и все умоляли подбавлять сухарей из белого хлеба, которых им разнесли несколько больших мешков. Чаю они выпили неисчислимое количество. Нас, служащих, было 10 человек, и мы едва успевали подавать, несмотря на то, что чай с сахаром уже заранее был приготовлен в больших котлах, и наше дело было только разливать готовое. Бог с ними! Эти были хоть благодарны. Не то арагаты: им ничем нельзя было угодить, и они пили и ели чуть не с проклятием.

* * *

6 октября. Погода здесь, как у нас в августе.

* * *

24 октября тихо и безболезненно скончался праведной кончиной Архимандрит Нифонт. Несколько раз приобщался и был пособорован. Царство ему небесное! К телу Архимандрита прикладывались монахи, был допущен и я. Лежит он на диване в своей келье, в обстановке довольно бедной, в монашеском келейном одеянии, совершенно, как живой.

* * *

Прислушиваюсь к разговорам и толкам, вызванным кончиной настоятеля, и вывожу заключение, что мы точно не аввы лишились, а какого-то дальнего родственника: большинство совершенно равнодушно,

* Монастырских рабочих.

были бы и еще равнодушнее, если бы не неожиданность кончины. Шел толк о том, какие будут гости, да какое будет угощение. Смушает это меня, немощного.

* * *

26 октября. Сегодня на день моего Ангела, Св. Великом. Димитрия Солунского, удостоился причаститься Св. Таин. Кончилась служба в храме, где я был, а через полчаса кончилась и литургия в Покровском соборе, где стояло тело почившего нашего настоятеля. Из Покровского собора тело после литургии было перенесено в Пантелеймоновский, где полагается отпевать всю старшую братию. Монашествующего люда собралось множество во главе с архиереем, несколькими архимандритами и игуменами. Картина отпевания была торжественная. При перенесении тела из собора в собор производилось фотографирование процессии.

Блажен почивший, избежавший бедствий, грядущих на вселенную, в частности — на начальников монастырей! У меня невольно вызывалось восклицание: «блаженны умирающие о Господе!..»

Отпевание длилось около 3-х часов. Поминальная трапеза началась только в пятом часу, и ею закончилось земное странствование Архимандрита Нифонта.

После вечерни я пришел в свою келью и поблагодарил Бога за то, что день моего Ангела прошел так мирно и благочестиво. Вспомнилось, что в миру не так проводился этот день... Нет, в монастыре все-таки лучше!..

* * *

Наступила ночь. В 4 часа утра я лег спать. Только что я заснул, как проснулся от страшного стука, повторившегося два раза: это, как оказалось, бушевал психически больной, живущий в нашем коридоре. Какое-то смутное беспокойство закралось мне в сердце, но я все-таки вновь заснул на короткое время. Без четверти шесть часов я проснулся, но по лености своей опять лег, хотя до заутрени оставалось только час, и его надо было употребить на канон. Без четверти семь я снова проснулся и только хотел было встать, как — о, ужас! — затряслось все наше здание и запрыгали в моей комнате все предметы, как живые. Я вскочил и бросился на колени пред образом Спасителя, затем стремглав побежал в собор к утрени, чтобы хоть там обрести себе успокоение, ибо страшно был испуган. На этот раз все монашествующие, без отсталых, были в храме, и все в великом страхе. И было с чего: живущие более 40 лет в монастыре старцы говорят, что таких толчков они еще не испытывали на Афоне.

Перед началом утрени затряслось опять, но толчки были слабее. К общему удовольствию, вместо утрени начали служить молебн Божией Матери. Всем хотелось молиться, и молебн на всех подействовал успокоительно. Но вот пошли опять толчки все сильнее и сильнее; заколебалось и застучало здание храма, в котором мы молились. Но все-таки и это землетрясение не было сильным. После молебна началась утренняя, во время которой толчки повторялись. Молодежь едва владела собою, но старцы были довольно спокойны... Толчки продолжались, но легкие... Вот тут-то и постиг я впервые отчетливо-ясно все непостоянство и суетность земного...

Только что возгласили: «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим», — как ударил такой сильный толчок, что тут и старые, и молодые — все утратили душевное равновесие и устрашились. И было с чего, когда на наших глазах стали расседаться своды, а в алтаре из куполов посыпалась штукатурка и полетели кирпичи.

— Вот и конец тут всему!..

Сердце заколотилось в груди, готовое из нее вырваться.

Утренняя прервалась. Диакон взволнованным голосом стал тянуть четку:

— Пресвятая Богородице, спаси нас!

Все стали метать поклоны. После сотницы стали продолжать утреню и, слава Богу, окончили ее благополучно. Толчки повторялись, но уже не такие сильные.

После утрени во всех храмах начались ранние обедни, а после них назначен был крестный ход вокруг монастыря. Во время ранней обедни был изрядный толчок, а затем все стихло.

В начале второго часа дня ударили в колокол в крестном ходу. Монахи собрались все до единого, и начались толки: один рассказывал, что видел знаменательный сон; другой, что это землетрясение было предсказано каким-то подвижником и т.д., и т.д. Стенные часы, оказывается, остановились у всех вместе с курантами на колокольне.

Крестный ход окончился благополучно, хотя почва все еще продолжала колебаться, но не сильно, не угрожающе. В 6 часов вечера все утихло, и все приступили к обычным своим занятиям.

В 8 часов вечера вновь начались довольно сильные толчки, и земля опять заколебалась, и опять всеми овладел жуткий страх. Под землей слышался гул. По монастырю всюду повреждены храмы и здания, сломаны дымоходные трубы, съехали черепичные кровли, своды и стены дали значительные трещины. Со всей горы идут известия о катастрофе, сопровождаемой повсеместным разрушением. Страшно!

На повечерии опять сильно трясло, но только с расстановкой. После службы мало кто и пошел на отдых в свои кельи, боясь оказаться погребенным под их развалинами. Нервы у всех были напряжены до последней степени. Некоторые монахи ночь провели в куцах, а кто пошел в свою келью, тот не спал. Я часочка два от сильного утомления успел вздремнуть, хотя небольшое трясение продолжалось еще всю ночь. Понемногу даже и к нему начинали привыкать, но спокойствие едва ли кому удалось вернуть.

28-го октября опять трясло и за заутреней, и за ранней обедней. В трапезе на три дня назначили пост. На занятия явились, но без всякой энергии — у всех руки точно отвалились. Земля все еще колебалась. В 10 часов вечера был опять сильный толчок, за повечерием тоже. Эту ночь опять провели без сна. Толчки продолжались всю ночь.

Так же беспокойно прошел и день 29-го октября. 30-е пришлось на воскресение. Назначено бдение и крестный ход. Слава Богу, воскресный день прошел благополучно.

Общее несчастье благотворно отозвалось на взаимоотношениях старшей и младшей братии: сразу установилось нечто вроде равенства и братолюбия, чего до землетрясения не было и в помине, ибо послушники и монахи, иеромонахи в особенности, отстояли друг от друга, яко востоцы от запад.

Пришел пароход из России, и с ним прибыли новости одна хуже другой: в Одессе будто бы перебили уже более тысячи евреев; Царь подписал якобы конституцию; будто рвут и предают поруганию царские портреты. Не хочу верить всем этим мерзостям, не хочу о них и слышать; предпочитаю не удовлетворять возбужденного любопытства и умолять Господа о ниспослании сынам России Духа Божия, Духа разума, Духа ведения и благочестия, дабы прекратилось нестроение вражие на дорогой моей родине.

* * *

Легкие колебания продолжались 31 октября, 1-го и 3-го ноября от 5 до 6 раз в сутки. С горы идут слухи, что местами будто бы появилась лава и бывает виден вулканический огонь: но эти известия требуют подтверждения. Настроение у всех угнетенное, и оно способствует возникновению всякого рода дурных слухов. Из уст в уста передаются пророчества каких-то старцев о том, что сильное землетрясение вскоре повторится и разрушит весь Афон.

* * *

6-е ноября. Землетрясение все еще продолжается до сего дня. Замечательно, что сильные точки бывают через определенные промежутки времени:

в час пополудни, после повечерия и в 7–8 часов утра, во время заутрени. Когда происходят такие толчки, то все здание трясется.

Погода у нас стоит все время теплая ходим в летней одежде, и в кельях все окна открыты. А в Москве уже, наверно, теперь зима.

* * *

7-е ноября. Слава и благодарение Богу и Царице небесе и земли: ни вчера вечером, ни сегодня не было больше колебаний почвы, не было и зловещего подземного гула, который не умолкал все время и наводил ужас на всех нас, грешных.

Сегодня торжественно, с красным звоном встретили нового нашего настоятеля, бывшего наместником и настоятелем на Одесском подворье. Имя его — Мисаил. Он приветлив, обращение его простое, но держит себя с достоинством, по-архимандритски. С его приездом стало как-то спокойнее на душе: случись опять землетрясение, и оно, кажется, не показалось бы таким страшным. Таково влияние на человеческую душу законной власти.

* * *

16-го ноября. До сегодняшнего дня все было почти спокойно. Если и бывали подземные толчки, то такие легкие, что даже не всем были заметны. Но вот сегодня, в 4 ¹/₂ часа утра опять началось сильное землетрясение. Я спал и проснулся оттого, что подо мной, в буквальном смысле слова, запрыгало мое ложе. Здание потрясилось, вываливались кирпичи, стены дали трещины. Не более 20 секунд продолжалась эта встряска, но, как потом оказалось, она причинила огромные бедствия на всей горе Афонской и сопровождалась даже человеческими жертвами: в Иверском монастыре, в монастыре св. Анны было убито свалившимися с гор камнями несколько человек рыбаков. Камнями же было повреждено и даже совсем разрушено много калибок, т.е. маленьких келлий, в которых проживало по одному, по два монаха.

* * *

Опять стало тихо. Толчки не повторяются, но зато из России доходят страшные известия. Боже, что творится там! Убийства, бунты, кошунства в церквах, осквернение святых. Куда девалось обезумевшее начальство, покинувшее свои посты? Где власть?.. Как-то вас, моих дорогих, в Москве Господь милует? Неужели мой вопль о вас не дойдет до Господа?

Помилуй и их, и меня, Боже, Спасителю мой!

24 ноября. Все это время было относительно покойно. Сегодня же опять в заутреню, в 6 1/2 часов и 8 часов утра, были сильные толчки, повторявшиеся с какой-то резкой отрывистостью. Опять все в страхе. Что же это будет?

* * *

12 декабря. Опять все спокойно. Но что творится на дорогой нашей родине! Там безумие достигает, кажется, своего предела, того предела, за которым неминуемо должно последовать разрушение русского царства, если только не оглянется Господь...

Увы! И у нас конец покою: сегодня, в 9 ч. 45 м. вечера, вновь было землетрясение, сильное и отрывистое, но повреждений от него не было.

* * *

14 декабря. Подземный гул опять не утихает, и опять трясется земля, хотя и не сильно.

* * *

20 декабря. В нашем коридоре живет монах, по мнению одних — прельщенный, других же — просто сумасшедший. Собирался я сегодня в 3 часа дня идти на послушание и встретил при выходе из кельи этого монаха. Не успел я опомниться, как он подскочил ко мне и ударил с такою силой, что я пошатнулся и упал навзничь, ушиб и оцарапал при падении руку.

«Как ты смеешь меня бить?» — вскричал я и хотел было, в свою очередь, его ударить, но вместо того дважды осенил его крестным знаменем. Монах стоял недвижимо и мне ничего не отвечал. Дело дошло до архимандрита, и ударившего меня монаха отправили в арестное монастырское помещение. Странно: от удара боли нет ни физической, ни нравственной.

Все это не важно. Но вот что важно: плохо духовное мое состояние, есть одно только доброе хотение, а дел не имею и все время творю не то, что хочу, а то, что не хочу, делаю. Время же улетает безвозвратно. Когда же восстану во всеоружии Божиим, да освятит мя Христос Бог?..

* * *

11-го января 1906 года. Проводили Рождество Христово, новый год, Крещение — эти великие и святые дни для верующих. На Афоне праздники

эти — не в церковной, конечно, жизни, а во внешней — мало чем отличаются от обыкновенных дней. Если бы не церковные службы, не календарь да не особые кушанья в трапезной, я бы не заметил и праздников. Не было духа праздничного.

Трапеза была следующая: первое блюдо было греческой кухни. Название его я забыл, но монахи говорили, что кушанье это долго готовится и дорого стоит — 50 к. на человека. Это какая-то кисло-сладкая размазня острого вкуса, и состоит из овечьего сыра, разных сортов орехов и других приправ. Мне это блюдо не понравилось. Второе блюдо — «мурун» — белуга, разрубленная на мелкие кусочки, в холодном соусе. При этом каждому полагалось по 2 апельсина и вино.

Чреву, стало быть, был праздник.

Сегодня был гром и молния, и льет дождь. Это вместо наших крещенских морозов... Землетрясения не было.

Но что в России? До нас доходят слухи, что в Москве совершается невозможное революционное буйство. Молюсь за вас, мои дорогие, да не коснется вас эта казнь Содомская! Где-то теперь вы? Что с вами?..

* * *

20-го января. Хочу поскорее связать себя с Афоном. Сегодня представился отцу настоятелю и просил его постричь меня в ближайший постриг, т.е. Великим постом. О. Мисаил советовал обождать еще год. Я настаивал.

— Слова не даю, — сказал мне настоятель, — поговорю со старцами.

Беседу эту я передал о. Никодиму. Он уверил, что постригут обязательно.

Буди на все воля Божия!

* * *

Земля, слава Богу, успокоилась, но мое сердце волнуется и едва выносит тот «мир», который заполнил собою внутреннюю монашескую жизнь, загнав духовность в такой дальний угол, в котором ее и днем с огнем не отыщешь. Афон, Афон! Долго ли еще твоему стоянию потерпит Господь, и не отступает ли уже от тебя благодать Царицы Небесной, обещавшей блюсти тебя до скончания века, пока монахи твои сами блюсти будут во всей святине свое монашество? Боюсь, что время гнева на тебя уже близко, и не к тому ли заколебалась под тобою с такою силой земля, что дела твои взвешены на весах правосудия Божия и оказались слишком маловесными? Не за то ли и над сестрой твоей по духу, Россией, уже гремит гроза Господнего гнева, и брат восстает на брата,

и льется потоками родная кровь? Не так же ли легковесны стали и твои дела, дорогая моя родина?

Страшно!

* * *

7-е февраля. Вот уже и сырная неделя наступила, в миру «широкая масленица». Здесь ее не заметно. Только сегодня за вечерней поклонами показался пост, Великий и спасительный. Первая его неделя здесь может показаться многим непосильной: первые ее два дня — неядение для всех, и только во вторник вечером трапеза, состоящая из ломтя хлеба и смоквы от среды же и до субботы — сухоядение. Пост я встречаю с радостью, жду благодатной помощи, а также и того, что речет о мне Господь, ибо желаю Ангельского образа.

Сегодня видел афонскую зиму: в воздухе покрутилось несколько снежинок, да со своей бороды смахнул их две или три — вот и вся зима. Холодно, но мороза нет.

* * *

12-го февраля. Сегодня прощенное воскресенье. Вечерня началась ранее обыкновенного — в 8 часов вечера. Необычен здесь час последней перед постом вечерней трапезы, которая бывает в два часа пополудни. Промежуток времени между вечерней и этой трапезой проводится в хождении по духовным отцам, старцам и всей братии: у всех испрашивается прощение.

В половине второго пополудни дали повестку на трапезу. Я с большим любопытством поспешил увидеть это, как мне говорили, необычайное зрелище. Действительно, вид ярко освещенной трапезной был великолепен: всюду зажжены фонари, как на иллюминации; множество ярких ламп и кроме того на каждом столе свечи — все это давало столько свету, что едва не ослепляло глаз, отвыкших от такого ночного освещения. На столах же были расставлены, по монашескому выражению, «вся благая»: щи из свежей капусты, холодная белуга под соусом (мурун), жареная свежая рыба, по одному вареному яйцу на брата, макароны с овечьим сыром и вино. Братии собралось душ 800. Необычайно было видеть при таком ярком свете среди ночи черные фигуры пирующих монахов.

После ночного пира все отправились в Покровский собор для прощения с о. настоятелем и взаимно друг с другом. Кто не видал этого прощения, тот не может себе представить его умиленности. Меня этот древний монашеский обычай тронул до слез.

Это было одним из немногих моих истинно-духовных впечатлений за все время моего пребывания на Афоне, и красота его сохранится моим сердцем на всю жизнь, где бы ни довелось мне ее окончить.

После прощения в канцелярии, на месте моего послушания, нам, канцеляристам, был предложен чай. Ровно в четыре часа утра все закончилось, и я отправился в свою келью на отдых до 8 часов утра.

* * *

25-е февраля. Вот и вторая неделя Великого поста. Всю первую неделю я провел без пищи и неопустительно посещал все службы. Занятий по послушанию ни у кого не было. Подвиг поста и молитвы мне здесь даются легко, и потому-то, должно быть, не было получено мною всей полноты того духовного утешения, какое, бывало, я получал, когда пост доставался мне с большим трудом. За легкий труд, видно, и малое вознаграждение... Теперь во время поста, буду причащаться Св. Таин еженедельно. Великая это для меня милость, которой и цены нет на этом свете!

* * *

19-е марта. Сегодня годовщина тому, как я, бросив свое дело, уехал из Москвы, и поезд уносил меня в Киев. По настоянию своего духовного отца, о. Никодима, три раза был у настоятеля прося постричь, но всякий раз получал неопределенный ответ. А мне-то так хочется поскорее скрепить свой союз с Афоном!

* * *

27-е марта. Вот и Страстная, великая и святая седмица. Правило этой недели то же, что и первой. Послушания прекратились, и всем предложено заняться «единым на потребу».

На днях было легкое землетрясение, но это здесь считается обычным делом.

Христос воскрес!

С вечера было чтение Деяний Свв. Апостолов до 4 часов. В 3 часа начали освещать храм, и о. архимандрит каждому благословлял, т.е. выдавал собственноручно, большую свечу с тем расчетом, чтобы ее хватило на всю службу первого дня и на трапезу, во время которой свечи два раза зажигаются. В 4 часа началась полунощница, и в конце ее было прочитано странное поучение. В начале седьмого часа (около 12 часов ночи по Московскому времени) начали трезвонить, архимандрит служил в нижнем

соборе Св. Вмч. Пантелеимона и, там начавши утреню, обошел собор крестным ходом и прибыл к нам в Покровский собор.

Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!

Утренняя окончилась в 8 часов утра, а в 10 часов началась поздняя обедня. В 12 часов «веселыми ногами» отправились на трапезу, куда со звоном и «славою» прибыл и о. архимандрит.

Описывать ли трапезу? Думаю, что не стоит, ибо ей и без того, помимо моей воли, отведено в моих записках слишком много места.

«Ну, что? Каково у нас? — вопрошали не без гордости меня как новичка некоторые из монахов. — Ведь, нигде этого торжества не встретишь? Не правда ли?»

Но мне приходилось встречать этот праздник праздников в бедных сельских церквях, при самой убогой обстановке, и не скажу, чтобы там мое сердце меньше трепетало от радости, чем здесь, во внешнем Афонском богатстве и великолепии.

* * *

17-е мая. Сегодня — конец моему странствию и послушничеству: с подворья Андреевского скита из Одессы получил письмо со вложением письма от сестры из Москвы. О, ужас! Она и сироты моего брата едва не умирают с голоду и взывают к моей помощи. Что делать?.. Бегу к дорогому моему о. Никодиму...

«Поезжай, спасай ближних! — воскликнул он, выслушав от меня мою повесть. — Это тебе выше монашества».

Батюшка дал мне 50 рублей на дорогу, и в ночь на 19-е мая я уже отплывал от берегов Афона...

Прощай, Афон!

26-го мая я уже был в Москве».

* * *

Таковы заметки моего приятеля о пребывании его на Афоне во дни все-русской смуты 1905–1906 года. Не блещут они ни красотой стиля, ни особой глубиной замысла и наблюдений; но серый будничный, Афон, недоступный наблюдениям обыкновенного паломника, восторженному взору которого Св. Гора представляется обычно только в праздничном уборе долгожданной радостной встречи, такой Афон нашел себе в этих записках верное отражение. И, кто знает, не дух ли этого будничного Афона и вызвал те

жестокие колебания твердынь его, под развалинами которых едва не погибли и сами Афонские святыни?

Образу благочестия без силы его не охранить ни Афона, ни Русской земли он гнева Божия...

9-го МАЯ

Письмо с Афона о нестроениях на Св. Горе. Чудо с юношей в Иверском монастыре.

От будничного Афона, отпечаток которого в записках моего приятеля я сохранил на страницах моего дневника, душа моя с новой духовной жаждой вновь стремится погрузить себя в освежающие, тихие струи Божией реки Оптинской, но... с Афоном, видимо, мне еще не суждено расстаться: сегодня получил от одного афонского подвижника письмо, в котором он, между прочим, пишет следующее: «...не особенно давно, в грузинском Иверском монастыре, занятом греками, возникли тяжелые распри, превратившиеся в кровопролитные столкновения. В этом междоусобном столкновении было ранено 30 человек монахов. Греческие монахи не ограничиваются скандалами в своих монастырях, а совершают посягательства и на чужие: недавно они среди бела дня убили старого русского монаха Моисея; мало того, что убили, а еще и над трупом его издевались... В Ватопеде состоялось совещание греческих монахов по следующему поводу: за последние десять лет старые и богатые русские люди начали весьма часто приезжать на Афон из России, убегая от внутренних в ней нестроений и желая остаток дней своих провести в молитве и мире. Зная, что они с деньгами и желают поселиться на Афоне, греки принимали их любезно и отводили им участки земли, конечно, за очень хорошую плату. Приезжие ставили келлии, отгораживали землю и обрабатывали ее. Теперь, с падением русского престижа на Востоке греки одерзились до того, что после помянутого совещания в Ватопеде в отсутствие хозяев сожгли 10 келлий и вырубали лимонные и масличные деревья их садов. Когда вернулись хозяева и увидели постигшее их разорение, то с плачем бросились жаловаться игумену Ватопеда, но он над ними только посмеялся... Таковы дела рук человеческих в жребии Царицы Небесной. Мудрено ли, что последним остатком его иноков, хотящих проводить жизнь сколько-нибудь духовную, испытывается страх пред ближайшим будущим Афона? Страх этот усугубляется еще и тем, что не так давно в Иверском монастыре произошел такой, всякого удивления и ужаса достойный случай, вернее — чудесное событие, не без участия, думается, в нем Самой Царицы Небесной. Дело было, как рассказывают у нас, так: какой-то юноша, родом будто бы грузин, пришел

в Иверский монастырь и попросил себе у келаря хлеба, сказав при этом, что он умирает с голоду, ибо несколько дней ничего не ел. Келарь отказал. До трех раз юноша этот приступал к келарю с этой просьбой, пока тот не вытолкал его вон за монастырскую ограду. Выгнанный юноша отошел неподалеку от монастыря, лег под куст и стал ожидать себе голодной смерти. Вдруг видит: подходит к нему необыкновенной красоты и величественности некая Жена* и говорит:

— Ты что тут делаешь, мальчик?

— Умираю от голода.

— Отчего же ты себе не попросил у монахов пищи?

— Просил, три раза просил, но мне не только не дали даже и корки, но еще и вытолкали за ворота.

Тогда величественная та Жена подала юноше золотую монету и сказала:

— Поди к иверским монахам и еще раз попроси у них хлеба; если тебе откажут и на этот раз, то подай им эту монету и на нее попроси подать тебе хлеба. И скажи им, мальчик, что та Госпожа, Которая тебе дала эту монету, от них теперь скоро уйдет.

С этими словами Жена та подала юноше золотую монету и удалилась.

Юноша встал и опять направился в Иверский монастырь молить монахов о хлебе. Увидел его келарь и с места начал кричать:

— Ступай прочь, тунеядец: не будет тебе хлеба!

Тогда мальчик протянул келарю золотую монету и сказал:

— Не даешь даром, так дай хоть за деньги!

Взял келарь монету в руку, взглянул да как крикнет:

— Да ты не только тунеядец, а еще к тому же и вор: ты выкрал из иконы Царицы Небесной златицу. Ташите его, братья, к настоятелю!

И потащили юношу к епископу**.

— Вот, владыко святой, привели к тебе вора: он украл у Царицы Небесной златицу!

Взял настоятель в руки монету, смотрит: монета, действительно, та самая, которая была на иконе Царицы Небесной; монета та самая, но как мог похитить ее юноша из запертого киота? Пошли посмотреть: киот заперт и невредим, а златицы нет — она обрелась в руках голодного юноши, которому отказали в куске хлеба монахи Иверские...***

* Женщин на Афон не допускают.

** В Иверском монастыре настоятельством ныне епископ.

*** На месте явления таинственной Жены стоит теперь каменный крест и устроен водоем для дождевой воды. *Прим. редактора Архиепископа Никона (Рождественского).*

Много об этом событии говорили на горе Афонской. А тут еще будто бы в Кутлумушском монастыре, в какой-то древней книге, сказывают, нашли пророчество о последних судьбах мира. У меня имеется выписка этого «пророчества», и по нем выходит, что наступает время быть великой всемирной войне, а вслед за ней явиться антихристу и — конец сему видимому миру...

Перенесенное в 1905-м году страшное землетрясение, отъятие внутреннего мира среди насельников Афонской горы, событие со златицей в Ивере, Кутлумушские предсказания и многое другое, о чем не лезь ми и глаголати, — все это создает на Афоне, по крайней мере, в среде думающих и чувствующих, атмосферу страха, жути какой-то, точно в преддверии неких событий, едва ли не мирового значения, имеющих потрясти до основания ветхий мир, а с ним и наше вековечное монашеское гнездо.

Помилуй нас, Господи!»

Так пишут мне с Афона, четыре года спустя после пребывания моего приятеля на Афоне.

*Аще в сурове древе сия творят, в сусе что будет?**

С. 227 (210)

Редакционное примечание архиепископа Никона к словам:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Царь земный! Вниди в дом Царя Небеснаго, яко твое есть царство, а Его — сила и слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь»**.

25-го ИЮНЯ³³

На этих днях наши аввы — о. архимандрит [Ксенофонт] и о. игумен [Варсонофий] уезжают в Троице-Сергиеву Лавру на монашеский съезд³⁴.

Виделся сегодня с о. Нектарием.

— Каковы, — спрашиваю, — мысли ваши о предстоящем монашеском съезде?

* Лук. XXIII гл., 31 ст.

** По другим преданиям, священник сказал: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се Царь земный грядет в чертог Царя Небеснаго. Тому слава, Тебе — честь и держава. Благословен грядый во имя Господие!» Говорят, будто священник, повторив слово по желанию Государя, дерзнул сказать: «Повторите и Вы, Ваше Величество!» И получил сто рублей.

— Мои мысли? — переспросил он меня с улыбкой. — Какие мысли у человека, который утром скорбен, а к вечеру уныл? Вы, батюшка барин, сто книг прочли: вам, стало быть, и книги в руки.

Мне было знакомо это присловие о Нектария, и потому я не отчаялся добиться от него ответа, хотя бы и притчей, любимой формой его мудрой речи. Я не ошибся.

— Помните вы свое детство? — спросил он меня, когда я стал настаивать на ответе.

— Как не помнить — помню.

— Вот и я, — говорит, — тоже помню. Набегаемся мы, бывало, ребятенки, наиграемся; вот и присядем или приляжем где-нибудь там, в укромном местечке, на вольном воздухе, да и давай смотреть на Божие небушко. А по небу-то, глядишь, плывут-бегут легкие облачка, бегут — друг дружку догоняют. Куда, задумаешься, бывало, путь они свой держат по голубой необъятной дали?.. Эх, хорошо было бы на облачках этих прокатиться!.. «Высоко дюже — нельзя! — со вздохом решает компания. — Не взберешься... А хорошо бы!» И вот среди нас выскивается один, наиболее смысленный: «Эхва, — говорит, — уж и раскисли! Как так нельзя? Здесь нельзя — над нами высоко, а там — показывает на горизонте — там рукой их достать можно. Бегим скорейча туда, взлезем, да и покатым!»

И видим все мы, что «смысленный» наш говорит дело, да к тому же он и коновод наш: ну что ж? — Бежим! И уж готова от слов к делу перейти стайка неоперившихся птенцов-затейников, да вспомнишь про овраг, через который бежать надобно, а в овраге, небось, разбойники, про дом свой вспомнишь — а в доме у кого отец, у кого мать да бабушка: еще вспорют чего доброго!.. Вспомнишь да и махнешь рукой на свою затею: чем по небу-то летать, давайте-ка лучше по земле еще побегаем!

Сказал батюшка свою притчу и улыбнулся своей загадочной улыбкой: понимай, мол, как знаешь!

Я не удовлетворился таким ответом.

— Вы мне, — говорю, — батюшка, скажите прямее: неужели толку не выйдет из съезда?

— Осердится на них Преподобный Сергей, — ответил о Нектарий.

— На кого — на них?

— Да на наших, что туда едут. Чего «собираться скопом»? Ведь это запрещено монашеским уставом. Монашеский устав дан Ангелом: не людям же его менять-стать да дополнять своими измышлениями... Плакать надо да каяться у себя в келлии наедине с Богом, а не на позор собираться.

— Как на позор? Что вы говорите, батюшка?

— На позор — на публику, значит, на вид всем, кому не лень смеяться над монахом, забывшим, что есть монах³⁵... Какие там могут быть вопросы? Все дано, все определено первыми учредителями монашеского жития. Выше богоносных отцов пустынных кто может быть?.. Каяться нужно да в келлии сидеть и носу не высовывать — вот что одно и нужно!

— Что бы, — говорю, — вам сказать все это аввам?

— А вы, — вместо ответа сказал мне батюшка, — не поскучаете ли еще послушать сказочку?

И батюшка продолжал:

— Жил-был на свете один вельможа. Богат он бы и знатен, и было у него много всяких друзей, ловивших каждое его слово и всячески ему угождавших. А вельможа тот был характера крутенького и любил, чтобы ему все подчинялись... Вот, как-то раз на охоте с друзьями отошел к сторонке тот вельможа да в виду всех взял и лег на землю, приник к ней одним ухом, послушал, повернулся на другой бок, другим ухом послушал да и кричит своим приспешникам:

— Идите-ка все сюда!

Те подбежали.

— Лягьте — слушайте!

Легли, слушают.

— Слышите? Земля трещит: грибы лезут.

И все закричали в один голос:

— Слышим! Слышим!

Только один из друзей встал с земли молча.

— Чего же ты молчишь? — спрашивает вельможа. — Или не слышишь?

— Нет, — отвечает, — не слышу.

И сказал вельможа:

— Э, братец, ты, видно тово — туговат на ухо!

И все засмеялись над ним и с хохотом подхватили слова вельможи:

— Да он не только туговат: он просто-напросто глухой!

Сказал свою сказочку батюшка и замолк.

— И все тут? — спрашиваю.

— Все. Чего же вам больше?

И то правда: чего же мне больше?*

* Какое дивное прозрение и поучение заключается в этом сказании: как не вспомнить исход вышензложенной «Оптинской смуты» [см. соответствующий раздел Материалов данного издания]? Не «осердился» ли Преп. Сергий? *Прим. П. М. Концевича.*

27-го ИЮНЯ

Приехала к нам наша любимица и друг наш Олимпиада Феодоровна Рагозина³⁶, о которой я уже упоминал раньше, предполагая видеть в ней «знатную даму», предсказанную о Нектарием... Ну, и измочалил же ее, бедную, мир...

Давно не бывавший у нас о Нектарий сегодня пожаловал — точно предвидел приезд своей «знатной дамы» и с места завел разговор о звездах, уверяя, что на карте звездного неба он нашел свою «счастливую звезду».

Наша Липочка слушала его речи не без удивления, затем отвела меня в сторону и тихонько спросила:

— К чему это он все говорит?

— Не знаю.

— Вы ничего ему про меня не рассказывали?

— Нет.

— Странно.

— Что ж странного?

— Да то странно: я — именно я — всю жизнь искала свою «счастливую звезду» и не нашла ее до сих пор.

— А он, — говорю, — видите, нашел!

— Рассказывайте!?

— Присмотритесь поближе к Оптиной, к нашей жизни, к нашим интересам: быть может, и вы свою звезду найдете...

— А вы, — спросила Липочка, — вашу нашли?

— Видите, — говорю, — не пишем — стало быть, нашли!

Липочка задумалась, но, кажется, речам моим не очень поверила.

1-го ИЮЛЯ

Зашел о Нектарий. Преподав мне благословение, задержал мою руку в своей и говорит серьезно с какой-то торжественной расстановкой:

— В дому Давидову страх велик³⁷.

И засмеялся — куда вся серьезность девалась!

— Что это, — спрашиваю, — значит?

Отец Нектарий опять стал серьезен.

— Некто из наших скитян, — ответил он мне, — сон на днях такой видел: будто он* [о]глядывается в сторону царских врат и к ужасу своему видит, что там стоит изображение зверя...

* Полиграфический брак в изд. Концевича; вероятно, пропущена строка. — Сост.

— Какого зверя?..

— Апокалипсического³⁸. Вид его был столь страшен, что не поддается описанию. Образ этот на глазах имевшего видение трижды изменил свой вид, оставаясь все тем же зверем.

Сказал это отец Нектарий, махнул рукой и добавил:

— Впрочем, мало ли что монашескому худоумию может присниться или привидеться!

Не придавайте, мол, значения речам моим...

С. 253 (239)

Примечание к предложению:

«Daily Telegraph» телеграфируют из Барселоны: «десятки священников и монахинь были безжалостно перерезаны».

С. 255 (241)

Последние он пишет на особых душистых кусочках дерева с неизменным знаком «Д» на каждом и таинственным символом, изображающим *треугольник в треугольнике, описанном в круг*⁴⁰.

С. 257 (243)

Ведь, только 3–4 года прошло с тех дней, когда обнаглевшие жида открыто кошунствовали на городских улицах над нашей святыней и кричали:

«Мы дали вам Бога — дадим и царя!»

Да! Не то теперь время, чтобы не прислушиваться к тому, что творится в мире, и не стараться уловить в шуме быстро сменяющихся событий их сокровенного смысла, освещая тайники его светом Св. Писания и Предания. По всему миру видимо для желающих видеть идет подготовка человечества к чему-то, чего, по слову Божию, еще не было и... не будет.

С. 260–264 (246)

3-го АВГУСТА

Бунт в Барселоне. Ферреро — «носитель масонского идеала».

Все предшествующие дни не до записок моих мне было: то то, то другое отвлекало меня от этого занятия, ставшего для меня за протекшие

* Во время восстания, организованного евреем-масоном Ферреро³⁹.

полгода привычным и приятным трудом. С тех пор, как на него о. С. призвал еще и благословение Божие, я стал смотреть на труд этот как на произведение свое, на делание в том уголке вертограда Христова, который Божественным Промыслом предуказан мне, слабейшему из делателей единадесятого часа. Одного только я себе представить не могу, кому понадобиться могут мои записки, через кого и как, в какой форме они могут увидеть свет, чтобы исполнилось на них батюшкино слово и чтобы они послужили славе Божией и делу спасения чад Святой Христовой Церкви. Но сила Божия в немощи нашей совершается. Буди, буди.

Намедни поминал я о том, что внимательному христианскому наблюдению становится все более и более очевидным, что в миру идет подготовка таких событий, каких от века не было и не будет. Пришлось попутно отметить ужасы Ферреровского бунта в Барселоне. Теперь читаю в одном французском епархиальном органе некоторые подробности этого сатанинского деяния и поражаюсь силе того зла, которое извращенная человеческая воля ищет поставить на месте благого ига Христова. Вот что прочел я в этом журнале.

«Барселонский бунт был поднят под самым ничтожным предлогом. Произведенные бунтовщиками поджоги и убийства вынудили испанское правительство объявить в городе осадное положение... Ферреро как подстрекатель был арестован; но вместо того, чтобы его тут же на месте расстрелять, его предали военному суду. Суд приговорил его к смертной казни, и приговор этот получил утверждение. Вслед за этим, как по мановению волшебного жезла, во всем мире, совершенно, казалось бы, чуждом Ферреро, началась агитация: в газеты всех частей света были отправлены живые телеграммы, в которых сообщалось, что Ферреро не было дано законной защиты, что его защитника арестовали, и все это благодаря вмешательству в дело духовенства и папы. «Окровавленная рука Церкви, — пишет по этому поводу газета «La Lanterne», — вела все это дело, а королевские пенсионеры были только исполнителями ее велений. Все народы должны восстать против этой человекоубийственной кровавой религии». При этом нарисована карикатура, изображающая священника с кинжалом в руке. Вслед за тем на испанского короля и папу посыпались и в Мадриде, и в Риме смертные приговоры. По Парижу, Риму, Брюсселю, Лондону и Берлину* были разсланы петиции, распространявшиеся в огромном количестве экземпляров, с протестом против осуждения Ферреро. Когда Ферреро

* По Петрограду, Москве и по всем русским университетским городам — добавим от себя.

был казнен, то вслед за его казнью во всех главных городах Европы и Франции были произведены манифестации, местами не обошедшиеся без кровопролития, а в Париже сопровождавшиеся, как бы под охраной войск и полиции, безмолвно присутствовавших при них, пением самых кощунственных революционных песен.

57 городов Франции постановили имя Ферреро дать одной из своих улиц.

Подобное сверхъестественное единство и внезапность действий по делу, совершенно чуждому интересам различных стран, ясно указывают на существование некоторой организации, распространяющей свою деятельность на все народы, проявляющей свое влияние даже на самые безвестные уголки земного шара.

В числе документов, представленных следственною властью суду в Барселоне, были такие, которыми было установлено, что Ферреро состоял членом одной из влиятельнейших лож международного масонства, принадлежал к тому таинственному очагу, из которого по всему миру распространяется зараза и тайная власть этой сатанинской силы.

За доказательствами ходить недалеко — само масонство выдает себя в этом деле с головой: совет масонского ордена «Великий Восток»⁴¹ в Париже разослал по всем своим отделениям и по всем ложам мира нечто вроде манифеста — протеста против казни Ферреро. Манифест этот открыто признает Ферреро членом этого ордена. «Ферреро, — заявляет он, — был наш. Он чувствовал, что в масонском деле воплотился наивысший идеал, какой только может быть осуществлен человеком. И Ферреро остался нашим принципам верен до конца. В нем реакция стремилась поразить не человека, а самый идеал масонства. Пред безконечным движением прогресса человечества воздвигнута задерживающая сила тормоза, цель которого ввергнуть нас в мрак безпросветной ночи средневековья».

На этот манифест «Великого Востока Франции» не замедлил ответить и «Великий Восток Бельгии»: «Бельгийский Великий Восток», — так говорится в этом ответе, — вполне разделяя благородные чувства, вызвавшие появление обращения «Великого Востока Франции», присоединяется от имени бельгийских лож к его негодующему протесту, адресованному Всемирному Масонству и цивилизованному миру против безсовестного приговора, который был безжалостно приведен в исполнение над братом нашим, Франциском Ферреро».

В том же духе высказался и «Великий Восток Италии», а с ним, вероятно, и прочие масонские ложи...

Таким образом, масонство и словом, и делом засвидетельствовало, что оно считает Ферреро своим и в нем защищает воплощение «масонского идеала».

В чем же состоял идеал самого Ферреро? Его открыл сам Ферреро в мае 1907-го года в педагогическом обозрении «Humanidad Nueva», в котором он излагает принципы «Современной школы», основанной им на деньги, выманенные не совсем чистым путем у благочестивой и верующей христианки. «Когда шесть лет тому назад, — пишет Ферреро, — нам удалось к великой нашей радости открыть «Современную школу» в Барселоне, мы поспешили объявить, что система воспитания в ней будет научно-рационалистической. Нам желательно было предварить общество в том, что наука и разум суть естественные противоядия против всякого догмата и что, в силу этого, в нашей школе не будет места никакой религии. И чем больше нам старались указать на безумие нашей смелости, дерзающей открыто противостоять Церкви, доселе еще всемогущей в Испании, тем больше мужества мы ощущали в себе, чтобы настаивать на проведении в жизнь наших проектов. Необходимо при этом заявить, что цель и назначение «Современной школы» не ограничивается одним лишь намерением изгнать из сознания религиозные предрассудки. Несмотря на то, что предрассудки эти более всего мешают освобождению сознания личности, но с одним их исчезновением мы еще не добьемся полной свободы и счастья человечества, ибо можно создать человечество без религии и в то же время несвободным. Если рабочие классы, освободясь от религиозных предрассудков, сохранили бы, тем не менее, предрассудок права собственности в его современном виде, если бы рабочие продолжали бы неустанно веровать притче о необходимости бедности и богатства, если бы рационалистическое обучение удовлетворялось сведениями по гигиене и наукам, подготавливая только лишь хороших учеников, хороших рабочих, хороших приказчиков во всевозможные профессии: мы бы в таком случае только лишь продолжали жить более или менее здоровыми и крепкими, скромно питаясь от скромного своего заработка, но мы не освободились бы никогда от рабства капиталу.

«Современная школа» поставила себе целью одолеть все предрассудки, противоборствующие полному освобождению личности, и в этих целях усвоила себе так называемый гуманитарный рационализм⁴². Этот рационализм заключается в прививке юному возрасту желания познать происхождение всех социальных несправедливостей с тем, чтобы преодолеть их с помощью тех знаний, которые преподает им школа.

Наш рационализм ведет борьбу против братоубийственных войн как междоусобных, так и внешних, против эксплуатации человека человеком, он борется против того рабского положения, в котором в наше время находится в общественной жизни женщина, — словом, рационализм наш борется против всех врагов всемирной гармонии, против невежества, злобы,

гордости, против всех пороков и недостатков, разделяющих человечество на два класса: эксплуататоров и эксплуатируемых».

В одном из своих писем к другу Ферреро еще яснее выразил идею своей школы: «чтобы не испортить людей, — пишет он, — и не давать государству предлога для закрытия моих заведений, я их называю «Современная школа», а не «Школой анархистов». В целях моей пропаганды, говоря откровенно, заключено образование в школах моих убежденных анархистов. Мой обет — революция. В данный момент нам приходится довольствоваться обсеменением юных мозгов идеями бурных потрясений. Молодежь должна узнать, что против жандармов и рясы есть только одно средство: бомба и яд».

Следствие по делу Ферреро привело к открытию на вилле «Germinal», где он жил, документов, спрятанных в подzemелье, превосходно замаскированном и имевшем несколько выходов наружу. Документы эти доказали, что Ферреро был душою всех революционных движений в Испании, начиная с 1872-го года. Приводим из этих документов выдержки из циркуляров, помеченных 1892-м годом:

«Товарищи! Будем мужественны, раздавим подлых буржуа...

Прежде чем приступить к созиданию, предадим разрушению все... Если кто из ведущих политику обратится с призывом к вашей гуманности, убейте его... Отмена всех законов, изгнание всех религиозных обществ... Роспуск администрации, армии, флота... Разрушение церквей...»

И, наконец, отметка рукой Ферреро на клочке бумаги:

«При сем рецепт для фабрикации панкластита (всеразрушителя)». Таков человек, которого масонство представило миру в качестве «носителя масонского идеала»...

29-ГО АВГУСТА

Масоно-еврейский заговор. «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле». Цели масоно-еврейства.

То, что я выписал и перевел из французского епархиального журнала как характеристику «носителя масонских идеалов», для меня не новость: еще в 1905-м году была издана мною вторым изданием книга «Великое в малом», вторая часть которой, названная «Антихрист как близкая политическая возможность», была посвящена раскрытию «тайны беззакония», действующей в союзе масонства с богоотступническим еврейством. «Носитель масонского идеала» Ферреро — только эпизод из сатанинского эпоса этого всемирного заговора против Христовой Церкви на земле и

Богоучрежденной Царской власти. Цель заговора: разделить весь мир на мелкие, якобы национальные республики, соединить их в федерацию* Всемирных Соединенных Штатов и отдать над этой федерацией всю власть в руки заговорщиков под верховным правлением того, кого народ еврейский ждет как своего мессию, а Церковь Христова — как антихриста. Теперь я готовлю к выпуску 3-е издание своей книги, и в нем 2-я часть будет называться еще определеннее — «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле»: так много накопилось у меня данных для того, чтобы от возможности и предположений перейти к уверенности**. Религия будущего владычества антихриста, президента Всемирных Соединенных Штатов — сатанизм, или люциферианство, поклонение дьяволу как богу и антихристу как Христу.

С. 269 (251)

В оглавлении записи от 30 августа:

[...] Бригадный генерал о евреях.

С. 272 (254)

А подземная работа «адовых врат» идет. Из Сибири пишут: и у нас во множестве распространяются прокламации, и все по большей части такого содержания:

«Христианскому рабству, которому уже давно подпали европейские государства, приходит конец. Это рабство должно быть уничтожено, и народы Европы должны получить свободу, которую им могут дать только евреи, некогда казнившие позорною смертью Того, Кто это рабство создал...»

Помилуй, Господи!

«Не идите, — пишу́т далее в прокламациях, — в Союз Русского Народа и в подобные ему организации, потому что они ничто, а вся сила у нас, евреев. Промышленность и торговля у нас; весь европейского равновесия в наших руках; общественное мнение и печать с нами и за нас; железные дороги наши. Мы проникаем и проникли в правительственные учреждения. Мы перенесли свою деятельность и в армию, которая тоже будет нашей.

* Союз.

** Антимасонская литература на Западе Европы достигла огромного развития. У нас она только еще зарождается. Вниманию читателя могу рекомендовать книгу Селянинова «Тайная сила масонства»⁴³.

Наконец, в наших руках золото всего мира. Идите к нам, потому что мы и только мы — сила. Мы, евреи, дадим свободу и избавим вас от рабства, в которое ввергло вас христианство».

Что прокламации эти не пустое бахвальство обнаглевших жидов, тому я на этих днях имел свидетельство от одного генерала, приехавшего говеть в Оптину и заходившего к нам перед возвращением к своей части (он командует бригадой). Генерал этот мне сообщил, что жида у нас успели пролезть даже в Генеральный Штаб, а в полках его бригады на 1800 человек мирного полкового состава жидов приходится до 120 человек.

Мудрено ли малому квасу заквасить все тесто?!

С. 277—282 (259)

4-го СЕНТЯБРЯ

«Нивы белеют...» Беседа с французом о «тайне беззакония».
Префекты Конго — жрецы сатаны.

Работая над разоблачением «тайны беззакония», действующей в мире, все более и более убеждаюсь, что мир готовится к ее воплощению в лице «человека греха», антихриста.

Дня и часа его явления миру мы не знаем, как не можем знать дня и часа второго страшного пришествия Господня, но... «нивы белеют — близится жатва» — это для меня, по крайней мере, очевидно.

Сегодня, за утренним чаем у меня по этому поводу была продолжительная беседа с одним французом, уже восьмой месяц пребывающим в Оптинской ограде*.

Кого-кого только не видят в ограде своей ее белокаменные стены!

И вот за утренним чаем, в самой прозаическо-мирной обстановке повелась у нас с французом беседа о великом и страшном дне оном.

Какая смесь величия и грозности содержания беседы с самой заурядной обыденщицей!.. Такова вся жизнь человека на земле, где все переплетается, как узор на канве, в тонах и оттенках всевозможных цветов света и теней: великое и малое, высокое и низкое, трагическое и смешное, красота и безобразия, добро и зло — ткань противоречий и противопоставлений... Такова жизнь человеческая! Попробуй-ка без Христа и Его Церкви выбраться своими усилиями из этого лабиринта в расчете на мудрость века сего — и попадешь в положение современного человека, для которого истина везде, а, стало быть, нигде...

* Француз этот перешел в Православие около года тому назад⁴⁴.

— Обратите внимание, — сказал я, между прочим, своему собеседнику, — на то, что в настоящее время вся мировая пресса или непосредственно захвачена евреями в свои руки, или же находится под влиянием кагала, прямым или косвенным. Я близок был одно время к ультра-консервативной газете, служившей со дней своего основания безпримесно-чистому монархическому принципу. И что же? Во главе ее иностранного отдела стоял еврей, который и составлял обычные руководящие статьи по иностранной политике. А газета та была влиятельная, и к ее голосу прислушивались и с ним считались даже враги ее направления. И что же на поверку вышло? Мойши левого толка грозились кулаками на Мойш правого и наоборот, а Мойши биржевые и международной политики, глядя на эти притворные бои своих единоплеменников, учитывали свои барыши на обоих рынках — биржевом и политическом, поражая наверняка и правый, и левый лагеря христиан, воюющих между собою по указке все того же кагала.

Мой собеседник даже привскочил со своего места.

— *Vola ce qui est absolument vrai!* — воскликнул он. — Вот это истинная правда! Подумайте: наш «*Gaulois*» — главный орган католиков и монархистов-легитимистов управляется выкрестом из жидов Артуром Мейером, который и христианство-то принял за два года перед тем, как сделаться главным редактором этой газеты!

Много мы говорили с ним на эту тему.

— Но если это так, если так верно все, что вы говорите, — спросил он меня под конец беседы, — то почему же об этом молчат пастыри Церкви?

— Они и не молчат, по-крайней мере, не молчали: Преп. Серафим Саровский, Илиодор Глинский⁴⁵, Амвросий Оптинский; в наши дни — о. Иоанн Кронштадтский — все эти великие светильники Церкви, все они в один голос предупреждали верующих о близости конца мира, и Богу было угодно, чтобы слово их было слышно всему православному миру. Возьмите аудиторию о. Иоанна Кронштадтского, она была ни много ни мало вся Россия...

— Нет, — перебил меня собеседник, — не только Россия, но весь верующий христианский мир. Я, например, живя еще у себя в Лионе, изучал творения о. Иоанна.

— Ну, вот, видите, — продолжал я, — весь, говорите вы, христианский, верующий мир. Стало быть, Церковь-то говорила и не ближайшим только, а на весь мир говорила, да слушать-то ее не все захотели, а кто и послушал, успел за делами и куплями житейскими позабыть. Кому охота жить под постоянной угрозой близости того, чего и сильнейшие духом Божьи угодники трепетали?

— Но епископы молчат.

— Не молчат и епископы, некоторые из них высказываются в том же духе. Еще недавно... Впрочем, разве вам неизвестно, что чем ближе событие, предвозвещенное пророками, к своему явлению, тем меньше число находится ему верующих? вспомните ветхозаветный Израиль, живший весь от первосвященника до вдовы последнего поденщика messiанскими упованиями: многие ли из его среды донесли в сохранности свои чаяния до явления Самого Мессии? Пречистая Дева, Св. Обручник да старцы: Симеон Богоприимец и Анна пророчица — всего только четверо. Не то же ли будет и пред Вторым Пришествием? *И Сын Человеческий придет, обрящет ли Си веру на земли?*

В притче о девах мудрых и юродивых, ожидавших пришествия Жениха, сказано и о тех, и о других: *воздремашия вся и спяху*. Все заснули. Теперь-то еще кое-кто бодрствует, но, *коснящу Жениху*, заснут и эти. Вспомните Гефсиманию, когда любимейшие и довереннейшие ученики Христовы, несмотря на увещания своего Божественного Учителя, не смогли преодолеть своего сна, пока Сын Человеческий не был предан в руки человеков грешных. Так будет и теперь. Под антихристом еще кое-кто встрепенется и откроет отяжелевшие от духовного сна вежды, но пред его появлением все меньше и меньше будет верующих в его пришествие как человека греха и сына погибели.

— Но не то же ли, что и вы, проповедуют и ваши сектанты: адвентисты⁴⁶, иоанниты⁴⁷ и безчисленное множество заведомых лжехристов и лжепророков, которых так много развелось в последние годы? — задал мне вопрос пытливый мой собеседник.

— Что же из того? — возразил ему я. — Так было пред первым пришествием Спасителя и во дни Его. Разве не кричали бесы, изгоняемые Господом: *оставь, что Тебе до нас Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! Знаю Тебя, кто Ты, Святым Божий!* Разве не ожидали Сына от Девы языческие волхвы и прорицатели? Разве не волхвы узрели звезду Его на востоке и первыми пришли и поклонились Ему? В сектантстве, как и в бесовских прорицаниях, что опасно и страшно? Извращение истины, подлог под нее, а не истина. Церковная, святоотеческая истина в данном вопросе заключена в том, что Господь вторично явится судить живых и мертвых как Судия и Мздовоздаятель, но отнюдь не как царь земной. А подлог под эту истину состоит в том, что Господь явится царем земным, перекует мечи на орала и копия на серпы и даст мир всему миру, обратив его в единое стадо; Он и будет единым пастырем. Проповедь-то как будто одна — о втором пришествии, но какая разница! Церковная — о небе, сектантская — о земле;

первая — о Христе, вторая — об антихристе. Предчувствие близости конца мира и Страшного Суда Господня в последнее время стало, можно сказать, обще всему верующему христианскому миру: вот, диавол и старается предчувствие это обратить в свою пользу, отвратить от истины этого предчувствия, аще возможно, прельстив и избранных. Церковное слово предупреждения о приблизившейся грозе конечного Божьего гнева было произнесено устами светильников Церкви и до времени явления особых посланников в лице Илии и Еноха умолкло. Пользуясь этим временным затишьем на церковной кафедре и воздвигая на проповедь второго пришествия сектантов и лжепророков, диавол устами их проповедует «хилиазм»* и тем подготавливает почву в сердцах им внимающих для принятия антихриста за Христа. С другой же стороны, делая проповедь конца мира достоянием заведомо сектантских лжеучителей, он подрывает веру верующих и к самой идее, положенной в основание этой проповеди. Поясню вам это примером: в Северной Америке уже «работал» не без чудесных чудес и знамений какой-то проходимец, выдававший себя за Илию-пророка. Несколько лет тому назад он умер и оставил после себя колоссальное состояние в несколько десятков миллионов долларов.

«Илии уже были, знаем мы этих Илий!» — скажут, когда явится Илия, все те, кому суждено дожить до дней его и кто не захочет принять его, как пророка Бога истинного. «Проповедь о конце мира! — скажут тоже да уже и говорят. — Знаем мы эту проповедь и се проповедников! Это сектантство, и кто ему может верить кроме сектантов и темных людей, невежд в законе и слове Божиим?»

Видите соблазн, угрожающий и верным? Но веруем и исповедуем, что не поклонятся антихристу все те, имена которых написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира**.

Задумался мой француз.

— Да, — молвил он после некоторого раздумья, — мне кажется, что вы правы: миру не долго стоять в том виде, до которого его довело современное отступничество. У нас во Франции и вообще за границей дело кончено: там труп. Но у вас в России разве то? Я видел сам храмы в столицах — они переполнены молящимися; я видел на улицах людей, не стыдящихся публично налагать на себя крестное знамение, открыто исповедовать веру свою. Это так отрадно и успокоительно...

* Хилиазм — ложное учение о тысячелетнем земном царствовании Господа Иисуса Христа.

** Ап. XIII, 8.

— А в Иерусалиме во дни Господа не то же ли было и в храме, и в синагогах? Однако, — возразил я, — невзирая на всю его внешнюю праведность, Господь изрек на него великое и страшное Свое слово: *Се, оставляется вам дом ваш пуст!*

— Да, правда ваша! — согласился мой собеседник. — Вам степень зрелости плода отступления в вашем народе более известна, чем мне, и если уже в нем от веры отцов не сохранилось иной праведности, кроме внешней повапленности, то миру не стоять. *La monde ne peut rester encet etat* — мир не может оставаться в современном его положении. У нас во Франции дьяволу уже почти открыто служат так называемые «черные мессы». В родном моем Лионе живет и действует некто доктор Брико, именующий себя Иоанном II-м, верховным патриархом гностической⁴⁸ церкви, т.е. дьявола. В нашем французском Конго, в Африке, дьяволизм среди высших чиновников правительственной администрации достиг таких неслыханных пределов зверства, что даже наше правительство должно было уступить перед негодованием общества и отдать под суд двух префектов*. Эти исчадия ада ради развлечения совали в рот ничего не подозревавшим неграм динамитные патроны и взрывали их, разрывая тела своих жертв на мельчайшие части. Фамилию одного из этих извергов я помню — его звали Nouguiet, а другого запомнил. Их судили, и на суде, между прочим, был прочитан автограф одного из злодеев: это была пригласительная записка «на праздник жертвоприношения нашему богу — сатане» — подлинное выражение этой записки.

— Что же сделали с этими жрецами дьявола? — спросил я.

— Их, — ответил мне француз, — осудили не слишком строго и не слишком снисходительно — ровно настолько, насколько это было нужно, чтобы успокоить общество, а затем, когда история эта забылась, — а у французов память короткая — их опять куда-нибудь приткнули к той же администрации, только в другом месте.

— Как же так? — удивился я.

— Что же это вас удивляет? — с горечью ответил мне француз. — Вы же знаете, что такое масонство и на что оно способно: а у нас правительство и сливки республиканского общества — все масонизировано и иудаизировано. Довольно вам сказать одно: их бог — дьявол, и они этого почти не скрывают даже сегодня, при кажущемся внешнем господстве христианской веры. Судите, что ждет мир завтра, когда не останется и этой внешности!..

* Вроде наших губернаторов.

18-го СЕНТЯБРЯ

Еще о спиритизме.

День кончины старца-скитоначальника о. Илариона. Сегодня ему правят память. Ходили с женой к обедне, отстояли и панихиду. О. Иларион был келейником великого старца Макария, а я в день его кончины* не был в церкви: сегодняшним поминовением его келейника я как бы испросил у старца прощение за леность свою и нерадение.

Вчера записал «чудесный случай» со Стэдом, вернее — со стыдом за тех, кто верует этой мерзости из так называемых «глубин сатанинских». Как мухи на мед, льнут «невежды в законе» христианском на спиритизм⁴⁹ и разветвления его — спиритуализм⁵⁰, оккультизм⁵¹, иогизм⁵², теософию⁵³ и прочие выдумки все того же врага рода человеческого, который ими запутывает человечество в свои тенета со дня падения первозданного Адама.

Вот что пишет о спиритизме один из глубочайших современных исследователей и знатоков «тайны беззакония», ныне деющейся в мире, монсеньор Делассю (Delassus)⁵⁴, доктор богословия и каноник кафедрального собора в Камбрэ, редактор-издатель местного епархиального журнала «La semaine Religieuse de Cambrai». Нигде нет такой обширной литературы по обличению козней дьявола, как во Франции, ибо нигде и не превзойдена та мера отступления, какой достигла эта несчастная страна, руководимая жидами и масонами.

«У сатаны в наши дни, — так пишет Делассю, — есть своя оккультная церковь, своя паства, свои обряды, своя литургия — все это в виде пародий на Святую Церковь, на Христову паству, на христианскую Литургию Богочеловека Иисуса Христа. Это факт, существование которого оспорить нельзя, и над сынами противления власть сатаны громадна. Спириты составляют их большинство, примыкающее в главных своих догматах к гностицизму. Спиритизм известен не со вчерашнего дня: деятельность его можно проследить во все времена и во всех странах. С особенною же силою он действовал в язычестве. Цицерон⁵⁵ сообщает**, что друг его Аппий вопрошал мертвых, и у Аппия это было обычным занятием. Также и по соседству с Арпинумом, на Авернском

* 7-го сентября.

** «Tusculanes» I, 16.

озере, — читаем мы у Цицерона, — появились из глубины мрака вызванные тени умерших, еще с необсохшею на них кровью. Оракулы⁵⁶ мертвых находились повсеместно: их вопрошали в Феспротии на берегах Ахерона, в Аркадии, в Фигалее, на Тонарском мысе, в Гераклее на Понте, в Кумах. И не одно только простонародье веровало в этих оракулов, но и цвет интеллигенции того времени: Периандр⁵⁷, один из семи мудрецов⁵⁸, велел сперва зарезать свою жену, а потом посылал за советом к ее вызванной тени*. Павзаний⁵⁹ сам вызвал душу убитой им молодой девушки**. В свою очередь, старейшины Спарты заставляли Фессалийских некромантов⁶⁰ вызывать душу Павзания***. Тиверий⁶¹ казнил Ливия Друза за оскорбление величества при вызывании им душ умерших. Апион-грамматик⁶² вызывал тень Гомера⁶³, чтобы узнать от него об его отечестве и об его родных****.

Подобные же вызывания совершались в средние века колдунами и магами.

Нет нужды доказывать верующим христианам, что ни люди, ни демоны не могут распоряжаться душами умерших по своему произволу и что на вызовы и на вопросы могут являться и отвечать только сами злые духи.

В наши дни занятие спиритизмом стало принимать такие размеры и значение, что нет возможности не предаться по этому поводу самым тревожным предположениям.

Спиритизм, по определению спиритов, есть система сверхъестественных сношений людей с чистыми духами. По утверждению последователей, спиритизм обладает известными ему средствами, чтобы, пользуясь ими, переступить границу, отделяющую царство людей от царства чистых духов, и вся система спиритизма основана только на том или другом сочетании этих средств в более или менее удачных комбинациях.

Несомненно, случаи обмана или заблуждения при спиритических сеансах бывают многочисленны, но не менее многочисленны и факты, характерные по своей сверхъестественной природе, и факты эти так были подробно обследованы, что по отношению к ним никакое сомнение невозможно».

С какого времени в наши дни возобновилось пагубное увлечение спиритизмом?

* Геродот I, 92.

** Плутарх. Жизнь Кимона.

*** Плутарх. Об отсрочке Божественного правосудия.

**** Плиний Старший XXX, 6.

«Князь тьмы, — пишет Делассю, — в 1874-м году в Северной Америке возобновил в спиритизме ряд манифестаций⁶⁴, предназначенных распространяться по всему миру. Семейство Фокс, проживавшее в маленькой деревушке Хидервиль, в штате Нью-Йорк, было посещено духом, который обнаружил свое присутствие таинственными стуками в доме. Сначала Фоксы удивились и даже перепугались, но затем, когда страх уступил место любопытству, они решились вступить в общение с той силой, которая производила эти стуки. Молодые девушки из этой семьи стали щелкать пальцами, в ответ защелкали и чьи-то пальцы. Таким образом, установился и первый способ общения с тем, кто по приемам общения казался разумным существом. После того семья Фокс переселилась в Рочестер. С ними переселился и дух, и там для него открылось обширнейшее поле деятельности, явился сонм свидетелей «чуда», не замедливших стать апостолами «нового откровения».

Шесть лет спустя, в 1853-м году, в Америке уже насчитывалось 500 тысяч человек, вступивших в постоянное общение с «душами умерших», а также и друг с другом при посредстве специальных газет и журналов. По подсчету Vabinet, произведенному несколько лет тому назад, в одной только Америке было 60 тысяч медиумов*. В 1855-м году Эмма Harding-Button насчитывала в одной Америке до 12 миллионов последователей спиритизма. Немного позже судья Эдмонд, сенатор и президент палаты штата Нью-Йорк, открыл еще до 3 миллионов новых последователей. К 1870-му году на всем земном шаре их число определялось в 20 миллионов. Сколько же их теперь?

«Чрезвычайная популярность спиритизма, — говорит Jules Bois**, — зависит от общедоступности его чудес. Все в нем просто, и бог его — бог на всякую мерку, бог — демократ».

Спириты собираются на свои международные конгрессы. Такие конгрессы были: в 1884 году в Брюсселе, в 1886 году в Барселоне, в 1889 году в Париже. 1899-й год был юбилейным годом французской революции, и конгресс спиритов по этому случаю собрался в «Великом Востоке Франции»***, в виде доказательства тайных сношений между франкмасонами, евреями-талмудистами⁶⁵ и сатаной. На юбилейном этом конгрессе присутствовало 500 членов.

* Медиум — посредник. Этим именем называется безразлично мужчина или женщина, при чем посредстве происходит обыкновенно общение с миром духов.

** «Le monde invisible», 307.

*** Центральная масонская ложа Франции.

На конгресс 1900-го года аббатом Жюлие были приглашены «все те католики Старого и Нового Света, духовные и мирские, которые не могут оставаться чуждыми научному обновлению, влекущему человечество к указанной ему Божественным Учителем цели»*.

«Заседания конгресса, — сообщает Дюрвиль, — происходили в помещении Общества Земледельцев Франции в присутствии значительного числа гипнотизеров⁶⁶, герметиков⁶⁷, теософов и независимых спиритуалистов, собравшихся на конгресс в значительном числе в качестве представителей спиритических обществ и групп всех частей света».

Некий Дени, уже председательствовавший на конгрессе 1889-го года, был выбран председателем и на конгрессе 1900-го года.

Открывая конгресс, он сказал следующее:

«На конгрессе 1889-го года перед спиритизмом еще стояли многочисленные препятствия, и движение его вперед не было уверенным. В настоящее же время с умножением числа его адептов⁶⁸ заинтересовались им и публика, и пресса. Адепты наши находятся и в мире науки, и в высших общественных сферах. Окультиные силы работают в этом направлении и поддерживают на нем современного человека. Настал час, исполненный надежд и обетований: народные массы приводятся в брожение глухой работой мысли; совесть и ум обращены к исканию нового идеала. Спиритизм есть тот могучий росток, который вместе с постепенным развитием своим видоизменит законы общежития, идеи, общественные силы... Спиритизм призван переделать науку, он же повлечет за собою и перемену религии, и реформу народного образования... Спиритизму теперь нет преград, ибо он проник в умы и сердца миллионов людей».

«На конгрессе 1900-го года пастор Беверлюи (Beverluys) говорил так: «спиритизм возвысит христианство, которое представлено Церковью, догматами и обрядами... и тогда — долой попов, долой принуждение совести! Прочь слепое подвижничество, прочь обоготворение одной книги**», прочь страх пред жестоким Богом, прочь посредничество святых за людей перед Богом!»

И это пастор называет упрощенным и очищенным христианством!

Программа этой новой религии делится на две части: 1) разрушение и 2) созидание. Часть первая подразделяется на отделы: разрушение христианской Церкви и искоренение веры в Господа нашего Иисуса

* «Revue du Monde invisible», сентябрь 1899.

** Конечно — Евангелия.

Христа, социальная революция на почве анархии, которая должна поднять пролетариат против высших классов; ниспровержение идолов, т. е. ложных богов (подразумеваются Три Лица Пресвятой Троицы), царей, всякой аристократии, дворянства, духовенства и частных собственников. Часть вторая: создание культа, основанного на истине и разуме, коему будет усвоено именование «научного христианства» — «Christian-science».

Таким образом, намерения вождей спиритического движения направлены к тому, чтобы религиозное направление человечества было изъято из ведения Церкви и предано в руки людей, находящихся под руководством духов, подготовляющих дорогу ко всемирному царству владыки их, падшего Денницы — Люцифера.

Такова грядущая новая «церковь» новой религии.

Спиритическое общество «Christian-science» было основано в 1879-м году в Бостоне некоей мистрисс Эдди. Эта госпожа от последователей своих получила именование «матери научного христианства», а в 1907-м году от французского правительства — патент на звание «officier d'academie».

Из Америки общество это распространилось повсеместно, и спустя 33 года после своего основания в нем насчитывалось уже 600 тысяч членов. Митрополия европейской «церкви сциентистов» находится в Лондоне. В Париже на улице Pasquier у них есть свой храм. Альманах Нью-Йоркской газеты «World» на 1897-й год сообщает, что у «сциентистов» 123 церкви и 131 пункт богослужбных собраний. В следующем же году, по подсчету их органа «Christian-science Journal», у них было 250 церквей и 127 богослужбных пунктов (за один, стало быть, год прибавилось 123 новые церкви), а в 1905-м году у «Christian-science» уже было 908 церквей или обществ в С.-Штатах, в Канаде, в Мексике, на Филиппинских островах, во Франции, в Англии, в Норвегии, в Швейцарии, в Италии, в Индии, в Китае и в других местах. Коренная церковь «сциентистов» находится в Бостоне, и число ее членов доходит до 34 тысяч.

«Сциентизм», по мнению своей основательницы, менее чем в 50 лет будет религией, преобладающей во всем мире.

Может показаться странным, что секта, главной целью которой служит разрушение христианской веры, присвоила себе название христианской. Объясняется это тем, что под Христом «сциентисты» вовсе не подразумевают Господа нашего Иисуса Христа, а некий «мировой разум», или «великий магический возбудитель», другими словами — Люцифера. Собственно говоря, «сциентизм», или «Christian-science» есть религия сатаны, и к этой-то религии и ведут все спиритические сеансы».

Такова «тайна беззакония», о которой упоминает св. Апостол Павел во 2-м послании своем к Солунянам (гл. II, ст. 7). Таково ее современное положение.

Как не думать о том, что времена антихриста близки?!

С. 315—316 (291)

30-го ОКТЯБРЯ

Француз и Любочка.

Завтра в Оптиной постриги: постригают двух гостинников, нашего молитвенника отца Вонифатия, к которому я обращался за помощью против порока куренья, и «открывают мантию» одному из фельдшеров Оптинской больницы. Великое это торжество в обители.

Завтра же вечером уезжает из Оптиной и тот француз, о котором я уже упоминал в своих записках.

Перед его отъездом к этому французу как-то особенно расположилось детское сердце нашей Любочки. Вчера у нее только и разговоров было, что о нем: то молебен нужно служить перед его отъездом, то ванну ему сделать, то чтобы успеть все белье ему переменить... А сегодня она все ищет между своими образочками, каким бы из них его благословить на дорогу.

— А что, Ляля, — обращается она к своей воспитательнице, — будут служить ему молебен?

— Будут.

— Ну, тогда, — говорит, — надо будет ему на молебне пропеть и вечную память.

— С чего это ты выдумала на молебне панихиду петь?

Любочка обиделась:

— Ах, какая ты, Ляля! Он так далеко едет, а на дороге мало ли еще что может с ним случиться.

Сделали французу ванну. Любочка опять забеспокоилась и засуетилась:

— Тетя, есть ли у него мыло?

— Есть, — отвечает жена.

— Тетя, у него простыни нет.

— Есть и простыня, деточка: я ему все дала.

— Все дали: и мыло, и мочалку?

— Да говорят тебе — все!

Ушла к Ляле, и там то же:

— Ляля! Вот, видишь — и Коля куда-то ушел: кто ж ему поможет мыться?

А Коля мальчик «на побегушках».

Засмеялась Ляля:

— Ступай сама помогать!

— Ах, Ляля, — огорчилась Любочка, — зачем только ты так говоришь?

Ведь, ни сама непустишь, ни он не захочет.

Что-то выйдет из этой девочки?..

С. 323—333 (298)

13-го НОЯБРЯ

I. Еврейский вопрос.

Много работал это время над выяснением вопроса о «тайне беззакония» и об «антихристовой печати». Наступившая зима сковывает ледяной рукой волны моей «Божьей реки», наносит метелями на ее берега такие сугробы, что ни пешему пройти, ни конному проехать. Самое время для того, чтобы зарыться в книги и с головой погрузиться в кабинетную работу.

Передо мной капитальный труд по раскрытию тайны масоно-еврейского заговора против христианского мира. Зовется он «Problema de l'heure presente» — «Задачи данного момента». Принадлежит она перу уже не раз упоминавшегося мной мопсиньора Делассю, доктора-богослова и прелата-каноника епархии Камбрэ*. При общеизвестном масоно-еврейском засилии во Франции нигде в мире, как в этой несчастной стране, не развита так антимасонская литература; но с точки зрения христианских идеалов и чаяний только один Делассю взглянул на этот жгучий современный вопрос с той высоты, с какой только можно охватить его во всей полноте объема.

«Еврейский вопрос в наши дни, — пишет Делассю, — поставлен в первую очередь. Важность этого вопроса возрастает за последнее пятидесятилетие, можно сказать, не по дням, а по часам. Изучением его заняты и богословы, и философы, и историки, и политические деятели, и экономисты, и даже общество. Сколько уже появилось трудов, доказывающих всю важность задачи, поставленной еврейством миру! Особенно же много стало появляться таких исследований с тех пор, как Элмонд Дрюмон** направил в эту сторону общественное внимание своими разоблачениями французского и всемирного еврейства.

Что же представляет собою еврейство?

* На севере Франции.

** В замечательном труде «La France juive».

Вопрос этот* в наше время с особой настойчивостью занимает все умы, внимательные к тому, что совершается в мире, и озабоченные будущностью своего отечества.

«В детстве моем, — говорит Жюль Леметр**, — я знаком был с евреями только по литературным произведениям и склонен был окружать их некоторым поэтическим ореолом. Мне они казались живописными, и чувства мои к ним были те же, как к итальянским «pifferari»*** или к цыганам... Я знал, что их когда-то подвергали гонению, и это меня умиляло. Я был убежден в том, что в этом именно и заключается объяснение и оправдание их наиболее заметных пороков... Несравненный труд Дрюмона «La France juive» («Ожидовленная Франция») переубедил меня, но не вполне. Мне виделся в нем некий свет, чудесно проникающий в темноту вопроса, удивительное прозрение историка, но все же в труде этом мне чудилось некоторое преувеличение, гиперболичность. В то время, сказать правду, у меня были кое-какие дружеские отношения в еврейском мире, и когда мне в моих фельетонах приходилось говорить об Израиле по поводу театральной пьесы или романа, я это делал с чрезвычайной осторожностью, подчеркивая свое безпристрастие. Впрочем, я был искренен: я боялся быть несправедливым».

Таково несколько лет тому назад было настроение умов большинства французов. Теперь оно стало совершенно иным.

Тот же академик Жюль Леметр пишет теперь так: «Евреи — я говорю не о всех, а о большинстве — те по крайней мере из них, которые на виду у всех, которые «делают шум», все они открыто за эти десять лет стали соучастниками, более того — вдохновителями и господами самого подлого и обидного для нас режима, того режима, который пробудил с особой силой низменные страсти и в то же время обманном образом не дал им удовлетворения, того режима, который почти отнял оружие у национальной обороны и предал гонению французскую церковь. Дух масонства, как известно, есть дух чисто еврейский. Яснее ясного, что еврейских дух в своей сущности, внушающий ненависть к церкви, прививающий нам варварскую утопию коллективизма и интернационализма, такой дух не сулит нам ничего кроме гибели.

Странный народ, — восклицает Жюль Леметр, — загадка истории! Около двух тысяч лет прошло, как у него не стало отечества, но что-то в нем есть, что не дает ему усыновиться другому и с ним слиться, как со своим

* Вся эта статья есть перевод из указанного труда Деласю.

** Известный французский критик и писатель.

*** Бродячие музыканты.

собственным. Это начинает, наконец, возбуждать тревогу, это делает евреев помехой во всех отечествах.

Что касается, в частности, нашего отечества, т.е. Франции, то Эдуард Дрюмон только и делает в последние пятнадцать лет, что обращает внимание своих многочисленных читателей на разлагающее влияние этой расы, чужой и земле нашей, и нашей вере, и нашему языку, нашим традициям и несмотря на это ставшей среди нас наиболее влиятельной. Власть над нами теперь в руках этой расы, и этой властью, которую мы допустили вырвать из рук, она пользуется только для нашего развращения, для разрушения взаимной нашей связи друг с другом и с нашими предками — словом, для того чтобы нас всех разъединить и в ближайшем будущем стереть Францию с лица земли.

Утверждая это, мы только повторяем слова самого еврейства. В наше время наиболее его ярким представителем в нашей стране является Бернард Лазар. Он был душой дела Дрейфуса, и ему в награду за это дело в Риме гражданские и военные власти воздвигли памятник. Этот господин написал книгу под заглавием — «Антисемитизм, его история и причины его возникновения». В этой книге самоопределение еврея выражается в таких словах:

«Я — еврей и, следовательно, разрушитель и паразит. Как таковой, еврей нападает на все народы, которые ему оказывают гостеприимство, и все свои усилия направляет на их дезорганизацию всеми способами, какими только может располагать. Когда христианство в конце средних веков вновь открыло ему свои двери, еврей создал протестантизм. Когда протестантизм, показалось ему, начал приходить в известный порядок и становиться менее фанатичным, тогда еврей устроил масонство. Когда король Франции даровал еврею права, он в благодарность за равноправие снял с короля голову. Французская нация присоединилась к великодушию своего короля в отношении к еврею — еврей ответил ей разорением всего, что составляет сущность нации. Европа в подражание Франции поступила с евреем с тем же великодушием, тогда еврей стал выкачивать деньги из Европы и сеять во всех народах социальную революцию. Франция, наконец, представила себе, что еврея можно обезоружить, доверив ему свое богатство, управление, народное образование, магистратуру, армию, торговлю, да же народные развлечения: еврейство ответило на это полной ликвидацией своей благодетельницы.

Таково естественное и роковое назначение еврейства».

Значит ли это, что мы желаем навлечь на евреев ненависть христиан? Избави, Боже! Для нас современный еврей не есть отпрыск Иуды, а только

верный последователь фарисейства и диких противообщественных преданий Талмуда. Он не еврей, а *жид*, сектант-талмудист.

Нам нужно всегда помнить, что собою некогда представляли евреи и чем они еще будут, по слову Священного Писания.

Еще в зачатии своем будучи предызбран Богом для великого предназначения, которому он при самых тяжелых условиях сохранил верность, жесточайший народ еврейский в течение двух тысяч лет в самом центре языческого идолослужения пребыл упованием и честью народов, хранителем наследия Божественных обетований, исповедником Бога истинного, блюстителем веры, правды, поклонения в духе и истине Отцу, Иже на небесах, и благодати ожидания Спасителя мира. От самого Бога еврейский народ получил свой непорочный закон, уже заключающий в себе семя того совершенства, которое имело раскрыться в Евангельском благовестии; патриархи его, его пророки и великие цари были верными вестниками небесных откровений: их пророческое слово и пример поддерживали на должной высоте уровень веры и добродетели, чтобы они, спустившись ниже, не допустили неблагочестия и развращению свергнуть человечество в бездну проклятия и смерти. Авраам, Исаак, Иаков, Иосиф, Иуда, Моисей, Давид, Соломон и другие были прообразами Обетованного Мессии, Предвечного Слова Божия, имевшего воплотиться и вочеловечиться в Сыне того же еврейского народа, избранного для наивысшей славы, какую только Бог мог увенчать человечество.

И Приснодеве Марии, совершеннейшему созданию Божию, Чистейшей, Святейшей и Честнейшей горних Воинств, непорочной Матери Божией, надлежало тоже произрасти от корня Иессеева, и в Ней должны были прославиться и Девора, и Юдифь, и Эсфирь и Сарра, Ревекка и Рахиль, и Анна, мать Самуилова, воспетые и прославленные Божественным Писанием как провозвестницы и прообразы того высочайшего и неизобразимого совершенства святости, которому было предназначено преклонить небеса и в девическое чрево Свое принять Слово Божие.

Это необходимо знать и помнить тем писателям, которые могли бы заслужить полное наше одобрение, если бы только в обличениях своих не преступали меры и не возносили хулы на имена, прославленные и Церковью, и Самим Духом Святым, как достойные нашего преклонения.

До дней Господа Иисуса Христа еврейский народ пребывал в истине. Народ Божий как семя Авраамово был увенчан и освящен святостью Христовой. Соединив его с Собою неразрывными узами Своего вочеловечения, Господь тем самым поставил его в предмет почитания и признательности всем народам и племенам земным до скончания века.

Но между новым и древним Израилем богоубийство ископало пропасть, которую заполнить может только милосердие Божие, когда совершено будет дело правосудия. Тем не менее, и здесь необходимо иметь в виду, что истинное семя Авраамово, покорное и верное духу закона, познало время его исполнения: истинные и благие Израильтяне, чьих сердец не коснулся обман, пришли к Тому, Кого ожидали их отцы в своих упованиях и молитвах. Этот Израиль исшел из храма, когда завеса его раздралась надвое, когда кафедра Синагоги превратилась в место проповедывания погибельного лжеучения, исполненного ненависти и лжи, а не закона Моисеева. Апостолы, ученики, новообращенные в день Пятидесятницы и все те, кто впоследствии вступил в ограду Доброго Пастыря, — вот кто были истинными чадами Авраама, отца верных. Они-то во главе со Святыми Первоверховными Апостолами Петром и Павлом были основанием Церкви, краеугольным камнем Дома Божия, которому суждено было заключить в себе весь мир. Они — отцы наши в вере, и мы от них ведем свое происхождение не по плоти и крови, но по духу, привившись верою, по милосердию Божию, к доброй маслине, корень которой в сердце Самого Господа Иисуса Христа. Таким образом, для отпавших евреев Авраам, Моисей и Давид то же, что для них Св. Апостолы Петр, Павел, Андрей, Иаков, Иоанн и прочие Святые Апостолы, не ближе, чем Приснодева Мария и Св. Обручник Иосиф: они наши, а не их.

Голгофа расколола еврейский народ надвое: с одной стороны ученики Господа и все христиане, откликнувшиеся на зов их и составившие с ними одно тело Христово — Церковь, а с другой — палачи, богоубийцы, на чью голову по их призыву пала кровь Праведника, обрекая их проклятию до тех пор, пока будет длиться их противление.

Но в проклятой Богом части древнего Израиля, в современном еврейском народе, видимо обособленном от всех прочих народов и пребывающем под проклятием и гневом Божиим, сохраняется все та же его прежняя сила упругой стойкости, эластичной и легкой, но непокорной и пламенной; он и теперь все тот же, каким его сделали богоубийство и праведное возмездие за его безмерное преступление: он — неумирающая добыча в когтях вечно грызущей его и озлобляющей ненависти, понуждающей его без отдыха и сроку бороться из всех сил и всяким оружием против Спасителя, Которого он распял, против человеческого рода, который ему омерзителен, но более всего против Церкви, унаследовавшей вместо него благословение, которым он пренебрег и от которого отсекся.

Жид уже давно отступил от Моисеева закона, не принял он Евангелия. Он хранит Библию вопреки своей воле, чтобы осуществилось через него

промыслительное милосердие Божие, доверившее ему хранение священных книг Ветхого Завета в целях непререкаемого удостоверения их истинности; но не в Библии черпает он и закон свой, и веру, а в талмуде, возводящем в закон ненависть, самую бешеную, самую предательскую, самую непримиримую. Талмуд и Евангелие это такие же противоположности, как преисподняя и небо, как сатана и Господь наш Иисус Христос. Восемнадцать уже веков прошло с тех пор, как народ этот, наиболее упорный и неподатливый из всех народов, живет и дышит этой ненавистью. Ненависть эта, скрывая себя под разной личиной, присосалась с настойчивою ловкостью ко всем бунтам человеческого разума против Бога, Христа Его и против Церкви. Иудаизм проник в самую Церковь со дня ее основания с целью внести в нее смущение, разделение и ересь. Это было делом Симона волхва⁶⁹, гностиков, Манесса⁷⁰, последователей их и подражателей. И в последующие времена жид во всех ересьях является их покровителем, если не вдохновителем. И чем ближе кто стоит к изучению жидовской деятельности, тем яснее видно, что этот народ замешан решительно во всем том, что является противлением Духу Божию. В средние века жид предает христиан магометанам, несмотря на то, что как в Испании, так и на Востоке мусульманство относится к нему с одинаковым презрением. Он и с альбигойцами⁷¹ против католиков, и с протестантами, и со свободомыслящими, и с якобинцами⁷², и с социалистами⁷³, и с фран[к]масонами, и с нигилистами, подобно коршуну на поле битвы: сражаются другие, а он летит после резни на готовые трупы. И тем не менее Церковь всегда являлась для жида охраной от чрезмерного, хотя и законного, негодования обманутых им, ограбленных и изменнически преданных им народов. Церковь знала и знает все, что непрестанно против нее и против верных замышляет жид-каббалист⁷⁴, жид-чернокнижник, жид-ростовщик, шпион и предатель; но она не забыла его древней славы и ждет обетованного этому народу обращения, почитая в нем невзирая ни на что обломки народа избранного, народа Божия. Но как мать осторожная и бдительная Церковь для верующих чад своих установила по отношению к жидам правило, по которому, при условии сохранения им жизни и безопасности, запрещалось иметь с ними общение. И не будь пренебрежен этот мудрый закон современными правительствами, не существовало бы и еврейского вопроса, не возник бы вопрос и социальный, а если бы и возник, то с разрешением его можно было бы легко справиться, не было бы ни Дрейфуса, ни прочих жидов, роковых для государств своими преступлениями.

И все-таки каковы бы ни были их измены и злодеяния, всякий добрый христианин обязан иметь по отношению к жидам хотя бы малую долю тех чувств, которые изображены святым Апостолом Павлом в таких словах: *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, Израильтян, которым принадлежит усыновление и слава, и заветы и от них Христос во плоти, Сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь...*

Братия! Желание моего сердца и молитвы к Богу об Израиле во спасение*.

17-го НОЯБРЯ

II. Жидовский закон со дней рассеяния еврейского народа и до наших дней.

Продолжаю выписки из Делассю.

«От дней земной жизни Господа нашего Иисуса Христа и до наших дней истинным и единственным источником ортодоксальной правды и права для жиды является не Моисеев закон, а талмуд. Весьма известный жидовский писатель Зингер подтверждает это такими словами: «всякий, кому мнится, что он по Библии знаком с нашей религией, находится в полнейшем заблуждении. Религиозная жизнь еврея, начиная от первого его вздоха и до последнего издыхания, регламентируется творениями еврейского гения, создавшими все огромное здание талмудистского законодательства». Таким образом, по свидетельству самих же жидов, глубоко ошибаются те, кто принимает Ветхий Завет за свод религиозных законоположений для современного нам жиды: свод его законов — это талмуд, который, по выражению Чиарини, «только для того и создан, чтобы во имя, якобы, Вечносущего затемнить здравый смысл и развратить сердце и его последователей».

В журнале «Univers Israelite»** (см. август 1866 г., XII, 568–570 стр.) так пишет о Талмуде великий раввин Тренель, директор раввинской семинарии: «У Талмуда во все времена бывали и злобные хулители, и страстные апологеты. Он служил в течении двух тысяч лет и теперь продолжает служить для Израильтян предметом священного почитания как свод законов их религии».

* Посл. Римл. IX гл. 1–5; X. 1.

** «Еврейская Вселенная».

Но что такое талмуд?

Талмуд есть сборник, начатый неким Иудой-раввином приблизительно 150 лет спустя после смерти и воскресения Господа нашего Иисуса Христа, продолженный другими раввинами и оконченный только лишь в конце V-го века.

Сущность талмуда открыта нам ученым раввином, Драхом, обратившимся и крещенным в христианскую веру. Вот что он пишет по этому поводу: «О талмуде я буду говорить как лицо, много лет, по положению своему, его преподававшее и объяснявшее его учение после долголетнего специального его изучения под руководством знаменитейших современных ученых Израиля... Говорить я о нем буду с ясным знанием трактуемого предмета и с полным безпристрастием... Покажу его и со стороны, достойной одобрения, и с той, которая заслуживает осуждения... Талмуд, по раввинно-еврейской терминологии, означает «учение», доктрину. Талмуд, в тесном смысле слова, есть общий свод всего жидовского религиозно-нравственного учения, над созданием которого в различные эпохи трудились наиболее авторитетные ученые Израиля, — *это полный свод гражданских и религиозных законов синагоги. Объект талмуда — толкование Моисеева закона сообразно с духом устного предания...*»

«Если, — пишет далее Драх, — добросовестному читателю талмуда *часто* приходится с прискорбием останавливаться над странными уклонениями от здравого смысла разума, отлученного от истинной веры, если чувство стыдливости много раз принуждено бывает скрыть лицо свое от мерзостей раввинического цинизма, если Церковь приходит в возмущение от безумных и отвратительных клевет, распускаемых богохульной ненавистью фарисеев о всех предметах ее религиозного поклонения, — то христианскому богослову есть что почерпнуть в нем из области драгоценных преданий и сведений, проливающих свет на многие из темных текстов Ветхого Завета, могущих убедить противников веры как в святости, так и в древности христианских догматов».

У талмуда есть две редакции — Иерусалимская и Вавилонская, последняя издана в целях исправления недостатков первой. По словам Ахилла Лорана, члена общества Востоковедения, наиболее глубокого из современных исследователей знатока еврейского вопроса, «Вавилонская редакция талмуда представляет собою единственный по своей полноте и последовательности сборник, состоящий по крайней мере из 12 томов в полный размер печатного листа. Это полное собрание законоположений религии современных евреев, совершенно отличное от законодательств евреев ветхозаветных. В этом сборнике заключены все их верования, и в нем сокры-

ты все те тайные причины, которые непрестанно восстанавливают человечество против рассеянных остатков Израиля. Из талмуда и его комментариев и вытекают все химеры каббалы, опасные заблуждения магии, вызывание «добрых» и злых духов — вся та огромная куча нравственных извращений, которая исходит из религиозной системы древней Халдеи⁷⁵ и Персии⁷⁶... Комментарии к закону уничтожают самый закон теми принципами злейшей ненависти, которые заключены в них и направлены против всех людей, не принадлежащих к составу тех, кого талмуд именует народом Божиим»*.

Таким-то, следовательно, образом и явился талмуд высшим провокатором самых противообщественных нравов и вдохновителем самой необузданной ненависти евреев к христианам.

Тот же раввин Драх сообщает, что с тех пор как в Европе распространилось среди ученых знание древне-еврейского языка, еврейские типографы из осторожности стали выпускать в талмуде места, содержащие в себе духовно-нравственные мерзости и отвратительные советы, направленные против христианской веры. Ради этой предосторожности в новых изданиях талмуда остаются пробелы, заполняемые раввинами от руки, «что, — говорит Драх, — и случилось с находящимся в моих руках экземпляром талмуда».

Главная цель Талмуда заключается в том, чтобы привить евреям веру в превосходство над всем человечеством своей расы, предназначенной для господства над всем миром, и предоставить ей всякие средства к достижению этого господства.

Вот что пишет по этому поводу в своей книге Мерсье^{**}: «Здравомыслящие политики, — пишет он в 1786-м году, — не сумели предвидеть всех дурных последствий, которые произвести мог внезапный взрыв в народе многочисленном и непоколебимо-упорном в своих взглядах, образ мыслей

* Laurent. Relations des affaires de Syrie, etc. T. II. P. 52–353.

** Себастьян Мерсье (Sebastien Mercier)⁷⁷ был одним из виднейших представителей ложной философии XVIII века и впоследствии членом Конвента⁷⁸. В 1771-м году он издал странную по содержанию и по названию книгу, озаглавленную «2240-й год, или сон, если только он кому-либо в действительности привиделся». В книге этой были отчетливо изображены все события, имевшие совершиться только лишь 18 лет спустя после ее издания... В книге этой, между прочим, есть указание и на будущее пробуждение Японии и восприятие ею начал европейской жизни. Автор рисует почти с фотографической верностью современных нам японцев, видит их одетыми по последней парижской моде, описывает и войска их, обученные чужеземными инструкторами, и конституцию, созданную по образцу «Духа законов»⁷⁹, и юстицию, основанную на трактате Беккарий⁸⁰ и преступлении и наказании...

которого столь отличался от идей прочих народов по жестокости и фанатичности своей, ибо таков был закон их, даровавший им от основания мира пышные обетования владычества над всей землей на том-де основании, что все остальное человечество было только ее узурпатором».

«Евреи, — продолжает Мерсье, — смотрят на себя как на народ, существовавший ранее христиан и созданный для владычества над ними, некогда соединятся под одним вождем, коему припишут чудеса, могущие поразить воображение и заставить принять народ еврейский самые невероятные и великие решения. К тому времени число их, рассеянное по Европе, достигнет приблизительно 12-ти миллионов и, поддержанные сородичами своими на Востоке, в Африке, в Китае и даже во внутренней Америке, они произведут на нас сильнейший натиск...»

Это брожение и взрыв еврейского могущества, предчувствованные Мерсье в 1786-м году, мы видим теперь в полном развитии. Вот уже целый век с помощью революции жида с удвоенной энергией работают для достижения идеала их расы, захватывая для этого в свои руки все живые силы народов, имевших неосторожность допустить их, как равных, в свое общение на христианских началах, тогда как жидовство не знает иной морали кроме талмудистской.

Таким-то способом и достигли жида во Франции не только господства, но даже тирании над нами во всех областях: политической, административной, банковской и финансовой, промышленной и коммерческой, в печати и в общественном мнении.

«Религиозный закон правоверного жида исполнен ненависти ко всему нежидовскому миру и требует полной от него обособленности, и тем не менее, — говорит Гужено-де-Муссо*, — жид не сбежит от вас, ибо он живет вами; око его пожирает вас всего без остатка, ибо кража, ростовщичество, грабеж — все это права его над вами, дарованные ему его религией: ведь, всякий не-жид в его глазах простое животное, неспособное пользоваться правами собственности, и для жида собственность этого животного есть воровство. Нет закона в законе жида, повелевающего уважать чужую собственность, даже самую жизнь неверного, т.е. не-жида. Каково бы ни было ваше к нему отношение — дружеское ли, или враждебное, он все равно присоединится к вам, но ближним вашим не станет, как бы вы ему не благодетельствовали, и считать вас себе подобным не будет никогда».

* Gougenot des Mousseaux — один из известнейших писателей XIX века, яркий представитель обличительной литературы, направленной против масоно-еврейства⁸¹.

Одним словом — противообщественное учение последователей талмуда есть смерть христианской цивилизации».

* * *

На этом пока прекращаю свои выписки из Делассю: зима стала, лед укрепился, и вновь явилась возможность заняться ловлей духовной рыбы в моей «Божьей реке», опуская мрежи в окна-проруби ее ледяного покрова.

С. 349—350 (315)

Страшное известие это «Русским Знаменем»⁸² перепечатано из жидовских «Биржевых Ведомостей»⁸³. Возможно, что жидаы это известие могли и выдумать с целью соблазнить немощных в вере. Но каково время, если находится почва для зарождения подобных слухов в стране Православной!..

* * *

Дьяволово отродье — террористы, эти наемные убийцы, находящиеся на содержании у всемирного жидовского кагала, 8-го декабря бомбой предательски разорвали на части начальника Петроградской охраны⁸⁴ Карпова⁸⁵, а в Государственной Думе⁸⁶ некий Кузнецов⁸⁷ позволил себе сказать о Государевом правительстве следующее:

«Мы не уверены, что у представителя Министерства Внутренних Дел, являющегося сюда в Думу для объяснения по тем или другим вопросам, в тот момент, когда он стоит на трибуне Государственной Думы, не окажется в кармане бомбы, которая может нечаянно взорваться и таким образом уничтожить Государственную Думу (рукоплескания слева)... Теперь мы обращаемся к пустующим скамьям Правительства с вопросом: господа представители Министерства Внутренних Дел, нет ли у вас здесь в кармане бомб?»

Наше несчастное время вынуждено терпеть и это.

А между тем жидаы голос свой начинают возвышать до таких громогласных раскатов, что долетает и до таких укрытых от надвинувшейся мировой бури мест, как берег нашей «Божьей реки», святой нашей Оптиной Пустыни. Вот что пишут теперь открыто жидаы в одном из своих заведомо-жидовских органов «Бессарабская жизнь»⁸⁸:

«Еврейство, — говорит эта газета, — рисуется воспаленному воображению антисемита⁸⁹ в виде страшного зверя, грозящего кончиной арийскому⁹⁰

* Этот «депутат» впоследствии попался в организации преступной шайки грабителей и воров-взломщиков, за что и несет теперь наказание по суду в каторжной тюрьме.

миру. *И эти страхи имеют основание.* Такое же приблизительно жуткое чувство государства испытывают при виде возникающей среди них и быстро крепнущей новой и юной державы. *Подобно всем великодержавным народам еврейство имеет мировой размах, орлиный полет и львиную дерзость.* В дерзании и проявляется державная природа нации. Кто смеет, тот и может. А еврейство смеет участвовать в самых рискованных шагах, в опаснейших событиях мировой жизни. В те бурные моменты, когда маленькие народы, подобно птицам перед грозой, прячутся в свои гнезда и боязливо умолкают, *евреи смело и властно действуют на авансцене.* Их мнение выслушивается, их воля учитывается гигантами. *Их нельзя не выслушивать, потому что они являются одним из факторов свирепствующей бури».*

Каков дерзостно-наглый тон! «Евреи смело и властно действуют на авансцене!» Это-то они, положим, врут: не авансцена была и есть их место, а глубочайшее безпросветное подполье, откуда эти сыны тьмы и дьявола подводили мины в течение двадцати столетий под христианский мир, — но что их теперь стали выслушивать и что теперь они являются уже многим известными факторами свирепствующей бури, — это не подлежит сомнению. И если сыны тьмы стали выбираться ныне из недр подземных на свет Божий, то это несомненно знаменует, что наступает их время и область темная.

Господи, помилуй!

1910-й ГОД

1-го ЯНВАРЯ

Бдение под Новый год. Бедная детская душа. Протестующая плоть. Духовные нити.

Наш новый 1910-й год начался бдением в Казанской церкви и по окончании бдения — торжественным молебном. На молебен вышли о. архимандрит и 11 иеромонахов с двумя иеродиаконами. Этот год мы всей семьей так же, как и прошлый, решили встречать в храме вместе с братией общей с ними молитвой. В храме нас радостно поразило множество народу, собравшегося из Козельска и из окрестных деревень молитвой проводить старый год и встретить новый. Было много даже деревенской молодежи, и среди них я заметил молодых фабричных из Москвы и Петербурга, приехавших праздники провести на родине. Стояли все чинно и выстояли почти до конца всю продолжительную Оптинскую службу. Я не мог

без умиления смотреть на это зрелище, не мог нарадоваться, глядя на это многочисленное собрание обуреваемых на море житейском, повернувших корабль свой вновь к забытому, но всегда спасительному берегу, к тихой пристани веры и Церкви Христовой. Слава Богу, слава Богу, слава Богу!

Домой мы вернулись в половине двенадцатого ночи и новый год встретили за приветно и весело кипящим самоваром, в кругу семьи единомысленной и единомысленной. Все одно думаем, одно чувствуем — все дети одной матери Церкви.

Хорошо, любо!

* * *

За обедней сегодня причащали мальчика лет трех. Когда его подводили к Святой Чаше, он так орал и безчинствовал, что с ним едва можно было справиться и взрослым людям. Бедный ребенок! Его, должно быть, редко причащают, и духи злобы имеют, видимо, открытый доступ к его детской душе: оттого она и не переносит вида святейшего Соединения. Какое зло творят своим детям невежественные родители, лишаящие детей своих частого причащения Пречистых Таин Христовых!..

Из церкви я с женой провожал домой в келию нашего слепенького старца, о. Иоанна (Салова). Он еле-еле двигается, обремененный годами и тяжкими недугами. Прощаясь с нами у дверей своей кельи, он сказал:

— С новым годом вас, с новым здоровьем, с новым подвигом на молитву!

— Ну, уж только не на молитву! — тотчас же запротестовала во мне плоть моя, утомленная и вчерашним бдением, и сегодняшней продолжительной соборной службой. Да! нет на свете труда тяжелее молитвы, той молитвы, которая «нудится», вынуждается человеческой волею у души, поработанной плотью и обольщаемой диаволом, и без которой невозможно достичь внутри себя обетованного Спасителем Царствия Божия, благодатного и всерадостного Богообщения. Сколько уже лет топчусь я на земле, быть может, и конец моему земному испытанию уже близок, а молиться все еще не научился и первого ее этапа не прошел.

«Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?..»

* * *

Сегодняшняя почта, между прочим, принесла известие, что в 11 часов утра, в самый день Рождества Христова, в час, следовательно, совершения в Петербургских храмах Божественной литургии, сгорел в Петербурге дворец Великого Князя Николая Николаевича⁹¹. В огне погибло много богатства и сгорело двое конюшенных служащих Великого Князя.

Нет ли связи между этим событием и тем видением, которое в сочельник было в алтаре одному из служивших наших иеродиаконов?* Духовным нитям, связующим великое и малое, высокое и низкое, кто положит преграду, кто помешает протягиваться в любом направлении, соединять даже и то, что кажется несоединимым?..

* * *

Вот и вечер! День нового года окончился благополучно, в добром устроении духа всех членов нашего маленького общежития, благословенного сегодня всеми нашими старцами, у которых перебивали на благословении мы и все наши домочадцы.

2-го ЯНВАРЯ (День Преп. Серафима. Суббота)

Бесноватый отрок в храме.
Посмертное видение епископа Игнатия Брянчанинова⁹² в Петербурге.
Не бесноваты ли мы?

От дня Рождества Христова и до Крещения в Оптиной служат только одну обедню в день, так называемую среднюю, в 7 часов утра. Для любителей позднего вставания и праздник не в праздник, зато для монашествующей братии и особенно для священнослужителей и певчих это огромное облегчение молитвенному их подвигу. Мы ходили к обедне. Служил инспектор Калужской семинарии, иеромонах Серафим⁹³. И опять во время причащения мы были потрясены кликами и воплями отрока, на этот раз уже довольно взрослого, лет 10–12-ти и, по-видимому, из состоятельной интеллигентной семьи. Его силою через весь Казанский храм тащили к амвону⁹⁴ к концу запричастного⁹⁵ две прилично одетые женщины. Одна из них была мать этого несчастного ребенка. Мальчик с ожесточением какого-то невероятного отчаяния отбивался от влекущих его к Святой Чаше, вырывался из рук и неистово кричал на высокой, звенящей нечеловеческой тоской, ноте:

«Ненадо, мама! ненадо, мама! Ненадо, ненадо, ненадо!»

И так без конца — одно слово, одна нота тоски, отчаяния и злобы. Причащали его, кроме священника и диакона, еще четверо и едва могли справиться. От Святой Чаши несчастный мальчик, насильно причащенный, бежал, точно огнем палимый, а к антидору и теплоте его уже и не подводили.

* См. 31-го декабря [1909-го года], в моей книге «На берегу Божьей реки» [Часть 1].

Мне никогда не забыть выражения лица этого явно одержимого отрока: такая отражалась на лице этом мука безсильной ярости, отчаяния и вместе чисто детской растерянности и беспомощности. Вот ужас-то! Я не мог удержать подступивших к самому горлу слез при виде этой муки детской души, неповинно страдающей за грех, — чей? родительский? среды? обще ли человеческий? или «да явятся на нем» в свое время «дела Божии»? Кто даст ответ?.. Но, Боже мой, как это страшно, как страшна эта одержимость той враждебной человеку силой, которая верою и Церковью именуется бесами! Здесь, при жизни, плоть и кровь наши туманят зрение души, не дают очам видеть того невидимого, окружающего нас мира, что доступен зрению только веры; но там, за гранью, называемой смертью, за пределом жизни временной, при переходе в жизнь вечную, там-то какой ужас ожидает освобожденную душу, если она явится туда неподготовленной, отчужденной от благодатной помощи надмирного сонма светоносных небожителей?..

Пишет в записках своих одна присная духовная дочь великого Святителя, Епископа Игнатия (Брянчанинова)*:

«В последнее свидание с Преосвященным Игнатием, 13-го Сентября 1866-го года, он, прощаясь, сказал мне:

«С[офия] И[вановна]!⁹⁶ Вам, как душе своей, как себе, говорю: готовьтесь к смерти — она близка. Не заботьтесь о мирском: одно нужно — спасение души. Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вечности!»

30-го апреля 1867-го года, в воскресенье (Неделю Жен Мироносиц), Преосвященный Игнатий скончался в Николо-Бабаевском монастыре. Я поехала на его погребение, совершавшееся 5-го мая.

Невыразима словом та грустная радость, которую я испытывала у гроба Святителя.

Прошло три месяца. 12-го августа 1867-го года, ночью, я плохо спала. К утру заснула. Вижу, пришел владыка Игнатий в монашеском одеянии, в полном цвете молодости, и смотрит на меня с грустью и сожалением.

— Думайте о смерти, — говорит он мне, — не заботьтесь о земном: все это только сон, земная жизнь только сон. Все, что написано мною в книгах, все — истина. Время близко: очищайтесь покаянием, готовьтесь к исходу. Сколько бы ни прожить здесь, все это только один миг, один только сон!

На мое беспокойство о сыне, владыка сказал:

— Это не ваше дело: судьба его в руках Божиих; все же заботьтесь о переходе в вечность.

* Из скитских рукописей. [Записано М. В. Чихачевым со слов Софии Ивановны Снегосоревой. — Сост..]

Видя мое равнодушие к смерти и исполняясь состраданием к моим немощам, он стал умолять меня обратиться к покаянию и чувствовать страх смерти.

— Вы слепы, — говорил он, — ничего не видите и потому не боитесь; но я открою вам глаза и покажу смертные муки.

И вот, я стала умирать. О, какой ужас! Мое тело мне стало чуждо и ничто, явно как бы не мое. Вся жизнь перешла в лоб и глаза; мое зрение и ум увидели то, что есть в действительности, а не то, что нам кажется в этой жизни. И жизнь эта — сон, только сон! Все блага и лишения этой жизни — все это перестает существовать, как только наступает со смертью минута пробуждения. Нет ни вещей, ни друзей — одно необъятное пространство. И все пространство это наполнено существами страшными, непостижимыми для нашего земного ослепления. Существа эти кишат вокруг нас в разных образах, держат нас как бы в постоянной осаде. И у страшилищ этих есть и тело свое, но особого вида, тонкое, похожее на слизь. Как они ужасны!.. Они лезли на меня, лепились вокруг меня, держали меня за глаза, тянули мои мысли в разные стороны, не давали перевести дыхание, чтобы не допустить призвать Бога на помощь. Я хотела молиться, хотела осенить себя крестным знаменем, хотела произнесением имени Господа Иисуса Христа избавиться от этой муки, отдалить от себя эти страшные существа — но у меня не было ни сил, ни слов, ни молитвы. А эти страшилища кричали мне:

— Поздно теперь! После смерти уже нет молитвы! — Тело мое деревенело, голова становилась неподвижной; только глаза все видели, и дух в мозгу все ощущал.

С помощью какой-то сверхъестественной силы, я была в состоянии немного приподнять руку, донести ее до лба и сотворить крестное знамение. Это вызвало корчи страшилищ. Я усиливалась духом — уста и язык уже мне не принадлежали — представить имя Господа Иисуса Христа, и тогда страшилища прожигались, как раскаленным железом, и кричали на меня:

— Не смей произносить этого имени: теперь уже поздно! — О, неописуемая мука!.. О, если бы мне удалось хотя на одну минуту перевести дыхание! Но зрение, ум и дыхание были облеплены этими страшилищами, которые их тащили в разные стороны, не допуская их соединиться друг с другом и произнести имя Спасителя. О, что это было за страдание!..

И услышала я голос владыки:

— Молитесь непрестанно. Все истинно, что написано в моих книгах. Бросьте земные попечения; только о душе и заботьтесь.

И с этими словами он стал уходить от меня по воздуху, как-то кругообразно, все выше и выше над землею. Вид его изменялся и переходил в свет. К нему присоединился целый сонм таких же светлых существ — все, как будто ступенями необъятной, необъяснимой словами лестницы. И владыка и все они, по мере восхождения, принимали вид невыразимо прекрасного солнцеобразного света. Смотри на них и возносясь духом за этой безконечной полосой света, я уже не обращала внимания на страшилищ, которые в это время бесновались вокруг меня, чтобы на себя отвлечь мое внимание, поглощенное лучезарным видением. И увидела я, что и у тех светоносных сонмов было свое тело, и тело это было похоже на лучи какого-то дивного света, перед которым наше солнце ничто или тьма. И чем выше были ступени виденной мною лестницы, тем светлее были стоявшие на них сонмы небожителей. И я видела, что владыка Игнатий поднимался все выше и выше, пока не окружил его сонм лучезарных Святителей и сам он не сделался таким же лучезарным.

Выше этой ступени зрение мое не проникало.

И с той высоты еще раз владыка Игнатий бросил на меня свой взгляд, исполненный любвеобильного сострадания. И тут уже, не помня себя и не помня как, вырвалась я из-под власти державших меня и воскликнула:

— Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, Пресвященного Игнатия, и святыми его молитвами спаси и помилуй меня, грешную!

И все ужасы мгновенно исчезли, и наступил мир, и великая тишина настала в душе моей устрашенной.

Я проснулась в жестоком потрясении.

Никогда и ничего я не боялась и охотно одна-одинешенька оставалась в целом доме, но после этого сновидения я чувствовала такой ужас, что одной мне оставаться было не в силу. Много времени после того у меня посредине лба ощущалось какое-то необыкновенное чувство — не боль, а какое-то особенное напряжение: как будто вся жизнь моя сосредоточилась в этом месте.

И во время этого сна я уже на собственном опыте узнала, что когда ум сосредоточивается на мысли о Боге, на имени Иисусовом, тогда мгновенно исчезают виденные мною ужасные существа. Но лишь только мысль отвлекается, они вновь кишат вокруг, чтобы помешать мысли обратиться к Богу и сосредоточиться на молитве Иисусовой.

Видение это было в Петербурге».

Бедный, бедный одержимый мальчик, виденный мною сегодня в храме! Но не несчастнее ли еще его все взрослое поколение современного человечества, пришедшее владеть и княжить над землею; на чем,

на чем, но не на мысли о Боге и не на имени Иисусовом сосредоточен ум его; и кто же, стало быть, умом этим владеет, кто управляет?.. Ребенок не несет на себе ответственности пред лицом Вечной Правды за грехи воспитывающих его ум и сердце; а мы-то, совершеннолетние, сознательные?.. Господи, помилуй! Уж не бесповаты ли и все-то мы, и если не все, то по крайней мере подавляющее большинство собратий наших, на наших глазах отступающих и уже отступивших от Бога и от Христа Его?

Разве же не беснуется окружающий нас мир?

4-го ЯНВАРЯ

Еще посмертное явление Святителя Игнатия (Брянчанинова)

В той же рукописи, из которой я извлек сказание о посмертном видении святителя Игнатия Брянчанинова, бывшем в Петербурге одной из его духовных дочерей, я имел великое счастье, как милость Божию, обрести и другое, и тоже о посмертном явлении святителя на 20-й день по кончине его другой духовной дочери, некой А. В. Ж.* Это явление было в Москве 19-го мая 1867 года.

По силе и изобразительности проникновения в существо нашей православной веры равного этим двум сказаниям я ничего не знаю; только «Беседа Преп. Серафима Саровского с Мотовиловым о цели христианской жизни»**, только она одна из всех современных нам сказаний способна в той же мере окрылить упования столь ныне немощствующей веры нашей.

Пишет г-жа А. В. Ж.:

«Тяжелая скорбь подавила все существо мое с той минуты, когда дошла весть до меня о кончине владыки. Скорбь эта не уступала и молитве: самая молитва была растворена скорбью. Было невыносимо-горько. Ни днем, ни ночью не покидало сердца ощущение утраты незаменимой, ощущение духовного сиротства. И душа, и тело изнемогли до болезни.

Так прошло время до 20-го дня по кончине владыки. На этот день я готовилась приобщиться Святых Таин в одном из московских женских монастырей... Так сильно было чувство печали, что даже во время таинства покаяния не покидало оно меня; не покидало оно и во время совершения литургии. Но в ту минуту, как Господь сподобил меня принять Святые

* Александра Васильевна Жандр.

** См. книгу мою «Великое в малом», ч. 1, 174–212 стр., 3-е издание (Сергиев Посад, типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры).

Тайны, внезапно в душу мою сошла чудная тишина, и молитва именем Господа Иисуса Христа, живая, ощутилась в сердце. Также внезапно и для меня самой непонятно печаль по кончине владыки исчезла... Прошло несколько минут, в течение которых я отошла на несколько шагов от Царских врат и, не сходя с солеи⁹⁷, стала, по указанию матушки игумении, на левый клирос, прямо против иконы Успения Божией Матери.

В сердце была молитва. Мысль в молчании сошла в сердце... И вдруг перед внутренними глазами моими, как бы также в сердце, но прямо против меня, у иконы Успения, возле одра, на котором возлежит Царица Небесная, изобразился лик усопшего святителя красоты, славы, света неопикуемых. Свет озарял сверху весь лик, особенно сосредоточившись наверху главы. И внутри меня, опять в сердце, но вместе и от лика, я услышала голос — мысль-поведание, луч света, ощущение радости, — проникнувший все существо мое, который без слов, как-то дивно передал внутреннему моему человеку следующие слова:

«Видишь, как тебе хорошо сегодня! А мне так без сравнения всегда хорошо, и потому ты не должна скорбеть обо мне».

Так ясно и отчетливо видела и слышала я это, как бы сподобилась увидеть владыку и слышать его лицом к лицу.

Несказанная радость объяла всю душу мою и живым отпечатком отразилась на моем лице, так что заметили окружающие.

По окончании литургии начали служить панихиду. И что это была за панихида!.. В обычных печальных надгробных песнопениях слышалась мне дивная песнь духовного торжества и жизни безконечных. То была песнь воцерковления вновь перешедшего из земной воинствующей Церкви воина Христова в небесную Церковь торжествующих в невечерней славе праведников. Мне казалось, что был Христов день: таким праздником ликовало все вокруг меня...

А в сердце тихая творилась молитва.

Вечером того же дня, 19-го мая, я легла в постель. Сна не было... Около полуночи, в тишине ночи откуда-то издали донеслись до слуха моего звуки дивной гармонии тысячи голосов. Все ближе и ближе приближались звуки; начали выделяться ноты церковного пения; ясно, наконец, стали определительно, отчетливо выражаться слова. И так полно было гармонии это пение, что невольно к нему приковывалось все внимание, вся жизнь... Мерно гудели густые басы, как гудит в пасхальную ночь звон всех московских колоколов, и гул этот плавно сливался с мягкими, бархатными тенорами, с рассыпавшимися серебром альтами и дискантами. И весь этот

дивный хор казался одним голосом — столь полна в нем была гармония...
И все яснее и яснее выделялись слова, пока я не расслышала отчетливо:

Архиереев Богодуховенное украшение,
Монашества слава и похвало!..

Вместе с тем для самой меня необъяснимым извещением, без слов, но совершенно ясно и понятно, внутреннему моему существу сказалось, что этим пением встречали епископа Игнатия в мире небесных духов.

Невольный страх объял меня, и к тому же пришло на память, что владыка учил не внимать подобным видениям или слышаниям, чтобы не подвергнуться прелести. Усиленно старалась я не слышать и не слушать, заключая все внимание в слова молитвы Иисусовой, но пение продолжалось помимо моей воли, так что мне пришла мысль, не поют ли где на самом деле в окрестностях. Я встала, подошла к окну, отворила его. Все было тихо. На востоке занималась заря.

Утром, проснувшись, к удивлению моему, я припомнила не только напев, слышанный мною ночью, но и самые слова.

Целый день, несмотря на множество случившихся житейских занятий, я находилась под необычайным впечатлением слышанного. Отрывками, непоследовательно, припоминались слова, хотя общая связь их ускользала от памяти.

Вечером я была у всенощной. То была суббота, канун последнего воскресения, пятидневного по Пасхе. Пели канон Пасхи. Но ни эти песнопения, ни стройный хор чудовских певчих не напомнили мне слышанного накануне: никакого сравнения нельзя было провести между тем и другим.

Возвратившись домой, утомленная, я легла спать. Но сна опять не было. И опять, только что стал стихать городской шум, около полуночи, слуха моего снова коснулись знакомые звуки; только на этот раз они были ближе, яснее, и слова врезывались в память мою с удивительной последовательностью.

Медленно и звучно-торжественно пел невидимый хор:

Православия поборниче,
Покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный,
Архиереев Богодуховенное украшение,
Монашества славо и похвало!
Писаньми твоими вся ны уцеломудрил еси,
Цевнице духовная, новый Златоусте,
Моли Слово, Христа Бога,
Его же носил в сердце твоём,
Даровати нам прежде конца покаяние⁹⁶.

На этот раз, несмотря на то, что я усиленно творила молитву Иисусову, пение не рассеивало внимания, а еще кто-то неизъяснимым образом со мною повторял ее, и моя сердечная молитва сливалась с его молитвою в общую гармонию со слышанным пением, и сердце живо ощущало и знало, что то была торжественная песнь, которую небожители радостно приветствовали преставившегося от земных к небесным земного ангела и небесного человека, епископа Игнатия.

На третью ночь, с 21-го на 22-е мая, повторилось то же самое, при тех же самых ощущениях.

Это троекратное повторение утвердило веру, не оставило никакого смущения и запечатлело в памяти слова тропаря и тот напев, на который его пели, как бы давно знакомую молитву. Напев был схож с напевом кондаков в акафистах. После, когда я его показала голосом, мне сказали, что то был глас осьмой».

О, возлюбленная наша вера Православная! Нет на свете ничего вожденнее тебя и краше!

5-го ЯНВАРЯ

Крещенский сочельник

Наша Любочка. «Всякое дыхание да хвалит Господа».

До половины четвертого были в церкви, не пивши, не евши. За то имели великую радость присутствовать при освящении великой агнасмы⁹⁹ — Богоявленской воды — и испить от ее сладости.

* * *

Наша Любочка растет под благодатным влиянием Оптинского строя жизни совершенно необыкновенным ребенком. Вчера легла в постельку и на сон грядущий взяла у своей Ляли четки. Лежит, перебирает их и что-то шепчет.

— Ты что там шепчешь? — спрашивает Ляля.

— Молюсь.

— За кого?

— За неверующих: как же им, должно быть, тяжело жить на свете! А когда помрут, какое их ждет страшное наказание!

Вот оно христианское-то воспитание Святой Руси наших предков: уже с таких лет детская головенка начинала в былые времена приучаться жить и думать по-христиански, не о себе, а о ближнем! Теперь Любочка — исключение, а тогда такие Любочки были общим правилом, и когда

вырастали, то рождали и воспитывали, в свою очередь, ту Россию, которая без малого тысячу лет являла в глубине народного сердца истинное на земле тысячелетнее царство Христово. Проникновенно-глубоко охарактеризовано это царство Ф. И. Тютчевым¹⁰⁰:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты Русского народа!
Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Сегодня вечером у жены разболелась голова. Пошли вместе проветривать ее на воздух. Взяли Любочку. Дошли до лесу. Таинственен и жуток лес наш морозною зимнею ночью: жутко стало ребенку, жметя ближе к нам, и слышу, что-то шепчет себе под носик.

— Ты что это, — спрашиваю, — нашептываешь?

Она не сразу ответила. Пришлось настоять на ответе.

— Богородицу! — чуть слышно ответила девочка.

На первый или на второй день Рождества нам принесли живого зайца: ребятишки-ученики из рухольной поймали его силком где-то на Оптинских задворках и принесли нам «разговляться». Лапки у зайца были туго перевязаны тонкой бечевкой и потерты до крови; зайчиное сердчишко колотилось от страха так, что готово было выпрыгнуть... Я кликнул Любочку.

— Ах, зайнык! — кинулась она к жертве ребячьей охоты. — Да какой же ты миленький, да какой же ты бедненький!

Я дал ребятишкам полтинник, а Любочке говорю:

— Возьми себе этого зайца и делай с ним, что хочешь: можешь сказать, его приготовят в сметане; можешь воспитывать, чтобы он был у тебя ручной; а если захочешь, то и выпустить можешь его на волю. Распоряжайся, как знаешь.

Уложила зайчишку Любочка на свою постельку, испятнала простынку зайчиной кровью, стала подкармливать капустой... Прошло с полчаса, приходит Ляля.

— Любочка послала, — говорит, — просит вас выпустить зайца на волю: на всюнощной, говорят, поют «всякое дыхание да хвалит Господа» — так пусть и заяц хвалит!

И понесли мы с Любочкой зайца в лес, еще с нами целая компания домочадцев пошла смотреть, что будет делать со своей волей заяц... Принесли его на перекресток двух лесных дорог, развязали ноги, посадили на дорогу, а сами отошли к сторонке. Заяц сел на задние лапки и — ни с места, только ушами поводит.

— Любочка, — говорю, — крикни и хлопни в ладошки!

Как сорвется тут со своего места заяц, да как помчится вглубь леса по дороге — потуда его и видели!

Как же радовалась и смеялась тогда от радости Любочка. Сколько тогда усилиями общей фантазии было сочинено историй по поводу возвращения зайца домой к родителям, к жене, к малым детушкам!.. Очень утешалась тогда наша девочка.

20-го ЯНВАРЯ

Раскаленная лава начинает вливаться в Божию реку.

Из статьи проф. А. И. Введенского — «Стражи Дома Израилева, бодрствуйте!»

Из письма студента-академика о духе академии. Стены вопиют.

Возвращаюсь опять к той же великой и страстной теме, которая все чаще и все стремительнее, как бурноогненный поток раскаленной лавы, стала вливаться в тихие воды моей Божьей реки. Пышноцветные луга и зеленокудрявые леса и рощи берегов ее, улыбающихся приветом и лаской божественной любви, царственного покоя и мира о Дусе Святе, все темнее и мрачнее стали заволакиваться мгlistым туманом уже начавшегося извержения великого вулкана осатанелого в гордом безумии мира. Мы, укрытые святостью Оптинской благодати, далеки еще как будто от вершины его, окутанной сгустившимся над нею мраком преисподней, блещущим кровавыми зарницами геенского огня, близкого к извержению, — но уже и до нас доносится гул клокочущего вулкана, и под нами начинает сотрясаться земля, тревожа живых и уже отшедших ко Господу подвижников Оптинских.

«Только в периоды великих исторических потрясений, — так пишет в «Московских Ведомостях» профессор Московской Духовной Академии А. И. Введенский^{*101}, — кризисов, как говорят, мировых, даже и в поверхност-

* Псевдоним «Басаргин».

ные души закрадывается какая-то тревога и смутная догадка, что совершается что-то необычное, что судьбы людей взвешиваются на весах Божьей правды и творится «Суд миру»... Так было, например, в эпоху крушения средневекового мирозерцания. Так было пред и после великой французской революции.

Так многие чуткие настроены и теперь.

Покойный Вл. Соловьев чувствовал* явственное, хотя и неуловимое, дуновение грядущего антихриста — как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух, прежде чем увидит море. Над ним подшучивали и много по этому поводу злословили. Но оказалось, что он был прав в своих пессимистических предсказаниях и догадках: сначала «Желтый Дракон»¹⁰², потом гидра русской революции, а *теперь уже все мы, как и он в свое время, чувствуем, что действительно* —

Есть безтолковица,
Сон уж не тот:
Что-то готовится,
Кто-то^{**} идет...

... Наши идейные движения и влияния и даже самые настроения могут служить показателем того, что совершается на Западе, по-видимому спокойном, но, в сущности, для внимательного взгляда также духовно взволнованном и возбужденном...

Кончается эта замечательная статья*** следующими словами: «Ужасное время!.. Стражи Дома Израилева должны быть теперь именно особенно на страже... Мы живем в очень тяжелое время, когда вековая борьба двух мирозерцаний — христианского и антихристового — разворачивается с особенным напряжением и остротой».

«Стражи Дома Израилева», будьте особенно на страже!...

Легко сказать!.. *«Наша брань»*, по Апостолу, да и по всему существу нашей христианской веры, *«не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века, против духов злобы поднебесных»* (Еф. VI, 12). Брань, стало быть, *духовная* с оружием *духовным*. А, между тем, те училища благочестия, из которых должны выходить и выходят уже много лет духовные вожди духовному стаду Христову, куют

* Мне лично представляется, что не только «чувствовал», но многое и «знал» как посвященный в тайны масоно-еврейского заговора раньше и глубже других «посвященных» современников. *Прим. составителя.*

** Курсив мой.

*** Критические заметки. «Моск. Вед.» № 18-й — критический разбор романа Торна «Когда наступил мрак».

для питомцев своих не «меч духовный», не «шлем спасения», не «щит веры», которым возможно угасить все раскаленные стрелы лукавого, а нечто иное, чему свидетельством могут служить следующие строки из письма ко мне питомца одного из высших рассадников духовного любомудрия.

«Поистине, — пишет он, — огрубело, одebelело наше сердце в этой затхлой, душной обстановке «храма науки». Чему вы удивляетесь? Нашему долготерпению в сфере изучения того «мусора-щебня», каким окрестил Оптинский мудрец, покойный о. Даниил*, нашу науку? Да, оно почтенно это изучение, оно достохвально! Что же удивительного, если из наших когда-то живых душ сфабрикуют мумии в золотых облачениях? Хорошо, если правую веру сохраним, но не ту ли, какую имеют и бесы? В этом заслуга не велика: царства Божия за это не наследуют, ибо в трепет приводит такая вера, а не к внутреннему деланию... Что же мудреного, если и такой радостный праздник, как Рождество Христово, и тот «выжмет» из охладевшего сердца не более 5–7 слов на поздравительной карточке!..** О, молитесь Господа за нас, да не отяготит нас «Гефсиманский сон», да не разбежимся и мы от страха и «страха ради иудейска», как Апостолы в ту страшную ночь Иудина предательства, да не оскудеет вера наша, долженствующая, по предъявленным к нам требованиям, не гору, а весь отпавший от Христа мир двинуть к познанию Безначального. Да не иссякнет источник любви в нашем сердце, ибо без него мы будем грязными подсвечниками, хотя и на «свещнице», безводной Сахарой, хотя и с неисчерпаемыми золотыми самородками... Ждем реформы... Господь мне судил учиться в трижды реформированной Академии. Поистине, «огни и воды» пройдя, пройду и «медные трубы» — как говорит мудрая русская пословица... Дорогой мой! Одичал я здесь и сохну в этой душной атмосфере! Чувствую, что день ото дня глупею и, что было в голове, все потратил, износил... Сохнет мое сердце, слабеет воля, устал в этой борьбе с мельницами¹⁰³. Лишь обет послушания, как стальной цепью, приковал меня, подобно мифическому Танталу¹⁰⁴, к скале... Скоро ли конец этому!?»

Такова характеристика внутреннего устройства духовного юношества, из которого выходят стражи Дома Израилева.

Стражи Дома Израилева, бодрствуйте!

* * *

Каменные стены вопиют: бодрствуйте!

* Болотов. О нем в книге моей «Великое в малом», ч. 1, «Искатель града невидимого».

** Это в ответ на мой дружеский выговор за поздравление к празднику Р.Х. открыткой.

Вот что произошло на минувших праздниках, в один из святых вечеров в каменных стенах. Зал собрания Петербургского благородного дворянства: «сборище жидов (жидовский концерт) всех классов и состояний торжествовало в первый раз открыто свою победу над христианством», неистово хлопая чуть не шансонетке, припевом которой служил предсмертный возглас Христа Спасителя... В подлой шансонетке, распеваемой жидами в качестве гимна победы и одоления, повторялись все те злобные слова, которые с трепетом великой скорби записывали Св. Евангелисты: «сойди с креста, Распятый, если Ты Сын Божий!» — Эти слова возглашал современный кантор на эстраде благородного дворянского собрания в Петербурге, и возглас этот, переложенный на современный мотив, усугублял этим кровавое оскорбление... А русские православные люди слушали его и, не понимая смысла жидовского пения, прислуживали жидам-оскорбителям... Не будь мы отравлены жидо-масонским ядом, разве могли бы русские люди хладнокровно читать восторженные описания жидовского концерта, появившиеся в «Речи» и прочих противохристианских газетах?.. Эти газеты пояснили, чего русские люди не поняли... Газета, печатанная по-русски и читавшаяся русскими людьми, осмеливается совершенно откровенно пояснять, как жидовская публика «наслаждалась» куплетами, сюжетом которых было *Распятие Христа*. Все мы, — пишет «Русское Знамя», — прочли чудовищное признание жидовского официоза: старые и малые, нищие и вельможи, мастеровые, купцы и сановники — все узнали причину ликования и... молчим».

Стражи Дома Израилева! «Дня и часа» не знаем, но камни вопиют о том, что он уже близок, ибо Бог поругаем не бывает.

21-го ЯНВАРЯ

В подражание былинному эпосу. Завет старого дворянина сыну.

Бытовая Оптинская картинка — убогий Зиновий.

Старик Павел — «одним судом судить будут». Слепенькая Пелагея-схимница.

Старцу-слепцу о. Иоанну что-то мне сказать нужно.

Все эти дни приходилось заниматься разоблачением «близ грядущего» и в заметках своих, и в перерабатываемой книге моей «Великое в малом», приготовляемой к 3-му изданию. Устал от наплыва тягостных впечатлений, безмерно волнующих и сердце, и ум... Ах, кабы да силушки мне богатырской Илеюшкиной, святорусского богатыря, да Ильи Муромца, да меч бы

* Из статьи «Русского Знамени». Не над «христианством», конечно, а над христианскими отступниками.

мне его кладенец! Уж почал бы я тогда крушить врагов Церкви Божией и Царства Русского Православного, да не улицами и переулочками, а целыми бы площадями места Лобного, высокого, что при реке-Москве стоит, близ храма Василия Блаженного, стоит с полтыщи лет, не тронется, про врагов Царя-Батюшки готовится. Эх, да кабы на помощь Илеюшке да бояре и дворяне старозаветные, да силушка старорусская крестьянская-христианская, да дух бы един в любви и согласии на Кресте Спасителеве целования постояти до конца за тую за правду Божию, чем крепко-сильна была земля Русская: и чего б Илеюшке втапору не понатворити, не понадеяти! А от жидовина бы и праху не осталось со всеми волшебствами его и чародействами...

Где теперь эпос этот богатырский? Где дух дворянский? Где крестьянин-христианин? Куда девалась Русь, что Русью пахла?..

А еще так недавно мне довелось за счастье слышать от одного земляка-дворянина, мне ровесника, завет, переданный ему отцом от отцов своих:

Богу не ханжи,
Царю не льсти,
Народу не потакай.
За Бога — на костер,
За Царя — на штыки.
За народ — на плаху!

Вы, теперешние, пу-т-ка!

Господи! Да куда же, куда же это все подевалось?

.....

Пошли сегодня погулять с женой, пройтись по дивному нашему лесу, по заветной скитской дорожке. Ветер гудит и звенит обледеневшими ветвями и макушками сосен. Идет снег; с полян в лесу врывается в его чащу мокрая метель, на дворе тает... По скитской дорожке, по направлению к Скиту, обгоняем безногого Зиновия*, шаркающего по мокрому снегу своими культяпками. Поздоровались со стариком, и пошли дальше. Вдруг, слышим сзади себя его голос:

— Сергей Александрович! барин! батюшка!

Оборачиваюсь:

— Что тебе, Зиновеюшка?

— А у кого, — кричит, — из святых ключи от Царства Небесного?

* Скитский богаделка; ноги у него отморожены и отрезаны немного ниже колен. Известен издавна всем постоянным Оптинским богомольцам.

— У Апостола Петра.

— У Петра стало быть, Апостола?

— Да.

— А-а!

Протянул Зиновий и замолк: видно, удовлетворился ответом.

До слез умилила меня эта бытовая Оптинская картинка.

* * *

Вернулись домой. Является в кабинет прислуга и говорит:

— Там к вам Павел Антонов пришел из Стениной.

— Кто такой?

— Не знаю-с.

Догадываюсь, что это отец нашей припадочной Груши*, которая третьеводни в страшном припадке упала и так разбила себе лицо, что оно обратилось в один сплошной синебагровый кровоподтек, закрывший глаза огромной опухолью.

Я вышел к старому Павлу. Перед ним уже успели поставить кружку с чаем.

— Что тебе, Павел?

— Большая нужда: пожалуйста мне полтинничек!

Павел — не попрошайка и просит редко, если уж очень туго придется, — когда раз, когда два в месяц... Я дал ему 45 копеек — что в кошельке было — и говорю в шутку:

— Смотри, Павел, как я твою Грушу избил!

Павел всхлипнул. Тут же стоявшая Груша улыбнулась, и оба, отец с дочерью, как один человек, одним движением, одним порывом, осенили себя широким крестным знаменем и в одно слово сказали:

— Такой уж крест. Слава Тебе, Господи! На все Его воля святая!

Я поцеловал Павла. Вот она, бывшая силушка крестьянская-христианская, старорусская!.. увы, только «бывшая»: Павлу моему уже за семьдесят лет!.. Бросился мне Павел в ноги...

— Нас с тобою, — воскликнул он в каком-то восторге, — одним судом судить будут на том свете; слышь — одним судом! Да будет, да будет! — заключил он, меня обнимая.

* О ней в книге моей «На берегу Божьей реки» (1909 год моих записок), 222–225 стр. Увы! кажется, эта Груша подпала под дурное влияние и стала теперь изображать из себя что-то вроде блаженной.

Надо знать страдальческую жизнь этого старика, его веру в воздаяние в вечности за бесчисленные его земные скорби, чтобы понять, какого блага пожелал он мне своим восклицанием.

Как-то утром пришел он ко мне, отозвал к сторонке и говорит таинственно и радостно:

— Ко мне ночью приходили два старца, постригли меня и сказали: «Ты теперь уже не Павел, а Гавриил».

И нашего старца, о. Иосифа, он видел в раю.

Таков наш Павел.

Под вечер пошли проведать слепенькую старушку, мать Пелагею, тайную схимницу. Она живет в маленькой комнатушечке, в гостинице о. Мардария. Была она когда-то в услужении у Оптинской благодетельницы Тиличевой, а по смерти ее Оптина дала ей приют по-гроб — кров и пищу — за благодеяния ее хозяйки. Очень мы любим эту старушку.

Пришли к ней, застали ее; сидит на своей постельке, перебирает четочки. За беседой она неожиданно спросила:

— А читаете вы молитву (так и сказала) «Живый в помощи»?..

— Читаем, — ответил я, — матушка.

А сами не читаем. Надо читать.

— Я за вас, — сказала она, — постоянно молюсь, вот так!.. — Личико старушки осветилось, точно светом каким-то, засияло неземной улыбкой; стала она на коленочки и зачитала скороговорочкой:

— Спаси и помилуй, Господи, рабов Твоих, Сергия и Елену! Сотвори им вечное душе-телу спасение! Спаси их и сохрани их, Господи! Прости им все согрешения их вольные и невольные!

Поднялась с коленочек, а слезы так и льются не ручьями, а потоками по старческому щечкам. Потом опять стала на коленочки и опять зачитала:

— Спаси и помилуй, Господи, рабов Твоих, Наталию и Сергия...

И опять те же святые слова любви и молитвы, и опять жаркие слезы... Эта-то уж достигла молитвенного плача, великого дара слез, святая угодница Божия, Пелагея!..

От м. Пелагеи пошли к вечерне. От вечерни провожаем слепенького нашего старца о. Иоанна (Салова)*, а он и говорит мне:

— Выберите времечко, зайдите ко мне: мне сказать вам кое-что нужно.

* О нем в книге моей «На берегу Божьей реки», стр. 311–312.

Зная, что это «душа особого разряда», как называет его батюшка о. Варсонофий*, признаюсь, почувствовал в сердце своем некий страх: даром не позовет к себе великий старец.

23-го ЯНВАРЯ

Что сказал мне старец о. Иоанн Оптинский. Лишай.

Вчера ходили с женой к о. Иоанну узнать, что ему нужно было сказать мне, но дома не застали — он был у вечерни. Сегодня я не утерпел, пошел к нему один. Старец принял меня со свойственной ему в отношении к нам с женой радостной лаской.

— Берите табуретку, — сказал он, обнимая меня, — садитесь рядом со мною.

Я сел.

— Какие вы псалмы читаете? — предложил он мне вопрос.

Я смутился: обычно на коротеньком своем, чисто мирском, не правиле даже, а правильце, я никаких псалмов не читал.

— Знаю, — ответил я, — «Живый в помощи», «Помилуй мя, Боже»...

— А еще какие!

— Да я, батюшка, все псалмы читал и, хоть не наизусть, а все знаю; но правильце мое маленькое...

Старец перебил мое самооправдание:

— Не о том я хочу вас спросить, какое правило ваше, а о том; читаете ли вы еще псалом 26-й — «Господь просвещение мое?

— Нет, батюшка, не читаю.

— Ну, так вот что я вам скажу! Вы как-то раз говорили мне, что на вас враг пускает стрелы свои. Не бойтесь! ни одна вас не коснется, никакой дряни не опасайтесь: дрянь дрянью и останется. Только возьмите мой совет за правило, послушайтесь: читайте утром и вечером перед вашей молитвой оба эти псалма — 26-й и 90-й, а перед ними великое Архангельское обрадование — «Богородице Дево, радуйся». Будете так делать, ни огонь вас не возьмет, ни вода не потопит...

При этих словах старец встал со своего кресла, обнял меня и с какой-то особой силой, раскатисто-звонко, не сказал даже, а выкрикнул:

— Больше вам скажу: бомбой не разорвет!

Я поцеловал обнимавшую меня руку старца. А он опять, прижавшись к самому моему уху, опять громко воскликнул:

* Наш духовник и старец, начальник скита Оптиной Пустыни.

— И бомба не разорвет!¹⁰⁵ А на всякую дрянь вы и внимания не обращайтесь: что вам дрянь сделать может?... Вот, об этом-то я и хотел побеседовать с вами. Ну, а теперь идите с Господом, да поклонитесь моей барыне!

И с этими словами старец отпустил меня с миром.

Я знал того человека, точнее говоря — женщину, на которую намекал старец, называя ее дрянью: к Оптинскому благолепнолиственному древу она прилепилась, как лишай, и долго ложной своей святостью и именем старцев морочила Оптинских богомольцев. Я ее понял, и она мне за то мстила, где могла¹⁰⁶.

Бог с ней!..

24-го ЯНВАРЯ

Воскресенье

Мой отдых. Милая парочка. Страхи. Дети Божьи.

Речи от времен Владимира Красна-Солнышка. Ангелы вам в путь, дети Божии!

Отдыхаю умом и сердцем на зеленой, цветоносно-душистой мураве благословенного берега моей тихоструйной, прозрачно-глубокой Божией реки Оптинской.

О, тишина! О, сладость!..

С кануна Нового года, за всенощной, мы заметили в храме появление какой-то необычайно милой молодой парочки: он — широкоплечий, высокого роста богатырь, с приятным, открытым лицом; одет в дохе, несмотря на высокую температуру храма; стоит всю службу, как вкопанный, и усердно молится. Она — тоже довольно высокая, стройная, личико милое-милое, с румянцем во всю щеку, так и сияет лучистыми глазками; одета по-городскому, в коротенькой «гуляльной» (выражение покойной моей матери) кофточке и миленькой, как говаривали в старину, «комильфотной»¹⁰⁷ шляпке. Словом, такая парочка, что лучше и не надо. Для мужа и жены они были слишком похожи друг на друга: мы решили, что это брат с сестрой, и от души пожелали им всякой милости Божией — очень уж они нам понравились.

Вечером числа 3-го или 4-го января, часов около семи, к нам кто-то позвонил с парадного крыльца. На звонок выбежала наша новая прислуга Паша. По обычаю, усвоенному нашими домочадцами, вместо того, чтобы коротенько узнать, кто и зачем звонит, и доложить, Паша застряла за входной дверью в длиннейших объяснениях с поздним посетителем. Я на всякий случай (мало ли что может случиться в нашем уединении!) вышел в переднюю... Является Паша и объявляет:

— Вас какой-то там мущина спрашивает.

— Какой мущина?

— Да — мущина! А я почему знаю?

Вижу, что от Паши толку не добиться, посылаю Филю (мальчик из Оптинской столярки, мною помещенный туда в ученье). Польщенный ответственным поручением и втайне труся, Филя кинулся на парадную дверь, как на врага, с диким, воинственным кличем:

— Кто там? кто там?

За дверью никого не было: таинственный ночной посетитель скрывался где-то там за садовой калиткой. Тогда вновь с криком отчаяния и страха — «кто там?» — Филя ринулся к калитке. Я стоял у парадного крыльца в резерве. Через минуту Филя вернулся и подал мне письмо от близкого моему сердцу иерея Божия из черноземной полосы России. В письме этом мне были рекомендованы брат и сестра Е., земляки этому иерею, с просьбой принять и приласкать их по-оптински.

Прочел я письмо и спрашиваю Филю:

— Где они?

— Ушодцы* на гостиницу к о. Пахомию.

— Догони и верни!

Эти брат и сестра и были той милой парочкой, которую мы заметили в Оптинском храме, в канун нового года. И что же это оказались за чудные люди, что за детские, доверчивые, чистые души! И родит же еще Господь таких в наше страшное время! О, дорогая моя Оптина! только ты одна и имеешь божественный дар открывать ищущему тех из семи тысяч неподклонивших выи своей Ваалу¹⁰⁸, которых соблюл Себе Господь, укрыв их даже от вещей очей великого Своего пророка. 29-го декабря такие же чистые души блеснули нам светом красоты своей душевной — то были брат и две сестры З. из С-а, теперь эти Е. из Т-а: и те и другие одного духа, одного душевного устройства, одного устремления к божественному и вечно-прекрасному, что таится и обретается только в сокровенных тайниках Христовой Православной Церкви, в тех св. обителях, где еще жив дух древле-монашеский.

Есть у меня знакомка, старозаветная старушка из простых крестьянок. Живет она при одной женской обители, но монашества не принимает, по смирению что-ли, или по другой какой причине... Удивительно-образный и красивый у нее говор: в нем мне отзыв слышится тех речей, которыми в дни древние ласкался слух в хоромех княжьих Владимира Красна-Солнышка¹⁰⁹.

* Филя из Демьянского уезда Новгородской губернии — там так говорят.

Вот эта-то бабушка — звали ее Натальей — про людей одного духа выразилась однажды такими словами:

— Вот что я тебе, мой батюшка, скажу: был у меня только один свет (она назвала одного по духу близкого моему сердцу человека), свет прекрасный, приятный, любезный и красивый; а теперь стало два света — вы оба, свет лазоревые, одного духа, одного простосердечья, одного чистосердечья, не превозвышенные; любовь ваша душевная, одно слово — одного духа, одного полотна. Ходите статно, аккуратно, сзади поглядишь — как вырезанные.

Таковы эти мои милые Е. и те З. Соблуди их, Господи, во святыне Твоей! Благодарю Тебя за честь и утешение видеть и любить истых детей Твоих, чья душа красотой своею уже и здесь, на грешной земле, отражает сияющую светлость безпредельной красоты Твоего лучезарного неба, подножия престола непостижимой славы Твоей и величества!..

— Скажите, кто это такие? — спросил раз как-то, указывая на них за всенощной, помощник нашего благочинного отец Е.

Я сказал.

— Вишь, ты! — подивился он. — Еще, стало быть, и в вашем быту есть рабы Христовы. Дивлюсь я, на них глядя.

А они, действительно, в храме стояли, как Ангелы Божии.

Уехали они 7-го января — оба они служат на казенной службе, — проведя почти целый день у нас. В одиннадцатом часу вечера того дня мы с женой пошли их провожать через лес на гостиницу о. Пахомия. Идут они величавым нашим лесом и все время восторгаются, мечтая на лето приехать в Оптину и на все время летних каникул поселиться и пожить в ней всей семьей — с отцом, с матерью, да еще и брата с собой прихватить, студента. Святая мечта! Как только их съютить с постановлением монашеского съезда, наложившего запрет на монастыри принимать к себе на жительство мирских, именуемых «дачниками»? Как бы и нам самим не угодить под эту категорию!..

Пока шли лесом, зашумели макушки сосен, стало снежить. Начала подниматься метель с мокрым снегом; в лесу-то еще тихо, а там, в лугах Жиздры, по дороге в Козельск, так прохватит, за мое почтение. Глядим мы на «гуляльную» кофточку...

— А будет у вас, — спрашиваем, — чем укрыться, когда завтра рано утром поедете на станцию?

— Как не быть! — выкликнул богатырь-брат. — На мне ее доха. Отчего ж я все время в ней и страдаю: я приехал в тулупе, но в тулупе неловко ходить в церковь, а пальто свое я не взял, чтобы не брать с собою лишнего багажа: вот, в дохе я и щеголяю.

А он «щеголял», простаивая в ней, как изваяние, все продолжительные службы в теплых наших Оптиных храмах.

— Ну, вот, — говорю я им на прощанье, — вам теперь открылась новая жизнь, о которой вы и не подозревали, живя в миру; ее вам открыла Оптина и батюшка о. Варсонофий (они стали его духовными детьми): будете ли вы теперь помнить об Оптиной?

— Это не жизнь, — воскликнула в восторге молодая девушка, — это преддверие рая!

На этом мы обнялись с ними и простились.

Ангелы в путь вам, дети Божии!

25-го ЯНВАРЯ

Обитель любви, веры и... нищеты.

Сегодня была у нас мать Мария, рясофорная послушница из Дугненско́й обители, основанной во имя Царицы Небесной, в память явления одной из Ея чудотворных икон и Святителя Иоанна Милостивого¹¹⁰. Не монастырь, даже еще и не община. Смирненное это общежитие жен и дев, пожелавших уневестить себя Христу, а в нашем сердце ему отведено такое обширное место, что хоть бы и великой лавре впору. Такова сила и власть любви, живущей и управляющей этой обителью в лице ее настоятельницы, человека исключительной духовной красоты и разума Христова, и единокорных с нею и единоправных сестер ей о Христе Иисусе. Ни обители этой, ни настоятельницы ее я еще и в глаза не видал, но такова сила любви, что и невидимое становится как бы видимым, а сердечному оку ближе даже иногда, чем иное видимое.

Кто свел нас духом с этой дивной обителью любви, веры и... нищеты, вожденной Евангельской нищеты духа, которой обещано Царство небесное, и той нищеты, от которой немощной плоти, увы, бывает иной раз до слез и холодно, и так голодно-голодно?!.. Кто свел нас, кто первый проторил нам дорожку к ним, к этим чистым душам, искательницам Божьего Иерусалима, града невидимого?

Великая немощь человеческая — та горькая «послушница без послуша-

ния», о которой у меня записано было под 10-м января прошлого года*: ей безприютной, гонимой и, по правде сказать, в общежитии едва терпимой, был дан приют в этом общежитии; там вновь ее измученному сердцу улыбнулись небесной улыбкой любовь и сострадание. Через нее «наше» отозвалось туда, а оттуда «их» повеяло благоуханием святости к нам — и мы заочно стали родные.

Так сила Божия в немощи совершается...

Заочное наше знакомство около года тому назад повело и к письменному.

В феврале прошлого года я получил оттуда письмо, в нем мне писали так: «Возлюбленный о Христе брат, Сергей Александрович! Простите за беспокойство, что отрываю вас от обычных ваших занятий, зная, что вы не откажетесь помочь нам в том, в чем Господь даст вам силу и способности помочь. Я обращаюсь к вам по послушанию своей матушке-настоятельнице, еще незнакомой вам лично, но верящей в осуществление с вами личного общения, когда на то будет воля и указание Божие, без которых она старается и шагу не ступить. И, вот, я стучусь к вашему сердцу помочь нам из прилагаемого жалкого материала о нашей обители составить душеполезный очерк, поместить его в какой-нибудь духовный журнал или же издать отдельной брошюрой. Нам верится, что из этого малого Господь поможет вам создать живую картину великой нашей немощи и отразить в ней тот слабый луч света Божия, который доступен нам в искании чистоты иноческой жизни.

Наша обитель бедна и ничтожна, но в ней полтораста душ, жаждущих Христова утешения и пришедших сюда, как в тихий оазис, из духовной пустыни многошумного и суетного мира, чтобы послужить ему и себе чистотою сердца и молитвою. Знойно и душно там от усилившегося развращения обычаев и нравов. Женская душа во все времена тяготела к любви и вере сильнее и горячее мужской, понимала и искала Божественной правды в мире, а теперь более, чем когда-либо, ибо в мире ныне въяве, вместо имени Божия и Его власти, призывается имя и власть Его противника и исконного человекоубийцы, вместо истины царствует ложь, вместо чистоты ума и сердца — распущенность. Ныне более, чем когда-либо, исполняются слова Спасителя: *«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю, не мир Я пришел принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его»* (Мф. X, 34—36). Ныне жена не стала понимать мужа,

* См. о ней книгу мою «На берегу Божьей реки», 21 стр. Теперь она покойница, звали ее Софией Александровной. Помяни ее, читатель, в святых молитвах твоих.

занятого только пустыми материальными расчетами, муж — жену, ищущую Бога; ныне брат восстает на сестру за ее любовь к целомудрию, а мир презирает, гонит и попирает решительно все, что может напомнить ему о Христе и Его заповедях. Теперь именно настал тот великий духовный голод, о котором предсказал великий Псалмопевец и Царь словами: *«Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих»* [Пс. 11, 2]. Душа задыхается в миру, одурманивается и, если не убежит от мира, скоро умирает мучительною смертью или самоубийства, или конечного отпадения от Бога и сатанинской вражды на Него. Жалкая, чуткая душа, еще не успевшая оскверниться в чаду угара мирской жизни и грехов человеческих, стремится вырваться из мира, уйти туда, где небо чисто, где дышится ей легко, где воздух не заражен изменой Богу, чтобы там вздохнуть легко и набраться сил для борьбы со злом, грехом, со своею плотью, воюющей на душу, и с пакостником ее, богоборцем-диаволом. Вот причина и разум основания и возникновения ныне то там, то сям многочисленных, все умножающихся женских обителей, к числу которых, как их младшая и немощнейшая сестра, относится и наша юная обитель, такая убогая, такая немощная, как гнездо слабых ласточек на чужом окне, под чужою кровлей. Жива она чудом Божиим, хранима, поддерживаема и утешаема любовью Того, Кто Сам есть Любовь истинная. Чудом Господним полтора нищих на чужой земле, при чужой церкви живут в этом уголке и не умирают, мало того, еще и чужих, брошенных детей содержат в созданном ими приюте. А как теперь мир смотрит на обители, как заботится о поддержании существования молящихся за него Богу их обитателей, считая всех монашествующих тунеядцами?..»

Кончается письмо это словами: «Помогите нам словом вашим, если на то есть воля Божия».

Видно, не было тогда воли Божией: думал я думал, как и чем мне помочь нищете этой непокрытой, горем да бедами, как пеленами, повитой, и ничего-ничегошеньки не мог придумать для убожества святых этих подвижниц. Писать о них, взывать о помощи? Кто мне поверит? да и кто теперь каким бы то ни было словам и писаниям верить станет, если уже святейшему слову Св. Писания не стали веровать? А я-то кто?.. Думал, думал, ничего не придумал и с плачем в сердце ответил бессилием на веру и надежду взывавших к моей помощи.

Казалось бы, по законам мира, и быть тут концу всякому общению: по ин суд Божий и ин человеческий, отказ мой в помощи обручил нас с обителью вовек неумирающею взаимною любовью. На письмо мое, адресованное самой настоятельнице, я получил от нее характерный для нее и для ее дочек

следующий ответ: «Дорогой друг мой Сергей Александрович! Простите меня: я поступила необдуманно и без благословения батюшки о. Варсонофия* послала вам очерк нашей обители. На меня нашло какое-то затмение, благодаря просьбе одного доброго для нас священника и, по слабости ума, характера, да еще по гордости, я решилась на подобный поступок. Теперь вы меня вразумили и, кроме виновности, я ничего не чувствую. За ваше письмо и за все, что в нем, как умею, благодарю Господа. Вашей добрейшей супруге потрудитесь передать мой искренний привет, целую ее душу. Да хранит вас Господь во все дни жизни вашей в мире, любви и уповании. О нуждах нашей обители я лично не могу почему-то ничего писать — это исполняют за меня мои детки. Вас обоих я храню в своем сердце, как некое сокровище, и рада Богу, что вы существуете на белом свете, что вы взысканы милостию Божиею. Если не трудно, то прошу помолиться о нас, грешных. Я помню вас пред Господом, и если бы было Ему угодно, то навеки и всей душой я была бы предана вам крепкою во Христе любовью. Недостойная настоятельница С[р]фия]».

Это после отказа-то, да вдруг такое письмо! Вот, подумалось нам, та любовь, которая *«не ищет своего, не раздражается... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...»*, та любовь, которая по слову Апостола, *«никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»* (1 Кор. XIII гл.)! Сердце наше было умилено, и в нем от любви родилась любовь, угодная Богу и навеки предавшаяся и обители, и той, кому было дано затеплить ее в нашем сердце навеки неугасимой лампадой.

* * *

Обитель эта, о которой слезами любви и жалости намечивает эти строки перо мое, оказалась духовной дочерью нашей Оптиной и ее старцев. С благословения своей настоятельницы сестры обители, насзжая в Оптину к своим духовным руководителям, кое-когда стали пользоваться нашим гостеприимством. Надо ли говорить, какая их у нас встречала любовь!? Мы да и все домочадцы на скиток наш стали смотреть как на подворье этой дорогой нашему сердцу обители; все крепче и крепче спаивались узы нашей любви... Под Рождество, в самый сочельник, когда внезапно наступившие после продолжительной оттепели морозы достигли 30° по Реомюру, из любимой обители нам прислан был куст азалий в полном цвету. Привезла его из Москвы послушница Мария, ездившая по делам обители и отпущенная матушкой-настоятельницей

* У нас оказался общий духовник и старец.

на побывку к старцам за советом по какому-то для послушницы этой неотложно-спешному делу. Куст цветущей азалии среди зимы! И ни один цветок, ни один листик не тронут был морозом — вот она любовь, творящая чудеса! И дивились мы ей, и не могли на нее нарадоваться... Рождественские праздники и эти «на снегу цветы» заставили нас написать матушке и выразить ей со всей полнотой и искренностью те чувства, которыми пренсполнилось наше сердце к ней и к сестрам за все ее и их, убогих и нищих, щедроты и милости. Ответ матушки я получил сегодня с той же послушницей Марией. Ответ этот так живописует заочного друга нашего и молитвенницу, что я умиленным сердцем и душою умиленною письмо это заношу на эти страницы. Вот что пишет нам этот ангел во плоти: «Господь посреди нас есть и будет. Получила я два письма ваших и, полная радости, припав головою к земле, благодарю Создателя за все Его милости и за это утешение особенно. Но из дорогих тех писем я заметила, что вы слишком беспокоитесь о каком-либо вещественном воздаянии нашей обители, так что даже очерк ее, посланный к вам по небудуманности, имете на своем сердце как неоплаченный вексель. Не надо так, Сергей Александрович! Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Для Бога все ниже любви. Любовь соединяет и находящи[х]ся далеко. Так и молитва может принести величайшую пользу далеко находящимся друг от друга...» Кажется, глубокие чувства во Христе ничего не просят от любимых, сами в себе имея удовлетворение. А я вот радуюсь вашей святой любви к нам и прошу у ней молитвы, считая ее самой лучшей наградой. Буду и сама молиться, как могу, невзирая на свое недостойнство, молиться будут и дети. Буду кричать Господу Богу о милости вам, как кричит малая лесная птичка, стоящая один грошик, но не забытая у Бога; буду любить вас обоих, как люблю ясные звезды или чистые Божии радости. Увижу ли я вас когда-нибудь или нет, это меня мало заботит. Мне все думается, что я вижу души ваши и всем сердцем желаю до последнего дня моей земной жизни, и если получу прощенье, то и там, в обители небесной, волею Божиею сохранить [sic] к вам всю силу самой высокой и нежнейшей любви, подобия которой не выразить здесь словами ограниченного человеческого разума.

Господи благий, благослови, укрепи и соверши во мне это! Многогрешная С[офия], настоятельница обители Пресвятой Богородицы N.

Простите!»

Так заводились и укреплялись в любви Божией мои с женою отношения к «малой лесной птичке, не забытой у Бога, кричащей к Нему» о милости не только к нам, но ко всему миру Христианскому, православному.

Молитва праведного — стояние граду... Великая это милость Божия!

Чудо Преп. Серафима. «Христос вчера, днесь, Той же и во веки».

Сказывала нам м. Мария про великую обительскую радость:

«Большая у нашей матушки вера к Преподобному Серафиму. С тех пор как они у нас настоятельствуют, батюшке угоднику Божию в нашей обители ими установлено каждую пятницу на утрени служить акафист. Акафист этот у нас весь поется, читается только до слова «радуйся», а там — весь на 6-й глас поется. Так это у нас хорошо, умилительно выходит, что иной раз, как схватит за сердце, и не знаешь, будет ли еще на небе-то лучше: забудешь и про нищету нашу, даже и про то забудешь, что построили свои лачужки на чужой земле, что и храм-то, который весь обновили и куда ходим молиться, не наш, а приписной к соседнему — про все на свете забудешь... Повек бы так радоваться да молиться! Просила матушка Св. Синод о том, чтобы нам храм этот отдали, а с ним и приписную к нему землю, десятин 448 чтоли или около этого. Долго ходило ихнее прошение по разным местам, и все по нему никакого решения не выходило. Многих это слез стоило матушке. А дело не ждет: сестер год от году прибавляется, кельи строятся; имиже весть судьбами строятся корпуса для приюта, для общежития, для общих послушаний — и все без грошика, все слезами, да молитвами, да чудом Божиим. На нас глядя, многие со стороны смеются: «вишь, — говорят, — залетели черные галки на чужие березки да по-птичьему и гнезда себе вьют. Разве с умом люди так делают?! — Даже и доброхоты нашей обители, и те уверяли, что только и будет толку из затей нашей, что нас заводские* выгонят. Сколько плача нам наша жизнь стоила, и не перескажешь, а матушка наша, так та море за нас слез пролила... И вот, батюшка мой С.А., что сотворилось у нас нынче под Преподобного Серафима и за его святые молитвы, так уж это истинно чудо-чудное, диво-дивное! Сказывать начнешь, плакать хочется. Об рождественских праздниках, близ памяти Преподобного Серафима матушке вышел указ от консистории^{III} о том, что Св. Синод отдал нашей обители и храм, и землю при нем, но с тем, чтобы матушка внесла к какому-то там сроку пять тысяч рублей. Подумайте — скажите: пять тысяч! а у нас у всех и полста, хоть обыщи, не наскребется. И радость тут, и горе. Что тут делать? И вот, на память Преподобного Серафима положила матушка при всех сестрах указанную бумагу к его иконе, вслух сестер ему и говорят:

* Церковь обители и при ней кладбище приписаны были к соседнему заводу.

— Батюшка, видишь, что я творю? Денег нет, а я уже ответила владыке, что деньги к сроку внесу; а взять, ты сам, батюшка, знаешь, нам, нищим, неоткуда.

Сказали так-то, а там обратились к сестрам:

— Давайте, — говорят, — сестры день и ночь плакать к Преподобному, и веруйте, что он нас выручит.

И наплакались же мы тут, батюшка мой, вволю.

Так и осталась указная бумага лежать у Преподобного.

Прошло два дня, и ровнешенько, копейка в копейку, от неизвестных матушка пять тысяч и получила: присланы деньги и при них заказ молиться о здравии и спасении девиц Анастасии и Елизаветы. 4-го января деньги были получены, а 9-го матушка уже их свезла к владыке. То-то было у нас опять слез да ликования, да радования!»

Об этом чуде Преп. Серафима написала мне и сама матушка: «Поделюсь, — пишет она, — с вами еще недавней милостью Божией. На днях был получен нами указ Св. Синода о передаче церкви Св. Иоанна Милостивого нашей обители, а также и земли при ней. За этот храм много душ страдало в продолжение 14-ти лет, и вот конец пришел. Одновременно нам было предписано внести за 47 десятин 5000 рублей, а денег, конечно, не имелось. На день памяти Преподобного Серафима (2-го января) положили мы к иконе бумагу своего обязательства, и через два дня совсем неожиданно и от незнакомых людей привезены были в обитель ровно пять тысяч. Как часто приходится убеждаться в истине того, что «Иисус Христос вчера и днесь, Той же и во веки»*.

Аминь.

* Тебе хочется знать, читатель мой дорогой, где находится эта обитель? Я ее назову тебе и скажу, где она, ибо и поныне бедность ее все та же, что была и раньше, и так же, как и прежде, она нуждается в чудесах Божиих, в тех чудесах, что Господь являет рабам Своим через добрых и благочестивых людей; еще больше, пожалуй, нуждается, потому что нет с ней прежней ее матушки. Зовется святая обитель эта «Отрада и Утешение», зовется так по главной ее святыне, иконе Божией Матери того же явления. Адрес ее почтовый и телеграфный: Дугненский завод, Калужской губернии. Ехать туда можно тремя путями: круглый год — на ст. «Ферзиково», Сызрано-Вяземской ж.д.; от станции 12 верст на лошадях. Летом, до схода вод — по Оке пароходом: или от ст. «Ока» Московско-Курской ж.д., или от Калуги — до пристани «Дугненский Завод». Что там за местность! — Красота! Какой там воздух! Что за красавица Ока с ее высокими обоими берегами, увенчанными зелеными рощами, соловьиными песнями, обвеянными благоуханием бесчисленных цветов поемных лугов реки-красавицы, и... что за простосердечные и благоговейны молятся там святые души!.. Съезди — не раскаешься!

31-го ЯНВАРЯ

Воскресенье

8° тепла. Матери православные, бойтесь проклинать детей своих!
Новый экзарх Грузии и знамение ему в Тамбове.

8° тепла на солнце. Диво да и только!

Сегодня из Оптиной уехала в свой Тамбов недавно приехавшая к нашим старцам за советом и молитвами некая многоскорбная вдова А. Е. К-а. Заходила она и к нам с письмом от наших друзей тамбовских. Приехала в горе, близком к отчаянию, а уехала утешенная, почти радостная.

Такова Оптина!

А было с чего ей скорбеть и плакать.

«В прошлом году, на первый день Пасхи, — рассказывала нам А.Е., — умер у меня скоропостижно муж и оставил меня с 5-ю малолетними детьми без всяких средств к существованию. Долго жили мы с мужем душа в душу, но последние годы нашей с ним жизни были сплошным кромешным адом для нас обоих; околдовала его какими-то чарами простая девка-поденщица, связала его с собою бесовской страстью и, ненавидя его, выматывала из него душу, хотя и прижила с ним трех ребят. Зла эта девка была, как сам диавол, била его, спаивала, подводила под скандалы, подстрекала его нас убить, законную его семью, путалась с разными босяками, подговаривала их убить его самого и тянула с него последние гроши. Все это бедняга мой муж и видел, и сознавал, чувствовал бездну своего падения, плакал — у меня же на груди, бывало, плачет, горе свое выплакивает и муку рассказывает — но поделать с собою ничего не мог и продолжал валяться в невообразимой нравственной грязи, на самом дне нравственного падения.

Пришла Страстная. В Великий четверг я с детьми пошла к 12-ти Евангелиям, мужа с нами не было — он был у ней, и дети, и я это знали. Приходит он от нее ночью уж, поздно.

«Был ли ты хоть, — спрашиваю, — в церкви у стояния?»

«Был», — отвечает и свечку показывает.

А где там был! — и свечка-то, гляжу, необгорелая... Светлую заутреню, однако, и обедню мы молились всей семьей вместе, вместе и разговливались. Только разговелись, а его уже опять потянуло к ней.

«Анюта! — говорит, — дай мне валериановых капель: мне что-то скверно, не по себе».

Я дала.

«Пойду, — говорит, — на минутку к ней».

А меня много раз предупреждали, чтобы я его всячески старалась удерживать и туда не пускать, что там собирается у нее всякая, что ни на есть, грязь босяцкая; пьют на мужнины деньги водку, играют в карты, и идет у них там свальный грех да драка... Бьется мое сердце, разрывается, а разве его удержишь? Ушел. Часу не прошло, а уже оттуда бегут мне сказать:

«Умер ваш муж!»

Так у нее на постели внезапно и помер... Понимаете ли вы теперь, — говорила нам А.Е., — мою скорбь? Места себе я с тех пор не нахожу — все горюю да плачу! А если бы вы только знали, какой это был хороший человек, мой муж! Он в управляющих по имениям жывал. Как народ его любил! И где бы он ни жил, какую он по себе оставлял память, и все это до этой несчастной страсти! Плакали многие, как узнали о его смерти... И вдруг такая смерть!»

Наши старцы сумели ее ободрить, успокоить и утешить. По вере нашей, кто умирает на Пасху, того душа, за честь и славу Христова воскресения, безбедно проходит все воздушные мытарства. А тут еще злые чары, и хоть грех велик, да велики же были и муки раскаяния... Ну, словом, побывала А. Е. в Оптиной, и сама точно воскресла.

«Ведь и правда, — говорила она нам перед отъездом, — мужу моему, должно быть, прощены грехи на том свете. Видела я его на сороковой день во сне, под самое, стало быть, Вознесение. Видела я его так: нахожусь я будто в церкви, а посреди церкви насыпана свежая могила. У могилы стоит муж. Я знаю, что он умер, и боюсь к нему подойти.

А он улыбается и говорит мне:

«Не бойся за меня, Анята, и не плачь: мне хорошо. А вот кому надо плакать, так плакать!» — И муж показал на свою мать, которая, оказалось, тут же стояла... На этом я проснулась».

Я как-то мало обратил внимания на конец этого сновидения, но жена моя любит докапываться до корня вещей и спросила А.Е., не было ли какой причины обращаться покойнику к матери с такими словами.

— Думаю, — ответила А.Е., — не оттого ли он так сказал, что лет за пять до своей смерти он проклят был своею матерью.

— За что же? — спросила жена.

— За вздор, за сущий пустяк! Он, видите ли, ей лошадью не угодил: купил как-то раз лошадь, не досмотрел, а она оказалась кривая. Свекровь так рассердилась, что прокляла его такими словами: «Чтоб тебя Бог покарал до конца твоей жизни!»

— Не с тех ли пор, — спросили мы, — и муж-то ваш так дурно стал себя вести?

— Да, — ответила А.Е., — с тех самых пор он и стал как будто сам не свой. Если бы вы только видели, как он мучился и страдал от своей жизни. Не свой он был, не свой: весь был во власти злой силы.

Матери православные, бойтесь проклинать детей своих!

* * *

В письме, которое мне привезено из Тамбова А.Е., было сообщено, между прочим, следующее:

«На прошлой неделе провожали экзарха Грузии Иннокентия¹¹². Слез было много. Он сам плакал сильно, земно у всех просил прощения и уехал с недобрим предчувствием. Когда был получен указ о назначении его в Тифлис, он пошел в свою домовую церковь поставить свечку перед иконой Божией Матери. Зажег свечу, поставил, а она тут же погасла, он снова зажигает и осторожно ставит — опять тухнет. Тогда он зажигает третий раз, и свеча в третий раз гаснет. Тут и руки у него опустились, не стал более зажигать, и в скорби вышел...»

Не погаснуть ли самому архиеп. Иннокентию на свещнице Грузинской?.. Только бы не духовно?..¹¹³

10-го ФЕВРАЛЯ

Скорби сердца и канон молебный Царице Небесной. Знамение Ея милости.

Эти дни под впечатлением событий, творящихся во внешнем мире, — там, за оградой монастырской — сердце мое было крайне тревожно, а тут подоспели и еще кое-какие злые вести, больно затронувшие мою впечатлительность, — *«и уны во мне дух мой, во мне смятется сердце мое»*. Так мне было тяжело, так тяжело, что и сказать невозможно. Вчера к вечеру стало даже невыносимо тяжело, так что пришлось прибегнуть к испытанному в таких случаях средству — усердной молитве к Царице Небесной и к чтению Ей канона, известного под названием «Канон молебный ко Пресвятой Богородице, поемый во всякой скорби душевной и обстоянии». Читали мы его с женою вместе на ночь и, как всегда, стало после него сердцу легче, и я мог заснуть довольно спокойно.

А сегодня, как бы в знамение милости Царицы Небесной и в ответ на горячую к Ней молитву, к нам, точно с неба Ангел Божий, пожаловала матушка С[офия], настоятельница той обители, о которой любовь моя уже успела столько записать на страницы эти. Это была наша первая встреча лицом к лицу; и что же это была за радость всем нам, и какое это было

ликование! — только на небе будет лучше, а на земле, вне любви Христовой, нет и не может быть никакого подобия этой радости, этому ликованию. В течение целого дня мы не знали, где мы — на небе ли, или на земле, в теле ли, или вне тела. Нечто подобное по силе чувства, исполнившего сердце любовью о Христе Иисусе, испытывал, представляется мне, «служка Божией Матери и Серафимов» Николай Александрович Мотовилов при встрече с Преподобным Серафимом в ближней пустынке, накануне великой беседы о цели христианской жизни*. «Никакое слово, — пишет он, — не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем... Я плывал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился, однако же, не только узреть лицо о. Серафима, но и слышать привет его богодухновенных словес, так утешила меня! Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой, и несмотря на то, что я целый день не пил, не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоение, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем».

Вот нечто подобное и по происхождению своему, и по силе чувства испытано было не одним мною, а всеми нами, отшельниками Нилусовского скита, в этот незабвенный день нашей первой встречи лицом к лицу с той, которую наше сердце уже больше года привыкло любить заочно.

Матушка приехала к старцам и к ним же привезла и шесть сестер певчих. Вечером, после старцев, они все вместе со своею матушкой собрались к нам, и весь вечер было у нас ангельское пение, душой которого и украшением был голос самой матушки. И такое это было дивное пение, что — истину говорю, не лгу — ничего мы подобного никогда не слышали. Вдохновение было свыше, сердце растворено было Христовой любовью, Божья радость улыбалась душе нашей — оттого так и пелось, оттого так и слушалось, и молилось в глубине сердечной воздыханиями неизглаголанными.

«Радовалась я, — говорила нам ангел-матушка, — что, наконец, увижу вас, мои радости, и подумала: обитель наша зовется «Отрада и Утешение» — чем их утешить? И решила взять своих певчих, думаю: и им полезно к старцам, и вам будет утешение».

* См. мою книгу «Великое в малом», 1 ч, 178 стр.

И великая сила любви, говорившая нам эти речи, сопровождалась такой улыбкой, таким светом и теплом привета и ласки, что сердце замирало и таяло в невыразимой благодарности к Богу и к Той, Которая есть Отрада истинная и Утешение велие.

Это ли не знамение вышнего попечения о грешных людях Небесной Игумении? Вчера и сегодня — ад и небо! Все это так чудно, так знаменательно, так утешительно... Мы весь день едва удерживали умиленные слезы, а вечером, за акафистами Знамению Божией Матери и Преподобному Серафиму, петыми целиком на глас 8-й и 6-й, мы в полном смысле слова исходили слезами. Дивлюсь только, как все это могло сердце выдержать!..

Радуйся, Невесто Невестная!

11-го ФЕВРАЛЯ

Те же радости.

Сегодня было то же, что и вчера, — те же радости, то же умиление! Насколько сильно было впечатление вчерашнего и сегодняшнего дней, пережитых точно в благодатном сне, я сужу по тому, что все зло земли, над которым так болит, тоскует и плачет мое сердце, отступило, как силы нечистые под знаменем Честнаго и Животворящаго Креста Господня: во всех неумолкавших беседах наших с матушкой мы ни разу его не коснулись, как будто его вовсе не существовало. Какое это было утешение!

После обеда опять от старцев пришли сестры-певчие, и опять полились небесные звуки дивного пения. В самый разгар его пришел наш дорогой друг, отец Н[ектарий], Надо было видеть его оживление и умиление!..

Вечером матушка со своими сестрами уехала в свою обитель.

Для нас эти два дня были, как благодатный сон, как небесное видение. Как только благодарить за них Царицу Небесную?!

23-го ФЕВРАЛЯ

Видение о. Николая («Турка»), схимонаха Скита Оптиной Пустыни.

Кто читал книгу мою «Великое в малом», тому известен Оптинский подвижник, схимонах о. Николай, по прозванию «Турка». В статье «Небесные Обители» я рассказал со слов одного моего духовного друга о видении, бывшем этому подвижнику. Теперь в скитских рукописях я нашел краткое жизнеописание о. Николая и более подробный рассказ, записанный со слов

его самого, о том, что увидел он, по милости Божией, в жизни будущего века, в тех небесных обителях, куда призывает Господь всех любящих Его и куда уже призван ныне схимонах Николай-Турка, подвижник Оптинский¹¹⁴.

* * *

Схимонах Николай, — так сообщает его биография, — в мире Николай Абулах, казанский мещанин. Из представленного им свидетельства Херсонской духовной консистории видно, что он — бывший магометанин, имя его было Юзуф-Абдул-Оглы; бывший турецкий подданный, родом из Малой Азии. Служил в турецкой гвардии офицером. Когда он почувствовал желание креститься в православную веру и стал об этом открыто заявлять родичам своим туркам, то они так возненавидели его за это, что он дня по два, как «гяур», не мог найти себе пищи. Его мучили, вырезая куски из тела его. Ему удалось бежать в Россию. В Одессе, в Карантинной церкви, он был крещен в октябре 1874 года и назван Николаем. Восприем[ни]ками [sic] его были: Одесский градоначальник, тайный советник Николай Иванович Бухарин и 1-й гильдии купчиха Наталия Ивановна Глазкова. Затем он в Казани приписался в мещанское общество. 18-го июля 1892 года, 63-х лет от роду, он поступил в Скит Оптиной Пустыни. Господь сподобил его духовных утешений: восхищен был в рай, где наслаждался созерцанием неизреченных райских красот. Отличался кротостью, смирением и братолюбием. Келья его была рядом с келлией монаха Мартирия (скончался иеродиаконом)¹¹⁵. Топил за него печи, и когда тот, удивляясь, спрашивал:

«За что же это для меня делаешь?»

Отвечал просто:

«Я тебя люблю».

Скончался 18-го августа 1893 года, 65 лет от роду.

«В четверг 13-го мая 1893 года, — сказывал Божий угодник этот*, — утром часу в третьем, я начал читать акафист Святителю Николаю Чудотворцу. Господь мне даровал такую благодать при этом, что слезы неудержимо и обильно текли из моих глаз, так что вся книга была омочена слезами. По окончании чтения утрени, я начал читать псалом 50-й «Помилуй мя, Боже», а после него Символ веры, и когда его окончил и произнес последнее слово — «и жизни будущего века. Аминь», — в это самое мгновение невидимая рука взяла мои руки и сложила их крестообразно на груди, а голову мою со всех сторон объял огонь, похожий на цвет

* Записано со слов о. Николая послушником Павлом Ивановичем Плиханковым, впоследствии начальником Скита Оптиной Пустыни, схиархимандритом о. Варсонофием.

радуги*. Огонь этот, не опаяя меня, наполнил все существо мое неизглаголанною радостью, до того времени мне совершенно неизвестной и неиспытанной. Радости этой невозможно уподобить никакой земной радости. И тут я не помню, как и когда, я увидел себя перенесенным в некую дивно-прекрасную местность, исполненную света. Никаких земных предметов я не видел там, видел только одно безконечное и безпредельное море света. В то же время я увидел около себя с левой стороны двух стоящих людей, из коих один по виду был юноша, а другой — старец. И мне сердечным извещением дано было знать, что один из них св. Андрей, Христа ради юродивый, а другой ученик его, св. Епифаний¹¹⁶. Оба они стояли молча. И тут, я увидел пред собою как бы занавес темно-малиноватого цвета. И взглянув вверх, я над занавесом увидел Господа Иисуса Христа, восседающего на престоле и облеченного в драгоценные одежды, наподобие архиерейских. На главе Его была надета митра, тоже похожая на архиерейскую. С правой стороны Господа стояла Божия Мать, а с левой Иоанн Креститель. Одежды на них были подобны тем, которые обыкновенно пишутся на их иконах. Св. Иоанн Креститель в одной руке держал знамение Креста Господня. По сторонам Господа стояло двое светоносных юношей дивной красоты; в руках они держали пламенное оружие. Сердце мое преисполнено было неизреченной радости. Я смотрел на Спасителя и несказанно наслаждался зрением Божественного Его лица. На вид Господу было лет 30. И явилось тут во мне сознание, что, вот, я, величайший грешник, хуже всякого пса, и вдруг удостоился от Господа такой великой милости, что стою пред престолом Его неизреченной славы. Господь кротко смотрел на меня и как бы ободрял меня. Так же кротко смотрели на меня Божия Мать и св. Иоанн Креститель. Но ни от Господа, ни от Пречистой Его Матери, ни от Крестителя Господня я не сподобился слышать ни единого слова. В это время я увидел пред Господом схимонаха нашего скита о. Николая (Лопатина)¹¹⁷, скончавшегося в полдень 10-го мая и еще не погребенного, так как ожидали приезда из Москвы его родного брата. О. Николай совершил земное поклонение пред Господом, но только схимы на нем не было, а одет он был, как послушник — в руках четка [sic] и голова непокрыта. И после сего я взглянул: и, вот, с правой стороны великое множество людей, приближавшихся ко мне. По мере их приближения, я начал слышать пение, но слов не мог разобрать. И увидел я в среде их лиц и в архиерейских облачениях, и в иноческих мантиях; у иных в руках были ветви. И между

* В подлиннике — «желтый, похожий на цвет радуги».

ними я видел и женщин в богатых и прекрасных одеждах. В сонме святых этих я узнал многих по изображениям на святых иконах: пророка Моисея, державшего в деснице своей скрижали Завета, пророка и царя Давида, у которого в руках было некое подобие гуслей, издававших прекраснейшие звуки; увидел я и ангела своего Святителя Николая. Среди этих великих Божьих угодников я видел и наших в Бозе почивших старцев: Льва, Макария и Амвросия, а также и некоторых из отцов нашего скита, находящихся еще в живых. И все это великое собрание взирало на меня с любовью... И вдруг увидел я пред собою между мною и занавесом неизмеримо великую пропасть, наполненную мрака, и во мраке этом, на страшной глубине — самого князя тьмы, в том его виде, в каком изображается на священных картинах. На руках сатаны сидел Иуда, державший в руках подобие мешка. Возле князя тьмы стоял лжепророк Магомет в длиннополой одежде зеленого цвета и такого же цвета чалме. Вокруг сатаны, который представлял собою как бы центр пропасти, на всем ее безпредельном пространстве я видел уже множество людей всякого состояния, пола и возраста, но между ними никого знакомого не заметил. Из пропасти доносились до меня вопли отчаяния и невыразимого ужаса, не передаваемых никакими словами.

На этом видение это кончилось.

После этого я был поставлен внезапно в ином месте. Это место исполнено было такого же великого лучезарного света, однородного, показалось мне, с виденным мною в первом месте. Святых Андрея и Епифания со мною уже не было... Что видел я там, то трудно передать словами. И как изобразить человеческим языком земнородных небесные красоты, неизреченные, предивные, поистине неизглаголаные? Все там бесконечно прекраснее нашего. Видел я там как бы великие и прекрасные деревья, обремененные плодами, деревья эти расположены были как бы аллеями, которым и конца не было видно, вершины деревьев сплетались между собою, образуя как бы свод, устланы были аллеи эти как бы чистейшим золотом необыкновенного блеска. На деревьях сидело великое множество птиц, несколько напоминавших видом своим птиц наших тропических стран, но только бесконечно превосходящих их своею красотой. Красоты и гармонии их пения никакая земная музыка передать не в состоянии — так оно было сладостно.

В саду этом протекала река, прозрачность вод ее превосходит всякое описание. И между деревьями сада я увидел дивные обитатели, как бы дворцы, по подобию виденных мною в Константинополе, но только без всякого сравнения превосходнее и краше. Цвет их стен был как бы малиновый,

похожий цветом и блеском на рубин. И я знал, что место это — рай, расположением своим напомилавший мне отчасти наш Оптинский скит, где иноческие кельи также стоят отдельно друг от друга, разделенные группами фруктовых деревьев¹¹⁸.

Рай был окружен стеной, которую я видел только с южной стороны. На этой стене я прочитал имена 12-ти Апостолов.

И увидел я в раю некоего мужа, облеченного в блестящие одежды и сидящего на престоле как бы белоснежном. На вид мужу этому было лет шестьдесят, но лик его, несмотря на седины, был, как у юноши. Кругом него стояло множество нищих, которым он что-то раздавал. И внутренний голос сказал мне:

«Это — Филарет Милостивый!»¹¹⁹

Кроме него, я никого из праведных обитателей рая не сподобился видеть.

Посреди райского сада я увидел Животворящий Крест с Распятым на нем Господом. Невидимая рука указала мне поклониться ему, что я и исполнил. И когда я преклонился пред ним, в то же мгновение неизреченная и великая сладость, подобно пламени, наполнила мое сердце и проникла все существо мое.

И увидел я после того великую обитель, видом подобную прочим, находящимся в раю, но неизмеримо превосходящую их своею красотой. Вершина ее, наподобие исполинского церковного купола, возносилась в безконечную высь и как бы терялась в ней. В обители этой я заметил как бы подобие некоей террасы, и на ней, на богато изукрашенном троне я увидел Царицу Небесную. Вокруг Нее стояло великое множество прекрасных юношей в блистающих, белых одеждах, державших в руках подобие некоего оружия, но какого, того я не разглядел. Одежда на Матери Божией была такая же, как изображается она на святых иконах, но только разноцветная. На главе Ее была корона, наподобие царской. Царица Небесная милостиво глядела на меня, но слов от Нее услышать я не сподобился.

После сего, как бы в воздухе, я удостоился узреть Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, в подобии, изображаемом на святых Ее иконах; Бога Отца в виде святолепного Старца; Бога Сына в виде Мужа, держащего в деснице Своей Честный, Животворящий Крест, и Бога Духа Святаго — в виде Голубя.

И казалось мне, что я долго ходил среди рая, созерцая дивные красоты, превосходящие всякое человеческое о нем представление.

Когда же я очнулся от этого видения, то долго не мог прийти в себя от великого и неизреченного утешения этого и весь этот день был как бы вне

себя от радости, наполнявшей мое сердце. Ничего, подобного сей радости, до этого времени я никогда не испытывал».

* * *

На этом в скитской рукописи заканчивается описание видения скитского подвижника, схимонаха Николая-Турка.

«Ну, что ты еще знать хочешь, чего допытываешься? — говорил он старцу схиархимандриту Варсонофию, в то время еще послушнику. — Придет время — сам увидишь. Что еще тебе сказать, да и как сказать тебе?.. Ведь, на человеческом языке нет тех слов, которые могли бы передать, что там совершается; ведь, на земле и красок-то тех нет, которые я там видел. Как же тебе все это передать?.. Ну, вот, послушай, что я тебе скажу: ты знаешь, ведь что такое хорошая музыка?.. Ну, вот я слышал ее, только что слышал: она у меня звучит в ушах, она поет в моем сердце — я все еще ее продолжаю слышать. А ты ее не слышал. Как же, какими же словами могу я тебе рассказать о ней, чтобы и ты по моим словам мог бы ее слышать и со мною вместе ею наслаждаться?.. Ведь, не можешь? Так и того, что я там видел невозможно пересказать человеку»...*

Видение это даровано было схимонаху Николаю 13-го мая 1893 года, а 18-го августа того же года, через 3 месяца и 5 дней после этого видения, не стало уже на земле в живых и самого святого схимника. О, сладкая наша вера! О, сладость исполнения небесных ее обетований!..

24-го ФЕВРАЛЯ

Кончина послушника Миши. Посмертные его явления.

А вот и еще жемчужина, выловленная мною из тех же бездонных глубин безценной моей «Божьей реки» Оптинской.

«1848-го года, июля 6-го дня, — читаю я в пожелтевшей от времени рукописной тетрадке**, — пополудни в седьмом часу, скончался в Козельской Введенской Оптиной пустыни кроткий послушник Михаил Степанов, на 19-м году от роду, болезнию холерою. За несколько дней он чувствовал головную боль, а утром 6-го числа во всей силе обнаружилась у него холера:

* «Великое в малом», ч. 1, 333 стр., изд. 3-е (Серг. Посад, 1911 г.).

** На полях рукописи отмечено карандашом: «записано со слов монаха Моисея, рясофорного монаха Или Бирюкова и послушника Виктора Панина».

понос, рвота и судороги. Употреблены были известные лекарственные пособия, но безуспешно. В 12-м часу дня, по исповеди, удостоился принять Святые Христовы Тайны, в 6-м часу пополудни особорован и через полчаса по особоровании уснул вечным сном во время чтения отходной. 7-го числа, после поздней литургии, отправлено, по благословию о. Игумена Моисея, соборное монашеское погребение в уважение благонравия покойного. При погребении была вся братия и богомольцев полна церковь. С теплыми слезами на глазах сожалели о разлучении с кротким сим братом и с пением и молитвою покрыли гроб землею. В лице брата Михаила обитель принесла первую невинную жертву свирепствующей повсеместно повальной болезни холере.

В самый день погребения Михаила, во втором часу пополудни, помощник пономаря, послушник Виктор пришел в свою келью крайне усталый, прилег и тотчас уснул. И едва он уснул, как увидел во сне: будто он отворил в соборе дверь, чтобы мести полы, и видит покойного Михаила в соборе, пришедшего, как обычно, помогать ему в уборке собора. Михаил был в белом балахоне. Виктор очень ему обрадовался и сказал радостно:

— А, Миша! Ты опять к нам?

— Да, — ответил Михаил тихо и ласково, — я еще с вами.

В эту самую минуту Виктора разбудил пономарь, монах Николай и позвал в собор.

После этого сновидения Виктор чувствовал в сердце некоторое утешение и спокойствие за участь покойного.

Прошло дней восемь. Рясофорный монах Илья Бирюков, прежде живший в одних кельях с Михаилом, изнемогши на утреннем пении, вышел из церкви до отпуста, укоряя себя в немощи. Пришел в келью, уснул и видит во сне: идет будто покойный Михаил по монастырю в белом, чистом балахоне, а монах Илья, обрадовавшись, подзывает его к себе и спрашивает:

— Ну, что, Миша, как ты умирал? Не тошно ли тебе было?

Покойный с прежней простотой и тихостью ответил:

— Да что, батюшка: сначала от болезни очень тошно было; видел и чувствовал, как отцы и братия трудились и помогали мне. А потом сделалось зелено-зелено, и я не заметил, как душа моя вышла из тела. Очутился как бы на облачке, и оно стало поднимать меня все выше и выше. Только тут я ни братии и ничего уже больше не видал.

Монах Илья спросил:

— Хорошо ли тебе теперь-то?

— Хорошо, — ответил Михаил, — только определения еще не было.

И пошел как бы на послушание, а монах Илья, смотря на него, про-
снулся с чувством умиления и радости за его участь.

Спустя несколько дней, тот же монах Илья, уснувши в своей келье,
опять видит во сне, будто Михаил по обыкновению обметает с братиею со-
бор. Одет он опять в белом балахоне, а под носом у него точно выпачкано.
Илья и говорит ему:

— Что же это ты, Миша, все еще тут с нами ходишь? А это, — указы-
вая на нос, — почему не вытрешь?

— Вы, батюшка, — ответил Михаил, — в этом не сомневайтесь; мне
там очень хорошо. Там даже и Ивану-немому хорошо.

А Иван этот был глухонемой послушник, сапожник припадочный; умер
внезапно в своей келлии 3-го ноября 1846 года, в воскресенье, в 2 часа
[по]полуночи.

Этот сон свой, по пробуждении, монах Илья рассказывал тогда же еди-
номысленным братьям.

После того в 28-й день по кончине Михаила, 3-го, стало быть, авгу-
ста, иеродиакон Моисей (в его келье жил до самой смерти Михаил),
придя от утрени, уснул и видит: вошел будто в переднюю комнату в
белом балахоне Михаил и в руках держит два белых стекла, вырезан-
ных как бы для вставки в рамки для портретов. Моисей обрадовался
ему и тут же подумал: да как же это я его вижу въяве, когда он умер?
Как объяснить это старцу?..

— Ах, Миша! — воскликнул он, — спасайся! Скажи, пожалуйста, как
ты умирал? Не тяжело тебе было?

— Ничего, батюшка! — ответил Михаил, — сначала, как заболел, тош-
но было, а, как умирал, не чувствовал.

— Ну, а как же ты проходил мытарства?*

* Св. Макарий Александрийский передает следующее Ангельское откровение о со-
стоянии душ умерших в первые сорок дней по разделении их от тел своих: душа в первые
два дня пребывает на земле и в сопровождении Ангелов посещает те места, в которых
творила правду. В третий день повелевается христианской душе вознестись на небеса для
поклонения Богу. При восхождении своем на небо душа проходит путь воздушных мы-
тарств, на которых она обличается бесами в содеянных ею грехах. Прохождение мытарств
происходит на третий день. После поклонения Богу повелевается душе показать различ-
ные обители святых и красоты рая. Это продолжается шесть дней. На девятый день душа
опять возносится на поклонение Богу. После этого ей показывается ад со всеми муками,
что продолжается тридцать дней. И, наконец, в 40-й день по разлучении с телом душа в
третий раз возносится на поклонение Богу и тогда происходит над нею частный суд Бо-
жий (окончательный на Страшном Суде по всеобщем воскресении), и ей определяется со-
ответствующее ее земным делам местопребывание.

— Какие, батюшка, мытарства? Я их не видал и не знаю. Я как умер, так меня вознесли, как на крыльях.

Потом тихо добавил:

— Ведь, я перед самой смертью сообщался.

О. Моисей будто не услышал, переспросил:

— Что ты говоришь?

Михаил также тихо ответил:

— Я сообщался.

— Да говори же погромче! — сказал о. Моисей.

Михаил ответил громко:

— Я сообщался, батюшка, Святых Таин перед самой смертью; да еще в пятницу сообщался. Теперь мне очень хорошо.

— Куда же ты идешь теперь?

— К отцу Паисию: нужно сказать ему словечко.

А о. Паисий — иеромонах, помощник духовника, причащавший Михаила перед смертью.

— А ты, — сказал ему в шутку о. Моисей, — на меня ему наговоришь?

— Нет, батюшка, — ответил он, — я о себе только.

— Вот это и хорошо, — сказал о. Моисей, — что открываешь помыслы: так и старцы велят.

Тут Михаил вдруг стал невидимым.

Моисей, оставшись один, принялся будто за свое рукоделие — он работал ложки — и стал топориком обтесывать ложку за тем же станком, за которым при жизни и Михаил занимался, и в то же время думать: отчего-де это я ничего не спросил у Михаила о себе, хоть бы молитв его попросил о себе ко Господу? И вдруг видит: спускается к нему над станком сверху, по воздуху Михаил с лицом, умиленным любовью. Моисей в радости обхватил его ноги и воскликнул:

— А, Михаил! Теперь не уйдешь! Помолись обо мне, грешном, чтобы Господь избавил меня от всех козней дьявола.

Михаил тихо ответил:

— Милостив Господь! За вас, батюшка, молится святая великомученица Екатерина, преподобный Арсений Великий, Соловецкие Чудотворцы и святой Апостол Иоанн Богослов.

Говорил тут Михаил и еще что-то, но о. Моисей, проснувшись, не мог того припомнить».

* * *

Записано это сказание знакомым мне почерком о. Евфимия Трунова^{*120}, летописца внутренней Оптинской жизни времен великих Оптинских старцев Льва, Макария и архимандрита Моисея

Вслед за сказанием тою же рукою приписано дословно следующее:

«Хотя видениям во сне и запрещается веровать без рассуждения из предосторожности, как св. Иоанн Лествичник и прочие св. отцы поучают, но для утверждения и извещения в неких сомнениях бывали откровения и через сонные видения, как, например: Григорию, ученику преп. Василия Нового, о Феодоре и евреях и другим многим. Так и в настоящее время потребно малодушным успокоение, хотя через сонное видение, по случаю повальной болезни холеры, об участии за гробом ею пораженных. Не излишним будет вспомнить о происхождении и благонравии покойного Михаила.

Родители его принадлежали прежде Полотняному заводу, что Перемышльской округи, называемый Митин железный завод. Когда же расстроился и уничтожился Полотняный завод, родитель покойного Михаила с семейством приписался в мещанское общество города Перемышля; старший брат поступил на фабрику в Серпухов, а Михаил с юных лет почувствовал внутреннюю склонность к монастырской жизни. Имея тихий и кроткий нрав, он только через долгое время многими убеждениями едва мог склонить родителя своего позволить ему жить в монастыре. Получив родительское соизволение, он поступил в Оптину Пустынь в июле 1846-го года и с горячею юношескою ревностью предал себя святому послушанию без прекословия. Кротость и невинная стыдливость отличали его от других сверстников. Послушание его было на правом клиросе петь альтом. Усердие его к церковной службе было примерное. Кроме службы Божией, он и на других послушаниях обще с братией бывал неопустительно, сколько имел сил и возможности. Во всяком деле и всякому был уступчив с самоукорением и непритворною простотою. В свободные от послушания часы учился келейному рукоделию — деланию ложек — у жившего с ним иеродиакона Моисея и отнюдь не любил праздности. Без повеления или благословения от жившего с ним отца Моисея никакого дела не начинал, совершенно отсекая свою волю, и никуда из кельи не выходил. О душевном своем состоянии и находящих помыслах открывал духовному старцу своему и свято хранил его наставления. За такое благое устройство любим был всею братиею в обители.

Не более, как за неделю до кончины Михаила, приходили родные его навестить и готовились к приобщению Святых Таин в своей обители, а

* См. мою книгу: «Святые под спудом».

по отбытии их вскоре Михаил почувствовал головную боль и непонятную для него тоску. 6-го июля (1848 г.), с раннего утра у него начался первый приступ холеры. В 7 ч. утра он вошел в келью неромонаха Паисия, жившего от него через стену, молча облокотился на лежанку и, глядя на о. Паисия, горько зарыдал. О. Паисий спросил его с участием о причине его скорби.

— Ах, батюшка! — ответил он, — как мне тошно.

О. Паисий тотчас же пошел за живущим в обители на послушании штаб-лекарем М. В. Путимцевым. Когда они пришли, то застали Михаила со всеми признаками холеры совершенно обезсиленным; он лежал недвижим и только едва говорил хриплым и тихим голосом:

— Ох, сердце жжет!.. Пить!.. Дайте мне хоть минуту посидеть... Ногу судорога сводит...

Но сидеть он даже с поддержкой уже не мог. Что ни делали лекарь и братия, помочь не могли. После приобщения ему сделалось несколько покойнее, а во время соборования он и вовсе затих. По окончании соборования стал дышать реже и реже, все тяжелее, и в таком положении сей юный страдалец уснул сном вечным, окончив малое поприще своей земной жизни в надежде жизни вечной и неизменно-блаженной, по словам Премудрого: *«скончался в мале, исполни лета долга: угодна бо бе Господеви душа его»*.

Прилично сему выразился некто:

Кто возлюбил от юности Христа,
Ему в служеньи обручился
И, силе веруя спасительной Креста,
Страдал, терпел, крепился:
Тот тихо в вечность перейдет,
Не утрашится сна могилы:
Его безплотных встретят силы,
И лоно Авраама ждет.

Сочинитель Кавелин

2-го МАРТА

Беседа с совопросником о ките и Ионе. Лжепророк и лжечудотворец.
Неведомые миру святые. Сила Животворящаго Креста (девочка Настя).
Разбойник Савицкий.

Весь февраль ушел у меня на выписки из Оптинских книгохранилищ. Как дивно-хороши эти свидетельства живой веры, — видения схимонаха Николая-Турка, посмертные явления послушника — полуревенка — Миши! Духом Миной-Четых дышит от всех этих сокровищ, свидетельствующих о том, что и

ныне, как во дни оны, жива и действена святая вера наша и что Господь наш Иисус Христос вчера, днесь и во веки Той же.

— Неужели вы верите всему этому? — спросил меня некто, кому я прочел некоторые выдержки из своих записок.

— Конечно, верю; иначе, зачем было мне терять столько времени над этими выписками? И не только верю, но и до слез умиляюсь при их изучении.

— Но эти «сады», «пропасти», «реки, плоды, птицы» — все это такое земное: может ли это быть небесным?

— А какими образами показать небесное земному человеку? Вы слышали, что сказал о. Николай-схимник отцу Варсонофию? — «Ведь, на человеческом языке нет тех слов, которые могли бы передать, что там совершается; ведь, на земле и красок-то тех нет, которые я там видел» — помните? Стало быть, довольно с нас и этих образов, что даны нам видениями людей, угодивших Богу... Впрочем, не имеющему веры и свидетельства Священного Писания представляются малодостоверными. Про Иону пророка читали?

— Читал. Ну, и что же?

— А то же, что некий вам подобный совопросник возьми да и предложи одному старцу коварный вопрос: как-де, кит мог проглотить Иону, когда отверстие рта кита так узко, что человеку и насильно пролезть в него невозможно? Знаете ли, что на это ответил старец?

— Нет, не слышал.

— Старец ответил: если бы слово Божие поведало мне даже и то, что не кит проглотил Иону, а Иона кита, то я бы и сему поверил. Поняли?!..

— Но то слово Божие, а это человеческое.

— А в Четьи-Минеех-то чье? — ответил я полувопросом.

— С вами не сговоришь, — пожал плечами мой совопросник и перевел разговор на иную тему.

И — благо!

* * *

Приходит сегодня меня стричь парикмахер Николай. Мы с ним, как водится, большие приятели и во время стрижки ведем всякие разговоры.

— Что, — спрашиваю, — новенького у вас, Николай, в Козельске?

— А чему быть-с у нас новому? Жизнь, — отвечает, — у нас тихая, стоячая-с: совсем сонное царство-с... Впрочем, — спохватился он, — есть и новость: господина См[ольянино]ва изволите знать?

— Это того мага и волшебника, что духов вызывает, бесов изгоняет и пророчествует?

— Так точно, его-с?

— Ну, так что же?

— С ними маленькая, изволите видеть, вышла неприятность: угодили на два месяца в кутузку-с.

— За какие художества?

— Да, видите ли, у одних наших обывателей ребеночек умер, а господин См[ольянино]в взялись его воскресить... за плату, конечно-с. Денежки-то они взяли взяли-с, а ребеночка не воскресили: отговорились, что поздно, мол, пригласили. Родители деньги потребовали обратно, а денег не вернули: вот за клин и угодили-с.

— Где же он теперь?

— Говорят, в Петербург подались теперь, от Козельского, значит, невежества на Петербургскую образованность.

Скатертью дорога! В Петербурге таких ищут...*

* * *

18-го февраля на нашем кладбище у «Всех Святых» похоронили одну из оптинских скотниц, схимонахиню Агнию. Когда рыли ей могилу, то обнаружили соседний гроб тоже монахини с оптинского скотного двора (мне называли ее имя, да я забыл). Погребена она была лет двадцать тому назад. При опускании в могилу гроба м. Агнии нечаянно зацепили гроб соседки: крышка отвалилась, а в гробу оказалось совершенно нетленное тело с четками в руках, как будто вчера погребенное. А грунт на нашем кладбище сырой и подпочвенная вода близко... Сколько же еще на этом кладбище святых мошей неведомых миру угодников Божьих?!

* Пересматривая газету «Колокол» за февраль для какой-то справки, нашел статью под заглавием «Еще целитель» и в ней прочел следующее: «В Петербурге явился некто А. С. Смольянинов, заявляющий, что он приехал сюда с целью на глазах всех светил науки произвести грандиозный опыт моментального исцеления бесноватых, которые не могут даже слышать его имени и которые якобы к нему в Калужскую губернию приезжали за тысячу верст. Г-н Смольянинов объяснил, что 25 лет он был актером, а теперь, по внушению свыше, исцеляет одержимых. У него есть сын, не получивший образования, но тоже, по внушению свыше, пишет разные «богомудрые» сочинения».

Сбоку, под этой статьей мои отметки: «это и есть тот самый господин, который описан у меня в заметках под 4-го марта 1909 г. и упомянут в сегодняшней беседе с Николаем».

Ниже еще отметка: «1914 год. На Петербургских улицах — главным образом, на Невском — Смольянинов стал появляться уже в образе некоего «пророка», босой, с непокрытой головой, продающий брошюры своего изготовления о пришествии Христа и наступлении в 1932/3 году Царства Божия на земле в жидовско-мессиянском духе. Говорят, имеет успех».

Сегодня рано утром заходила к нам монахиня из Черниговской епархии. Приехала за молитвами и благословением к нашим старцам: едет в Москву по монастырскому делу; а какому делу сладиться по-Божьему без старческого благословения?.. Зовут монахиню мать Досифея. Вот что она мне сегодня за чайком рассказала:

«Отправилась я из монастыря своего по сбору. Было это летом прошлого года. Начала я свой сбор с города П., который от монастыря нашего верстах в тридцати пяти. Отсюда путь мой лежал в Киев и другие южные города до самой Одессы. В П. я остановилась из-за буфетчицы местного железнодорожного вокзала, женщины, казалось, очень религиозной, посещавшей наш монастырь и ко мне относившейся, как духовная дочь к духовной матери. Оставила я багажик свой у этой буфетчицы, а сама пошла по сбору на базар. И чего только, батюшка ты мой, Сергей Александрович, я на базаре том не понаслушалась! Истинно, последние времена наступили!.. Правда, П. городишко полуеврейский, ну, а все же какие были в нем христиане, те дурно ли, хорошо ли, а по-христианскому, по-православному жили; в церковь ходили, праздники и иконы святые почитали, святые посты соблюдали... А тут, поди — слышу, от храма отбились, духовенство ругают и иконы все снимали и из домов повыкидывали; обасурманился народ, хуже жидов стали! Горько это мне было слушать, и поплакала я над этим довольно... И вот, иду я с базара обратно на вокзал, прохожу задворками мимо чьего-то огорода, и вдруг вижу: из густого бурьяна одним концом вышло наружу, на свет Божий, кем-то закинутае Распятие, Крест Господень. Я так и ахнула, глазам своим не верю. Подошла поближе, раздвинула крапиву: оно и есть, небольшое, уже довольно ветхое, и на нем распятый Господь наш, Спаситель мира. Живопись на Распятии уже полиняла, повыцвела, кое-где пооблупилась, а сам крест загажен птицами. Ой, как мне жутко и до слез больно было видеть такое ужасное поругание святейшего орудия нашего спасения!.. Взяла я из крапивы крест, обтерла его своей ряской, омыла слезами, приложилась... Смотрю, идет на огород старушка.

— Бабушка! — окликаю ее, — откуда здесь в крапиве крест этот взялся?

— А это, — отвечает, — наши, видно, молодые хозяева его из дому выкинули. Я нянькой служу у них, у хозяев-то этих.

— Так, если вам уж этот крест, — говорю, — не нужен, то я его возьму себе.

— Возьми, возьми, — отвечает, — матушка!

Принесла я крест этот на вокзал, на квартиру буфетчицы. А у буфетчицы была девочка-дочка, звали Настей, чудный ребеночек, чистый ангелочек.

Увидела Настя мою находку, вцепилась в Распятие своими ручонками, и ну его целовать; мне даже удивительно это было видеть в маленьком ребенке такое усердие к Святыне. Рассказала я матери ее, как и где нашла я это Распятие, погоревали мы, поплакали о том, до чего дошли православные, а тут пришло мне время собираться на поезд. Стала я укладывать мой багажик, да второпях про Распятие и забыла, все уложила, а его так и оставила в ручках у Насти. Вспомнила я о нем уже в вагоне, когда поезд был далеко от станции. Ну, думаю, вернусь, тогда и возьму его у буфетчицы.

Лето все я проездила по сбору, уже только близко к осени стала я обратно к своему монастырю подаваться. Добралась, наконец, и до П. Выхожу на вокзал, чтобы повидаться с буфетчицей, подхожу к буфету. Как увидела она меня, да как кинется на меня из-за стойки с кулаками...

— Злодейка, ты! — кричит, — ты мою дочь на тот свет отправила!

·Я аж затряслась вся.

— Что ты, что ты, в уме ли ты, — говорю, — матушка? Что я с твоей дочкой сделала, куда отправила?

— Не отправила, — кричит, — а отравила ты мою Настю! Крестом своим ты отравила моего ребенка: как принесла его да как поцеловала его моя Настя, так в ту же пору заболела и померла. Злодейка, ты, злодейка: ты нарочно мне крест, злодейка, этот подкинула.

И что тут с сердцем моим случилось, Сергей Александрович, как только я жива осталась, и не помню... А она все кричит, буянит, ругает меня и все тычет мне в самый нос кулаками. Каково это было мне, монахине, да при народе, да в наше-то время?!.. Как ушла я с вокзала и не помню. Села я в вагон, забила в свой уголок и всю дорогу до самой своей станции, где мне слезать, проплакала. От станции до монастыря 12 верст, и тут плакала, утешиться не могла. Пришла ночь, помолилась, опять поплакала; легла спать в слезах и вдруг вижу во сне батюшку о. Иоанна Кронштадтского: стоит будто он в каких-то воротах, сам светлый и одежда на нем светлая...

— Досифея, — говорит он мне, — мне сегодня у тебя надо быть: ты уж прими меня в свою келью!

— Батюшка, — кричу ему на радостях, — я вам всю келью свою уступлю, а сама на чердаке лягу!

— Ну да, ну да, — говорит, — тебе это не впервой, а я пока поживу у тебя.

И с этими словами батюшка дал мне приложиться к своему наперсному кресту, я проснулась в великой радости и горя моего как не бывало».

— Говорили вы, — спрашиваю, — обо всем этом старцам, матушка?

— Говорила.

— Что они вам сказали?

— А сказали они мне, что я к кресту привела ребенка, воспламенила его к кресту любовью и тем спасла его душу, которую взял к Себе Господь, не допустив ее дожить в теле до осквернения и гибели. А мне, — говорили они, — за крест пришлось понести крест клеветы и поругания и от креста же принять через о. Иоанна Кронштадтского и утешение... Ах, батюшка вы мой, Сергей Александрович, сколь великое дело это Крест Господень, я сказать вам не могу! Слышали ли вы про разбойника Савицкого?*

— Слышал.

— Что я про него-то вам и про Крест Христов расскажу: истинно, удивитесь безконечному милосердию Божию.

И мать Досифея поведала мне дивную историю, которую я и записал здесь под живым впечатлением, боясь прибавить к ней или убавить лишнее слово.

— Было это, — сказывала м. Досифея, — 8-го сентября; у нас шла всенощная под праздник святого покровителя нашей обители и всего Черниговского края, святителя Феодосия. Мы все были в храме, были и посторонние богомольцы. Вдруг во время богослужения раздался резкий окрик:

— Руки вверх и ни с места, будем стрелять!

Никто и опомниться не успел, как у свечного ящика и у входных дверей, как из-под земли, выросли разбойники с револьверами в руках и навели их на обезумевшую от страха толпу молящихся и на сестер, стоящих у свечного ящика. Наша старушка-игуменья стояла у клироса.

На ней был ее золотой наперсный крест. Одна из наших старших монахинь, мужественная и росту высокого, встала перед ней и всю ее собой закрыла от разбойников. В это время крест на ней успели спрятать, и матушку нашу не стало возможности отличить от рядовой монахини... Часть разбойников во главе с атаманом (это и был Савицкий) вошли в алтарь и потребовали от священника, чтобы он указал, где у него в алтаре монастырские деньги. Деньги там были, но положены они были без ведома батюшки, и потому он чистосердечно заявил, что денег в алтаре нет.

— Вы это можете заверить священническим словом? — спросил Савицкий.

— Заверяю.

* Разбойник Савицкий еще юношей был увлечен потоком смуты 1905 года, которая его захватила в школьном возрасте (он учился в реальном училище). Исключенный из училища, он набрал шайку головорезов и в течение двух-трех лет терроризировал Черниговскую губернию и смежные с нею уезды соседних губерний. Он был убит, помнится, в 1908 или 1909 году; в перестрелке с посланными в погоню за ним стражниками.

Обшарили алтарь, но денег не нашли.

Выйдя из алтаря, Савицкий и его товарищи захватили с собой ту монахиню, что закрыла собой матушку игуменню, и, приложив к ее виску револьвер, велели ей водить их по всему монастырю. Везде, где были замки, начиная со свечного ящика, они хотели их взламывать, но им давали от всего ключи и умоляли не портить имущества. Во всех кружках нашлось рубля три с копейками. Деньги эти они взяли, но несколько копеек оставили на «завод». Во всем монастыре из всех сундуков и хранилищ они не набрали и полутора ста рублей.

— Да где же деньги ваши? — спрашивает Савицкий. — Мне достоверно известно, что у вас сорок тысяч капитала.

— Монастырский капитал в банке, — отвечают ему, — и всего-то его тридцать тысяч, а мы живем на проценты.

— Меня нагло обманули! — негодовал Савицкий. — Мне незачем было к вам и ходить.

Шарили на кухне в надежде хорошо закусить; нашли только хлеба, спеченные из ржаной муки с примесью картофеля. Попробовали.

— Тьфу, гадость какая! и вы это едите?

— Едим, — был ответ.

— Как же вы так можете жить? Чего ради вы так живете?

— Бога ради, — отвечали сестры.

— Ради Бога? — подивились разбойники; тогда окончательно смягчилось их сердце. Молодым послушницам они стали давать кому мыло душистое, кому духи, но никого не обидели ни действием, ни словом. Один только из разбойников, по-видимому, жид — с жидовскими лицами их было несколько — хотел было обнять одну из наших девочек. Савицкий громко на него прикрикнул:

— Сказано вам, никого не обижать и не трогать!

Тот и отстал. Тут уж мы все осмелели, а то до полусмерти были напуганы, слышавшись всяких ужасов о Савицком и об его шайке... И вот после этого произошло нечто, что даже и вовсе нас умилило. Подойдя к одной келье, Савицкий приказал монахине, его сопровождавшей, остаться в коридоре, а сам с товарищами взошел в келью, сказав, что хочет переодеться. Вдруг в келье что-то упало, и вслед послышалось пение тропаря:

— Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим!

Пел тенор, молодой, красивый, задушевный. Монахиня не вытерпела, открыла дверь и увидела, что с божницы упал крест, а Савицкий поднимает его бережно с пола и поет. Поднял крест, приложился к нему и стал выговаривать товарищу за то, что тот его уронил. Не выдержала тут монахиня, весь страх свой забыла...

— Батюшка, — возопила она к Савицкому, — покайся, брось свои поганые дела: ведь еще горит в тебе искра Божия!

— Поздно, матушка, — отвечает ей Савицкий, — теперь уж поздно, назад возврата нет.

— До чего ж, батюшка, Сергей Александрович, нам было это трогательно, и сказать невозможно! Мы Савицкому и его шайке весь свой страх и разорение простили за тропарь этот. Вскоре после этого вышел Савицкий на монастырский двор, посвистал своей шайке и с нею вместе скрылся, не причинив нам особого вреда, а только крепко напугав, да и то первое только время, пока мы с ним не освоились и не увидели, что ему нужны были только наши деньги, а не наши жизнь и тело. У нас даже и Богослужение не прерывалось, хотя петь уже клиросные не могли, а только читали...

Прошло некоторое время, шла всенощная. Смотрим, стоит в толпе Савицкий и с ним еще один из его шайки; одеты оба по-крестьянскому. Постояли недолго, должно быть, догадались, что замечены, и удалились.

Вскоре к матушке игумении приехала ее племянница.

— Ехала я, — говорит, — в вагоне с каким-то господином. Разговорились. «Куда едете?» Я говорю, в Р...й монастырь. Он говорит: «Я два раза в обители этой был и дорого бы дал, чтобы там хоть одну еще чашку чая выпить».

Стали расспрашивать, какой из себя господин этот. По приметам оказался Савицкий: лицо круглое, глаза черные и одного переднего зуба не достает — вылитый он.

Прошло еще какое-то время. Одна наша сестра видит сон бежит Савицкий, а за ним гонятся преследующие. Савицкий бежит к нашему монастырю, падает от изнеможения на ступенях нашего храма и кричит в ужасе:

— Спасите меня! Вы одни меня можете спасти!

Сестра вслед пошла и рассказала сон матушке игумении. А матушка и говорит:

— А у меня вот и газета: пишут, что Савицкого только что убили.

Станным нам показалось и неспроста такое совпадение. Матушка припомнила нападение на нас шайки Савицкого.

— Все-таки, — говорит, — могли обидеть, да не обидели. — Про крест уроненный, про пение тропаря вспомнила...

— Не взять ли, — говорит, — нам этого несчастного на молитву?

И велела поминать о нем 40 дней на проскомидии. И что ж? Является Савицкий другой монахине во сне на 9-й день и благодарит за молитвы, а на 40-й день ей же снится такой сон: будто входит к ней в келью Савицкий, земно кланяется и говорит:

— Спасибо вам и сестрам великое: я спасен теперь вашими молитвами.

Сказал, сам светлый такой стал; потолок в келье раскрылся, и Савицкий исчез в небе.

Вот вам, батюшка мой, Сергей Александрович, какое и тут великое дело крест-то Господень сотворил: разбойника в едином часе спас для вечной жизни! И заметьте: после нашего погрома, — как потом нам говорили, — Савицкий ни одного более разбоя не совершил до самой своей смерти, когда был убит при преследовании не то войсками, не то стражниками.

Зато в одной из местных газет враженок устроил нам подсаду: вскоре после нашего сорокоуста по Савицкому в ней напечатано было, что в Р...й — наш то есть — монастырь Савицким был сделан большой вклад с тем, чтобы его вечно там поминали: не мог известный клеветник не нанести на нас поклепа за душу, омытую кровью, спасенную покаянием, силою Честнаго Животворящаго Креста Господня, молитвами Церкви, безкровной жертвой и безконечной благодатью и милостью Божиею».

Записываю я сказание это и... плачу.

Нечто из моей записной книжки — только для внимательных.

Прошу моего читателя простить меня: я на этот раз откладываю в сторону записки свои, веденные мною во дни 1910 года, когда я жил в благословенной Оптиной. Мне хочется под свежим еще впечатлением только что пережитого, прочувствованного и продуманного, поведать о том, что произошло в нашем доме на самых последних днях в богоспасаемом и пока еще тихом городке Валдае.

Прошу я прощения и думаю: а не все ли равно для моего читателя, куда потечет Божья река моя и куда понесет она его и меня в совместном плавании? Для такой реки, как эта, нет границ ни в пространстве, ни во времени, ибо струит она свои бездонно-ласковые глубины «амо же хочет», куда управит их не человеческое хотение, а духовная польза христианской души, ищущей спасения в вечности...

Есть у нас друг, друг давнишний, по-всячески испытанный и верный. Друг этот — младшая возрастом подруга моей жены, женщина высокой православно-христианской настроенности и очень внимательная к духовной стороне своей жизни. Мы ее зовем Катюшей. Те из нашей семьи и друзей, кто ее знает, те ее в рассказе этом признают: а кому она не знакома, с того довольно знать, что она — милая, добрая, дорогая наша Катюша, чистое сердцем дитя Божие, преисполненная любовью к Богу и ближнему, а из ближних — к нам в особенности.

Но все это в виде предисловия, а теперь обратимся к моим запискам за текущий июнь и в них найдем дословно следующее:

«28 июня. Вторник.

Вчера, в день рождения жены, мы с нею и Катюшей причащались Святых Христовых Таин в Иверском монастыре, а сегодня, в 7 ч. 20 м. утра, наш дом был осчастливлен посещением батюшки Преподобного Серафима, явившегося в тонком сне* нашей Катюше в ее спальне не в сонном мечтании, а истинно въяве. И было это так:

Катюша приехала к нам из Петрограда 10-го июня. Ехала она на Дно и Старую Руссу.

— А со мною, — объявила она тотчас по приезде, — чудо-то какое было — послушайте! Ехала я к вам, как вы знаете, не на день, не на два, а по крайней мере, недели на три; и пришлось мне поэтому взять багажа столько, что не могло уместиться в обычную мою укладку, — я и купила себе дорожную корзину. В эту корзину я уложила все свое носильное белье, платье, покупки для вас по вашему поручению — словом, все самонужнейшее.

— Время военное, — говорю я мужу, — боюсь я отдавать корзину в багаж: ну как пропадет!?

— Чего, — говорит, — бояться: Бог милостив, не пропадет.

Приехали мы на Царскосельский вокзал спозаранку. Муж взял мои баульчики, а носильщик подхватил мою корзину и понес ее в багажное отделение; а там уже горы всякого багажа. Ну, думаю, не миновать пропасть моей корзине.

.....
.....
На этом месте, сейчас (в 1 ч. 5 м. пополудни) мне пришлось от неожиданности и испуга прервать свою запись: откуда ни возьмись зашла небольшая тучка, и по левую сторону от моего письменного стола, за окном блеснула ярким пламенем и ударила молния; раздался такой страшный удар грома, какого я за всю свою жизнь не слыхивал. В пальцах обеих рук у меня закололо, как от сильного электрического тока, и перо едва не выпало у меня из рук... Ой, как не любит враг преподобного Серафима!.. Открыл окно, смотрю, не загорелось ли где от громовой стрелы князя силы воздушной. Двое соседей, перепуганные, выскочили на улицу.

* Под «тонким сном» подвижники благочестия, опытные в духовном делании, разумеют особое состояние человеческого сознания между сном и бодрствованием, то именно состояние, когда душа может зреть духовными своими очами вместе и земное, и потустороннее — в теле ли, или вне тела, Бог весть.

— Куда ударило? — спрашиваю.

— Тут где-то, — отвечают, — ну уж и удар был!

— У меня, — говорит один, — котенка с окна сшвырнуло за окошко.

— А я оглох, — жалуется другой.

Вижу, не горит нигде, и начинает накрапывать дождик: закрыл окно, хочу продолжать записывать Катюшины речи и не могу, весь охваченный сознанием, что был на волосок от гибели и чудом жив. Да, именно чудом! — так сердце чувствует и не дает успокоиться на мысли о случайности происшедшего*. Преподобный Серафим отвел стрелу вражью, никто,

* В книге моей «Сила Божия и немощь человеческая» в «Записках игумена Феодосия» (20 и 21 стр.) напечатано следующее: «Изучая Св. Историю и Катехизис, — пишет игумен Феодосий, — я узнал, что есть Ангелы, которые охраняют нас, и бесы, которые ищут нашей гибели. Не знаю, как и почему, но мне пришла мысль испытать, правда ли это? И вот, сидя на крыльце нашей квартиры, когда родители мои отдыхали после обеда, задумал я эту мысль свою привести в исполнение: встал это я с крыльца, пошел на задний двор и дорогой вслух сказал: «Послушай, бес, если ты что-либо можешь сделать, то уверь меня в этом: принеси мне в амбар тонкую, хорошую веревку. Если ты это исполнишь, то я пойду в хлев, куда коров загоняют, и там удушусь на этой веревке... Вот-то удивятся товарищи мои, когда увидят меня повесившимся на перекладине!.. Ну, слышишь, бес, что я тебе говорю? Исполни ж мое желание!» На всем дворе в это время никого не было. День был жаркий, ясный. Бродили тучки по небосклону. Сказавши эти слова, я пошел к амбару, который был плотно затворен. По дороге к амбару в голове у меня мелькнула другая мысль: удушиться, подумал я, неприятно, а лучше брошусь-ка я в колодезь на заднем дворе. Колодезь этот был очень глубокий, и вода в нем была чистая и прехолодная. Принадлежал он соседу протопопу, и из него брал воду всякий, кто бы того ни пожелал. Был он выкопан между двумя дворами, у одной из стен. И вот, подойдя к амбару, я, растворивши дверь, к удивлению своему, увидел целый моток новой, тонкой бичевы. Взял я его в руки и, миновав коровник, пошел к колодезю, и нагнувшись стал в него смотреть. Глубоко-глубоко поблескивала в нем его холодная вода; а в мыслях моих точно кто-то говорил: вот, когда я туда брошусь и, конечно, утону, тогда товарищи мои и многие другие будут удивляться, как это и почему я утонул в колодеце. Я невольно улыбнулся в ответ на эти мысли и сказал: «Нет, бес, лучше уж я пойду удушусь. Вот тогда-то мои товарищи придут и будут удивляться, когда я буду висеть в петле!» С этими словами, развязав найденный моток новой бичевы, я сделал петлю и завязал конец. Оставалось только всунуть голову в петлю, и жизнь моя была бы прекращена. Я оробел... и вдруг громко и весело засмеялся, воскликнув: «Лезь же ты сам, проклятый, а я тебя поддерну!..». И в это мгновение из туч на небе блеснула ослепительная молния, и раздался такой громовой удар, что я во всю свою жизнь подобного не слышивал...

Об этом своем поступке я никогда никому не рассказывал, но с того времени убедился, что есть злые духи, и стал внимательнее и прилежнее молиться Богу и моему Ангелу-Хранителю». (С. *Нилус*. «Сила Божия и немощь человеческая». Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908).

как он, дорогой наш батюшка!.. Достоинно замечания, что в то же время, когда я писал свои записки и ударила молния, со мной в одной комнате сидела жена и Катюша: жена писала письмо сестре, описывая подробно явление Преподобного Катюше, а Катюша читала Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря.

Самый воздух, нас окружавший, казалось, напоен был благоуханием близости к нам Преподобного

.....

.....

Опять пришлось прервать свои записки: пришел сосед, старик-кровельщик Илья Михайлович Богданов (он же Усачев), рассказывает, что молния ударила на его огороде — а огород его от окна, у которого я записываю эти строки, саженей 20–25 не более, — и зовет посмотреть, что там молния сделала. Я ходил смотреть. Молния, как бы изогнувшись от нашего дома стрелой, — это видела наша прислуга, мимо которой она промелькнула, — ударила у большого дерева на огороде в железные грабли. Грабли стояли у изгороди железными клевцами кверху. Удар направился в деревянную рукоятку грабель и расколол ее надвое от железной трубки, в которую она была насажена, до самого ее конца. На диво ровный раскол этот был сделан, точно рукой ловкого мастера, и тут же рядом в земле оказалось свежее углубление-ямочка, как от сильного удара железной мотыгой, и лежали две длинные лучинки, равные по длине расколотой рукоятке и из нее выщепленные, точно острым косарем отколонные, как по ниточке. И нигде ни малейшего следа огня молнии — ни ожога, ни опаления. И больше — ничего.

Много шуму из пустяков. А могло быть, пожалуй, плохо, если бы не защитил Преподобный. А почему у меня такая уверенность и почему все так вышло, то будет видно из дальнейшего повествования так неожиданно и чудесно прерванного рассказа.

Продолжаю рассказ Катюши:

— Носильщик мой оказался парень ловкий: быстро вскинул он на моих глазах корзину на весы; другой кто-то мигом шлепнул на нее наклейку и скинул ее с весов. Тут откуда-то подскочил третий в красной фуражке.

— Зачем, — крикнул он носильщику, — ты эту корзину на этих весах вешал, неси на другие!

И я видела, как ее вновь взвесили на других весах, и мне тотчас же выдали на нее квитанцию с надписью «Валдай».

Тут бы мне и успокоиться, но — нет, я вдруг увидела, что корзину мою перевернули вверх дном. Батюшки мои! — испугалась я, — что теперь будет с капотом моим и одеколоном? Прольется одеколон и сгонит всю краску с моего капота! — Так я встревожилась, что и сказать не умею.

Вышли мы после первого звонка на платформу к своему поезду, зашла я в свое отделение, разложила ручной багаж, а усидеть не могу, говорю мужу:

— Пройдемся по платформе: времени еще много. — Пошли.

— Покажи, — говорю, — где тут наш багажный вагон.

Он от моего вагона оказался не то третьим, не то четвертым. Я подошла к нему; смотрю, одна половина вагонной двери открыта, и внутри багажный кондуктор разбирается в вещах. Я заглядываю туда и глазами ищущую корзину.

— Вам, — спрашивает багажный, — сударыня, что угодно?

— Да вот, — отвечаю, — смотрю, с вами ли идет моя корзина?

— А куда она направлена?

— В Валдай.

— Нет, — говорит, — в вагоне у меня в Валдай нет ни одного места.

— Как же так, — взволновалась я, — когда вот у меня на нее квитанция.

— Позвольте взглянуть.

Я показала.

— А какая, — спрашивает, — видом ваша корзина? Вы можете мне ее указать?

— Могу.

— Пожалуйте в вагон.

Он протянул мне руку, и с его помощью я взобралась внутрь вагона.

— Вот она!

Корзина стояла ко мне задом, замком к стенке.

— А какой на ней, — спрашивает багажный, — замок? Один или два?

— Один, французский и висит на железном засовчике: засовчик такой рогатый.

— Верно, — говорит, — корзина, видно, ваша, только наклейка на ней совсем в другое место. Пожалуйте вашу квитанцию: я сейчас все выясню.

Взял квитанцию, меня посадил на платформу и ушел.

Ну, — думаю, — теперь ни корзины, ни квитанции!.. Не прошло и пяти минут, прибежал багажный.

— Благодарите, — говорит, — Бога: если бы вы вовремя не спохватились, не видать бы вам вашей корзины, по крайней мере, с месяц, а то бы и вовсе пропала.

От души поблагодарила я тут багажного...»

— Ну, скажите, — обратилась к нам Катюша, — разве ж не чудо все это? и не чудо ли, что в такое-то время Господь послал мне в лице багажного такого доброго человека?

Правда, на чудо оно как будто и похоже, — подумали и мы и единодушно согласились с нашей Катюшей.

Но все это еще только присказ, а самый сказ впереди.

* * *

Прошло с приезда Катюши около трех недель. За это время она неоднократно возвращалась воспоминанием к истории с корзиной, дивясь бывшему. Настали, наконец, дни нашего говения. С великим желанием и умилением причастились мы 28-го июня вместе с Катюшей Святых Таин в Иверском монастыре* и вернулись домой счастливые, довольные, радостные, в особо повышенном настроении. Перед обедом, часу в пятом, прочитали все вместе 9-й час и зажили после того вновь своей тихой обыденной, но все еще мирской жизнью.

Настал вечер. Поужинали мы на террасе, на вольном воздухе, попили чайку и от духовной настроенности целого дня незаметно для себя перешли к иным чувствам и настроениям: вспомнились прожитые дни в мире, их полузабытые впечатления, музыка, опера, которую мы все одинаково страстно любили; пришли на память любимые напевы, арии, которые в былые времена и сами мы певали. Запела Катюша — у нее когда-то был чудный голос — запел и я... Куда девалась вся высота духовного полета души нашей, насыщенной утром святыми чувствами, живым общением с Христом в Пречистом Теле Его и Святейшей Его Крови?.. Я запел арию Хозе из I-го действия оперы «Кармен»:

Ma mere, je la vois,
Oui je revois mon doux village...**

Жена у меня очень не любит этой оперы и уверена, что она — вдохновение вражьей силы.

— Сережа! — обратилась она ко мне с полуупреком, — не пой из этой гадости: ведь мы сегодня причастники.

Я было запротестовал: ведь в этой арии поется только о матери да о святых воспоминаниях детства, проведенного в деревне, — что тут гадкого? Запротестовал, но в сердце услышал упрек и тотчас смирился.

* Первоклассный мужской монастырь, основанный патриархом Никоном и расположенный на одном из островов чудного Валдайского озера.

** «О, мать моя! ее я вижу и вижу вновь деревню тихую свою».

«От юности моя мнози борют мя страсти», — запела Катюша. Мы подхватили с радостью стихи «степенны», стали петь разные церковные песнопения и неожиданно закончили вечер пением акафиста преподобному Серафиму.

Наутро вышли мы на террасу пить кофе. Вскоре пришла и Катюша.

— Ну, мои родные, — воскликнула она почти вне себя от волнения, — что только сегодня утром со мною было-то!.. Я видела преподобного Серафима.

Надо знать, как знаем мы, что за человек наша Катюша, чтобы понять, как мгновенно ее волнение при этих словах передалось и нам. Мы все обратились в слух.

— Спала я ночь великолепно, — взволнованно продолжала она, — и засыпая, ни о чем не думала. Проснувшись я, взглянула на часы: было ровно 7 часов 20 минут утра. Хотела было я опять заснуть, но перед тем, как закрыть глаза, посмотрела на дверь и увидела: стоит в ней преподобный Серафим, сгорбленный, седенький, в белом балахончике, в одной руке палочка, а другой показывает мне на мою корзину. Я ахнула и... вновь проснулась. Часы показывали то же время, что я раньше видела. В спальне никого не было, и кругом все было тихо. И тут взгляд мой упал на икону преподобного Серафима, которую я с собой привезла из Петрограда в той корзине, о которой я вам столько рассказывала. И, милые вы мои! столько раз рассказывала, а самое-то главное во всем этом и забыла, а вспомнила только тогда, когда сегодня утром на икону Преподобного взглянула: ведь главное-то чудо было в том, что сохранением в пути своей корзины я только преподобному Серафиму и была обязана. Стала я укладывать в нее свои вещи, а сердце болит: не миновать, чудится мне, пропасть моей корзине. Вынула я тут из киота икону Преподобного, помолилась на нее, перекрестила ею корзину, завернула в белый шелковый платок и поставила ее к стене внутри корзины с чистым своим бельем. — Ну, — сказала я ему, как живому, — помоги мне сам, Батюшка! Помолилась и вслед и о молитве своей к нему, и о нем самом забыла, да так накрепко забыла, что только и помнила, и беспокоилась, что об одеколоне, да о капоте. И вот он сам, родимый, сегодня обо всем напомнил.

Надо было видеть Катюшу, когда она это рассказывала! Поглядеть бы и на нас, когда мы ее слушали!

Отпили мы свой утренний кофе и всем семейством пошли в нашу моленную петь акафист преподобному нашему покровителю и молитвеннику Серафиму Саровскому и всея России чудотворцу.

А в 1 ч. 5 м. дня, когда заносились эти строки в мой дневник, громовая стрела князя силы воздушной едва не убила самого писавшего с женой и Катюшей. И убила бы, если бы не Преподобный. Тако верую, тако и исповедую.

Не пой, раб Божий Сергей, бесовских песен в велик день твоего причащения, а пой хвалу Богу, дивному во Святых Своих и в Угоднике Своем, Серафиме.

Радуйся, правило веры и благочестия,
Радуйся, образе кротости и смирения...
Радуйся, преподобне Серафиме,
Саровский чудотворче!

* * *

«Радующийся третий». «Детский паралич».

Большой перерыв произошел у нас с тобою в беседах, читатель! «Божья река» моя, круто повернув свое течение от берегов Оптинских к иным далеким берегам, унесла и меня своим течением на страну далече.

Не сетуй и прости меня! На руках у меня была большая работа, которой я был вынужден отдать все время и силы мои. Если будет угодно Богу, она увидит свет в начале будущего года, когда выйдет из печати новая моя книга «Близ есть, при дверех». В эту книгу я вложил всю свою душу, все силы моего разума и знания, и в ней я сказал все, что мне стало известным о том, чему люди века сего не хотят верить и что так близко, так угрожающе-страшно близко...¹²¹

Теперь я свободен. *Dixi et animam levavi* — сказал и облегчил душу. Теперь я опять зову, кто хочет меня слушать, на берег моей «Божьей реки», хотя и под другое, а не Оптинское небо. Придет время — мы опять под него вернемся, а пока... пока я расскажу повесть с берегов Дальнего Запада, с берегов Северной Америки.

Повесть эта не моя: она вышла из-под пера двух евреев-корреспондентов «Биржевых Ведомостей», двух врагов веры нашей, Бога нашего, но тем назидательнее смысл ее и значение как для нас, верующих христиан, так и для добросовестных неверов, ищущих правды Божией, кто бы они ни были, не исключая и евреев, если еще есть между ними искатели этой правды.

* * *

В номере, если не ошибаюсь, от 12-го февраля текущего года «Биржевых Ведомостей» было напечатано письмо из Нью-Йорка некоего А. Коральника (безсомнительного еврея). Письмо это было озаглавлено — «Радующийся третий». И вот что в письме этом было изображено дословно:

«Нью-Йорские старожилы говорят, что никогда еще в Нью-Йорке не праздновали так шумно, весело, безшабашно и богато конец старого года и начало нового, как в этом году. Никогда и нигде, ни в одной столице нашей старой, и милой Европы я не видел подобных празднеств подобного чествования отходящего, умирающего года.

Канун нового года «Wall-Street», — центр американских финансов, т.е. артерия, золотая жила всей Америки, а может быть, в ближайшем будущем и всего мира, эта улица бешеных спекуляций, этот узкий коридор, ведущий в храм «золотого тельца», — *плясала*.

В два часа дня, когда биржа закрылась, из здания биржи вышли биржевики, джентльмены во фраках и с цилиндрами на голове, джентльмены англо-саксонской, кельтской, германской, еврейской крови — откормленные, сытые, самодовольные, с блуждающим огоньком в умных, зорких глазах — вышли на улицу, взяли друг друга за руки и пошли в пляс. К ним присоединились и другие менее «джентльменские» типы из биржевого мира: уличные биржевики, мелкие маклеры, биржевые служащие, и все они отплясывали танец золота.

А вечером весь город праздновал. «Broadway» — «Широкая улица», Нью-Йорский проспект, был освещен миллионами лампочек, во всех ресторанах гремела музыка; все столики были заняты, все увеселительные заведения были переполнены, всякое место бралось с бою и за бешеные деньги... В иных шикарных ресторанах столик* обходился в 500 долларов**. Нью-Йорк провожал 1915-й год благодарственно и торжественно.

Это был год небывалого «рекорда», фантастического роста американской промышленности, исполинского скачка всей американской хозяйственной жизни. До войны — в 1913 году — американский торговый оборот достиг четырех миллиардов долларов; 1914-й год несколько поколебал американскую хозяйственную жизнь, внес тревогу и беспокойство за страну. Но 1915-й год вернул ей сторицей все потерянное. Баланс прошлого года показывает 5 355 580 003 долларов... В 1915 году ввоз золота в Америку равнялся 539 291 014 долларам, а вывоз — 23 736 680.

Германская торговля уничтожена, английский вывоз уменьшился почти вдвое, а Америка торжествует на развалинах. Она снова вошла в полосу благоденствия «prosperity», — как говорят здесь, — и оптимизма.

Однако любопытно то, что это благоденствие мало заметно в стране.

* Отдельный столик в ресторане, за которым можно пообедать в компании. Собственно, плата лишь только за место.

** Более тысячи рублей.

Несмотря на могучий приток золота, благосостояние широких масс, рабочих и среднего класса не только не повысилось, но как будто даже понизилось. Среди рабочих вы слышите постоянные жалобы на безработицу, низкие заработки, трудную, тяжелую жизнь и страшную дороговизну. Со всех сторон жалуются на «плохие времена». Только одна биржа ликует*, только «Wall-Street» пирует победу.

Ибо этот год принес богатство исключительно только биржевикам и спекулянтам, счастливым владельцам акций стальных и амуниционных фабрик. Люди становились за ночь миллионерами. Играли наверняка, без риска и без страха. Волна повышения все росла и росла, и как будто нет предела ее росту. Разве только конец войны положит ему предел... А пока что «Wall-Street» пирует и отплясывает танец золота и крови.

Она — «Tertius gaudens», «радующийся третий», в безумно-кровавой, убийственной схватке европейских народов. *И она диктует политику Соединенных Штатов***

.....

Когда я, — так кончает свое письмо Коральник, — в последнюю ночь умирающего года протискивался среди огромной, возбужденной, шумной толпы по феерически ярко освещенному «Broadway», мне вспомнились стихи одного американского поэта, которые я читал как-то на днях:

Пан*** плясал по Нью-Йорку...

Пан плясал по «Broadway», по «Wall-Street», наигрывая на своей свирели свою песнь, песнь красоты и любви и зеленых дубрав. Но толпа не видела и не слышала Пана, козлоногого бога. Она спешила на поклонение другому, страшному двуликому богу — «Маммону-Молоху»...

* * *

Так в феврале 1916-го года писал в «Биржевые Ведомости» из Нью-Йорка некий еврей Коральник.

Прошло семь месяцев. В № 15837-м тех же «Биржевых Ведомостей», от 2-го октября текущего года, появилась из того же Нью-Йорка письмо другого (а может быть и того же) еврея, пишущего под русским псевдонимом «Осипа Дымова»¹²². Привожу в подлиннике.

* Читатель, вероятно, знает, что вся биржа в руках евреев.

** Запомни это хорошенько, читатель!

*** Языческий божок, к концу язычества в Римской Империи символизировавший собою самого сатану.

«Зимний сезон, — пишет этот еврей, — Нью-Йорк закончил с огромным барышом. Это был барыш на крови. Америка, точно огромная пивка, насосалась золота из тела воюющих стран. Пожар Европы способствовал украшению Америки. Благоденствие (prosperity) разлилось по стране. Процветают науки и искусства. Процветает промышленность. Никогда не было столько роскошных балов. Никогда невесты не были богаче, красивее и изящнее, как в эту годину всемирного пожара. Война платит ростовщические проценты. Война сделала Америку вдвое богаче.

Зимний сезон был закончен. Америка «сосчитала цыплят» по весне. Впереди было лето отдыха, лето дач, курортов, флирта, идиллии и спорта*. Нью-Йорк готовился разъезжаться.

Неожиданно грянула беда.

Сначала газеты писали об этом глухо, не придавали значения. Быть может, «газетная утка», пустая сенсация, живущая один день? Нью-Йорк еще не верил. Но мало-помалу дело становилось все яснее, и оттого, что яснее, — тревожнее, загадочнее. Уже газеты завели особую рубрику. Нет! это не сенсационный слух, это — правда.

Эпидемия детской смертности! «Детский паралич»! Загадочная болезнь, превращающая детей в калек или убивающая в три-четыре дня. Страшная болезнь, почти не знакомая докторам.

Эпидемия появилась вдруг, внезапно, и почему-то очагом заразы было предместье Нью-Йорка — Бруклин. Врачи растерялись. Еще больше растерялась публика.

Что-то библейское, сурово-жестокое чуетя в этой загадочной болезни, постигшей именно детей. Точно чума во время пира — богатого пира, устроенного на крови. Гром проклятия поразил слабейших, невиннейших.

Эпидемия разразилась уже тогда, когда школы были закрыты. Родители стали увозить своих детей из Нью-Йорка и таким образом разнесли заразу по всей Америке. Было ошибкой со стороны властей допустить это, но тогда еще не предполагали, что болезнь примет такие размеры...

Сейчас Нью-Йорк насчитывает около девяти тысяч жертв. Все это почти преимущественно дети в возрасте от 2-7 лет. Из этого количества две тысячи умерло — процент огромный, устрашающий! Остальные уцелели в виде калек... Только незначительное количество поправилось быстро и окончательно. Это надо считать почти чудом.

* Все эти иностранные слова означают праздное, иногда и развратное времяпрепровождение богатых людей, забывших звание христиан.

Что больше всего пугает нью-йорскую публику, это — загадочность болезни... В учебниках говорится кратко и неясно. Ее никогда не считали заразной, так что заболевшего ребенка до сей поры даже не изолировали в больницах. Но если она незаразна, то каким же образом она могла принять размеры эпидемии и притом столь быстро и угрожающе?

Настоящая эпидемия, как это ни странно, не только не уяснила природу болезни, но как будто еще более затемнила ее. Целый ряд явлений ставит в тупик не только обыкновенного наблюдателя, но и человека науки. Так, например, опыт выяснил, что дети негров весьма мало склонны к заболеванию... Дети хилые, болезненные не так восприимчивы к заболеванию, сколько дети здоровые и жизнерадостные... Врачи были застигнуты врасплох. Способы лечения почти неизвестны. Способы предохранения от заражения — и того меньше. Бродили в темноте, ошупью. Решено было очистить город. Мыли, чистили, жгли, скребли.

Между тем, дети беднейших кварталов, нечесанные, невытые, благополучно выдержали эпидемию, а сын богача, за которым смотрели в десять глаз, заразился. Умирили дети миллионеров, в то время как дети дворников в подвале оставались живы и здоровы. Примечательно, например, что густонаселенная, небогатая, а местами и прямо бедная часть Нью-Йорка, так называемый «Бронкс», очень мало пострадал от этой страшной болезни. В наиболее страшные дни, когда число жертв доходило до двух сотен, «Бронкс» давал не больше десяти-двенадцати!.. Сейчас в Нью-Йорке можно видеть жуткую картину: среди огромных домов вы видите дом, к фасаду которого прикреплена надпись, короткая и многозначительная:

«Здесь случай детского паралича. Остерегайтесь. Карантин».

Окрестности Нью-Йорка тщательно охраняются. Детей ниже шестнадцати лет не впускают и не выпускают из города. На пристанях, на вокзалах особые дежурные инспектора. Требуются специальные свидетельства, выдаваемые департаментом здоровья. Страшное впечатление производят эти «полевые карантинные», установленные среди роскошной зелени лугов и лесов. На повороте дорог, на мостах, у станций электрических железных дорог дежурят «инспектора». Осматривается каждый автомобиль, каждая повозка.

Дети исчезли. Их не видать...» Письмо это заканчивается словами:

«Нигде, кажется, так не любят детей, как в Америке. Дети эмигрантов, дети странников, собравшихся со всего света, они — надежда Америки, они — будущее, которое объединит разрозненные элементы в одно целое. Это — грядущая нация, это те корни, те ростки, которые пускает молодая почва новой страны. И страшный бич поразил именно детей.

Самое печальное лето за много лет. Среди грохота отдаленных выстрелов, приносящих Америке золото, тянутся маленькие гробы...»

Таковы два письма из Нью-Йорка.

Нам с тобой, мой читатель, смысл их понятен. Понятен ли он самим писавшим и их читателям? Будет ли он понятен, если только дойдет до их слуха, тем, кого во дни переживаемой великой народной страды зовут «мародерами тыла»?.. *Мене! Текел! Упарсин!*¹²³ [...]

* * *

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл сие младенцам.

(Мф. XI гл., 25 ст.)

Боже мой, какие времена переживаем мы!.. Мудрено ли мне, ловцу умного бисера в тихих водах Божьей реки, струящейся у берегов Оптинских, оставить свои мрежи на время там, у белокаменных стен святой обители, а самому устремиться вниманием и слухом туда, где льется потоками христианская кровь, откуда доносятся до меня вопли и стоны страдальцев, *«дополняющих собою число убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели...»**

Истинно, апокалипсическое время переживает теперь все человечество, время, может быть, последнее пред великим и страшным отчетом на Страшном Суде Христовом! И только тот не слышит громов Божиих, кто намеренно слышать не хочет, тот только не видит молний гнева Господня, кто слепит свои очи фальшивым блеском блуждающих огней спустившейся на нас безпросветной духовной ночи...

* * *

В дни моей оптинской жизни Господь свел меня со скитским иеродиаконом о. Мартирием... Теперь он покойник — Царство ему небесное!.. Раб Божий верный был этот смиренный инок, и Господь, дающий смиренным Свою благодать, не раз открывал ему в сновидениях или видениях — Бог весть — нечто от тайн Божественного Своего домостроительства.

Вот что однажды поведал он из этих тайн Божиих некоему своему со- таиннику:

* Ап. VI гл., 9–11 ст.

— У нас, в скиту, на днях что один брат-то наяву видел — послушай-ка! Стоял он в саду скитском, и вдруг сада не стало, и явилось на его месте безчисленное множество угодников Божиих, заполнивших собою все пространство от земли и до самого неба. И там, в небе небес, высоко-высоко, видит он, отверзлось подобие как бы узенькой калиточки, а до калиточки этой от сонма угодников только самое маленькое незаполненное местечко осталось. И услышал брат голос некий:

«Видишь, как мало осталось свободного места. Заполнится оно, тут и Страшному Суду быть».

А брат, имевший это видение, был никто другой, как сам отец Мартирий, только он из скромности так сказывал не от себя, а от третьего лица, как бы от некоего брата.

Видение это было о Мартирию незадолго до его смерти, а скончался он осенью 1908 года...¹²⁴

Кто не помнит, во что после недоброй памяти «освободительных» годов обратилась наша деревенская Россия — о городской и говорить нечего (она и до пресловутых «свобод» в христианском образе своем давно была отпетая)? Откуда, казалось, набраться было угодникам Божиим, чтобы заполнить собою остающееся свободным пространство? Куда ни поглядеть, повсюду виделось одно отступление от правды Божией, жизнь по плоти, по стихиям мира, в служении богу чрева — мамоне. Откуда взяться было праведникам?

И вот, разразилось величайшее бедствие, какого еще не видывала земля, — всемирная война, человекоистребление по последнему слову братоубийственной науки.

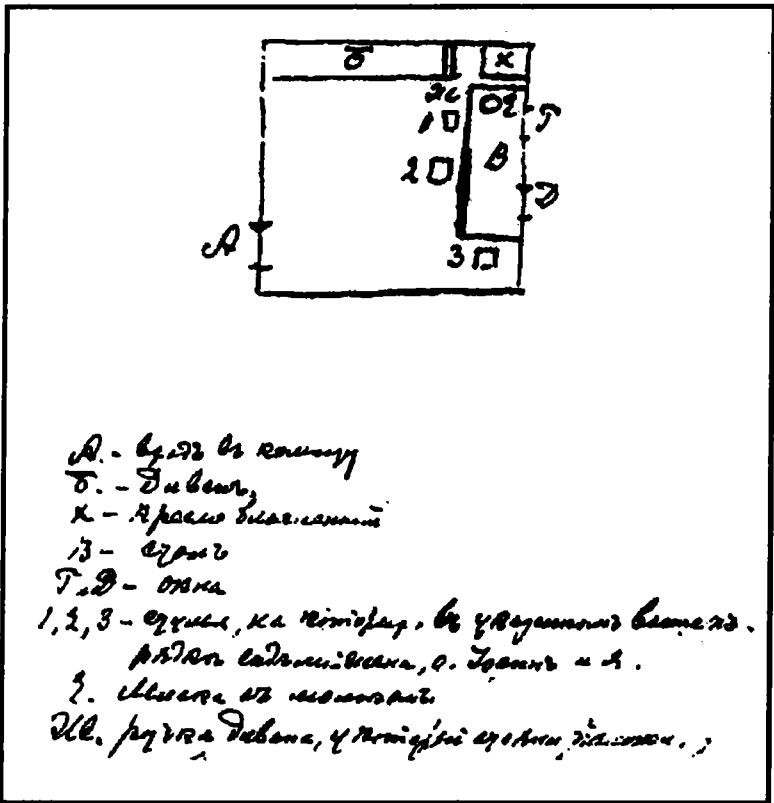
Страшный гнев Божий, кара и казнь, но и... человеколюбие крайнее, и всепрощение безграничное, и милосердие Божие.

Когда война была уже в разгаре, *«Ангел Божий поверг серп свой на землю, и обрезал виноград на земле и бросил в великое точило гнева Божия. И истоптаны были ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских на тысячу шестьсот стадий»**, — в те дни дошел до меня слух из Дивеева, от Дивеевских «сирот» Преподобного батюшки отца Серафима:

— Блаженная «маменька» Прасковья Ивановна¹²⁵ все радуется, все в ладоши хлопает да приговаривает:

«Бог-то, Бог-то милосерд-то как! — разбойнички в Царство небесное так валом и валят, так и валят!»

* Ап. XIV гл., 19, 20 ст.

План комнаты Блаженной Паши. Рис С. А. Нилуса

За мученичество, значит, свое на войне от утонченного зверства культурных диаволов в образе человеческом, от разрывных пуль, от удушающих газов и, что всего для небесного Царства важнее, — за слезу покаяния, за одинокую слезу на поле смерти, вознесенную к Престолу Божию Ангелом-Хранителем.

И вот, в то же время, только в другом месте — в том маленьком захолустном городке, куда поселил меня Господь, одной рабе Божией, умом и сердцем препростой (я не назову ее имени, смирения ее ради) было даровано видение во сне судеб Божиих, сокрытых от разумения премудрых и разумных и открываемых младенцам. Очень скорбела эта раба Божия о тех ужасах войны, которые так неожиданно-негаданно для многих (немногие-то ее уже давно ждали) обрушились на Россию. Было это, помнится, вскоре после многодневных жестоких боев на австрийской границе, увенчавшихся взятием Галича и Львова, после великих

страданий армии Самсонова в Восточной Пруссии, словом, после великой кровавой жертвы, принесенной Россией за грехи свои перед правдой Божией. И видит эта раба Христова: стоит она будто бы на незнакомом месте. Ночь. Небо темное. На земле ни зги не видать. И вдруг разверзлось небо, и в лучезарном блеске ослепительного величия и неизобразимой славы явился на небе пречудный, предивный град Сион, *«великий город, святой Иерусалим. Он имел славу Божию; светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалло-видному»**. Не находя слов к описанию дивного града этого, раба Божия в восторге от видения своего сказывала:

«Ну, как Новый Афон что ли...»

Так прекрасен был град тот. А краше и лучше Нового Афона раба Божия, его видевшая, ничего себе и представить не могла. Да и как вообразить себе и изобразить людям красоту небесную, когда ей на земле и подобия-то нет?!

И от града этого, Иерусалима святого, имевшего славу Божию, увидела она, спустилась до земли от неба величественная лестница. И устремилась к ней всем желанием своим имевшая видение, чтобы, как можно скорее, подняться по ней и взойти в град небесный, войти в славу его, насладиться небесной его красотой. Но, увы! — до земли не досязала лестница, и концы ее были от земли выше роста человеческого, так что и протянутым кверху рукам нижней ее ступени достать было невозможно.

«И отошла я, — сказывала раба Божия, — к сторонке и стала; смотрю и неутешно плачу о том, что недостойна я града того небесного. И что же, милые мои, вижу? Откуда-то взялись воины: идут в серых шинелях, винтовки за плечами, идут один по одному, целое огромное воинство, полки за полками, без числа, без счету, идут и проходят мимо меня; подходят к лестнице и без всякого труда, как безтелесные, восходят по ней и скрываются в открытых вратах небесного Иерусалима. И пред тем, как вступить им во врата Иерусалима небесного, — вижу я, — загораются на них венцы такой красоты и сияния, что их не только описать, но и вообразить себе, не выдавши, невозможно... И долго я стояла и смотрела на них, и плакала, плакала. А они все шли да шли мимо меня полки за полками, шли и возносились по лестнице к небу, и сияли своими венцами, как яркие звезды на тверди небесной... Проснулась я — вся подушка моя была мокрая от слез; и была я

* Ап. XXI гл., 10–11 ст.

вне себя от умиления и радости, от благодарности милосердию Божию. И проснувшись, я опять плакала, слез удержать не могла: зачем я на земле оставлена, зачем недостойна я красоты той небесной, тех венков, которые, как звезды, горели на главах небесною славою прославленного воинства?»

Прошел год войны, пошел второй.

Проездом по делу в Петрограде меня с женою навестили в нашем захолустье две давно знакомые и любимые монахини одного из монастырей Черниговской епархии, того монастыря, что когда-то был ограблен разбойником Савицким. Я об этом ограблении уже рассказывал читателю «Троицкого Слова». Разговорились о войне, стали доискиваться ее духовного смысла и значения и, конечно, пришли единогласно к заключению, что не простая это война и что имеющему уши слышати и очи видети есть о чем над ней призадуматься. И вот что за беседой рассказала мне старшая из моих собеседниц, пожилая, образованная, а, главное, духовно настроенная монахиня:

— Поблизости от нашего монастыря, — сказывала она, — есть помещичья усадьба. В этой усадьбе устроен теперь лазарет для раненых воинов. Зовется он Барышниковский лазарет. Много выздоровевших в этом лазарете раненых перебивало в нашей обители: вылечатся и идут к нам помолиться Богу, поблагодарить за исцеление и поговорить — кто пред возвращением в строй, а кто пред отправкой на родину для окончательного восстановления здоровья. И вот среди таких-то богомольцев мне раз довелось увидеть одного раненого солдата с таким особенным выражением лица, что оно приковало к себе все мое внимание. Что-то совершенно нездешнее, неземное, в высшей степени одухотворенное было в лице этом, в глазах, во всем облике этого человека. Такое выражение только на иконах можно видеть, на ликах страстотерпцев-мучеников, когда от тягчайших испытаний плоти истомленная душа страдальца внезапно ощутит небесную помощь и узрит ниспосланного ей свыше Ангела-утешителя.

Подошла я к этому человеку.

— Откуда ты, — спрашиваю, — раб Божий?

— Сейчас из лазарета, а то был на войне.

— Заболел что ли или был ранен?

— Ранен, матушка, теперь, слава Богу, выздоровел. Вот у вас отговою и

обратно в строй, к своим, туда, на Карпаты.

— Ну, небось, сперва к своим домой съездишь? Ты, что ж, холостой или женатый?

— Женатый, матушка — жену, двоих детей имею. Только я, матушка, домой теперь не поеду, а в строй, на позиции. Я своих всех поручил Царице Небесной — Она их и без меня ладно управит. Жду я, матушка, жду не дождусь, пострадать желаю за веру святую, за Царя Батюшку, за родимую мать — землю Русскую, за православный наш народушко, пострадать и помереть в сражении.

Я была поражена: нашему ли времени такие речи слышать? «Пострадать и помереть в сражении?»!

— Да откуда ж, — воскликнула я изумленная, — откуда ж у тебя такие мысли и желание?

— Ах, матушка! — вздохнул он мне в ответ, — если б только знали вы, как я томлюсь в ожидании этой смерти, как жду ее, ищу ее, а она мне, как клад какой, не дается... С чего это у меня, спрашиваете вы? А вот с чего: было дело это за австрийской границей. Нашу часть пустили в обход одной горы, поверив жидам, что мы захватим врасплох австрийцев, а жида нас предали: и попали мы под такой перекрестный огонь неприятеля, что от нашей обходной колонны мало кто и в живых остался. Меня тут контузило, и я упал без сознания. Когда опомнился, то стало уже темнеть. Бой продолжался, но не рукопашный, а огневой. Кругом меня живых никого — одни трупы, горы трупов и своих, и неприятельских. Почти совсем стемнело. И услышал я вскоре нерусский говор. Ну, думаю, австрийцы или немцы идут добивать наших раненых и грабить трупы. Смотрю: они и есть, только от меня еще далеко. Я поскорее — да под трупы убитых, залез под них и притаился, не дышу, словно тоже убитый... Прошли немцы, обшарили трупы, обобрали, кого штыком ткнули. Меня не тронули: не заметили — глубоко был зарывшись. Прислушиваюсь — ушли. Подождал я немножко и стал потихоньку вылезать из-под трупов на свободу. А уж стал — вовсе темно; только вспыхивали, как молнии, разрывы шрапнелей да повизгивали пули. И вдруг, матушка, такой свет увидел, тому и поверить, кажется, невозможно! Смотрю: идет между павшими в бою Сама Матушка Царица Небесная, сияет светом, как солнце, идет и ручками Своими пречистыми возлагает то на ту, то на другую голову павших воинов венцы красоты неизобразимой. Я как крикну:

— Матушка! Матерь Божия! Даруй и мне такой же венец из ручек Твоих пречистых!

Уж, видно, не в себе я был, коли так крикнул. А Она, Царица Небесная, на крик мой взяла да и остановилась, не побрезговала простым солдатом, да и говорит:

— Тебе не время еще. Иди и зарабатывай. Заработаешь, — такой же получишь.

— Куда ж, — говорю Ей, — пойду я? Кругом стреляют — меня убьют, и заработать не успею.

— Иди! — сказал Богородица и перстом Своим указала во тьме, куда мне идти было надобно. И куда Она пальчиком Своим показала, там свет проложился, как дорожка; и по свету этому я дошел до своих не-вредимый, хоть и свистали, и щелкали вокруг меня пули... И вот, с той самой ночи нет мне на земле покою, и все мне стало на земле немило. Ищу я заработать себе венец из ручек Матери Божией, да, видно, все еще не умею: во скольких боях был, и все ни одной царапины. В последнем, наконец, ранило. Ну, думаю, заработал! Нет, опять выздоровел. Теперь выписался я из лазарета, отговел у вас, слава Богу, и причастился: скорее опять в строй — теперь-то уже, Бог даст, венец себе заработаю.

Так на этом мы с этим рабом Божиим и простились, — закончила свой рассказ моя собеседница-монахиня* из монастыря, который некогда ограблен был разбойником Савицким и в котором тогда жила еще такая любовь Христова, что могла и самому Савицкому исходатайствовать у Бога спасение.

Вот, стало быть, что значит, что приоткрылась одним уголком завеса, до времени скрывающая от нас Царствие небесное и славу венцов его нетленных: блеснуло на человека тем светом, пред которым весь свет наш тьма, и жить уж не стало охоты, и все стало немило, и все земное заслонилось одним видением, одним желанием заслужить и заработать венец на главу из пречистых ручек Царицы Небесной.

А поглядеть да послушать, что пишут да что говорят о войне газеты и умные люди!..

*«Исповедаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою»**.*

* Монахиню звали Мать Людмила. Она происходила из румынского рода князей Гика. Рассказывала это при мне в Валдае Новгородской губернии, в 1915 году (Примеч. Е. Ю. Крюцевич// На берегу Божьей реки. Ч. 2. С.-Франциско, 1969. С. 138).

** Мф. XI гл., 25–26 ст.

Опять в Оптиной. Письмо И. В. Киреевского к старцу о. Макарию о том, как произошло знакомство между ними. Эпитафия на памятнике И. В. Киреевского в Оптиной. «Спасаяй, да спасет свою душу». Письма епископа великой церкви о. Мелетия о болезни и кончине митрополита Киевского Филарета.

Пишет к старцу о. Макарию Иван Васильевич Киреевский, духовный сын старца и один из старших богатырей самобытного русского духа и русской мысли¹²⁷:

«1855-го года. 6 июля. Полночь. Искренне любимый и уважаемый батюшка! Сейчас прочел я ваше письмо из Калуги к Наталье Петровне* и теперь же хочу поздравить вас с получением наперсного креста. Хотя я и знаю, что ни это, ни какое видимое отличие не составляют для вас ничего существенного, и что не такие отличия вы могли бы получить, если бы сколько-нибудь желали их, однако же все почему-то очень приятно слышать это. Может быть, потому, что это будет приятно для всех любящих вас. Мы все видели, как вы внутри сердца носите Крест Господень и страдаете Ему в любви к грешникам. Теперь та святыня, которая внутри сердца вашего, будет для всех очевидна на груди вашей. Дай Боже, чтобы на многие, многие и благополучные лета! Дай, Боже, многие лета за то и благочестивому архиерею нашему!

Другая часть письма вашего произвела на меня совсем противоположное действие. Вы пишете, что страдаете от бессонницы и что уже четыре ночи не могли заснуть. Это кроме того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья. Думаю, что сон ваш отнимают забота о всех нас грешных, которые с нашими страданиями и грехами к вам относимся: вы думаете, как и чем пособить требующим вашей помощи, и это отнимает у вас спокойствие сердечное. Но подумайте, милостивый батюшка, что душевное здоровье всех нас зависит от вашего телесного. Смотрите на себя, как на ближнего. Одного вздоха вашего обо всех нас вообще к милосердному Богу довольно для того, чтобы Он всех нас прикрыл Своим теплым крылом. На этой истинной вере почивайте, милостивый батюшка, на здоровье всем нам. Отгоните от себя заботные мысли как врагов не только вашего, но и нашего спокойствия и, ложась на подушку, поручите заботы о нас Господу, Который не спит. Ваша любовь, не знающая границ, разрушает тело ваше».

Знакомство И. В. Киреевского с благостным старцем нашим, о. Макарием произошло, по словам супруги Ивана Васильевича, Натальи Петровны, при следующих обстоятельствах:

* Супруга И. В. Киреевского¹²⁸.

— Сама я, — так поведала нам Наталия Петровна, — познакомилась с о. Макарием в 1833 году через другого приснопамятного старца, его предшественника о. Леонида, тогда же сделалась его духовной дочерью и с тех пор находилась с ним в постоянном духовном общении. Иван Васильевич мало был с ним знаком до 1846-го года. В марте того года старец был у нас в Долбине*, и Иван Васильевич в первый раз исповедывался у него; писал же к батюшке в первый раз из Москвы в конце октября 1846-го года, сказав мне:

«Я писал к батюшке, сделал ему много вопросов, особенно для меня важных; нарочно не сказал тебе прежде, боясь, что по любви твоей к нему ты как-бы-нибудь чего не написала ему. Мне любопытно будет получить его ответ. Сознаю, что ему будет трудно ответить мне».

Я поблагодарила Ивана Васильевича, что он мне не сказал, что решил написать к старцу, и уверена была, что будет от старца действие разительное для Ивана Васильевича.

Не прошло часа времени, как приносят письма с почты, и два надписанные рукой старца — одно на имя мое, другое на имя Ивана Васильевича. Не распечатывая, он спрашивает:

«Что это значит? Отец Макарий ко мне никогда не писал!»

Читает письмо, меняясь в лице и говоря:

«Удивительно! Разительно! Как это? В письме этом ответы на все мои вопросы, сейчас только посланные».

С этой минуты замечен стал зародыш духовного доверия в Иване Васильевиче к старцу, обратившийся впоследствии в усердную и безпредельную любовь к нему, и принес плоды в 60 и во 100, ибо, познав, «яко не инако одержится премудрость, аще не даст Господь», он при пособии опытного руководителя «шел к Господу».

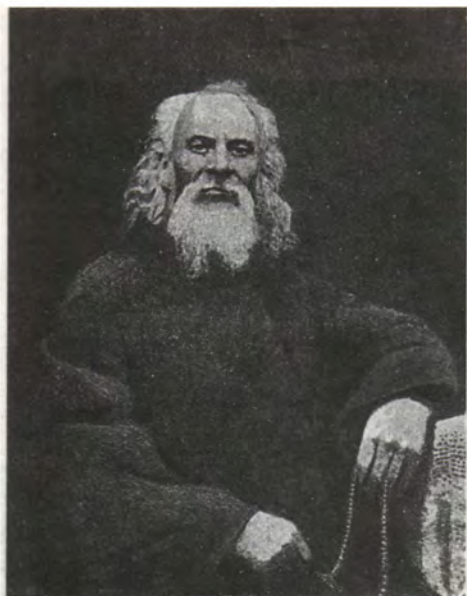
Иван Васильевич Киреевский и брат его Петр вместе с супругой Ивана Васильевича Наталией Петровной погребены у Введенского храма Оптиной пустыни рядом с могилами великих старцев: Леонида (в схиме Льва), Макария и Амвросия. На памятнике Ивана Васильевича начертана надпись:

«Надворный Советник Иван Васильевич Киреевский. Родился 1806-го года, Марта 22-го дня. Скончался 1856-го года Июня 12-го дня.

Премудрость возлюбих и поисках от юности моя. Познав же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу.

Узрят кошчину праведника и не уразумеют, что усуетова о нем Господь. Господи, прими дух мой!»

* Имя Киреевского, в Белевском уезде, Тульской губернии.

Иеромонах Даниил
(Болотов, 1837 †1907)

Иеродиакон Кирилл
(Зленко, 1888 †1929)

Дом, в котором поселились Нилусы в Оптиной пустыни

Иеромонах Нектарий
(Тихонов, 1852 †1928)

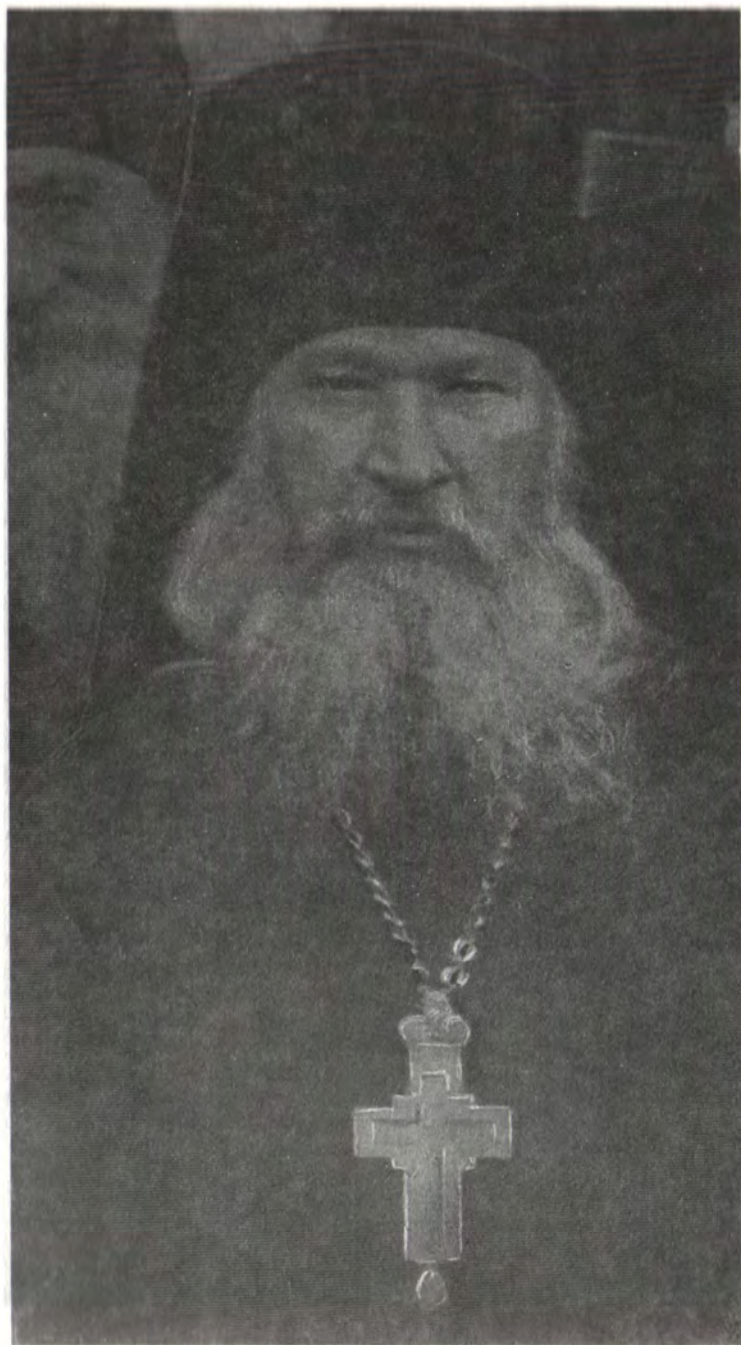
Послушник Николай Беляев

Иеромонах Никон (Беляев, 1888 †1931) — слева и иеромонах Рафаил

Игумен Феодосий
(Поморцев, 1854 †1920),
последний настоятель Скита

Схиархимандрит Исаакий 2-й
(Бобриков, 1865 †1938),
последний настоятель
Оптиной пустыни

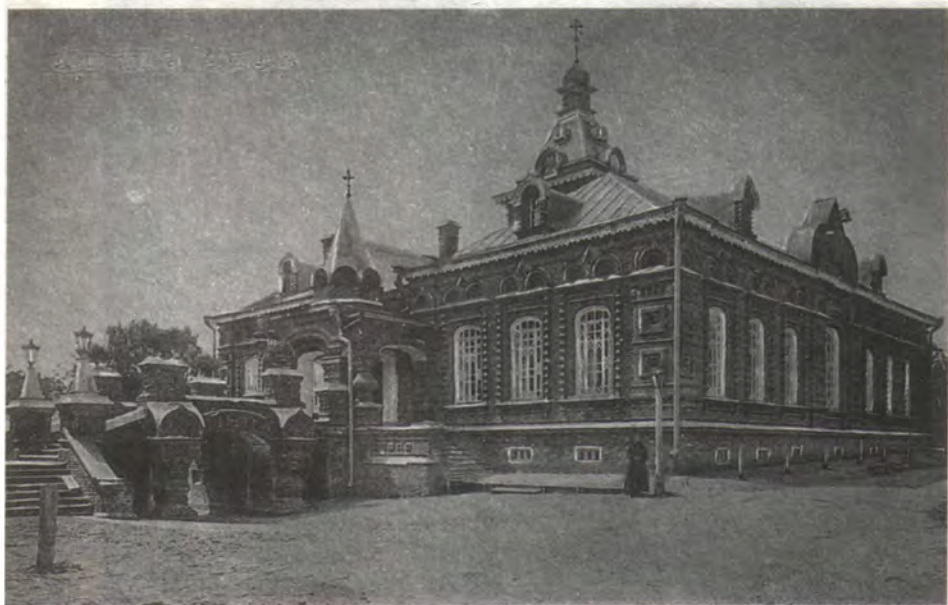
Прот. Василий Шустин
(†1968)

Схигуменья София
(Гринева, 1873 †1941)

Городской парк в Козельске

Шамординская Казанская Горская пустынь. Трапезная

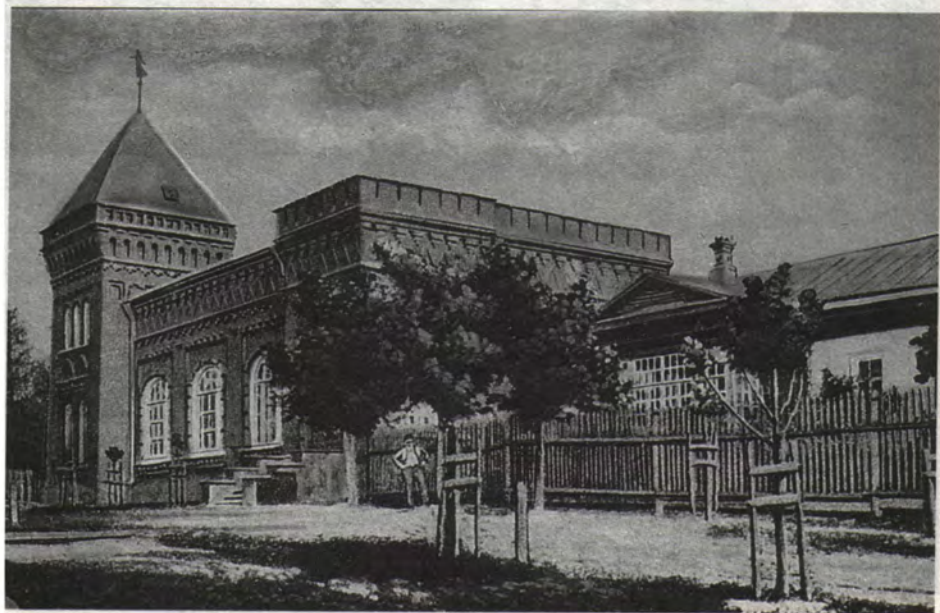
Преподобный Амвросий
(Гренков, 1812 †1891),
старец Оптинский — основатель
Шамординской пустыни

Келля старца Амвросия в
Оптиной пустыни

Первая настоятельница Шамординской пустыни схигумения София
(урожд. Болотова, †1888)

Шамордино. Игуменский корпус и келлия старца Амвросия

Иеросхимонах Варнава
(Меркулов, 1831 †1906),
Гефсиманский,
«старец-утешитель»

Иеромонах Порфирий —
келейник о. Варнавы

Св. Ворота
Гефсиманского Скита.

Св. ворота Гефсиманского скита

Св.прав. о. Иоанн
Кронштадтский

Прот. Георгий Коссов
(1855 †1928)

О. Павел Флоренский (1882 †1937)
и М.А. Новоселов (1864 †1938)

Елена Андреевна
Воронова

Государь беседует с депутацией крестьян Киевской губернии. Сентябрь 1911 г.

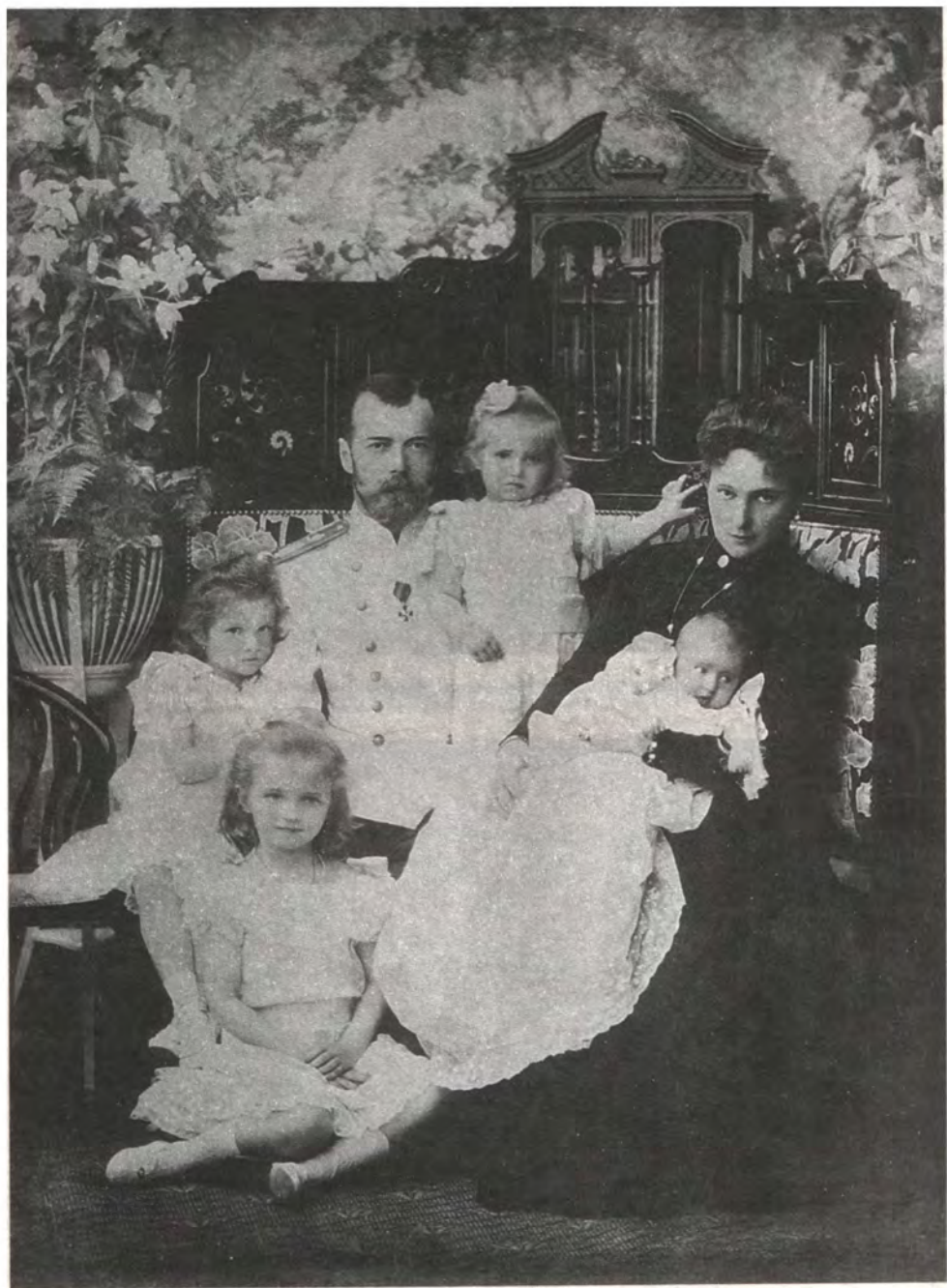
Архипастырское благословение Государыне

Царская Семья посещает часовню Иверской иконы Божией Матери в Москве

Государь христосует с солдатами на фронте

Царская Семья

Какую премудрость возлюбил Иван Васильевич, ясно видно из слов его старца:

«Сердце обливается кровью, — так писал старец одному своему духовному чаду, — при рассуждении о нашем любезном отечестве, России, нашей матушке: куда она мчится, чего ищет, чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое — оно обманывает себя в своей надежде, юное поколение питается не млеком учения Святой Православной нашей Церкви, а каким-то иноземным, мутным, ядовитым заражается духом. И долго ли этому продолжаться? Конечно, в судьбах Промысла Божьего написано то, чему должно быть, но от нас скрыто, по неизреченной Его премудрости. *А кажется, настанет то время, когда, по предречению отеческому, “спасая, да спасет свою душу”*».

Очевидно, не премудрость века сего возлюблена была и Ивану Васильевичу Киреевскому.

* * *

18 декабря 1856-го года писал нашему о. архимандриту Моисею епископ-арх Великой Киевопечерской церкви, бывший наш скитский послушник, иеромонах Мелетий (Антимонов)¹²⁹:

«Ваше высокопреподобие отец архимандрит Моисей, благословите.

Его высокопреосвященство милостивый Архипастырь наш* изволил сказать мне, что получил от вас письмо, в котором изволили поздравить его высокопреосвященство со днем святого тезоименитства.

За долговременное и неизменное к высокой особе его ваше благовейное уважение и примерную вежливость он изволил радостно благословить вас и вверенную вам святую обитель архипастырским благодостынным благословением.

«Хотел бы я сам ему написать, да видишь, как я слаб здоровьем: голова моя отказывается работать, руки мои не хотят делать, желудок не хочет варить, и ноги мои отказываются ходить, а душа радуется, что приближается время ее покоя. Так и напиши».

Вот собственные слова его высокопреосвященства, которые, как драгоценный гостинец, имею честь вашему высокопреподобию на сем листочке доставить. Эти слова изволил говорить мне грешному в субботу перед вечернею, 15 декабря, в кабинете его. В воскресенье, 16-го числа, по слабому здоровью, и не служил».

* Филарет [Амфитеатров], митрополит Киевский. Бывши на Калужской кафедре, он принимал живейшее участие в судьбах Оптиной пустыни, которая ему обязана введением в ней старчества и постройкой скита.

Следующее письмо о. Мелетий писал от 24-го декабря 1857 года батюшке о. Макарию и в нем извещал уже о кончине приснопамятного великого архiereя Божия и благодетеля нашей обители Филарета¹³⁰.

«Великий Святитель наш, — так пишет о. Мелетий, — декабря 1-го* изволил совершить Божественную Литургию в ближних пещерах, в храме преподобного Антония, был и в дальних с поклонением святым мощам угодников Божиих, а последние часы того дня провел в безмолвии (не принимал никого) в келии о. Парфения, что на ближних пещерах. После того силы его стали очень слабеть, иногда опять укрепляясь. 15-е число, 16-е и 17-е утро было ему очень трудно, вечером же стало получше. Призвал меня и изволил сказать:

«Завтра, после ранней обедни, я желаю пособороваться маслом, сделайте распоряжение».

Память и слух очень чисты.

18-е число, в среду, в 8 часов утра, началось Елеосвящение. Таинство совершал преосвященный Стефан¹³¹ и 6 архимандритов. Владыка лежал в спальне на кровати. По окончании таинства, начал у всех просить прощения, и стала подходить братия для благословения. Между сим изволил говорить:

«Поручаю вас благодати Божией, поручаю вас Матери Божией. Молитесь Господу Богу, дабы даровал вам пастыря доброго, учителя и благодетеля».

Я стоял в ногах его кровати и после всех подошел. Кланаясь в землю, целовал его руку.

«Ну, — сказал он, — отец епископ, послужи Матери Божией. Матерь Божия тебя не оставит».

Из глаз моих полились слезы, и с ними пришел к себе в келью.

Память, слух и зрение по-прежнему хороши.

19-го, в четверг, утром в половине 8-го часа, призвал меня и сказал:

«Возьми алмазные андреевские знаки и цепь для сохранения в ризнице».

Взявши это, я поклонился ему в землю и сказал:

«Преосвященнейший Владыко, помяните меня у престола Божия!»

«Хорошо. А ты послужи. Ты призван сюда по особому Промыслу Божию: на такую должность трудно сыскать человека — здесь особая нужна верность».

В 10 часов сего утра преосвященный Стефан, после обедни (он служил для ставленника и я с ним), взошел к владыке со мною вместе, сказал несколько слов и возвратился. Здесь поклонился я ему и просил благословения Оптиной пустыни.

* День Ангела Митрополита.

«Напишите, — промолвил он, — полное мое благословение, а я сам не могу писать».

Эти истинные его слова имею счастье, как драгоценный дар, принести Оптиной пустыни.

Императрица Мария Александровна¹³² спрашивала два раза в день о здоровье; наконец потребовала от докторов положительно удостоверения на сие. Доктор отвечал 20-го числа, в пятницу, в 6 часов вечера:

«Больной не принимает пищи, дыхание более на поверхности, силы еще упали, сознание полное, надежды нет».

Владыка потребовал:

«Прочтите мне, что вы написали».

Начал читать, и когда последние слова произнесены — «надежды нет», — он сам изволил подтвердить:

«И очень безнадежен».

В 11 часов ночи о. наместник присылает за мной в келью. Я явился. Говорит мне:

«Приготовьте часть св. Даров на случай, потому что владыка подозвал меня и сказал: «ну если я не доживу до ранней обедни, то приготовьте часть св. Даров».

Екlesiарх тогда же и приготовил.

21-го. Суббота. Раннюю обедню приказал начать в 3 часа и дожидался св. Таин с большим нетерпением. Наконец, приобщился и начал повторять:

«Ныне отпускаеши раба Твоего» и проч.

В 8 часов 15 минут утра Святитель наш предал святую душу свою в руки Спасителя своего и нашего мирно, тихо, спокойно. Тело вынесено в Великую церковь 22-го, в воскресенье, в 3 часа пополудни. Погребение предположено на 2-й день праздника. Могила в церкви на ближних пещерах, против входа в пещеры. Место сие он сам прежде назначил и завещание написал.

Так умер праведный митрополит Филарет, благодетель Оптиной пустыни и основатель ее скита во имя святого Предтечи Господня и Крестителя Иоанна».

На этом заканчиваются мои выписки из скитских дневников послушника Льва Кавелина.

6-го МАРТА

Опять в Оптиной. Елена Андреевна Воронова. Вор-рецидивист и Святитель Николай.

В конце прошлого месяца, после поздней Литургии, подошла ко мне в Казанском храме незнакомая, скромно одетая дама.

— Не вы ли С. А. Нилус?

— Я. Чем могу служить?

— Я — Елена Андреевна Воронова. Вам это имя вряд ли что говорит, хотя мы оба с вами служим одному и тому же делу; я пишу во славу Божию о делах Его Промысла в жизни человека. А главное мое дело — это забота о духовном питании заключенных в тюрьмах Петербурга и даже в Шлиссельбургской крепости. В этом деле я являюсь как бы помощницей известной вам, вероятно, княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой.

С этого началось наше знакомство, очень быстро перешедшее в тесную дружбу с моей женою и со мною. Да и нельзя было не полюбить этого кротчайшего и любвеобильного создания Божия.

«Она — как Ангел Божий!»

Так про нее сказал кто-то из семьи моей. И это была истинная правда.

Утро и день эта раба Христова посвящала оптинским церковным службам и своему духовнику и старцу о. Варсонофию, а вечера, кроме дней гонения, проводила у нас. И чего-чего только не понаслушались мы от нее великого и дивного из сокровенных тайников человеческой души, открывавшейся ее любви в крепостных казематах и камерах одиночного и общего заключения, не исключая камер так называемых «смертников» — лиц, приговоренных к смертной казни. Сколько из этих «смертников», приведенных ею к распознаванию своей вины и покаянию, спасла она от смертной казни, выхлопывая для них иногда даже и полное помилование! Бог знает, да еще митрополит Антоний Петроградский¹³³, через которого доводит до кого следует просьбы своих тюремных духовных детей наша Елена Андреевна.

Не успели познакомиться, а я ее уже называю «наша». Думается, что не только нам одним она «наша», а всем, кто бы только не приходил в соприкосновение с душой этой ангельской*.

* Господь удостоил эту праведницу венцом страдальческой кончины в день Страстей Своих, она скончалась в Страстную пятницу, 8-го апреля 1916-го года. Вот что писал нам о блаженной ее кончине один общий наш с нею друг: «...Со вторника на среду (Страстной седмицы) Елена Андреевна нам объявила, что страдания ее продолжатся до пятницы и затем умрет. Спросили ее, кто это ей сказал. Она отвечает: «Бог! Бог мне сказал: «У тебя доброе сердце — потерпи до пятницы, и тогда конец страданиям».

Спросили ее, какого вида Бог? Ответила: «Нельзя сказать человеческими словами. Он стоял около меня». И, действительно, она страдала до 12 часов ночи Великой пятницы, когда страдания ее прекратились. Она затихла, стала ровнее дышать; попросила все свои святыни. Положили ей крест на грудь. Она сама, своей рукою, закрыла себе глаза и больше их не открывала, и тихо опочила. Была она все время в памяти. Почерк был твердый и ясный... После ее кончины пришел пристав, и, кроме носильного платья да кое-какого старого белья, ничего не нашлось...»

Записываю со слов Елены Андреевны нечто из ряда вон выходящее, что произошло с одним из ее духовных питомцев.

«В Выборгской тюрьме, — так рассказывала Елена Андреевна, — мне довелось встретить одного молодого вора-рецидивиста. Он теперь в Обуховской больнице умирает, если уже не умер, от злейшей чахотки, и потому я могу назвать его имя: зовут его Александр Гадалов. Несмотря на то, что он, казалось, был неисправимый вор, в нем светилась такая чистая, детски-верующая, безхитростная душа, что сердце мое при ближайшем с ним знакомстве не могло не полюбить его милой души, мимо которой, как это ни странно, пронеслась, не запятив ее, вся внешняя грязь его преступлений. Теперь страданиями своими он уже искупил все, чем провинился пред Богом и человеками. Так вот, полюбила я душу Гадалова, и любовь моя настолько открыла мне его замкнувшееся в себе сердце, что, зная приближение своей смерти, он подарил мне свои записки — довольно объемистую тетрадь, в которой он наивно и необыкновенно-трогательно описывает свою горемычную жизнь от дней детства до теперешней его предсмертной болезни. В беседах его со мною он рассказал мне об одном бывшем с ним событии, настолько необыкновенном и поразительном, что удивило даже и меня, выдавшую всякие виды.

«Вы, обеспеченные люди, — говорил мне Александр, — понять не можете нашего брата-вора, которого на воровство толкает неуменье и непривычка взяться за труд и такая безысходная нужда, такой волчий голод, что нет времени, ни сообразить, есть ли какая безнравственность в покушении на чужое добро. Впору только об одном думать, как бы, где бы раздобыть чего-нибудь пожрать, а уж об остальном и головы себе не забиваешь. Так-то вот раз случилось и со мной, когда я в первый раз пошел на воровство. Подвело у меня в животе так, что впору из-за корки черного хлеба человека зарезать. Вот и подумал я что-нибудь украсть, чтобы сытым быть. Пошел воровать, а сам в душе молюсь Николаю Чудотворцу: угодничек Божий, батюшка, помоги!.. Ловко удалось мне тогда стибрить! Хоть и погнались было тогда за мною, да я за молитвы угодника от погони как в воду канул. И от второй, почти на второй день кражи я также легко скрылся оттого, что все время, пока бежал, на молитве угодника Божия, Святителея Николая призывал и молил спасти меня от погони. Пошел на кражу я таким-то образом и в третий раз, как и прежде, усердно помолвившись угоднику, но уж тут пришлось пережить такие страсти, что и вспомнить жутко. Было дело это на окраине города. На краже меня заметили, и украсть мне ничего не удалось; пришлось дать тягу. За мной погнались. Я — в огороды, погоня за мной. За огородами был лесочек, так рощица небольшая; я — туда, думаю в кустах укрыться, а там чисто,

ни одного кустика... За рощей голое поле, а кругом никакого прикрытия на большое расстояние. Ну, смекаю я, попался! А погоня за мной по пятам, вот-вот нагонят... И взмолился я тут Святителю: батюшка, выручай! выручишь, свечку тебе поставлю!.. Вдруг вижу: валяется невдалеке палая лошадь; брюхо огромное раздуто, как гора, и один бок проеден — дыра, как пещера, зияет. Долго думать было нечего: я в нее, в дыру-то эту самую, закопался в нее с головой, да и с ногами в ней схоронился!.. Ну уж, матушка, Елена Андреевна, истинно, свет Божий не взидел я в этом смрадном логове — чуть было не задохся. И что же? не нашла ведь меня погоня — мимо меня промчалась, а в тушу палую заглянуть и не подумала. Долго ли, коротко ли лежал я в падали, а вылезать пришла-таки пора. Высунул я остороженько на белый свет голову, да чуть было не ослеп от осиявшего меня внезапно необыкновенного света — у меня внутри даже все перевернулось от страху! Опомнился маломаленько и вижу: стоит около меня сам Святитель Николай, строгий такой и говорит:

«Ну что? хорошо тебе было в этом смраде?»

«Ой! — говорю, — тошнехонько!»

«Так-то, — говорит, — смраден Богу и мне твой грех. Три раза, — говорит, — я тебя жалел, а теперь больше жалеть не буду».

Сказал и стал невидим.

Ну уж и натерпелся я тогда страху, Елена Андреевна, как вспомню, так и посейчас трясусь от страху».

— Что ж? — спросил я Елену Андреевну, когда она кончила свое удивительное повествование, — что же с вашим Александром потом было?

— А было то, что он не утерпел и опять взялся, было, за грешное свое ремесло и, конечно, угодил в тюрьму. В тюрьме у него развилась злейшая чахотка и с нею, по отбытии срока своего наказания, он и был выпущен на волю. Да воля-то была хуже неволи: больной, еле дышащий, в рубище, без единой на всем свете сострадающей души он мотался несколько дней, питаясь днем кой-каким подаянием, а ночи проводя под мостами да на пустых барках, голодный, холодный, как жалкий дикий зверек, загнанный гончими собаками. Скитался он так, где день, где ночь, несколько дней и наконец, не стерпя скитальческой своей муки, кинулся на какой-то пустынной улице на проходившую одинокую барыню и вырвал у нее из рук ридикуль, попробовал убежать и тут же упал к ее ногам, захлебываясь хлынувшей у него из горла кровью. Спасибо, барыня-то доброй оказалась, пожалела бедного страдальца, грех его простила да еще сама лично доставила в Обуховскую

больницу, где он теперь и умирает в скоротечной чахотке, примирившись и с Богом, и с людьми горькой своей жизнью и тяжкими страданиями.

Такова жемчужинка из заветного ларца рабы Божией Елены Андреевны Вороновой. Высыпала она ее в мою кошницу и уехала 21-го февраля, в воскресенье, обратно из Оптиной на делание свое, приводить к Богу и спасать озлобленные души для жизни в красоте и радости блаженной вечности.

Великое делание! Великая праведница!..

7-го МАРТА

Опять в Оптиной. Сновидение о Варсонофия. Нечто от «клеветы человеческой».

Слова о. Егора Чекряковского. О. Варсонофий о «Троицком Слове».

О. Никтариѣ и помещица-пустыножительница. Не грозит ли небо?

Ходили с женой на благословение к о. Варсонофию. Е. А. Воронова слышала от него, что он в ночь со среды 17-го февраля на четверг 18-го видел сон, оставивший по себе сильное впечатление на нашего батюшку.

«Не люблю я, — говорил он Елене Андреевне, — когда кто начинает мне рассказывать свои сны, да я и сам своим снам не доверяю. Но бывают иногда и такие, которых нельзя не признать благодатными. Таких снов и забыть нельзя. Вот что мне приснилось в ночь с 17-го на 18-е февраля. Видите, какой сон, числа даже помню!.. Снится мне, что я иду по какой-то прекрасной местности, и знаю, что цель моего путешествия получить благословение о. Иоанна Кронштадтского. И вот, взору моему представляется величественное здание вроде храма, красоты неизобразимой и белизны ослепительной. И я знаю, что здание это принадлежит о. Иоанну. Вхожу я в него и вижу огромную как бы залу из белого мрамора, посреди которой возвышается дивной красоты беломраморная лестница, широкая и величественная, как и вся храмина великого Кронштадтского пастыря. Лестница от земли начинается площадкой, и ступени ее, перемежаясь такими площадками, устремляются, как стрела, прямо в бесконечную высь и уходят на самое небо. На нижней площадке стоит сам о. Иоанн в белоснежных, ярким светом сияющих ризах. Я подхожу к нему и принимаю его благословение. Отец Иоанн берет меня за руку и говорит:

— Нам надобно с тобой подняться по этой лестнице. — И мы стали подниматься. И вдруг мне пришло в голову: как же это так? — Ведь отец Иоанн умер: как же это я иду с ним, как с живым? — С этой мыслью я и говорю ему:

— Батюшка! Да вы ведь умерли?

— Что ты говоришь? — воскликнул он мне в ответ. — Отец Иоанн жив, отец Иоанн жив!

На этом я проснулся... Не правда ли, какой удивительный сон? — спросил Елену Андреевну о Варсонофий. — И какая это радость услышать из уст самого о. Иоанна свидетельство непреложной истинности нашей веры! Елена Андреевна надумала было просить благословения у старца напечатать это благодатное видение. Старец даже за голову схватился...

«Помилуй вас Бог! Не для печати это вам рассказано, а для вашего наидания. И не думайте этого печатать»*.

* * *

Принял нас наш батюшка с обычной для него лаской, усадил меня на диван в той комнатухе своей кельи, которую он трогательно величает «зальцей», и стал мне говорить о той радости, которую испытало его сердце от прочтения № 1-го «Троицкого Слова», издаваемого под редакцией епископа Никона.**

— Вот это хорошо, мудро! — восторгался он. — Это доброе слово.

Вдруг батюшка прервал речь свою...

— А знаете ли, — сказал он, — против вас начинается восстание, да еще какое восстание!

— Откуда, батюшка?

— И извне, и изнутри, со стороны одной партии...

На этом слове в келью вбежал один из скитских послушников, письмоводитель батюшки, с тревожным возгласом:

— Батюшка! ему так плохо, что едва ли он уже не кончается!..

— Ну давай скорее эпитрахиль [sic] и одеваться, — заторопился батюшка, — а с вами, С.А., уже до другого, видно, раза.

Батюшка благословил меня и поспешно вышел.

— Кто это кончается? — спросил я письмоводителя.

— Наш отец И.***

.....

* Запрет этот наложен был на Е.А. Воронову, а не на меня, да к тому же теперь и Е.А. и старец о. Варсонофий — оба покойники, и таить благодатного этого сновидения теперь нет причины.

** 1910-й год был первым годом издания «Троицкого Слова».

*** О. И. здравствует и поныне.

Не один уже раз с конца прошлого года начинал заводить со мной старец речь о «клевете человеческой», и всякий раз беседа наша на эту прискорбную тему прерывалась на начальном полуслове столь же неожиданным образом. Знаю, что там где-то в пространстве кто-то что-то замышляет против нашего оптинского уединения, но кто и почему, так и не удается мне дознаться от своего старца.

— Годочка два, ну три поживите, — говорил нам в 1907-м году о. Егор Чекряковский, благославляя нас на поселение в Оптиной. Два года исполнилось, начинаем жить третий, и «кто-то» уже начинает подрывать наши корни в святой земле оптинской.

Тому, видно, быть — не миновать! Буди воля Божия.

* * *

Вернувшись из скита домой, застали целое общество, в том числе дорогого нашего духовного друга о. Н[ектария] и одну помещицу, духовную дочь старца о. Амвросия, поселившуюся жить, ради Оптиной и ее старцев в лесной сторожке соседнего с Оптиной помещика К[ашки]на.

— Мне К[ашки]на¹³⁴ говорила, — так за беседой у самоварчика сказывала нам пустынножительница-помещица, — что по милосердию и любви Божьей все, даже нераскаянные злодеи и отступники, скорбями и земными страданиями спасутся. Мне это кажется правильным. Как думаете об этом вы, отец Н[ектари]й? — обратилась она к нашему другу.

— Два, — ответил он кратко, — разбойника висело на крестах рядом со Спасителем, а в рай вошел только один.

— Ах, какая правда! — воскликнула она. — Как же это мне не пришло в голову так ответить К[ашки]ной?

Оттого и не пришло, — подумалось мне, — что ты, матушка, не отец Н[ектари]й.

* * *

Посидели гости наши и вскоре ушли, а мы, в свою очередь, оделись и пошли вдвоем с женой гулять мимо заветных старческих могилочек в чудный монастырский лес. Было уже довольно поздно. Солнце склонялось к закату, небо было покрыто мрачными тучами; кое-где на западе их пронизывали сверкающие, прощальные лучи заходящего солнца. Было довольно холодно и ветрено... От могилочек великих старцев мы пошли по направлению к скиту. В это мгновение солнце ударило из-под туч косыми лучами по верхам архимандритского корпуса, канцелярии и

братских келий и заиграло на них таким густым, ярко-малиновым огненным светом, что мы остановились, как зачарованные, пред красотой волшебных красок, каких не найти ни на какой палитре. А когда мы вышли за ограду и обернулись еще раз взглянуть на монастырь, то даже ахнули от изумления: весь верх архимандритского корпуса стороной, обращенной к солнцу, горел, как пламенный уголь. Незабываемо-красивое и вместе почему-то жуткое было это зрелище... Но что творилось в это время в лесу, осеняющем скитскую дорожку, того ни в сказках сказать, ни пером описать невозможно. Лес горел, каждое его дерево горело и сквозило огнем, как сквозит и пламенеет полоса железа, только что вынутая из горна кузнечными клещами. Деревья не отражали кроваво-огненных лучей заката, а насквозь ими светились своим внутренним огнем. Это был пожар леса, но без дыма, без треска и шума пожара. До чего же это было красиво и... страшно, и глаз невозможно было оторвать от этой волшебной картины.

Не грозит ли небо духовным пожаром дорогой обители? Не огонь ли небесный готовится свыше излиться на мир великого отступления? Не оттого ли так и страшно, и жутко стало моему бедному, робкому человеческому сердцу?

Как знать?..

8-го МАРТА

«Николай-Подкопай»¹³⁵

Носил к о. архимандриту деньги за квартиру и задержался у него беседой о делах житейских. Невесело глядит и авва наш на то, что творится там, за оградой монастырской. За беседой я рассказал ему трогательную историю Александра Гадалова, сообщенную мне Е. А. Вороновой.

— Ну, что вы скажете, батюшка, — спросил я, — о чуде Святителя Николая с Гадаловым? Как вы к этому чуду относитесь?

— А вам, — на мой вопрос ответил вопросом о. архимандрит, — известно ли сказание о чудотворной иконе Святителя Николая в Москве, что в церкви, известной под именем «Никола-Подкопай»?

— Что то не слыхивал.

— Ну, так послушайте! В какой местности Москвы находится эта икона, это мне неизвестно, но я твердо знаю, что она есть и носит именно то название, которое я вам сказывал. В том приходе, в церкви которого нахо-

дится эта икона, жил один богатый купец. Человек он был честный и глубоко верующий, как и большинство русских православных людей того времени. Особенную же веру он имел к Святителю Николаю, икону которого в приходе своем чтит какой-то особенною, чисто сыновнею любовью, часто служил пред нею молебны и всегда усердно, с любовью молился. Случилось так, что его подвели в одном крупном торговом деле и, воспользовавшись его доверчивостью, кругом так обманули, что он лишился разом не только всего своего достояния, но запутал и других, веривших его честности. Положение его было во всех отношениях отчаянное. И усилил тут купец усердную свою молитву к Святителю Николаю, неотступно стал ему молиться день и ночь, умоляя его о помощи. И вот, помолившись ему как-то раз на сон грядущий с великой верой и обильными слезами, лег купец этот спать и видит в тонком сне, стоит перед ним великий Святитель Божий и говорит ему:

— Не плачь, я выручу тебя из беды. Ступай, сними с иконы моей ризу и продай ее. Что за нее выручишь, пусти в оборот; а как разбогатеешь, расплатишься с долгами, сделай на мою икону новую ризу, но только смотри, чтобы она было точка в точку такая же, как старая.

А риза на иконе той была богатейшая — чеканного золота, вся усыпанная бриллиантами и драгоценными камнями большой ценности.

— Как же я это могу сделать, — спрашивает купец, — когда икона стоит в храме? Кто же мне это позволит?

— Позволю я, — сказал Святитель, — я ей хозяин, а ты слушай, что я тебе говорю. Вот придет ночь, ступай ты на церковный двор к храму, подкопай под ним стену и через подкоп влезь в храм да сними ризу.

— Да ведь это — святотатство! — возражает купец.

— Говорю тебе, я — хозяин! — ответил Святитель и стал невидим.

Купец проснулся весь в слезах от умиления и благодарности.

Пришла следующая ночь. Помолился купец Богу и Св. Николаю, взял кирку, лопату и пошел добывать ризу со Святительской иконы. Ризу добыл, принес домой, драгоценные камни вынул, а золото сплавил — все сделал без помехи, по святительскому благословию. Большие деньги выручил тогда купец за ризу эту, обернулся в своих делах и разбогател пуще прежнего. Когда вошел он вновь в силу и настало, стало быть, время исполнить повеление Святителя о сооружении на его икону новой ризы, тогда пошел купец к приходскому своему батюшке и говорит ему:

— Хочу послужить великому Божьему угоднику, Святителю Николаю: благословите, — говорит, — батюшка, соорудить ему новую ризу на икону.

— Доброе дело надумал ты, раб Божий, — благословляет его батюшка, — только к чему ему риза, когда на его иконе и старой ризы цены нет?

Такое чудо сотворил Святитель: ризы на его иконе давно нет, а она всем видится — никому и в голову не взоидет, что снята, продана, а купца — на корень поставила.

— Знаю, батюшка, — говорит, — что и старой цены нет, да таково мое усердие: хочу новой ризой украсить Святителя, да еще ровно такой, какая на ней и раньше была, чтобы и видом своим, и ценностью ничем не отличалась от старой.

Видит батюшка, что купца не переупрямишь, а жертва его богатейшая.

— Ну, что ж, — говорит, — с тобой делать? — Делай, как хочешь: Бог благословит.

И вот, соорудил купец новую ризу, во всем подобную старой. Дивятся прихожане вместе со своим батюшкой, дивятся и радуются богатейшему вкладу. Когда пришло время облачать икону новой ризой, отслужили торжественно Литургию при полном храме молящихся. После Литургии, перед молебном Святителю, стали надевать ризу на икону, и еще больше дивятся прихожане: новую ризу надевают на старую...

— Да хоть бы старую-то сняли! — пронеслось тихим шепотом по Божьему храму среди молящихся...

Прижали к старой ризу новую, как пришили; хотели было начинать и молебен, да остановил жертвовател. Выступил он вперед, положил три поклона Святителю, оборотился к народу да и стал говорить ему про скорби свои, про явление ему Святителя и про Святителево великое чудо. По церкви ровно стон пошел: кто верит, а кто не верит; ведь старую-то ризу все видели, и как на нее новую надевали, тоже все видели — что такое говорит он? Не с ума ли свихнулся?.. Слышит это купец, да и говорит мастеру, что новую ризу делал:

— Сними ризу!

Сняли, а под ней никакой старой и нету. Что тут после того с народом стало, и пересказать невозможно...

Вот с той поры и зовется приходский тот храм «Никола Подкопай». Вот, мой батюшка, Сергей Александрович, — закончил свой рассказ, отпуская меня о. архимандрит Ксенофонт, — какие в старину-то, еще недавнюю, чудеса на Руси Православной бывали!

Пришел я от о. архимандрита домой, рассказываю, что слышал, а наша Ляля:

— У нас в Тамбове, — говорит (она Тамбовская), — еще на моей памяти точно такой же случай был со Святителем и с обедневшим сапожником:

тоже явился сапожнику Святитель и так же велел ему для поправки дел снять со своей храмовой иконы драгоценную ризу, а когда разбогатеет, сделать новую, подобную.

Трогательно, умилительно и как по-христиански! — Одежду с себя снимает Божий угодник, чтобы одеть ею неимущего...

«Социализм это — завершение христианской морали, — внушают нам мудрецы века сего, — он есть не что иное, как ее последнее, современное, заключительное и совершенное слово».

Социализм, — говорят христиане, — учит отнимать у ближнего его достояние; христианство — отдавать свое. Похоже!..

Поди-ка, попробуй отнять у верующего православного его преисполненную чудес любви веру, его бессмертную надежду!..

9-го МАРТА

Ожидание близости Страшного Суда. Съезд раввинов.
Банкир Шиф и «враг рода человеческого».

Сегодня получил письмо от одного иерея Божия, пишет:

«...Страшная мысль смущает ум, что признаки близкого пришествия Спасителя и Страшного суда Его уже открываются. Эти землетрясения, это наводнение в Париже* — все эти поразительные явления заставляют глубоко задуматься, тем более, что они предсказаны словом Божиим. И сбывается Писание, что в последние дни будут чудеса и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма (Деян. II, 19). Знамения на земле мы уже видим, да и на небе показываются**».

Эта комета, появившаяся на *западе* и вызвавшая столько толков, так ярко блеснувшая и так быстро исчезнувшая, не есть ли она вестник явления миру антихриста или его пророка, подобно звезде, некогда явившейся на *востоке* и бывшей вестником рождества Спасителя Самого Христа? История человечества на всем протяжении своем имеет столько доказательств того, что небесные явления были знамениями для земли. Еще приводит в смущение это повсюдное стремление к единению: эти международные съезды и конгрессы, этот «волапюк»¹³⁷ или «эсперанто»¹³⁸ — международные языки. Не наводит ли все это на мысль, что человечество близко к соединению в единую государственную семью, пока внеконфессиональную, а за-

* Известное наводнение среди зимы 1909/10 года.

** Комета Галлея¹³⁶.

тем с новой единой религией, общим для всех царем и... новым «богом»? Подножие престола и алтарю этому новому царю и богу уже сооружено из всеобщего преклонения пред слитым всемирным иудеем золотым тельцом. Не замедлит явиться и «сидящий». И то, что прежде казалось странным, как это антихрист должен произойти из еврейского народа и быть обладателем всей земли (я, по крайней мере, не мирился с этою мыслью), то теперь с несомненной ясностью видишь, как жизнь всех народов опутана одними и теми же еврейскими путями, которые все более и более стягиваются и ныне грозят всему человечеству одною общею мертвою петлею. И вижу я, и чувствую теперь, что немного уже остается времени для исполнения всего, от века предреченного».

Так пишет иерей Бога Вышняго. Надо ли отмечать, что его мысль — ныне мысли всего искренне и истинно верующего христианского мира?!

* * *

В Петербурге директор департамента духовных дел Харузин¹³⁹ открыл всероссийский съезд еврейских раввинов.

* * *

В Соединенных Штатах Северной Америки еврейский банкир Шиф¹⁴⁰, финансировавший Японию в войне ее с Россией, вновь грозит «страшной» войной России, этому, по его выражению, «врагу рода человеческого».

Он прав, этот еврейский финансовый король: Россия действительно враг человеческого рода, если только стать на точку зрения морали талмуда, по которой только одни евреи люди, а все остальное человечество — скот с человеческими лицами, предназначенный для рабского услужения «князьям мира», евреям. Пока Россия православна, она не склонит своей головы под пяту Шифа и компании. Как же еврею не называть Россию «врагом рода человеческого»?!

Все это знамения. Но кто за ними наблюдает? Кому до них дело?

10-го МАРТА

Никитушка-блаженный.

Пишет мне из женской обители одна раба Божия:

«...Извините меня. Может быть, я и затрудняю вас, но сама не знаю, зачем и почему хочется мне рассказать вам об одной своей сокровенной

любви — о Никитушке-нищем. Душа моя при воспоминании о нем полна слез, и я, конечно, не передам желаемого так, чтобы вы совсем ясно представили себе духовный образ этого человека. Мы знаем Никитушку давно, хотя он ходит к нам в обитель очень редко (не чаще двух раз в год). Говорят о нем крестьяне, что прежде они его знали «умным» и богатым. Он когда-то хорошо торговал в Туле, но вдруг с ним что-то случилось, и он переменялся вкорень: распродал почем попало свое имущество, сделался дурачком и пошел нищенствовать. Быть может, тысячи людей, среди которых ходит Никитушка, считают его за самого обыкновенного нищего, но я и, кажется, вся наша Община думает о нем как о великом человеке Божием, превратившемся уже в Ангела. Нельзя вспомнить о нем без волнения, нельзя не любить его любовью о Христе, безконечной и пламенной. Хочется его так любить, как не любило его на земле ни одно человеческое сердце и как умеют любить и любят его только небесные силы Ангельские...

Никитушка наш роста довольно высокого, худощавый, широкоплечий, волосы стриженные с большой проседью; лицо всегда запачканное, и на грязном лице этом чудные, ясные, голубые глаза цвета чистейшего весеннего неба. Одевается Никитушка всегда — лето и зиму — в плохую, холодную одежду и лапти. На вид ему лет шестьдесят. Слух в народе ходит, что он иногда из своего тела вырывает куски мяса, но что пораженные места у него как-то необыкновенно быстро заживают; иногда пачкается рудой или грязью, вызывая тем против себя всякие издевательства со стороны всегда безжалостных деревенских мальчишек. Если бы знали вы, какое неизреченное смирение, золотое и совершенное — ужас какой-то смирение, — имеет этот нищий. Когда он приходит к нам в обитель, он целует пороги, полы, стены, камни, лужи, грязь; иногда языком делает на земле или на церковном полу крест... Говорит Никитушка очень мало и не всегда понятно. Как-то одна из наших монахинь, будучи больной, позвала его к себе в келью. К удивлению всех он послушался и пришел. Монахиня попросила у него святых молитв, он тотчас же стал молиться перед ее иконами, только вместо молитвы он с невыразимой быстротой стал перечислять по парам разных животных и птиц: голубь и голубка, петух и курица, волк и волчица и т. д. Надо думать, что он испугался, как бы она не приняла его за святого, раз надумала у него просить святых молитв, вот он и поспешил изобразить из себя полоумного. А, может быть, и иное что: кто может постичь вполне таких рабов Божиих?.. Только монахиня та не смутилась этой странности и осталась с твердой верою в его святость... Пришлось мне однажды, выходя из церкви, увидеть его около церковного крыльца; в руках у него была старенькая деревянная чашечка на ремешке.

Я обрадовалась его приходу, нежно-детскому виду и, целуя его худой кафтан, подумала: вот он святой! Никитушка шепотом ответил на мои мысли вразумительно:

«Все святии, все святии!»

Из благовейного к нему страха, чувствуя свою греховность, я никогда не беспокоила его словами и отходила скорей, чтобы вниманием к нему не прогнать его из обители, так как стоит только отнестись к нему повнимательней, как он тотчас же удаляется с быстротою вспугнутой ласточки. На первый день Великого поста Никитушка был у нас. Я выходила от вечерни и встретила с ним у крыльца. Он упал передо мной, приник головою к оледенелой земле, попросил благословения и молча, крепко поцеловал мне руки. Сердце мое всегда считает счастливым те мгновения, когда я стою перед ним. — «Я всегда покоряюсь вашему благоволению», — скажет он с ясным светом в глазах и улыбкой младенца: и какое-то блаженное, трогательное чувство затрепещет в моей груди. После я долго плачу в своем уголке, думая о нем; где-то ты умрешь, дорогой мой, никому не понятный, неуловимый, всем чужой, но в моей памяти навеки запечатленный? Кто будет тебя хоронить? Кто станет, прощаясь, целовать твои грязные святые руки, омывая их слезами?.. Боже мой, Боже мой! Я верю, что на грязь той дороги, где будет умирать этот Божий странник, этот самоотверженный, так жестоко самораспявшийся смиренник, Ты пошлешь целый лик Святых Твоих Ангелов, и они унесут его благоуханную душу в тот великий свет, которого нам никогда не видать! Там, Господи! прими его о нас, грешных, молитвы!..»

Кончается удивительное письмо это словами:

«Еще раз прошу прощения! Интересен ли вам наш Никитушка и моя к нему любовь? Думаю — мало. Но, написавши вам о нем, я почувствовала на душе облегчение. Возможно, что и вы заочно полюбите его...»

Какие есть у Тебя еще и доселе, Господи, сокровенные сердца и души! Какое богатство неизмеримое любви, смирения и всякой милости!

14-е МАРТА

Кончина монаха Феодосия. Его тетрадка. Знамение у нас в крещенской воде.

На днях скончался мантийный монах о. Феодосий¹⁴¹. Он был регентом за ранней обедней. За неделю перед кончиной был пострижен в схиму. Доброй и внимательной жизни был монах и, по нашим мирским понятиям, интеллигентный. Рода он был купеческого и годами нестарый — годам

к пятидесяти пяти, не старше. Умер от какой-то хронической болезни сердца. Много терпел скорбей и даже раз выходил из Оптиной, но вновь вернулся и дожил свой век благополучно в родном монашеском гнезде. Пред кончиной ежедневно причащался Святых Христовых Таин.

Один из близких к покойному о. Феодосию монахов принес мне сегодня оставшуюся после него тетрадку, и в ней я нашел следующую его собственноручную запись:

«Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я, многогрешный Феодор (до мантин его имя), недостойный раб Господа и Бога моего Иисуса Христа, рясофорный послушник святой Оптиной Пустыни, пишу эти строки не из какого-либо вымысла или лжи, но сущую и неложную правду. Да будет вам, отцы и братья мои, моя эта повесть не на соблазн, а для душевной пользы.

1893-го года, декабря 16-го дня, Господь посетил меня болезнью, и я сделался жестоко болен инфлуенциею. Лечил меня врач Оптиной Пустыни о. Димитрий. 18-го декабря вечером я сделался очень слаб. В это время меня посетил иеромонах о. Варлаам¹⁴², пришел и врач о. Димитрий, который стал меня спрашивать о здоровье и начал мне примачивать голову эфиром. Тут я почувствовал во всех членах онемение, и в мгновение кровь моя совершенно застыла, и я сделался недвижим. И вот, слышу я, кто-то говорит:

«Не бойся, ничего не страшись!»

В это время сделался страшный и непонятный шум и стук, как от множества едущих по каменной мостовой экипажей, и кто-то тут же ударил меня по голове каким-то орудием так сильно, что и покров моей келлии тоже слетел. И увидел я свое тело, как какое-то брошенное платье. Тут под руки меня взяли двое монахов, один — о. Варлаам, а другой неизвестный; оба в мантиях. Они подняли меня на воздух, и долго мы неслись в высоту. По всему воздушному пространству и на всем нашем пути мне ничего не было видно, но со всех сторон был слышен страшный шум. Определить его или применить к чему-либо земному никак нельзя, но только в это время душа моя трепетала. И когда донеслись мы, казалось, до самого предела неба, тут нас внезапно облистал необыкновенно-яркий свет, как бы луч какого-то ярчайшего солнца, бесконечно светлейшего нашего земного солнца. Это продолжалось только мгновение. И мы стали спускаться вниз. Но чудесное то осияние с такою силой запечатлелось в моей душе, что я от восторга во весь обратный путь книзу только и мог что твердить:

«Слава Тебе, Господи! Благодарю Тебя, Господи! Ничего я плохого для себя не вижу».

И мы по воздуху опять спустились к моей келье. И вижу я, что над моей кельей, на воздухе стоит некий муж и некая жена, но лиц я их не вижу. Когда же мы спустились в келью, то я увидел, что посреди ее на полу стоит гроб и в гробу мое тело. По сторонам гроба сидят два монаха. Один из них говорит:

«Что нам нужно теперь делать?»

Жена, виденная мною, отвечает:

«Возвратите его, а болезнь оставьте ему: пусть прославляет Бога, как прославлял Его».

В это время я посмотрел на северо-западную сторону и увидел провал земли, и из него вылетает пламя и страшный дым. От страха я очнулся и увидел себя лежащим на койке, и около меня не было никого.

Богу одному известно, была ли в это время душа моя в грешном теле или это представлено мне из сна, но как было от начала до конца, говорю, что видел, и это сущая правда.

Прошу вас, отцы и братия, помолитесь о мне многогрешном ко Господу Богу, да помилует меня. Грешный ваш собрат, Феодор Ширнин».

* * *

Отец Феодосий скончался 9-го или 10-го марта. Видение его прообразовало последующую жизнь его и кончину: болезнь его была с ним неотлучной спутницей во все дни его жизни, а жизнью своею он, действительно, славил Бога. Замечательным показался мне конец его видения — провал, дым и пламя. Не пришел ли конец земной жизни о. Феодосия к тем дням, которые в книге жизни предназначены стать днями пятого апокалипсического Ангела, когда *«отворится кладезь бездны, и выйдет дым из кладезя бездны, как дым из большой печи, и помрачится солнце и воздух от дыма из кладезя»* (Ап. IX, 1, 2)? Современность на то похожа...

* * *

В той же тетрадке о. Феодосия было записано его рукою следующее:

«Пристав¹⁴³ 2-го стана Горбатовского уезда Нижегородской губернии получил от урядника донесение и письмо, написанное к уряднику церковным старостой села Епифанова Горбатовского уезда. В письме дословно написано было следующее:

«Сим имею честь просить вас, чтобы вы приехали к нам в село Епифаново сего года 21-го мая, т.е. в воскресенье, к литургии, так что [sic] у нас

будет освящение источника, который находится при часовне, где и чудотворная икона Тихвинской Божией Матери. Вот у нас в источнике сотворились чудеса, каких никто не слыхивал и не видывал. Сначала этот источник замерз в конце месяца марта. 15-го мая стали лед пробивать, но не могли пробить. Потом пришлось его разрыть. Разрыли и лед пробили. В этом льду оказались чудеса, такие чудеса! Было изображение нашего храма, паникадила, изображение Господа Иисуса Христа в темнице, Божией Матери, колокола и креста над ним. Прошу приехать без всякого отлагания. Церковный староста Иван Савин».

24-го мая Пристав 2-го стана составил в селе Епифанове протокол следующего содержания:

«Близ села Епифанова, приблизительно в полуверсте от него, находится деревянная часовня, в которой устроен колодец над родником. Родник этот издавна привлекал к себе не только жителей окрестных селений, но и дальний народ. Из него брали воду, которую считали целебной. Никто из жителей не помнил, чтобы родник этот когда-нибудь замерзал, и когда он замерз, то это крайне удивило прихожан, и они обратились к местному священнику о. Михаилу Студенецкому с просьбой о молебствии, которое и совершено было 8-го мая. Однако вода не появилась. 16-го мая стали рубить землю в часовне, чтобы вынуть чан, помещавшийся в колодец. Земля была настолько замерзшая, что с трудом поддавалась топору. 17-го мая чан вынули с частью льда, и тотчас показалась вода. Затем из чана стали выламывать лед и выбрасывать его в сторону. Находившийся тут же крестьянин села Епифанова Савин обратил внимание на лед, который был необыкновенно светлый, поднял одну льдину величиною с поларшина и заметил в ней изображение паникадила, нескольких подсвечников и лампад; вещи эти казались в середине льда, как будто сделанные из серебра. Савин тотчас предъявил льдину и другим, и все видели те же самые изображения. Другие льдины после этого также стали поднимать, и в них оказались разные изображения; так, в одних ясно замечались присутствующими колокольня и отдельно колокол с крестом сверху; в других льдинах были изображения Иисуса Христа в темнице, Божией Матери, пред Которой на коленях стоит молящийся. Все эти изображения представлялись сделанными из серебра. Изображения пропадали по мере таяния льда, но их можно было наблюдать в течение трех дней, пока лед окончательно не растаял. Слух об этом сверхъестественном явлении так быстро распространился, что за три дня приходили и видели изображения в льдинах тысячи народа. Упомянутые льдины с изображениями находили затем

в течение трех дней, пока не растаяли, у священника Студенецкого, который и подтверждает изложенное в настоящем акте, написанном при дознании с показания очевидцев. Подписано священником Михаилом Студенецким, сельским старостой Андреем Лисиным, церковным старостой Иваном Савиным и многими крестьянами. Народ тысячами продолжает стекаться к роднику, и 21-го мая было свыше 5[-ти] тысяч человек».

Таков акт дознания станowego пристава, копия с которого найдена мною в тетрадке почившего о. Феодосия.

Сбоку приписка о. Феодосия: «было это в мае 1900-го года».

* * *

Читал я это вечером моим домочадцам, а Ляля* и говорит:

— А помните, как в моей бутылке нынче зимой замерзла крещенская вода?

Я вспомнил: вода замерзла только внутри, а у стенок бутылки она оставалась талой. Замерзши же внутри, она своей льдиной представила точное подобие дерева, по виду — елки.

— Она потом у меня оттаяла, — продолжала Ляля, — и вновь замерзла, как и прежде, но уже не в форме дерева, а рыбы, хвостом вверх. И так это было похоже на настоящую рыбу, что даже видна на ней была каждая отдельная чешуйка. Наши на кухне все это видели и дивились.

Я объяснил Ляле, что образом рыбы первые христиане изображали Самого Спасителя, ибо греческое слово Ιησους пятью своими буквами дает начертание пяти начальных букв имени Господа:

Ι — Ιησους — Иисус

Χ — Χριστος — Христос

Θ — Θ(Θ)εου — Божий

Υ — Υιος — Сын

ς — σωτης — Спаситель

Ляля так и ахнула, когда я это ей разъяснил.

Вот такие чудеса заключены бывают в тайниках нашей веры.

О, дивная вера наша!

* О ней см. «На берегу Божьей реки», 292–293 стр.145

17-го МАРТА

Болезнь отца Н[ектари]я. Его видение.
Умилительная сценка и диалог между старцами. Старая и новая Россия.

Ходил сегодня в нашу Оптинскую больницу навещать больного друга нашего отца Н[ектари]я. Уже 4-й день идет, как его привезли из скита и поместили в ту самую келью, в которой только что скончался о. Феодосий. К великой радости нашел батюшку на пути к выздоровлению. Отец Н[ектарий] встретил меня сообщением, что его всю ночь беспокоил страшный сон, виденный им с необыкновенной ясностью.

— Что же видели вы? — спросил я с особым интересом, зная духовную высоту нашего батюшки.

— Революцию в России видел, страшный мятеж.

Дальнейшее повествование прервано было появлением больничного монаха-фельдшера, пришедшего измерить температуру больного. К великой моей радости, температура оказалась уже нормальной.

По уходе фельдшера мне довелось быть свидетелем умилительной и незабвенной сценки. Не успели мы обратиться к прерванному повествованию, как вошел, помолившись, один из самых уважаемых Оптинских старцев, живущий в больнице на покое¹⁴⁴. Смотрю: в руках у старца что-то припасено вроде «утешения» для болящего... После взаимного приветствия, взошедший старец раскрыл свою ручку и на ее ладони, на чистенькой бумажке оказались три фигурные мармеладки. Старец с несравненно-милой улыбочкой на детски-ясном лице стал степенно снимать с бумажки одну мармеладку за другой и подносить их поодиночке нашему другу, приговаривая:

— Вот вам, батюшка, отец Н[ектарий], как изволите видеть, лапоточек. Простите только, что с подошвы его мы снежку стряхнуть не успели.

А снежок на мармеладном лапотке — несколько песчинок сахарного песку.

— А это, — продолжает в том же духе старец, — среди зимы вам земляничка!

И «земляничка» таким же образом перешла из рук в руки о. Н[ектари]ю.

— А это, уж извините, один только ломтик апельсина.

И тут оба старца засмеялись таким ангельски-детским смехом, что глупые мои глаза даже слеза прошибла.

Принял о. Н[ектари]й богатые эти дары, положил их бережно на спальный столик и сказал:

— А лапоточек-то ваш, мой батюшка, вишь ведь, что привел мне на память! Великий царь Петр до всего, как вам известно, старался доходить своим умом и личным опытом: он и плотничал, и столярничал, и на кузне работал; добрался, наконец, и до лаптей — задумал сам попробовать лапти сплести. Вот он и стал их ковырять, плел, плел, а там взял их да и отбросил к сторонке, примолвив с неудовольствием: «Зело, — говорит, — дело многодельное и малоприбыльное». — Так вот, мой батюшка, захотелось царю лапти плести, а как не царское то дело, то пришлось и бросить.

И оба старца опять засмеялись, до слез, без слов рассмеялись, и только старец-даритель сквозь смех успевал, нет-нет, да и вставить словечко:

— Ну, и о Н[ектари]й! Ну, и затейник! И откуда только он все это знает?

А у меня слезы — кап, кап! Надо знать, как я, глубину смиренно-мудрия и духовного разума обоих святых старцев, чтобы по достоинству оценить успех и для них, и для меня этих невинных шуток, этого наивного смеха — всей этой евангельской чистоты сердца, этой детскости духа во плоти ангелов, выну зрящих лице Отца Небеснаго... Вот она, старая великая Россия!

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В красоте¹⁴⁵ твоей смиренной...

19-го МАРТА

Мало «разумеющих». Подробности видения о Н[ектари]я.

Вчера исполнился год со дня кончины схиигумена Марка¹⁴⁶. Когда перед самой кончиной его мне довелось иметь с ним беседу о событиях и знамениях времени, великий старец сказал мне:

— Как мало, кто истинное их значение понимает!

За истекший год еще более, думается, поредели ряды «разумеющих» и не только в мире, но даже в святых обителях.

* См. «На берегу Божией реки», 90–95 стр.

О. Н[ектарий] все еще в больнице. Сегодня я опять заходил навестить его. Спросил о его сновидении.

— Оно было мне почти во всю ночь, — сказал батюшка и поведал мне в общих чертах его содержание. — Во всех подробностях, — прибавил он, — слишком долго рассказывать. Вот главное: вижу я огромное поле, и на поле этом происходит страшная битва между безчисленным полчищем богоотступников и небольшой ратью христиан. Все богоотступники превосходно вооружены и ведут борьбу по всем правилам военной науки, христиане же безоружны. Я, по крайней мере, никакого оружия при них не вижу. И уже предвидится, к ужасу моему, исход этой неравной борьбы: наступает момент конечного торжества богоотступнических полчищ, так как христиан почти уже и не осталось. По-праздничному разодетые толпы богоотступников с женами и детьми ликуют и уже празднуют свою победу... Вдруг ничтожная по численности толпа христиан, между которыми я вижу и женщин, и детей, производят внезапное нападение на своих и Божьих противников, и в один миг все огромное поле покрывается трупами внехристовой рати, и все неисчислимое скопище ее оказывается перебитым и притом, к крайнему моему удивлению, без помощи какого бы то ни было оружия. И спросил я близ стоящего от меня христианского воина:

— Как могли вы одолеть это несметное полчище?

— Бог помог! — таков был ответ.

— Да чем же? — спрашиваю. — Ведь у вас и оружия-то не было.

— А чем попало! — ответил мне воин.

На этом окончилось мое сновидение.

Эту странную и чудную повесть услышал я сегодня из уст нелживых и благодатствованных иерея Божия о. Н[ектария], иеромонаха святой Оптиной Пустыни. Сон этот привиделся о. Н[ектарию] в ночи с 16-го на 17-е марта сего 1910-го года.

Как разуместь сон этот? Знаменует ли он победу Православной России над богоотступническим миром и продление Божьего благоволения грешной земле, или же он является провозвестником конечного торжества малого стада Христова над последним великим отступлением, когда уже явится незаконный антихрист, *«его же Господь Иисус убиет духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего?»* Поживем — увидим, если... доживем. Но сон этот неспроста и утешителен, как в том, так и в другом смысле.

25-го МАРТА

Благовещение

«Врагу» нейдет. Резолюция преосвященного Григория.

По народному поверию сегодня даже и птица гнезда не вьет, так велик сегодняшней праздник. Но врагу рода человеческого нейдет и в этот день. Приходил кое-кто из друзей оптинских и с горечью рассказывал о доносе, написанном на нашего авву-архимандрита кем-то из лжебратии. Один из присутствовавших, старожил оптинской, напомнил о подобном же случае, бывшем с восстановителем Тихоновой Пустыни¹⁴⁷, игуменом Моисеем¹⁴⁸, выходцем и воспитанником оптинским. На него тоже враг-диавол воздвиг было гонение чрез некоторых братий, послушных его внушениям: тоже был написан донос и представлен епископу. Епископом тогда был великий монахлюбвец и защитник доброго иночества, владыка Григорий¹⁴⁹. Вызвал к себе владыка доносчиков.

— Вы, — спрашивает, — это писали?

— Мы.

— А кто вас принимал в обитель?

— Игумен Моисей.

— А не вы его?

— Нет.

— Ну, так вот вам моя резолюция!

Взял и разорвал донос на мелкие клочки.

— Вам же, — продолжал он, — сказываю, что, если кто из вас вздумает еще пикнуть, того я обращу в первобытное состояние и упеку в такие края, куда и Макар телят не гонял. Поняли?

— Поняли.

— А теперь возвращайтесь в монастырь и в соборе, при всей братии, кланяйтесь в ноги игумену и просите прощения.

Игумена Моисея вслед за доносом владыка возвел в сан архимандрита. Тем дело и кончилось.

Увы! не те теперь времена, не те люди...

КОММЕНТАРИИ

Издатели настоящих текстов С. А. Нилуса стремились максимально точно воспроизвести авторскую орфографию. Поэтому, хотя тексты публикуются по нормам современной орфографии, издатели сочли возможным в виде исключения сохранить дореволюционное правописание в случае приставки без- (не изменяя ее написание перед глухими согласными), а также в некоторых других случаях.

I

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИЛУС

Краткое жизнеописание автора

Печатается по: *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки. San Francisco, Cal.: Изд. братства преподобного Германа Аляскинского чудотворца, 1969. Ч. 2.

¹ См.: *Стрижев А. Н.* Мяловка // К Свету. 1993. № 3–4. С. 15–16.

Отцом Сергея Александровича был, вероятно, *Александр Петрович Нилус*, зажиточный помещик Орловской губернии, записанный в 1849 г. коллежским секретарем и смотрителем учреждений общественного призрения в Калуге. Дед, *Петр Богданович Нилус*, генерал-майор артиллерии был записан в московское дворянство. Предки по отцовской линии — в большинстве своем аптекари, но также чиновники и военные — восходят своими корнями к Иоганну Леонарду Нилусу, который упоминается в документах 1719 года как аптекарь в С.-Петербурге (в 1735–1742 гг. он заведовал аптекой адмиралтейства в Кронштадте).

Брат С. А. Нилуса — *Димитрий Александрович*, также окончивший юридический факультет Московского университета, стал позднее действительным статским советником (1902), председателем Московского окружного суда (1909–1913). Возможно, у С. А. Нилуса был и еще один брат — *Андрей* (1858 † 1941) — генерал-лейтенант артиллерии, эмигрировавший после революции в Югославию и умерший в Хомсе (Сирия). (Все приведенные сведения предоставлены доктором Михаэлем Хагемайстером (Марбург), получившим их, в свою очередь, от проф. Э. Амбургера).

Сам С. А. Нилус пишет о том, что его родители были людьми нецерковными, «общего, так сказать, платонически-революционного духа избежать не могли». Нилусам принадлежал игорный дом на Мясницкой улице в Москве. Градоначальник Закревский пытался выселить их из первопрестольной.

Отдельные упоминания об А. П. Нилусе и его брате находятся в письмах И. С. Аксакова к родным (см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным, 1844–1849 гг. М., 1988. Благодарим за справку *Д. А. Моисеева*). Эти отзывы носят весьма пренебрежи-

тельный характер. «Публики почти не было вовсе, был губернатор [Калуги Н. М. Смирнов. — *Сост.*], Хитров и его свита, т.е. Нилус, Трубачев и еще некоторые усачи, которых вы, верно, видали в Дворянском клубе» (№ 63, 29.9.1845, Калуга). В другом письме И. С. Аксаков прямо негодует, как его могли поставить в один ряд вместе с каким-то Нилусом: «...в прошедшее воскресенье является ко мне жандарм с приглашением на чашку чаю к Николаю Михайловичу (т.е. Смирнову). Я потребовал у него листок, на котором написаны имена приглашаемых; всего человек 10, в том числе многие почтенные калужские имена и даже штатские генералы, наконец я н... Нилус. Я не поехал, отговорившись будто бы нездоровьем. В самом деле — как это глупо, звать к себе людей порядочных и Нилуса, известного мошенника» (№ 65, 6.10.1845, Калуга). Еще в одном письме находим отрывок диалога между И. С. Аксаковым и Н. М. Смирновым: «Начал он (губернатор) мне бранить дух и характер провинциального общества, рассказывать намерения свои к улучшению, воспитанию и образованию его, напр., посредством театра, для которого надо сделать особенный выбор пьес хороших... Все это еще ничего, это даже (не по нашему, а по чиновническому выражению) «благонамеренно»! Для этого устроил он дирекцию театра из Яковлева, Нилуса и Мансурова (мерзавца и мошенника отъявленного, но ловкого и говорящего по-французски, а этого достаточно, чтобы пленить сердце Смирнова). — Я спросил его откровенно: «Нилус не тот ли самый, который с братом пользуется такой скверной репутацией?» — «Тот самый, — отвечал он, — но эта репутация несправедлива будто бы, он (Смирнов) познакомился с ним только здесь, нашел в нем человека образованного, по крайней мере, имеющего истинное образование, et c'est quelque chose en province! [а в провинции это уже кое-что! (фр.). — *Сост.*]» (№ 68, 16.10.1845, Калуга). Жалуясь на отсутствие в Калуге не только хорошего общества, но даже просто «короткого человека, с кем» можно было бы «грустить и скучать вместе», И. С. Аксаков заявляет, что не видят нужды «знакомиться с Нилусами и т.п., которых очень много» (№ 73, 3.11.1845, Калуга). Далее он пишет (№ 75, 6.11.1845, Калуга), что «хотя и был третьего дня у губернатора вечер и будет таковой каждую субботу без приглашения, но я не был и, вероятно, никогда не буду, потому что вечера игрецкие, где вся здешняя, чиновничья знать (вроде Яковлева), Нилус и т.п. проигрывают и выигрывают довольно большие суммы для здешних помещиков. [...] Все эти господа, от которых я отклонился, так связаны друг с другом, что уж непременно они всегда вместе, нынче в клубе, завтра в театре, там у Нилуса и пр. и пр.». Наконец, в том же письме встречаем фразу: «За обедом сказали, что Нилус накануне выиграл 700 или 800 р. серебром (и, кажется, у Смирнова)». Больше в письмах Аксакова к родным имя Нилуса уже нигде не встречается. А вот в письме О. С. Аксаковой, матери Ивана Сергеевича, от 29.9.1845, читаем: «А как мне противен Нилус. Надо иметь дух и воспитание 18-го века, чтобы терпеть таких людей, и, конечно, в провинциях еще 18-й век продолжается...» А С. Т. Аксаков сообщает сыну (отрывок письма без даты, осень 1845 г.): «В Москве уже не тайна, для чего живет у вас Нилус» (см. прим. к с. 188 на с. 607 указ. изд.). Автор примечаний Т. Ф. Пирожкова на основании этих слов С. Т. Аксакова делает предположение о том, что Нилус мог быть агентом III-го Отделения, а также сообщает (без ссылки), что «С. Т. Аксаков поспешил высказать А. О. Смирновой свои опасения насчет Нилуса, очень желал ее скорейшего отъезда из Москвы, чтобы предупредить в

Калуге о неблагоприятной миссии этого человека».

В настоящее время еще не установлено о каком именно из двух братьев Нилусов в основном рассказывал родным И. С. Аксаков. Но один из них (скорее всего — более часто упоминаемый) является, безусловно, отцом будущего писателя. Следует учесть, что оценка, данная Аксаковым калужскому обществу, довольно поспешна и уязвима, если принять во внимание присущие молодому Ивану Сергеевичу самолюбие и горячность.

² *Нилус С. А. Великое в малом: Записки православного. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 6–8.*

³ *Он же. На берегу Божьей реки: Записки православного. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Ч. 2. С. 122–123; то же. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. Ч. 1. С. 137; он же. Небесные пестуны. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1909.*

⁴ *Он же. Великое в малом. С. 9–13.*

⁵ *Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев, 19.10.1829 † 20.12.1908).*

⁶ *Елена Александровна Озерова (в замужестве Нилус, 27.6.1855 † 10/23.04.1938).*

⁷ *Ее отец — Александр Петрович Озеров (1817 † 1900) — русский государственный деятель, обер-гофмейстер, посол в Афинах.*

⁸ *Протоиерей о. Иоанн Леонтьевич Янышев (1826 † 1910) — духовник Императора Николая Александровича, законоучитель Императрицы Александры Феодоровны, проповедник. Был также духовником Е. А. Озеровой.*

⁹ *По воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой, Нилусы почитали супругу Императора Александра I и считали, что она, подобно мужу, скрылась от мира, приняв тайный иноческий постриг, а затем стала известна как молчальница Вера Александровна († 1861). См. о ней: *Монахиня Таисия [Карцова]. Русское православное женское монашество XVIII–XX вв. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 171–173.* Обстоятельства жизни молчальницы Веры были хорошо известны Елене Александровне. Например, она сообщала, что незадолго до кончины подвижница страдала от весьма болезненного недуга — колтуна на голове.*

¹⁰ *Будущий Митрополит Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий, 17.3.1863 † 10.8.1936) — выдающийся церковный деятель первой половины XX века, один из основателей Русской Православной Церкви Заграницей и ее первоиерарх. Синодом митрополита Сергия запрещен в служении.*

¹¹ *Данное мнение представляется несколько спорным, даже если судить по акварелям Елены Александровны, воспроизводимым в настоящем издании.*

¹² *Наталья Афанасьевна Володимирова (урожденная Матвеева, кузина С. А. Нилуса, 1844 † 17/30.10.1932). А. Н. Стряжевым было обнаружено дело, касающееся надворного советника Е. А. Володимирова (февр. 1796) (К Свету. 1993. № 3–4. С. 34). Известен Володимиров — правый член III Государственной Думы (1907–1912) от Орловской губернии.*

¹³ *Сергей Сергеевич Нилус (1883 † после 1940) — сын С. А. Нилуса от Н. А. Володимировой, родился за границей, внебрачный (признанный Императорским указом 1895 г. законным). На государственной службе с 1904 г. В 1914 г. коллежский ассессор в Министерстве внутренних дел. Вместе с отцом совершил несколько паломни-*

честв по России (напр., поездку к старцу Варнаве Гефсиманскому). С. С. Нилус бежал в Германию, предположительно, зимой 1918—1919 гг., где с помощью правых политических деятелей, таких, как *граф Эрнст Ревентлов* и *Готтфрид цур Бек* (Людвиг Мюллер фон Ганзен), пытался добиться отъезда своего отца за границу. В 1925—1940 гг. жил в Польше. По сведениям *Н. Кона*, находясь в оккупированной гитлеровцами Польше, в марте 1940 г., С. С. Нилус на запрос А. Розенберга отвечал, в частности: «Я только сын открывателя Протоколов мудрецов Сиона С. А. Нилуса... Я не могу и не должен оставаться безразличным в это время, когда судьба всего арийского мира поставлена на карту. Я предчувствую победу Фюрера, этого гениального человека, который также освободит мою бедную страну, и я верю, что я могу внести свой вклад в это в любом отношении. После блестящей победы могучей немецкой армии я... сделаю все, чтобы заслужить право активного участия в уничтожении еврейского яда».

¹⁴ Другую версию того, почему С. А. Нилус не женился на Н. А. Володимировой излагает *кн. Н. Д. Жевахов*. Елена Александровна во время пребывания Нилусов в с. Крутец (1928—29) также рассказывала *М. В. Смирновой-Орловой* о нежелании Володимирова давать разводную.

¹⁵ Впечатления этого периода легли в основу очерка: «Святая Русь. Искатель града невидямого: Иеромонах Оптиной Пустыни отец Даниил (Болотов)» (Великое в малом. С. 275—321).

¹⁶ *Схиархимандрит Ксенофонт* (в миру Василий Ключкин, 1845 †30.8.1914) — настоятель Козельской Введенской Оптиной Пустыни с 17.8.1899.

¹⁷ *Архиепископ Ювеналий Литовский* (в миру Иван Андреевич Половцев, 1826 †12.4.1904), поступил в число братства Оптиной Пустыни 8.2.1850, духовный сын старца Макария.

¹⁸ *Иеромонах Даниил* (в миру Дмитрий Михайлович Болотов, 9.3.1837 †25.11.1907) — оптинский подвижник и тайновидец, близкий друг Сергея Александровича, в прошлом — талантливый портретист. По неподтвержденным сведениям А. Дю-Шайла, у него хранилась рукопись «Протоколов Сионских мудрецов», см. III разд. 2 ч. наст. изд.

¹⁹ *Протоиерей Георгий Алексеевич Коссов* (1855 †1928) — священник села Спас-Чекряк, Орловской губ., Болховского уезда, духовник С. А. Нилуса. См.: Великое в малом. С. 237—274.

В воспоминаниях *Н. Д. Жевахова* читаем: «Знаете ли вы о священнике Егоре Коссове, Спас-Чекряковском... Это сельский священник села Спас-Чекряки Тульской епархии. [...]

Много, много лет тому назад отец Егор был назначен приходским священником в это село. Приход был очень бедный, всего 14 дворов; так себе хуторок, маленький. Церкви там настоящей не было, а стояла ветхая, покосившаяся часовенка, шелесками сбитая, где и отправлялось богослужение, и так было в ней холодно, что даже Св. Дары в Чаше замерзали... Семья у о. Егора была большая, а прокормиться было нечем... И милостыни подать было некому... Вот и взмолялся батюшка Егор к Богу и поплелся пешком в Оптину Пустынь к великому старцу Амвросию Оптинскому с жалобой на свою горемычную жизнь и за благословением переменить приход.

Старец Амвросий выслушал о. Егора, долго смотрел на него, а потом как замахнется

на него палкой, да как ударит по спине о. Егора, так тот чуть без оглядки не убежал от него...

— Беги, беги назад! — кричал о. Амвросий, — беги, слепой... На тебе вот какая благодать Божья почивает, а ты вадумал бежать с прихода... За тобою скоро будут бегать люди, а не тебе бежать от людей...

Вернулся о. Егор домой и затворился в своей убогой церковке, и денно и нощно зывал к Царице Небесной, Матери Божией, о помощи... И скоро прошла о нем молва по всей Русской земле как об Угоднике Божиим, великом прозорливце и молитвеннике. Дошла и до меня его слава. И потянулся к о. Егору и простолоудин, и знатный, и богач, и бедняк, и протест, и ученый... А вместо ветхой церковки стоял уже ко времени моего посещения села храм величавою с нашего Исаакья, а вокруг него каменные корпуса... И чего только там не было. И гостиницы для приезжающих, и богадельня для стариков, и всякого рода ремесленные мастерские, и школы для детей; да и село разрослось так, что вместо 14 дворов стало уже больше сотни... Свыше трех миллионов было затрачено на все эти постройки, как мне говорили. И не было дня, чтобы к о. Егору не приезжали со всех концов России. Простой народ ходил к нему пешком чуть ли не из Сибири.

Вот приехал я к батюшке Егору и хотел по душе с ним поговорить. Приехал нарочно в будний день, чтобы у батюшки было бы больше свободного времени и чтобы не тревожить его в воскресный день. Нужно было из Белева шестьдесят верст проехать на таратайке, и выехав в 6 часов утра, я только к вечеру доехал. Прихожу к нему в домик, а мне говорят — батюшка в церкви. Иду в церковь, а она битком набита народом, все то с бутылками, то с кувшинами, то с какими-то банками стоят. Спрашиваю, почему это, и мне говорят, что батюшка освящает воду, после чего она становится целебною, и больные выздоравливают.

И точно, это была правда: иначе бы не ездил к нему за водою.

Пробираюсь я ближе к батюшке через толпу и вот слышу:

«Батюшка, у меня на прошлой неделе корову украли. Где мне ее искать?» — спрашивает о. Егора мужик. А о. Егор отвечает: «Вот подожди, спрошу Бога; приди завтра, завтра скажу...» Приходит этот человек на другой день, и батюшка говорит ему: «Твою корову увел такой-то в соседнее село! — и называет батюшка и вора, и то село. — Пойди к уряднику и забери корову, она невредима...» Слышу и такой вопрос: «Батюшка, за меня сватаются двое, да не знаю, за кого выходить; за кого скажешь, за того и пойду...»

Батюшка тут же отвечает: «Сохрани Боже выходить за Степана, он душегуб; а выходи за Петра, он хотя и бедный, но с ним спокойно проживешь», — и счастливая девушка почти бегом выбежала из храма...

Видите ли, что делает благодать Божья, какая сила у молитвы!.. Так вот о таких-то священниках газеты не пишут, а знают о них только те, кто сам ищет их...» (Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Князя *Н. Д. Жевахова*. Мюнхен. 1923. Т. 1. С. 405—406).

А вот что писал о. Константин Ровинский (1862 † после 1941):

«В Болховском уезде бывшей Орловской губернии в довольно глухой, отдаленной от

железной дороги его части в селе Спас-Чекряках в 20-х годах настоящего столетия скончался священник о. Георгий, оставивший о себе самую светлую память, как человек и как пастырь, несомненно отмеченный перстом Господним.

Он, как великий молитвенник, и святой безупречной жизни человек, принадлежал к числу таких подвижников благочестия, как покойный о. Иоани Кронштадтский, как батюшка о. Алексий [Мечев], о. Валентин [Амфитеатров] и оптинские старцы: о. Амвросий, о. Анатолий, о. Нектарий и многие другие пастыри нашего отечества, на которых почивала особая благодать Господня.

О. Георгий учился в Орловской духовной семинарии и, будучи в старших классах, сделался духовным сыном оптинского старца о. Амвросия, коим окормлялся. У него не было в епархиальном управлении ни протекции, ни связей, почему, когда по окончании курса духовной семинарии, изъявил согласие сделаться священником, его назначили в один из самых отдаленных приходов глухой части Болховского уезда.

Прибыл он туда с молодой женой и пришел в большое уныние: обширный церковный дом требовал капитального ремонта, храм был деревянный, очень небольшого размера, убогий, ветхий. Когда о. Георгий поднимался по лестнице, чтобы войти в него, то ступеньки скрипели, шатались и поднимались, как клавиши.

Когда же вечером о. Георгий лег спать в одной из комнат дома, жена уже спала в другой, он услышал голос, который ясно проговорил:

— Уходи ты отсюда, мы все равно тебя выживем; лучше добром уйди. — Затем начались «страхования»: ясно слышался какой-то вой и шум; кровать, на которой лежал о. Георгий, кто-то качал из стороны в сторону. Наконец он был выброшен какой-то силой из кровати на пол, причем голос снова проговорил:

— Лучше уходи отсюда, все равно мы тебя выживем.

Страхования продолжались всю ночь, и только под утро о. Георгий забылся в легком сне. Встав усталым, измученным, он рассказал жене о том, что с ним было, и объявил, что едет в Оптину пустынь посоветоваться с о. Амвросием, как ему быть, так как оставаться в селе Чекряках он не может, и в тот же день выехал в Калужскую губернию.

О. Амвросий внимательно выслушал рассказ о. Георгия о бывших с ним страхованиях и сказал:

— Темная сила не имеет никакой силы над человеком, если не будет попущения для его вразумления и исправления, и верующий человек, а тем более иерей не должен ее бояться. Ему известно, чем и как побеждаются козни дьявола.

Когда же о. Амвросий выслушал сообщение о невозможном состоянии храма (деревянного) в селе Чекряках, то сказал отцу Георгию только одно:

— А ты строй новый, большой и каменный.

Все это очень смутило молодого пастыря, и он в тяжелом состоянии духа возвратился в свое село.

Здесь вскоре ему пришла мысль ежедневно среди дня приходить в церковь и служить там молебн Спасителю или Божией Матери (чем псаломщик был очень недоволен).

Несколько дней о. Георгий служил в совершенно пустом храме, но вот однажды во время службы в церковь зашел какой-то старик, в следующий раз пришло еще несколько старух.

В сельских местностях, как известно, церковная служба бывает только в праздники, иногда накануне их, и свободные от полевых работ старые жители села Чекряки, слыша колокольный звон в необычное для них время, стали заходить в церковь не от одного любопытства: им нравилась истовая, проникновенная неторопливая служба о. Георгия.

В праздничные же дни на эти молебны стал приходить народ не только из села, но и из соседних селений. Этим воспользовался молодой священник и стал говорить каждый раз проповеди на понятные для всех темы, делая заключение как нужно жить и что нужно делать истинному христианину.

Прихожане понемногу стали привязываться к своему пастырю и ценить его сокровенное служение. Тогда он в беседах с народом обратил внимание на печальное состояние, в котором находится храм, и на необходимость выстроить новый. Его слово нашло отклик в сердцах прихожан. На общем их собрании было решено выстроить новый, более обширный храм, притом каменный. Был послан в разные города сборщик для получения добродетельных даяний верующих, кроме специального сбора в храме, который производился во время каждого богослужения. Нашлись и жертвователи, приносившие о. Георгию иногда значительного размера суммы.

Через несколько лет в Чекряках, вместо убогого приземистого деревянного храма, высился красивый, каменный.

Страхования больше не повторялись. Темная сила оставила о. Георгия, который побеждал ее молитвой. Молитва его всегда была горячей, дерзновенной с крепкой надеждой и уверенностью, что она будет услышана и его надежда не была тщетной: по молитвам о. Георгия стали даваться исцеления больным, оказывалась всякая помощь людям, впавшим в беду, или которых постигла какая-нибудь жизненная неудача. К нему скоро стали обращаться за советом и утешением интеллигентные лица, причем некоторые из них приезжали издалека, например, из Москвы, настолько о. Георгий стал известен за пределами Болховского уезда.

Приток денежных средств дал этому выдающемуся пастырю возможность расширить и свою приходскую деятельность: он устраивает в с. Чекряках приют для сирот и выстраивает для него каменный дом. Во главе приюта стала его духовная дочь, титулованная девушка, всецело посвятившая себя делу, которому она сочувствовала.

Таковы были результаты трудов о. Георгия в когда-то бедном глухом приходе.

О. Амвросий уже скончался, когда все, что он предвидел, совершилось: темная сила была посрамлена, а смиренный пастырь с Божией помощью стал молитвенником и утешителем всех верующих, к нему обращавшихся» (О. Константин Ровинский. Беседы старого священника со своими духовным чадами о некоторых событиях и случаях, коим он сам был свидетелем и очевидцем, которые он сам испытал и о которых слышал от заслуживающих доверия лиц, близких ему по духу. М., «Паломник». 1995. С. 135—138).

²⁰ Константин Николаевич Леонтьев (в монашестве Климент, 13.1.1831 † 12.11.1891) — русский писатель, дипломат, философ, историк-исследователь, полководец, духовный сын преп. Амвросия Оптинского.

²¹ См.: Стрижев А. Н. Кринь благоуханные // К Свету. 1993. № 3—4. С. 16—18; Он же, Багдасаров Р. Сергей Нялус в Оптиной Пустыни // Литературный Иркутск. Январь 1991. С. 12—13.

²² *Иеросхимонах Иосиф* (в миру Иван Литовкин, 2.11.1837 †9.5.1911) — великий Оптинский старец, настоятель Скита с 19.3.1894 по 1906 г.

²³ *Иеросхимонах Нектарий* (в миру Николай Васильевич Тихонов, ок. 1852 †1.5.1928) — последний великий Оптинский старец, скончался в деревне Холмщи, Брянской губ., с 1989 г. его св. мощи покоятся во Введенском соборе Оптинной Пустыни.

²⁴ *Схиархимандрит Моисей* (в миру Тимофей Иванович Путилов, 15.1.1782 †16.4.1862) — старец, основатель Скита во имя Честного Славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна при Козельской Введенской Оптинной Пустыни (просуществовал с 17.6.1817 по 1923, возобновлен в 1990), строитель Оптинной Пустыни с 1825 г.

²⁵ *Схиигумен Антоний* (в миру Александр Иванович Путилов, 1795 †7.8.1865) — старец, брат о. Моисея, после него занял должность скитоначальника (1825—1839).

²⁶ *Архимандрит Досифей* (в миру Илья Силаев, 1829 †31.3.1900) — настоятель Оптинной Пустыни с 30.9.1894. Пострижен в мантию 9.8.1858, посвящен во иеромонаха 7.9.1869. С 1878 по 1894 — настоятель Мещовского Георгиевского монастыря (возведен в сан архимандрита в апреле 1894).

²⁷ *Схиархимандрит Исаакий* (в миру Иван Иванович Ангимонов, 1810 †22.8.1894) — старец, настоятель Оптинной Пустыни с 19.7.1862.

²⁸ *Схиигумения София* (в миру София Евгеньевна Гринева, 1873 †22.3/4.4.1941) — настоятельница Киевского Покровского монастыря, основательница женской общины «Отрада и Утешение» Калужской епархии, близкая знакомая Нилусов. О ней см. в III разд. 2 ч. наст. изд.; *Мон. Таисия*. Указ. соч. С. 241—253 1976; *Andreyev I.M. Russia's Catacomb Saints*. Platina, 1982. P. 348—357. Поддерживала С. А. Нилуса в борьбе против раскольников-обновленцев.

²⁹ См.: На берегу... Ч. 2. С. 16—37.

³⁰ *Архиепископ Никон* (в миру Николай Рождественский, 4.4.1851 †30.12.1918) *Вологодский и Тотемский* — выдающийся церковный деятель начала века, член Государственного Совета, церковный писатель, оказывал постоянное покровительство С. А. Нилусу.

³¹ См.: На берегу... Ч. 2. С. 42

³² См. «На берегу...», 1910 г. в наст. изд.

³³ См. III разд. 2 ч. наст. изд.

³⁴ *Графиня София Сергеевна Игнатьева* — член совета Русского Собрания в С.-Петербурге. Супруга графа Николая Павловича Игнатьева (1832 †1908), генерал-адъютанта, министра внутренних дел (1881—1882), члена Государственного совета. Салон, в котором трижды в неделю еще при жизни графа принимали гостей (исключительно правых убеждений), продолжал существовать и после его кончины.

³⁵ *Митрополит Серафим* (в миру Леонид Михайлович Чичагов, 9.6.1856 †11.12.1937) — выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, богослов, писатель, историк. Много сделал для прославления Преподобного Серафима Саровского в 1903 г.

³⁶ См.: *Стрижев А. Н.* Побеждается естества чин// К Свету. 1993. № 3—4. С. 21—24. К этому периоду относится переписка С. А. Нилуса с Е. А. Львовой из Ко-

зельска, указания на которую см. в кн.: *Аксакова-Сиверс Т. А.* Семейная хроника. Paris, 1988. Кн. 1. С. 322, 341. См. также письмо Нилуса к о. Нектарию от 10.4.1916 во 2 ч. наст. изд.

³⁷ *Елена Юрьевна Карцова* (в замужестве *Концевич*, 13.4.1893 † 6/19.3.1989) — дочь русского дипломата Юрия Сергеевича Карцова, близкого знакомого К. Н. Леонтьева. Сохранились письма Леонтьева к нему 1878 г. После смерти матери (1901) жила в Царском Селе у своей тетки — Е. А. Озеровой, в 1906 г. вышедшей замуж за С. А. Нилуса. Именно к этому времени относится ее знакомство с архиепископом Феофаном Полтавским (см. 2 ч. наст. изд.). После революции эмигрировала. В июне 1935 вышла замуж за известного церковного историка И. М. Концевича. Ее перу приписывается и публикуемое «Краткое жизнеописание» С. А. Нилуса.

³⁸ См. «На берегу...», 1910 г. в наст. изд.

³⁹ *Архимандрит Лаврентий* (в миру Дмитрий Иванович Захаров, † 1915) — настоятель Новгородского Иверского Богородичного Святоезерского монастыря.

⁴⁰ *Игуменья Таисия* (в миру Мария Васильевна Солонова, 1840 † 2.1.1915) — настоятельница Леушинской Иоанно-Предтеченской обители. Род. в семье новгородского помещика Солонова; мать — москвичка, из рода Пушкиных. См. о ней: *Мон. Таисия*. Указ соч. с. 236–237; *Записки игуменьи Таисии* (автобиография). Пг. Изд. Леушинского монастыря. 1916 (М., 1994).

⁴¹ *Князь Владимир Давидович Жевахов* (1874 † 1938) — будущий епископ *Иоасаф Мошковский*, ближайший друг писателя. Был арестован и мученически скончался в Соловецком концлагере. Имеется его обширная переписка с Оптиными старцами (ОР РГБ. Ф. 213.74).

⁴² См.: *Стрижев А. Н.* Нет дороги унывать! // К Свету. 1993. № 3–4. С. 31–33.

⁴³ *Архиепископ Феофан* (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1.1.1873 † 6.2.1940), *Полтавский и Переяславский* — в 1909–1910 — ректор С.-Петербургской Духовной Академии. Одно время духовник Императрицы Александры Феодоровны. Член Союза Русского Народа. С 1920 г. в эмиграции, скончался во Франции в местечке *Limerais*, на Луаре, близ города *Amboise*. В 1920-е годы был заместителем председателя Архирейского Синода; по выражению его ученика, архиепископа Аверкия, Сиракузского и Троицкого — «один из главных идеологов нашей Русской Православной Церкви Заграницей». Последние годы, подражая Свт. Феофану (Говорову), проводил затворническую и отшельническую жизнь, свято верил в воскресение России хотя бы на короткий срок. См. о нем воспоминания *Е. Ю. Концевич* во 2 ч. наст. изд.

⁴⁴ *Святитель Иоасаф Белгородский и Обоянский* (Горленко, 1705 † 1754). Прославлен Государем Императором Николаем II в 1911 г. при ближайшем участии кн. Н. Д. Жевахова, который был отдаленным потомком Святителя. См.: *Стрижев А. Н.* Сергей Нилус и Государь: Сорадование в Духе // К Свету. 1993. № 3–4. С. 8–9.

⁴⁵ *Елена Васильевна Мантурова* (1805 † 28.5.1832) — сестра помещика Михаила Васильевича Мантурова (1796 † 7.7.1858), сыгравшего исключительную роль в укреплении Серафимо-Дивеевской обители; рясофорная монахиня и начальница Мельничной общины. Умерла 27 лет от роду по послушанию (за брата). Преп. Серафим предрек, что со временем ее мощи будут почивать в обители открыто.

⁴⁶ Николай Александрович Мотовилов (3.5.1809 †14.1.1879), симбирский помещик, совестный судья, близкий ученик и соратник преп. Серафима Саровского, именовал себя «служкой Божией Матери и Серафимовым». Ему принадлежит запись беседы со св. Серафимом о цели Христианской жизни, расшифрованная С. А. Нядусом.

⁴⁷ Елена Ивановна Мотовилова (урожденная Мелюкова, 17.5.1823 †27.12.1910, племянница первых дивеевских насельниц Прасковья и Мария Семеновны Мелюковых), супруга Н. А. Мотовилова, хранительница его архива (см.: *Потапов Н.* Из воспоминаний Елены Ивановны Мотовиловой о Преподобном Серафиме // Душеполезное Чтение. 1912. Февраль. С. 239–247; Июль–Август. С. 494–501. Публикацию этих воспоминаний по рукописи из архива епископа Нектария (Концевича, †24.1/6.2.1983), Сеатлийского см.: *Русский пастырь.* Сан-Франциско. 1989, № 4. С.42–45; № 5. С. 17-19).

⁴⁸ Иеросхимонах Анатолий-младший (в миру Александр Алексеевич Потапов, 1855 †30.7.1922) — великий Оптинский старец, последний из скончавшихся в самой Пустыни. 29 июля 1922 г. в Оптину приехали чекисты арестовывать о. Анатолия. «Но старец, не протываясь, скромно попросил себе отсрочки на сутки, дабы подготовиться. Келейнику, горбатенькому о. Варнаве, грозно сказали, чтобы приготовил старца к отъезду, т.к. завтра увезут, и на этом уехали. Воцарилась тишина, и старец начал готовиться в путь. На другой день утром приезжает комиссия. Выходят из машины и спрашивают келейника о. Варнаву: «Старец готов?» — «Да, — отвечает келейник, — готов», — и, отворив дверь, вводит в покои старца. Каково же было удивление их, когда их взору предстала такая картина. Посреди кельи в гробу лежал «приготовившийся» мертвый старец!» (*Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970. С. 436).

⁴⁹ Владимир Карлович Саблер (Десятковский — с 1914 г. по жене; 1845 или 1847 †1929) — сын штаб-лекаря и дворянки Тульской губернии. После окончания юридического факультета Московского университета недолго работал там и вскоре был привлечен К. П. Победоносцевым к службе по духовному ведомству в качестве юрисконсульта. Оставил службу в Св. Синоде (6.5.1905) из-за разногласий с Победоносцевым — противником восстановления Патриаршества. Назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник, сенатор, обер-прокурор Св. Синода (2.5.1911–1913). Человек обновленческого духа, весьма пристрастный в характеристиках, протопресвитер военно-морского духовенства Г. И. Шавельский, тем не менее, признавался: «В. К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев... Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приемная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игуменьями, архимандритами и протопереями. Они принимались в первую очередь. Игумены, архимандриты и протопереи приветствовались троекратным лобызанием... К игуменьям, игуменам и архимандритам Владимир Карлович обращался не иначе, как “мать честная”, “отче святой” и т.п. Посещая монастыри, Владимир Карлович выстаивал шестичасовые монастырские службы, во время которых усердно ставил свечи, отбивал поклоны — вообще являя пример самого истового благочестия... Ревность к делу у В. К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день и все время — с утра за полночь: очень часто принимал посетителей после 12 ч. ночи. Он все время был в суете и работе и все время, казалось, дышал церковностью». В имения Саблеров, в 15 верстах от Кашеры

была создана женская богословская семинария, рассчитанная на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения; выпускникам предоставлялось право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах. После революции В. К. Саблер претерпел репрессии со стороны новой власти. Известно, что в апреле 1918 г. в Москву под усиленным конвоем был доставлен арестованный под Новочеркасском В. К. Саблер. Из ЧК его скоро выпустили «за отсутствием состава преступления». Проживая в начале 1920-х гг. в Москве на Поварской, он влачил жалкое существование. Саблер прекрасно знал Святителя Тихона, ставил его чрезвычайно высоко, но считал, что политика Церкви должна быть более гибкая, более лояльная в отношении «внешних» и в связи с этим большие надежды возлагал на митрополита Сергия (Страгородского). В конце жизни В. К. Саблер, будучи уже древним старцем, был сослан в Тверь, где, оставленный на медленную муку, он просто голодал, ютясь в церковной сторожке.

⁵⁰ ДИ ПИ («DP») — от первых букв английского словосочетания — «перемещенные лица». Так англо-американцы именовали русских людей, оказавшихся в результате второй мировой войны в странах Западной Европы.

⁵¹ Митрофан Николаевич (1844 †1928) и графиня Ольга Митрофановна (1892 † после 1938) Комаровские.

⁵² С. А. и Е. А. Нилусы не приняли действий митрополита Сергия (Страгородского) и Временного Патриаршего Синода, пытавшегося «легализировать» Церковь в условиях советской власти. Нилусы посещали лишь те храмы, где служили иереи, непоминающие советскую власть на ектениях.

Среди вноков, в годы репрессий шедших путем исповедничества и мученичества, книги С. А. Нилуса, особенно «Великое в малом», пользовались большой любовью. Так, экземпляр этой книги, принадлежавший дивеевской монахини матушке Серафиме (Булгаковой), хранился у нее все годы ссылки и гонений, которые ей пришлось претерпеть (после ее смерти был завещан А. Н. Стрижеву и ныне находится в его архиве).

⁵³ Священник Василий Арсеньевич Смирнов (19.1.1874 †14/27.12.1937), настоятель храма во имя Успения Пресвятыя Богородицы села Крутец, принадлежал к «непоминающим», новомученик.

⁵⁴ Митрополит Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский, 10.4.1868 †8.8.1946) в 1920 был назначен Свт. Тихоном (†1925) «заведующим Западно-Европейскими русскими церквами», с 1931 г. — глава Константинопольского экзархата Русской Церкви, организовал Парижский Св.-Владимирский богословский ин-т. В своих мемуарах «Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной» (Paris. YMCA-PRESS. 1947. С. 143–144) крайне тенденциозен по отношению к С. А. Нилусу: «Преимницей почившей игуменнии [Вировского монастыря. — Сост.] сестры избрали ее приятельницу, старушку мать Софию (в миру кн. Шаховская, рожд. Озерова), около полугода прожившую при монастыре. 17 сентября [1903 г.] я ее постриг под именем «София». Она была в родстве с духовным публицистом Нилусом, автором «Сионских протоколов». Он связал свою жизнь с женщиной, от которой имел сына, появился на горизонте семьи Озеровых и посватался к сестре матушки Софии — Елене Александровне. После женитьбы обратился ко мне [тогда епископу Люблинскому, викарию Холмско-Варшавской епархии. — Сост.] с ходатайством о рукоположении в священники. Я отказал. Нилус уехал с молодой же-

ной в Оптину пустынь, сюда же прибыла его сожительница — образовался «ménage à trois» [любовь втроем, любовный треугольник (фр.). — *Сост.*]. Странное содружество поселилось в домике, за оградой скита, втроем посещая церковь и бывая у старцев. Потом произошла какая-то темная история — и они Оптину покинули. [...] Мать София дожила до революции. Я видел ее в Зарайске, когда был на Церковном Соборе». О вл. Евлогий см.: *Тальберг Н. Д.* К сорокалетию пагубного евлогинского раскола. Джорданвилль. 1966.

⁵⁵ *Митрополит Сергей Нижегородский и Арзамасский* (в миру Иоанн Николаевич Страгородский, 11.1.1867 † 15(2). 5.1944) — выдающийся богослов, иерарх Русской Церкви. После ареста митрополита Петра (Полянского) — заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Далеко не все даже из оставшихся верными ему епископов соглашались с действиями митр. Сергея, в частности с Декларацией от 29.7.1927. С 1.1.1937 — Патриарший Местоблюститель, с 1943 г. — Патриарх Московский и всяя Руси.

⁵⁶ *Митрополит Михаил* (в миру Михаил Ермаков, 31.6.1862 † 17.3.1929), Киевский и Экзарх Украины — второй после митрополита Сергея (Страгородского) кандидат на должность заместителя Патриаршего Местоблюстителя, назначенный актом от 6.12.1925 митрополита Петра (Полянского). Вскоре был арестован и лишь в 1927 г. освобожден. Являлся старейшим по хиротонии (1899) архиереем. Отказался от предложения архиепископа Григория (Яцковского) возглавить Временный Высший Церковный Совет, созданный после кончины Свт. Тихона 9.12.1925.

⁵⁷ *Протоиерей Сергей Николаевич Булгаков* (16.6.1871 † 13.7.1944) — политический деятель, богослов, философ. В эмиграции занимался преподавательской деятельностью в Праге и Париже.

⁵⁸ *Иван Михайлович Концевич* (13.10.1893, Варшава † 6.7.1965, Берkeley, Калифорния) — боец Белой Армии, богослов, историк Церкви. Духовный сын о. Нектария Оптинского, эмигрировал. В 1935 г. женился на племяннице Е. А. Нилус Е. Ю. Карцовой. Окончил Парижский Богословский ин-т; в 1952–53 гг. преподавал в Св.-Троицкой Духовной семинарии (Джорданвилль). Получил широкую известность как автор фундаментальных монографий по истории аскетизма в Русской Церкви. См. о нем: *чтец Глеб Подмошенский.* Профессор И. М. Концевич // *Православный путь.* Джорданвилль. 1965. С. 154–165.

⁵⁹ Тем не менее в «Сергиевских листках» (1933, № 1) появилась статья о. *Сергия* «Угль пламенеющий: Через сто лет», посвященная преп. Серафиму (перепечатано: Литературная учеба. 1990. № 5. С. 154–157).

⁶⁰ *Филипп Петрович Степанов* († после 1927) — давний друг С. А. Нилуса, бывший прокурор Синодальной конторы, камергер, действительный статский советник, помещик Тульской губернии. Организатор «Общества активной борьбы с революцией», позже — член Союза русского народа. Один из первых публикаторов «Протоколов» (см.: *Бегунов Ю. К.*, доктор филологич. наук. Был ли Нилус автором «Протоколов Сионских мудрецов»? // *Русский Вестник.* 1993. № 7 (90). С. 10–11).

⁶¹ С конца 1934-начала 1935 г. по 14–15 января 1938 г. Елена Александровна жила в семье Орловых, в поселке Городок Спировского района Калининской (ныне — Тверской) области, куда прибыла из Чернигова. В городок надо было добираться от станции Спирова, которая находится недалеко от Вышнего Волочка.

II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

КОРЕНЬ ЗЛА: ИСТИННАЯ БОЛЕЗНЬ РОССИИ

Печатается по: Нилус С. А. Корень зла: Истинная болезнь России. М.: Университетская тип., 1899. 51 с.

¹ Ин. 1, 3.

² *Цезаризм* (от лат. Caesar) — имя первого самодержавного правителя Рима Юлия Цезаря (100—44 гг. до Р.Х.), с его правления закончился республиканский период. Со времени Октавиана Августа (63 г. до Р.Х. — 14 г. после Р.Х.), внучатого племянника и приемного сына Юлия Цезаря, все римские императоры сами принимали титул Caesar. В переносном смысле цезаризмом обозначают искажение единодержавия, прежде всего — забвение власти Бога (отпадение от веры).

³ *Римская Империя* в эпоху расцвета (IV в.) занимала огромное пространство Западной и Восточной Европы, Северной Африки и Египта, Ближнего Востока, Малой Азии и Кавказа. Западная Римская империя окончательно пала в 476.

⁴ *Византия*, вначале существовавшая как Восточная Римская империя, погибла в 1453 г. после взятия Константинополя турками.

⁵ *Карл Великий* (742 †814) — франкский король, по его имени названа династия Каролингов. Подчинил себе обширную территорию почти всей Западной Европы. В 800 г. короновался в Риме как император. Католической церковью причислен к лику святых. Уже в IX в. основанная им империя распалась на отдельные государства.

⁶ *Испанское королевство*, обладавшее многочисленными колониями в Африке, Азии, Америке, постепенно теряло их. К концу XIX в. только незначительное число колониальных территорий продолжало оставаться под владычеством королевства.

⁷ Рим. 13, 1.

⁸ По благословию Св. праотца Ноя, земля *Египта* поступила во владение сына Хама Мицраима (Быт. 10, 6,13). Однако государственные узаконения египтян произошли от приглашенного царя-яфетита Ермия Тривеликого (Гермеса Трисмегиста) и его преемников (*Хроника Георгия Амартола*). Эти законы были обновлены Св. прав. Иосифом Прекрасным во время его начальствования в Египте. Благодаря неукоснительному хранению принципов управления страной и моральных норм Египетское Царство просуществовало столь долго (вплоть до 30 г. до Р.Х.).

⁹ *Персидская империя* угасла в IV в. до Р.Х. 331 г. до Р.Х. — падение державы Ахеменидов.

¹⁰ Конец Ассирийского царства наступил в 609—608 гг. до Р.Х.

¹¹ Вавилон был завоеван персами в 539 г. до Р.Х.

¹² *Консулы* — двое из них стояли во главе управления в период ранней Римской республики. Избирался на годичный срок народным собранием, по существу обладали той же властью, что и цари, но временной. *Диктатор* — первоначально являлся экстраординарным магистратом (главой общины), избираемым на 6 месяцев в особо трудных случаях и обладавшим всей полнотой власти. Впоследствии — синоним неограниченного властелина. *Триумвир* — член триумvirата (союза трех политических деятелей). Первый триумvirат (негласный политический союз) был заключен между Гаем Юлием Цезарем, Крассом и Гнеем Помпеем.

¹³ *Жан Поль Марат* (1743—1793) — деятель великой французской революции, публицист. Происходил из еврейской семьи, изгнанной из Испании и поселившейся сначала в Сардинии, а потом — в Швейцарии, где они перешли в протестантство. Фамилия Мора (или Мара) происходила от этнонима «мараны» — испанские евреи, лицемерно перешедшие в католицизм и не отказавшиеся вполне от талмудизма. Названия восходят к еврейскому *maipatha* («анафема на тебя»), которое «крещенные» евреи произносили вполголоса, проклиная католических священников, когда их принуждали присутствовать на богослужении. Массон.

¹⁴ *Максимильен Мари Изидор де Робеспьер* (1758—1794) — организатор диктатуры якобинцев во время великой французской революции, гильотинирован. Член масонской ложи. Насаждал во Франции культ «верховного существа» (божества масонов).

¹⁵ *Вильгельм II* (1859—1941) — германский император и прусский король с 1888 по 1918 гг. 28 ноября 1918 г. отрекся от престола.

¹⁶ *Панамский скандал*, разразившийся во Франции в 1890 году, связан с гигантскими махинациями правления «Всеобщей компании меж океанского канала», созданной в 1879 г. для строительства Панамского канала. Термин «Панама» сделался нарицательным обозначением крупного мошенничества.

¹⁷ *Альфред Дрейфус* (1859—1935) — офицер французского Генерального штаба, еврей. В 1894 г. приговорен к пожизненной каторге за шпионаж в пользу Германии. Дело Дрейфуса получило широкую огласку, и под давлением демократической общественности в 1899 г. он был помилован президентом Франции, а в 1906-м полностью реабилитирован.

¹⁸ *Анархизм* (от греч. *anarchia* — безначалие, безвластие) — общественно-политическое движение, отрицающее любую государственную власть. «В России первые анархистские группы появляются весной 1903 года в городе Белостоке Гродненской губернии среди еврейской интеллигенции и присоединившихся к ней ремесленных рабочих, а летом — в городе Нежине Черниговской губернии в среде учащейся молодежи». Старшими анархистами являлись: теоретик и организатор П. А. Кропоткин и его ближайшая последовательница М. И. Гольдсмит. Остальные крупные деятели: М. Э. Р. Дайнов, Н. И. Музыль (Н. Рогдаев), Я. И. Квирилловский (Д. Новомирский), А. А. Боровой, В. И. Федоров-Забрежнев. В российском анарходвижении преобладали евреи (50%), русские (до 41%), украинцы (до 35%) ([В. Кривенький, В. Ермаков.] Анархисты // Родина. 1993. № 5—6. С. 71). Выступления анархистов часто носили террористический характер.

¹⁹ Мф. 22, 21.

²⁰ Место из речи новгородских послов Великому Князю Рюрику в 862 г.

²¹ Император Александр III Александрович (26.2.1845, вступ. на престол 1881, † 20.10.1894), начавший политику контрреформ. Новое положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. стеснило избирательную систему и деятельность земств, усилило правительственный надзор и позиция дворянства в земстве. Председатель и члены управ были приравнены к чиновникам. Губернатор осуществлял контроль не только «законности», но и «целесообразности» действий земств. В его распоряжение поступало специальное «губернское по земским делам присутствие», состоявшее главным образом из чиновников губернии. Земское обложение было ограничено, и земства устранялись от продовольственного дела. Дублирующая роль земств по отношению к государственному аппарату становилась все более очевидной. Однако либерально-демократические силы не хотели допустить упразднения земского самоуправления.

²² Ср.: Пр. 21, 1.

²³ Избрание на Всероссийское Царство первого Государя из рода Романовых Михаила Феодоровича (1613 † 1645) произошло 21 февраля 1613 г.

²⁴ Император Петр I Алексеевич (1682 † 1725). Впоследствии С. А. Нилус изменил отношение к Петру I и считал его разрушителем коренных устоев Православной Руси. В современной промасонской кн. читаем: «По распространенной в масонских кругах легенде первым российским “вольным каменщиком” был Петр I. Он был введен в масонство Кристофером Реном, магистром Великой английской ложи, за которым утвердилась слава основателя английского масонства. Факт мог иметь место во время так называемого Великого посольства в 1699 году. По возвращении в Россию Петр I создал первую русскую ложу, где он сам был вторым стражем, Лефорт — досточтимым мастером, Гордон — первым стражем. Документального подтверждения этому преданию не находится. Единственно следует сказать, что память о Петре I свято чтится в кругах масонов. На своих собраниях они часто распевали, как один из масонских гимнов, популярную в то время “Песнь Петру Великому” Державина. В их глазах деяния царя-преобразователя так же пересоздали Россию политически, как они мечтали пересоздать духовно» (Новиков В. И. Масонство и русская культура. М., Международный центр гуманитарного и культурного сотрудничества «Мегаконтакт». 1993. С. 4).

²⁵ Скилла (Скилла) и Харибда — двое мифических чудовищ, обитавших на двух сходящихся и расходящихся утесах, между которыми необходимо было проплыть царю Итаки Одиссею (Одис. XII, 73—126, 222—259).

²⁶ Императрица Екатерина II Алексеевна (1762 † 1796).

²⁷ Император Павел I Петрович (1796 † 1801). Оценка его правления была пересмотрена писателем, в частности, после ознакомления с пророчеством монаха Авеля Вещего Царствующему Дому Романовых (см.: На берегу Божьей реки. С. 230—234). По воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой в 1928 г. к Нилусам в Крутец приезжал их давний друг, священник о. Никита, почитавший Царя Павла Петровича как святого и мученика. По словам знатока Павловского царствования П. Н. Шабельского-Борка (1896 † 1952), «в Триестенской библиотеке, как зеница ока, хранится ставшая теперь редчайшей уникальной брошюра, изданная в своё время причтом Петропавловского собора, о случаях чудес на гробнице Императора Павла Первого, каковых удостоверено не менее

трехсот» (*Два монарха и таинственный старец Феодор Козьмич*. М., 1992. С. 11).

Товарищ обер-прокурора Св. Синода *Н. Д. Жевахов* в своих «Воспоминаниях» (Новый Сад. 1928. Т. 2. С. 380) писал: «Отношение Императора Павла I к Церкви было таково, что только революция 1917 года прервала работы по его канонизации, однако сознанием русского народа Император Павел давно уже причислен к лику святых. Дивные знамения благоволения Божия к Праведнику, творимые Промыслом Господним у его гробницы, в последние годы пред революцией не только привлекали толпы верующих в Петропавловский собор, но и побудили причт издать целую книгу знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами Благоверного Императора Павла I». См. также: *Вешняков Владимир*. Венок на гробницу Императора Павла I. СПб., 1991. (Репринт 1916 г.); *И. Г. По молитвам Павла I и блаженной Ксении* // *Православная Русь*. Джорданвилль. 1976. № 15. С. 14—15.

Митрополит С.-Петербургский и Новгородский Исидор (Никольский, 1.10.1799 † 7.9.1892) свидетельствовал: «Странное в Петербурге поверье: кто желает избавиться от воинской повинности, должен отслужить панихиду по Павле I. К Потемкиным приехал молодой человек, очень смущенный предстоящею очередью поступить на военную службу. Ему кто-то сказал, чтобы отслужить панихиду по Павле I. Он отправился в Петропавловский собор и исполнил. Вечером того же дня неожиданно получил вест из министерства, что он освобожден от воинской повинности. Узнали это при Дворе и прислали к Потемкиным расспросить о сем. Замечательно, что в соборе спрашивают имена тех, кто служит панихиду по Павле, и записывают в книге» (Дневник. Запись 16.11.1882).

Интерес Двора к Императору Павлу I подтверждается и другими сведениями. Известно, например, каким почитанием пользовался убиенный Император, начиная с 1880-х гг. при Дворе Великой Княгини Александры Иосифовны (урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской Августы, 1830 † 1911) — супруги (с 1848) второго сына Имп. Николая I Вел. Кн. Константина Николаевича (1827 † 1892). См.: *Красный архив*. Т. 39. М., 1930. С. 147.

По всей вероятности в годы революции и гражданской войны было сложено молитвенное обращение, бытовавшее позже в среде русской эмиграции, в том числе и среди некоторых представителей Дома Романовых:

Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего Императора Павла I и его молитвами даруй нам в дни сии лукавые и страшные в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое.

Призри, Господи, на верного Твоего молитвенника, за сирых, убогих и обездоленных Императора Павла и, по молитвам его святым, подай, Господи, скорую и верную помощь просящим через него у Тебя, Боже наш. Аминь.

²⁸ *Император Александр I Павлович* (12.12.1777, вступ. на престол 1801, † 19.11.1825, по др. сведениям — 20.1.1864).

²⁹ *Фредерик Сезар де Лагарп* (La Harpe, 1754—1838) — швейцарский адвокат, политический деятель. В 1780-х гг. приглашен Екатериной II как воспитатель ее внука — будущего Императора Александра I. Неоднократно пытался влиять через последнего на внешнюю и внутреннюю политику России.

³⁰ *Адам Ежи (Юрий) Чарторыйский* (Czartoryscy, 1770-1861) — польский и русский государственный деятель, один из ближайших друзей Александра I, член

«Негласного комитета», в 1804—1806 гг. министр иностранных дел; впоследствии активно выступал за независимость Польши.

³¹ Император Николай I Павлович (1825 †1855).

³² Император Александр II Николаевич (17.4.1818, вступ. на престол 1855 †13.1881).

³³ Свобода крестьянам от крепостной зависимости была дарована Царским манифестом 1861 года. Дальнейшие либеральные преобразования правительства Императора Александра II закрепились в университетской (1863), судебной (1864), городской (1870), военной (1863—74) и других реформах.

³⁴ Земские органы самоуправления учреждались реформой от 1.1.1864 для руководства хозяйственными делами: строительством и управлением местных дорог, школ, больниц, благотворительных учреждений, заведования продовольственным делом, организацией поземельного кредита, пропаганды агрономических знаний, улучшением кустарной промышленности, организацией земской статистики и т.п. Их деятельность регламентировалась «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» (1864).

«Аппарат земства состоял из распорядительных органов — *губернских и уездных земских собраний* и исполнительных органов уездных и губернских *земских управ* (последние имели свои постоянные канцелярии, подразделявшиеся на отделы). Для выполнения своих хозяйственных задач земства получали право облагать население специальным *земским сбором*.

Выборы земских органов проводились раз в три года. В каждом уезде для выборов гласных в уездное земское собрание создавались три избирательных съезда: землевладельцев (главным образом, помещиков), представителей от городского общества и сельских обществ... Все три съезда выбирали неравное число гласных в уездное земское собрание (их число определялось специальным расписанием Министерства внутренних дел) с частым превышением числа гласных от землевладельцев. Уездные земские собрания собирались ежегодно на сессии, и вся текущая работа падала на избранную ими уездную земскую управу.

Уездные земские собрания всей губернии выбирали по несколько гласных в состав губернского земского собрания, который так же выбирал исполнительный орган — *губернскую земскую управу*. Во главе собраний и управ стояли выборные председатели, которые не только руководили деятельностью названных учреждений, но и председательствовали от имени земства в местных правительственных учреждениях (главным образом, присутствиях); председателями земских собраний были предводители дворянства...

Никакой принудительной власти земства не имели и для приведения в исполнение своих решений должны были обращаться к органам администрации и полиции» (Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 237—238). См. оценку земств у архиеп. Серафима Соболева в его книге «Русская идеология» (Jordanville, 1987. С. 61) и в очерке С. А. Нилуса «Служка Божией Матери и Серафимов...».

³⁵ «Изалюбленные» — наиболее приближенные к Императору Александру II сановники, которыми были в разные периоды: Я. И. Ростовцев, С. С. Ланской, П. А. Валуев, А. М. Горчаков, П. А. Шувалов, Д. А. Милютин, М. Т. Лорис-Мелников.

³⁶ «Диктатура сердца» — принятое в лит-ре название временного правления начальника Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова (1825 † 12.12.1888), ставшего фактически диктатором после взрыва, произведенного в Зимнем дворце С. Н. Хаатуриным в феврале 1880 г. Комиссия была упразднена по ходатайству самого Лорис-Меликова, и он был назначен министром внутренних дел и одновременно шефом жандармов. Лорис-Меликов несколько ослабил систему полицейского надзора, поставил вопрос о проведении ряда реформ (введение обязательного выкупа, понижение выкупных платежей, отмена подушной подати и т.д.). К рассмотрению проектов этих реформ пытался привлечь представителей либеральной общественности. Все эти меры были большей частью одобрены Имп. Александром Николаевичем. После его убийства Лорис-Меликов вышел в отставку (1881) и, оставаясь членом Государственного совета, жил преимущественно за границей.

³⁷ 1 марта 1881 года Государь Александр II был убит в Петербурге народовольцем И. И. Гриневицким.

³⁸ См. примечание 21.

³⁹ Этот постулат, выдвинутый Нилусом в согласии с церковным учением о Царской власти, входит в коренное противоречие с большинством проектов, выдвигавшихся на рубеже веков с целью соединить и завершить процесс реформ, начатых правительством Александра II, вместе с контрреформами Александра III.

⁴⁰ *Филистерство* (от нем. *Philister* человек с узким, обывательским кругозором и ханжеским поведением) — обывательская косность, ханжество.

⁴¹ *Культурkampf* (от нем. *Kulturkampf* букв. «борьба за культуру») — литературное наименование мероприятий правительства О. фон Бисмарка в Германии 1870-х годов против католической церкви.

⁴² *Граф Димитрий Андреевич Толстой* (1.3.1823 † 25.4.1889) — русский государственный деятель, член Государственного совета (1866). В 1865–80 гг. — обер-прокурор Св. Синода, с 1866 одновременно — министр народного просвещения, с 1882 — президент Академии Наук. Провел гимназическую реформу 1871 г., обеспечив преобладание классического образования. Вместе с А. Д. Пазухиным (1841 † 1891) готовил в 1880-е гг. проекты контрреформ, сторонник «сильной власти». Его деятельность была направлена к возвышению дворянства.

⁴³ *Рантье* (фр. *rentier*) — лицо, живущее на проценты с отдаваемого в ссуду капитала или на доходы от ценных бумаг.

⁴⁴ *Урядник* — полицейский чин в сельской местности.

⁴⁵ *Волость* — крестьянская сословная единица, охватывала несколько селений.

⁴⁶ Для крестьян, вышедших из крепостной зависимости в ходе реформ 1860-х гг. были созданы крестьянские сословные учреждения: *сельские и волостные сходы*, *сельские и волостные должностные лица*, возглавляемые *сельскими старостами и волостными старшинами*, *волостные правления*, *волостные суды*. Эти органы призваны были облегчать правительству сборы налогов, выкупных платежей, осуществление государственных и земских повинностей, комплектование армии, разрешение поземельных вопросов как между самими крестьянами, так и между помещиками.

«Каждое сельское общество (включавшее одно или несколько селений) имело сельский сход, выбиравший сельских должностных лиц (сельского старосту, сборщика пода-

тей, сотских, десятских) и разрешавший некоторые поземельные дела (например, переделы общинных земель), раскладку налогов, мелкие полицейские дела» (Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 233). Гораздо большее значение имел волостной сход. Туда входили сельские и волостные должностные лица во главе со старшиной, а также выборные от каждых десяти дворов. Волостной сход выбирал волостных должностных лиц, представителей на предварительный съезд для выбора главных в уездное земское собрание от сельских обществ, разрешал хозяйственные нужды, утверждал приговоры сельских сходов и т. д. Волостной старшина избирался на 3 года и выполнял полицейские функции. В этом деле ему подчинялись сельские старосты и другие должностные лица волости, а также волостное правление, состоявшее из старшины, всех старост, сборщиков податей, одного-двух заседателей и писаря. Обязательным в волостном управлении было присутствие только старшины и писаря. Писарь назначался мировым посредником (впоследствии — земским начальником) и играл в волостном управлении важную роль.

⁴⁷ *Земские начальники* — административно-судебные должностные лица, назначались из дворян. По закону от 12.7.1889 ими был заменен институт мировых посредников, ведавший поземельными отношениями помещиков и крестьян. Земские начальники получали широкие полномочия по утверждению решений крестьянских учреждений, назначению и смещению лиц в них, неограниченные права наказания крестьян (см.: Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 235).

⁴⁸ *Народничество* — преобладавшее в 1870-е годы направление в российском демократическом движении. Народники пытались преподнести коммунистические идеи как развитие присущих крестьянской общине начал.

⁴⁹ *Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье (1689—1755)* — французский философ-просветитель. Отстаивал идею конституционной монархии и принцип разделения властей.

⁵⁰ В итоге реформ 1860-х годов большинство земельных владений продолжало числиться за дворянами, в 1877 г. оно составляло 80% всей частновладельческой земли (73,1 млн. десятин — 53,2 млн. к 1905 г.). Дворянское сословие продолжало сохранять господствующее положение в управлении страной. Земская контрреформа 1890 г. Имп. Александра III утвердила первенствующее положение аристократии в земском самоуправлении.

⁵¹ *Церковно-приходские школы* являлись начальными школами в России. С началом контрреформ 1880—90-х гг. Государь Александр III стал оказывать им особое покровительство. В 1884 г. появились «Правила о церковно-приходских школах», число школ возросло с 5517 (1885) до 42 696 (1905).

⁵² *Сергей Степанович Жихарев* — тамбовский помещик, сенатор, сын писателя С. П. Жихарева.

⁵³ *Степан Тимофеевич Разин (ок.1630 †1671)* — зачинщик бунта 1670—1671 гг., пойман и казнен. «Разиновщина» стала синонимом разбойничьей вольницы, дикого безшабашного разгула. В первую неделю Великого поста, среди прочих, провозглашается анафема «бунтовщику и изменнику Стеньке Разину».

⁵⁴ *Михаил Васильевич Ломоносов (1711 †1765)* — великий русский ученый и поэт, основатель Московского университета. Утверждал в русской поэзии силлабо-тоническую систему стихосложения.

⁵⁵ *Василий Кириллович Тредиаковский* (1703 †1768) — русский поэт, впервые ввел в русское стихосложение силлабо-тонический принцип книгой «Новый и краткий способ к сложению стихов российских» (1735), член Академии Наук с 1745 по 1759 гт.

⁵⁶ *Отто-Эдуард-Леопольд фон Бисмарк* (1815–1898) — канцлер Германской империи, один из крупнейших государственно-политических деятелей XIX столетия.

⁵⁷ *Олимп* — в греческой мифологии гора в Фессалии, на которой обитают боги.

⁵⁸ *Тартар* — в греч. мифологии пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже аэда. Словом тартар выражается место вечного, нестерпимого холода, куда будут посланы души грешных людей. Самое греческое *tartaros* лексикографы возводят к *tartano* — дрожю от холода, и разумеют под тартаром подземную, солнцем никогда не освещаемую и не согреваемую пропасть, где свирепствует холод.

⁵⁹ Интересно сравнить рассуждения Нилуса с недавно опубликованной «Всеподданнейшей запиской» генерал-адъютанта О. Б. Рихтера (1830 †1908) Императору Александру III: «Дворянством, как ближайшею опорой Трона, необходимо дорожить, его нужно поднять в собственных его глазах и заставить, в силу предоставляемых выгод, заняться своим именьями. Это достигается: 1) привлечением в местные административные советы земского дворянства, заинтересованного в правильном ходе администрации, и даст ему возможность выказать свои способности на более широком поприще; затем 2) совершенным закрытием доступа в дворянское сословие. Никакой чин, никакой крест, а только исключительные заслуги дают право быть причисленным к дворянству. Только тогда дворянское сословие будет освежаться и пополняться личностями, вполне соответствующими, а не писарями, дослужившимися до Статского Советника» («Дабы успокоить умы, возбудить интересы...»/ Публ. В. Степанова// Источник. 1993. № 1. С. 37).

⁶⁰ *Император Александр III.*

⁶¹ *Дворянский земельный банк* создан в 1885 г. Выдавал долгосрочные ссуды дворянам под залог их земельной собственности. Условия залога были выгодными для помещиков.

⁶² *Николай II Александрович* (6.5.1868 †17.7.1918) — Российский Император (2.10.1894 — 2(15).3.1917), Царственный Новомученик.

⁶³ Проект С. А. Нилуса задумывался как противовес стремлениям демократов к «властному всероссийскому земству» (П. Струве) в ходе развернувшейся полемики о судьбах самоуправленческих структур.

К концу XIX-началу XX века наибольшее влияние как в земском, так и во всем либеральном движении приобрели либералы-конституционалисты (братья Петрункевичи, Бакунины, Родичевы, В. Н. Линд, В. А. Гольцев и др.). Их общественно-политическая активность возрастала. В 1890-х гг. собрался два земских съезда, посвященных в основном экономическим проблемам. Знаменательно, что год издания «Корня зла» совпадает с годом составления секретной записки С. Ю. Витте (в то время — министра финансов) «Самодержавие и земство» (1899, опубликовано Струве в 1901 г. в Штутгарте). Если министр внутренних дел И. Л. Горемыкин (1895 †1899) пытался действовать в русле контрреформ Александра III и выступал за «земства с сословной окраской», т.к. дворяне являлись там преобладающим элементом, то Витте, которого такое положение не устраивало, считал, что «система местного управления должна быть

однородна с общим политическим строем государства». Заявляя, что в условиях самодержавия земство — «непригодное средство управления», Витте тем самым отрицал намечившееся сближение земского самоуправления и государственного аппарата. Его позиция фактически смыкалась с требованием либералов к правительству ввести «умеренную конституцию, выросшую на основе местного самоуправления с сословной окраской» (см. об этом подробно: *Елишев А. И.* Из одной забытой полемики // *Московские Ведомости.* 1906. №№ 165—169). Предложения Нилуса, таким образом, задумывались как логическое завершение политики Александра III и сочувствовавших ей консерваторов. При этом Сергей Александрович постоянно подчеркивает воцерковленность земских начальников как непременное условие при выборе лиц на эти должности.

⁶⁴ В 1899 г. на основании рекомендаций особого совещания о нуждах поместного дворянства (учрежденного весной 1897 г. указом на имя председателя Комитета Министров И. Н. Дурново) был издан закон о временно-заповедных имениях: дворяне получали право на 2 поколения объявлять свое имение неделимым и неотчуждаемым и завещать его любому из своих сыновей. Летом 1901 г. дворянам было разрешено арендовать на льготных условиях казенные земли в Сибирь. Больше реальных шагов по содействию дворянству в первые годы правления Императора Николая Александровича практически не предпринималось, хотя Государь и принимал близко к сердцу интересы деревни, как это он высказал во время венчания на Царство, обращаясь к депутации дворян и крестьян.

⁶⁵ *Дворянская опека* (в составе уездного предводителя дворянства, уездного судьи и заседателей) — сословный орган при уездном суде. Ее задачей было сохранение дворянской собственности в том случае, если владельцами последней оказывались вдовы, малолетние, лица, проматывающие состояние, и т. п. Над такими владельцами назначались опекуны, которые управляли опекаемым имуществом за 5% с его доходов. *Дворянская опека осуществляла надзор за состоянием этих опеков, разбирая жалобы на опекунов* (*Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 134).

⁶⁶ Т. е. публикации о продаже дворянских имений.

РЕЧЬ С. А. НИЛУСА В МЦЕНСКОМ КОМИТЕТЕ

Печатается по: *Речь С. А. Нилуса в Мценском комитете.* М., 1903. 38 с.

¹ «Речь» является логическим продолжением консервативно-монархического проекта «Корень зла», публикуемого выше.

² *Жак Неккер* (Necker, 30.9.1732—9.4.1804) — министр финансов короля Франции Людовика XVI, проводил курс на буржуазные реформы. Сыграл видную роль в подготовке созыва Генеральных штатов 1789 г., способствовал предоставлению там третьему сословию двойного представительства. Отставка Неккера была одним из поводов к вооруженному восстанию 14.7.1789.

³ *Дракон* (Драконт) — афинский законодатель, издавший в 621 г. до Р. Х. первые писанные нормы права Древних Афин. Меры наказания по Драконовым Законам отличались крайней суровостью.

⁴ *Ламентация* (лат. *lamentatio*) — шутил., сетование, жалоба.

⁵ Возможно, С. А. Нилус имеет в виду ряд охранительных правовых мер, принятых правительством Императора Николая Павловича: закон о дворянских собраниях (1831), правила о заповедных имуществвах (1845), закон о затруднении способов приобретения дворянства (1846) и т.п.

⁶ *Сатрапия* — в букв. значении — провинция (область) в Древней Персии, управляемая сатрапом (правителем области). В переносном значении — организация, область, управляемая самовольным администратором.

⁷ *Черта оседлости* — часть территории Российской Империи, на которой разрешалось постоянное проживание евреев. До сер. XVIII в. в России не было постоянного еврейского населения, а евреям-иностранцам доступ в страну, как правило, был закрыт. В 1769 г. для евреев открылась Новороссийская губ. После разделов Польши жившим там евреям разрешено было остаться на тех местах, где их застало присоединение к России (Польша, Белоруссия, Литва, Правобережная Украина). В XIX в. в черту оседлости были включены Черниговская, Полтавская губернии и Бессарабия.

Инженер Абрам Зисман писал: «До 1794 г. евреи могли селиться по всей России, где хотели, а в 1804 году законом была заведена так называемая “черта оседлости” для лиц иудейского вероисповедания (крещенных евреев не касавшаяся — *Сост.*). “Черта оседлости” — это кусок территории Российского государства, начинавшийся от города Пернова на Балтийском море, по прямой линии на город Оршу, по течению реки Днепра до Черного моря, по его берегу до Дуная, — вверх по течению до Прута, по Пруту, по австро-венгерской, а потом по германской границе вплоть до Балтийского моря. В этой области было 25 губерний; по своей территории “черта оседлости” была в полтора раза больше, чем территория Франции. Согласно статистическим данным 1911 года, в “черте оседлости” проживало 4 899 327 душ еврейской народности, и вне “черты оседлости” 1 320 000 душ.

Что же это такое? — В просвещенной, культурной Европе в городах “гетто”, в которых от захода до восхода солнца должны были находиться евреи, а в “отсталой”, “некультурной” Царской России никогда в городах “гетто” не было! Несмотря на то, что в некоторых городах России, как то Петербург, Москва, Харьков, число проживавших евреев было несколько десятков тысяч человек. Крепко подумайте над этим и честно сами себе ответьте!

Во время I мировой войны, в 1915 году указом Императора Николая II “черта оседлости” была на время отменена, дабы русские евреи прифронтовой полосы могли бы избежать всех ужасов войны. Служив в эвакуационной комиссии, должен признать, что весьма малый процент евреев из “черты оседлости” воспользовался этим указом, все оставались на своих местах, причем, к стыду своему, должен сказать, вели себя весьма неблагоприятно, помогая всячески германской армии и тем немцам, которые впоследствии, в эпоху Гитлера, так беспощадно расправился с евреями» (*Зисман А.* Немного объективности // Православное обозрение. 1977. № 43. Ноябрь. С. 11–12).

20.3/2.4.1917 законом «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» временное правительство сняло черту оседлости.

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МАРИИ

Печатается по: *Нилус С. А.* Блаженной памяти игуменни Серафимо-Дивеевского женского монастыря Марии // *Московские ведомости.* 1904. № 247. 7/20 сентября. С. 2

Игуменья Мария (в миру Елисавета Алексеевна Ушакова, 30.8.1819 †19.8.1904) — поступила в Серафимо-Дивеевский монастырь 27.12.1844. Управляла обителью 42 года.

ДУХОВНЫЕ ОЧИ

Печатается по: *Нилус С.* Духовные очи: Из бесед со старцами. Сергиев Посад: тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1906. С. 1—4. («Троицкая народная беседа». Кн. 33). За исключением публикуемого текста, очерк полностью вошел в книгу «Великое в малом»...

Рассказ далее ведется от лица вероисповедника Даниила (Болотова).

СКАЗАНИЕ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ЕЯ ИВЕРСКОГО ЯВЛЕНИЯ...

Печатается по: *Нилус С. А.* Сказание о чудотворной иконе Божией Матери Ея Иверского явления и о чудотворной Ее иконе Иверской, что в Богородичном Иверском Валдайском монастыре Новгородской епархии. Сергиев Посад: тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1908. (Отдельный оттиск из: *Церковное Слово.* 1908 г.)

¹ *Архимандрит Никон* (1605 †17.8.1681) — в будущем Патриарх Всероссийский (с 1652 г.), выдающийся богослов, писатель, архитектор. Подробнее см.: *Зымыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. ч. I—III. Варшава, 1931—1938; *прот. Лев Лебедев.* Москва Патриаршая. «Столица». «Вече». М., 1995.

² *Царь Алексей Михайлович* (9.3.1629, вступ. на престол 1645 †8.2.1676).

³ По данным о. Льва Лебедева, первый список с чудотворной иконы Иверской Божией Матери (1648) «остался в Царской Семье, затем вместе с Царевной Софьей Алексеевной попал в Новодевичий монастырь в Москве и находится там до сих пор в фондах филиала ГИМа» (Богословие Русской Земли как образа Обетованной Земли Царства Небесного // *Тысячелетие Крещения Руси: Международная церковная науч. конф. «Богословие и духовность»*, М., 11—18.5.1987. М., 1989. С. 173).

⁴ *Иверский Валдайский монастырь* строился Патриархом Никоном во образ Иверской обители на Афоне и даже шире — во образ всей Святой Горы. «Святой полуостров Афон у Никона становится Святым островом, озеро Валдай получает название

Святого озера. Главной святыней монастыря должна стать копия с чудотворной Иверской Афонской иконы Божией Матери... Братия в монастырь набирается нарочито разноплеменная (подобно разноплеменным монастырям Святой Горы)... Это первый опыт создания на Русской земле достаточно отвлеченного, условного (лишь в каких-то самых общих чертах) подобия святому месту Православного Востока» (Там же. С. 156).

⁵ *Архимандрит Афонского монастыря Пахомий*, приезжавший в Москву собирать приношения для Афонских обителей.

⁶ По данным *Е. Поселянина* (Богоматерь... М., 1909. С. 663—664), это письмо архимандрита Пахомия повествует о создании 1-го списка с Афонской иконы, находящейся ныне в Новодевичьем монастыре.

⁷ «Эта икона была привезена в Россию в 1655 году. Сначала она находилась на подворье Иверского монастыря в Москве, затем в связи с особой к ней любовью москвичей была помещена в специально построенной Иверской часовне у Красной площади близ Кремля» (*Прот. Лев Лебедев*. Указ. соч.). На затворах ризы иконы была вырезана следующая надпись: «Лета 7164 [1656], марта в 1-ый день, при державе благоверного и христолюбиваго великаго государя и великаго князя Алексия Михайловича... сей образ чудотворный Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии Иверския принесен из Афонских гор и обложен бысть честным и многоценным камением и жемчугом, украшен верою, вниманием и повелением великаго государя святейшаго Никона, архиепископа царствующаго града Москвы и всея Великия и Малыя и Белья России... и поставлен в его государеве патриарше строении, в монастыре Пречистыя Богородицы Иверския, что в Новгородском уезде, на святе озере Валдае, Тоя Самыя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии и рождшагося от Нея безсеменно Христа Бога нашего на поклонение всем православным Христианам вечных ради благ» (*Поселянин Е.* Указ. соч. С. 217).

ДЛЯ ЧЕГО И КОМУ НУЖНЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ?

Печатается по: *Нилус С. А.* Для чего и кому нужны православные монастыри? Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 57). 52 с.

В церковной рецензии говорилось, что в брошюре «затронуты вопросы веры и нравственности в связи с различными аномалиями духовно разделяющегося русского общества» (Прибавления к Церк. Ведом. 1911. № 50. С. 2224).

¹ *Иеромонах Флавиан* (в миру Феодосий Маленков, 1833 † 30.5.1890) — казначей Оптиной Пустыни с 23.7.1865. Из мещан. Вступил в оптинское братство 18.8.1849, пострижен в мантию 29.4.1855, рукоположен в иеродиакона 14.6.1858, в иеромонаха — 29.8.1862. Награжден набедренником 19.6.1866, наперсным крестом — 15.4.1878.

² См.: Жизнеописание старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Илариона, составленное одним из его учеников. Калуга, 1897.

НЕБЕСНЫЕ ПЕСТУНЫ

Печатается по: *Нилус С. А. Небесные пестуны*. Сергиев Посад: тип. Свято-Троице Сергиевой Лавры, 1909. С. 3–7. (Троицкий Цветок. № 59). Ср.: На берегу... 1916. С. 158–159 (1991: С. 137–138). Несколько измененный и расширенный вариант: На берегу... Ч. 2. С. 158–166. Публикуемое вступление имеется лишь в издании «Троицкого Цветка».

ОДИН ИЗ ТЕХ НЕМНОГИХ, КОГО ВСЬ МИР НЕДОСТОИН...

Печатается по: *Нилус С. А. Один из тех немногих, кого весь мир недостоин*: Блаженный Христа ради юродивый священник Отец Феофилакт Авдеев. Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 44 с. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 50).

¹ Блаженный Христа ради юродивый священник о. Феофилакт Авдеевич Никитин (кон. XVIII в. † 30.8.1841). См.: *Епископ Никодим. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв.* М., 1909. Август. С. 632–647.

² Михайловский Покровский женский монастырь (Рязанской губ.) переведен в город Михайлов в 1812 г.

³ Приезд в Таганрог Императора Александра I состоялся 5 ноября 1825 г.; его таинственная смерть (?) произошла 19 ноября.

⁴ Князь Петр Михайлович Волконский, генерал-адъютант, ближайший друг Императора Александра Павловича. Сопровождал Государя в его последней поездке в Таганрог.

⁵ Солотчинский Рождество-Богородичный мужской монастырь, 2 класса, при впадении р. Солотчи в Оку, в 18 верстах от Рязани. Основан в 1390 г. кн. Олегом Рязанским.

⁶ *Благочинный* — административно-судебное должностное лицо православного духовенства. Благочинные при епархиальных управлениях заменили в начале XVIII в. прежних десятинников и поповских старост. Бывают 2-х родов: 1) над монастырями; 2) над епархиальными церквами и их причтами. В основные обязанности благочинных входит: надзор за церквами и духовенством округа, исполнение распоряжений епархиального начальства, руководство причтом на местах, право духовного суда по вопросам, не требующим формального судопроизводства.

⁷ *Ассигнации* (от фр. assigner, назначать, определять) — российские бумажные деньги, выпущенные впервые при Екатерине II в 1769 г. Рост эмиссии (выпуска в обращение) вызвал их обезценивание сравнительно с серебряными монетами. Окончательно аннулированы в 1849 г.

⁸ *Святитель Тихон, Воронежский и Задонский епископ, чудотворец* (в миру Тимофей Савельевич Соколов, 1724 † 13.8.1783). Предсказал многие события Царствования Александра I. Мощи Святителя обретенны в 1845 г., 13.8.1861 он был причислен к

лику святых. Задонские торжества собирали к его раке безчисленные толпы народа со всех концов России (Мон. Таисия [Карцова]. Жития Русских Святых. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. Т. 2. С. 94–100).

⁹ Соловецкий Преображенский мужской монастырь, 1 класса, ставропигиальный, на Соловецком о. Белого моря. Существует с XV в.

¹⁰ Каванский женский монастырь в городе Касимове (Рязанской еп.), 3 кл., основан в 1624 г.

¹¹ Прокопий — неизвестный подвижник.

¹² Рочага — (рочег — диал.) — рычаг, шест, жердь. Рочить (напр. веревку) — задеть, зацепить.

¹³ Тульский Успенский женский монастырь, 3 кл. Основан ок. 1587 г. При монастыре имелась школа со специальным классом рукоделия.

¹⁴ По указу Императора Петра I от 19.12.1700 (7208 от С.М.) в России вводилось летосчисление от Рождества Христова, причем не по Константинопольской эре (с эпохой 1 марта 5508 от С.М.), как было до того, а по Антиохийской (с эпохой 1 сентября 5500 от С.М.). 8 лет таким образом исчезали из реальной хронологии. Реформа целенаправленно разрывала связь древнерусской традиции и культуры новой России.

Если принять 1855–1856 гг., указанные о. Феофилактом, за годы в Константинопольском (дореформенном) летосчислении, то они будут соответствовать 1848–1849 гг. летосчисления современного. Как известно, это были годы нового революционного взрыва во Франции, по глубокому убеждению многих русских подвижников — отверженной Богом стране (за укоренившиеся противохристианские тайные общества и грех принародного цареубийства). По отношению к христианской (монархической) государственности последовавшую за революцией 1848–49 гг. эпоху можно считать «света кончины», ибо безостановочная череда мятежей, подготовленных мировым масонством, привела в конце концов к гибели Русского Православного Царства (апокалипсического «удерживающего» 2 Фес. 2,7) и упразднению единой державы по всей Европе. Святитель Игнатий (Брянчанинов) назвал эти события «проншестввами, изменяющими лице земли». См. подробнее: Россия перед Вторым Пришествием. (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1994. С. 55–63.

ЗВЕЗДЫ ПУСТЫНИ

Печатается по: Нилус С. А. Звезды пустыни: Житие святого преподобного отца нашего Онуфрия Великого и с ним некоторых иных святых пустынножителей (память 12-го июля). Повесть, записанная Преподобным Пафнутием, епископским пустынножником. Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. (Троицкая Народная Беседа. Кн. 57).

¹ Т.е. Апостолов Христовых, согласно Евангелию, происходивших из Галилеи.

² Скифия (географически во многом совпадавшая с границами Российской Империи) и Индия считались двумя полюсами удаленности от основного места обитания в античности и средние века.

³ *Власяница* — грубая одежда в виде длинной рубашки из верблюжьей или какой-либо другой шерсти, которую носили на голом теле подвижники.

⁴ *Порфира* (греч.) — длинная пурпурная мантия — символ власти царя и его парадное церемониальное одеяние.

⁵ *Фиваида* (от греч.) — пустынная область недалеко от египетского города Уасет, названного греками Фивами. Знаменитое место подвигов многих египетских христианских аскетов; в переносном значении — место жительства многочисленных подвижников (напр. «Северная Фиваида» — Русский Север).

⁶ Ср. описание Дерева Жизни в Отк. 22, 2.

ТАЙНА ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА

Печатается по: Тайна печати антихриста/ [с предисл.] Л.[А.] Тихомирова. Мировая борьба добра и зла: По поводу письма С. А. Нилуса//Московские ведомости. 5.10.1910. № 228. С. 1–2.

¹ *Московские Ведомости* (1756–1917) — газета, основанная Московским университетом. С 1863 г., когда ее редактором вторично становится М. Н. Катков, она приобретает ярко выраженный консервативный характер. С 1905 г. — орган монархической партии. В 1909–1913 гг., когда ее редактором сделался Л. А. Тихомиров, становится наиболее авторитетным монархическим печатным органом.

² *Лев Александрович Тихомиров* (19.1.1852 † 16.10.1923). Происходил из семьи военного врача Александра Александровича Тихомирова-Белоусова и выпускницы Керченского Кушниковского института Христины Николаевны Каратаевой. (Тихомировы — старинный священнический и диаконский род Тульской губернии). Накануне рождения его матери было видение свт. Митрофана Воронежского (кстати, особо почитавшегося С. А. Нилусом). «Образок святого Христиана Николаевича надела на сына и просила никогда не снимать, считая его покровителем и заступником. Лев Александрович лишь однажды нарушил слово, данное матерью, забыв надеть образок — в день своего ареста» (Федосеева И. Русский фонд души: Духовное завещание Л. А. Тихомирова// Домострой. 7.5.1991. № 17. С. 10). В августе 1870 г. поступил на юридический факультет Московского университета (там учился затем и Нилус), где началась его литературно-публицистическая работа в революционных органах печати. Был арестован 11.11.1873, пробыл в Петропавловской крепости более 4-х лет. С 1878 (год освобождения) по 1885 г. — на нелегальном положении. Являлся автором важнейших документов, исходивших от имени партии «Народная воля», членом ее исполнительного комитета. В 1882 г. эмигрировал. В 1888 г. принес личное покаяние перед Императором Александром III, отрекся от прежних заблуждений и в 1895 г. возвратился на Родину, желая искупить вину в борьбе с нараставшим революционным движением. Л. А. Тихомиров стал, пожалуй, крупнейшим идеологом Православного самодержавия нашего времени. Автор капитальных монографических исследований: «Монархическая государственность» (1905; последнее изд.: СПб., 1992), «Религиозно-философские основы истории» (1913–1918, неопубликовано). С. А. Нилус неоднократно обращался к его

исследованиям в своих книгах. Переписка и личные встречи Тихомирова с Нилусом имели место по крайней мере, вплоть до сентября 1916 г. (Л. А. Тихомиров. Дневник за 1916 г. // ГАРФ. Ф. 634.1.27. Л. 25–26 об. Справка Г. Николаева). Отношение Л. А. Тихомирова к взглядам С. А. Нилуса характеризует приводимая нами запись в дневнике первого 8 сентября 1911 г.:

«Скверно!.. Все характеры ушли в революцию. Впрочем, и у них только разбойники, а ни одного умного тоже нет. Вот Нилус пророчил на 1913 год антихриста... Пожалуй, если бы пришел, то могли бы все ему поклониться, как избавителю. Но только все это вздор. Не видать еще исполнения пророчеств. А скверно, а скучно, а бессмысленно жить! Даже и просвета не видно. Ведь и конституция не удержится и не умрутворит» (Из дневника Льва Тихомирова // Красный Архив. М., 1936. № 1(74). С. 191).

Те же мотивы характерны и для публикуемой нами статьи Л. А. Тихомирова:

БОРЬБА С МАСОНСТВОМ

Недавно вышла книга г. Александра Селянинова «Тайная сила масонства»*.

Мы относимся всегда с большой осторожностью к толкам о всемирном масонском заговоре. В области действий его так много нерасследованной тайны, что это делает легкое место всяким фантазиям и фантастичностям. Однако книга г. Селянинова старается обосновываться, по возможности, на точных документах и способна вызвать на серьезное обсуждение опасности, угрожающей со стороны еврейского масонства.

Есть авторы, как С. А. Нилус, которые связывают с этой еврейско-масонской организацией христианское эсхатологическое учение. Они видят в ней развитие «тайны беззакония», о которой предупреждал еще апостол Павел, и конечное торжество еврейского «сверх-масонства» ставят в связь с пришествием антихриста и имеющим быть после того концом мира. С этой точки зрения, кратковременное, до явления Спасителя, торжество тех злых элементов, «которые называют себя иудеями, но не суть таковы, а сборище сатанинское», — есть явление неизбежное. С. А. Нилус в своей последней книге «Близ — грядущий антихрист» и считает мир накануне конца...

Безусловно веря учению христианскому, мы в обсуждении наших политических и социальных задач не можем, однако, становиться на точку зрения непосредственной близости конца мира, ибо сроки жизни и конца мира в христианском учении не указываются, а обязанность бороться против всякой злой силы, разрушающей нравственность и здоровые условия жизни обществ, положительно указана. А потому, близок ли, далек ли конец мира — мы должны стоять на своем посту.

Именно для этого и нужно знать врагов добра и правды, их силы, их замыслы и их действия.

Прежде чем подводить итоги влиянию масонства, следовало бы гораздо глубже и полнее изучить вопрос о действиях масонов, а тем более о стоящей за ними ев-

* Имеется в виду издание: Селянинов Александр. Тайная сила масонства. СПб., 1911; переиздание: Новый Иерусалим, 1993. По сведениям Гр. Бостунича «почти целиком скуплена и уничтожена масонами» (Масонство и русская революция. Нови Сад, 1932. С. 70).

рейской организации. И, разумеется, нельзя не упрекать правительства за их невнимание к разысканию этой еврейской организации и к точному определению ее замыслов и ее сил. Это — задача, которая превышает средства частных лиц и обществ, и потому прямо лежит на обязанностях государства.

Пока эта обязанность не исполнена, еврейско-масонская организация остается скрытою во мраке, и нет ничего удивительного, что, быть может, представляется в фантастических размерах и очертаниях для тех, которые во тьме неизвестности подмечают какие-то смутные контуры чего-то чудовищного. В тумане и мраке все кажется более страшным, чем при свете точного знания, и вот сила этого «сверх-масонства» кажется неодолимой, так что даже мысль о борьбе начинает казаться невозможною.

А между тем, беря документы, возбуждающие наиболее ужаса в людях, толкующих о масонстве, — как, например, протоколы «Сионских мудрецов», — мы получаем основания думать, что в течение истории эти мудрецы при все своей хитроумности имели далеко не поражающие успехи. Они хвалятся (если, конечно, означенные протоколы не апокриф)*, что, подготавливая царство Израильское, разрушали одно за другим ряд государств и постоянно более или менее одинаковыми приемами — разращения и разложения их. И, однако же, вслед за одним разрушенным царством появлялось другое, которое опять нужно было разлагать, а за этим являлось третье, и так до наших времен. Но если так, то значит, не одни масоны или сионские мудрецы имели значение в истории, и если они все старались разложить и разрушить, то в мире находились по-крайней мере не меньшие силы создающие, боровшиеся против их дела разрушения.

Сверх того, даже и смерть государств и наций, действительно погибших, разве она определялась только воздействием этой тайной силы? Разве нации и государства не подходят к одряхлению и смерти даже без всякого воздействия масонов? Или и прежнее царство Израильское разращено было также сионскими мудрецами, чтобы потом три тысячи лет трудиться над его воссозданием?

Если процессы политического разложения могут быть усиливаемы и эксплуатируемы какими-нибудь врагами человечества — то происходят и без них.

Во всяком случае, мы видим, что «мудрецы» злодейства чуть не спокон веков употребляют всякие ухищрения для уничтожения всех государств, и, однако, они доселе существуют. Значит, ни мудрецы, ни масоны, ни сверх-масоны не представляют такой неодолимой силы, чтобы рассказами о ней позволительно было нагонять на общество панику и отшибать у друзей человечества и своей родины все чувства, кроме ужаса пред неизбежной гибелью.

Страх — плохой советник. Злую и вредную силу нужно прежде всего знать, и так как этого доселе не достигнуто достаточно, то необходимо принять государственные меры для точного расследования масонства и уничтожения этой вредной силы.

* Этот же мотив встречаем мы и в книге Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность» (СПб., 1992. С. 666), завершённой 24.8.1905 (т.е. ещё до выхода книги С. А. Нилуса с Протоколами): «...Само социалистическое государство — такая невероятность, что почти равна невозможности, по-крайней мере, если за это не возьмется какие-нибудь «Сионские мудрецы» (если они не миф)». — Сост.

А наряду с этим столь же необходимо понимать, что борьба с разрушительными силами не может быть введена только полицейскими и судебными мерами, вообще не осуществима одной репрессией. Успехи вредных сил зависят всегда от внутренней деморализации сил добра. Неужто Лютер имел надобность во внешних масонах для того, чтобы найти мерзостью запустения картину папства своего времени? Неужели английские Стюарты вели себя сообразно идеальным обязанностям монархов? Неужели мы теперь охраняем свою семью от деморализующих условий? Неужели осуществление принципа собственности не грешит ничем против ее принципа?

Нет, никогда человек и общество не развращаются без собственной вины. Для того, чтобы ложные учения и коварные развращения не имели успеха, нужно прежде всего заботиться о том, чтобы наши общественные основы существовали достойно самих себя, не превращаясь в лживую фразу, не искажаясь в пустую форму или даже в нечто почти противоположное своему идеалу. Вот какая задача должна стоять всегда перед нами, и при сколько-нибудь добросовестном и умном ее достижении никакие ухищрения злейших разрушительных сил не в состоянии будут разложить наши общества. Попытки же вносить искусственное разложение легко могут быть тогда пресекаемы репрессией, как дело действительно злодейское. Но если мы сами допускаем гниль и плесень в нравственное и социальное состояние своих обществ, если позволяем под знаменем святости и величия заводить греху и ничтожеству, если мы допускаем святые и великие принципы превращать в орудие личных интересов, — то мы сами же готовим почву для успеха вредных и ложных учений и обществ.

Итак, рекомендуем всем, любящим родную Церковь, родную страну и народ, всем, чтящим Царский принцип, — обратить внимание на точное знание вредных замыслов врагов общества и способствовать государственному расследованию этой злой силы и ее пресечению. Но вместе с тем — и больше всего — рекомендуем вспомнить, что нам самим нужно стать выше, нужно воскрешать действие своих политических, общественных и церковных основ во всей их чистоте. А без этого ничего не получается ни из расследований, ни из репрессий, и изгнанный враг, как бес Евангельского поучения, будет опять возвращаться в нашу храмину, удобно для него устраиваемую.

(Печатается по: Домострой. 7.5.1991. № 17. С. 10—11. Публикация И. Федосеевой. Впервые опубликовано: Московские Ведомости. 1911. № 243).

³ Дрюмон (Dumont) Эдуард Адольф (1844—1917) — французский историк, издатель газеты «Libre Parole», автор книги «Еврейская Франция» (La France Juive, 1886), масон.

⁴ Ремфан — идол, почитавшийся богоотступниками в древнем Израиле.

⁵ Торн — английский писатель, автор романа «История одного великого заговора (Когда наступил мрак)» (русский пер.: СПб.: Изд-е А. С. Суворина, 1910. 368 с.). Главный герой романа Шуев (по происхождению еврей), миллионер, член английской палаты лордов, популярный политический деятель, с помощью залезшего в долги профессора-семитолога Львелина и берлинского профессора Шмельдера подделывает в Палестине греческую надпись на одной из гробниц, из которой явствует, что Христос

никогда не воскресал, а был просто похищен Иосифом Аримафейским. На мир надвигается страшная духовная катастрофа, ибо теперь должно измениться все мировоззрение человечества, нравственные законы теряют свою силу... Положительный герой, приходской священник-англиканец Гортроп и его друзья разоблачают подделку и восстанавливают истину. «Книга заканчивается величественной и трогательной картиной всенародного радования во храме в день Воскресения тех, кто и в дни испытания и искушения остались верны Воскресшему» (*Басаргин А. [А. И. Введенский]* Откуда надвигается мрак? // *Московские Ведомости. 23.1.1910. № 18. С. 2*). См. также отклик Нилуса на эту рецензию в наст. изд. («На берегу Божьей реки». 20.1.1910).

⁶ *Владимир Сергеевич Соловьев (1853 †1900)* — религиозный философ, публицист, сын историка С. М. Соловьева. С. А. Нилус характеризовал его, как «чуткого представителя философского умозрения, сохранившего связь с христианством». См.: *Дудаков С. Владимир Соловьев и Сергей Нилус // Russian Literature and History. In Honour of Professor Ilya Serman. Jerusalem, 1989. P. 163–169*. См. также весьма тенденциозную книгу того же автора: *Дудаков С. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993*.

⁷ *Слюзберг Генрих Борисович (1863–1937)* — член Еврейского полит. бюро при евреях-депутатах IV Государственной Думы, один из руководителей Еврейской народной группы. В 1920 г. эмигрировал. Свидетель обвинения на втором суде по делу о «Протоколах» в Берне (29 октября — 1 ноября 1934 г.).

⁸ *Алоис фон Эренталь (1854–1912)* — барон (граф с 1909), советник посольства Австро-Венгрии в России (1888–1894), министр иностранных дел (1906–1912).

⁹ *Теобальд Бетман-Гольвег (Bethman-Hollweg, 1856–1921)* — масон, германский рейхсканцлер и министр-президент Пруссии (1909–1917); министр внутренних дел Пруссии (1905–1907), имперский министр внутренних дел и заместитель рейхсканцлера (1907–1909). По некоторым сведениям имел встречу с В. И. Лениным в Дармштадте по пути следования знаменитого «пломбированного вагона», принял участие в финансировании октябрьского переворота.

¹⁰ *Луиджи Луццати (1841–1927)* — экономист, правовед и политический деятель из Венеции, крещеный еврей. В 1869 г. — генеральный секретарь министерства сельского хозяйства. Сферой деятельности Луццати принято было считать скорее экономику, нежели политику, поэтому он входил практически во все кабинеты итальянского правительства конца XIX — начала XX вв. Известен как социальный реформатор, инициатор экономического обследования итальянской промышленности 1870–74 гг., основатель первых «народных банков». Приверженец немецкой исторической школы. Являлся неизменным политическим союзником крупнейшего государственного деятеля Италии того времени Джованни Джолитти. В марте 1910 — марте 1911 гг. по согласованию с ним занял пост премьер-министра. В конце жизни весьма дружественно относился к фашизму. (См. о нем подробнее: *Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955. С. 381; он же. История современной Италии. М., 1975. Т. 6*). Секретарь итальянской коммунистической партии А. Грамши писал свояченице, еврейке из России Т. Шухт из тюрьмы 28.9.1931 г.: «...в Италии давно уже не существует антисемитизма. Еврей могут стать министрами (и даже председателем совета министров, как Луццати) и генералами в армии; браков между евреями и христианами насчитывается

множество, особенно в больших городах, и заключаются эти браки не только между людьми из народа, но и между барышнями из аристократической среды и евреями-интеллигентами. Чем, спрашивается, итальянский еврей (за исключением незначительного меньшинства — раввинов и старых набожных «бородачей») отличается от любого итальянца той же классовой принадлежности? Он куда в большей мере отличается от польского или галицийского еврея той же классовой принадлежности» (*Грамиш А. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 174.*)

¹¹ *Эрнесто Натан* (5.10.1845, Лондон—9.4.1921, Рим) — побочный сын Джузеппе Мадзини, радикально-масонский политический деятель, мэр (синдик) города Рима (1909—1913), великий магистр масонской ложи Италии (1896—1904, 1917—1919). Поселился в Риме в 1871 году. Его дом стал своеобразным культурно-политическим салоном. Долгие годы перед этим занимавший пост синдика Просперо Колонна, которого называли «римский князь», был смещен в октябре 1904 по инициативе Дж. Джолитти и Л. Луццати (см. пред. прим. Подробнее: *Carocci Giampiero. Giolitti e l'eta giolittiana. Torino, 1965. P. 44; Smith D.M. Italy: A modern history. Univ. Michigan Press, 1959*). Вступивший на его пост Натан мобилизовал имеющийся в его распоряжении масонский политический потенциал для создания в Италии «лаического» (отделенного от церкви) государства. Для его законотворчества характерен ярковыраженный антиклерикализм, антинационализм, противодействие консерваторам даже либерального толка. После Адриана Лемми (*Adriano Lemmi*, банкира из Ливорно, великого магистра итальянского масонства) стал, по С. А. Няусу, «верховным жрецом люциферянского масонства (энсофом)». (См. также: *Corra Fr.J. Dictionary of Modern Italian History. Westport (Connect., USA); London, 1985. P.165, 289*).

¹² *Ротшильды* — международная финансовая группа. Родоначальником банкирского дома «М. А. Ротшвльд и сыновья» во Франкфурте-на-Майне (1810) явился Майер Ансельм Ротшвльд (*Meyer-Anselm-Amschel-Rothschild, 1743—1812*), родившийся там же в бедной еврейской семье. Боролся за еврейское равноправие. Его преемниками стали сыновья, основавшие банки в других крупнейших городах Европы: Ансельм (Франкфурт-на-Майне), Соломон (Вена), Натан-Мейер (Лондон), Карл (Неаполь), Джемс (Париж). В сфере влияния семья Ротшвльдов находилось значительное число промышленных предприятий, железнодорожных, страховых компаний, усилилось их прямое влияние на государственную политику, в чем немалую роль играло участие лиц, связанных с Ротшвльдами, в государственном управлении. К началу XX в. насчитывалось ок. 50 лиц, носивших фамилию Ротшвльд, с многомиллиардным состоянием.

¹³ *Молох* — ханаанское божество, которому приносились человеческие жертвы.

¹⁴ *Алексей Борисович Нейдгарт* (или Нейгарт, 1863 †?) — почетный опекун, гофмейстер, действительный стат. советник, нижегородский губернский предводитель дворянства, екатеринославский губернатор (1903—1906), член Государственного совета. Проявил твердость при подавлении революционного движения в губернии в 1905 г. Был причислен к Министерству внутренних дел. Во время войны с Германией — председатель комитета Вел. Княжны Татяны Николаевны для помощи пострадавшим от военных бедствий. *Д. Б. Нейдгарт* — гофмейстер Двора Е.И.В., член Государственного совета. Неясно, кого именно имеет в виду С. А. Няус.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДНЕ ВТОРОГО СТРАШНОГО ПРИШЕСТВИЯ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА И КОНЧИНЫ МИРА

¹ Подробнее см.: Россия перед Вторым Пришествием. С. 326—329.

² *Нилус Сергей*. Великое в малом. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле: Записки православного. Изд. 3-е испр. и доп. Сергиев Посад: тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. С. 208.

³ Не вдаваясь в оккультные подробности этого символа, укажем лишь на присутствие в ряду христианских образов дьявола и его слуг — дракона, змия древняго, который есть дьявол и сатана (Отк. 20, 2). Змий, таким образом, является символом «тела сатаны» (церкви лукавнующих Пс. 25, 5) — в противовес Телу Христову — Христианской Церкви.

Впервые схема продвижения главы символического змия была опубликована в книге бывшего католического ксендза, дворянина Киевской губернии *Ипполита Иосифовича Лютостанского* (впоследствии принявшего Православие и рукоположенного во иеромонахи) «Талмуд и Евреи» (кн. 1. 4 изд. СПб., 1914 (1 изд. М., 1879; 2 изд. СПб., 1902; 3 изд. СПб., 1902); кн. 2. 3 изд. СПб., 1901 (1 изд. М., 1879); кн. 3. 3 изд. СПб., 1905 (1 изд. М., 1880); кн. 4. СПб., 1905; кн. 5. СПб., 1905; кн. 6. СПб., 1907; кн. 7. СПб., 1909. Общий тираж 50 000 экз., организованно уничтожался), затем воспроизводилась в своих трудах присяжным поверенным окружной Московской судебной палаты, историком тайных обществ и оккультизма *А. С. Шмаковым* († 1916). Последнюю по времени (1922) схему продвижения символического змия приводит *Г. Бостунич* (Масонство и русская революция. Новый Сад, 1922. С. 196).

⁴ Например, в *На берегу...* 1916, с. 109—110.

⁵ Цитировавшаяся *Историческая справка* получила широкое распространение в самиздате 1960—1970-х гг.

⁶ Обращение Наполеона, пришедшего к власти на гребне атеистической революции, ко Христу стало отдаленно намечаться лишь в последние годы его жизни. См.: *Введенский А., священник*. Мысли Наполеона на о. Св. Елены об Иисусе Христе: к юбилею Отечественной войны // Душеполезное Чтение. 1912. Ч. 3. С. 394—401. Оккультный, черномагический характер религиозности Гитлера (и Третьего рейха в целом) ныне хорошо известен, благодаря публикациям *Л. Повеля и Ж. Бержье, В. Пруссакова, В. Карпеца* и др.

1

Печатается по: *Нилус Сергей*. Великое в малом и антихрист, как близкая политическая возможность: Записки православного. Изд. 2-е, испр. и доп. Царское Село, 1905. С. 406.

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 765.13.27. Л. 168–172. Для определения местонахождения отрывка использовано издание: *Нилус С. А. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911. С. 194. [№ 24а].*

⁷ С. А. Нилус имеет в виду место из Апокалипсиса, согласно русской богословской традиции, раскрывающее духовный смысл существования Российской Империи и символику ее герба — двуглавого орла: *И даны были жене [т. е. Церкви] два крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжении времени, времен и полвремени (Отк. 12, 14). Ср. также образ «Божиего Царства Православной Церкви в пустыне лесов и степей Великой России» из «[1933-го года]» (ниже).*

3

Печатается по: *Нилус Сергей. Великое в малом. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле: Записки православного. Изд. 3-е испр. и доп. Сергиев Посад: тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1911[1912]. [№ 25]. С. 212–216. Вместо утраченных с. 217–220 перепечатываются с. 416–417 издания 1905 г.*

⁸ Имеется в виду *Русско-японская война 8.2.1904–5.9.1905*. В издании 1905 г. это место сопровождало подстраничное примечание: «Некоторые косвенные данные заставляют предполагать, что Синедрюн по отношению к Японии употребил тот же прием своей политики, который ему с таким успехом удался в Англии: нафантазирование ее руководителей идеей кровного родства с Израилем и всемирного владычества. Нам довелось от одного еврея слышать, что японцы не кто иное, как колено Вениаминово. Синедрюн искусился в деле обольщения народов» (с. 414). Ранее, в изд. 1905 г., на с. 411 в подстраничном примечании говорилось о «племенном родстве англичан и евреев»: «Как известно, существует целая «научная» теория, пытающаяся доказать, что Англичане — потомки одного из десяти рассеянных колен Израилевых. Синедрюн, управляющий течением современной науки, не стесняется в своих выгодах изобретать какие ему угодно теории. По некоторым тонким признакам в воздухе уже зарождается новая теория, по которой честь родства с Богоизбранным племенем переуступается Синедрюном Америке и... Японии. *Avis a l'Angleterre!*» [Посмотрите (обратите внимание) на Англию! — фр.]

В последнее время получила также широкое распространение «гипотеза» о японской «династии Иисуса», якобы умершего в Сингомуре в возрасте 106 лет (см.: *Агафонов А. «Христос не был распят, он почил в Аомори...» // Известия. 14.10.89*).

⁹ *Хунхузы* (от кит. *хунхуцзы*, букв. — краснородый) — название участников вооруженных банд, появившихся в Маньчжурии в середине прошлого века. Прекратили свою деятельность после установления коммунистического режима Мао Цзе-дуна (1949). Отряды хунхузов состояли в основном из деклассированных элементов и иногда

достигали нескольких тысяч человек. Накануне Синьхайской революции 1911–1913 гг. местные власти пытались использовать их в качестве военной силы.

¹⁰ *Генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин (1848 †1925)* — генерал от инфантерии, начальник Закаспийской области (1890–98), военный министр (1898–1904), в начале войны с Японией — главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке, после поражения под Мукденом (25.2.1905) и приказа Государя от 5.3.1905 о его смещении с этой должности — командующий 1-й Маньчжурской армией. С 1906 г. — член Государственного совета. Был арестован, а затем освобожден Временным правительством. После октябрьской революции проживал в родовом имении в Исковской губернии.

¹¹ «Жертвы все нарастали. Главнокомандующий Куропаткин повторял: «Терпения, терпения». Месяцы текли; успехов все не было» (*Мосолов А. А. При дворе последнего Российского Императора. М., 1993. С. 30–31*).

¹² *Генерал-адъютант (с 1905) Николай Петрович Линевич (24.12.1838 †10.4.1908)* — русский военный деятель. В начале 1900-х годов — командующий войсками Приамурского военного округа, командующий 1-й Маньчжурской армией в русско-японской войне. Сменил А. Н. Куропаткина на посту главнокомандующего вооруженных сил в 1905 году (Куропаткин и Линевич поменялись местами). В феврале 1906 г. за недостаточно активную борьбу с революционным движением снят с должности.

¹³ *Портсмутский мирный договор* между Россией и Японией был заключен 5 сентября 1905 года.

¹⁴ Результатом закулисных переговоров США и Японии явилось, например, секретное соглашение о признании японского протектората над Кореей в обмен на отказ Японии от агрессивных действий против Филиппин.

¹⁵ *Джунуис Спенсер Морган и его сын Джунуис Пирпонт Морган-старший* — американские финансисты, основатели Morgan Guaranty Trust Company (1861), одного из крупнейших акционерных банков США. Во время гражданской войны в США нажили огромное состояние. К концу XIX — началу XX в. Морганы заняли ведущие позиции в ряде отраслей обрабатывающей промышленности, на железнодорожном транспорте. Банкирский дом «Дж. П. Морган и К^о» господствовал в размещении ценных бумаг промышленных компаний и контролировал крупнейшие коммерческие банки Нью-Йорка и Филадельфии.

¹⁶ *Джон Д. Рокфеллер-старший (Rockefeller, 1839–1937)* — основатель компании Standard Oil, которая в конце XIX в. монополизировала перегонку и продажу нефти и нефтепродуктов в США. В 1920-х гг. финансово-промышленная группа Рокфеллеров занимала 2-е место среди восьми крупнейших монополистических групп США, уступив 1-е место Морганам (см. пред. примеч.).

¹⁷ *Сергей Юльевич Витте (1849–1915)* — граф с 1905 г., министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), председатель Совета министров (1905–1906), член Государственного совета и председатель комитета финансов (1906–1915). Действительный тайный советник, статс-секретарь. С. Ю. Витте являлся постоянным проводником либерально-демократического влияния в правительстве России. Он употребил немало усилий для того, чтобы Государь

подписал конституционный, ограничивающий самодержавие манифест 17.10.1905. В то время, как многие (в том числе иностранные) военные специалисты оценивали наступившее на фронте в середине 1905 г., затишье как переломное в пользу России, Витте писал Куропаткину 23.6.1905: «Нужно пожертвовать всеми нашими успехами, достигнутыми за последние десятилетия... Мы не будем играть мировой роли — ну, с этим нужно помириться» (*Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. С. 284*). Именно С. Ю. Витте убедил Царя «пойти навстречу общественности» и подписать позорный для России мир. Масон. Двоюродный брат Е. П. Блаватской — основательницы теософии.

¹⁸ А. Ю. Ротштейн — директор Международного Коммерческого Банка в Петербурге (учр. 1869), масон. Вначале в МКБ сильным влиянием пользовались германские банки, особенно «Дисконто гезельшафт». Параллельно с внешнеполитическим сближением России с Францией устанавливались связи с банками этой страны — Парижско-Нидерландским и Ротшильда. А. Ю. Ротштейн, ставший главой МКБ в 1890-е гг., был тесно связан с С. Ю. Витте. В этот период банк сотрудничал с министерством финансов в размещении русских займов за границей. Во время русско-японской войны намечался расхождение Витте с Ротштейном, вскоре после чего последний умер (предполагают, что он был отравлен). В мемуарных романах Е. А. Шабельской выведен под именем банкира Гольдмана. По ее свидетельству, перед смертью Ротштейн покался во всем св. Иоанну Кронштадтскому, окрестился, был приобщен Св. Таин и скончался христианином.

¹⁹ Артур Германович Рафалович (1853—?) — экономист. Автор многочисленных трудов, с 1891 г. ежегодно выходили его обзоры международного финансового рынка «*Le Marche financier*». Агент русского Министерства финансов во Франции в 1894—1917, специальный делегат от Министерства финансов на Гаагской конференции (1899). Был лично близким С. Ю. Витте человеком.

²⁰ Г. Виленкин — участник Портсмутских мирных переговоров. Автор книги «Государственный и общественный строй Японии» (СПб., 1908. 214, II с.). Одновременно его работа вышла в Токио на английском языке (*G. Wilenkin. The political and economic organisation of modern Japan. Tokyo: Shoten, 1908. II, 173 p.*). В 1902 г. выпустил монографию «Финансовый и экономический строй современной Англии» (СПб., 1902. IV, 170 с.), которая, судя по всему, была также знакома С. А. Нилусу.

²¹ С 1906 г. в Китае под влиянием российской революции произошел ряд восстаний и бунтов. Наиболее значительной явилась так называемая «синьхайская революция» (от названия релягиозного года *синьхай*) 1911—1912 гг. Она началась 10.10.1911 восстанием в Учане. 29.12.1911 первым демократическим президентом Китая был избран Сунь Ят-сен, руководитель революционной организации «Тунмэнхой», возвратившийся из эмиграции. 12.2.1912 последовало официальное отречение маньчжурской династии, а на следующий день заявил о своей отставке Сунь Ят-сен. Под давлением менее радикальных элементов он ушел с поста 1.4.1912, передав дела временному президенту Юань Шикаю. Опасаясь дальнейшего развития революционных событий, 18.6.1912 было заключено соглашение между американскими, английскими, французскими, германскими, русскими и японскими группами банков («консорциум 6 держав») о предоставлении режиму Юань Шикая реорганизационного займа в 60 млн. фунтов стерлингов. В августе 1913

было подавлено бэйинское восстание, организованное Сунь Ят-сеном, и Юань Шя-кай стал единоличным диктатором страны.

²² Отг. 14, 20.

²³ Дан. 12, 4.

²⁴ «То божество, под чье покровительство ставит себя Китай, повсюду, даже на его национальном флаге изображается им в образе отвратительного дракона. Это сатанинское чудовище, когтистое и хвостатое, с незапамятных времен и поныне представляет собою национальную китайскую эмблему» (Близ есть, при дверех. С. 288). См. также прим. 3.

²⁵ В Царскосельском издании проставлена дата окончания книги: «Оптина Пустынь», 22–24 октября 1905 г. Дни Казанской и Скорбящей Божией Матери».

НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ

Печатается по: *Нилус Сергей*. На берегу Божьей реки: Записки православного. Сергиев Посад: тип. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. 1910-й год записей по: Троицкое Слово, 1916 — 1917 гг. [№ 27].

¹ *Атаман Донского казачьего войска Матвей Иванович Платов* (1751 †1818) — выдающийся русский военачальник, победоносно участвовал во многих войнах России, в том числе против французов. 27–28.6.1812 одержал первую крупную победу над войсками Наполеона. Под Миром его конница нанесла поражение польской кавалерийской дивизии генерала Рожнецкого. Казаки вызывали у французских солдат ужас.

² *Наполеон Бонапарт* (1769–1821) — император Франции (1804–1815), король Италии, протектор Рейнского союза, медиатор Швейцарии. В утверждении его у власти большую роль сыграли масонские ложи. Сам он заявлял: «Военное сообщество является франкмасонством: между ними имеется определенное понимание, которое позволяет им узнавать друг друга повсюду безошибочно, находить и понимать друг друга». В 1812 г. международное войско под его предводительством вторглось в Россию, где было побеждено.

³ *Великая французская революция 1789 г.*, казнившая законного монарха Франции Людовика XVI и его семью. Закончилась возведением на французский трон одного из предтеч антихриста — Наполеона Бонапарта, уроженца о. Корсика. Наполеон Бонапарт явился одним из основателей идеологии мондиализма, впервые попытавшимся осуществить ее на практике.

⁴ *Граф Лев Николаевич Толстой* (1828–1910) — русский писатель и мыслитель, испытал, в частности, влияние идей Руссо. Основал противное Христианству и Православию вероучение, распространившееся в мире. За еретические воззрения и богохульство отлучен от Церкви.

⁵ *Жан Жак Руссо* (1712–1778) — французский философ-деист, масон, принадлежал к движению просветителей. Занимался вопросами педагогики, социологии и эстетики. Его теория «общественного договора» и всеобщего равенства вдохновила якобинцев на конкретные действия.

⁶ *Андре Массена* (Andre Massena, 1758—1817) — герцог риволийский, князь эсвингенский, маршал Франции, крещеный еврей из Няццы (настоящая фамилия Манасе). В 1775 вступил рядовым во французскую пехоту, но т.к. официальный чин давался тогда одним дворянам, то Массена, прослужив 14 лет, вышел в отставку. После революции он опять вступил в армию и в 1792 г. командовал батальоном, а в 1793 стал дивизионным генералом. В итальянской кампании 1796 приобрел славу выдающегося полководца. В 1799 получил командование войсками в Швейцарии и победил русско-австрийскую армию под Цюрихом. В 1800 прославился обороной Генуи. При учреждении империи получил звание маршала. В 1805 был разбит эрцгерцогом Карлом. В походе 1806—1807 командовал правым крылом армии. В 1810 назначен главнокомандующим французской армией в Португалии; недостаток продовольствия принудил его к отступлению. С этого времени боевая деятельность прекращается. В 1815, когда Наполеон отказался от престола, временное правительство поручило Массена командование парижской национальной гвардией. По занятии столицы союзными войсками сбежал.

⁷ *Николай-Жак де Две Султ* (Soult, 1769—1851) — герцог Далматский, французский маршал, крещеный еврей. Массон, впоследствии руководитель одного из масонских сообществ. С 1785 служил рядовым во французской армии, в 1791 был уже бригадным генералом. Принимал участие в революционных войнах в Германии, Швейцарии и Италии. Командуя корпусом, участвовал в битвах при Аустерлице, Йене и Эйлау. 12.11.1809 разбил испанскую армию при Оканья. 19.4.1814 заключил перемирие с лордом Веллингтоном и заявил о своем подчинении Людовику XVIII, кем и был назначен военным министром. Как только Наполеон высадился во Франции, Султ перешел на его сторону и был назначен начальником штаба. В этом звании он принимал участие в сражениях при Линья и Ватерлоо. После II реставрации изгнан из Франции, но в 1819 получил разрешение вернуться, в 1827 назначен паром. После июльской революции немедленно примкнул к новому правительству. 18.11.1830 назначен военным министром. В 1831 подавил восстание в Лионе. С 1834 в отставке, но в 1840 сформировал снова кабинет министров, в котором занял пост военного. В 1847 вторично вышел в отставку с титулом *Marechal general de France*. Как политический деятель обнаружил крайнее честолюбие и безпринципность. Известны его мемуары.

⁸ *Масонство, франкмасонство* (от фр. franc maçon — вольный каменщик) — антихристианское религиозно-политическое движение, состоящее из сети тайных организаций (масонских лож), раскинутых по всему миру. Ритуальная символика и основы мировоззрения — каббалистические, что указывает на связь масонства с талмудическим иудаизмом. Организационные формы масоны заимствовали от средневековых цеховых братств каменщиков. Масонские ложи строятся по строго иерархическому принципу. В России широко стали распространяться с начала XVIII столетия. Многие государственные, политические, культурные деятели России с этого времени были посвящены в ту или иную степень масонской иерархии. Масонством были подготовлены все революции, начиная с XVII века, основной целью которых являлось свержение родового монархического строя и замена его «народоправством» (в основном, властью буржуазии).

С. А. Нилус крайне отрицательно относился к международному масонскому движению, предлагая своему читателю нижеследующее его определение:

«1) Франмасонство есть тайное сообщество христиан-отступников вместе с язычниками, негласно руководимое вождями еврейского народа и имеющее целью разрушение Церкви Христовой и монархической государственности, преимущественно же христианской».

2) Франмасонство есть анти-Церковь, или церковь Сатаны, преддверие церкви грядущего антихриста.

3) Франмасонство есть «Вавилон», «блудница великая, сидящая на водах многих» (Ап. 12 и 13 гл.).

4) Франмасонство есть «тайна беззакония» (2 Сол. 2, 7 ст.).

5) Франмасонство есть продолжение на земле начатого на небе бунта Сатаны против Бога» (Близ есть, при дверех. С. 84–85).

⁹ *Калуга, халуга* — тын, изгородь, улица. Интересны следующие языковые параллели: калига (caliga, башмак страннический, монашеский), калика (странник, паломник), калугер (от греч. Kalogeros, монастырский старец).

¹⁰ Преподобный Тихон Медынский (Калужский) († 16.6.1492).

¹¹ Блаженный Лаврентий Калужский, Христа ради юродивый († 10.8.1515).

¹² Преподобный Пафнутий, игумен Боровский († 1.5.1477).

¹³ См.: Ответ пастыря Церкви Льву Толстому на его «Обращение к духовенству» // *Иоанн Кронштадтский* [Сборник]. М., 1992. С. 203–211.

¹⁴ «Непротивление злу насилием» — одна из главных жизненных установок толстовства, берет начало от некоторых положений в мировоззрении Руссо. М. К. Ганди была использована в политической борьбе против британского владычества в Индии.

¹⁵ *Энциклопедисты* — составители и авторы «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751–1780), сыгравшей большую роль в идеологической подготовке французской революции 1789 г. В числе энциклопедистов были Дидро, Д'Аламбер, Монтескье, Руссо, Вольтер, Гельвеций, Гольбах и др. Одна из масонских лож также носила название «ложки Энциклопедистов». Вольтер, Д'Аламбер, Руссо, Дидро, живописец Грез, скульптор Гудон, Кондорсэ, Дантон, Демулен, Сиейес, братья Монгольфье, а также посланец Нового Света Бенджамин Франклин (гос. деятель и изобретатель) — входили в две головные ложи — «Энциклопедистов» и «ложку наук», известную и как «ложка девяти сестер», основанную в 1769 г. (*Замойский Л. П.* Три шага в мир масонов // *Аргументы*. 1988. М., 1988. С. 156).

¹⁶ *Ганнибал* (246–183 до Р.Х.) — карфагенский полководец во II Пунической войне (218–202 до Р.Х.). Один из великих военачальников древности.

¹⁷ «Колокол» (СПб., 1905–1917) — ежедневная общественная, политическая и литературная газета православно-монархического направления, издавалась миссионером В. М. Скворцовым (1859 †?) (издательницей значилась Ю. А. Скворцова). Редактор Н. Д. Облеухов.

¹⁸ *Сионизм* — (от названия горы Сион близ Иерусалима, на которой стоял первый иудейский храм) — крупнейшее еврейское религиозно-политическое движение, официально оформившееся в конце XIX в. под лозунгом объединения всех евреев на «исторической родине» в Палестине. Сионизм является официальной идеологией государства Израиль.

¹⁹ *Синедрион* — верховное судилище иудеев, состоявшее из 72-х членов под предсе-

дательством первосвященника и находившееся в Иерусалиме. Под этим словом Нилус подразумевает скрытых вождей сионизма.

²⁰ Герсон фон Блейхредер (Bleichroeder, 1822—1893) — германский финансист, глава берлинского банкирского дома. Играл крупную закулисную роль в качестве доверенного Бисмарка в области не только государственных, но и личных его финансов. Блейхредер деятельно финансировал прусское правительство в войне с Францией, принимал участие в финансировании французской военной контрибуции и был за это вознагражден дворянским достоинством, несмотря на то, что по происхождению был евреем. Благодаря своим финансовым связям, в том числе с домом Ротшильдов, он был весьма полезен в смысле информации и советов разного рода. Таким же доверенным лицом он служил и кн. Х.К.В. Гогенлоу-Шяллинфюрсту, будущему рейхсканцелру и министру-президенту Пруссии (1894—1900). См.: Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX в. М., Л., 1960.

²¹ Моисей Мендельсон (Moses Mendelssohn, 1729—1786) — видный представитель немецкого просвещения, иудей-талмудист, борец за права евреев. Его сын стал крупным банкиром. Внук, Фелякс Мендельсон-Бартольди (1809—1847) — известный композитор.

²² Лео Мехелин (1839—1914) — финляндский политический деятель, профессор государства и права в гельсингфорском университете, с 1872 — депутат Финляндского сейма. Активно выступал за отделение от России. С 1903 вторично в эмиграции, но в 1905 вернулся и занял пост вице-президента хозяйственного департамента сената (1905—1908).

²³ Войма (*Woima*) — тайное общество финских сепаратистов, ставившее задачей отделение Финляндии от России в случае беспорядков в последней. В обществе участвовали многие должностные лица, в том числе таммерсфорский полицмейстер фон-Нанельстад (уволен генерал-губернатором Н.Н. Герардом 4.3.1907). Войма получала из-за границы оружие, которое распределяло по многочисленным складам, выпускало воззвания, призывающие к восстанию и т.д. См. также: Федоров Е.В. Подготовка финляндской революции 1889—1905. СПб., 1907.

²⁴ «Речь» (СПб., 1906—1917) — ежедневная газета, официальный орган партии народной свободы (конституционно-демократической).

²⁵ О поддержке крупнейшей армянской националистической партии «Дашнакцутюн» со стороны международного масонства, сионизма и революционных элементов Турции и России см. подборку документов из архивов департамента полиции: Дашнаки/ Публ. В.М. Копылова// Военно-исторический журнал. 1990. №№ 8—9.

²⁶ «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки») — тайное масонское общество (основатель Ахмед Риза) политического движения младотурок. См. подробнее: Петросян И. Е. и Ю. А. Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII—начало XX в.). М., 1993. С. 130 и далее.

²⁷ Имеется в виду прояпонская позиция финансового капитала Соединенных Штатов во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.

²⁸ *Hannibal ante (или ad) portas!* (лат.) — «Ганнибал у ворот!», т.е. враг у ворот, грозная опасность близка. Первоначально употреблено как клич об опасности, нависшей над Римом в один из критических моментов II Пунической войны, когда Ганнибал, за-

няв Капую, Нолу и Нукервию, двинулся с войском по направлению к Риму.

²⁹ *Кувуклия* (от лат. *cubiculum*, опочивальня) — часовня над Гробом Господним в Иерусалиме, куда на Пасху входит Патриарх для получения свыше благодатного огня.

³⁰ Патриарх Дамриан I Иерусалимский. Поставлен в 1897 г. Деятельность его была отмечена заботами о просвещении духовенства и мирян и энергичной борьбой с иноверной пропагандой.

³¹ См. Книгу Пророка Даниила, гл. 3.

³² Насельники Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афонской Горе.

³³ Главы от 25 и 27 (в публ. *Концевича* (с.476) ошибочно: 7-го) июня, 1 июля 1909 года не были включены ни в издание 1916-го, ни в издание 1975—1991 гг. Печатается по: *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. *Jordanville*, 1970. С. 467—470, 476—477, 475.

³⁴ *Монашеский съезд*, первый в истории Русской Православной Церкви, проходил с 5 по 13 июля 1909 года в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре по программе, утвержденной Св. Синодом. Почетным председателем съезда был избран Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), председателем — епископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский). Кроме них в съезде участвовало еще двое архиереев: ректор Московской Духовной Академии епископ Волоколамский Евдоким (Мещерский) и епископ Мамадышский Андрей (Ухтомский). Общее число официальных участников было ок. 55-ти (38 с правом совещательного голоса). Оптину Пустынь и Скит представляли оо. Варсонофий и Ксенофонт (см. запись от 21.7.1909). Представители крупнейших обителей России приняли целый ряд важных постановлений, которые должны были привести монастырский быт в более полное соответствие с православной традицией. Решения были представлены на синодальное утверждение и отражены в последовавшем в сентябре 1910 г. соответствующем указе (см. запись в Скитской Летописи от 9.9.1910). В какой-то мере съезд явился прообразом Поместного Собора 1917—1918 гг. Были приглашены такие знаменитые старцы как о. Симеон Саровский, затворник Зосимовой пустыни вероисихионах Алексей и др. Документы и материалы съезда см.: ОР РГБ. Ф. 765.4—8; Ф. 213.5.14.

II съезд монашествующих носил название «Собора» и прошел в 1917 году. См. его оценку: *Архиеп. Никон.* Мой дневник, 375// Троицкое Слово. 1917. № 375. С. 393; Там же. № 381—383. С. 443—445.

³⁵ ..на повор — Съезд действительно подвергся ожесточенным нападкам и клевете со стороны либерально-демократической прессы.

Монах буквально означает «один, одинокий, единственный» (от греч. *monos*).

³⁶ *Олимпиада Феодоровна Рагозина* († 14.10.1911) — близкий друг семьи Нилусов, заведующая фельдшерскими Рождественскими курсами в Санкт-Петербурге. Знакомство Сергея Александровича с Еленой Александровной Озеровой вероятно состоялось у нее на квартире. Сотрудничала в казанском журнале трезвенников «Деятель».

³⁷ *В дому Давидову страх велик* — реминисценция из Ветхого Завета.

³⁸ ...изображение зверя — Ср.: «Глаголя живущим на земли, сотворити образ зверю...» (Отк. 13, 14); «Зде мудрость есть. Иже имать ум, да почтет число зверино: число бо человеческо есть, и число его, шестьсот шестьдесят шесть» (13, 18).

³⁹ *Франсиско Гуардия Феррер* (*Guardia Fetter*, 10.1.1858—13.10.1909) — испанский

просветитель, масон, республиканец, близкий к анархистам. В 1901 организовал в Барселоне светскую «современную школу», которая вскоре превратилась в антихристианский центр. В 1907 эмигрировал. Тайно возглавлял восстание в Барселоне против колониальной войны в Марокко, был арестован и казнен. Приведение приговора в исполнение вызвало многочисленные протесты масонов и масонизированной общественности во всем мире.

⁴⁰ Речь идет о враче из Бостона *О. Брауднере*, обладавшем исключительными гипнотическими способностями.

⁴¹ «*Великий Восток*» — особая система масонских лож («*послушание*»), впервые зародившаяся во Франции (1773). С конца XVIII в. ложи «*Великого Востока*» распространились по всей Европе. Крайне левое (атеистическое) направление в мировом масонстве. В начале XX в. ложи «*Великого Востока*» были открыты в России («*русское политическое масонство*» начала XX века). Их усилиями была совершена февральская революция 1917 г. Главой «*Великого Востока*» в России был А. Ф. Керенский.

⁴² *Рационализм* (от лат. *rationalis*, разумный) — противохристианское учение в теории познания, согласно которому всеобщность и необходимость (логические признаки достоверного знания) не могут быть выведены из опыта и его обобщений, а могут быть почерпнуты только из самого ума, либо из понятий, присущих уму от рождения, либо из понятий, существующих только в виде задатков, предрасположений ума. Враждебно относясь ко всему Христианству и ко всякой религии вообще, рационализм поставляет разум человеческий верховным и единственным разрешителем религиозных и всяких других вопросов, отрицает все таинственное и чудесное в религиозной области, обрядность и догматику. Называя свой рационализм гуманитарным (от лат. *humanitas*, человеческая природа, образованность), Ферреро, по-видимому, хочет подчеркнуть его независимость от постулатов религиозной веры.

⁴³ *Селянинов А.* Тайная сила масонства. СПб., 1911.

⁴⁴ Речь идет о графе А. М. Дю-Шайла. См. разделы «*Материалов...*»: «*Лжец, возвещающий правду*», «*Оптинская смута*».

⁴⁵ *Схиархимандрит Илиодор Глинский* (в миру Иоанн Феодорович Голованицкий, 1795 † 28.6.1879). Вел переписку с преп. Амвросием Оптинским (см.: *Схиархимандрит Иоанн (Маслов)*. Глинская Пустынь. М., 1992. С. 35).

⁴⁶ *Адвентисты 7-го дня* (от лат. *adventus*, пришествие) — наиболее распространенный в России и Западной Европе толк секты американского происхождения, примыкающей к баптистам и имеющей особое пристрастие к Ветхому Завету. Основатель — простой фермер Вильям Миллер (1781—1849). Периодически обновляемые сроки пришествия Христа этой секты совпадают с предсказаниями иудейских раввинов (см.: *Прот. Митрофан Энско-Боровский*. Православие, римско-католичество, протестантизм и сектантство. Изд. Св.-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 141). Адвентисты 7-го дня называются так потому, что не почитают воскресный, или первый день недели, а празднуют вместе с евреями субботу, или седьмой день недели. Подобно талмудистам они ожидают тысячелетнего их царствования, отвергая при этом бессмертие грешных душ и вечность мучений.

⁴⁷ *Иоанниты* (хлысты киселевского толка) — хлыстовская секта, возникшая из почитателей Св. прав. о. Иоанна Кронштадтского на основе неправославного мудрования

о его святости в конце XIX — начале XX вв. Уже в 1902 г. они представляли из себя хорошо организованную секту. Обогащали поселившуюся в 1895 г. в Оранненбауме мешанку М. И. Киселеву, умершую 12.11.1905. С 1906 г. издавали журнал «Кронштадтский маяк». Секта была осуждена в 1912 г. определением Св. Синода: «1) сектантов, так называемых “иоаннитов”, впредь именовать в официальных церковных актах и в миссионерской полемике с ними “хлыстами киселевского толка” или просто “хлыстами-киселевцами”, по имени главной основательницы Матрены (у сектантов — Порфирия) Ивановой Киселевой, умершей в 1905 г.; 2) Матрену (Порфирию) Иванову Киселеву, Назария Дмитриева, Василия Феодорова Пустошкина, Матфея — по прозванию Псковского (умершего) и Михаила Иванова Петрова, коим по преимуществу воздается кощунственное, богохульное и еретическое почитание, объявить основателями и распространителями хлыстовщины киселевского толка, а Николая Иванова Большакова (умершего), Ивана Артамонова Пономарева, Ксенофонта Виноградова и Илью Алексева Алексева — главными распространителями лжеучения названной секты; (...) 4) журнал “Кронштадтский маяк” с приложениями к оному и изданные редакцией названного журнала, особенно за подписями Н. И. Большакова и В. Ф. Пустошкина, брошюры (...) предать осуждению, как содержащие в себе и защищающие кощунственное, богохульное и еретическое учение секты хлыстов киселевского толка...» (Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Издательский отдел Московского Патриархата. 1993 (репринт с изд. 1913 г.). С. 1673–1674). Тем удивительнее было увидеть переизданную недавно (1995), по архипастырскому благословению, составленную редактором и издателем журнала «Кронштадтский маяк» Н. И. Большаковым книгу с фотографиями означенных еретиков.

⁴⁸ *Гностицизм* (от греч. *gnosis*, знание) — еретическое религиозно-философское течение, соединяющее христианские представления с древневосточными религиями, пифагорейством и неоплатонизмом. Существует начиная со II в. Гностические учителя осуждены Церковью.

⁴⁹ *Спиритизм* (от лат. *spiritus*, дух, душа) — суеверное представление о возможности общения с душами умерших через посредство (лат. *medium*) медиумов — людей, будто бы обладающих способностью быть проводниками между людьми и потусторонним миром. На деле во время спиритических сеансов их участники общаются не с человеческими душами, а с принимающими их образ бесами. Поначалу среди сторонников спиритизма числились многие серьезные писатели и ученые, например: В. И. Даль, П. Д. Юркевич, А. М. Бутлеров, М. В. Остроградский и др. Впоследствии под влиянием церковной проповеди и разъяснения сущности спиритизма интерес к нему в русском обществе снизился. На демонический характер «общения с духами умерших» указывали многие русские святые, в том числе свт. Феофан Затворник, преп. Амвросий Оптинский, прав. о. Иоанн Кронштадтский. (Троицкий Благовестник. № 38. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1992). После революции 1905 г. наблюдалось оживление спиритизма. Возникает 2-й спиритический журнал «Спиритуалист» (в добавление к уже существовавшему «Ребусу»). Достоин внимания, что главный редактор «Ребуса», морской офицер, впоследствии архимандрит Николай (Дробязгин), раскаялся в гибельном заблуждении и, проживая с 1914 г. в Киево-Печерской Лавре, начал обличение различных форм оккультизма. Он был ритуально убит осенью 1924 г. Редактор «Спирит-

туалиста» В. П. Быков возвратился в лоно Православия после исповеди у ног старца Нектария, став позже священником (см. его «Тихие приюты для отдыха страдающей души», Москва, 1913; репринт Св.-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1993). Фундаментальный разбор дьявольской сущности спиритизма предпринят им в труде «Спиритизм перед судом науки, общества и религии».

⁵⁰ *Спиритуализм* (от лат. *spiritualis*, духовный) — противное Христианству религиозно-философское учение, признающее дух сущностью и первоосновой мира.

⁵¹ *Оккультизм* (от лат. *occultus*, тайный, сокровенный) — общее название антихристианских учений, которые разрабатывают практические способы взаимодействия со сверхъестественными силами и феноменами, недоступными для научного исследования.

⁵² *Йогиизм* (от санскр. *yoга*, соединение) — индийское религиозно-философское учение, основание которого приписывается Патанджали (ок. I в. до Р.Х. — I в. по Р.Х.). Одно из ответвлений индуизма. Согласно учению йогов, главным на пути слияния индивидуальной души с божеством является система упражнений, ведущих к состоянию мистического экстаза и полного транса. Представления йогоизма широко распространялись в западноевропейской культуре с конца прошедшего столетия.

⁵³ *Теософия* (от греч. *theos*, Бог и *sophia*, мудрость, знание; дословно — богопознание) — различные формы невероисповедной антихристианской мистики, представители которой предпочитают непосредственный внутренний опыт человека авторитету церковных догматов. Теософами используются различные элементы языческих и дьяволопоклонных культов. Собственно теософией именуют учение Е. П. Блаватской (1831–1891), основавшей в 1875 г. в Нью-Йорке Теософское общество (вскоре его центр переместился в Индию, где функционирует и ныне). См. подробнее: *Р. Современная теософия и ее слабые стороны // Душеполезное Чтение. 1912. Ч. 3. С. 270–287, 402–418, 518–543.*

⁵⁴ *Монсиньор Анри Делассю (Mgr Henry Delassus)* — каноник кафедрального собора в Камбрэ (Франция), затем — епархии города Лилля, доктор богословия. Его труд «*La conjuration antichretienne. Le temple Maçonique, voulant s'élever sur les ruines de l'Eglise Catholique*» (Антихристианский заговор: Массонский храм, воздвигаемый на развалинах Католической Церкви) долгое время являлся одним из лучших разоблачительных исследований масонства.

⁵⁵ *Марк Туллий Цицерон* (106–43 до Р.Х.) — римский политический деятель, оратор, писатель.

⁵⁶ *Оракулы* (лат. *oraculum*, греч. *manteion*) — место, обыкновенно в святилище, где получали ответ, божества на заданный вопрос, а также само прорицание божества в эпоху античности.

⁵⁷ *Периандр* (627–587 до Р.Х.?) — тиранин Коринфа, где он собирал семь мудрецов для бесед; законотворец.

⁵⁸ *Семь мудрецов* — древнегреческие мыслители и государственные деятели VII–VI вв. до Р.Х. Различные авторы называют разные имена мудрецов, не все из сведений о них, дошедших благодаря античным источникам, достоверны. Чаще всего в числе 7 мудрецов называют: Фалеса, Бианта, Солона, Питтака, Клеобула, Хилона и Периандра. Некоторые из них (например, Фалес, Солон, Хилон) почитаются в Христианской Церкви в лике «эллинских философов».

⁵⁹ *Павсаний* (480—467 или 510—468 до Р.Х.) — спартанский царь, преемник Леонида. Изгнанный Кимоном (афинским стратегом, предводителем антиперсидски настроенной аристократии), Павсаний бежал, но был призван обратно в Спарту, где его вновь обвинял в связях с персами. Когда была перехвачена его переписка с Артаваздом, спрятался в храме Афины, где был заживо замурован спартанцами. Как бы во искупление этого злодеяния позднее, по велению оракула, рядом с храмом были установлены две бронзовые статуи Павсания.

⁶⁰ *Некромантия* (от греч. *пестос*, мертвый и *manteia*, пророчество, гадание) — гадание посредством общения с душами умерших.

⁶¹ *Тиверий (Тиберий) Клавдий Нерон* (42 до Р.Х.—37 Р.Х.) — соправитель римского императора Августа, затем — император (с 14 Р.Х.). Согласился с решением префекта преторианцев Сеяна о казни собственного сына Ливия Друза.

⁶² *Аппиан* (ок.100—ок.170) — греческий историк из Александрии.

⁶³ *Гомер* (VIII в. до Р.Х.?) — великий древнегреческий поэт-эпик.

⁶⁴ *Манифестация* (лат. *manifestatio*) — обнаружение, проявление.

⁶⁵ *Евреи-талмудисты* — иудеи, признающие в качестве мировоззренческого критерия талмуд (букв. с ивр. учение) — свод текстов разнообразного содержания (собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма), закончен в V в. Талмудизм является преобладающим течением в современном иудаизме.

⁶⁶ *Гипноз* (греч. *hypnos*, сон) — своеобразное, близкое к сну состояние человека и высших позвоночных животных, вызываемое внушением (гипнотизированием); применяется при лечении заболеваний. Отношение Церкви к гипнозу и людям, излечивающим этим методом (гипнотизерам), в основном отрицательное. Иногда публичный гипноз показывается как развлекательное действо.

⁶⁷ *Герметика* — собрание теософско-окультистских сочинений II—III вв., приписываемых Гермесу Тризмегисту (см. прим. 46 к разделу «Лжец...», 2 ч. наст. изд.). По содержанию являются смесью гностических, греческих, еврейских и египетских религиозных идей. Герметики — последователи этого учения, смыкающегося с масонскими представлениями.

⁶⁸ *Адепт* (лат. *adeptus*, достигший) — ревностный последователь какого-либо учения.

⁶⁹ *Симон-волхв* (Деян. 8, 9) — уроженец Самарии, прославившийся своей магией и выдававший себя за великую силу Божию. Уверовал во Христа и крестился, но по корыстному побуждению: хотел испросить себе у Апостолов за деньги дар низведения Св. Духа. Получив отказ, вновь обратился к волхвованию и был сброшен с воздуха на землю посредством молитвы Ап. Петра.

⁷⁰ *Манес, Мани* (216—277) — основатель оккультного религиозного учения (манихейства), связанного с гностицизмом и основанного на каббале. По происхождению еврей. Казнен. Его последователи именовали себя «детьми вдовы», как и масоны впоследствии. «Манихейство сыграло значительную, хотя и крайне негативную роль в человеческой истории. Антигностический манихейский культ буквально разлагал сильные и дееспособные народы и приводил к гибели крупнейшие государственные образования... Несомненной можно считать связь манихейства и постманихейских сект с теософией и масонством, столь влиятельным сегодня» (Ефремов А. В. Манихейство // Журнал историко-богословского общества. 1991. [№] 2. С. 67).

⁷¹ *Альбигойцы*, (или *катары*) — последователи религиозно-политического движения во Франции, Италии и Германии XI—XIV вв. против католической церкви, имевшего своей истоком манихейство; отвергали основные догматы Христианства, отрицали почитание креста, открыто провозглашая, что «еврейский закон лучше христианского». Именно ими был выдуман, принимаемый нами за католический, крест, «у которого недоставало верхней перекладины и на котором ноги Спасителя были сложены крестом и прибиты тремя гвоздями. Этот новый тип распятия вызвал много подражаний, пока, к великому смущению верных, не открылось, что он был сделан катарами в насмешку» (Г. Ч. Ли. История инквизиции в средние века. Т. 1. Изд. Брокгауз и Ефрон. 1911. С. 67). Одним из центров еретического движения был город Альби (французская провинция Лангедок). Секта была уничтожена в результате крестового похода, предпринятого против нее в 1209 г. папой Иннокентием III. Деяния секты популяризируются в серии романов А. и С. Голон «Анжелика» и их экранизациях, в художественном фильме «Ларец Марии Медячи» (автор сценария Е. И. Парнов).

⁷² *Якобинцы* — члены парижского политического клуба наиболее революционной, демократически настроенной части буржуазии во время Великой французской революции. По их словам, получили свое название от занятого ими помещения в монастыре святого Якова. На самом же деле название «якобинство» происходит от имени последнего великого магистра ордена тамплиеров (предтечи масонства) *Жака де-Молэ*, закончившего свои дни на костре по приговору короля Франции Филиппа IV Красивого. По масонским преданиям, он, будучи объят пламенем костра, проклял короля и весь его последующий род. Отсюда клеветническая по отношению к французской монархии серия романов популярного французского писателя-масона Мориса Дрюона получила название «Проклятые короля». По масонской версии, как Столетняя война с Англией и конец династии Капетингов, так и великая французская революция явились следствием «проклятия великого магистра», что истине, конечно, не соответствует, ибо историей, как мы веруем, управляет Божественный Промысл.

⁷³ *Социалисты* (от лат. *socialis*, общественный) — разнообразные последователи социалистических (коммунистических) общественно-политических учений. Стремятся к коренной, преимущественно насильственной реформе общественно-экономических отношений, выражающейся, в первую очередь, в обобществлении собственности и уравнивании в политических правах всех граждан. Необходимостью такой реформы обычно выставляется неравномерное распределение земных благ. Наибольшее распространение среди коммунистическо-социалистических теорий получили марксизм, «марксизм-ленинизм».

⁷⁴ *Каббала* (ивр. предание) — мистико-магическое течение в иудаизме. Широкую известность получает, начиная с XIII в., посредством евреев Испании. «Практическая каббала основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов, молитв и внутренних волевых актов человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс истории. С XV в. интерес к каббале распространяется в кругах христианских ученых Европы. Поверхностное усвоение символов каббалы можно видеть в обиходе масонов», — пишет крупнейший советский специалист по каббале С. С. Аверинцев.

⁷⁵ *Халдея* — другое название Вавилонии (библейская страна Сенаар — Быт. 10,10). Находилась в Азии между реками Тигром и Евфратом.

⁷⁶ *Персия* — царство в древней Азии. Его пределы изменялись в разные эпохи.

К началу века граница Персии проходила рядом с Грузией, Каспийским морем, Афганистаном, Белуджистаном, Персидским заливом, Турцией. Большая ее часть находится на территории Ирана.

⁷⁷ Луи Себастьян Мерсье (Merçier, 1740—1817) — французский писатель-масон, во время революции состоял членом Конвента. Имеется современное издание его романа на русском: Год 2440: Сон, которого, возможно, и не было, Л., 1977. 238 с. (Серия «Литературные памятники»).

⁷⁸ Конвент (лат. conventus, собрание, совет) — название выборных органов с особыми законодательными полномочиями. Имеется в виду французский конвент времен революции 1789 г.

⁷⁹ «О духе законов» (1748) — сочинение французского философа-просветителя Ш. Л. Монтескье. См. прим. 49 к «Корню зла».

⁸⁰ Чезаре Беккария (Beccaria, 1738—1794) — маркиз Бонезана, знаменитый итальянский криминолог, иезуит. Еще на школьной скамье, увлекшись французскими энциклопедистами, Беккария по окончании университета организовал общество молодых писателей «Il Caffè», мечтавших о коренных общественных преобразованиях, в частности, о реформе уголовной юстиции. Прославился благодаря трактату «Dei delitti e delle pene» (О преступлениях и наказаниях, 1764; франц. перевод 1856, русский — 1879), который написал в 26-летнем возрасте. Успех трактата был колоссален и оказал влияние на дополнительные тома французской энциклопедии. Выступил за отмену смертной казни, против тайных доносов.

⁸¹ Анри Роже Гужено де Мюссо (Gougenot des Mousseaux, 1805—1876) — французский историк и публицист. Автор книги «Le Juif, le judaïsme et la judaïsation des peuples chrétiens» (Еврей, иудейство и иуданизация христианских народов, 1869).

⁸² «Русское Знамя» (СПб.) — ежедневная газета, печатный орган Союза Русского Народа. Выходила с 27.11.1905 по март 1917 г. Редактор-издатель А. И. Дубровин, заместители ред.: кн. М. Н. Волконский, Л. Е. Катанский, Н. И. Еремченко.

⁸³ «Биржевые Ведомости» — ежедневная петербургская политическая, общественная и литературная газета либерального направления. Закрыта в 1917.

⁸⁴ Охранное отделение (до 1903 г. — Отделение охранения общественной безопасности и порядка) — местный орган политического сыска в России. Петербургское охранное отделение было создано первым (1866) и просуществовало до февраля 1917 г. Охранные отделения занимались политическим сыском революционных организаций и отдельных революционеров.

⁸⁵ Биография и описание мученической кончины начальника петербургского охранного отделения полковника Карпова († 1909) включены в «Книгу русской скорби» (СПб., 1907, т. VI). В настоящее время архив Охранного отделения находится в США.

⁸⁶ Государственная Дума (1906—1917) — высшее законосовещательное учреждение, состав которого избирался населением России. Думы созывались 4 раза. Организационное устройство Государственных Дум всех созывов определялось «Учреждением Государственной Думы» 20.2.1906. Аппарат состоял из общего собрания и канцелярии. Члены Думы распределялись по партийным группам — фракциям.

⁸⁷ Кузнецов — депутат III Государственной Думы (1.11.1907—9.6.1912).

⁸⁸ «Бессарабская Жизнь» (Кишинев, 1904—1916) — ежедневная политическая, ли-

тературная, общественная и экономическая газета православно-монархического направления. Другие названия: «Бессарабия», «Бессарабский Край», «Бессарабский Вестник», «Сегодняшняя Бессарабская Жизнь».

⁸⁹ *Антисемизм*, совр. *антисемитизм*. (от гр. *anti-*, приставка, обозначающая противоположность) — форма национальной нетерпимости, выражающаяся во враждебном отношении к евреям (считающихся потомками Св. праотца Сима). 11–12.9.1882 в Дрездене прошел I Международный антисемитический конгресс, принявший свой манифест, в котором рассматривалась угроза всестороннего порабощения евреями арийского (христианского) и арнализированного мира. См.: Куличев В. Антисемиты. М., 1907. После поражения гитлеровской Германии, составной частью государственной идеологии которой являлся антисемитизм, окончательно осужден мировой общественностью.

⁹⁰ *Арийский* (санскр. *aryja*, верный, чистый, благородный) мир — синоним выражения «Христианский мир», территория расселения народов индоевропейской (арийской) языковой семьи, имеющих общее (в основном, яфетическое происхождение). В настоящее время употребляется редко, т.к. наименование «арийский» было опорочено гитлеровцами.

⁹¹ *Великий Князь Николай Николаевич Младший* (1856 †1929) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1901). Не избежал увлечения оккультизмом, личностью д-ра Папюса (см. прим. 48 к разделу «Лжец...» 2 ч. наст. изд.). В 1905–1914 гг. командующий войсками гвардии Петербургского военного округа. Верховный Главнокомандующий (с 20.7.1914 по 23.8.1915). Наместник Императора на Кавказе, главнокомандующий кавказской армией и войсковой наказной атаман кавказских войск. Постоянно сотрудничал с масонами, по некоторым данным и сам состоял в одной из лож. В феврале 1917 г. склонял Государя к отречению, «умоляя» его об этом «колелопреклоненно». Выходил за рубеж в марте 1919 г. Умер в Антибе (Франция).

⁹² *Святитель Игнатий (Брянчанинов)* — Епископ Ставропольский (в миру Дмитрий Александрович, 5.2.1807 †30.4.1867). Духовный сын Оптинского старца Льва (Леонида). В своих многочисленных сочинениях изложил аскетическое учение святых отцов Церкви применительно к условиям современности.

⁹³ Впоследствии *архиепископ Серафим* (в миру Николай Борисович Соболев, 1.12.1881 †13/26.2.1950) — выдающийся православный богослов и апологет XX в. В 1904 г., блестяще сдав вступительные экзамены, поступил в Петербургскую Духовную Академию. Будучи студентом, неоднократно посещал св. прав. о. Иоанна Кронштадтского. На 4-м курсе Академии был пострижен в монашество с именем Серафим — в честь преп. Серафима Саровского — ректором, еп. Сергием (Страгородским). По окончании Академии занимал преподавательские должности в различных духовных учебных заведениях России, в частности, с 1909 по 1911 гг. был помощником смотрителя духовного училища в Калуге. В этот период он часто ездил в Оптину Пустынь, где посещал старцев Анатолия (Потапова), Варсонофия и Иосифа. О. Анатолий относился к нему с особенной любовью и был его духовником. 1.10.1920 в Симферополе архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Лубенского (по др. сведениям — во еп. Богучарского, викария Полтавской епархии). Вскоре после этого покинул Родину и оказался в Константинополе. В августе 1921 г. назначен Управляющим Русскими православными общинами в Болгарии, где и провел оставшуюся часть своей жизни, скончавшись в сане

архиепископа. Как богослов вл. Серафим известен своими апологетическими трудами, среди которых особое место занимают опровержение софианской ереси прот. Сергия Булгакова и изобличение заблуждений митр. Антония (Храповицкого) относительно догмата искупления (подробнее см. его: «Искажение Православной Истины в Русской Богословской мысли». София, 1943). Святитель почил о Господе в 1950 г. и погребен в Русской церкви Свт. Николая в Софии. Со дня его праведной кончины гробница при-снопоминаемого владыки является источником непрекращающихся чудес (см.: [Архимандрит Пантелеимон (Старицкий)]. Святитель Серафим Соболев: Жизнеописание и сочинения. М.: Изд. бр-ва преп. Германа Аляскинского, 1992).

⁹⁴ Амвон (от греч. *anabainw*, восхожу) — особенное возвышение от средины солеи против священных дверей алтаря в православном храме. Предназначен для того, чтобы чтение слова Божия, пение Псалмов и возгласы диаконов были слышны для предстоящего народа. С амвона могут произноситься проповеди.

⁹⁵ Запричастный (причастный) стих, киноник (греч. *koinonikos*) — при его приглашении священнослужителя в алтаре приобщаются Св. Таин. Составляется или из слов Священного Писания, или из других Церковных песней и протяжно поется. Любой причастен заканчивается троекратным «аллилуиа».

⁹⁶ С. И. — Более поздний вариант видения С. И. Снеессоревой опубликован в: На берегу..., Ч. 2, С. 32–34. См. также: Соколов Л. А. Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и литературная деятельность. Киев, 1915. Ч. 1. С. 335–337.

⁹⁷ Солея (лат. *solium*, престол) — возвышение пред алтарем, идущее от южной стороны храма до северной.

⁹⁸ Ср. в Дневнике послушника Николая Беляева запись 19.4.1908: «Еще в прошлую беседу про Игнатия Брянчанинова Батюшка [Варсонофий] сказал:

— Вы не знаете, что это было, когда хоронили Епископа Игнатия?

— Нет, Батюшка.

— Ангелы дорносили его душу и пели: «Архiereю Божий, святителю отче Игнатие...» Вот была ангельская песнь!..»

⁹⁹ Великая агиасма (от греч. *agios*, святой; букв. святыня) — Богоявленная вода, освященная великим освящением.

¹⁰⁰ Федор Иванович Тютчев (23.11.1803 † 15.7.1873) — русский государственный деятель, дипломат, поэт, историкософ.

¹⁰¹ А. И. Введенский (псевдоним Басаргин) — Профессор Московской Духовной Академии по каф. истории философии Алексей Иванович Введенский (1861 † 1913) являлся постоянным сотрудником «Московских Ведомостей», стал помещать «Критические заметки» с № 258 за 1898.

¹⁰² «Желтый Дракон» — иносказательное обозначение угрожающей России опасности со стороны Китая и Японии. В этих странах дракон считается верховным священным символом, родоначальником императорских династий.

¹⁰³ Борьба с мельницами — эпизод романа испанского писателя Мигуэля де Сервантеса «Дон-Кихот». Обозначает бесполезную, но трудоемкую борьбу с мнимым (недостижимым) противником, попытку устранить неустранимые препятствия.

¹⁰⁴ Тантал — в греч. мифологии герой, сын Зевса и Плуто. За преступления, совершенные против олимпийских богов, был наказан вечными мучениями в подземном

царстве (стоя по горло в воде, он не мог напиться, т.к. вода тотчас отступала от его губ и т.п.), которые получили название «танталовых мук».

¹⁰⁵ «И бомба не разорвет!..» Предсказание о Иоанна (Салова) в точности исполнилось во время гражданской войны. По воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой, Елена Александровна рассказывала ей, что однажды, когда они с мужем ехали под обстрелом в тарантасе, рядом с ними разорвалась бомба, но их совершенно не задела.

¹⁰⁶ Скорее всего, имеется в виду М. М. Булгак (см. раздел «Оптинская смута» во 2 ч. наст. изд.).

¹⁰⁷ *Comme il faut* (фр.) — букв.: как нужно, как следует.

¹⁰⁸ Ваал (Балу, господин) — хамитское (преимущественно ханаанское) языческое божество. Ему приносились человеческие жертвы. Поклонение Ваалу усвоила богоотступническая часть древних евреев, за что наказывалась Господом.

¹⁰⁹ Князь Владимир Красное Солнышко — былинное название двух Великих Князей-Рюриковичей Киевского периода Древней Руси: Св. Владимира I Святославича (980—1015) и Владимира II Всеволодовича Мономаха (1113—1125). Именно эти два Вел. Князя особенно заботились об укреплении рубежей Русского государства, с чем связано бытование сказаний о богатырских заставах.

¹¹⁰ Речь идет об обители «Отрада и Утешение», основанной м. Софией (Гриневой).

Святитель Иоанн Милостивый, Патриарх Александрийский († 12.11.620), прозван так за любовь к бедным. Мощи его находятся в Венгрии (Пресбург), глава — в Пантократорском монастыре, часть руки — в Ватопедском, на Афоне.

¹¹¹ Духовная консистория с 1744 г. была создана при каждом, возглавлявшем епархию, архиерее. Являлась родом духовного правления (коллегии), ведала личным составом духовенства, борьбой с ересями и расколом. Консистории заведовали церковным хозяйством, судили духовных лиц и прихожан (последних — по бракоразводным делам).

¹¹² Архиепископ Иннокентий Карталинский и Кахетинский (в миру Иван Васильевич Беляев, 23.9.1862 † 9.9.1913) — Экзарх Грузии с 7.12.1909, духовный писатель. 14.11.1910 награжден бриллиантовым крестом с правом ношения на клобуке. Скончался в доме Духовного Ведомства от паралича сердца. Согласно пожеланию, погребен на братском кладбище Александро-Невской Лавры рядом с могилой митрополита Антония (Вадковского), своего учителя.

¹¹³ Рассуждая так, Нилус имеет в виду злодейское убийство 28 мая 1908 г. Экзарха Грузии, архиепископа Никона (в миру Николая Андреевича Софийского, 14.5.1861 † 28.5.1908) автокефалистами. Св. Синодом было предписано совершать поминовение убиенного по всем церквам Империи. На 40-й день по кончине (6.7.1908) в Скиту Оптинной Пустыни была отслужена заупокойная литургия, а в монастыре по окончании поздней обедни была о. Настоятелем с о. Скитона начальником и несколькими вероисповедниками «совершена панихида по покойному архиепископе, за которой присутствовали и скитяне» (ОР РГБ. Ф. 214.367. 4.7.1908). Грузинские убийцы вл. Никона были пойманы и при попытке бежать застрелены. По решению Кавказского военно-окружного суда, конвойные (урядник и 4 казака) были приговорены к смертной казни, но помилованы Высочайшим распоряжением ввиду многочисленных протестов русских людей (Двуглавый Орел. 1911. № 27. С. 1—2; № 30. С. 3).

¹¹⁴ По-видимому, Сергей Александрович использовал «Жизнеописание схимонаха Оптиной Пустыни Николая (Турка)», 1893? (ОР РГБ. Ф. 214.310. 78 л.).

¹¹⁵ *Иеродиакон Мартирий* (в миру Максим Мелехов, 1832 † 2.1.1908). Из купеческого звания, получил домашнее образование. Вступил в братство Оптиной Пустыни 8.7.1864, пострижен в монашество 18.6.1872. Запись в Скитской Летописи 2.1.1908: «Сегодня утром скончался в монастырской больнице после продолжительной болезни (рака в желудке) скитский иеродиакон о. Мартирий. Был усердным и благоговейным служителем алтаря Господня» (ОР РГБ. Ф. 214.367).

¹¹⁶ *Блаженный Андрей Христа ради юродивый* († 936) сподобился вместе со своим юным почитателем св. *Епифанием* (будущим Константинопольским Патриархом Поляевком, 956—970) видения Пресв. Богородицы во Влахернском храме, которое послужило основанием для установления в Русской Православной Церкви великого праздника Покрова Пресвятыя Богородицы (1 окт. ст.ст.).

¹¹⁷ *Схимонах Николай* (Лопатин, † 10.5.1893). См. о его кончине: *Схиархимандрит Варсонофий* (Плиханков). Келейные записки 1892—1896 гг. М., 1991. С. 21. Как указывает Скитская Летопись, 10.4.1910 Леонидом Егоровичем Лопатыным (родственником подвижника) были пожертвованы в скитскую ризницу облачения для соборных служений, исполненные в «стиле эпохи 1-го века христианства», за упокой о. Николая.

¹¹⁸ Ср. высказывание старца Нектария о подобии Оптинского общежития — райскому (На берегу... 1.9.1909).

¹¹⁹ *Праведный Филарет Милостивый* († 792). Память 1 декабря ст. ст.

¹²⁰ *Иеромонах Евфимий* (в миру Ермоген Ермилович Трунов, 1809 † 1885) — бытописатель Оптиной Пустыни, происходил из дворян. Прибыл в монастырь 4.8.1831, зачислен в братство 5.2.1836. 4.8.1840 пострижен в мантию. 29.8.1850 рукоположен во иеромонаха. Его келейные записки положены в основу книги С. А. Нилуса «Святые под спудом» (1911).

¹²¹ С. А. Нилус имеет в виду 4-е, последнее прижизненное (учитывающее волю автора) издание своей книги, выпущенное при содействии архиепископа Никона (Сергиев Посад, 1917).

¹²² *Осип Дымов* — литературный псевдоним Осипа Исидоровича Перельмана (1878—1959).

¹²³ *Мене. Текел. Упарсин.* (Дан. 5, 25—28) — слова, чудесно начертанные перстами руки человеческой на стене дворца во время пиршества вавилонского царя Валтасара (Бел-шар-уцур, соправителя Набонда с 549 до Р.Х.). Призванный пророк Даниил объяснил их смысла следующим образом: Бог исчислил царство твое, оно взвешено на весах и разделено. В ту же ночь Валтасар был убит персами, и на Вавилонский престол вступил Дарий Мидянин.

¹²⁴ Неточность. *Иеродиакон Мартирий*. См. прим. 115.

¹²⁵ *Блаженная Прасковья Ивановна Дивеевская* (в миру Ирина, крепостная помещиков Булыгиных, 1795? † 22.9.1915). О ее кончине С. А. Нилус, лично знавший блаженную, писал: «Погасла великая свеча; затмился столп огненный, досязавший от земли до самого неба; смежились вещи очи; замкнулись навеки пророческие уста: оспротело православное сердце...» (Троицкое Слово. 1915. № 346. С. 725). В № № 346

(С. 725—30), 347 (С. 743—47), 348 (761—65) «Троицкого Слова» за 1916 г. опубликован очерк Нилуса о м. Прасковье Ивановне в расширенном варианте вошедший в издание «На берегу...» (1969). В журнальной публикации Сергей Александрович опустил некоторые места, касавшиеся его лично.

¹²⁶ Эта глава представляет собой выписки С. А. Нилуса из «скитских дневников» послушника Льва Александровича Кавелина (22.2.1822 † 22.10.1891, в монастыстве Леонида, в будущем архимандрита, наместника Св.-Троице Сергиевой Лавры), выдающегося русского ученого-археографа и подвижника, духовного сына Оптинского старца Льва и ученика старца Макария.

¹²⁷ Иван Васильевич Киреевский (22.3.1806 † 12.6.1856) — русский философ, историк, писатель, богослов. Духовный сын Оптинского старца Макария.

¹²⁸ Наталия Петровна Киреевская (урожденная Арбенева, 1809 † 14.3.1900) — супруга И. В. Киреевского, духовная дочь Преп. Серафима Саровского, благотворительница Оптиной Пустыни, книгоиздательница. Ведший в 1900 г. Скитскую Летопись будущий старец Варсонофий писал о ее кончине: «Март[а] 19. Воскресенье. [...] Сегодня вечером привезено из Москвы в Оптину Пустынь тело в Бозе почившей Натальи Петровны Киреевской, благодетельницы Скита и Монастыря. На иждивении ее была издана большая часть святоотеческих творений братией Скита под руководством Старца о. Макария. На ее же средства устроен был придел во имя Препод. Макария Египетского в скитском Храме. Иконы в сем приделе высокой художественной работы и были исполнены в Москве.

Воспитанная в строго церковном духе, Н. П. имела решающее влияние на образ мыслей и перемену в религиозных убеждениях своего мужа, известного русского ученого и писателя Ив[ана] В[асильевича] Киреевского в смысле полной и искренней преданности его Св[ятой] Православной Церкви. В свою очередь и сам Киреевский повлиял в том же смысле на своих друзей — на знаменитых писателей: Гоголя, Аксакова, Хомякова и друг[их], а чрез них и на большую часть русского образованного общества. В этом заключается великая заслуга покойной перед Церковью и Отечеством. В замужестве Н. П. была 22 года, с 1834 по 1856 год. По смерти мужа жила некоторое время в своем имении, селе Долбине, близ г. Белева, а затем в Москве, где и скончалась. При жизни Старца о. Макария была его духовною дочерью, пользуясь его полным доверием и любовью о Христе, а также многих выдающихся духовных иерархов, особенно Московского Митрополита Филарета и светских высокопоставленных лиц. Родилась в 1809 году и преставилась 14 марта сего года во вторник третьей седмицы Великого поста, на 92 году от рождения.

Одновременно с сим прибыла дети покойной Н[иколай] Ив[анович] и М[ария] Ив[ановна] Киреевские. Первый служит по ведомству Госуд[арственного] Контроля, а вторая Начальницей Варшавской Женской Гимназии.

Мар[та] 21. Вторник. Сегодня после заупокойной литургии и панихиды (отпевание покойной было совершено в Москве), в Казанском Соборе братия Монастыря и Скита изнесли на руках гроб покойной и опустили в склеп, устроенный рядом с могилою ее мужа И[вана] В[асильевича] и брата его П[етра] В[асильевича] Киреевских.

Мир душе твоей доблестная и боголюбивая раба Божия и да упокоит тебя Господь во Царствии Своем за благочестивую твою жизнь и любовь к иночеству» (ОР РГБ.

Ф. 214.367. ЛЛ. 17—18об). Подробнее о Киреевских см.: *Афанасьев В. Супруги Киреевские // Глаголы Жизни. 1992. № 1 (2). С. 46—60.*

¹²⁹ *Иеромонах Мелетий* (в миру Михаил Иванович Ангимонов) — бывший насельник Оптиной Пустыни, брат старца Схвархимандрита Исаакня (настоятеля Оптиной с 19.7.1862).

¹³⁰ *Митрополит Филарет* (в миру Феодор Георгиевич Амфитеатов, 1779 † 21.12.1857) был на Киевской и Галицкой кафедре с 1837 по 1857 гг. Калужскую и Боровскую епархию Владыка возглавлял с 1819 по 1825 гг.

¹³¹ *Епископ Стефан* — неустановленное лицо.

¹³² *Императрица Мария Александровна* (27.7.1824 † 22.5.1880) — супруга Александра II, дочь великого герцога гессенского Людвиг II, в девичестве принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария. Основательница общества Красного Креста в России.

¹³³ *Митрополит Антоний Санкт-Петербургский и Ладужский* (в миру Александр Васильевич Вадковский, 3.8.1846 † 2.11.1912) — известный церковный деятель начала века. Его либерализм зачастую вызывал непонимание в среде верноподданнического духовенства и мрян (крайним выражением этого явилось Открытое письмо ему председателя Союза Русского Народа А. И. Дубровина (Московские Ведомости. 1906. №№ 294—295)). По свидетельству обновленческого митрополита *Вениамина (Муратовича)*: «Сочувствуя обновленческому движению в Церкви, Владыка Антоний с симпатией относился ко всем своим подчиненным пастырям, тяготевшим к обновлению («тридцать два», священник Петров и др.). Он старался облегчить свободу учащейся молодежи, которая за свое тяготение к либерализму подвергалась репрессиям. Защищал бывшего ректора академии и студентов ее, отслуживших панихиду по Шмидте, вступив в пререкания со всевышним тогда Победоносцевым и членами Синода, относившимися враждебно к тогдашнему революционному движению. Долго он защищал и своего либерального vicar, преосвященного Антонина, подвергшись из-за него опале при Дворе...» (15.5.1927; цит. по: *Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965. Mitropolit Manuil (Lemeševsky). Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Eglangen, 1979. Т. I. S. 268*). Многие верноподданные архiereв, в том числе архиепископы Антоний (Храповицкий), Серафим (Чичагов), неоднократно требовали выдворения митрополита Антония из Святейшего Синода.

¹³⁴ *Мария Дмитриевна Кашкина* (урожд. графиня Бутурлина, † после 1934) — жена помещика Кашкина, сына Николая Сергеевича Кашкина (1829 † 1914, бывшего петрашевца (готовили царевубийство), государственного и общественного деятеля), знакомого Ф. М. Достоевского. Именне Кашкиных располагалось в с. Нижние Прыски. Н. С. Кашкин необоснованно пытался возбудить судебный иск против Оптиной пустыни из-за земли, якобы принадлежавшей ему (см. подробнее: *Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1993. С. 251—252*). Кашкины отрицательно относились к С. А. Нилусу, что сказалось на бездоказательных преувеличениях, касающихся «темных сторон» личности «авантюриста и шарлатана Нилуса», допущенных М. Д. Кашкиной в показаниях 1.6.1934 на Бернском процессе.

¹³⁵ Храм Святителя Николая Чудотворца, что в Подкопаях. Подкопаевский пер. 15/7. Упоминается как каменный в 1686, обновлен в 1700. Колокольная XVIII в. Главный престол в честь Казанской иконы Божией Матери. Другой придел Преп. Сергия. В 1855 г. церковь отдана для подворья Александрийского Патриархата.

¹³⁶ *Комета Галлея* — названа в честь Э. Галлея, предсказавшего ее возвращение в 1758 г. и тем доказавшего, что она — член Солнечной системы. Период обращения кометы около 76 лет. С 446 до Р. Х. по 1909 г. она появлялась на небе 29 раз.

¹³⁷ *Волапук* — всемирный язык, изобретенный баденским пастором И. М. Шлейером, издавшим «Грамматику всеобщего языка для всех жителей Земли» (1880). Исходный язык — английский. Несмотря на свою искусственность, быстро распространился и вызвал ряд съездов. В 1887 была организована «Международная академия Волапука» (Мюнхен). В 1889 число волапукистов достигло миллиона. Но с начала 1890-х гг. наблюдается спад. Из подражателей Шлейера наиболее известен французский коммерсант Л. Боллак, автор «голубого языка».

¹³⁸ *Эсперанто* — наиболее широко распространенный международный язык. Назван от псевдонима создателя проекта Л. Л. Заменгофа, варшавского еврея, — *Doktoro Esperanto* (надеющийся). Словарный состав эсперанто основан на лексике, общей для основных европейских языков. Грамматика и система словообразования строго регламентированы. Латинский алфавит. Идея создания нового языка для объединения человечества является богоборческой уже по своей сути, ибо разделение языков произошло по воле Всевышнего (Быт. 11, 7). В июне 1909 г. существовало 1419 обществ эсперантистов, в 1910 г. — 1538. На русском языке издание журнала эсперанто было разрешено только в 1904 г., тогда же образовано общество эсперантистов. В 1920-е гг. идею международного языка поддерживали большевики.

¹³⁹ *А. Н. Харузин* — в 1900-х — статский советник, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел, в 1910-х — гофмейстер, тайный советник.

¹⁴⁰ *Яков Шифф* (Schiff, ум. 1931) — американский банкир еврейского происхождения, родственник семьи Варбург. Возглавлял до 1920 компанию Cup, Loeb и Co. Поддерживал личную дружбу с Л. Д. Троцким. 18.2.1912 Я. Шифф в ответ на расторжение торгового договора России с США 1832 г. (по причине дискриминации российскими властями американских граждан еврейского происхождения на своей территории; многие из них были вчерашними российскими гражданами) на многолюдном митинге заявил: «Конечно, не худо отменить договор, но лучше того освободиться навсегда от царского деспотизма. Собрать фонд, чтобы послать в Россию оружие и руководителей, которые научили бы нашу молодежь истреблять угнетателей как собак! Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным народом! Собирайте деньги — деньги это могут сделать». Это обращение обошло многие газеты Америки и Европы. По собственному признанию Шиффа, он истратил на подготовку революции в России 20 млн. долларов, из них — 12 млн. до войны 1914 г. (Дорба. Указ. соч. С. 258—259).

¹⁴¹ *Монах Феодосий* (в миру Феодор Ширнин, † 3.1910).

¹⁴² *Иеромонах Варлаам* (в миру Владимир Петров, 1840/41 † после 1906) — вступил в братство Опгвной Пустыни 23.1.1864, пострижен в мантию 20.12.1873. Посвя-

щен в иеромонахи 30.9.1884. 15.9.1895 перемещен в Калужский Рождественский Лаврентьев (кафедральный) монастырь, с сентября 1896 — эконо́м Калужского архиерейского дома. 6.5.1900 возведен в сан игумена. 2.1.1903 согласно прошению перемещен в Оптину Пустынь.

¹⁴³ Пристав — полицейский чин.

¹⁴⁴ «...живущий в больнице на покое» — Судя по всему им являлся духовно близкий о. Нектарий старец схииеромонахит Агапит (в миру Алексей Иванович Беловидов, 1843 †23.2.1922) — родился в семье священнослужителя. После окончания Тамбовской духовной семинарии поступил в Оптину пустынь, где был пострижен в мантию (17.6.1872). Рукоположен во иеродиакона (28.8.1873), а потом во иеромонаха (28.7.1876). Настоятель Тихвинского Покровского Доброго монастыря (4.8.1883), игумен (13.4.1890). Настоятель Мещовского Георгиевского монастыря (с 30.9.1894), архимандрит (26.5.1896) и местный благочинный (с 19.9.1896). Ушел на покой, проживая, согласно собственного прошения, в Иоанно-Предтеченском скиту (с 24.10.1897). Духовный писатель. Его перу принадлежит написанное по соборному благословию оптинских старцев «Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. В двух частях» (М. 1900), задумавшееся как наиболее полный материал для грядущей канонизации святого, а также «Житие Молдавского старца Паисия Вельчковского» (Издание Оптиной пустыни. 1906). Духовно окормлял ограниченное число оптинской братии, в числе которых были старцы о. Варсонофий и о. Нектарий (на избрании старцем последнего впоследствии особенно настаивал о. Агапит). Из-за болезни ног выбыл из состава братства Иоанно-Предтеченского скита (1907) и был помещен в монастырскую больницу, в которой пребывал до самой кончины.

¹⁴⁵ У Ф. И. Тютчева: *В нагоде...*

¹⁴⁶ Схиигумен Марк (в миру Михаил Чебыкин, 1841 †18.3.1909) — оптинский подвижник. Происходил из духовного звания, окончил Костромскую духовную семинарию по II разряду. Вступил в братство Оптиной Пустыни 9.9.1855, пострижен в мантию 7.9.1857, посвящен в иеромонахи 11.6.1863. 20.6.1869 назначен исполняющим должность настоятеля Георгиевского Мещовского монастыря, 18.9.1870 утвержден в этой должности. 9.5.1874 возведен в сан игумена. В 1879 г. уволен на покой, проживал в Пафнутиево-Боровском монастыре. Указом калужской консистории 8.10.1882 возвращен в Оптину Пустынь под особый надзор настоятеля. За несколько лет до кончины принял тайную схиму.

¹⁴⁷ Калужская Тихонова Пустынь во имя Трех Святителей в 15 верстах от г. Медыни на берегу р. Вепрейки. Основана преп. Тихоном Медынским, Калужским (†1492).

¹⁴⁸ Игумен Моисей (в миру Михаил Федоров, 1814 † после 1858) — оптинский постриженник (вступил в братство 14.4.1839, пострижен в мантию 17.11.1846), рукоположен во иеромонахи 19.6.1855. С 1858 г. — в должности строителя Тихоновой Пустыни (ОР РГБ. Ф. 213.1.1. Л. 736об-737).

¹⁴⁹ Епископ Григорий (Миткевич) Калужский и Боровский (с 9.12.1851 †1881) — хиротонисан из ректоров Казанской духовной академии; 20.4.1869 пожалован в архиепископа. Оказывал покровительство Оптиной Пустыни и монастырскому старчеству. Его аскетизм напоминал устройство древних отшельников. Скончался на Пасху.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предуведомление</i>	3
<i>Сергей Александрович Нилус. Краткое жизнеописание автора</i>	9
КОРЕНЬ ЗЛА: ИСТИННАЯ БОЛЕЗНЬ РОССИИ	49
РЕЧЬ С. А. НИЛУСА В МЦЕНСКОМ КОМИТЕТЕ	83
БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ СЕРАФИМО-ДИВБЕЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МАРИИ	98
ДУХОВНЫЕ ОЧИ.....	101
СКАЗАНИЕ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ЕЯ ИВЕРСКОГО ЯВЛЕНИЯ И О ЧУДОТВОРНОЙ ЕЯ ИКОНЕ ИВЕРСКОЙ.....	103
ДЛЯ ЧЕГО И КОМУ НУЖНЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ?.....	122
НЕБЕСНЫЕ ПЕСТУНЫ	146
ОДИН ИЗ ТЕХ НЕМНОГИХ, КОГО ВЕСЬ МИР НЕДОСТОИН.....	149
ЗВЕЗДЫ ПУСТЫНИ	170
ТАЙНА ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА.....	191
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДНЕ ВТОРОГО СТРАШНОГО ПРИШЕСТВИЯ ГОСПОДА ИСУСА ХРИСТА И КОНЧИНЫ МИРА.....	202
НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ.....	213
<i>Комментарии</i>	379
<i>Содержание</i>	434

ЛР 060430 от 25.11.91.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
«Православный паломник»
в типографии АО «Молодая гвардия». Формат 70×100¹/₁₆.
Зак. 57417. Печать офсетная. Объем 27 п. л.+3 вкл.
Адрес АО «Молодая гвардия»: 103030, Москва, Суцневская, 21.
Адрес издательства: 117454, Москва, а/я 21.